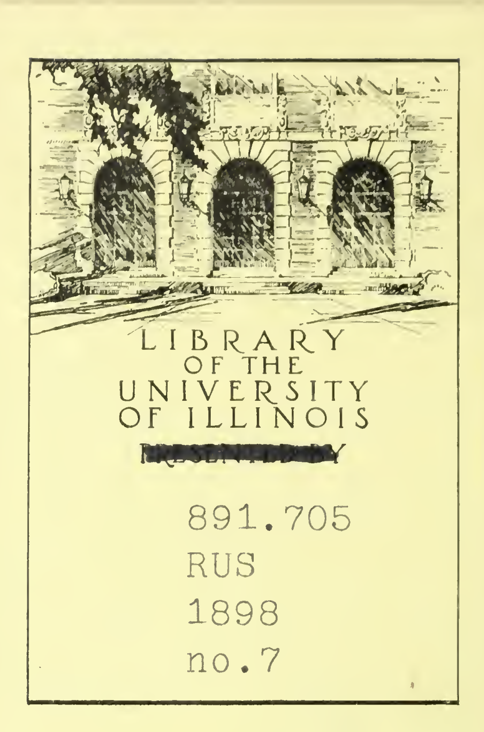


сортовъ водки—40° и 57°—мѣст
употребленію болѣе крѣпкой водки,
(т.-е. собственно спиртъ) и выража
дажѣ, вмѣсто этого, была водка от

Въ числѣ частныхъ поправокъ
дажи вина, съ цѣлью достигнуть у
пожеланіе нѣкоторыхъ уменьшенія
продажи его въ посудѣ менѣе 1/20
что въ министерствѣ финансовъ уж
ятіи мелкой посуды изъ обращені
такая мѣра признана неудобной и,
дущей къ уменьшенію уличнаго пь

Бессарабскій губернскій предво
на акцизныя стѣсненія землевладѣ
нымъ виномъ собственнаго производ
страдаетъ виноградарство, но и нас
ждено покупать водку, вмѣсто того
ное вино (стр. 34).

Волынскій губернскій предводит
при существовавшей прежде повсем

РУССКАЯ

М... Ь.

...ЫЙ.

МОСКВА.

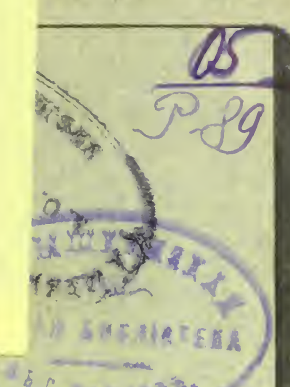
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская улица, собствен. домъ.

1898.

ВИННАЯ МОНО

сортовъ водки—40° и 57°—мѣстı
употребленію болѣе крѣпкой водки,
(т.-е. собственно спиртъ) и выража
дажѣ, вмѣсто этого, была водка от
Въ числѣ частныхъ поправокъ
дажи вина, съ цѣлью достигнуть у
пожеланіе нѣкоторыхъ уменьшенія
продажи его въ посудѣ менѣе 1/20
что въ министерствѣ финансовъ уж
ятіи мелкой посуды изъ обращені,
такая мѣра признана неудобной и,
дущей къ уменьшенію уличнаго пь
Бессарабскій губернскій предво
на акцизныя стѣсненія землевладѣ
нымъ виномъ собственнаго производ
страдаетъ виноградарство, но и нас
ждено покупать водку, вмѣсто того
ное вино (стр. 34).
Волынскій губернскій предводит
при существовавшей прежде повсем
требитель могъ довольствоваться рю



МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

І Ю Л Ь.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собствен. домъ.
1898.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

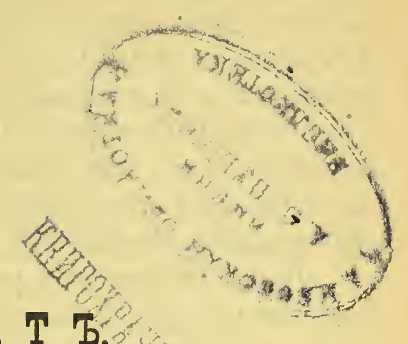
КНИГА VII.

МОСКВА.

1898.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., собств. домъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.



ВОЗВРАТЪ.

Романъ колеблющихся настроеній.

Im engen Kreis verengert sich der Sinn,
Es wächst der Mensch mit seinen grössern Zwecken.
F. Schiller.

... ты съ нами
Неразлучно проходишь вѣка,
О, всесильная, ветхая днями,
О, владычица міра — тоска.
И. Аксаковъ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ западныхъ губерніяхъ распродавались послѣ смерти князя Витгенштейна его огромныя имѣнія, доставшіяся по наслѣдству дочери его, княгинѣ Гогенлоэ, женѣ германскаго канцлера. Въ числѣ этихъ имѣній былъ проданъ такъ называемый «Звѣринецъ», большой—въ сотню десятинъ—сосновый паркъ подъ самымъ городомъ Вильной. Воспѣтая еще Мицкевичемъ, «красавица Вилія» омываетъ его съ трехъ сторонъ, образуя мысъ, красиво врѣзывающійся между городомъ и заповѣдной Закретской рощей и Погулянкой—однимъ изъ виленскихъ предмѣстій. Когда-то этотъ паркъ былъ обнесенъ высокимъ частоколомъ, и въ его сумрачной чащѣ таилось всякое мелкое звѣрье для малыхъ княжескихъ охотъ. Новые владѣльцы «Звѣринца», убравъ полусгнившій частоколъ и выпустивъ на волю лисицъ и зайцевъ, провели по всему парку широкія аллеи и прорѣдили лѣсную чащу, вырубивъ сотни двѣ вѣковыхъ сосенъ; потомъ настроили дачъ, и «Звѣринецъ», переименованный въ «Александрію», превратился въ маленькій своеобразный лѣсной городокъ.

Въ самомъ отдаленномъ углу этого парка сохранился старый княжескій деревянный домъ, до сихъ поръ извѣстный подъ названіемъ «резиденціи», хотя князья Витгенштейны останавливались въ немъ,

кажется, только не надолго, наѣздами. Одно время «резиденція» служила дачей для виленскаго генералъ-губернатора Потапова; здѣсь умерла въ 1871 году его жена и въ память ея на стѣнѣ маленькой каменной церкви, построенной рядомъ съ «резиденціей», прибита мраморная доска. Потомъ въ «резиденціи» жилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ какой-то польскій графъ, а теперь она была наемной дачей и въ этомъ году сдана вдовѣ инженера Зинаидѣ Дмитріевнѣ Аргамаковой.

Чудный, поэтическій уголокъ эта «резиденція»! Здѣсь вѣковыя сосны шумятъ своими вершинами надъ густыми, высокими, какъ деревья, кустами благоухающей сирени; здѣсь бѣлые цвѣты каштановъ осыпаются на розовые лепестки шиповника; прикрытая липами и орѣшникомъ лѣстница ведетъ внизъ на широкій лугъ къ самому берегу быстробѣгущей Виліи, а сейчасъ за Виліей, на высокой горѣ — опять вѣковыя сосны Закретской рощи съ широкой просѣкой. Съ балконовъ «резиденціи» видна и эта убѣгающая вдаль просѣка, и изгибъ Виліи, и ея гористые, мѣстами обрывистые берега.

Аргамаковы не раскаивались, что такъ рано выѣхали сюда изъ Петербурга на дачу. Былъ конецъ апрѣля, но климатъ Вильны гораздо мягче петербургскаго, а въ этомъ году весна шла какимъ-то особенно быстрымъ ходомъ, такъ что не успѣвало отцвѣсти одно, какъ уже зацвѣтало другое, и теперь все кругомъ благоухало, все радовало глазъ.

Въ большой залѣ вторая дочь Аргамаковой, Вѣра, разыгрывала на роялѣ необычайно монотонныя упражненія, что-то вродѣ do-la-mi, re-si-fa и такъ далѣе во всѣхъ тонахъ и темпахъ. Рядомъ съ нотами на пюпитрѣ медленно качался метрономъ, и Вѣра внимательно-внимательно слѣдила за тѣмъ, чтобы выдержать указанный въ упражненіяхъ темпъ. Эта адская музыка могла нервнаго человѣка довести въ концѣ-концовъ до бѣшенства, но у Вѣры нервы были крѣпкіе, терпѣніе изумительное, цѣль не малая—нужно бы сдѣлаться знаменитой піанисткой. Даже ея невозмутимо-равнодушная младшая сестра, «миссъ Кэтъ», не признававшая ни терпѣнія, ни постоянства, ни большихъ задачъ, морщилась всякій разъ, какъ только Вѣра подходила къ роялю. Кэтъ находила, что къ «мотиву» этихъ упражненій въ три ноты всего больше подходятъ слова «да и нѣтъ», «да и нѣтъ», «да и нѣтъ» — до безконечности, и любила иногда поддразнить ими будущую знаменитую піанистку. Такъ и теперь, описывая посрединѣ залы на своемъ велосипедѣ въ десятый разъ «восьмерку», Кэтъ громко выкрикивала «да и нѣтъ»,

какъ только проносилась мимо рояля. Но въ этомъ домѣ каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, всѣ давно привыкли къ своевольству другъ друга, и Вѣра, не обращая вниманія на выходки сестры, отбивала ноту за нотой. Былъ обычный часъ ея музыкальныхъ упражненій послѣ завтрака, и развѣ только землетрясеніе могло бы заставить ее оторваться отъ рояля. Искусство велосипедистки, съ которымъ Кэтъ, катаясь около столовъ и стульевъ, сумѣла ни разу не задѣть ихъ, тоже не интересовало ее,—она уже его видала. Это искусство показывалось теперь пріѣзжей теткѣ, маминой сестрѣ, смотрѣвшей въ залу изъ сада чрезъ открытое окно. Возлѣ тетки стояла старшая сестра Кэтъ, Соня, и тутъ же рядомъ, остановившись въ открытыхъ стеклянныхъ дверяхъ изъ залы въ садъ, любовалась своей любимицей и сама мама.

А Кэтъ, давъ два звонка и крикнувъ «берегись», повернула къ дверямъ, проскользнула мимо немного испуганной мамы въ палисадникъ, послала, обернувшись, теткѣ воздушный поцѣлуй и, взявъ направо, покатилась по дорожкѣ.

— Молодецъ! — вырвалось у тетки невольное восклицаніе.

Мать и сестра только улыбнулись.

Онѣ всѣ три пошли за ней, чтобы посмотрѣть, какъ она будетъ кататься на болѣе широкой аллеѣ у противоположной стороны дома. Въ свѣтло-голубой англійской шелковой каскеткѣ, изъ-подъ которой выбивались непослушно вьющіеся бѣлокурые волосы, хорошенькая, семнадцатилѣтняя Кэтъ была очень привлекательна. Ея темно-голубые глазки говорили о довольствѣ, спокойствіи и смѣлости, безъ всякаго задора. Красивый, полумужской велосипедный костюмъ шелъ ей превосходно, ничуть не придавая ей мальчишескаго вида. Она держалась на велосипедѣ прямо, движенія ногъ ея были пластичны и граціозны,—казалось, она срослась съ своимъ стальнымъ конемъ.

Когда она теперь, какъ птица, проносилась взадъ и впередъ мимо дома, тетка Марья Дмитріевна ёжилась: ей было и любо, и жутко; казалось, вотъ-вотъ все разлетится вдребезги.

— Ты не боишься за нее? — обратилась она къ сестрѣ.

Аргамакова, улыбнувшись, отрицательно покачала головой:

— За нихъ бояться—такъ это ни днемъ, ни ночью не знать покоя.

— Вотъ именно это я и испытывала бы, еслибъ кто-нибудь изъ моихъ...

— Good-bye!—мимоходомъ бросила имъ Кэтъ, проносясь мимо нихъ къ воротамъ.

— Ты всетаки ѣдешь, Кэтъ? — крикнула вслѣдъ ей Зинаида Дмитріевна.

— Въ Бернардинскій садъ, — донесся уже изъ-за воротъ голосъ Кэтъ.

Это былъ часъ ея обычной прогулки на bicycl'ѣ, и она, какъ заправскій спортсменъ, не хотѣла пропустить его, несмотря на предупрежденіе матери, что сегодня надо бы провести весь день съ пріѣхавшей только вчера вечеромъ теткой. Но Кэтъ не знала, что значитъ «надо», если ей этого въ извѣстную минуту «не хочется», а хочется совсѣмъ другого. И теперь, безпечная, она весело катилась по Екатерининской аллеѣ «Звѣринца», въ то время, какъ безпокоившаяся за нее тетка съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ спрашивала ея мать:

— Одна?

Зинаида Дмитріевна только рукой махнула.

— Наша Китинька вездѣ одна,—равнодушно произнесла она.— Это ее отецъ набаловалъ. Когда она ѣздила съ нимъ въ Лондонъ, онъ самъ—весь день въ банкахъ да на фабрикахъ, а ей, десятилѣтней дѣвчонкѣ, позволялъ одной гулять по улицамъ да шататься по магазинамъ. Все къ самостоятельности пріучалъ. Ну, а мнѣ теперь гдѣ же ее передѣлывать? Да и не къ чему... Однако, пойдемте на террасу, здѣсь солнце печетъ.

Соня, или, точнѣе, по ея годамъ — ей было уже, по крайней мѣрѣ, двадцать три—Софья Михайловна тоже охотно послѣдовала бы примѣру сестеръ—ушла бы къ «своимъ» занятіямъ. Она въ этотъ часъ занималась живописью. Но, какъ старшая, привыкшая въ извѣстныхъ случаяхъ замѣнять хозяйку дома, она рѣшилась принести себя въ жертву не то свѣтскимъ приличіямъ, не то родственнымъ чувствамъ — для нея это было въ сущности безразлично — и осталась, чтобы не обидѣть тетку: вѣдь Марья Дмитріевна уже завтра вечеромъ возвращалась въ Петербургъ, надо же было въ самомъ дѣлѣ хоть на одинъ день оказать ей вниманіе.

Однако на террасѣ, въ обществѣ матери и тетки, Софьѣ Михайловнѣ пришлось играть только роль довольно безучастной слушательницы. Марья Дмитріевна послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ свела опять, по-вчерашнему, разговоръ на то, что ее болѣе всего интересовало въ эту минуту—на покупку имѣнья. Она только что осмотрѣла два имѣнья, одно въ Гродненской, другое—въ Виленской губерніи, и теперь, по возвращеніи въ Петербургъ, ей предстояло сдѣлать рѣшительный выборъ между этими и тремя другими въ великорусскихъ губерніяхъ. Всѣ эти имѣнья были уже ра-

нѣе осмотрѣны ея мужемъ, всѣ оказывались болѣе или менѣе подходящими, и только надо было на которомъ-нибудь остановиться. Сюда она заѣхала по пути, по приглашенію сестры, посовѣтоваться.

Покупка имѣнья интересовала и Аргамакову. Ея покойный мужъ былъ дѣлецъ высшей марки. Сначала онъ служилъ по желѣзнымъ дорогамъ, потомъ занимался строительными подрядами, поставками и спекуляціями. Сфера сельскаго хозяйства, хотя бы и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, казалась ему слишкомъ узкой. Года три тому назадъ онъ, въ одну изъ своихъ многочисленныхъ поѣздокъ, простудился и умеръ отъ обострившейся болѣзни почекъ, болѣзни нажитой имъ въ одни годы съ крупнымъ капиталомъ и отъ которой онъ, несмотря на свой почтенный возрастъ, какъ-то не успѣлъ своевременно полѣчиться. Женѣ и тремъ дочерямъ досталось значительное наслѣдство въ разныхъ акціяхъ, облигаціяхъ, паяхъ. Наслѣдницы ничего не понимали въ этихъ бумагахъ и только боялись, чтобъ онѣ не оказались въ одинъ прекрасный день мыльными пузырями. Онѣ поспѣшили превратить ихъ въ наличныя деньги, затѣмъ на долю двухъ старшихъ дочерей былъ купленъ въ прошломъ году большой домъ въ Петербургѣ, а свою часть и часть младшей дочери Зинаида Дмитріевна хотѣла употребить на покупку имѣнья. Добрые знакомые ея мужа говорили, что ей, какъ русской, можно будетъ выгодно купить имѣнье въ западныхъ губерніяхъ. Съ этою цѣлью она, чтобы присмотрѣться, и поселилась на нынѣшнее лѣто въ Вильнѣ.

Но, несмотря на видимую близость интересовъ, разговоръ шелъ вяло. Сестры Зинаида и Марья Дмитріевны, происходившія отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей, никогда не были близки между собой. Старшая, Зинаида, еще въ дѣтствѣ была прозаична и и практична, младшая, доживъ и до тридцати семи лѣтъ и имѣя пять человѣкъ дѣтей, осталась все той же неисправимою идеалисткой, какой была въ семнадцать, когда она, очень богатая невѣста, вышла, противъ воли отца, за молодого сосѣда, помѣщика Демина, принадлежавшаго, правда, къ хорошему кругу, но не имѣвшаго ничего, кромѣ заложеннаго и перезаложеннаго клочка земли. Уже вторично вдовѣвшій, одинокій отецъ, конечно, простилъ ослушницу, и имѣнье его она съ сестрой унаслѣдовала въ равной части. А когда мужъ Зинаиды, Аргамаковъ, служившій въ это время въ Одессѣ, предложилъ, для раздѣла наслѣдства, продать имѣнье, Демины бросили родныя гнѣзда и въ качествѣ «рантье» переселились въ Петербургъ.

Теперь обѣ сестры опять и одновременно рѣшили сдѣлаться

землевладѣлицами, но по причинамъ совершенно различнымъ. Для Аргамаковой покупка имѣнья означала выгодное помѣщеніе денегъ и отчасти исканіе въ кругу окрестныхъ помѣщиковъ приличныхъ жениховъ для ея трехъ невѣстъ, да, пожалуй, и для самой себя; а у Марьи Дмитріевны это былъ вопросъ всей ея будущей духовной жизни и вопросъ воспитанія дѣтей, это должно было стать для нея освобожденіемъ отъ опостылѣвшей оболочки культурнаго человѣка, должно было обновить ее путемъ опрощенія.

Вотъ почему все, что говорила теперь объ имѣньяхъ Аргамакова, находило лишь малый отзвукъ въ умѣ—никакъ не въ сердцѣ—Марьи Дмитріевны, и, наоборотъ, все, что у нея стояло на первомъ планѣ: духовные интересы народа, его довольство, искренность его симпатіи къ помѣщику, наконецъ, красота окружающей природы, все это казалось не имѣющимъ почти никакого значенія въ глазахъ ея старшей сестры. Разговоръ поневолѣ сводился къ числу десятинъ, количеству усадебныхъ построекъ, лѣсу, водѣ, рогатому скоту, и такъ далѣе. Марья Дмитріевна не могла, конечно, быть равнодушной и къ этимъ сторонамъ ея будущаго имѣнья: вѣдь это были, по меньшей мѣрѣ, стѣны той теплицы, въ которой ей предстояло выращивать свои духовные идеалы.

А Софья Михайловна въ это время молча слушала и думала: «какія мама и тетя меркантильныя!» Сама-то она, несмотря на свой болѣе чѣмъ совершеннолѣтній возрастъ, предоставила веденіе своихъ денежныхъ дѣлъ матери и не признавала другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ искусства, сводившагося, впрочемъ, для нея къ области одной только живописи. Когда, между разговоромъ, она улавливала доносившіеся на террасу въ открытое окно дома звуки «да и нѣтъ» музыкальныхъ экзерцицій сестры Вѣры, все еще сидѣвшей за роялемъ, мысли Софьи Михайловны тотчасъ перескакивали въ сосѣднюю съ залой комнату. Тамъ была ея мастерская, тамъ на мольбертѣ стоялъ начатый этюдъ «Буря въ лѣсу въ лунную ночь», и Софьѣ Михайловнѣ казалось, что вотъ еслибъ именно сейчасъ она взялась за палитру, она, наконецъ, уловила бы то сочетаніе красокъ, какое не давалось ей вчера. Она находила, что торчать ей теперь здѣсь изъ приличія, слушая какъ тетка вымативаетъ свои «шкурныя» заботы, это значитъ приносить въ жертву чужому эгоизму минуты драгоцѣннаго художественнаго вдохновенія.

И она уже хотѣла встать, когда ея мать вздумала вдругъ вспомнить, что ей надо сдѣлать кое-какія распоряженія по дому и написать дѣловое письмо, извинилась передъ Марьей Дмитріевной, что оставляетъ ее на попеченіе племянницы, и ушла.

— Пойдемте, тетя, я вамъ свою мастерскую покажу,—сразу перемѣнила Софья Михайловна разговоръ.

На Марью Дмитріевну работы ея не произвели хорошаго впечатлѣнія. Это былъ рядъ пейзажей и этюдовъ nature morte, большихъ и маленькихъ, въ рамкахъ, и просто приколотыхъ къ стѣнѣ булавками. Кое-гдѣ на пейзажахъ попадались и фигуры, но или очень маленькія, или въ видѣ смутныхъ пятенъ, намековъ,—очевидно, фигуры были не подъ силу Софьѣ Михайловнѣ.

Марья Дмитріевна была плохою цѣнительницей, но не могла удержаться отъ замѣчанія, что ей кажутся странными и нѣкоторыя краски, и нѣкоторыя очертанія деревьевъ.

— Это оттого, тетя, что вы не понимаете, чего я достигаю въ своихъ пейзажахъ,—авторитетно отвѣтила Софья Михайловна.— Вы ищете воспроизведенія натуры, а я даю настроеніе, хочу вызвать извѣстное впечатлѣніе.

— Но вѣдь и природа производитъ на тѣхъ, кто ее любитъ, впечатлѣніе,—попробовала возразить Марья Дмитріевна.

— Не то, какое нужно мнѣ,—прервала ее племянница.—Да я и не люблю голую природу, она для меня мертва, а на моей картинѣ я даю ей жизнь.

Тетка взглянула на нее съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Если вы посмотрите на окружающую васъ природу черезъ какое-нибудь цвѣтное стекло,—продолжала Софья Михайловна:— то вѣдь вы увидите на всемъ не тѣ краски, какія видите обыкновеннымъ глазомъ. Вотъ и у художника, ставшаго ступенью выше рабскаго подражанія природѣ, долженъ быть на всемъ свой колоритъ. Только это было бы очень просто, еслибы ко всѣмъ краскамъ примѣшивать какую-нибудь одну. Нѣтъ, надо для каждой краски въ природѣ брать свое цвѣтное стекло и изъ всего этого сумѣть составить гармоничный пейзажъ. Такъ же свободно можетъ художникъ обращаться и съ рисункомъ. Извѣстнаго рода линіямъ въ природѣ онъ можетъ придавать свой характерный изгибъ, свой индивидуальный пошибъ. Тогда получится нѣчто оригинальное, быть-можетъ немного фантастичное, но нѣчто высшее...

«А можетъ-быть нѣчто нелѣпое», — подумала про себя Марья Дмитріевна и сказала:

— А мнѣ казалось до сихъ поръ, что высшую задачу искусства составляетъ воспроизведеніе того, что мы видимъ въ природѣ и въ жизни. Развѣ можетъ быть что-нибудь выше природы...

— Искусство уже потому выше природы, что оно искусство,— прервала ее Софья Михайловна. — Искусство можетъ усовершен-

ствовать природу вездѣ и во всемъ и безъ всякаго исключенія, а природа, предоставленная самой себѣ, можетъ только разрушить то, что создано искусствомъ.

Взявъ кисти и палитру, Софья Михайловна принялась смѣшивать краски и класть мазки на свой «этюдъ бури въ лунную ночь». Она при этомъ то отходила отъ картины, то снова подходила къ ней и, всматриваясь въ нее и вблизи, и издали, становилась, безъ всякой преднамѣренности, а просто по привычкѣ, въ нѣсколько изысканныя позы, которыя, при ея довольно высокомъ ростѣ, выходили у нея пластичными и красивыми, но видъ которыхъ вызывалъ у Марьи Дмитріевны только насмѣшливую улыбку. Зато нарядъ племянницы нравился Марьѣ Дмитріевнѣ и она не безъ удовольствія окинула лишній разъ взглядомъ ея простое, ложившееся непринужденными складками платье изъ легкой шерстяной свѣтлозеленой матеріи, — «цвѣта морской волны»,—съ незначительною отдѣлкой изъ бѣлаго мусселина,—«цвѣта морской пѣны»; нравилось ей и то, что русые, немного рыжеватые волосы, зачесанные въ высокую прическу временъ англійской королевы Елизаветы, придавали что-то чрезвычайно энергичное красивымъ, но немного грубоватымъ чертамъ лица Софьи Михайловны. Мужественное— можно бы сказать мужское — выраженіе этого лица говорило о сильной волѣ, о готовности постоять за себя въ борьбѣ съ мужчиной на любомъ поприщѣ общественной дѣятельности и какъ-то гармонировало съ тою рѣзкостью и прямолинейностью сужденій, которыми Софья Михайловна сейчасъ озадачила тетку. И тѣмъ не менѣе Марья Дмитріевна, послѣ только-что произнесенныхъ племянницей словъ, не безъ недовѣрія смотрѣла на ея художественную работу и, отвѣчая на послѣднее замѣчаніе Софьи Михайловны, сказала:

— Но жизнь и природа такъ разнообразны, что искусству никогда не угнаться за ними въ созданіи новыхъ формъ.

— Въ природѣ, какъ и въ жизни, есть много лишняго,—возразила Софья Михайловна.—Я, напримѣръ, недавно нашла очень красивый мохъ въ лѣсу: сѣровато-зеленыя трубочки съ ярко-красною бахромкой. Совершенные коралы. Ну, и къ чему онъ? Я не могу воспользоваться имъ, какъ цвѣткомъ: онъ такъ сухъ и хрупокъ, что въ рукахъ разсыпается, я не могу воспроизвести его и на картинѣ,—для этого онъ слишкомъ мелокъ и въ общемъ тонѣ лѣсного ковра совершенно теряется. Природа, оставляя всюду много всякаго безобразія, потратилась на красоту этого мха совершенно безполезно: она видна развѣ только муравью.

— Что-жъ, и муравью нужна красота въ окружающей его природѣ,—улыбнулась Марья Дмитріевна.

— А по-моему, и самый муравей не нуженъ,—серьезно возразила Софья Михайловна.—Къ чему онъ вамъ? Пожалуй, вонъ разные естествоиспытатели изучили до мельчайшихъ подробностей и жизнь муравья. А зачѣмъ они это сдѣлали, ни одинъ изъ нихъ вамъ не отвѣтитъ. Наука!... Все анализъ, да анализъ, и никакихъ признаковъ синтеза!... А когда явится геній, которому суждено будетъ привести все это къ одному знаменателю, какая масса этой кропотливой аналитической работы окажется ненужной.

Софья Михайловна положила нѣсколько крупныхъ, сѣровато-голубыхъ бликовъ на свой этюдъ, съ минуту молча приглядывалась къ нимъ и потомъ, снова принявшись смѣшивать краски на палитрѣ, продолжала:

— Вообще въ природѣ очень много совершенно лишняго, и никто объ этомъ не думаетъ. Вся жизнь наша складывается въ подражаніе кропотливой работѣ природы, и поэтому и въ нашей жизни такъ много ненужныхъ мелочей и условностей. А какъ было бы хорошо, еслибы жизнь пошла тѣмъ путемъ крупныхъ, хотя бы и мимолетныхъ впечатлѣній и широкихъ мазковъ, на который уже вступило искусство. Сколько ненужной, тягостной работы было бы упразднено. Къ чему мнѣ изучать строеніе каждаго листка, къ чему мнѣ выписывать и вылизывать каждую вѣточку, если нѣсколькими смѣлыми мазками я могу передать то впечатлѣніе, которое производитъ на васъ дерево, когда вы проходите мимо него. Вѣдь, гуляя, вы не разсматриваете каждое дерево въ лупу. Точно такъ же зачѣмъ мнѣ всѣ эти мелочи жизни, всѣ наши сложныя и ложныя понятія, которыя держатъ насъ въ тискахъ, когда картина моей жизни должна дать одно широкое впечатлѣніе моего личнаго счастья, покоя или экстаза моей души.

Марья Дмитріевна не хотѣла вступать въ споръ съ племянницей. Она знала, что если ужъ разъ Софья Михайловна осѣдлала своего конька, то ее не переспоришь. Въ этомъ она убѣдилась еще въ прошломъ году въ первое же свое близкое знакомство съ ней, когда Аргамаковы только что переселились въ Петербургъ изъ Кіева. Она знала, что если она возразитъ что-нибудь вродѣ невозможности личнаго счастья безъ общаго счастья, то начитавшаяся и наслушавшаяся всякихъ «послѣднихъ словъ» Софья Михайловна докажетъ ей, какъ по писанному, что общаго счастья потому и нѣтъ, что люди заставляютъ другъ друга заботиться о чужомъ счастьи, а не о своемъ собственномъ, что никто не понимаетъ, кому

и что нужно, и что еслибы не было людей, отступающихъ отъ правилъ устарѣлой морали, то и вовсе не было бы счастливыхъ на свѣтѣ. Она знала и многое другое, что̀ могла сказать племянница и съ чѣмъ она все равно никогда бы не согласилась. Поэтому, воспользовавшись минутой, когда Софья Михайловна нѣсколько болѣе углубилась въ писаніе своей картины, Марья Дмитріевна сказала:

— Ну, я не буду развлекать тебя въ твоей работѣ. Пиши. Я пойду погуляю.

Софья Михайловна не удерживала ее.

— Пройдитесь по берегу рѣки, тетя,—сказала она.

Вѣра только что закрыла рояль и, взявъ со стола желтенькій томикъ *Lettres des femmes* Марселя Прево, сдѣлала шагъ къ дверямъ въ садъ, когда Марья Дмитріевна вышла изъ комнаты Софьи Михайловны въ залу.

— Кончила?—съ ласковою улыбкой обратилась она къ Вѣрѣ.

— Да,—машинально и сухо отвѣтила та, какъ бы сознавая всю ненужность вопроса и отвѣта. Ея миловидное лицо было немного блѣдно: она всегда играла до утомленія.

Онѣ вмѣстѣ вышли въ садъ. Вѣра шла около тетки молча. Она хотѣла что-нибудь сказать, но не находила никакой готовой фразы, и это раздражало ее. За угломъ дома, въ тѣни, между двумя высокими каштанами висѣлъ гамакъ. Къ нему собственно и шла Вѣра съ книжкой въ рукахъ. Но изъ любезности она предложила теткѣ:

— Тетя, хотите покачаться въ гамакѣ?

— Нѣтъ, у меня голова закружится.

— А я страшно люблю гамакъ,—сказала Вѣра и, прыгнувъ въ сѣтку, оправила платье, положила книжку возлѣ себя и, ухватившись руками за верхнюю перекладину гамака, вытянулась во всю длину своего не маленькаго роста.

Марья Дмитріевна нѣкоторое время молча смотрѣла, какъ она, дернувъ за привязанную къ дереву веревочку, раскачивала гамакъ. Мясистый локоть Вѣры, плотно охваченный рукавомъ батистовой кофточки и придавленный тяжестью ея корпуса къ сѣткѣ гамака, проступалъ черезъ нее шашечками, и Марья Дмитріевна подумала: «какая она жирная!» Потомъ она спросила:

— А ты не гуляешь послѣ твоей музыки?

— Нѣтъ, я уже отгуляла свой часъ рано утромъ,—отвѣтила Вѣра.

Марья Дмитріевна опять помолчала и спросила:

— Вонъ эта лѣстница и ведетъ къ рѣкѣ? Я хочу пойти.

— Да,—отвѣтила Вѣра.

И Марья Дмитріевна пошла. Вѣра, продолжая покачиваться, стала читать.

По Виліи плыли спускавшіеся съ верховья плоты. Марья Дмитріевна, остановившись на берегу, долго слѣдила, какъ рабочіе на плотахъ возились съ баграми и шестами, отталкивая плоты и отъ берега, и другъ отъ друга. Босые, съ мокрыми до колѣнъ портками, они молча перебѣгали отъ одного края плота къ другому. Ничто въ мірѣ не интересовало ихъ въ эту минуту, кромѣ движенія ихъ плотовъ и заботы о томъ, какъ бы не приткнуться гдѣ-нибудь къ берегу или не сѣсть на мель. А Марья Дмитріевна любовалась въ это время и красотой противоположнаго берега, и быстротой рѣки, уносившей эти плоты, и отраженіемъ въ водѣ неприглядныхъ фигуръ этихъ «бурлаковъ», и въ ея душѣ вдругъ снова пробудилось все, что она когда-то читала, слышала и думала объ «униженныхъ и оскорбленныхъ», объ «угнетенныхъ и скорбящихъ», о «стонущемъ русскомъ мужикѣ», — все, что такъ волновало ее въ дни ея юности и потомъ опять въ эти послѣдніе два года ея теперешней петербургской жизни, — и у нея защемило теперь на сердцѣ. И странное дѣло, она не чувствовала непосредственной жалости вотъ къ этимъ только-что проплывшимъ передъ ней молчаливымъ бѣлоруссамъ. Ихъ свѣтловолосыя, изможденныя фигуры уже скрываются за изгибомъ Виліи и сейчасъ навсегда исчезнутъ и изъ ея памяти, какъ разсѣивается въ этомъ чудномъ воздухѣ надъ рѣкой дымокъ ихъ набитыхъ махоркой трубокъ. Но они прошли передъ ней символомъ какого-то общаго печалованія о какомъ-то вѣчномъ общемъ горѣ и дали ей то мучительное и въ то же время свѣтлое настроеніе, въ которое она такъ полюбила уходить отъ сутолоки свѣтской жизни. Ей чувствовалось теперь, что не здѣсь, но гдѣ-то тамъ, въ какомъ-то уголкѣ родной земли, есть что-то родное, близкое, что страдаетъ и борется и къ чему она рвется всей душой, чему она должна помочь, что она должна пригрѣть и приласкать и отъ чего и самой ей будетъ тепло и радостно.

Когда она осматривала здѣсь имѣнья, ее привлекали и красота мѣстности, и климатъ, и выгодныя условія покупки; но она почему-то чувствовала себя чужой здѣсь. Напрасно она старалась убѣдить себя, что если она ищетъ простой жизни, ближе къ природѣ, то эта жизнь болѣе или менѣе одинакова вездѣ, гдѣ есть хлѣбопашество и скотоводство, — если она хочетъ идти въ ногу съ простымъ народомъ, нести его тяготы, то народъ вездѣ заслуживаетъ въ одинаковой мѣрѣ сочувствія, и бѣлоруссы такіе же русскіе, какъ и москвичи, а поляки — тѣ же славяне; нѣтъ, что-то

тянуло ее туда, гдѣ она сразу могла бы сказать: «вотъ это мое, вотъ это родное!» И хотя ея мужу всего болѣе хотѣлось купить одно изъ только-что осмотрѣнныхъ ею имѣній, она все еще находилась въ нерѣшительности дать свое согласіе. Все здѣсь было хорошо, но душѣ, жаждавшей родной ласки, усталой душѣ было холодно.

Какъ хорошо въ этой «резиденціи»! Благодатный уголокъ! А какимъ холодомъ вѣяло здѣсь на нее, въ этой семьѣ ея сестры и племянницъ.

И Марья Дмитріевна, поднимаясь теперь назадъ отъ берега къ дому, подумывала, не уѣхать ли ей уже сегодня вечеромъ. Что ее собственно удерживаетъ? То, что она сказала, что прогоститъ два дня? Да развѣ кто-нибудь пожалѣетъ, если она уѣдетъ сейчасъ? Это будетъ похоже на бѣгство. Пожалуй, подумаютъ, что обидѣлась на недостатокъ вниманія. Но развѣ онѣ на ея мѣстѣ задумались бы? Нравится—дѣлай, не нравится—оставь. О, онѣ всѣ сотканы изъ чистѣйшаго эгоизма, начиная съ сестрицы Зинаиды Дмитріевны! А у дочекъ,—наслѣдіе ли это ихъ дѣловитаго отца, воспитаніе ли,— эгоизмъ возведенъ въ культъ. Эти не пропадутъ!

Марья Дмитріевна, жизнь которой послѣ замужества прошла въ Петербургѣ, въ чаду его и узкихъ, и широкихъ интересовъ, не могла сблизиться съ Аргамаковыми, посѣщавшими Петербургъ до прошлаго года лишь изрѣдка, лишь на короткое время, между жизнью въ большихъ провинціальныхъ центрахъ и путешествіями за границей. Для нея онѣ являлись представителями той «провинціи», которую она въ душѣ своей рѣзко отдѣляла отъ «народа» и передъ которой у нея, подъ вліяніемъ разныхъ впечатлѣній и разсказовъ, явился нѣкоторый страхъ,—провинціи новой, загадочной, неожиданно вырастающей на глазахъ у «холоднаго», «черстваго», «самодовольнаго» Петербурга въ нѣчто чуждое ему, живущее своими интересами и своими идеалами, тѣмъ болѣе эгоистичными и ограниченными, чѣмъ больше петербургская опека устраняла эту провинцію отъ общихъ заботъ.

II.

Кэтъ вернулась домой только къ обѣду.

— Мама, мы завтра ѣдемъ въ Верки! — весело и рѣшительно проговорила она, входя въ залу, гдѣ уже всѣ собрались въ ожиданіи перехода въ столовую.

— Кто мы? Почему въ Верки? — прервала ее мать, сдѣлавъ

недоумѣвающее лицо. Она уже привыкла къ эксцентричности Кэтъ и недоумѣвала больше по обязанности, чѣмъ отъ неожиданности.

— Мы... всѣ... я дала слово, — уже нѣсколько сконфузившись, сказала Кэтъ. — А если вы не хотите, такъ я поѣду съ генераломъ одна, — болѣе рѣшительно добавила она; и, бросивъ на столъ каскетку, она сѣла за рояль и подъ журчащее allegro шаловливо запѣла нетвердымъ голоскомъ:

—У попа была собака,
Онъ ее любилъ;
Она съѣла кусокъ мяса,
Онъ ее убилъ
И въ землю закопалъ,
И надпись написалъ,

что—

У попа была собака,
Онъ ее любилъ;
Она съѣла кусокъ мяса...

— Ахъ, Катя, Катя, — покачала головой мать, съ извиняющей улыбкой взглянувъ на Марью Дмитріевну. — Откуда, какого генерала ты откопала?

— Ахъ, мамочка, я познакомилась съ нимъ въ Бернардинскомъ саду,—ласково отвѣтила Кэтъ, прерывая пѣніе, и, вставъ, подошла къ матери. — Онъ такой старенькій, — продолжала она, обнявъ мать за талію и ласкаясь къ ней. — У меня сдуло съ головы каскетку, онъ поднялъ, стряхнулъ съ нея песокъ, вытеръ ее платкомъ, — чистымъ, мамочка, — серьезнымъ, дѣловымъ тономъ добавила Кэтъ. — Онъ очень славненькій. А завтра онъ ѣдетъ въ Верки.

— Какія Верки? Витгенштейна?

— Да. Онъ говоритъ, что это имѣнье тутъ, около Вильны. Близко. Мамочка, онъ хотѣлъ ѣхать въ коляскѣ, я сказала, что поѣду верхомъ, и онъ хочетъ верхомъ. Подумай, мамочка, я — и генералъ моимъ адъютантомъ.—Кэтъ съ торжествующимъ видомъ посмотрѣла на мать и поцѣловала ее за то, что та ласково улыбалась. На тетку и сестеръ Кэтъ не обращала никакого вниманія и продолжала:—Онъ въ формѣ, только погоны у него маленькіе, поперечные. Отставной. Оно продается, и онъ пріѣхалъ изъ Петербурга осматривать. Я сказала, что мы тоже пріѣхали искать здѣсь имѣнье. И мы завтра утромъ условились поѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Я уже просила его сказать нашему берейтору, чтобъ онъ привелъ мнѣ мою Юмъ-Юмъ. А генералу я рекомендовала взять гнѣдого.

Вдругъ Кэтъ что-то вспомнила и, вскрикнувъ: «ай!... ай!...» — схватила со стола каскетку и побѣжала наверхъ въ свою комнату. Чрезъ нѣсколько минутъ она, такъ же быстро и не говоря ни слова, съ веселой улыбкой пробѣжала обратно чрезъ залу въ переднюю, прямо къ велосипеду.

— Куда ты, куда ты, Катя? — замѣтила мать. — Уже супъ подаютъ.

— Потомъ, мама, потомъ, — откликнулась Кэтъ уже съ крыльца.

И вышедшая въ столовую семья только и видѣла ее въ окно стремительно катящейся къ воротамъ.

Она вернулась, когда уже было подано второе блюдо. Бросивъ велосипедъ у крыльца, она пробѣжала въ свою комнату, вымыла руки, пришла и чинно сѣла за столъ.

— Ты останешься безъ супа,—полушутя, полусерьезно сказала ей мать.—Что это за безпорядокъ...

— Мама, я не хочу супу,—просто отвѣтила Кэтъ.

Но горничная уже ставила на ея приборъ полную тарелку.

— Нѣтъ, нѣтъ, Глаша, уберите,—рѣшительно сказала Кэтъ,— слишкомъ жарко.

И, наливъ себѣ стаканъ молока, она стала пить его съ чернымъ хлѣбомъ.

— Куда это еще ты сейчасъ носилась?—сухо спросила ее мать.

— Такъ, мама, пустяки.

— Однако?

— Я забыла дома портмоне, — виновато заговорила Кэтъ, обращаясь ко всѣмъ и какъ бы ища поддержки:—а когда я возвращалась изъ города, у моста стоялъ нищій, такой очень старенькій, лысенькій. Мнѣ нечего было подать ему, и я велѣла дожидаться. Потомъ вспомнила и отвезла ему двугривенный. Онъ дожидался, мама. Можетъ быть, ему не на что было пообѣдать. Бѣдненькій. Правда, тетя?

— Можетъ быть,—съ ласковой улыбкой отвѣтила Марья Дмитріевна.

— Не могъ же онъ стоять и дожидаться все время, пока мы пообѣдаемъ,—серьезно замѣтила Кэтъ.

На Марью Дмитріевну Кэтъ всегда производила странное впечатлѣніе: порой самая ея наивность казалась ей искусственной, мастерски поддѣланной, и она съ непріязненнымъ чувствомъ смотрѣла на Кэтъ, какъ на ловкую актрису, знающую цѣну и «уму, характеру и познаніямъ» ея старшей сестрицы Софьи Михайловны, и

своей собственной «наивности и безпечной вольности». Порывы доброты, появлявшіеся у Кэтъ, напоминали Марьѣ Дмитріевнѣ ея собственную любимицу-дочурку, пятилѣтнюю Маню, отличавшуюся тоже наивной самостоятельностью сужденій и дѣйствій и отдававшую всѣмъ и каждому все, что у нея было въ рукахъ; но равнодушіе, съ которымъ Кэтъ выслушивала иногда разсужденія о чужой бѣдѣ, о чужомъ горѣ, говорило Марьѣ Дмитріевнѣ, что Кэтъ добра тогда, когда ей это доставляетъ удовольствіе.

Разговоръ перешелъ опять на поѣздку въ Верки. Объ этомъ имѣньи всѣ слышали и даже, кажется, читали въ газетахъ. Оно и продавалось, и нѣтъ—какъ-то нерѣшительно. Къ осмотру княжескаго дворца допускались не всѣ, по особой рекомендаціи. Ни Аргамаковой, ни тѣмъ менѣе Деминой купить его было не подъ силу,—оно было слишкомъ велико; однако и Марья Дмитріевна рѣшилась не заговаривать объ отъѣздѣ сегодня, какъ она было надумала давеча, а воспользоваться случаемъ—съѣздить завтра съ Аргамаковыми въ Верки. Но Кэтъ, по своей безпечности, и не подумала спросить у генерала ни его фамилію, ни гдѣ онъ остановился, забыла и условиться съ нимъ, въ которомъ часу и гдѣ съѣхаться. Рѣшили, во всякомъ случаѣ, пораньше позавтракать и поѣхать на удачу и либо встрѣтиться съ генераломъ на пути, либо попросить показать дворецъ и безъ него.

Но еще не успѣли онѣ выйти изъ-за стола, какъ горничная доложила о приходѣ берейтора, отпускавшаго въ наймы верховыхъ лошадей. Онъ пришелъ спросить, по порученію генерала, въ которомъ часу подавать завтра Юмъ-Юмъ,—такъ называлъ и онъ, по желанію Кэтъ, вороную кобылу, на которой она обыкновенно ѣздила.

Кэтъ торжествовала.

Зинаида Дмитріевна вышла къ берейтору сама. Она спросила фамилію генерала; но берейторъ, оказалось, слышалъ, да забылъ, а лошадь ему велѣно подать въ «Европейскую гостиницу» къ 12-ти часамъ. Зинаида Дмитріевна, подумавъ и не сказавъ болѣе ни слова о генералѣ, велѣла привести лошадь для барышни къ часу. Берейторъ сказалъ «хорошо-съ» и ушелъ.

Послѣобѣденный кофе былъ поданъ въ гостиную. Потомъ Зинаида Дмитріевна предложила всѣмъ пройтись по парку и въ поле. Кэтъ отказалась; она, все еще въ своемъ велосипедномъ костюмѣ, сидѣла въ креслѣ-качалкѣ и маленькой щеточкой чистила ногти.

— Отчего же, Катя?—попробовала уговорить ее мать.

— Мнѣ лѣнь, мамочка,—равнодушно отвѣтила Кэтъ.

— Что же ты тутъ будешь дѣлать одна?

Кэтъ даже не подняла на нее глазъ и, углубленная въ свое занятіе, наивно-серьезно сказала:

— Ногти чистить.

Когда онѣ вернулись съ прогулки, Кэтъ, одѣтая въ голубое суконное болеро, шитое золотомъ и цвѣтными шелками, съ свѣжей волнистой прической, сидѣла въ окутанной сумерками залѣ за роялемъ и мечтательно играла на-память шопеновскій «Marche funèbre».

Зинаида Дмитріевна велѣла горничной зажечь лампы и приготовлять чай.

— Ну, дѣвочки, сыграйте намъ дуэтъ,—сказала она, усаживаясь рядомъ съ Марьей Дмитріевной на диванъ.

— Что мамочка?—тотчасъ отозвалась Кэтъ, вставая и подходя къ этажеркѣ съ нотами.

— Что хотите.

Кэтъ и Вѣра порылись нѣсколько времени въ тетрадкахъ, посовѣтовались и, наконецъ, выбрали любимую мамину berceuse, мандолинату и неаполитанскую народную пѣсенку. Софья Михайловна принесла тѣмъ временемъ изъ своей комнаты вышиванье и рабочую корзиночку и сѣла, ближе къ лампѣ, у стола около дивана.

У Кэтъ была чудная мандолина, привезенная ей еще отцомъ изъ Италіи. Кэтъ, какъ всегда, набросилась тогда на новинку и быстро научилась играть. Съ годъ это ее занимало, какъ занимали одно время скрипка, флейта и гитара, а потомъ надоѣло. Но мандолинаты Кэтъ нравились всѣмъ, кто слыхалъ ее, и ей приходилось часто доставлять удовольствіе игрой на мандолинѣ то своимъ, то гостямъ, то подругамъ. Еще въ первый же годъ,—они жили тогда цѣлую зиму и лѣто въ Женевѣ, и Кэтъ училась тогда въ одномъ изъ тамошнихъ пансіоновъ,—подруги начали дарить ей на память ленточки, которыя она завязывала около грифа мандолины, какъ этъ дѣлаютъ виртуозы мандолинисты. Съ тѣхъ поръ этихъ ленточекъ накопилось столько, что уже и новый, широкій кожаный футляръ, въ которомъ хранилась мандолина, оказывался тѣснымъ, и Кэтъ съ трудомъ вытащила ее теперь изъ него. Тутъ были ленточки узкія, пошире и совсѣмъ широкія, покороче и подлиннѣе, съ нѣжными надписями и со стихами, даже съ портретами, ленточки бѣлыя, розовыя, желтыя, голубыя, пестрыя и полосатыя, и когда Кэтъ встряхнула эту своеобразную шелковую шевелюру инструмента, она запестрѣла всѣми цвѣтами радуги.

Странное чувство овладѣло Марьей Дмитріевной при первыхъ

же звукахъ нѣжнаго дуэта рояля и мандолины. Словно взялъ ее легкій сонъ и, подъ эти хватающія прямо за нервы, хватающія за сердце tremolo, перенесъ въ далекій, теплый край, гдѣ въ такой же лазурный апрѣль она ласкала первые дни своего перваго ребенка; и въ этомъ снѣ ей кажется, что она опять молода, какъ прежде, что попрежнему шумятъ-воркуютъ передъ ней голубыя волны, и ароматный вѣтерокъ навѣваетъ ей грёзы о счастьи, о волѣ, грёзы о радостной долѣ, о невозвратной веснѣ. И ей такъ и хочется встать вотъ и подойти къ Кэтъ и Вѣрѣ и обнять ихъ, и цѣловать, цѣловать безъ конца.

Но маленькій перерывъ, шелестъ перевертываемыхъ нотъ—и очарованіе исчезло. И, старыя знакомыя, мучительницы-мысли объ «униженныхъ и оскорбленныхъ», объ «угнетенныхъ и скорбящихъ», «о мірской неправдѣ», о долгѣ и подвигѣ,—всѣ чувства, всѣ сомнѣнія, всѣ размышленія, которыя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ довели Марью Дмитріевну до рѣшимости уйти отъ этой жизни, полной суеты, тщеславія, гнилого, разъѣдающаго эгоизма, уйти и опроститься,—все выплыло опять на поверхность ея души и залило собой тѣ блуждающіе огоньки, которые на минуту отвлекли было ее въ сторону отъ намѣченнаго «праваго» пути..

Она долго не могла заснуть въ эту ночь, сидя у открытаго окна въ отведенной ей наверху комнатѣ, рядомъ съ комнатой Кэтъ. Мѣшали ей и звѣзды, всѣ вмѣстѣ свѣтившія такъ ярко, какъ будто была лунная ночь, хотя луны и не было; мѣшалъ ей и тихій шорохъ шаговъ Кэтъ, одиноко гулявшей взадъ и впередъ по дорожкѣ палисадника у нея подъ окномъ.

III.

Завтракъ былъ конченъ. У крыльца стояла четырехмѣстная коляска, которую Аргамаковы нанимали здѣсь помѣсячно, и только еще не было берейтора съ лошадью для Кэтъ. Часы въ столовой показывали безъ пяти минутъ часъ. Въ это время на дворѣ появился генералъ. Высокаго роста, довольно тучный, съ большими сѣдыми усами—это была великолѣпная фигура; онъ шелъ хотя и неровною, старческою походкой, однако стараясь держаться прямо. Осматриваясь въ незнакомой ему мѣстности, онъ увидалъ экипажъ и увѣренно пошелъ къ парадному крыльцу, не замѣчая Кэтъ, которая кивала ему головой изъ окна столовой. Въ нѣкоторомъ разстояніи за генераломъ берейторъ велъ лошадей.

Кэтъ бросилась къ матери въ гостиную:

— Мама, генералъ!

Парадная дверь была отперта, и Кэтъ встрѣтила генерала на порогѣ залы.

— За вами,—любезно раскланиваясь, привѣтствовалъ ее генералъ. Онъ былъ въ сюртукѣ драгунскаго полка.

Кэтъ улыбнулась ему, поздоровалась съ нимъ за руку и молча «представила» его вышедшей въ залу матери.

— Сударыня,—съ изысканной любезностью обратился къ ней генералъ немного хриплымъ, но пріятнымъ баритономъ:—ваша плѣнительная дочь, съ которой я имѣлъ честь познакомиться вчера, выразила желаніе, чтобъ я сопровождалъ ее сегодня въ Верки. Не смѣлъ ослушаться. Надѣюсь, мой чинъ... а главное, вотъ этотъ возрастъ,—генералъ обвелъ пальцемъ вокругъ лысины, прикрытой прядью сѣдыхъ волосъ:—у меня своихъ такихъ четыре стрекозы,—подмигнулъ онъ въ сторону Кэтъ:—все это вмѣстѣ взятое придало мнѣ смѣлости, позвольте представиться—генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, Петръ Петровичъ Уставщиковъ.

Зинаида Дмитріевна любезно поздоровалась съ нимъ, предложила ему сѣсть, представила ему двухъ другихъ своихъ дочерей и сестру. Марья Дмитріевна хотя не была знакома съ Уставщиковымъ въ Петербургѣ, но раза два встрѣчала его тамъ на благотворительныхъ базарахъ. Она слыхала, что онъ очень богатъ.

— Вы завтракали, ваше превосходительство?—спросила его Аргамакова.

— Только что и основательно,—отвѣтилъ генералъ съ любезнымъ наклоненіемъ головы.

— Въ такомъ случаѣ...

— ...Мы можемъ и поѣхать,—докончилъ за нее генералъ, вставая.

Кэтъ въ костюмѣ амазонки была, кажется, еще красивѣе и привлекательнѣе, чѣмъ на велосипедѣ. Хорошо дрессированная Юмъ-Юмъ, которую Кэтъ успѣла и покормить хлѣбцемъ и погладить, плясала подъ ней, словно стараясь показать свою лошадиную выучку и грацію. Генералъ, галопируя возлѣ, чувствовалъ себя помолодѣвшимъ.

Чтобъ не пылить ѣхавшимъ въ коляскѣ или не быть въ ея пыли, верховымъ приходилось ѣхать или далеко впереди экипажа, или отставать. Генералъ, по застарѣлой привычкѣ быть галантнымъ, старался говорить Кэтъ любезности; но всѣ эти похвалы ея ловкости, ея смѣлости, всѣ эти насмѣшечки надъ собственною старостью выходили въ достаточной степени банальными, и Кэтъ не

находила репликъ. Она только мило улыбалась и думала: «И чего онъ, бѣдненькій, старается!»

Когда дорога была шире или ѣхали шагомъ въ гору, они равнялись съ экипажемъ, и генералъ считалъ своею обязанностью свѣтскаго человѣка поддерживать разговоръ съ дамами.

— Еслибъ мнѣ полкъ такихъ амазонокъ,—подмигивалъ онъ имъ на Кэтъ:—и такой генеральный штабъ,—указывалъ онъ въ свою очередь ей на сидѣвшихъ въ коляскѣ:—я бы съ ними полміра завоевалъ.

Аргамаковы, и мать и дочери, сегодня дѣйствительно заслуживали вниманія. Онѣ были модно и довольно ярко одѣты, съ красивыми цвѣтными зонтиками, въ изящныхъ шляпкахъ; только скромный дорожный костюмъ Марьи Дмитріевны являлся нѣкоторымъ диссонансомъ въ этой общей гармоніи лентъ и складокъ. Диссонансомъ было и ея настроеніе. Ее сегодня раздражали и вся ненужная изысканность нарядовъ, и это желаніе генерала быть во что бы то ни стало неотразимо-занимательнымъ, когда онъ совсѣмъ не занимателенъ, и странная, какая-то особенная «зрѣлая» кокетливость у Зинаиды Дмитріевны послѣ того, какъ генералъ въ разговорѣ обмолвился, что онъ уже пятый годъ вдовѣетъ. «Вѣдь не намѣрена же она выходить за него сама или выдавать дочерей»,— подумала Марья Дмитріевна.—«Нѣтъ, вѣдь это просто какой-то инстинктъ заставляетъ ее мордочкой потряхивать!» Сердилась Марья Дмитріевна и на себя, что невѣдомо зачѣмъ теряетъ день на эту поѣздку, когда, уѣхавъ вчера вечеромъ, теперь была бы уже въ Петербургѣ. Что она увидитъ въ этихъ Веркахъ? Лишній образчикъ безумной роскоши, лишній пережитокъ тѣхъ нелѣпыхъ затѣй, которыя въ разумной жизни будущихъ поколѣній подлежатъ упраздненію.

— А вы, генералъ, зачѣмъ же поспѣшили оставить службу, не дождавшись сформированія амазонскихъ полковъ?—отвѣтила шуткой на его шутку Софья Михайловна.—Дѣло къ тому идетъ. Женщины завоевываютъ себѣ съ каждымъ днемъ все новыя права.

— Старъ сталъ-съ, тяжелъ сталъ,—отвѣтилъ генералъ болѣе серьезнымъ тономъ.—А главное, спина не гнется, не гнется спина...

Очевидно, Софья Михайловна коснулась его больного, «обиженнаго» мѣста, и незамѣтно для себя самого генералъ впалъ въ дѣловой тонъ, пропустивъ мимо ушей мало интересовавшій его вопросъ о женскихъ правахъ.

— Что же-съ, послужимъ отечеству на другомъ поприщѣ,—

съ веселымъ сознаніемъ своихъ силъ и съ оттѣнкомъ ироніи по чьему-то адресу продолжалъ генералъ.—Огнемъ и мечомъ брали крѣпости, умомъ и русскою душой сумѣемъ взять сердца народныя. Говорятъ, нѣмецъ ведетъ «мирное завоеваніе» нашихъ западныхъ промышленныхъ центровъ; а мы вотъ ему навстрѣчу, навстрѣчу ему придемъ и сядемъ здѣсь и скажемъ: «Русь здѣсь. Не суйся. Гдѣ Русь, тамъ знаешь, чѣмъ пахнетъ?» Нѣтъ, шутки въ сторону—обрусить край совсѣмъ не такъ трудно, какъ говорятъ,—перешелъ вдругъ въ увѣренный, спокойный тонъ генералъ. Народъ—вѣдь это пѣшки, нижніе чины, куда двинешь по дислокаціи, туда и пойдутъ. Все зависитъ отъ командира: умѣй дисциплинировать, а когда надо—воодушевить. Скажу болѣе: незамѣнимъ коренной русскій солдатъ на войнѣ; но для культурнаго, кропотливаго дѣла мнѣ здѣшній народъ еще лучше. Здѣсь вы только умѣйте немного съ «паномъ-ксендзомъ» поладить, такъ и все у васъ пойдетъ какъ по маслу. А нашего остолопа ничѣмъ не своротишь. Въ особенности нынѣшняго. Онъ ни попа, ни урядника не слушаетъ. Извѣстно, что такое нашъ мужикъ! У меня въ трехъ губерніяхъ имѣнья: въ Смоленской, Тульской и Самарской, такъ я постоянно говорю нашему мужику: «Свинья еси, свиньею и въ землю отыдеши».

Всѣ, кромѣ Марьи Дмитріевны, невольно улыбнулись. Поворотъ дороги заставилъ генерала пропустить коляску впередъ, и такимъ образомъ онъ, Кэтъ и сопровождавшій ихъ берейторъ опять отстали, чтобы не быть въ пыли.

Аргамакова, обращаясь къ сестрѣ, начала развивать по своему замѣчаніе генерала, съ которымъ и она вполнѣ соглашалась. Марья Дмитріевна молчала и думала: «Нѣтъ, нѣтъ, неправда! Народъ не пѣшка. Можетъ быть, въ извѣстную минуту, онъ не послушаетъ ни попа, не урядника, но придите вы къ нему съ открытою душой, съ любящимъ сердцемъ, и не можетъ быть, чтобъ онъ не откликнулся, нашъ милый, сердечный, вѣрующій, простой народъ... Нѣтъ, генералъ, съ вашими взглядами на народъ вамъ не обрусить и самоѣда!...»

И почти не замѣчая мѣстности, по которой они теперь проѣзжали, Марья Дмитріевна переносилась мыслью къ своей будущей жизни въ деревнѣ.

Дворецъ въ Веркахъ былъ когда-то загородной резиденціей виленскихъ католическихъ епископовъ. Въ рукахъ князей Витгенштейновъ онъ утратилъ всѣ признаки монастыря и превратился въ одно изъ тѣхъ роскошныхъ княжескихъ имѣній, какія за границей обыкновенно попадаютъ въ путеводители для туристовъ и какихъ

не мало и у насъ въ Россіи, хотя у насъ они, за немногими исключеніями, обыкновенно остаются извѣстными только самимъ владѣльцамъ да ихъ знакомымъ.

О всѣхъ, кому былъ разрѣшенъ осмотръ назначеннаго теперь въ продажу имѣнія, управляющій былъ заблаговременно предупреждаемъ однимъ изъ уполномоченныхъ княгини Гогенлоэ, и предъ генераломъ и его спутницами безъ задержки растворилась калитка у воротъ въ паркъ, гдѣ, окруженный цвѣтниками, стоялъ самый дворецъ. Лошадей пришлось оставить за воротами.

Большое каменное зданіе—дворецъ снаружи, по своимъ контурамъ, не представлялъ ничего замѣчательнаго. Но общее впечатлѣніе, производимое всѣмъ имѣньемъ, было внушительно. И извилистый, гористый лѣсной путь, приведшій къ красивымъ рѣшетчатымъ желѣзнымъ воротамъ, и эти широкія, вылощенныя дороги до большого дворцоваго подъѣзда, и искусная группировка разноцвѣтной листвы тепличныхъ и оранжерейныхъ растеній, частью уже высаженныхъ въ клумбы, и маленькія, какъ змѣйки вьющіяся, тропинки между деревьями и между цвѣтами, и необозримый видъ съ площадки, гдѣ глубоко-глубоко подъ горой, среди безконечныхъ, слившихся съ горизонтомъ зеленѣющихъ лѣсовъ, луговъ и пашенъ, тянулась свѣтлая лента Виліи, — все сразу говорило, что здѣсь чье-то свое невѣдомое, удаленное отъ остального міра царство. Въ особенности торжественное настроеніе придавала всему мертвая тишина вокругъ. Такая тишина бываетъ только въ пустынѣ, гдѣ дикая природа предоставлена самой себѣ; а тамъ, гдѣ каждая травка, каждый цвѣтокъ и каждый камешекъ говорятъ объ искусствѣ и творческой мысли человѣка, тамъ въ обыкновенномъ человѣческомъ мозгу возникаетъ представленіе о шумной, нарядной толпѣ, для которой такъ красиво обработаны всѣ эти многочисленные цвѣтники и дорожки. Отсутствіе людей кажется уже какимъ-то сказочнымъ сномъ. А здѣсь ни въ паркѣ, ни около дворца не видно было ни души. Сторожъ, по распоряженію управляющаго, пропустившій въ калитку генерала и Аргамаковыхъ, предоставилъ ихъ самимъ себѣ, и подъ вліяніемъ окружающей ихъ тишины и новой, ласкавшей ихъ взглядъ картины парка, они и сами долгое время шли молча, и только генералъ въ раздумьи прошепталъ: «Да, это усадьба!»—да Кэтъ своимъ обычнымъ наивно-спокойнымъ тономъ сказала: «Здѣсь хорошо!»

Минутъ черезъ двадцать ихъ нашелъ въ паркѣ приказчикъ и предложилъ имъ идти отматривать дворецъ или хозяйственныя постройки.

Всѣ, разумѣется, пожелали начать съ осмотра дворца.

Несмотря на запертыя окна и двери и видимое отсутствіе жизни вокругъ, во дворцѣ оказался цѣлый штатъ прислуги, очевидно, готовой во всякую минуту встрѣтить владѣльца. Какъ только приказчикъ позвонилъ, ливрейный лакей отперъ дверь, на лѣстницѣ показалось два другихъ лакея въ такихъ же ливреяхъ, и одному изъ нихъ было поручено провести посѣтителей по всему дворцу.

По мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, все напоминало и генералу, и Аргамаковой подобныя же залы и комнаты, видѣнныя ими не разъ при осмотрѣ другихъ дворцовъ,—залы и комнаты съ такой же массой нужныхъ и ненужныхъ, но неизмѣнно дорогихъ и рѣдкихъ предметовъ:—вещей старинныхъ, переходившихъ по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, но сохранившихся въ такомъ видѣ, какъ будто онѣ только вчера вышли изъ рукъ художника-мастера,—вещей новѣйшихъ, сдѣланныхъ съ такимъ вкусомъ и роскошью, какія, казалось, были возможны только во времена сказочныхъ колдуновъ и царствъ. Есть любители, способные часами простаивать въ забытьи предъ такими «реликвіями», есть трезвенники, считающіе весь этотъ «мусоръ вѣковъ» достойнымъ свалки на одинъ общій костеръ, — большинство же смотритъ на нихъ съ равнодушіемъ празднаго любопытства, или съ безцѣльной завистью людей, не испытавшихъ бремени чрезмѣрнаго богатства.

Генералъ относился къ дѣлу просто.

— Отсюда можно править царствомъ, такъ здѣсь хорошо,— говорилъ онъ. — Но извольте-ка купить эту игрушку. Мести вотъ эти комнаты и поливать вонъ эти цвѣточки въ паркѣ, это стóитъ тысячъ двадцать въ годъ, а можетъ-быть и побольше. По справкамъ, собственно самое имѣнье мало доходно. Продаютъ его за безцѣнокъ, а тому, кто его купитъ, оно все-таки будетъ убыточно. Не содержать дворецъ и паркъ въ такомъ видѣ, какъ мы это теперь видимъ, это было бы вандализмомъ. Не скиѳы же мы, въ самомъ дѣлѣ!

— Я бы не купила, — согласилась съ нимъ Аргамакова.

— Отчего, мамочка? — ласкаясь къ ней, возразила Кэтъ.— Купи. Если не хватитъ денегъ—займи. Мнѣ здѣсь такъ нравится.

— Ну, нѣтъ, доченька, это намъ не по карману, — разсмѣялась мать.

— У, какая ты, мамочка... непрактичная, — шутя надулась Кэтъ.—Вѣдь генералъ говоритъ—за безцѣнокъ. Еслибы папа былъ живъ, онъ бы непремѣнно купилъ.

Каждый разсматривалъ внимательно то, что его больше интересовало. Генерала привлекали старинныя вещи, Вѣру—музыкальные инструменты, Софью Михайловну—фамильные портреты, картины, библіотека.

Одинъ изъ портретовъ представлялъ молодую, красивую женщину въ охотничьемъ костюмѣ, съ ружьемъ въ рукахъ. Смѣлые глаза глядѣли вызывающе.

— Это кто?—спросила Кэтъ проводника.

— Княгиня Гогенлоэ, нынѣшняя владѣлица, когда она жила здѣсь еще при отцѣ, до замужства. Она участвовала въ большихъ охотахъ и сама убила не одного медвѣдя.

У Кэтъ глаза разгорѣлись.

— Madame,—почтительно произнесла она, дѣлая передъ портретомъ глубокій реверансъ:—je vous salue... et je vous admire!..

Ея лицо въ эту минуту было серьезно и полно какой-то странной рѣшимости.

И вдругъ, повернувшись въ сторону генерала, она кокетливо, съ ласкающимъ взглядомъ исподлобья, сказала ему:

— Генералъ, вы научите меня стрѣлять изъ винтовки?

— Съ величайшимъ наслажденіемъ,—смѣясь отвѣтилъ генералъ:—тѣмъ болѣе, что я, въ качествѣ кавалериста, самъ стрѣляю плохо, и будемъ учиться вмѣстѣ.

— Когда же?—настаивала Кэтъ.

— Хоть завтра.

— Пойдемте завтра вмѣстѣ въ тиръ.

— Куда угодно,—шутилъ генералъ.

Потомъ всѣ подошли къ портрету, на которомъ изображенъ былъ молодой военный, рослый, коренастый, цвѣтущій. Вѣра спросила проводника, чей это портретъ. Тотъ назвалъ имя и княжескую фамилію, которыя, впрочемъ, ничего не сказали новаго ни дамамъ, ни генералу.

— Портретъ былъ писанъ за годъ до его смерти,—добавилъ проводникъ.

— Онъ былъ убитъ?—машинально спросилъ генералъ.—Въ какомъ сраженіи?

— Онъ умеръ за границей, отъ неизвѣстной болѣзни,—сказалъ проводникъ.

— Какъ!—воскликнулъ генералъ.—Такой здоровый? Что же за болѣзнь?

— За годъ передъ тѣмъ умерла супруга князя, тоже за границей, и была похоронена тамъ въ особомъ склепѣ. Князь такъ

тосковалъ по ней, что бросилъ службу и дѣла и иногда по цѣлымъ днямъ проводилъ въ склепѣ у ея гроба. Потомъ попробовалъ уѣхать, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернулся туда опять и пожелалъ посмотрѣть на покойницу. Онъ велѣлъ распаять гробъ и открыть крышку. Что онъ тамъ увидѣлъ—неизвѣстно, но съ тѣхъ поръ...

— Какой ужасъ!—воскликнула Вѣра, закрывая лицо руками.

Всѣ нѣкоторое время молчали. Кэтъ въ спокойной задумчивости сосредоточенно всматривалась въ глаза портрета.

— Князь болѣе не возвращался въ склепъ, но въ полгода истаялъ какъ свѣча,—добавилъ проводникъ.

Еще нѣсколько мгновеній общаго молчанія, и Софья Михайловна почти восторженнымъ тономъ сказала:

— Взглянуть въ глаза самой смерти! Это, по крайней мѣрѣ, оригинально и сильно.

— Да, взглянуть, но не умереть отъ этого!—сердитымъ тономъ возразилъ генералъ.—Нѣтъ-съ, это не по-военному! Смотрѣла она и на насъ, курносая, изъ тысячи жерлъ смотрѣла, да не таяли мы передъ ней.

И этотъ сѣдой, лысый старикъ выпрямился и стоялъ на виду у всѣхъ съ такимъ выраженіемъ глазъ, что не было сомнѣній—грохотъ тысячи орудій никогда не пугалъ его. Въ эту минуту онъ былъ прекрасенъ. И Кэтъ оторвала свой взглядъ отъ портрета и ласково перевела его на эту живую картину; и даже Марья Дмитріевна мирилась теперь съ генераломъ: здѣсь онъ былъ на своемъ мѣстѣ; не стараясь быть занимательнымъ, онъ приковалъ къ себѣ вниманіе всѣхъ, и всѣмъ казался какъ-то моложе.

— Смерть — женщина, ваше превосходительство, — съ насмѣшливо-вызывающей улыбкой обратилась къ нему Софья Михайловна:—и капризна, какъ любовь. Она побѣждаетъ тогда, когда этого всего менѣе ожидаютъ.

— Хорошій стратегъ долженъ быть готовъ ко всякого рода неожиданностямъ, — уже принимая шутливый тонъ, отвѣтилъ генералъ.

— Вы, на войнѣ, имѣете дѣло съ мужчинами,—продолжала, смѣясь, Софья Михайловна:—поэтому вамъ и не страшно. Тамъ у васъ смерть — гостья. А вотъ погодите, когда сформируются полки амазонокъ, и вы увидите поле битвы, усѣянное мертвыми тѣлами, молодыми, красивыми, вызывавшими при жизни поклоненіе, а тутъ смотрящими на васъ безжизненнымъ взглядомъ трупа, окоченѣвшаго прежде, чѣмъ успѣли закрыться потускнѣвшіе гла-

за. И надъ ними, какъ мать родная, будетъ стоять, распростерши руки и саванъ, скорбящая смерть.

— Какіе ты ужасы говоришь, Соня,—поморщившись, сказала Вѣра.

— Это сюжетъ задуманной мною картины, — бросила ей вскользь Софья Михайловна и, обращаясь къ генералу, продолжала:—Здѣсь смерть будетъ дома, какъ женщина между женщинами. И когда изъ ея черныхъ глазныхъ впадинъ на васъ блеснетъ лучъ укоризны, когда на̀ костяхъ ея скулъ вы увидите слезы, вы, мужчины, въ паникѣ бросите оружіе и побѣжите...

— Сомнѣваюсь,—покачалъ головой генералъ.—Ужъ если не бѣжали предъ смертью грозной, такъ передъ плачущей-то и подавно не побѣжимъ. А впрочемъ, чѣмъ чортъ не шутитъ, вы можетъ быть и правы,—говорилъ онъ, какъ бы размышляя самъ съ собой.—Дѣйствительно, при нашемъ сантиментальномъ воспитаніи какъ-то неловко проѣхаться вдругъ этакъ саблей по красивому женскому лицу. И можетъ быть то государство, которое впервые вздумаетъ сформировать и пустить въ дѣло полки амазонокъ, въ рѣшительную минуту одержитъ побѣду. Но это разъ, два, а тамъ привыкнутъ и бабъ рубить, какъ капусту. Вѣдь это все, что вы сейчасъ изволили разсказывать-съ, это все изъ области «непротивленія злу». Вѣдь эта картинка-то ваша должна означать: «долой войну!» Die Waffen nieder! Знаемъ!

Проводникъ между тѣмъ двинулся дальше, въ другія залы, и генералъ, пропуская дамъ впередъ, продолжалъ ораторствовать:

— И все напрасно,—громко звучалъ его хриплый баритонъ:—безъ войны ничего и не было бы на свѣтѣ. Войнѣ мы обязаны всѣмъ, всей цивилизаціей, всѣми международными сношеніями и даже пресловутымъ «братствомъ народовъ». Безъ войны была бы пустыня, и люди продолжали бы ѣсть другъ друга, какъ они дѣлаютъ это и до сихъ поръ въ Африкѣ.

— Но вѣдь тамъ и ѣдятъ взятыхъ въ плѣнъ враговъ,—возразила генералу шедшая въ это время съ нимъ рядомъ Марья Дмитріевна.

— А очень часто и ближайшихъ родственниковъ, напримѣръ на тризнахъ, по случаю смерти какого-нибудь родоначальника,—поправилъ ее генералъ.—А и враговъ поджариваютъ и кушаютъ собственно потому, что еще очень мало воевали съ европейцами. Да и воютъ-то вѣдь тамъ все больше съ ближайшими сосѣдями изъ-за того, чтобы, за недостаткомъ другого мяса, наловить человѣчинки, потому что иначе самому придется для удовольствія сво-

ихъ соплеменниковъ на угольки ложиться. А вотъ какъ повоюютъ нѣсколько столѣтій изъ-за разныхъ высшихъ вопросовъ, да на край свѣта черезъ Чортовъ мостъ изъ-за какого-нибудь принципа сходятъ, Олеговъ щитъ на вратахъ Царьграда повѣсятъ, такъ и будутъ, какъ наши дамы, плѣннымъ туркамъ букеты бѣлыхъ розъ подносить.

Они вошли въ большую высокую залу, гдѣ вдоль стѣнъ, словно выходцы съ того свѣта, стояли надѣтыя на манекены рыцарскія латы, и самыя стѣны были увѣшаны всякаго рода старинными оружіемъ.

— Этотъ арсеналъ перевезенъ изъ зáмка Рáдзивиловъ въ Несвижѣ,—началъ объяснять проводникъ.

— Вотъ полюбуйтесь на эту красоту!—прервалъ его генералъ.—Вотъ, всѣ, кто носили эти латы, были представителями великой эпохи, когда для освобожденія Гроба Господня вся Европа потянулась въ Святую Землю. Вотъ видите, тутъ, рядомъ съ этимъ гигантомъ, стоятъ маленькія, дѣтскія латы,— указалъ генералъ на изящное, тоненькое рыцарское вооруженіе, по своимъ размѣрамъ соотвѣтствовавшее развѣ подростку, никакъ не рыцарю:— это быть-можетъ игрушка, а можетъ быть это латы изъ «похода дѣтей». Вы не знаете, чьи это?—обратился генералъ къ проводнику.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ тотъ.

Кэтъ въ это время подошла и встала рядомъ съ маленькими латами, и оказалось, что онѣ имѣли видъ игрушечныхъ только въ сравненіи съ другими громадами, а ей почти были бы впору.

— Мама, купи мнѣ такія,—подходя къ матери, потихоньку сказала Кэтъ.

— Ты съ ума сошла,—усмѣхнулась Зинаида Дмитріевна.

— Нѣтъ, право, мама, купи,—уже немного капризно настаивала Кэтъ.

— Что ты съ ними будешь дѣлать?—спросила стоявшая рядомъ Марья Дмитріевна.

— Я буду въ нихъ, вмѣсто амазонки, верхомъ кататься,—отвѣтила Кэтъ, посматривая на мать и на тетку ласковымъ взглядомъ наивно-довольнаго своей выдумкой ребенка.

Генералъ, не слыхавшій этого разговора, продолжалъ, обращаясь къ Софьѣ Михайловнѣ:

— Этотъ дѣтскій походъ, конечно, былъ нелѣпостью съ военной точки зрѣнія, но подумайте, какой подъемъ духа массъ, какое единеніе всѣхъ во имя одной общей святой цѣли, не имѣющей ни-

какой меркантильной подкладки. Нѣтъ-съ, что вы ни говорите, а война—благородное дѣло! Послѣ религіи укажите мнѣ хоть что-нибудь, что могло бы такъ соединять мала и велика къ одномъ общемъ чувствѣ, какъ война?

— *Красота*, генералъ,—отвѣтила ему Софья Михайловна.— Я думаю, что рыцари-то шли такъ охотно въ походы, и дѣтей посылали, потому что это было красиво.

«Смѣлый широкій мазокъ исторической жизни»,—подумала она про себя.

— Что же-съ, и красиво! Ничего не имѣю и противъ этого,— рѣшительно заявилъ генералъ.—Что красиво, то красиво!—повелъ онъ размашистымъ жестомъ по линіи стоявшихъ вдоль стѣны «рыцарей».—А то помилуйте, меня хотятъ одѣть вмѣсто латъ въ лапти и при этомъ учатъ: «не противься злу!» Мы, видите ли, съ Львомъ Николаевичемъ, «nous avons changé tout cela!»

Марья Дмитріевна какъ разъ смотрѣла въ упоръ въ лицо генерала, и онъ, произнося послѣднія слова, иронически подмигнулъ именно ей, кивнулъ головой на кого-то предполагавшагося гдѣ-то внѣ предѣловъ этихъ стѣнъ.

О, ей очень хотѣлось возразить ему! Но она этого не сдѣлала. Къ чему спорить, когда она видѣла, что ей все равно не разубѣдить генерала, очевидно чувствовавшаго себя въ этомъ маленькомъ арсеналѣ въ своей сферѣ, какъ рыба въ водѣ. Для нея было достаточно, что у нея самой нѣтъ сомнѣній въ томъ, что она съ нимъ несогласна. Какъ скелеты мертвецовъ, глядѣли на нее эти пустыя латы, эти шлемы съ зіяющими отверстіями для глазъ, и эти желобки-гнѣзда для пальцевъ въ этихъ пустыхъ желѣзныхъ перчаткахъ, и она думала: «Вотъ были люди—и нѣтъ ихъ!» Какъ они гордились, вѣроятно, своею несокрушимою силой подъ этими латами! Сколько беззаконій и насилій надъ слабыми и беззащитными было совершено ими рядомъ съ ихъ красивыми подвигами, совершенными, чтобы понравиться ихъ красивымъ дамамъ, отъ которыхъ теперь не осталось даже и скелетовъ—ни костяныхъ, ни желѣзныхъ. О, они знали свою безнаказанность, эти закованные въ броню феодалы!... А теперь эти брони—предметъ празднаго любопытства кучки никому неизвѣстныхъ людей, не интересующихся даже именами этихъ нѣкогда тщеславныхъ рыцарей. «Костюмъ для катанья, вмѣсто амазонки»—вотъ достойное примѣненіе всѣмъ этимъ «реликвіямъ». И вотъ, отъ этихъ рыцарей не осталось и слѣда въ общей жизни современныхъ людей. Они только въ музеяхъ, да въ старыхъ, никому ненужныхъ книгахъ. И стоитъ только *всѣмъ* по

желать—и эти послѣдніе остатки ихъ памяти будутъ стерты, стерты навсегда и до послѣдней пылинки. А мужикъ-вилланъ, тотъ не противившійся ихъ могуществу простецъ, который несъ на своихъ плечахъ бремя этого могущества, онъ все живъ. Какимъ онъ былъ при феодалахъ, таковъ онъ будетъ и у этого генерала. Потому что его простота—это вѣчное, несокрушимое, это сама природа, это то, къ чему мы всѣ должны стремиться, чтобы найти рай на землѣ, а все остальное—это временное, преходящее, наносное, только ослѣпляющее насъ и заслоняющее отъ насъ истинное счастіе.

Съ такими, давно и прочно засѣвшими въ ея головѣ, мыслями шла Марья Дмитріевна, вслѣдъ за другими, по комнатамъ дворца.

А проводникъ уже велъ ихъ дальше и теперь показывалъ имъ зимній садъ. Высокія пальмы, балконы, лѣстницы, бесѣдки, со стѣны на стѣну, съ дерева на дерево ползущія ліаны, одурманивающій запахъ какихъ-то экзотическихъ цвѣтовъ—дополняли общее впечатлѣніе фантастичности, которою вѣяло отъ всего этого необитаемаго дворца.

Послѣднимъ, что̀ показалъ проводникъ, была ванна. Онъ предложилъ всѣмъ спуститься гуськомъ по узкой дубовой лѣстницѣ въ подвальный этажъ. Тамъ, въ полутемной залѣ помпейскаго стиля, стояли по стѣнамъ одна противъ другой двѣ ванны и около нихъ кушетки и туалетные столики. Свѣтъ падалъ сюда изъ-за колоннъ сосѣдняго помѣщенія, гдѣ рядъ низкихъ оконъ освѣщалъ большой бассейнъ для купанья. Бассейнъ теперь былъ пустъ и дно его сухо. Покрытое мельчайшею гладкою галькой, оно представляло какъ бы дно рѣки съ уклономъ въ одну сторону, такъ что въ одномъ концѣ бассейна, у лѣстницы въ нѣсколько ступенекъ, могли купаться дѣти, въ другомъ могъ бы утонуть и великанъ.

Кэтъ, стоявшая вмѣстѣ съ Вѣрой между колоннъ на краю бассейна, рѣшительно заявила:

— Когда я выйду замужъ, у меня непремѣнно будетъ такая купальня.

— Какія у тебя необузданныя фантазіи, Кэтъ,—насмѣшливо замѣтила Вѣра.

Кэтъ сначала молча, съ улыбкой сожалѣнія, посмотрѣла ей въ лицо, потомъ отвѣтила:

— Вѣрочка, ты совсѣмъ поглупѣла отъ твоей музыки, милочка.

И, нѣжно взявъ сестру за подбородокъ, она чуть-чуть приподнялась на цыпочки и крѣпко поцѣловала ее въ губы.

— Отстань, Кэтъ!—разсмѣялась Вѣра, ласково отстраняя ее.

IV

Послѣ осмотра дворца генералъ пошелъ къ управляющему взглянуть опись имѣнья и условиться относительно завтрашняго дня: сегодня послѣ верховой ѣзды и хожденія по лѣстницамъ дворца онъ уже чувствовалъ себя утомленнымъ и не хотѣлъ осматривать хозяйственныхъ построекъ, намѣреваясь пріѣхать для этого завтра, пораньше. Дамы остались, въ ожиданіи возвращенія, немного отдохнуть въ паркѣ.

Все еще горячіе, лучи солнца стали теперь немного мягче, освѣщали паркъ съ другой стороны и придавали ему новую прелесть.

Когда, наконецъ, нужно было уже тронуться въ обратный путь и лошади были поданы, Кэтъ вдругъ заявила:

— Мама, я ѣсть хочу.

— Сочувствую,—улыбнувшись, шепнулъ ей генералъ.

— Что же дѣлать, милая, — сказала ей на это мать: — до обѣда остался еще часъ.—Мы развѣ немного опоздаемъ вернуться къ этому времени домой. Ваше превосходительство, надѣюсь, не откажетесь отобѣдать сегодня у насъ,—обратилась она къ генералу.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ сидѣвшій уже на лошади генералъ, прикладывая руку къ козырьку.

— Мама, я ѣсть хочу,—снова капризно протянула Кэтъ, безпомощно опуская на шею лошади поводья:—хоть бы стаканъ молока съ чернымъ хлѣбомъ.

Дамы уже сидѣли въ экипажѣ, никому не хотѣлось оставаться здѣсь долѣе изъ-за Кэтъ.

— Отсюда недалеко, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дороги, есть маленькій трактирчикъ,—вмѣшался въ разговоръ берейторъ.— Туда иногда, кто катаются, заѣзжаютъ закусить.

— Ну и поѣдемъ туда,—сказала Кэтъ, трогая хлыстомъ свою лошадь.

— Ахъ, Катя, точно ты ребенокъ, что не можешь потерпѣть до обѣда,—укоризненно покачала головой мать.

— Мама, я ѣсть хочу—это же такъ просто!—своимъ обычнымъ наивнымъ тономъ сказала Кэтъ.

— Чего проще,—шутливо поддакнулъ ей генералъ.

— Мы съ вами поѣдемъ туда, генералъ?—обратилась она къ нему.—Да? А они пусть ѣдутъ впередъ,—махнула она рукой на тронувшійся экипажъ.

— И выпьемъ по доброй чаркѣ водки, а?—весело кивнулъ ей головой генералъ.

— Нѣтъ, я водку не пью, я только молока,—съ смѣшною серьезностью возразила Кэтъ.—Мама, такъ вы не поѣдете съ нами?—крикнула она матери.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила Зинаида Дмитріевна:—мы поѣдемъ потихоньку впередъ, вы догоните насъ потомъ.

— Ну, а пока мы ихъ обгонимъ,—сказалъ генералъ и весело скомандовалъ:—Впередъ!

Сопровождаемые берейторомъ, они воспользовались клочкомъ дороги, гдѣ по краямъ росла трава и не было пыли, галопомъ пронеслись впередъ мимо экипажа и скрылись изъ виду.

Черезъ четверть часа Вѣра указала на нихъ съ дороги: они сидѣли въ саду у низенькаго рѣшетчатаго забора за столикомъ и закусывали, а берейторъ проваживалъ по двору взмыленныхъ лошадей. Генералъ и Кэтъ тоже замѣтили коляску и стали махать платками. Софья Михайловна и Вѣра имъ отвѣтили тѣмъ же, а Зинаида Дмитріевна крикнула:

— Спѣшите.

Но они не слыхали и только продолжали махать платками, пока коляска не удалилась.

Еще черезъ четверть часа они догнали ее. На полномъ скаку генералъ и Кэтъ осадили своихъ тяжело дышавшихъ лошадей съ двухъ сторонъ коляски, ѣхавшей теперь шагомъ. Кэтъ сіяла отъ удовольствія. Генералъ весело улыбался, отирая платкомъ вспотѣвшую лысину.

— Совсѣмъ какъ въ романѣ,—улыбнулась ему Софья Михайловна.

— Да-съ,—началъ шутить генералъ:—мы съ Катериной Михайловной тамъ первую главу романа уже написали.

— Какую?—съ наивнымъ любопытствомъ спросила его Кэтъ, пораженная неожиданностью его словъ.

— Ладно—какую!—сдѣлалъ генералъ видъ, что онъ не придаетъ значенія ея притворству.

Кэтъ, наконецъ, поняла шутку и кокетливо улыбнулась, бросивъ на генерала лукавый взглядъ исподлобья.

— Она у меня ужъ, кажется, черезчуръ романтична, — сказала ему Зинаида Дмитріевна:—съ вами-то не очень страшно...

— То-есть какъ это не страшно-съ? — съ напускной серьезностью прервалъ ее генералъ. — Позвольте, вѣдь этакъ я вправѣ

и обидѣться. Вотъ тебѣ на! Не страшно! Непріятели одного имени моего боялись...

— Такъ вѣдь то непріятели,—съ улыбкой замѣтила ему Вѣра.

— А ужъ о страхѣ непріятельницъ-то мнѣ и не докладывали, — продолжалъ шутить генералъ. — А тутъ вдругъ, извольте! Не страшно! Нѣтъ, вѣдь если это вы такъ и въ самомъ дѣлѣ, такъ это что же-съ? Это вѣдь выходитъ: «вотъ вамъ ваши игрушки, отдайте мнѣ мои куклы, я съ вами больше не играю». Нѣтъ, я лучше переѣду на ту сторону къ моей героинѣ.

И генералъ, повернувъ лошадь, объѣхалъ коляску и поровнялся съ Кэтъ.

— Ну, чѣмъ не романтическая пара?—бросилъ онъ на всѣхъ вызывающій взглядъ, принимая бравую посадку и заставляя приплясывать своего коня.

— Знаете, генералъ,—мечтательно заговорила Кэтъ:—мнѣ бы хотѣлось, чтобъ у меня былъ такой романъ, какого ни у кого, ни у кого не было. Чтобъ интереснѣе всѣхъ, какіе я читала,—и французскихъ, и итальянскихъ...

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ ей отвѣтить, всѣ ахнули. Генералъ вдругъ качнулся, схватился за сердце и, даже не вскрикнувъ, сразу свалился съ лошади, прямо лицомъ на пыльную дорогу. Испуганная лошадь бросилась въ сторону и, отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, остановилась. Остановилась и коляска, уже успѣвшая подвинуться немного впередъ, остановилась и озадаченная, ничего не понимавшая Кэтъ.

Берейторъ, соскочивъ съ лошади и держа ее въ поводу, наклонился надъ генераломъ, поворачивая его лицомъ кверху. Кэтъ взглянула на это помертвѣвшее, запачканное пылью лицо и на мгновеніе закрыла глаза. Генералъ чуть-чуть шевелилъ губами, одинъ глазъ былъ закрытъ, другой прищуренъ; на лысинѣ оказалась большая кровавая ссадина.

Дамы вышли изъ коляски, кучеръ слѣзъ съ козелъ и всѣ столпились вокругъ генерала, ахая и не зная, что̀ предпринять. Генералъ лежалъ теперь на спинѣ неподвижно, и только правая нога его вздрагивала и сокращалась, да попрежнему, словно что-то шепча, шевелились губы.

— Вѣроятно, ударъ или сердечный припадокъ,—первая заговорила Марья Дмитріевна. Она наклонилась надъ генераломъ и стала разстегивать воротъ и пуговицы сюртука. Отъ неумѣнья она дѣлала это съ трудомъ: тугіе крючки и петли плохо слушались ея слабыхъ пальцевъ. А берейторъ побѣжалъ въ это время поймать

стоявшую въ сторонѣ лошадь и, только уже привязавъ ее вмѣстѣ съ своей къ задней оси коляски, вернулся на прежнее мѣсто.

Аргамакова, помогая сестрѣ, достала носовой платокъ и очистила прищуренный глазъ генерала отъ пыли. Глазъ совсѣмъ закрылся, а губы зашевелились еще сильнѣе. Барышни стояли въ полусклоненной позѣ, какъ бы выжидая, когда придетъ ихъ чередъ чѣмъ-нибудь помочь. О Кэтъ всѣ какъ будто забыли. Она и не слѣзала съ лошади, а, безпомощно опустивъ руки, глядѣла на всю эту картину и только нѣсколько разъ прошептала: «бѣдненькій генералъ!» Юмъ-Юмъ, постукивая мундштукомъ, усиленно вытягивала шею, стараясь защипнуть травы съ кочки возлѣ самой головы генерала.

— Что же, надо перенести его въ экипажъ, — сказала наконецъ Марья Дмитріевна.

Аргамакова на секунду задумалась, но ничего другого не оставалось дѣлать, и онѣ стали помогать, насколько могли, кучеру и берейтору перенести грузное тѣло въ коляску. Генералъ подавалъ лишь слабые признаки жизни. Съ него смахнули пыль, надѣли на него фуражку и, поднявъ кузовъ коляски, усадили генерала въ уголъ, такъ что снаружи его было не видно, и всѣ немного успокоились. Оставалось подумать, какъ размѣститься, чтобы тронуться въ путь. Никому не хотѣлось теперь занять мѣсто рядомъ съ генераломъ и во всякомъ случаѣ въ коляскѣ не хватало теперь одного мѣста и которой-нибудь изъ барышенъ приходилось сѣсть на козлы, рядомъ съ кучеромъ. По старшинству, мѣсто рядомъ съ генераломъ принадлежало Зинаидѣ Дмитріевнѣ, а на козлы предстояло взбираться Вѣрѣ. Обѣ колебались и предлагали послать берейтора верхомъ за извозчикомъ въ городъ и дождаться. Но какъ ждать? Генералу была нужна немедленная медицинская помощь, слѣдовательно надо было ѣхать сейчасъ же. Марья Дмитріевна оказалась болѣе рѣшительной и изъявила готовность сѣсть или съ генераломъ, или на козлы; но Аргамаковы все еще продолжали колебаться, какъ подѣлить оставшіяся мѣста. Кэтъ, не принимавшая участія въ этихъ спорахъ, въ грустной задумчивости поглаживала рукой шею своей Юмъ-Юмъ, начинавшей приплясывать подъ ней, очевидно, соскучившись стоять на мѣстѣ.

Въ это время на дорогѣ показался порожній извозчикъ. Онъ кого-то отвезъ въ тотъ самый трактирчикъ, гдѣ только что закусывали Кэтъ съ генераломъ, и теперь возвращался въ Вильну. Софья Михайловна и Вѣра бросились къ нему, какъ къ спасителю, и, оставивъ мать и тетку съ генераломъ, сѣли на извозчика и ве-

лѣли ему ѣхать впереди коляски. Рядомъ съ ними поскакала Кэтъ. Берейторъ, держа въ поводу гнѣдого, замыкалъ печальный поѣздъ.

Аргамакова и Марья Дмитріевна всю дорогу ѣхали молча, отворачивая взглядъ отъ торчавшихъ у нихъ предъ глазами опущенныхъ на колѣни землисто-багровыхъ рукъ генерала и лишь украдкой взглядывая въ его лицо, чтобъ убѣдиться, что онъ еще дышитъ.

Марья Дмитріевна думала: «Вотъ, былъ человѣкъ, и нѣтъ его! Ѳероятно, и въ отставку-то долженъ былъ выйти въ предупрежденіе вотъ этакого случая. А онъ все еще къ чему-то стремился, что-то все хотѣлъ пріобрѣтать, точно у него мало было, шумѣлъ... скакалъ... кокетничалъ... А завтра, быть-можетъ, будетъ лежать на столѣ».

И опять, какой ненужной казалась ей вся эта мишурная жизнь образованныхъ классовъ! Къ чему все это, когда счастье заключается въ спокойствіи души, въ общеніи съ природой, въ томъ, чтобы чувствовать около себя присутствіе Бога на землѣ. Марья Дмитріевна была изъ невѣрующихъ. Ея невѣріе сложилось не столько подъ вліяніемъ твердо обоснованныхъ убѣжденій, сколько вслѣдствіе равнодушія къ вопросамъ вѣры и религіи. Этотъ индифферентизмъ былъ и у ея мужа, и даже еще въ большей степени, и они взаимно поддерживали его другъ у друга. Но Марья Дмитріевна любила слово «Богъ», когда она думала или говорила о природѣ; сама того не замѣчая, она дѣлалась безсознательной пантеисткой. Вѣчно юная, вѣчно возраждающаяся природа говорила ей о чьемъ-то безсмертіи. И когда ей иногда приходила въ голову мысль, что вѣдь и самой ей надо будетъ когда-нибудь умереть, она безъ страха думала объ этомъ и только хотѣла умереть весной, въ ясный солнечный день, среди зелени лѣсовъ и полей, любуясь «жемчужной цѣпью» облаковъ, бѣгущихъ по «лазурной степи» неба; она хотѣла, чтобъ ея послѣдній вздохъ былъ принятъ прямо богомъ-природой, она хотѣла слиться съ нимъ. Поэтому-то простой народъ, его простая жизнь, вдали отъ грохота, суеты, пыли и дыма городовъ, и его дѣтски-простая вѣра въ Бога такъ манили ее къ себѣ и, сама равнодушная къ обрядамъ, она любила видѣть молящійся въ церкви народъ.

Когда коляска застучала по мостовой Вильны и Марья Дмитріевна, очнувшись отъ своихъ мыслей, взглянула на генерала, не было сомнѣній, что передъ ними сидѣлъ начинавшій коченѣть трупъ. Онѣ съ сестрой молча переглянулись, и Зинаида Дмитріевна перекрестилась.

Кучеру велѣли ѣхать прямо въ «Европейскую гостиницу».

Тамъ ни за что не хотѣли принять трупъ и совѣтовали везти его въ пріемный покой при полицейскомъ участкѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ спора, послали за околоточнымъ, который долженъ былъ разрѣшить, какъ поступить съ покойникомъ, а тѣмъ временемъ проголодавшаяся Аргамакова предложила и Марьѣ Дмитріевнѣ подкрѣпиться въ залѣ гостиницы бутербродами и чаемъ. Прислуживавшій имъ лакей, вслушиваясь въ ихъ разговоръ, назвалъ имъ фамилію одного виленскаго доктора, который, очевидно, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ генераломъ, потому что наканунѣ обѣдалъ у него здѣсь въ гостиницѣ и провелъ съ нимъ почти весь вечеръ. Оказалось, что Аргамакова тоже знала этого доктора, и Марья Дмитріевна посовѣтовала ей съѣздить сейчасъ же за нимъ. Но перспектива ѣзды въ отдаленную улицу и неувѣренность въ результатѣ этой поѣздки заставили ихъ отказаться отъ этой мысли. Тѣмъ временемъ пришелъ околоточный, и имъ пришлось поѣхать вмѣстѣ съ трупомъ генерала въ полицейскую часть, куда немедленно былъ приглашенъ докторъ. Произвели освидѣтельствованіе, дознаніе, написали протоколъ. Показанія свидѣтельницъ и свидѣтелей, кучера и берейтора, были настолько ясны, что полиція нашла возможнымъ разрѣшить Марьѣ Дмитріевнѣ уѣхать, какъ она и раньше намѣревалась, въ тотъ же день вечеромъ въ Петербургъ, гдѣ ее ждали мужъ и дѣти.

При осмотрѣ находившихся въ бумажникѣ генерала денегъ и бумагъ найдены были и его визитныя карточки съ его петербургскимъ адресомъ. Марья Дмитріевна попросила дать ей одну изъ нихъ, выразивъ желаніе завтра, по возвращеніи въ Петербургъ, посѣтить семью покойнаго, чтобы лично сообщить ей о случившемся. А Зинаида Дмитріевна взялась сейчасъ же съѣздить къ тому доктору, который, по словамъ лакея гостиницы, былъ у генерала наканунѣ, и предложить доктору, или кого застанетъ у него дома, телеграфировать о смерти генерала въ Петербургъ. И, выйдя изъ полицейской части, онѣ взяли извозчиковъ: Аргамакова — къ доктору, а Марья Дмитріевна—въ «резиденцію». Коляску отпустили: сидѣть на томъ мѣстѣ, гдѣ только что сидѣлъ мертвый генералъ, казалось непріятнымъ.

Проѣзжая мимо соборнаго костела, Марья Дмитріевна замѣтила у входа большую толпу простого народа. Нѣкоторые стояли на паперти на колѣняхъ и молились. Марья Дмитріевна спросила извозчика, что значитъ это стеченіе молящихся. Извозчикъ - полякъ сейчасъ же объяснилъ ей, что въ костелъ пріѣхалъ молиться старый-старый ксёндзъ. Онъ прежде былъ настоятелемъ въ этомъ со-

борѣ, а теперь живетъ на покоѣ въ деревнѣ, и только иногда пріѣзжаетъ сюда помолиться, одинъ для себя, когда нѣтъ службы. И когда онъ пріѣзжаетъ, молва летитъ объ этомъ по всему городу, и народъ стекается сюда, потому что ксёндзъ—святой человѣкъ и кто молится вмѣстѣ съ нимъ, молитва того бываетъ услышана Святой Дѣвой и ея Распятымъ Сыномъ. Марьѣ Дмитріевнѣ невольно вспомнились толпы народа, окружающія о. Іоанна Кронштадтскаго. Любопытство ея было возбуждено, да и хотѣлось ей чѣмъ-нибудь разогнать мрачное впечатлѣніе, оставшееся у нея отъ такъ печально кончившейся поѣздки въ Верки, и она велѣла извозчику остановиться и вошла въ открытыя на обѣ половинки двери собора.

Народу тамъ было меньше, чѣмъ можно было предполагать потому, что народъ находился и на паперти. Толпа внутри храма стояла, раздавшись на двѣ стороны, образуя широкій проходъ отъ входныхъ дверей прямо къ алтарю. Марья Дмитріевна пришла уже къ концу: ксёндзъ выходилъ изъ собора; и она встала въ сторонкѣ у дверей, чтобы видѣть этотъ выходъ. Отъ алтаря церковный сторожъ въ поношенной синей ливреѣ и какая-то страннаго вида дама въ старомодной шляпкѣ и порыжѣвшей отъ времени черной шали медленно вели подъ руки еле переступавшаго, безпомощнаго старичка въ старенькомъ длиннополомъ пальто, какія носятъ католическія духовныя лица. По мѣрѣ того, какъ онъ, приближаясь къ выходу, подвигался по оставленному для него широкому проходу, всѣ, стоявшіе впереди другихъ, опускались на колѣни и на колѣняхъ подползали съ двухъ сторонъ къ ксёндзу, чтобы поцѣловать его протянутыя народу руки. Позади его народъ опять смыкался въ плотную толпу и медленно двигался за чтимымъ пастыремъ. Все это дѣлалось въ такой тишинѣ, съ такимъ благоговѣйнымъ спокойствіемъ, что Марья Дмитріевна не могла не подумать о порядочности, о культурности этого простонародья и объ его дисциплинѣ. Задніе не толкали переднихъ, никто не стремился протискаться впередъ, каждый довольствовался той долей участія въ «благодати», какая доставалась ему по мѣсту, гдѣ онъ находился, и, казалось, всѣ только объ одномъ и заботились, чтобы лишнимъ неловкимъ движеніемъ не нарушить душевный миръ этого помолившагося за нихъ старика.

На стѣнѣ внутри собора, близъ выходныхъ дверей, висѣло небольшое Распятіе, повидимому, чугунное, бронзированное. Марья Дмитріевна замѣтила, что всѣ уходившіе изъ собора, прежде чѣмъ направиться къ дверямъ, подходили къ этому Распятію и прикла-

дывались къ нему. Отъ множества поцѣлуевъ, напечатлѣнныхъ здѣсь въ теченіе многихъ годовъ, самая бронза мѣстами сошла; колѣни были уже совсѣмъ обнажены отъ нея, были черныя, чугунныя. Къ этому Распятію подвели приложиться предъ выходомъ изъ храма и старика-ксендза. Марья Дмитріевна потомъ нѣсколько минутъ слѣдила за тѣмъ, какъ, вслѣдъ за ушедшимъ теперь ксендзомъ, женщины одна за другой бросались къ Распятію, къ которому онъ только-что приложился, и, въ религіозномъ экстазѣ, прильнувъ губами къ чугуннымъ колѣнямъ, казалось, не хотѣли оторваться отъ нихъ.

Выйдя на паперть, Марья Дмитріевна видѣла, какъ ксендза посадили на извозчичьи дрожки, сопровождавшая его дама сѣла съ нимъ рядомъ, и они уѣхали. Все въ томъ же благоговѣйномъ молчаніи, какое царило тутъ до сихъ поръ, народъ на прощаніе обнажилъ головы, и потомъ всѣ молча стали расходиться.

Но на Марью Дмитріевну и эта замѣченная ею порядочность и дисциплина толпы, и благоговѣйное отношеніе религіозно-настроеннаго народа къ своему духовному отцу не произвели того впечатлѣнія, какое обыкновенно возникало у нея при видѣ молящихся русскихъ мужиковъ и бабъ. И теперь, по дорогѣ въ «Звѣринецъ», она думала: «Нѣтъ, нѣтъ, рѣшительно нѣтъ! Я не хочу сюда, я не хочу, бросая Петербургъ, уйти къ *этому* народу!» Здѣсь, казалось ей, какъ будто было еще крѣпостное право духовнаго владыки надъ душами народа. А русскій мужикъ возставалъ въ эту минуту въ ея воображеніи свободнымъ отъ такой власти надъ его душой. Богъ и царь—и непосредственное общеніе съ ними—вотъ въ какомъ видѣ представлялась ей настоящая русская жизнь.

Почему у Марьи Дмитріевны укрѣпилось именно это представленіе о духовной жизни русскаго мужика, она не могла бы дать себѣ отчета. Ей и теперь ясно вспомнилось, что вѣдь она съ юныхъ дней, съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ и уѣхала изъ деревни, и не видала вблизи настоящей народной жизни. И она должна была сказать себѣ, что все, что она думала теперь, были наблюденія и впечатлѣнія изъ временъ дѣтства и юности, все это воспоминанія. «Ну, да, ну, да!—думала она:—они потому такъ и живы, что они вѣрны!» Да вѣдь она ничего другого и не хотѣла теперь, какъ именно возврата къ этимъ былымъ незабвеннымъ впечатлѣніямъ, возврата туда, гдѣ свободная душа народная приметъ въ себя ея усталую душу и освободитъ ее отъ подчиненія всякимъ культурнымъ предразсудкамъ, суетѣ, тщеславію...

И поздно вечеромъ, наскоро пообѣдавъ, наскоро простившись

съ сестрой и племянницами, прося ихъ не провожать ее, а послать съ ней горничную, которая бы посадила ее въ вагонъ, Марья Дмитріевна, уѣзжая изъ Вильны, чувствовала, что для нея уже начинается этотъ возвратъ. На вокзалѣ еще шумѣла и суетилась пестрая, разношерстная, разноязычная толпа; еще бѣгали и кричали искавшіе мѣста пассажиры, кричали носильщики, кричали кондуктора; раздавались звонки, свистки; къ поѣздку прицѣпляли дополнительные вагоны,—а Марья Дмитріевна, уже успѣвшая занять мѣсто въ дамскомъ отдѣленіи II класса и отпустившая домой горничную Аргамаковыхъ, думала объ уютномъ барскомъ домикѣ съ тѣнистымъ тихимъ садомъ въ одномъ изъ имѣній Новгородской губерніи, которое было осмотрѣно и сторговано ею еще раньше и на которомъ она теперь окончательно рѣшила остановиться. По платформѣ, заставляя разступаться тѣсную толпу, артельщики возили тележки съ багажемъ; суетились начальникъ станціи и его помощникъ; что-то кому-то доказывалъ жандармъ; медленно, словно цапли на болотѣ, ходили молодые и старые жидки въ длиннополыхъ пальто и съ шапками на затылкѣ, заложивъ руки въ карманы и покачивая, какъ кадиломъ, своими огромными холщовыми зонтиками; они бросали во всѣ стороны угрюмые и проницательные взгляды исподлобья, какъ будто высматривая выгодный «гешефтъ»,—а Марьѣ Дмитріевнѣ мерещилась мирная деревушка на берегу лѣсного озера съ маленькими, покосившимися, но такими милыми, такими родными избушками, изъ оконъ которыхъ выглядывали русыя дѣтскія головки. Лязгъ вагонныхъ цѣпей и стукъ колесъ передвигаемыхъ взадъ и впередъ вагоновъ; проникавшій въ двери и окна запахъ дыма отъ локомотива; душный, тяжелый воздухъ въ самомъ вагонѣ — не могли оторвать ея мыслей отъ рисовавшейся ея воображенію едва проторенной полевой дорожки, гдѣ по ковру молодой, свѣжей травки катилась ароматнымъ весеннимъ утромъ маленькая крестьянская тележка.

Но какъ только мимо оконъ вагона проходилъ какой-нибудь военный, Марья Дмитріевна слегка вздрагивала; передъ ней опять проносился весь сегодняшній суетный и пестрый день, и страшный образъ умершаго на ея глазахъ генерала на время заслонялъ собой всѣ другія впечатлѣнія.

V.

Чрезъ недѣлю послѣ возвращенія Марьи Дмитріевны въ Петербургъ, въ квартирѣ Деминыхъ стоялъ полный разгромъ: имѣніе, наконецъ, купили и готовились къ отъѣзду.

Почти всю свою петербургскую обстановку они назначили въ продажу, и только немногое необходимое увозилось съ собой. Теперь къ нимъ ежедневно приходили торговцы изъ Апраксина рынка, приходили и близкіе знакомые, осматривали то одну вещь, то другую, торговались, расплачивались; затѣмъ являлись носильщики, забирали купленное, разворачивали и сдвигали, куда попало, то, что должно было оставаться въ квартирѣ до послѣдней минуты отъѣзда; на всемъ лежалъ теперь слой пыли, все стояло не на своихъ мѣстахъ.

На Марью Дмитріевну этотъ безпорядокъ дѣйствовалъ дурно; но она старалась быть равнодушной. «Привычку къ комфорту, къ барству все равно нужно искоренять» — думалось ей. Вѣдь каждый дальнѣйшій шагъ долженъ былъ постепенно пріучать ее къ самому простому, спартански суровому домашнему обиходу.

Зато дѣтей непривычная сутолка въ домѣ, видимо, забавляла. Нагроможденіе на столахъ и стульяхъ такихъ вещей, которыя обыкновенно были скрыты въ шкапахъ и комодахъ, и забота объ удобной укладкѣ этихъ вещей въ ящики и чемоданы возбуждали живѣйшій интересъ у десятилѣтней Жени и семилѣтняго Миши, и дѣти только увеличивали безпорядокъ, наперерывъ стараясь оказывать свою помощь то матери, то боннѣ. А пятилѣтняя Маня осталась вѣрна себѣ: она, по обыкновенію, всѣхъ серьезнѣе отнеслась къ дѣлу, и если вмѣшивалась въ укладку вещей, то только тогда, когда видѣла, что не можетъ помѣшать, а дѣйствительно чѣмъ-нибудь помочь; зато до всего, что̀ принадлежало собственно ей, она не позволяла никому и дотронуться и укладывала все сама. Ей были даны отдѣльные чемоданъ и ящикъ. За послѣдніе полгода часто прислушиваясь къ продолжительнымъ разговорамъ между отцомъ и матерью, она не только понимала, что уѣзжаютъ изъ Петербурга, но и составила себѣ извѣстное представленіе о томъ, почему и зачѣмъ уѣзжаютъ; поэтому и при укладкѣ ея вещей у нея сказывалось хотя и дѣтское, наивное, но все-таки сознательное отношеніе къ выбору того, что̀ необходимо взять съ собой и что̀ можно оставить. У нея была, между прочимъ, большая говорящая кукла, а у куклы богатое приданое: изящная кроватка съ балдахиномъ и пологомъ, и цѣлая коллекція утреннихъ, домашнихъ и выѣздныхъ туалетовъ, бѣлья и домашней утвари, отъ чайной посуды до лоханки и утюговъ, — это подарилъ ей теперешній мужъ ея старшей сестры Нины, когда онъ былъ еще женихомъ. Изъ всѣхъ игрушекъ Маня любила эту больше всѣхъ и гордилась ею. Теперь кукла, завернутая въ простынку, тщательно была уложена между бѣльемъ въ чемодан-

чикѣ, а кроватка, завернутая въ бумагу, поставлена въ уголъ деревяннаго ящика. Но высокій балдахинъ съ пологомъ, снятый съ кроватки, никакъ не укладывался ни вдоль, ни поперекъ, и Маня пошла съ нимъ къ матери.

— Мама, знаешь, я думаю, мы оставимъ этотъ пологъ здѣсь?— сказала она, вопросительно глядя на мать своими сѣровато-голубыми глазенками.—Вѣдь въ деревнѣ это лишняя роскошь. Бѣдь и у насъ нѣтъ такихъ, надо и ей отвыкать отъ этого. Я подарю его Аннѣ Семеновнѣ.

Марья Дмитріевна задумчиво посмотрѣла на нее, откинула назадъ спустившійся у Мани на лобъ локонъ свѣтло-русыхъ волосъ и крѣпко поцѣловала дѣвочку въ лобикъ. Помолчавъ, она сказала:

— Нѣтъ, Маня, отчего же... въ деревнѣ, можетъ быть, и тебѣ придется сдѣлать пологъ: тамъ мухи, комары. Надо будетъ и твою baby защитить отъ нихъ, а то они ее заплюютъ.

Маня очень серьезно посмотрѣла на мать и нерѣшительно произнесла:

— Ты говоришь: заплюютъ?... Этого нельзя. Она привыкла къ чистотѣ... Ну, такъ хорошо, мамочка, я возьму.

И Маня побѣжала совѣтоваться съ бонной Анной Семеновной, какъ ей удобнѣе уложить этотъ пологъ, а Марья Дмитріевна, проводивъ ее ласковымъ взглядомъ, задумалась.

Она сидѣла передъ раскрытымъ дорожнымъ сундукомъ и тщательно укладывала въ него изящныя лѣтнія кофточки, и въ то самое время, когда вошла къ ней Маня, она именно думала, не будутъ ли эти наряды излишнею роскошью для ея новой деревенской жизни. Но у нея какъ-то не хватало духу разстаться съ ними. А вотъ сейчасъ она убѣдилась, что Маня собственно была послѣдовательнѣе ея и что ребенокъ скорѣе и прямѣе ея пошелъ бы къ окончательной цѣли; она же, едва успѣвъ толкнуть его на новый путь, уже останавливаетъ...

«Нѣтъ, нѣтъ, не надо этого... надо быть рѣшительнѣе!»—подумала она. Стоявшій передъ ней сундукъ съ дорогими нарядами казался ей теперь чѣмъ-то непріязненнымъ.

... Но вѣдь и она брала съ собой эти остатки роскоши только какъ нѣчто временное, преходящее, только потому, что это все равно некуда дѣвать. Не продавать же это въ самомъ дѣлѣ?

И безъ того съ продажей мебели и лишнихъ домашнихъ вещей ей было не мало хлопотъ. Торговаться ни съ знакомыми, ни съ маклаками она какъ-то не умѣла, не могла. Она говорила цѣну, которую заплатила за вещи сама въ то время, когда она покупала

ихъ, когда онѣ казались ей нужными; теперь покупавшіе давали ей за все гроши, какъ за вещи не нужныя ни ей, ни имъ, и она соглашалась на все. Да и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, по новому складу ея мыслей, все, что она теперь бросала здѣсь, всѣ эти дорогіе диваны, кресла, портьеры, картины и старинныя гравюры, китайскіе шкапчики и японскія этажерки, — все это было рѣшительно *никому не нужно*, все это — балластъ цивилизаціи, и брать за это даже какія-нибудь деньги казалось ей какъ-то нелѣвко. Дошло до того, что мужъ совсѣмъ отстранилъ ее отъ продажи, и хотя и самъ продавалъ не болѣе успѣшно, однако, не отдавалъ по копейкѣ за рубль того, что можно было продать за полцѣны. Но не заставлять же было его продавать еще и принадлежности дамскаго туалета! Все, что не носило личнаго характера: кружева, золото, драгоцѣнные камни, — Марья Дмитріевна уже отдала раньше въ приданое Нинѣ; все, что можно было подарить дальнимъ родственникамъ, знакомымъ, боннѣ, прислугѣ, — было подарено, и если по необходимости оставлялись и для себя немногія вещи, болѣе или менѣе дорогія и красивыя, то это только потому, что заранѣе было рѣшено превратить ихъ изъ предметовъ праздничной, показной жизни въ предметы жизни будничной, рабочей. Но и это немногое все еще, казалось, тяготило Марью Дмитріевну.

Особенно тщательно старалась она удалить или уничтожить все, что напоминало ей о Нинѣ. Она никогда не сомнѣвалась въ томъ, что искренно любила свою старшую дочь; она до послѣдней минуты, до самаго вѣнчанія Нины съ Нагибинымъ и отъѣзда молодыхъ за границу вела себя и съ дочерью, и съ зятемъ, какъ любящая мать; она не хотѣла насиловать волю Нины и заставлять ее подчиняться тому же міровоззрѣнію, которымъ прониклись въ послѣднее время ея родители; она втайнѣ надѣялась, что дочь когда-нибудь сама увлечется ихъ примѣромъ, а пока разъ начатое надо было довести до конца, и Нина теперь у такъ называемой пристани. Материнскому самопожертвованію наступилъ конецъ. Совсѣмъ порывать внѣшнюю связь съ молодою четой Марья Дмитріевна, разумѣется, не хотѣла; но самое воспоминаніе о Нинѣ, о томъ нелѣпомъ, общепринятомъ воспитаніи, которое было ей дано, о нелѣпой общепринятой свѣтской жизни, которую она вела для Нины и вмѣстѣ съ Ниной, чтобы найти ей блестящую партію, пока эта блестящая партія не нашлась, — было для Марьи Дмитріевны тяжелымъ воспоминаніемъ.

... Что это было! Сколько пустыхъ, ничтожныхъ заботъ о разныхъ отдѣлкахъ, украшеніяхъ, лентахъ и шляпкахъ! Сколько вол-

ненiй по поводу добыванiя билетовъ на какiе-нибудь концерты и представленiя, гдѣ дѣло совсѣмъ не въ представленiи и не въ музыкѣ, а въ томъ, чтобы показаться. Сколько безсонныхъ ночей въ душныхъ залахъ, гдѣ кружились разряженныя, чуждыя другъ другу и все-таки ищущiя другъ друга пары. Сколько дней пошлыхъ разговоровъ все о тѣхъ же, всѣмъ наскучившихъ, свѣтскихъ удовольствiяхъ, свѣтскихъ сплетняхъ и новостяхъ, однообразно повторяющихся изъ года въ годъ, — разговоровъ въ самомъ своемъ изяществѣ и остроумiи противныхъ, — противныхъ потому, что все въ томъ же тонѣ и духѣ они происходили и вчера, и третьяго дня, и въ этой гостиной, и въ десяткѣ другихъ гостиныхъ, и, такiе же однообразно-изящные и остроумные, будутъ происходить и завтра, и послѣзавтра, и на Дворцовой набережной, и на Сергiевской, и на Конюшенной, и на Миллiонной, и даже на Офицерской. Точно бередя больной зубъ, Марья Дмитрiевна представляла себѣ, какъ осенью Нина вернется съ мужемъ изъ-за границы, какъ къ тысячѣ другихъ свѣтскихъ салоновъ прибавится еще новый салонъ Нагибиныхъ, какъ Александръ Петровичъ и Нина Николаевна Нагибины будутъ въ каретѣ съ ливрейнымъ лакеемъ развозить свои визитныя карточки, какъ ея блестящая Нина въ назначенные дни будетъ встрѣчать на своихъ five o'clock'ахъ представительницъ и представителей петербургской полуаристократiи, гоняющейся за тѣмъ, чтобы быть во всемъ похожей на аристократiю настоящую,—встрѣчать все съ тою же неизмѣнно-любезною, изящно-скроенною улыбкой, то немного снисходительной, то немного болѣе ласковой, то, наконецъ, неизбѣжно расплывающейся во что-то унизительно-радостное, когда въ этотъ салонъ случайно заглянетъ солидный образчикъ настоящаго high life'а. Шаблонныя фразы объ искусствѣ, не менѣе шаблонныя, хотя и болѣе страстныя рѣчи о всѣхъ видахъ спорта, щегольски произносимыя умныя слова о послѣднихъ новинкахъ литературы, чаще всего о книгахъ серьезныхъ,—слова, произносимыя чаще всего съ чужого голоса и не потому, чтобъ интересовалъ предметъ, а потому, что надо показать, что «мы слѣдимъ, мы au courant». И въ заключенiе, какъ вѣнецъ всего—уже не «праздное» словоизверженiе, а сама «активная дѣятельность» въ лучшей области, доступной человѣку, обладающему хорошими средствами и добрымъ сердцемъ—*благотворительность!* Та благотворительность, гдѣ съ нищетой играютъ какъ съ куклой, стараясь другъ передъ другомъ нарядить ее красивѣе, чтобы каждый могъ похвастаться своимъ покроемъ; благотворительность, черезъ которую жены дѣлаютъ карьеру своимъ мужьямъ, — благотвори-

тельность, въ которой глубоко пустили свои корни всѣ семь смертныхъ грѣховъ... Какъ это пошло, какъ это мучительно пошло!... Бѣдная Нина! Бѣдный мотылекъ, кружащійся около жалкой свѣчки,—какъ это далеко отъ настоящаго солнца!

Марья Дмитріевна чувствовала себя виноватой, что дала дочери такое призрачное счастье; но разсуждать теперь объ этомъ было поздно: разрушать иллюзіи такъ же опасно, какъ внезапнымъ толчкомъ пробуждать загипнотизированнаго. Теперь ей только бы уберечь отъ обмана жизни своихъ маленькихъ,—ни о чемъ больше не думала Марья Дмитріевна. И видя, съ какою охотой дѣти готовились къ переселенію въ деревню, она была увѣрена, что она ихъ убережетъ.

Сегодня она провела съ ними весь день одна,—ни старшаго сына, ни мужа не было дома. Володя, у котораго было какъ разъ время экзаменовъ, уже съ третьяго дня жилъ въ нанятой имъ меблированной комнатѣ и приходилъ только въ семь часовъ, къ обѣду; а Николай Васильевичъ сегодня какъ всталъ, такъ и уѣхалъ изъ дому на весь день, чтобъ закончить послѣднія дѣла въ Петербургѣ—на завтра былъ назначенъ отъѣздъ въ новое имѣнье.

У Марьи Дмитріевны, наконецъ, почти все было уложено, и, утомленная, она уже сидѣла въ гостиной и отдыхала, когда, за полчаса до обѣда, пришелъ Владиміръ; онъ немного поспѣшилъ, чтобы на прощанье провести съ матерью лишнихъ полчаса. И онъ хорошо сдѣлалъ: она такъ обрадовалась, увидя его! Вѣдь у нея еще не было времени привыкнуть къ разлукѣ съ нимъ, хотя для нея онъ, какъ и Нина, былъ вполнѣ отрѣзанный ломоть: его взгляды на жизнь совершенно не согласовались съ ея взглядами и убѣжденіями. Но Владиміръ любилъ мать, быть-можетъ, еще гораздо больше, чѣмъ она его, и потому, несмотря на разность ихъ міровоззрѣній, между ними было полное согласіе.

Когда Владиміръ, войдя теперь въ гостиную, нѣжно поцѣловалъ у матери руку, а она поцѣловала его въ щеку, и онъ, не выпуская ея руки изъ своей, сѣлъ рядомъ съ ней на диванъ, они молча съ улыбкой любовались другъ другомъ. И они и сами не подозрѣвали, сколько въ ихъ родственной любви было эстетики. Немного выше средняго роста, стройный, сильный, съ выразительными темно-сѣрыми глазами, съ довольно коротко подстриженными, слегка вьющимися темно-русыми волосами и едва пробивающейся бородкой, Владиміръ былъ красивъ и въ своемъ отлично сшитомъ студенческомъ мундирѣ держался чрезвычайно ловко. Мать могла бы гордиться имъ, еслибъ у нея не было предубѣжденія противъ

щегольства вотъ этимъ самымъ мундиромъ, который такъ шелъ къ фигурѣ ея Володи... Точно также, еслибъ не предубѣжденіе противъ его преждевременной не юношеской практичности могла бы она гордиться и его способностями. Онъ былъ уменъ, хорошо учился, много читалъ и свободно говорилъ на трехъ иностранныхъ языкахъ—плодъ домашняго свѣтскаго воспитанія и нѣсколькихъ поѣздокъ вмѣстѣ съ родителями за границу. Въ свою очередь и Владиміру было чѣмъ гордиться въ его матери, было что любить въ ней. Высокая, немного худощавая, съ строгимъ, матово-блѣднымъ лицомъ, она была всегда замѣтна въ любой толпѣ. Въ то время, когда она еще одѣвалась съ роскошью, подобающей свѣтской дамѣ, Владиміръ находилъ ее величественной,—въ послѣдній годъ, когда она стала упрощать свои наряды и чаще всего появлялась въ черномъ платьѣ, онъ сравнивалъ ее съ монахинями и говорилъ, что она самый аскетизмъ можетъ сдѣлать увлекательно-красивымъ. Ему нравились ея густые, мелко вьющіеся темные волосы, сами собой складывавшіеся въ пышную прическу; онъ любилъ ея глубоко сидящіе, оттѣненные темными вѣками, темные, почти черные глаза,—ихъ можно бы назвать глазами фанатика, еслибъ въ нихъ не было столько кротости и доброты; онъ любилъ и уважалъ мать за тѣ самыя душевныя качества, которыхъ вовсе не желалъ себѣ,—за ея отзывчивость къ чужому горю и ея готовность жертвовать матеріальными благами для идеальныхъ цѣлей; подъ вліяніемъ недавно вычитанныхъ имъ теорій, онъ признавалъ эти качества съ практической точки зрѣнія «совершенно-таки безполезными», но находилъ, что въ нихъ, между прочимъ, есть большая доля духовной красоты, такъ прекрасно гармонировавшей у его мамы съ красотой внѣшней.

Теперь, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ и сочувственною улыбкой смотря на утомленное лицо матери, онъ ласково произнесъ:

— Устала моя мамочка, моя бѣдная, идеальная мамочка!

— Да, немного,—отвѣтила она, съ улыбкой же смотря ему въ глаза.

Онъ поднесъ ея руку къ губамъ и поцѣловалъ. Потомъ они заговорили объ экзаменахъ, о томъ, когда будетъ послѣдній экзаменъ, о времени, когда Владиміру можно будетъ пріѣхать на каникулы въ новую усадьбу.

Владиміръ не раздѣлялъ взглядовъ, приведшихъ его родителей къ переселенію изъ Петербурга въ деревню. Онъ попробовалъ сначала оспаривать эти взгляды, но, убѣдившись, что изъ этого ничего не выходитъ, кромѣ взаимнаго огорченія, пересталъ, нако-

нецъ, даже касаться этого вопроса, заявивъ разъ навсегда, что онъ пойдетъ своею дорогой. Девятнадцатилѣтній юноша, только въ прошломъ году поступившій въ университетъ, онъ со всѣмъ задоромъ молодости, открывающей одну Америку за другой, смотрѣлъ на идеальныя стремленія своихъ отца и матери немножко свысока. И свысока же считалъ нужнымъ относиться ко всему съ напускной терпимостью, потому что, въ равной мѣрѣ, требовалъ терпимости къ своимъ собственнымъ убѣжденіямъ. Когда ему говорили, что его убѣжденія не могутъ быть въ сущности его убѣжденіями, потому что, за недостаткомъ собственнаго опыта, они взяты на вѣру изъ книжекъ, онъ съ ласковою улыбкой возражалъ:

— Но вѣдь, папочка и мамочка, и ваши *послѣднія* убѣжденія взяты изъ книжекъ. Вѣдь и вы не всегда такъ думали, какъ теперь. И книжки-то вѣдь мы читали вмѣстѣ. Только вы повѣрили однимъ книжкамъ, а я—другимъ. Сколько разъ я говорилъ мамочкѣ, чтобъ она не портила глазыньки надъ мудреными книжками, когда у нея есть любящій сынъ, у котораго глаза помоложе и посвѣжѣе и который уже прочелъ гораздо больше новыхъ книжекъ, чѣмъ она.

Или онъ возражалъ еще такъ:

— Отчего же не черпать своихъ убѣжденій изъ хорошихъ книжекъ. Ужъ на что вонъ, кажется, прочнѣе религіозныхъ убѣжденій, а вѣдь они основаны только на писаніи, потому что Бога «никто же видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ».

А когда онъ начиналъ хвалить пріятности свѣтской жизни, и ему замѣчали, что онъ, какъ младшій членъ семьи, видитъ только одну сторону медали и еще не испыталъ и даже не знаетъ всѣхъ тягостей, которыя лежатъ на старшихъ, онъ, неизмѣнно улыбаясь, отвѣчалъ:

— Такъ бы вы и говорили съ самаго начала, что ваши *идеалы* опрощенія основаны на *трудности* вести прежнюю жизнь. У насъ, марксистовъ, давно признано аксіомой, что фундаментомъ всему служатъ экономическія условія, а все остальное въ жизни только легковѣсная надстройка.

Еще далеко не освоившись съ экономическими идеями Карла Маркса и, во всякомъ случаѣ, не столько думая о концѣ эволюціи «капиталистическаго строя», сколько довольствуясь пребываніемъ въ ея современной стадіи, Владиміръ уже охотно называлъ себя марксистомъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Но, выпаливъ въ спорѣ съ родителями своей «аксіомой», онъ не рѣшался развивать передъ ними свою мысль далѣе, не потому не рѣшался, что у него для спора не хватило бы «научныхъ» аргументовъ,—съ

такими оппонентами, какъ папочка и мамочка, онъ бы еще какъ-нибудь справился,—а потому, что не только имъ, но и никакому марксисту онъ не открылъ бы того, какъ онъ, съ точки зрѣнія экономической теоріи, въ тайникахъ своей души оцѣнивалъ новѣйшее «идеальное» міровоззрѣніе родителей. Ему вѣдь думалось, что папочка и мамочка потому рѣшили опроститься, что дали за сестрой Ниной слишкомъ большое приданое,—чего, по правдѣ сказать, этотъ накрахмаленный Александръ Петровичъ Нагибинъ совсѣмъ не стоилъ. Теперь, отрѣзавъ такой большой ломоть, имъ уже трудно становится вести прежній train,—не сведешь концовъ съ концами; а тутъ еще надо думать, что, пожалуй, скоро придется столько же давать за Женей, и это будетъ окончательное разореніе; для него и для Мани-то уже никакого приданаго не останется. Наживать вѣдь ничего не наживаютъ, а выдумать какую-нибудь аферу папочка не въ состояніи. Ну, значитъ и пошло: свѣтская жизнь, оказывается, никуда не годится, цивилизація—погибель; отсюда ужъ и любовь къ народу, къ деревенской простотѣ, преимущественная святость физическаго труда предъ умственнымъ и проч., и проч. Безъ такихъ «уважительныхъ причинъ» трудно вѣдь свѣтскому человѣку измѣнить свой образъ жизни. «А впрочемъ, чѣмъ чортъ не шутитъ, у нихъ и безъ всякой экономической подкладки могли явиться такія «великолѣпныя идеи!»—думалъ иногда Владиміръ; и, въ сущности не будучи черствымъ эгоистомъ, онъ съ добродушною улыбкой рѣшалъ: «Мнѣ же выгоднѣе: больше наслѣдства останется». О томъ, что родители могли раздать всѣ деньги мужикамъ, онъ не безпокоился. Насколько ему было извѣстно, это не входило въ ихъ планы. Съ своей стороны, ни слова не говоря о себѣ и своихъ младшихъ сестрахъ, онъ однако постарался убѣдить родителей, что они, отказываясь отъ богатства сами, не должны лишать дѣтей того, что могло имъ принадлежать, не случись такой перемѣны взглядовъ у родителей. Онъ съ легкою ироніей доказывалъ, что родители, давъ дѣтямъ культурное воспитаніе и создавъ такимъ образомъ въ ихъ жизни «зло», не должны противиться этому злу насильственнымъ отнятіемъ у нихъ наслѣдства. И, кажется, доказалъ. По крайней мѣрѣ, папочка, очевидно, задумался надъ его словами—и на другой день подарилъ ему велосипедъ.

А впрочемъ, онъ и къ наслѣдству готовъ былъ, въ крайнемъ случаѣ, отнестись равнодушно. На крыльяхъ своихъ девятнадцати лѣтъ онъ бодро и безпечно летѣлъ навстрѣчу своему будущему, точно ему предстояло весь міръ завоевать. И что бы ни дѣлали,

что бы ни говорили его родители, онъ неизмѣнно повторялъ про себя: «laissez faire, laissez passer!»

Хотя теперь для Владиміра жизнь его складывалась съ внѣшней стороны менѣе удобно, чѣмъ до сихъ поръ, когда онъ, ни о чемъ не заботясь, жилъ въ квартирѣ своихъ родителей, однако предстоявшая ему свобода, одиночество и отсутствіе надоѣвшихъ дома разговоровъ были для него настолько привлекательны, что искупали многія лишенія, которыя ожидали его при «стипендіи» въ семьдесять пять рублей въ мѣсяцъ, назначенной ему отцомъ. И онъ съ оживленіемъ разсказывалъ теперь матери, какую хорошенькую «каютку» онъ себѣ нанялъ, и просилъ мать навѣстить его завтра утромъ.

Николай Васильевичъ вернулся домой усталый, голодный, но довольный, что ему удалось покончить всѣ разсчеты съ Петербургомъ. Онъ весело поцѣловалъ жену, приласкалъ дѣвочекъ и Мишу и, потрепавъ по плечу Владиміра, съ доброй улыбкой спросилъ:

— Ну, что, самостоятельный человѣкъ, устроился?

— Отлично! — отвѣтилъ Владиміръ.

Они ласково смотрѣли другъ на друга и, съ минуту помолчавъ, Владиміръ, глядя на похудѣвшаго въ послѣднее время отца, подумалъ: «Да, ему и въ самомъ дѣлѣ деревенскій воздухъ, можетъ-быть, будетъ полезенъ». А Николай Васильевичъ снялъ синее пенснэ, протеръ его, надѣлъ его опять на носъ и сказалъ:

— Ну, очень радъ, очень радъ, что ты доволенъ... Отнынѣ ты предоставленъ самому себѣ и надо умѣть такъ устроить свою жизнь, чтобы всегда быть довольнымъ.

Николаю Васильевичу все какъ-то было неловко передъ сыномъ: ему все казалось, что Владиміру тѣхъ 75 рублей въ мѣсяцъ, которые онъ ему назначилъ, будетъ мало, а въ то же время онъ боялся дать больше, чтобы не избаловать юношу и чтобы не вышло слишкомъ большого противорѣчія съ тою проповѣдью о необходимости сокращенія всякихъ потребностей, которую Владиміръ выслушивалъ теперь отъ него чуть не каждый день.

Марья Дмитріевна позвала ихъ садиться обѣдать, и Николай Васильевичъ, дружески взявъ сына подъ руку, пошелъ съ нимъ въ столовую, повторяя:

— Да, это прекрасно, что ты доволенъ, это прекрасно!

И, уже сидя за столомъ, поѣвъ супу, разсказалъ, у кого онъ былъ съ прощальными визитами и, обѣщавъ Владиміру завер-

нуть завтра утромъ, одновременно съ матерью, и въ его меблированную комнату, онъ опять вернулся къ прежней темѣ и сказалъ:

— Да, надо быть всѣмъ довольнымъ. Посмотри на мужика, чѣмъ онъ довольствуется. Совершенно вѣрно, что мы должны у него учиться. А то у насъ слишкомъ много неудовлетворенныхъ и, въ то же время, безусловно ненужныхъ потребностей, слишкомъ много желаній. Надо выучиться *не желать*.

— Чего именно *не желать,* папа?—съ вызывающей улыбкой спросилъ Владиміръ. — Вѣдь вотъ ты, отправляясь въ деревню, тоже чего-то желаешь: желаешь побольше воздуха, свѣта, солнца, зелени. Чтобы быть послѣдовательнымъ, надо ужъ и этого не желать, а такъ и торчать на той кочкѣ, на которую тебя посадитъ жизнь.

— Нѣтъ, это совсѣмъ не то, совсѣмъ не то! — горячо возразилъ Николай Васильевичъ. — Я говорю о такъ называемыхъ матеріальныхъ благахъ. Ихъ надо *не желать,* потому что этимъ желаніямъ предѣла нѣтъ; человѣкъ, думая завладѣть тѣмъ, чего онъ желаетъ, въ сущности становится рабомъ своихъ желаній.

Владиміръ, немного помолчавъ, произнесъ:

— Я не думаю защищать «матеріальныя блага», они сами за себя постоятъ. Притомъ, мнѣ они нравятся, тебѣ перестали нравиться—это только наши личные вкусы. Но дѣло не въ наслажденіи матеріальными благами, а въ томъ, что отсутствіе ихъ суживаетъ нашъ кругозоръ. Чтобы поднять взоры отъ земли къ небу и ясно видѣть, какія тамъ есть звѣзды, недостаточно одного хотѣнія и хорошихъ глазъ, а нужно еще и хорошій телескопъ. А телескопа никакъ не выдумаешь и не сдѣлаешь безъ матеріальныхъ благъ.

— А я тебѣ на это скажу,—въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ заговорилъ Николай Васильевичъ:—что и въ самый лучшій телескопъ ты не увидишь, гдѣ тамъ, между звѣздами, скрыто счастье *человѣка.* И гораздо больше увидитъ человѣкъ на небѣ очами своей души...

— Ну, это, папочка, устарѣлая романтика, — съ усмѣшкой прервалъ его Владиміръ.

Завязался оживленный споръ, одинъ изъ тѣхъ безконечныхъ споровъ, которые обыкновенно ничѣмъ не кончаются и ни къ чему не приводятъ, если не считать тѣхъ случаевъ, когда обѣ спорящія стороны, увлекаясь уже не сущностью защищаемыхъ ими взглядовъ, а самымъ успѣхомъ діалектической борьбы, начинаютъ въ концѣ спора говорить діаметрально противоположное тому, что̀ говорили въ началѣ, напоминая собой Гамлета и Лаерта, обмѣняв-

шихся въ пылу поединка своими рапирами. Въ споръ отца съ сыномъ вмѣшивалась и Марья Дмитріевна, а куски жаркого напрасно стыли на тарелкахъ или воткнутые на вилки. Дѣти вели себя чинно. Миша и Женя тихонько кушали и разговаривали съ бонной, а Маня все прислушивалась къ спору старшихъ и, наконецъ, обратила на себя общее вниманіе тѣмъ, что разсмѣялась и произнесла громко, протяжно, точно пропѣла:

— Как-ой та-н-да-нъ!

Миша и Женя тоже засмѣялись, Марья Дмитріевна съ благосклонной улыбкой взглянула на дочурку, а Николай Васильевичъ, обратившись къ Манѣ, ласково воскликнулъ:

— Вѣрно, дѣтка, вѣрно!

Произнесенное Маней выраженіе не разъ играло роль предсѣдательскаго звонка, останавливавшаго семейные споры, и года два тому назадъ повторялось въ семьѣ Деминыхъ всѣми ея членами чуть не каждый день, пока не надоѣло. Тогда оно было произнесено Маней въ первый разъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Какъ-то, точно такъ же за обѣдомъ, при дѣтяхъ, Николай Васильевичъ, вернувшись изъ какого-то благотворительнаго засѣданія, разсказывалъ, какъ засѣдавшіе поспорили между собой и начали уличать другъ друга въ разныхъ неблаговидныхъ продѣлкахъ, такъ что дѣло кончилось общей перебранкой, а предсѣдатель звонилъ-звонилъ въ свой звонокъ, чтобъ остановить забывшихся господъ членовъ, и кончилъ тѣмъ, что закрылъ засѣданіе. Марья Дмитріевна, слушавшая разсказъ мужа, покачивала головой и повторяла: «какой скандалъ! какой скандалъ!» Маня молча надувъ губки, посматривала при этомъ на отца и на мать: она въ то время только еще училась говорить, не понимала многихъ словъ и любила повторять про себя цѣлыя подслушанныя ею фразы; и когда на другой день утромъ Марья Дмитріевна тихонько вошла въ дѣтскую и остановилась у изголовья Маниной кроватки, думая, что ребенокъ еще спитъ, она услыхала, какъ Маня шепотомъ, но нараспѣвъ, повторяла въ искаженномъ видѣ ея вчерашнюю фразу: «как-ой та-н-да-нъ! какой танданъ!» Марья Дмитріевна бросилась цѣловать дочурку и взяла ее изъ кроватки на руки, а Маня, обнявъ ее ручонками за шею, вмѣсто всякаго привѣта, веселымъ голоскомъ выпѣвала: «какой та-н-да-нъ! какой танданъ!»—радуясь, что узнала новое слово. Съ тѣхъ поръ Маня подросла, выучилась произносить всѣ слова правильно, ея «танданъ», долгое время смѣшившій и родителей, и ее самоё, былъ позабытъ, но сегодня, кстати вспомянутый, возымѣлъ свое дѣйствіе: всѣ начали смѣяться, всѣмъ стало

весело, и остывшее жаркое было благополучно доѣдено. А Маня, почувствовавъ себя героиней, изрекла глубокомысленную сентенцію:

— Володя непослушный, недобрый. Надо дѣлать то, что говорятъ папа и мама.

Владиміръ сдѣлалъ ей черезъ столъ ручкой и сказалъ:

— Ты, моя милая сестренка, одна прелесть!

Но Маня только серьезно посмотрѣла на него и ужъ больше ничего не говорила до конца обѣда, сосредоточивъ все свое вниманіе на пирожномъ.

Когда, по окончаніи обѣда, всѣ вышли изъ столовой въ гостиную, Владиміръ, подойдя къ окну, въ которое виднѣлся поднявшійся надъ крышами домовъ свѣтлый дискъ луны, сказалъ, обращаясь къ отцу:

— Вотъ ты, папа, все говоришь: народъ, народъ! И этотъ народъ въ твоихъ рѣчахъ выходитъ какимъ-то такимъ гладкимъ и свѣтлымъ, какъ какое-нибудь свѣтило небесное. А я думаю, что не представляется ли онъ тебѣ такимъ потому, что онъ издали освѣщенъ солнцемъ твоего ума и сердца и свѣтитъ на тебя твоимъ же отраженнымъ свѣтомъ. А вблизи твой свѣтлый народъ долженъ быть такъ же черенъ и шероховатъ, какъ вотъ эта самая луна.

И опять Марья Дмитріевна почувствовала боль въ душѣ, услыхавъ эти слова Владиміра. Холодомъ и черствостью повѣяло на нее отъ этого цвѣтущаго юноши. А вѣдь онъ — сынъ ея и не долженъ бы быть такимъ! Да, совершенно неожиданно для нея жизнь образовала между ней и ея старшими дочерью и сыномъ пропасть, которая едва ли когда-нибудь закроется.

«О, будь благословенъ день и часъ, когда я рѣшила увезти отсюда вотъ этихъ!» — подумала она, любовно переводя взглядъ на Мишу, Женю и Маню.

VI.

Имѣнье, купленное Демиными, находилось верстахъ въ двадцати отъ одной изъ маленькихъ станцій Новгородской дороги. Мужики называли его Замошьемъ, господа—Отрадой, на картахъ оно значилось: «Отрада — Замошье тожъ», а то и еще какъ-то иначе. Этихъ «Отрадъ-Замошьевъ» разсѣяно въ районахъ рѣкъ Волхова, Мсты, Шелони, Луги безчисленное множество. Они то и дѣло переходятъ изъ рукъ въ руки—то по случаю болѣзни владѣльца, то за неуплату недоимокъ, то со спекулятивными цѣлями, а чаще всего потому, что просто надоѣдаютъ.

Былъ ранній часъ утра, когда Демины пересѣли изъ поѣзда желѣзной дороги въ дожидавшуюся ихъ на станціи, высланную изъ имѣнья четырехмѣстную коляску. Багажъ погрузили на двѣ, запряженныя парами телѣги, а вмѣстѣ съ багажомъ, среди тюковъ, корзинокъ и подушекъ, усадили привезенную изъ Петербурга старуху-кухарку Петровну, жившую у Деминыхъ уже много лѣтъ.

Чудное майское утро было свѣжо и ароматно. Роса еще не успѣла обсохнуть и яркими каменьями всѣхъ цвѣтовъ сверкала на молодой зелени, — вспыхивала рубиномъ и черезъ нѣсколько секундъ, на томъ же листкѣ, гасла изумрудомъ. Дорога шла сначала между небольшимъ березовымъ лѣскомъ и кустами орѣшника и затѣмъ переходила въ зеленѣющую озимь.

Несмотря на ночь, проведенную въ вагонѣ, и ночную пересадку въ Чудовѣ, Николай Васильевичъ и Марья Дмитріевна чувствовали себя удивительно бодрыми и весело настроенными.

— Боже, какъ тутъ хорошо! — шептала время отъ времени Марья Дмитріевна.

Николай Васильевичъ улыбался, пожимая ея руку, и ничего не говорилъ. Они были счастливы.

Четверка сытыхъ, рабочихъ, но годныхъ для выѣзда лошадей быстро катила коляску по гладкой дорогѣ. Здѣсь ѣздили не часто, вся дорога была покрыта травой, въ колеѣ не было выбоинъ, не было пыли. Николай Васильевичъ и Марья Дмитріевна, пріѣзжавшіе сюда мѣсяцъ, полтора тому назадъ, еще когда мѣстами лежалъ снѣгъ, а деревья и кустарники были голы,—теперь не могли глазъ оторвать отъ прекрасной, развертывавшейся передъ ними картины.

Верстъ за пять до имѣнья кучеръ указалъ кнутомъ на виднѣвшееся вдали, съ пригорка, темно-красное пятно, окруженное купами яркой зелени.

— Вонъ, усадьба видна,—сказалъ онъ.

— Да, да, это Отрада!—подхватилъ Николай Васильевичъ.

Женя и Миша привскочили съ своего сидѣнья, стали на колѣни на переднюю скамеечку и впились глазами въ виднѣвшуюся усадьбу.

— Папа, это нашъ домъ?—спросилъ Миша.

— Да, да, милый,—отвѣтилъ Николай Васильевичъ и, по мѣрѣ того, какъ они подъѣзжали ближе, онъ, указывая на разныя темныя и свѣтлыя точки на общемъ зеленомъ фонѣ картины, говорилъ:—это вотъ, видишь, съ красною крышей—домъ, а дальше, направо, видишь это длинное зданіе, съ бѣлыми каменными стол-

бами?—это скотный дворъ. А по ту сторону озера, видишь, около самаго лѣса, маленькіе домики?—это деревня.

— Какая она маленькая! — сказалъ Миша.

— Да, тутъ всего семь дворовъ,—отвѣтилъ Николай Васильевичъ.

— Дѣти, дѣти, осторожнѣе! Садитесь на свои мѣста!—прервала его Марья Дмитріевна.

Кучеръ во это время пустилъ лошадей подъ горку полною рысью, пристяжныя взяли вскачь, и Миша и Женя, ухватившись за ручки сидѣнья, были въ восторгѣ отъ этой быстрой ѣзды, а Марья Дмитріевна крѣпче прижала спавшую у нея на рукахъ Маню.

Сейчасъ подъ горой начинался опять лѣсокъ, и дорога пошла по топкому мѣсту, устланному жердями, и едва коляска въѣхала на нихъ, жерди запрыгали подъ колесами, какъ фортепіанныя клавиши. Тутъ ужъ не помогали и рессоры, и тряска была такая, что даже заснувшая на колѣняхъ у матери Маня проснулась. Миша и Женя громко хохотали, стараясь удержаться, чтобъ ихъ не выбросило изъ экипажа, а Николай Васильевичъ шутливо замѣтилъ:

— Маленькія терніи на пути желающихъ достичь *отрады*.

Эта своеобразная тряская дамба шла съ полверсты, кончаясь на опушкѣ лѣса старымъ полуразвалившимся мостикомъ черезъ небольшую рѣчку. Но и за мостикомъ дорога по болотамъ была съ большими выбоинами, и когда, послѣ продолжительной ѣзды шагомъ, кучеръ захотѣлъ «припустить» лошадей, одна изъ пристяжныхъ оступилась въ ямку, упала, запуталась и оборвала постромки. Николай Васильевичъ выскочилъ изъ коляски, чтобы помочь кучеру снова запрячь пристяжную. Но молодая, горячая лошадь пугалась его; побаивался и самъ Николай Васильевичъ.

Въ это время шелъ по дорогѣ мужикъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, съ окладистою сѣдою бородой, чрезвычайно благообразный на видъ. Его одежда, грубая, мужицкая, была, однако, прочная и добротная и производила общее впечатлѣніе достатка. Мужикъ, не кланяясь и ни слова не говоря, подошелъ къ лошади, погладилъ ее по шеѣ, взялъ изъ рукъ Николая Васильевича поводья, и лошадь сразу успокоилась. Николай Васильевичъ отошелъ къ коляскѣ, а мужикъ помогъ кучеру запрячь лошадь.

— Ну, съ Богомъ! — сказалъ онъ, когда все было кончено и кучеръ садился на козлы.

Николай Васильевичъ досталъ изъ портмоне сначала пятіалтынный, потомъ посмотрѣлъ на мужика, досталъ другой и со словами: «Ну, спасибо! На, вотъ»,—отдалъ ихъ ему. Мужикъ тоже нѣ-

сколько времени посмотрѣлъ на него, потомъ молча взялъ деньги, не снимая шапки, поклонился на прощанье, и коляска тронулась.

— Это дроздовскій баринъ, — сказалъ кучеръ, когда они немного отъѣхали.

— Какъ баринъ?—спросилъ Николай Васильевичъ.

— Да вотъ что помогалъ намъ.

— Да вѣдь это мужикъ.

— То-есть они, дѣйствительно, живутъ какъ бы на манеръ мужиковъ. У него и сынъ такой же. А только что они—господа.

Николай Васильевичъ молча переглянулся съ женой. Ему теперь стало вдругъ неловко, что онъ далъ этому барину на водку. Очевидно, это былъ какой-нибудь опростившійся, — одинъ изъ опростившихся радикально. И въ то же время Николаю Васильевичу казалось страннымъ, что тотъ взялъ подачку.

У Марьи Дмитріевны шевельнулось въ душѣ какое-то новое для нея чувство виновности. Вотъ оно—опрощеніе, не досягаемое для нихъ,—оно само вышло къ нимъ на встрѣчу въ лицѣ этого старика! А они, желающіе отрѣшиться отъ барскихъ привычекъ, при первомъ же столкновеніи съ деревенскою жизнью, показали себя снисходительно щедрыми *барами*. Она не могла себѣ простить, что она съ своей стороны даже слова «спасибо» не произнесла. О, какъ еще много ей нужно воспитывать себя, чтобы пріучиться видѣть въ мужикѣ человѣка во всемъ равнаго ей самой!

— Что же они — бѣдные? — спросилъ Николай Васильевичъ кучера.

— Не должно быть, — отвѣчалъ кучеръ: — хозяйство исправное; даже мужикамъ деньги въ долгъ даютъ.

— Странно! —какъ бы про себя сказалъ Николай Васильевичъ. Но сколько онъ ни ломалъ голову, стараясь объяснить себѣ, почему этотъ мужикъ-баринъ могъ взять на водку, всѣ рѣшенія этого вопроса не удовлетворяли его.—Далеко онъ живетъ отъ насъ?—спросилъ онъ кучера.

— Верстахъ въ семи,—отвѣтилъ тотъ.

— Какъ его зовутъ?

— Игнатьевъ, Алексѣй Михалычъ.

— Порядочное у него имѣнье?

— А и не могу вамъ сказать. Есть всего: и пашня, и луга есть, и лѣску небольшая часть; четырехъ коровъ держатъ, шесть лошадей, овцы есть, свиньи, — все, значитъ, какъ надо быть исправному мужику.

— Что же, онъ самъ землю обрабатываетъ?

— И самъ съ сыномъ пашетъ, да двоихъ работниковъ держитъ.

Марья Дмитріевна прислушивалась къ этому разговору съ напряженнымъ вниманіемъ, ей было какъ-то жутко: такъ молодой, ѣдущій въ дѣйствующую армію, только-что выпущенный изъ училища офицеръ прислушивается къ разсказамъ очевидца недавнихъ сраженій.

Полною рысью, звеня бубенчиками, въѣхала коляска въ растворенныя настежь ворота Отрады. Кучеръ ловко осадилъ у крыльца лошадей. На порогѣ встрѣтилъ новыхъ владѣльцевъ управлявшій имѣніемъ староста съ хлѣбомъ и солью; за старостой стояла жена кучера, временно назначенная старостой для домашнихъ услугъ къ новымъ господамъ. Другой прислуги въ усадьбѣ не было. Кучеръ былъ въ то же время и дворникомъ и вмѣстѣ съ женой занимался и скотнымъ дворомъ. Два другихъ наемныхъ работника работали преимущественно въ полѣ, въ огородѣ, въ лѣсу, а когда нужно помогали кучеру и въ уборкѣ двора и сада. Староста не давалъ никому сидѣть безъ дѣла.

Съ добрымъ, радостнымъ чувствомъ вошла Марья Дмитріевна въ свой новый домъ. Домикъ былъ небольшой, но уютно расположенъ. А отъ прежняго владѣльца, вмѣстѣ съ усадьбой, перешла и обстановка, и въ домикѣ было все, чего требовалъ деревенскій комфортъ. Былъ тутъ и старинный, нѣсколько дребезжащій, но все еще годный рояль Вирта, черный съ бронзовыми украшеніями; были красивыя ситцевыя драпировочки и занавѣсочки; была небольшая библіотечка,— преимущественно книги духовнаго и историческаго содержанія.

Дѣти бѣгали по комнатамъ, осматривали каждую мелочь, радуясь новизнѣ. Никогда еще и нигдѣ они не испытывали такого чувства свободы, какъ здѣсь. А Николай Васильевичъ и Марья Дмитріевна радовались, глядя на нихъ.

Пока всѣ наскоро умывались, чистились, пили чай, сами себѣ во всемъ помогая въ такомъ веселомъ настроеніи, какъ будто они были на пикникѣ, прибыли, наконецъ, и телѣги съ багажомъ. Началась распаковка чемодановъ и раскладываніе вещей. Петровна тотчасъ же вступила въ свои права на кухнѣ, и въ часъ безъ десяти минутъ, немного раньше, чѣмъ они привыкли въ Петербургѣ завтракать, Демины сидѣли уже за скромнымъ обѣдомъ. Рѣшено было съ перваго же дня вести настоящій деревенскій образъ жизни.

— По-деревенски послѣ обѣда полагается спать, — шутливо произнесъ Николай Васильевичъ, когда встали изъ-за стола.

Марья Дмитріевна въ нерѣшительности посмотрѣла на него и сказала:

— Ну, я думаю, къ этому пока лучше не пріучаться.

Маня, всегда и во всемъ поддерживавшая мать, серьезнымъ тономъ заявила:

— Я выспалась. Вы ложитесь, если хотите, а я гулять пойду.

— Ты права, дѣтка!—улыбнулся ей въ отвѣтъ Николай Васильевичъ. Онъ взялъ ее за подмышки, приподнялъ и поцѣловалъ ее; и, опустивъ ее снова на полъ, сказалъ:—Ты всегда и во всемъ права. Ну, берите шляпки и шапки, и маршъ гулять!

Какъ красива была эта аллея развѣсистыхъ липъ, которая вела отъ дома къ озеру! Она спускалась съ чуть замѣтнымъ уклономъ отъ террасы прямо къ берегу, и вода, какъ кусокъ зеркала, виднѣлась изъ-подъ свода вѣтвей въ концѣ аллеи. Дѣти уже бѣгомъ сбѣжали къ озеру, повернули по боковой тропинкѣ въ сторону, и ихъ веселый смѣхъ и визгъ, на минуту затерявшись вдали, снова становился все громче и громче, приближаясь изъ-за кустовъ бузины и орѣшника къ дому, а Марья Дмитріевна и Николай Васильевичъ все еще стояли на террасѣ и любовались общей картиной сада и цвѣтника предъ домомъ. Цвѣтовъ въ клумбахъ нынче посажено не было; но посыпанныя пескомъ дорожки были тщательно выметены и, красивымъ узоромъ переплетаясь между зелеными клумбами, развѣтвлялись отъ дома въ разныя стороны, убѣгая въ тѣ глухіе уголки сада, гдѣ пахло свѣжей зеленью березъ.

Спустившись, наконецъ, съ террасы и обходя садъ, Николай Васильевичъ и Марья Дмитріевна подъ наплывомъ новыхъ чувствъ почти ничего не говорили, молча отдаваясь наслажденію природой. Да и о чемъ было говорить?—они безъ словъ понимали другъ друга, ихъ сердца, какъ настроенныя въ октаву ноты, одинаково отзывались на каждое впечатлѣніе. Они были счастливы.

VII.

На другой день Николай Васильевичъ прежде всего поѣхалъ со старостой и Мишей осмотрѣть поля. Онъ видѣлъ ихъ и передъ покупкой, а теперь надо было взглянуть на все хозяйскимъ взглядомъ. Озимыя были приняты вмѣстѣ съ имѣніемъ, а съ посѣвомъ яровыхъ нынче запоздали. Но староста уже распорядился пашней, какъ она обработывалась при прежнемъ владѣльцѣ: частью своими рабочими, частью за извѣстную плату съ десятины; сѣмена тоже были готовы, и Николаю Васильевичу, въ качествѣ новаго человѣ-

ка, приходилось только со всѣмъ соглашаться и находить, что все обстоитъ благополучно. Озими зеленѣли прекрасно, хотя были довольно рѣдки; вспаханныя яровыя поля обнаруживали песчанистую, выпаханную почву. Николай Васильевичъ обратилъ на это вниманіе. Староста, тихій, почтеннаго вида старичокъ, въ отвѣтъ на замѣчаніе хозяина, глубокомысленно покачалъ головой и съ убѣжденіемъ произнесъ:

— Состарилась землица, батюшка, состарилась. Человѣкъ старѣетъ и земля тоже.

Староста Никифоръ Алексѣевичъ былъ родомъ изъ Ярославской губерніи, бобыль, старовѣръ, и уже лѣтъ двадцать управлялъ Отрадой. Прежній владѣлецъ имѣнія привезъ его сюда сначала въ качествѣ огородника, полюбилъ его за его честность и скромность, за его молчаливость и аккуратность и сдѣлалъ его старостой-управляющимъ. Съ тѣхъ поръ Никифоръ Алексѣевичъ, за множествомъ всякихъ мелкихъ заботъ по имѣнью, немножко разучился даже и огородничать, а ужъ все остальное хозяйство велось самымъ первобытнымъ образомъ, на мужицкій ладъ; это, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствовало и вкусамъ его стараго хозяина, который всегда говорилъ, что имѣнье существуетъ для него, а не онъ для имѣнья, не хотѣлъ и слышать ни о какихъ улучшеніяхъ и признавалъ одинъ принципъ въ установившемся хозяйствѣ: «дѣлать такъ, какъ дѣлалось въ прошломъ году».

Николаю Васильевичу, желавшему только одного: жить деревенской жизнью,—увеличеніе доходности имѣнья казалось чѣмъ-то второстепеннымъ. Имѣнье было куплено хотя маленькое, но не заложенное, самъ онъ никому долженъ не былъ, оставались у него еще и свободныя деньги, и порядочная сумма въ процентныхъ бумагахъ, предстояло вести дешевый образъ жизни,—слѣдовательно можно было ожидать только болѣе или менѣе значительнаго остатка отъ ежегодныхъ доходовъ.

Но такъ какъ онъ все-таки хотѣлъ своимъ пребываніемъ въ деревнѣ быть полезнымъ народу, а народное хозяйство страдало той же болѣзнью—истощеніемъ почвы, то, разумѣется, надо было думать и объ улучшеніи ея. Притомъ, если Марья Дмитріевна шла сюда съ болѣе или менѣе твердой вѣрой въ возможность и разумность постепеннаго опрощенія до самыхъ крайнихъ предѣловъ, то онъ, несмотря на его полную готовность идти за ней, несмотря на всю его податливость и слабость характера, являлся все-таки нѣкоторымъ противовѣсомъ ея влеченіямъ. Онъ, шутя, приписывалъ себѣ роль парашюта въ ихъ семейномъ полетѣ съ вершинъ куль-

туры въ счастливую Аркадію, гдѣ добродѣтельные пастушки и пастушки пасутъ послушныхъ овечекъ. Они разрушили культурную тюрьму, въ которой до сихъ поръ былъ замкнутъ ихъ свободный духъ,—но какое зданіе и изъ какого матеріала воздвигнутъ они для своей дальнѣйшей жизни, это былъ—по крайней мѣрѣ для него—еще не рѣшенный вопросъ. Предстояло разбираться въ томъ матеріалѣ, который дастъ имъ сама жизнь, а *постепенность* опрощенія была избрана какъ средство уберечься отъ непоправимыхъ или просто смѣшныхъ ошибокъ.

Поэтому-то Николай Васильевичъ предъ отъѣздомъ изъ Петербурга запасся на всякій случай и разными сельско-хозяйственными книгами. И какъ только онъ вернулся теперь послѣ осмотра полей домой, онъ взялъ одну изъ этихъ книжекъ и принялся просвѣщать себя по части искусственныхъ удобреній.

Тѣмъ временемъ Марья Дмитріевна приводила въ порядокъ домъ. При всемъ желаніи дѣлать побольше самой и заставлять помогать себѣ и дѣтей, она видѣла, что ей съ одной кухаркой не обойтись. Жена кучера была простая, не внушавшая симпатіи, грубая баба, а такъ какъ она была одновременно и скотницей, и молочницей, и и кухаркой для рабочихъ, вмѣстѣ съ которыми обѣдалъ и староста, то у нея не было даже и времени прислуживать въ домѣ. Еще вчера была приглашена изъ деревни какая-то Марья, чтобы послѣ разборки вещей подтереть полы, и сегодня Марья Дмитріевна, взявъ нехотѣвшихъ отстать отъ нея Женю и Маню, отправилась сама къ этой Марьѣ въ гости, въ разсчетѣ найти въ деревнѣ какую-нибудь подходящую дѣвушку въ горничныя.

Жалки были лачуги маленькой деревеньки Замошья, раскинувшіяся кривой улицей по другую сторону озера; только два дома можно было назвать домами съ полнымъ хозяйствомъ,—остальные имѣли видъ полуразрушенный: здѣсь—заткнутыя въ рамахъ тряпки, вмѣсто разбитыхъ стеколъ; тамъ—обвалившаяся печная труба и обломки кирпичей на поросшей мхомъ старой, полусгнившей крышѣ; въ одномъ мѣстѣ неоконченный, но уже давно гніющій срубъ, — въ другомъ — на пустырѣ открытаго со всѣхъ сторонъ двора—торчатъ только столбы для воротъ... Родная, но не радующая сердце картинка.

Передъ однимъ изъ домовъ Марья Дмитріевна увидала играющихъ дѣтей. Они играли какъ-то лѣниво, вяло, сгребали въ кучки песокъ и снова разметывали его прутиками, изрѣдка перебрасываясь двумя-тремя, словно нехотя произносимыми, словами.

Марья Дмитріевна спросила у дѣтей, гдѣ живетъ Марья, и дѣ-

вочка лѣтъ двѣнадцати, въ чистенькомъ ситцевомъ платьѣ, гладко причесаная, съ живыми карими глазами, рѣзко отличавшаяся своею опрятностью и миловидностью отъ остальной кучи ребятъ, быстро вскочила и сказала:

— Пойдемте, я покажу.

За ней сейчасъ же вскочили и всѣ остальные ребята и гурьбой пошли провожать Марью Дмитріевну.

Изба, къ которой подвела дѣвочка Марью Дмитріевну, оказалась одной изъ самыхъ бѣдныхъ. Передняя, лучшая часть избы была заколочена,—это была очевидно лѣтняя половина, въ которой однако не жили ни зимой, ни лѣтомъ. Жили въ небольшой задней избѣ съ однимъ окномъ. Рядомъ съ избой находился хлѣвъ, вѣрнѣе—просто полуоткрытый загонъ для скота, откуда прямо къ дверямъ избы текла навозная жижа, никогда не просыхавшая и разводившая у самаго порога вонючую грязь, прикрытую, какъ мостками, нѣсколькими обломками досокъ; но и эти кое-какъ набросанныя доски тонули въ грязи и, вытѣсняя жижу, только еще болѣе увеличивали размѣры лужи.

Марья Дмитріевна не рѣшилась вести за собою черезъ этотъ переходъ Женю и Маню, оставила дѣтей на дворѣ, и, согнувшись, вошла черезъ низенькую дверку одна въ избу.

Внутри хата казалась еще болѣе развалившеюся, чѣмъ снаружи. Нѣкоторыя бревна въ стѣнахъ, вслѣдствіе того, что углы ихъ сгнили, выпятились наружу. На черномъ, давно немытомъ полу были протоптаны выбоины и даже дыры, сквозь которыя виднѣлась земля; потолокъ провисъ, почернѣлъ отъ копоти и мѣстами, въ особенности надъ столомъ, былъ залѣпленъ лоскутками закоптѣвшей бумаги, чтобы сверху не сыпалась земля; на углахъ большой русской печи кирпичи кое-гдѣ вывалились, деревянный подъ былъ весь источенъ червяками; мѣсто надъ печкой было завѣшено грязной, рваной дерюгой. Общее впечатлѣніе нищеты и разрушенія увеличивалось еще страшнымъ безпорядкомъ; въ углу, налѣво отъ входныхъ дверей, гдѣ были устроены нары для спанья, валялись наброшенные другъ на друга, какъ попало: старый полушубокъ, двѣ подушки, сапоги, фартукъ, какія-то тряпки, можетъ быть служившія одѣялами, а можетъ быть и половиками, фуражка съ полуоторваннымъ козырькомъ, и тутъ же стояла квашня. По стѣнамъ, на колышкахъ, были навѣшаны рыбачьи сѣти, а поверхъ сѣтей, на тѣхъ же колышкахъ, висѣла старая, грязная сбруя.

Изба была такъ низка, что палатей въ ней не было; негдѣ было даже припрятать лишнія вещи, все было разсовано, гдѣ попало,

по угламъ и лавкамъ, и, очевидно, также какъ попало, перекладывалось съ мѣста на мѣсто, когда мѣшало или просто подвертывалось подъ руку. Вдоль стѣны шли широкія лавки,—покатыя къ переднему углу, подгнившему и осѣвшему. Божница покосилась, и черныя иконы стояли криво. Подъ образами, на большомъ обѣденномъ столѣ, безъ скатерти, стоялъ на деревянномъ чурбанѣ огромный, совершенно почернѣвшій отъ грязи самоваръ, а кругомъ старыя, потрескавшіяся отъ долгаго употребленія чашки и блюдечки; на столѣ рядомъ съ кусками сахара—подгорѣлыя корки чернаго хлѣба и кучки объѣденныхъ рыбьихъ костей.

Все это было до такой степени непривычно для Марьи Дмитріевны, что прежде всего сразу бросилось ей въ глаза.

Марья Дмитріевна застала всю семью Марьи въ сборѣ. Часа два тому назадъ они отобѣдали, тутъ же—кто на лавкѣ, кто на печкѣ, кто на нарахъ—соснули, а теперь пили чай.

Въ ту минуту, когда Марья Дмитріевна переступила порогъ, въ избѣ раздавался оглушительный хохотъ. Хохотала Марья, хохоталъ ея старшій сынъ, красавецъ, съ правильными чертами лица, съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи, восемнадцатилѣтній парень Семенъ, хохоталъ четырнадцатилѣтній подростокъ Митька, хохоталъ десятилѣтній Ѳока, и съ глупою улыбкой стоялъ посреди избы и разводилъ руками самъ домохозяинъ Иванъ, высокій, худощавый мужикъ съ длинной, русой, вьющейся прядями бородой, немного лысый, но съ длинными, вьющимися волосами.

При входѣ барыни всѣ на мгновеніе примолкли, но сейчасъ же, отдаваясь неудержимому порыву охватившаго ихъ веселья, снова захохотали.

Марья Дмитріевна не могла дать себѣ отчета въ чувствѣ, которое она теперь испытывала; она какъ-то сразу опѣшила. На фонѣ этой страшной бѣдности, отъ которой она готова была содрогнуться, ее вдругъ встрѣтило самое беззаботное веселье. И прежде всякаго другого вопроса она спросила:

— Что у васъ?

Всѣ опять засмѣялись, Марья хотѣла было начать говорить, но не могла, расхохоталась и отвернулась. Невольно улыбаясь, Марья Дмитріевна повела взглядомъ на другихъ членовъ семьи. Наконецъ, старшій сынъ красивымъ, молодымъ басомъ сказалъ ей:

— Да, вотъ, батинька отъ матушки рубль спряталъ, а теперь найти не можетъ: ищетъ, а нигдѣ нѣтъ.

Иванъ, глупо улыбаясь, погрозилъ имъ пальцемъ:

— Ужо я васъ.

— Нѣтъ ужъ, Ваничка, выпить тебѣ, видно, не удастся,— смѣялась Марья:—спрятался твой рубликъ.

— Спрятался въ твоемъ карманѣ, — смѣясь же отвѣчалъ Иванъ:—куда ему дѣваться, когда я его вотъ тутъ въ щелку положилъ.

— Тараканы съѣли,—подсмѣивался надъ отцомъ Фока.

— Матушка-барыня, чайку не угодно ли съ нами?—предложила Марья, спохватившись, наконецъ, что они обратили такъ мало вниманія на гостью.—Ну-ка, Митя, смахни со стола,—сказала она, обращаясь къ подростку.

Иванъ обтеръ рукавомъ рубахи табуретку и подставилъ ее къ столу.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ,—сказала Марья Дмитріевна:—я въ это время не пью.

Однако къ столу она подсѣла осторожно, стараясь не запачкаться объ остатки рыбьей чешуи, которую подростокъ Митя, сметая со стола кости, все-таки не убралъ.

— Что это у васъ за самоваръ?—не могла удержаться, чтобы не спросить Марья Дмитріевна.

Всѣ снова засмѣялись.

— А это у насъ родной,—опять своимъ красивымъ баскомъ отвѣтилъ старшій сынъ.—Вишь у него задъ-то отскочилъ—вонъ онъ стоитъ у печки. Мы какъ наставляемъ его, углевъ кладемъ, такъ и ставимъ на мѣдную-то подножку, а потомъ прямо снимаемъ, и вотъ на этомъ чурбанѣ онъ и стоитъ.

Въ положенномъ на столѣ чурбанѣ, дѣйствительно, была выдолблена и выжжена ямка, въ которую самоваръ какъ разъ уставлялся своимъ круглымъ низомъ, а на полу у печки стояла нижняя часть самовара среди высыпавшихся изъ нея остывшихъ углей и пеплу. Марья Дмитріевна, взглянувъ опять на самоваръ, замѣтила, что изъ-подъ его верхней крышки не видно конца внутренней самоварной трубы, и спросила объ этомъ у Марьи.

— Да вишь и труба-то у него сверху отвалилась,—съ веселою улыбкой объяснила Марья:—а тамъ, внутри-то, она цѣлая.—И чтобы показать, она приподняла крышку.—Вотъ мы и наливаемъ его только наполовину, а выше-то нельзя. А когда углевъ кладемъ, такъ вотъ эту трубку сверху еще насаживаемъ. И она показала ей небольшую коническую, изъ листового желѣза трубку, которая какъ разъ приходилась къ внутренней трубѣ самовара и пропускалась черезъ его крышку.

— Мы ужъ его и не чистимъ никогда,—добавила Марья послѣ

минуты молчаливаго созерцанія самовара:—боимся какъ бы вовсе не развалился... Да выкушайте чашечку чайку-то,—вдругъ снова принялась она съ самымъ искреннимъ, подкупающимъ радушіемъ просить Марью Дмитріевну и схватилась за чашку и чайникъ, чтобы налить.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ! — поспѣшила отказаться Марья Дмитріевна.—А вотъ въ чемъ дѣло...

И она начала объяснять Марьѣ цѣль своего прихода.

Тѣмъ временемъ Женя и Маня, соскучившись стоять на дворѣ съ ребятами, которые молча оглядывали ихъ и съ которыми онѣ, въ свою очередь, тоже какъ-то не рѣшались заговорить, тихонько перебрались по дощечкамъ къ дверямъ избы, толкнули отворявшуюся внутрь дверь и показались за порогомъ. Женя сейчасъ же прыгнула черезъ него въ избу, а для Мани онъ оказался слишкомъ высокимъ, и она въ недоумѣніи смотрѣла, что ей дѣлать. Марья подскочила къ ней и, прежде чѣмъ дѣвочка опомнилась, схватила ее за подмышки и переставила черезъ порогъ въ избу. Манѣ такое безцеремонное отношеніе къ ней, хотя и съ добрыми намѣреніями, очевидно не понравилось; она раза два покосилась на Марьины руки и на свое чистое платьице, убѣдилась, что пятенъ на немъ нѣтъ, и тихонько подошла къ матери.

Изъ разговоровъ съ Марьей выяснилось, что въ Замошьѣ подходящей для Деминыхъ горничной-дѣвушки нѣтъ; была либо мелюзга, либо бабы, занятыя своимъ хозяйствомъ. Надо было искать въ сосѣднихъ деревняхъ.

— Неурожай у насъ на дѣвокъ въ Замошьѣ, — смѣялась Марья:—только вотъ у Сергѣя Михайлова дочь невѣста, да эта въ услуженіе не пойдетъ.

Потомъ, подумавъ, Марья обѣщала съѣздить за десять верстъ въ деревню къ теткѣ и привезти «дѣвочку» оттуда.

— А она взрослая?—спросила Марья Дмитріевна.

— Да годовъ ужъ двадцати будетъ,—отвѣчала Марья:—така хороша дѣвочка, услужливая. Вотъ и у насъ когда въ гостяхъ бываетъ, сейчасъ какъ бы что помочь, и за все хватается,—ну, просто за все хватается. Я думаю, что она вамъ погодится.

На томъ и порѣшили, что Марья привезетъ теткину «дѣвочку».

Едва Марья Дмитріевна вышла изъ избы, какъ ее окружила опять куча крестьянскихъ ребятъ, и Марья Дмитріевна нашла нужнымъ приласкать ихъ, но рѣшительно не знала, что сказать имъ. Она погладила по головкѣ черноглазаго мальчугана, который очень развязно протянулъ ей руку и поздоровался съ ней. Потомъ она

хотѣла погладить бѣлокурую крошку съ голубыми глазами, но та какъ-то дичкомъ бросилась въ сторону.

Маня, замѣтивъ это, нахмурила бровки, сердито посмотрѣла на дѣвочку и обѣими руками взяла мать за ту руку, которую Марья Дмитріевна протянула было, чтобы приласкать чужого ребенка.

— Это вѣдь Марьина же дочка—Нютка, она всегда такая дикая съ чужими,—сказала та старшая дѣвочка, которая провожала сюда Марью Дмитріевну.

— Ага,—отозвалась Марья Дмитріевна.—А ты чья?

— Я-то?... Я Сергѣя Михайлова,—вонъ изъ этого дома,—отвѣтила дѣвочка; и она указала рукой на лучшій домъ въ деревнѣ, такъ рѣзко выдававшійся между убогими избами.—Пойдемте и къ намъ теперь,—сказала дѣвочка.

— Къ вамъ?—спросила Марья Дмитріевна.—Что же, пожалуй, пойдемъ,—отвѣтила она, подумавъ.

Она рѣшила заодно ужъ познакомиться со всею деревней. Но прежде, чѣмъ онѣ дошли до дома Сергѣя Михайлова, у воротъ другого зажиточнаго дома передъ Марьей Дмитріевной поднялся со скамейки сѣдой, благообразный, съ румянымъ лицомъ старичокъ, котораго не было тутъ давеча, когда она проходила мимо. Старичокъ почтительно снялъ шапку и нѣжнымъ, заискивающимъ шепоткомъ спросилъ:

— Что изволите искать, матушка-барыня?

Марья Дмитріевна ласково поклонилась ему и сказала, зачѣмъ она ходила къ Марьѣ. Старичокъ поджалъ нижнюю губу, подумалъ и сказалъ, что ничего не можетъ ей посовѣтовать.

— А вотъ, ежели рыбки или дичи пожелаете, такъ милости просимъ, прикажите; у меня сынъ охотникъ, а я—рыбакъ. Да пожалуйте къ намъ, сударыня, въ комнату. Пожалуйте, не обезсудьте.

Старикъ все продолжалъ стоять безъ шапки, и Марья Дмитріевна съ трудомъ уговорила его накрыться.

Здѣсь, чтобы войти въ комнаты, со двора, пришлось подняться по лѣстницѣ. Лѣстница была чисто выметена, большія просторныя сѣни съ чуланчиками раздѣляли домъ на двѣ жилыхъ половины.

— Тутъ вотъ у меня парень съ женой живетъ, сынъ мой, значитъ, единственный, Василій. Въ поле теперь ушли, ленокъ посѣять,—сказалъ старикъ, указывая двери налѣво: а вотъ здѣсь—къ старухѣ моей пожалуйте.

И онъ ввелъ Марью Дмитріевну съ дѣтьми въ чистую просторную комнату, оклеенную обоями, съ выбѣленнымъ потолкомъ. Столъ подъ образами былъ накрытъ чистою красною скатертью. Въ углу

близъ входа виднѣлась изъ-подъ приподнятаго ситцеваго полога бѣлая двуспальная кровать съ клѣтчатымъ изъ ситцевыхъ лоскутковъ одѣяломъ. Другая такая же кровать стояла въ углу у окна. Надъ самымъ изголовьемъ висѣли большіе стѣнные часы съ кукушкой, которая при входѣ Марьи Дмитріевны прокуковала три.

Старикъ пропустилъ Марью Дмитріевну впередъ, а самъ, войдя за ними, трижды истово перекрестился, глядя на иконы.

Изъ-за перегородки, отдѣлявшей русскую печку отъ большой комнаты, вышла высокая, худощавая старуха въ синемъ, грубомъ сарафанѣ, а на головѣ черный съ бѣлымъ ободкомъ ситцевый платокъ. Въ выраженіи ея сморщеннаго лица было что-то жесткое, суровое. Она съ сознаніемъ собственнаго достоинства поклонилась Марьѣ Дмитріевнѣ, а старикъ какъ-то черезчуръ старательно юлилъ передъ ней.

— Чѣмъ прикажете угощать васъ, матушка-барыня?—продолжалъ онъ тѣмъ же заискивающимъ шепоткомъ.—Чайку чашечку выкушаете?... Маrѳа, самоварчикъ бы,—бросилъ онъ не то просьбу, не то приказаніе старухѣ.—Съ медкомъ,—снова онъ обратился къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

Она отказалась. Услыхавъ сейчасъ, какъ старикъ назвалъ по имени свою жену, она спросила:

— А какъ тебя самого-то звать, дѣдушка?

— Савельемъ, сударыня, Савельемъ Митричемъ зовутъ въ деревнѣ,—отвѣтилъ старикъ.—Такъ, какъ же, сударыня? Чѣмъ же васъ?—не унимался онъ —Молочка, можетъ быть, прикажете. Дѣточкамъ вотъ...

Марья Дмитріевна отказалась и отъ молока.

— Ну, такъ пожалуйте, не обезсудьте, посидите у насъ,—продолжалъ старикъ, усаживая гостей въ передній уголъ.

На столѣ лежала развернутая книга, старая, засаленная, съ истрепанными краями.

— Вотъ, сударыня,—зашепталъ опять старикъ:—прочиталъ сегодня я тутъ, что шесть тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ одинъ годъ прошло отъ сотворенія міра. И какъ Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ! Все по великой милости Создателя и по множеству щедротъ Его.

Марьѣ Дмитріевнѣ помнилось, что отъ сотворенія міра считается что-то больше семи тысячъ лѣтъ, и цифра, произнесенная старикомъ, показалась ея невѣрной.

— Гдѣ это, дѣдушка, написано?—спросила она.

Старикъ порылся и указалъ страницу.

— Вотъ здѣсь, сударыня.

Марья Дмитріевна взглянула, тамъ стояло: «Лѣта отъ сотворенія міра 6561»... и затѣмъ говорилось о кончинѣ одного изъ святыхъ угодниковъ. Очевидно, старикъ не понималъ сущности того, что онъ читалъ и пріурочивалъ то число лѣтъ отъ сотворенія міра, какое считалось девять вѣковъ тому назадъ, къ современности. Марья Дмитріевна объяснила ему его ошибку. Съ трудомъ, но старикъ понялъ, въ чемъ дѣло. Тогда, увлеченный разговоромъ съ «свѣдущимъ» человѣкомъ, онъ, еще болѣе понижая голосъ, спросилъ Марью Дмитріевну:

— А что, правду ли, сударыня, говорятъ, что скоро будутъ приводить къ присягѣ антихристу?

Марья Дмитріевна посмотрѣла на него и растерялась. И, отвѣчая ему, она и сама не замѣтила, какъ тоже понизила голосъ, произнося:

— Не знаю.

Старикъ, очевидно, принялъ ея растерянность за сочувствіе и все такъ же тихо, таинственно сказалъ:

— На шесть лѣтъ, говорятъ, будутъ приводить всѣхъ, безъ различія пола и возраста.

Марья Дмитріевна смотрѣла на него все тѣми же недоумѣвающими глазами. А онъ, помолчавъ немного, со вздохомъ произнесъ:

— Тяжело...

Марья Дмитріевна опустила голову и молчала.

Старуха, выходившая тѣмъ временемъ изъ избы, вернулась и поставила на столъ крынку молока, стаканъ и чашку.

— Такъ какъ же, сударыня, выкушайте хоть молочка-то,— опять подобострастно заговорилъ старикъ.

Старуха тоже принялась угощать и разспрашивала Марью Дмитріевну, какъ ей нравится ея новое имѣніе.

Поговоривъ немного со старухой, давъ по чашкѣ молока дѣтямъ, Марья Дмитріевна поспѣшила уйти. Ей было какъ-то не по себѣ съ этими—во всякомъ случаѣ почтенными—представителями лучшей части деревни. Уходя, она предложила Савелью приносить къ нимъ въ усадьбу дичь и рыбу, любезно распрощалась и вышла на улицу.

Кучка ребятъ попрежнему дожидалась ее у выхода. Снова сопровождаемая этимъ своеобразнымъ конвоемъ, она пошла, какъ обѣщала дѣвочкѣ, въ домъ Сергѣя Михайлова.

Этотъ домъ былъ еще болѣе благоустроеннымъ, съ печатью еще большаго довольства, чѣмъ у Савелья. Хозяйка, пожилая жен-

щина, съ симпатичнымъ лицомъ, одѣтая въ поношенное, по крѣпкое ситцевое платье, сшитое по городскому, сидѣла у стола за швейной машиной и строчила какую-то полотняную вещь, когда Марья Дмитріевна съ дѣтьми, предшествуемая дочкой хозяйки, вошла въ комнату. Женщина тотчасъ встала, привѣтливо поклонилась вошедшей и, сказавъ «пожалуйте», провела прямо въ сосѣднюю комнату.

Тутъ уже были и сундуки, окованные бѣлой жестью, и стеклянный шкафчикъ съ разной посудой и цѣлымъ рядомъ чайныхъ ложечекъ, воткнутыхъ въ отверстія по краю полки; были и вѣнскіе стулья съ американскими сидѣньями охтенской работы. Широкая ситцевая драпировка, отъ стѣны до стѣны, отдѣляла часть комнаты, скрывая спальню. Между окнами, въ простѣнкѣ, висѣло туалетное зеркало и стоялъ туалетный столикъ, обтянутый ситцемъ и покрытый вышитымъ узорнымъ полотенцемъ. На столикѣ большая столовая лампа на чугунной ножкѣ, изображавшей какого-то амура; по краямъ столика—портреты въ рамкахъ; на стѣнахъ—олеографіи, стѣнной календарь; а божница была украшена шитыми, узорными полотенцами.

Хозяйка усадила Марью Дмитріевну на деревянный, рѣшетчатый диванчикъ и любезно спросила:

— Вы не изъ Отрады ли будете?

— Да,—отвѣтила Марья Дмитріевна:—мы только что пріѣхали.

— Такъ,—сказала хозяйка.—Усадебка славная, да земля-то въ нашихъ мѣстахъ не важная.

Въ это время въ сосѣднюю комнату вошла молодая дѣвушка лѣтъ 17-ти, одѣтая въ простой, но новенькій кумачный сарафанъ поверхъ бросавшейся въ глаза своей бѣлизной полотняной рубашки. Гладко причесаная, съ длинной черной косой, въ которую была вплетена небольшая розовая ленточка, она напоминала лицомъ хозяйку, и Марья Дмитріевна догадалась, что это была ея старшая дочь. Дѣвушка видимо щеголяла своимъ чисто-русскимъ крестьянскимъ нарядомъ, хотя мать и сестренка были одѣты по-городскому. Марьѣ Дмитріевнѣ она очень понравилась, какъ воплощеніе ея идеала простой русской крестьянской жизни. Но въ глазахъ дѣвушки было что-то плутоватое и рѣзкое, и Марья Дмитріевна, взглянувъ на нее, не могла не отвести сейчасъ же своихъ глазъ въ сторону, а дѣвушка, привѣтливо раскланявшись съ гостьей, сѣла въ другой комнатѣ, на скамейку у дверей, за прялку съ начатой пряжей шерсти, но, еще не принимаясь прясть, уставилась на гостью пристальнымъ взглядомъ.

— Это дочка ваша?—спросила Марья Дмитріевна, чтобы что-нибудь сказать.

— Да, — отвѣтила хозяйка. — У меня ихъ вотъ всего двѣ,— указала она на младшую. — Вотъ и семья вся здѣсь.

Марья Дмитріевна опять посмотрѣла на старшую, и теперь взглядъ этой дѣвушки уже не показался ей плутоватымъ, какъ сначала; напротивъ, онъ былъ глубокимъ, пытливымъ, привлекающимъ. Но Марья Дмитріевна и теперь не могла долго смотрѣть на дѣвушку, не опускавшую глазъ, и, повернувшись къ хозяйкѣ, она спросила:

— А мужъ вашъ гдѣ?

— А уѣхалъ въ Новгородъ, кое-что купить для дому.

— Развѣ вы такъ далеко ѣздите за покупками? — удивилась Марья Дмитріевна.

— Нѣтъ,—отвѣтила хозяйка:—такъ-то у насъ всякій товаръ есть и поближе, въ селѣ; а это вотъ надумались мы купить соломорѣзку, да заодно ужъ косы и вилы. Тамъ, въ земскомъ складѣ, нынче всякая всячина продается. Ну, да заодно кое-что и по мелочи купить, — все посходнѣе, чѣмъ въ селѣ можно достать.

— А для чего вамъ соломорѣзка?—спросила Марья Дмитріевна.

Хозяйка съ недоумѣніемъ взглянула на нее, какъ бы не понимая вопроса, потомъ сказала:

— А и солому, и сѣно крошить, а то у насъ сѣно-то мѣстами осочка, такъ не больно хорошо ѣстъ скотина-то; а крошеное-то, да ежели съ отрубями, такъ и за первый сортъ сойдетъ. Тоже у насъ семь коровъ, пять лошадей...

Завязался разговоръ о хозяйствѣ, о скотоводствѣ, о рабочихъ, обо всемъ, вокругъ чего вращаются интересы деревенской жизни. Для Марьи Дмитріевны все было ново и поучительно.

Тѣмъ временемъ Женя и Маня успѣли завести дружбу съ младшей хозяйской дочерью. Онѣ уже узнали, какъ ее зовутъ, сказали ей свои имена, и маленькая Глаша съ развязностью большой хозяйки показывала своимъ гостьямъ картинки на стѣнахъ, показывала свой портретъ, гдѣ она, вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, снята была трехлѣтней дѣвочкой, достала съ полки книжку съ картинками, и, высунувшись изъ окна, сорвала съ куста подъ окномъ двѣ вѣточки бѣлой сирени и дала ихъ дѣвочкамъ.

Когда Марья Дмитріевна, отказавшись и здѣсь отъ всякаго угощенія, наконецъ встала, чтобы уходить, Женя попрощалась съ Глашей за руку, а Маня, приподнявшись на цыпочки, вытянула къ ней свои губенки, обняла и поцѣловала ее. Хозяйка, провожая го-

стей, выражала, какъ могла, свое душевное расположеніе и уваженіе, а Марья Дмитріевна, за руку прощаясь съ ней и уже называя ее по имени и отчеству, Анной Ивановной, просила ее посѣщать усадьбу; звала въ гости и ея старшую дочь Аннушку.

А пока шло это прощанье, Глаша уже выбѣжала въ свой садикъ, нарвала тамъ три большихъ пучка сирени и, надѣливъ ими гостей, проводила ихъ потомъ до самой околицы.

По дорогѣ домой, изъ всѣхъ впечатлѣній прогулки въ деревню, ярче всего возставали въ воображеніи Марьи Дмитріевны этотъ безногій инвалидъ-самоваръ и хохочущая среди самой безотрадной нищеты семья Ивана. Было ясно, что это—пьяница мужикъ, потихоньку отъ жены пропивающій заработанныя деньги. Было ясно, что если, рядомъ съ благосостояніемъ у другихъ, эта семья дошла до разоренія, то, стало-быть, помимо внѣшнихъ условій, есть что-то внутри этой семьи такое, что способствовало ея упадку. Но, въ то же время, на всѣхъ членахъ этой семьи лежала печать какого-то обезоруживающаго добродушія, и ничто, повидимому, не говорило о томъ, чтобъ они были несчастливы.

И тутъ же сейчасъ этотъ старикъ Савелій... Митричъ... святоша, льстивый и вкрадчивый, совсѣмъ не понравившійся Марьѣ Дмитріевнѣ. И что значитъ его страхъ передъ тѣмъ, что его заставятъ на шесть лѣтъ присягать антихристу? «Тяжело!» Что именно разумѣлъ онъ подъ этимъ «тяжело»? Какія должны быть у него смутныя представленія по вопросамъ духовной жизни, когда онъ не можетъ разобраться даже въ простомъ вопросѣ лѣтосчисленія. «Боже, какая темнота!—думала Марья Дмитріевна, уже подходя къ усадьбѣ и оглядываясь назадъ на деревню. — Какая темнота и въ развалившейся избѣ этого нищаго, и въ домѣ этого благообразнаго полуграмотнаго начетчика».

VIII.

Чрезъ недѣлю жизнь Деминыхъ въ Отрадѣ вошла въ колею.

Николай Васильевичъ въ нѣсколько дней успѣлъ осмотрѣть до мельчайшихъ подробностей все имѣнье, снялъ пѣнки знаній съ своихъ сельскохозяйственныхъ книжекъ и уже начиналъ даже надоѣдать Марьѣ Дмитріевнѣ разговорами объ искусственныхъ удобреніяхъ, о костяной мукѣ, о куломзинскихъ фосфоритахъ, о сфагнумѣ, о посѣвахъ вики, объ устройствѣ куринаго завода, — такъ онъ называлъ ящики для высидки искусственнымъ образомъ цыплятъ. Въ озерѣ при усадьбѣ рыбы было мало, и Николай Василье-

вичъ подумывалъ заняться искусственнымъ разведеніемъ ея. Но его проекты пока такъ и оставались проектами, не встрѣчая сочувствія у Марьи Дмитріевны, не хотѣвшей и слышать ни о чемъ, что хотя бы косвенно напоминало ей о фабричныхъ производствахъ. Она боялась, что, вступивъ на путь культурныхъ улучшеній имѣнья, они неизбѣжно сойдутъ съ первоначально намѣченнаго ими пути постепеннаго опрощенія. Она называла «темнотой» грязь и нищету, въ которой она видѣла семью Ивана и Марьи, но и Сергѣй Михайловъ, покупающій машинную соломорѣзку, не былъ ея идеаломъ. Всякое отступленіе отъ первобытной простоты деревенскаго хозяйства она еще скорѣе готова была дозволить настоящему мужику, уже прочно вросшему всѣми корнями въ землю, чѣмъ себѣ и своей семьѣ: имъ еще было нужно пріобрѣсти эту связь съ землей, нужно было еще выучиться добывать трудами собственныхъ рукъ хлѣбъ свой. И она не уставала напоминать Николаю Васильевичу, что дѣло не въ матеріальныхъ улучшеніяхъ быта, а въ жизни духа, въ свободѣ.

— А то вѣдь мы изъ-за этихъ мелочей,—говорила она:—рискуемъ проглядѣть главное. Изъ-за деревьевъ не увидимъ лѣса.

И Николай Васильевичъ въ концѣ-концовъ соглашался съ ней и бездѣйствовалъ, оправдывая себя тѣмъ, что и въ самомъ дѣлѣ сначала надо ко всему приглядѣться и что на нынѣшнюю весну думать о нововведеніяхъ уже поздно. За неимѣніемъ другого дѣла, онъ ходилъ по деревнямъ, разговаривалъ съ мужиками и понемногу «опрощался»—рѣчь и голосъ его становились немного грубѣе, манеры угловатѣе. Онъ не переодѣвался въ мужицкую одежду, потому что не придавалъ этому значенія, да и готовыхъ ситцевыхъ рубахъ и шароваръ у него не было, а городское платье надо же было донашивать. Но зато одѣвался онъ въ это платье уже достаточно небрежно.

Между тѣмъ Марья Дмитріевна, предостерегавшая мужа отъ увлеченія хозяйственными заботами, чтобъ изъ-за деревьевъ не проглядѣть лѣса, сама уже успѣла немножко заблудиться въ незнакомомъ ей кустарникѣ всякихъ домашнихъ и деревенскихъ мелочей. Она училась быть крестьянкой-хозяйкой, училась дѣлать сметану, творогъ, училась ухаживать за коровами и свиньями, за домашней птицей, стричь овецъ и мыть шерсть, и сама не замѣчала, какъ эти работы и заботы мало-по-малу заполонили окончательно и ея руки, и ея умъ. Училась она всему этому и по книжкамъ хозяйства и домоводства, училась и практически отъ своей скотницы и отъ старосты, а больше всего отъ Марьи, которая на

первыхъ порахъ ежедневно приходила въ усадьбу исполнять то одну, то другую работу: Марья то полы мыла, то бѣлье стирала, капусту сажала, то, наконецъ, просто посвящала барыню въ подробности крестьянской жизни, а иногда и въ деревенскія сплетни. И что всего болѣе удивляло Марью Дмитріевну, такъ это то, что Марья, несмотря на неурядицу въ собственномъ хозяйствѣ, оказалась человѣкомъ удивительно толковымъ и все знающимъ. Подкупала она Марью Дмитріевну и своей безграничной добросовѣстностью. «Что дадите», «что пожалуете» — было въ ея устахъ не пустой фразой, подъ которой часто скрывается желаніе получить гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ, въ надеждѣ на щедрость или глупость господъ; Марья, дѣйствительно, довольствовалась тѣмъ, что платили за работу «по усмотрѣнію», и хотя плата эта обыкновенно была щедрой, однако и въ тѣхъ случаяхъ, когда Марья Дмитріевна, по невѣдѣнію настоящей цѣны, обижала Марью, та этого какъ-то не замѣчала. И работала Марья въ усадьбѣ всегда прилежно, отъ ранняго утренняго часа и до послѣднихъ лучей вечерней зари. Заработкомъ поденной платы она, очевидно, дорожила больше, чѣмъ собственнымъ домашнимъ хозяйствомъ, предоставляя приготовленіе скуднаго обѣда для своей семьи то самому Ивану, то подростку Митѣ.

Марьѣ Дмитріевнѣ было иногда даже какъ-то странно видѣть такое добросовѣстное отношеніе къ чужому дѣлу. Ей думалось иногда, что, вмѣсто того, чтобы заставлять Марью работать у себя въ усадьбѣ, ей слѣдовало бы самой пойти къ Марьѣ, указать ей на всю неурядицу ея домашней жизни, и если нечего учить Марью хозяйственности,—то надо заставить ее, именно заставить, привести у себя въ избѣ все въ порядокъ. Но эгоизмъ невольно бралъ верхъ, и не столько сознательный эгоизмъ, сколько само ближайшее хозяйственное дѣло въ усадьбѣ, требовавшее немедленнаго исполненія, заставляло и Марью Дмитріевну и Марью забывать о томъ безпорядкѣ, который царилъ въ развалившейся Ивановой избѣ по ту сторону озера.

Марья Дмитріевна была рада, когда Марья привезла ей, наконецъ, обѣщанную «дѣвочку», свою троюродную сестру. Марья хвалила Лушу не даромъ. «Дѣвочка», дѣйствительно, какъ выражалась Марья, «хваталась за все». Она готова была ни одной минуты ни посидѣть, ни постоять на мѣстѣ безъ дѣла. Невысокаго роста, некрасивая, съ жиденькими русыми волосиками, она напоминала Марьѣ Дмитріевнѣ тѣ жалкія тощія деревца, которыя выростаютъ на болотистой почвѣ и, еще не успѣвъ достигнуть воз-

раста возмужалости, начинаютъ уже покрываться старческими коростами. Но какъ и въ родномъ унылом пейзажѣ, такъ и въ такихъ неприглядныхъ типахъ родной деревни для любящаго родину сердца всегда находится что-то привлекательное.

Марьѣ Дмитріевнѣ Луша была и смѣшна, и мила. Въ особенности вызывала она у нея всякій разъ улыбку, когда, желая быть угодливой или видимо расторопной, она, приходя и уходя, или оборачиваясь на окликъ, дѣлала на своихъ коротенькихъ ножкахъ быстрый поворотъ, какъ волчокъ, какъ маріонетка. Несмотря на свой маленькій ростъ и подвижность, она ступала ногой очень тяжело, и ея топанье раздавалось по всѣмъ комнатамъ, не только когда она изрѣдка надѣвала свои, деревенской работы, ботинки на высокихъ каблукахъ, но и когда она ходила, какъ всегда, босая.

Когда Марья Дмитріевна громко звала Лушу изъ кухни въ комнаты, та еще громче весело откликалась протяжнымъ:

— О-о!

Словно въ лѣсу аукалась.

И Марья Дмитріевна, и дѣти, и Николай Васильевичъ улыбались какой-то особенной, доброй улыбкой, когда раздавалось это Лушино «о-о», и никому и въ голову не приходило отучать ее отъ этой манеры откликаться.

Когда Луша разбивала посуду или дѣлала что-нибудь неладно,— а это съ ней случалось-таки,—она сама начинала громко бранить себя:

— Ахъ, Лушка дура! Дура, дура Лушка!

При этомъ она дѣлала такую комично-сокрушенную гримасу, что Марья Дмитріевна невольно улыбалась и уже и не сердилась на виноватую. А когда Луша, бѣгая и работая въ иные дни до упаду, начинала къ вечеру видимо изнемогать, и Марья Дмитріевна, жалѣя ее, ласково спрашивала:

— Ты жива еще Луша?—Луша неизмѣнно весело и громко отвѣчала:

— Еще топаю!

Марья Дмитріевна находила, что Луша, съ ея характеромъ и манерами, была именно такая дѣвушка, какую она только могла желать для своего «опрощенія».

Такъ какъ переселеніе въ деревню было предпринято Демиными не только для того, чтобы самимъ обрѣсти душевный миръ, но и съ цѣлью воспитать младшихъ дѣтей въ условіяхъ болѣе близкихъ къ природѣ, то они рѣшились не давать ни Мишѣ, ни

дѣвочкамъ никакого, такъ называемаго, правильнаго воспитанія и систематическаго образованія.

Принявъ на себя роль единственнаго воспитателя и учителя своихъ дѣтей, Николай Васильевичъ, какъ только немного поустроились по пріѣздѣ въ Отраду, сталъ посвящать часъ или полтора въ день — не больше — на учебныя занятія съ Женей и Мишей; въ Петербургѣ у нихъ была приходящая учительница, и они, каждый для своего возраста, были уже достаточно подготовлены, чтобъ охотно продолжать здѣсь учиться подъ руководствомъ отца. Марья Дмитріевна, въ свою очередь, учила Женю шитью, насколько сама успѣла выучиться этому искусству въ послѣдніе мѣсяцы предъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Маню учить чему бы то ни было считали еще преждевременнымъ; но она уже сама выучилась по складнымъ картинкамъ азбукѣ и умѣла читать слова.

Въ то же время дѣтей стали постепенно пріучать къ хозяйству и разнаго рода сельскимъ занятіямъ, заставляя ихъ не только обходиться во всемъ безъ помощи прислуги, но и не пренебрегать никакимъ самымъ грубымъ физическимъ трудомъ, если только онъ былъ имъ по силамъ. Николай Васильевичъ самъ подавалъ примѣръ, нерѣдко хватаясь за лопату, чтобы вычистить навозъ въ конюшнѣ. Миша неотлучно находился при отцѣ; вмѣстѣ они работали, вмѣстѣ гуляли, вмѣстѣ удили рыбу.

Дѣвочки занимались женскими отраслями хозяйства. Же́нѣ Марья Дмитріевна отдала въ ея исключительное вѣдѣніе птичникъ, Манѣ предоставлено было «играть» съ огородомъ. Такъ какъ староста былъ огородникъ, то эта отрасль усадебнаго хозяйства была въ довольно цвѣтущемъ состояніи; огородъ былъ большой, обрабатывался рабочими и поденщицами, Манѣ же была отведена отдѣльная грядка, которую она сама поливала изъ крошечной лейки, сама полола и по нѣскольку разъ въ день приходила смотрѣть, «какъ растутъ травки». Но, кромѣ того, она считала себя здѣсь главной хозяйкой и вмѣстѣ съ «дѣдушкой»—старостой осматривала ежедневно и всѣ другія гряды, съ важнымъ видомъ дѣлая замѣчанія. При этомъ старикъ Никифоръ Алексѣевичъ, вѣчно молчаливый, становился съ Маней разговорчивымъ и нарадоваться не могъ, что дѣвочка, послѣ первыхъ же указаній, ни разу не выполола, по ошибкѣ, настоящихъ овощей вмѣсто сорной травы, а это нерѣдко случалось и со взрослыми поденщицами. И Манинъ огородъ былъ предметомъ нескончаемыхъ разговоровъ въ семьѣ.

Чтобъ чѣмъ нибудь проявить свои заботы объ удобреніи земли, Николай Васильевичъ купилъ нѣсколько коровъ у крестьянъ сосѣд-

нихъ деревень, нуждавшихся въ деньгахъ и хотѣвшихъ сбыть заморенную въ теченіе зимы скотину гуртовщикамъ за безцѣнокъ: Николай Васильевичъ заплатилъ имъ дороже. Одна изъ этихъ маленькихъ, молоденькихъ коровокъ очень нравилась Женѣ, другая Манѣ, и Николай Васильевичъ отдалъ ихъ дѣтямъ въ видѣ подарка: это значило, что Женѣ и Манѣ предоставлялось кормить красульку и пестравку хлѣбцемъ, носить имъ въ хлѣвъ на ночь свѣжей травки изъ сада, слѣдить за ихъ удоемъ, считать число горшковъ молока и выходящее изъ него количество творогу, но отнюдь не пить ихъ молока, пока эти заморыши не выходятся на пастбищѣ и не потолстѣютъ отъ мучной болтушки.

Дня черезъ три по водвореніи новыхъ коровъ въ Отрадѣ, у маниной пестравки оказались на кожѣ какіе-то желваки, и когда на этихъ мѣстахъ раздвигали шерсть, то подъ ней обнаруживались маленькія, круглыя, гноящіяся дырочки.

— Это у нея угри,—объяснила Луша, первая замѣтившая болѣзнь «пестрошки».—Вотъ которые назрѣли, надо выдавить.

И, отыскавъ у коровы большой угорь, она крѣпко сдавила его съ двухъ сторонъ пальцами. Пестравка поёжилась, но стояла смирно, а изъ желвака выскочилъ и упалъ на землю какой-то комочекъ, и тоненькая струйка крови обагрила бѣлую шерсть коровы. Луша подняла съ земли выдавленный ею «угорь» и показала его присутствовавшимъ при этой операціи Марьѣ Дмитріевнѣ и Николаю Васильевичу и Манѣ:

— Вишь, какая козявка.

Всѣ посмотрѣли съ брезгливостью на лежавшаго у Луши на ладони невиданнаго паразита. Это было какое-то жесткое, колѣнчатое насѣкомое безъ головы, безъ глазъ, безъ ногъ, нѣчто вродѣ гусеницы большой бабочки, и только на одномъ концѣ у насѣкомаго было маленькое отверстіе—очевидно ротъ. Насѣкомое то сжималось, то растягивалось, но не въ состояніи было двинуться съ мѣста.

— Какая гадость!—сказала, поморщившись, брезгливая по природѣ Марья Дмитріевна.—Отчего это у нея, Луша?—спросила она.

— Отъ худого корму, заморена она, вишь, за зиму-то,—весело отвѣтила Луша.—Это въ деревняхъ бываетъ, когда ежели въ голодный годъ корму скотинѣ мало. Вотъ отъѣстся лѣтомъ, къ осени и угрей не будетъ.

Но Николаю Васильевичу эта операція, видимо, понравилась, и онъ самъ нашелъ и выдавилъ у коровы еще одинъ угорь, причемъ немного обрызгался кровью и гноемъ.

А Марья Дмитріевна смотрѣла съ какимъ-то страннымъ чувствомъ на то, какъ онъ это дѣлалъ. Ей было какъ будто непріятно, даже больно видѣть, что *ея мужъ пачкается* около коровы, и въ то же время она сознавала, что это говоритъ въ ней чувство чисто-барской брезгливости, и она упрекала себя за нее. Вѣдь надо же когда-нибудь пріучать себя дѣлать мужицкое дѣло! Вѣдь еслибъ она была настоящею простою бабой, то ли еще пришлось бы ей извѣдать! И она была убѣждена, что она рѣшительно все бы сдѣлала, ничѣмъ бы не побрезговала. Но ей казалось, что у нея все это вышло бы какъ-то иначе, благороднѣе. Безсознательно она заволакивала въ своемъ воображеніи всю грязь грубой работы свѣтлою пеленой подвига, подвижничества; теперь же, при видѣ Николая Васильевича, увлекшагося выдавливаніемъ коровьихъ угрей, ей не нравилось, что его просто заинтересовалъ самый фактъ ихъ существованія и самый процессъ уничтоженія ихъ.

За этимъ занятіемъ застала ихъ пришедшая въ усадьбу Марья; больныхъ коровъ она на своемъ вѣку видала и на угри у пестравки взглянула лишь мелькомъ, сказавъ при этомъ: «Бываетъ».

Марья принесла кусокъ холста, чтобы предложить его Марьѣ Дмитріевнѣ купить на половики.

— Деньжонки, вишь, занадобились, — говорила она съ свойственною ей добродушною словоохотливостью:—парнишкѣ, Митѣ, сапоги надо купить, а денегъ-то—Богъ подастъ.

Марья Дмитріевна холстъ взяла. А Николай Васильевичъ, отдавая за него Марьѣ деньги, сказалъ:

— Надо мнѣ твоему парню пиджакъ подарить, есть у меня старый, лишній. Вели-ка парню-то прійти — коли впору будетъ, пусть возьметъ.

— Ладно, скажу, спасибо, — просіяла Марья и, вынимая изъ кармана бутылку, наполовину наполненную водкой, дѣловымъ тономъ сказала: — А у меня вотъ тутъ еще дѣльце есть: принесла вотъ вашимъ работникамъ два стаканчика водки передать. Да, знать, еще не вернулись они съ работы-то. На-ка, Луша, вотъ, отдашь...

— Что ты это, Марья, зачѣмъ? — почти сурово остановила ее Марья Дмитріевна.—Какая водка? Я вовсе не желаю, чтобъ у насъ въ усадьбѣ кто-нибудь пилъ.

На лицѣ Марьи, когда-то, должно быть, очень красивомъ, а теперь худомъ и преждевременно сморщившемся, выразилось полное недоумѣніе; она посмотрѣла на Марью Дмитріевну, потомъ на Николая Васильевича своими добрыми, вѣчно улыбающимися глазами и

снова пряча бутылку съ водкой въ карманъ, съ наивною растерянностью произнесла:

— Какъ же теперь быть-то?... Вѣрно, ужъ послѣ шабаша къ намъ придутъ, у насъ выпьютъ.

— Да что это за водка! Откуда? — спросилъ Николай Васильевичъ.

Двое служившихъ у него работниковъ были изъ другой деревни, отстоявшей отъ Замошья за пять верстъ.

— Ихняя, значитъ,—объяснила Марья:—мірская.

Николай Васильевичъ пожалъ плечами, ничего не понимая, а Марья продолжала:

— Видишь ли, весной тутъ на рѣкѣ къ нашей пожнѣ плоты приткнулись. Пожня-то у насъ эта мірская, на три деревни. Покосъ, стало быть, вдоль берега-то. Ну, вотъ старики и постановили взять съ плотовщиковъ, значитъ, водки ведро или тамъ сколько, на весь міръ, значитъ, чтобы по стаканчику...

— Да за что же собственно?—спросилъ Николай Васильевичъ.

— А какъ же,—убѣжденнымъ тономъ отвѣтила Марья:—плоты-то на нашей пожнѣ обмелѣли.

— Ну такъ что-жъ?

— А вотъ теперь, какъ вода спала, ихъ, стало-быть, разгружать будутъ, и бревно по бревну въ рѣку скатывать,—ну, пожню-то немного и помнутъ.

— Да вѣдь до сѣнокоса-то далеко, развѣ травы-то много попортили?

— Нѣтъ, попортить, чай, ничего не попортятъ, а только такъ ужъ это ведется: пожня-то наша, крестьянская, плоты ихніе, ну, стало быть, намъ съ нихъ слѣдуетъ.

— А сколько плотовъ-то?—спросилъ Николай Васильевичъ.

— Да, кажись, одинъ. Не знаю я что-то навѣрное-то!—отвѣтила Марья.

— Такъ стоило ли изъ-за этого разговаривать? — вмѣшалась въ разговоръ Марья Дмитріевна.—А главное—зачѣмъ тутъ водка.

— Такъ-то такъ, — добродушно отозвалась Марья. — Да ужъ такъ ведется. Какъ всѣ, такъ и мы. Она давно, эта водка-то, за пожню-то вышла, тамъ у старшины въ Козихинѣ хранится, да вишь все распить не могутъ. Мой-отъ Иванъ вчерась ходилъ туда за своимъ стаканчикомъ, такъ вотъ съ нимъ и прислали вашимъ-то работникамъ ихъ долю. А то, говорятъ, еще выпьетъ кто-нибудь зря, послѣ отвѣчай!...

Въ теченіе этого разговора они продолжали стоять на дворѣ,

близъ скотнаго; стояла, какъ на деревенской сходкѣ, вмѣстѣ съ ними и Луша, забывъ про всякое дѣло и прислушиваясь къ разговору Марьи, и только корова отошла немного въ сторону и пощипывала травку. Они не замѣтили, какъ во дворъ усадьбы вошла и подошла къ нимъ старуха-нищая, и обратили на нее вниманіе только тогда, когда возлѣ нихъ раздался ихъ голосъ:

— Спаси васъ Матерь Божія, Царица Небесная, помогите Христа ради сиротѣ убогой...

Старуха низко и учащенно кланялась господамъ и, какъ знакомой, поклонилась Марьѣ. Та поспѣшила спрятать въ карманъ руку съ деньгами, полученными за холстъ. Луша сама первая поклонилась нищей, но обыкновенно веселое лицо ея приняло строгое, почти непріязненное выраженіе. Маня, пришедшая въ смущеніе отъ жалкихъ лохмотьевъ, въ которыхъ была не одѣта, а какъ-то закутана старуха, прильнула къ матери и, взявъ ее за руку, прошептала:

— Дай.

Ребенокъ и пугался черныхъ глазъ старухи, горѣвшихъ на ея морщинистомъ лицѣ далеко не старческой силой, и въ то же время не могъ оторвать отъ нея своего взгляда.

Николай Васильевичъ досталъ изъ портмоне двугривенный и далъ его нищей. Та начала опять учащенно кланяться, креститься и благодарить:

— Спаси васъ Господи, Мать Пресвятая Богородица, подай вамъ Господи!

И, повторяя на ходу свои причитанія, старуха поспѣшными шагами уже уходила изъ усадьбы. Марья крикнула ей въ догонку:

— Заходи тамъ къ намъ на деревнѣ, Василиса,—накормятъ.

Но слышала или не слышала эти слова нищая, она не обернулась и, все крестясь, шла впередъ. А когда она уже вышла за ворота, Марья покачала головой и сказала:

— Бѣдовая старуха!

А Луша, словно проснувшись, въ одинъ голосъ съ Марьей произнесла:

— У-у! Вѣдьмища!

— Что такъ?—спросила Марья Дмитріевна.

— Боятся у насъ въ деревняхъ этой старухи: больно ужъ сплетница,—сказала Марья. А Луша съ какимъ-то несвойственнымъ ей азартомъ стала объяснять:

— Не подай-ка ей, такъ она пойдетъ по всѣмъ деревнямъ, да такого про тебя наплететъ, что и до самой смерти не размотаешь.

— Особливо на дѣвокъ, — добавила Марья. — Коли которая

плохо накормитъ ее или словомъ какимъ обидитъ, и пойдетъ наша Василиса благовѣстить: и неурядливая-то эта дѣвка, и приданаго-то у нея нѣту, и порченая-то она, и чего-чего только не выдумаетъ. И сама болтаетъ, и другихъ всѣхъ странниковъ и нищихъ перемутитъ. Сколько свадебъ изъ-за нея разстраивалось.

— Такъ зачѣмъ же ей вѣрятъ? — возмущалась Марья Дмитріевна.

— Да вѣрить-то не больно вѣрятъ, а всячески слухъ-то идетъ, — спокойно отозвалась на это Марья. — Молва пущена, а кто ее знаетъ откуда. Никто вѣдь не говоритъ: «Василиса сказывала», а всякъ злой человѣкъ радъ повторять. А Василисѣ на руку: какъ сыръ въ маслѣ катается.

— Вы думаете она бѣдная? — съ азартомъ вмѣшалась опять Луша. — У ней деньжищъ въ лѣсу подъ кочками припрятано и не вѣсть сколько. Ей одежёнку какую подарятъ, она ее продастъ, а деньги все копитъ, все копитъ. И какъ только ей никто голову не расколупаетъ, прости Господи!

Луша при этомъ съ озлобленіемъ плюнула и, какъ бы сознавая, что она заговорилась и наговорила лишняго, что̀, чего Боже сохрани, дойдетъ до ушей Василисы, круто повернулась на пяткахъ и пошла къ кухонному крыльцу.

— Почему же у васъ подаютъ ей, когда знаютъ, что она такая и что у нея деньги есть? — обратился Николай Васильевичъ къ Марьѣ.

— Да какъ не подавать-то, — отвѣтила Марья, — всѣмъ, по-христіанству, подаемъ, кто именемъ Христовымъ проситъ. Вѣдь денегъ-то ея въ лѣсу подъ кочками мы не считали. Мало ли что говорятъ. Какъ ей откажешь, когда она въ обѣдъ въ окошко постучится. Извѣстно, покормишь. Про эту-то мы хоть то знаемъ, что у нея ни кола, ни двора нѣтъ, ночуетъ, у кого пустятъ. А вотъ у насъ отсюда верстъ за пятнадцать въ деревнѣ два мужика есть: все хозяйство въ порядкѣ содержатъ, бабы щеголихи, а они, сами-то хозяева, кажинное лѣто побираться уходятъ. Дома работниковъ вмѣсто себя нанимаютъ, а сами съ котомкой, да съ посошкомъ, почитай всю Россію исходили. Здѣсь-то у себя, по ближности-то, ходить, да подъ окошками стоять все какъ будто маленько стыдно, а тамъ-то, въ другихъ-то губерніяхъ, вишь, не зазорно, — ну, и ходятъ. Прощайте, до свиданья, — рѣшительно поклонилась вдругъ Марья — побѣгу. И то Василису надо чѣмъ-нибудь угостить, — улыбнулась она, уже поворачиваясь, чтобъ уходить, и еще разъ кланяясь.

А послѣ ея ухода, дѣлясь между собой впечатлѣніями, Николай Васильевичъ и Марья Дмитріевна еще долго не могли разобраться въ логикѣ деревенской жизни. «Какъ всѣ, такъ и мы», «по-христіянству», «плоты ихніе, пожня наша», «мірская водка», «кто-нибудь выпьетъ зря», «ходилъ за стаканчикомъ», доморощенная шантажистка, «катающаяся, какъ сыръ въ маслѣ», и эта,—сама нищая,—Марья, бѣгущая «угощать» ее, отхожій промыселъ «Христа ради» у богатыхъ и рядомъ съ нимъ нищета въ честной семьѣ Ивана,—все это до такой степени переплеталось и въ то же время не вязалось одно съ другимъ, что Марья Дмитріевна сказала:

— Меня это иногда совсѣмъ съ толку сбиваетъ.

А Николай Васильевичъ выразился уже гораздо рѣзче:

— Ихъ, кажется, самъ чортъ не разберетъ.

Ал. Луговой.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ *)

Разсказы П. Розеггера.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Троицкій поклонникъ.

Почему эти молодые люди постоянно враждуютъ? Живутъ они не вмѣстѣ, не родня другъ другу, нѣтъ у нихъ общаго дѣла, совершенно чужіе, даже не мужъ и жена,—а между тѣмъ постоянно враждуютъ. Онъ—единственный сынъ зажиточнаго крестьянина и ея совсѣмъ не касается; она—дочь вдовца и также его не касается. Оба молоды, красивы и здоровы, развѣ это причина быть на ножахъ?

Дома ихъ лежали на противоположныхъ сторонахъ деревни; между ними зіялъ глубокій оврагъ, поросшій репейникомъ, точно сама природа хотѣла сказать: Молодые люди, сторонитесь другъ друга!

Но по воскресеньямъ молодежь сходилась на деревенской площади и въ церкви, и тогда начиналась потѣха.

Грегель точно случайно проходилъ мимо Сузи и нечаянно наступалъ ей на ногу.

— Охъ,—чувствовала она.—Охъ!—вскрикивала она мысленно, но вслухъ не кричала: охъ.

— Постой, милѣйшій Грегель, расквитаемся.

Въ другой разъ она иронически замѣчала:

— Надо быть жалкимъ карликомъ, чтобы, взгромоздившись на ногу бѣдной дѣвушки, смотрѣть на міръ Божій.

Грегель, проходя мимо, толкнулъ ее локтемъ. Толкнулъ не боль-

---

*) *Русская Мысль*, кн. III.

но, но больно то, что толкнулъ умышленно. Въ толпѣ Сузи сбила съ него шляпу, вырвала изъ нея пѣтушьи перья и посадила на ихъ мѣсто пучекъ крапивы. Грегель не взглянулъ на насмѣшницу, но и, не видя, узналъ ее. При первомъ удобномъ случаѣ онъ высыпалъ ей за воротъ платья цѣлую горсть опилокъ. Когда послѣ такихъ продѣлокъ взоры ихъ встрѣчались, спаси Господи и помилуй. Громъ и молнія! Того и гляди вцѣпятся!

Осенью одинъ крестьянинъ созвалъ помочь для трепанья льна. Со всей округи собралась молодежь: сначала трепать ленъ, а потомъ танцовать. Передъ танцами было угощеніе, главную приманку котораго составлялъ виноградный кисель.

Сузи и Грегель были среди молодежи. Грегель прекрасно зналъ, что Сузи большая охотница до виноградпаго киселя. Передъ самой ѣдой онъ стащилъ ея деревянную ложку и надломилъ въ тонкомъ мѣстѣ. Когда, ничего не подозрѣвая, Сузи взяла ложку и полѣзла ей въ общую миску, въ рукѣ у нея осталась ручка, а низъ застрялъ въ киселѣ. Всѣ разразились хохотомъ. Сосѣди, желая утѣшить Сузи, пихали ей въ ротъ свои ложки. Сузи сердито ворчала, что сама умѣетъ ѣсть, взяла другую ложку, сдѣлала видъ, будто не замѣтила шутки, и съ гордостью принялась за кисель. «Знаю, чьи это продѣлки!—думала она.—Подожди, лукавое животное, дойдетъ и до тебя чередъ».

Вскорѣ наступилъ храмовой праздникъ. Грегель стоялъ передъ лавкой въ рубашкѣ и жилетѣ (здоровому парню всегда жарко) и покупалъ табакъ. Онъ не любилъ курить, но надо было привыкать, а то женщины подумаютъ, что онъ не переноситъ табаку. Давка была невѣроятная; когда парень повернулся, чтобъ идти въ трактиръ, то замѣтилъ, что штаны его ползутъ книзу. Съ него незамѣтно стащили помочи, и вотъ, ко всеобщему восторгу, ему пришлось придерживать бѣглецовъ руками, пока хозяйка лавки не подоспѣла на помощь съ новыми помочами.

Грегель не сомнѣвался, чьихъ это рукъ дѣло. Въ добавокъ, одинъ изъ товарищей замѣтилъ:

— Дѣло-то пахнетъ Сузи. Какъ это тебѣ нравится? Надо будетъ и ей что-нибудь устроить! Какъ по-твоему?

— Какое тебѣ дѣло до Сузи! — проворчалъ Грегель, сверкая глазами, и, сжавъ кулаки, онъ повернулся къ товарищу; послѣдній замолчалъ и пошелъ прочь.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя насталъ канунъ Николина дня. Ложась въ постель, Сузи вскрикнула отъ страху. На постели что-то трещало; катались какіе-то шары и шишки. При свѣтѣ она уви-

дала, что вся постель усыпана орѣхами. На этотъ разъ бѣда была небольшая; пощелкать орѣшковъ пріятно; Сузи угадала, какой Никола принесъ ей орѣхи. Она обшарила всю комнату, нѣтъ ли еще какого сюрприза. Слава Богу, ничего не оказалось. Передъ окномъ не было приставной лѣстницы. Она тщательно заперла дверь; принялась щелкать орѣхи и обдумывать планъ мщенія нарушителю ночного покоя.

Читатели, конечно, не безъ основанія, опасаются, какъ бы такія отношенія не довели до кровавой мести. И на самомъ дѣлѣ: Сузи и Грегель только и думали, что̀-бъ устроить другъ другу. Зима представляетъ къ тому мало удобныхъ случаевъ. На масленицѣ, во время бала, Грегель не замѣчалъ Сузи, а танцовалъ съ какою-то старухой. Зато она прислала ему на Пасху прекрасное разрисованное яйцо, внутренность котораго болталась, такъ какъ оно было отъ прошлаго года. Перваго мая Грегель прислалъ ей майскій букетъ, въ которомъ цвѣты и ленты замѣнялись прутьями вѣника.

Наконецъ, настала Троица. Въ Штиріи существуетъ на этотъ день оригинальный обычай. Если парень проспитъ восходъ солнца, дѣвушки надѣваютъ ему на голову вѣнокъ изъ соломы и зовутъ его: Троицкій король! Троицкій соня! Троицкая макарона!

Сузи, которой были извѣстны всѣ слабости противника, знала, что Грегель по воскресеньямъ и праздникамъ любилъ поваляться въ постели и вознаградить себя за раннее вставанье въ будни. Дѣвушка не ложилась всю ночь и сплела роскошный вѣнокъ изъ соломы; затѣмъ созвала подругъ и всѣ вмѣстѣ направились къ дому врага. Работница-крестьянка была въ заговорѣ и помогла дѣвушкамъ пробраться въ комнату, гдѣ Грегель спалъ безмятежнымъ сномъ. Тихо, тихо надѣла Сузи вѣнокъ на голову спящаго и привязала его ленточкой, затѣмъ вынула ножницы и отрѣзала сонному тетерѣ усъ; только съ одной стороны, на другой оставила въ цѣлости. Исполнивъ все задуманное, дѣвушка тихо прокралась вонъ. Когда солнце показалось изъ-за зубчатыхъ верхушекъ горъ, проказницы встали передъ домомъ и закричали во все горло:

— Троицкій зѣвака! Троицкій соня!

Соперничая съ ними, пѣли птицы на залитыхъ цвѣтомъ вишневыхъ деревьяхъ и на стрѣхахъ избы.

Грегель проснулся, вскочилъ съ постели и тутъ же почувствовалъ на головѣ вѣнокъ; онъ быстро сорвалъ его съ головы и первою его мыслью было: «Это—она!» Онъ хотѣлъ, по привычкѣ, закрутить усы, но нашелъ только половину.

— Сузи, Сузи, дорого поплатишься ты за такую жатву!

Онъ остригъ другую половину своего мужского украшенія, надѣлъ праздничный костюмъ, пошелъ въ церковь и дѣлалъ видъ, точно все обстоитъ благополучно.

Такъ шло понемногу время. Но въ головѣ Грегеля зрѣли коварные планы. Мы видѣли, что̀ бываетъ съ парнемъ, который долго спитъ въ Троицынъ день. А что̀ бываетъ съ дѣвушкой, которая похрапываетъ, уткнувъ носъ въ подушечку, во время солнечнаго восхода? Есть ли на этотъ случай мѣстный обычай? Несомнѣнно, и гораздо болѣе строгій! Вотъ что ведется со старыхъ временъ: если въ Троицынъ день дѣвушка просыпаетъ восходъ солнца, то сосѣдніе парни приходятъ къ ея дому и приносятъ съ собой чучело изъ тряпокъ, набитое соломой, въ ростъ человѣка, очень похожее на оборванца-бродягу. Этого Троицкаго поклонника вѣшаютъ на суку дерева передъ окномъ лѣнивицы на вѣчное посрамленіе. Свято чтится утро Троицына дня; оно великолѣпно и полно благодати и ни одинъ смертный не долженъ просыпать его! А кто проспитъ, того ждетъ въ народѣ позоръ и посмѣяніе.

Грегель понимаетъ всю силу обычая и мститъ коварной противницѣ за позоръ соломеннаго вѣнка.

Когда снова настала Троица, вотъ что произошло въ деревнѣ. Ночью Грегель подошелъ къ дому, гдѣ жила Сузи, подставилъ лѣстницу къ окну свѣтелки, гдѣ спала дѣвушка, и осторожно завѣсилъ окно старою тряпкой; затѣмъ пригласилъ товарищей сообща соорудить чучело. Точно живой вышелъ Троицкій поклонникъ, смастеренный изъ кольевъ, соломы и стараго тряпья. Грегель повѣсилъ его на суку липы противъ окна. Вся деревня, оповѣщенная парнями, собралась къ злополучному дому.

Сузи проснулась рано и удивилась, что еще темно. Она повернулась на другой бокъ и съ удовольствіемъ подумала, что можно вздремнуть еще часокъ. Но мирный сонъ былъ грубо нарушенъ. Подъ окномъ поднялся раздирающій уши крикъ: «Троицкая соня, троицкая соня!»—она вскочила съ постели. Въ это время съ окна палкой стащили тряпку и яркое солнце ослѣпило сонные глаза. Въ тотъ же мигъ она увидала ужасное, болтающееся на суку пугало. Троицкій поклонникъ! Бѣдная дѣвушка бросилась на постель и отчаянно зарыдала.

Удовлетворивъ чувству мести, Грегель хотѣлъ взглянуть на свою жертву. Онъ вошелъ по лѣстницѣ и просунулъ голову въ дверь. Но, увидя, что дѣвушка уткнулась въ уголъ и вздрагиваетъ отъ подавленныхъ рыданій, возвратился назадъ.

— Будетъ забавляться, идите по домамъ!—сказалъ онъ товарищамъ.

— Ага, теперь онъ пойдетъ ее умасливать,—шутили они.— Конечно, мы лишніе! Троицкій поклонникъ тоже на что-нибудь пригодился!

Они раньше Грегеля смекнули, въ чемъ дѣло, и разошлись по домамъ.

Грегель чинно вошелъ къ Сузи; вмѣсто привѣтствія его встрѣтилъ сильный толчокъ локтемъ, а дѣвушка принялась еще жалобнѣе плакать. Съ минуту стоялъ онъ возлѣ нея, не зная, что сказать или сдѣлать.

— Сердишься?—рѣшился онъ наконецъ.

Она молча плакала.

Настоящій мужчина можетъ все перенести, кромѣ слезъ женщины. То-есть если онъ увѣренъ, что она дѣйствительно, не притворно плачетъ и если онъ ее любитъ.

Въ этотъ мигъ молодой человѣкъ съ поразительною ясностью сознаъ, что любитъ Сузи. Ненависть, которую онъ до сихъ поръ чувствовалъ къ ней, была въ сущности любовь; поддразниванья и допеканья—своеобразная нѣжность. Онъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко со своею нѣжностью.

— Ты, ты сдѣлалъ мнѣ такую гадость!—всхлипывая, проговорила дѣвушка.

Онъ положилъ ей руку на плечо; она не оттолкнула.

— Сузанна,—сказалъ онъ мягкимъ голосомъ,—Сузанна, я не хотѣлъ тебя обидѣть. Вѣдь, это — шутка, и другимъ доставались на долю Троицкіе поклонники.

— Не въ пугалѣ дѣло, а въ томъ, что ты, именно ты...

— Да? Развѣ я для тебя что-нибудь значу?

Рыданія возобновились съ новою силой.

— Такъ обидно, такъ обидно,—всхлипывала она,—что именно ты всегда дѣлаешь мнѣ зло!

— А ты сама?—спросилъ онъ,—развѣ лучше со мной поступаешь?

— Потому что я люблю тебя!—вырвалось у дѣвушки.

— Ты всегда была со мной жестока. Еслибы ты не обрѣзала мнѣ усовъ, то не было бы и Троицкаго поклонника!

— Да, вѣдь, усы-то у тебя давно выросли!—вскричала она.— А мой позоръ никогда не смоется!

— Не безпокойся!—засмѣялся парень.—Завтра же о твоемъ позорѣ и помину не будетъ. Пойдемъ къ священнику и попросимъ

насъ обручить. Да, дѣвушка, я говорю это совершенно серьезно. Я постоянно о тебѣ думалъ, но не понималъ—почему, а теперь, увидя твои слезы, я понялъ и почувствовалъ всѣмъ существомъ, какъ ты мнѣ дорога. Ты мнѣ милѣе всего Божьяго міра...

Губы ихъ встрѣтились и порядочно прошло времени, прежде чѣмъ молодые люди разстались.

На слѣдующій день они были у священника. Черезъ двѣ недѣли Сузанна вошла хозяйкой въ домъ Грегеля.

Вамъ интересно знать, дразнятъ ли они другъ друга послѣ свадьбы такъ же, какъ раньше?—Сохрани Богъ, нѣтъ! Теперь у нихъ есть другія средства доказать взаимную любовь. Съ однимъ пришлось Грегелю примириться; во всей округѣ за нимъ утвердилось прозвище «Троицкаго поклонника». И жена въ минуты особенной нѣжности называетъ его такъ. Только онъ не болтается передъ окномъ на сукѣ липы, а занимаетъ гораздо болѣе тепленькое мѣстечко внутри дома.

Н. К.

Деревенскіе разсказы Людвига Анценгрубера *).

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Заклинаніе умершихъ.

Св. Писаніе запрещаетъ вызывать съ того свѣта умершихъ— это хорошо и разумно, такъ какъ все, что они могли бы разсказать о загробномъ мірѣ для насъ, съ ногъ до головы погруженныхъ въ житейскія заботы, было бы вполнѣ непонятно, а имъ, покончившимъ съ земною жизнью, она также представляетъ уже мало интереса. Справляться съ своими бѣдами и затрудненіями—дѣло наше и помочь намъ могутъ только живые; мертвые тутъ не при чемъ.

Но есть другой способъ вызыванія умершихъ, не имѣющій ничего общаго съ чародѣйскимъ искусствомъ, хотя и его лучше было бы не практиковать. Рѣчь идетъ не о томъ драгоцѣнномъ свойствѣ, которое даетъ возможность возстанавливать передъ духовными очами дорогой образъ умершаго, потому что это — счастливая способность. Сколько дурныхъ намѣреній, неблаговидныхъ поступковъ остается неисполненными при мысли, что̀ бы сказали отецъ, мать, братья, сестры, друзья дѣтства, еслибъ они были съ нами? И когда передъ духовными очами вопрошающаго воскресаетъ дорогой образъ съ грустнымъ, огорченнымъ лицомъ, не хватаетъ духу поступить дурно и хорошее побужденіе одерживаетъ верхъ.

Нѣтъ, рѣчь идетъ не о возстановленіи въ памяти образа усопшаго, а о постоянномъ обращеніи къ покойнику ради огорченія, угнетенія и посрамленія живого. Такое заклинаніе умершихъ, рав-

---

*) *Русская Мысль* 1898 г., кн. VI.

но заслуживающее осужденія, практикуется всего чаще въ повторныхъ бракахъ. Вторично вступившіе въ супружество, мужчины и женщины, умѣютъ безконечно разсказывать о безцѣнныхъ свойствахъ своихъ «незабвенныхъ покойниковъ».

Къ такого рода мученикамъ принадлежалъ крестьянинъ Киліанъ Гарейсъ. Пять лѣтъ тому назадъ пришелъ онъ въ деревню и нанялся въ батраки ко вдовѣ Фанни Хорнбихлеръ. Парень былъ веселый, добродушный, работящій. Но вотъ скоро три года, какъ его перевернуло, такъ что онъ самъ себя не узнаетъ.

— Какъ льстило его самолюбію, когда онъ впервые замѣтилъ, что хозяйка благосклонно поглядываетъ на него, какъ потѣшался онъ при мысли о зависти односельчанъ, которые особенно огорчатся, что такое счастье выпало на долю пришельца. Какъ соблазнительно казалось ему стать хозяиномъ двора, гдѣ былъ прежде работникомъ. И вотъ, онъ три года владѣетъ хозяйствомъ, но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы ему стало казаться, что выкупъ, взятый св. Лаврентіемъ за сожительство съ крестьянкой, не стоитъ всего хозяйства.

Женщина не пропускала ни одного случая выставить своего покойника, какъ блестящій примѣръ, достойный подражанія, и бѣдный Киліанъ сначала добросовѣстно стремился приблизиться къ идеалу; но такъ какъ, несмотря на всѣ усилія и старанія, ему продолжали ставить на видъ достоинства и таланты перваго мужа, къ которому онъ, несмотря на все усердіе, не приблизился ни на іоту, то мало-по-малу покойный Хорнбихлеръ сдѣлался для него пугаломъ, внушавшимъ ему суевѣрный страхъ. Дѣло было нечисто! Какимъ колдовствомъ умѣлъ покойный во всемъ угодить бабѣ, на которую Киліанъ никакъ не могъ потрафить.

Когда бѣдному парню приходилось невтерпежъ, онъ вступался за интересы усопшаго и совѣтовалъ женѣ не тревожить покойника. На что та отвѣчала: «Тебѣ было бы на руку, еслибъ я заткнула уши и закрыла глаза, чтобы не видать въ васъ разницы».

Иной разъ онъ вздыхалъ: «Лучше бы мнѣ лежать на его мѣстѣ!» Она сухо замѣчала: «Еще бы! Не хочется слушать правду!»

Крестьянкѣ не мѣшало бы вспомнить старую поговорку: «Крути, да не перекручивай!» Три года жилъ Киліанъ подъ гнетомъ добродѣтелей своего предшественника, но наконецъ терпѣніе его лопнуло. Ясный образъ усопшаго, не запятнанный ни однимъ недостаткомъ, сталъ возбуждать въ немъ сомнѣніе, а порой приводилъ его въ ярость. Такихъ людей не бываетъ, говорилъ онъ, такіе и не рождаются на свѣтъ, да и таковъ ли онъ былъ?

Киліанъ зналъ, что во всякомъ дѣлѣ, гдѣ требовались проворныя руки, крѣпкія ноги, сообразительная голова, онъ поспоритъ съ кѣмъ угодно; его символомъ вѣры было: «не уступай никому», и тѣмъ не менѣе онъ оказывается по сравненію съ усопшимъ не достаточно прилежнымъ, ловкимъ, находчивымъ и честнымъ. Или у того было больше пары рукъ и ногъ и двѣ головы?

Сверхъ всего крестьянка постоянно твердитъ, что при первомъ мужѣ ей жилось лучше. Господи Боже, чего ей еще нужно? Тогда Киліанъ началъ разспрашивать у добрыхъ людей по деревнѣ: «Каковъ былъ, въ сущности, покойникъ?» Но ему отвѣчали уклончиво: «Да, нечего сказать, мужчина былъ!... Не тебѣ чета! Совсѣмъ не то, что ты!»

Киліанъ не сомнѣвался ни на минуту въ справедливости ихъ отвѣтовъ, но не сомнѣвался также и въ томъ, что односельчане держатъ руку крестьянки и мстятъ ему за видимое благосостояніе.

Къ кому и куда обратиться, чтобы получить правдивыя и вѣрныя свѣдѣнія о мужѣ своей жены? Онъ охотно вѣрилъ прекраснымъ качествамъ покойнаго до тѣхъ поръ, пока они были правдоподобны, но женщины, какъ извѣстно, склонны все преувеличивать какъ похвалы, такъ и порицанія. Онъ хотѣлъ знать истинную цѣну своего противника, чтобы требовать для себя настоящей оцѣнки.

Бѣдный Киліанъ съ нетерпѣніемъ ждалъ дня, когда правда выйдетъ наружу. Иногда онъ не могъ сдержать себя и громко выражалъ сомнѣніе въ преувеличенныхъ достоинствахъ покойнаго.

Однажды, порядкомъ измучившись на работѣ и не получивъ за то даже «спасибо» отъ жены, онъ отрѣзалъ ей напрямикъ:

— Поработали нонче! Твой покойникъ не сдѣлалъ бы въ одинъ день больше нашего!

— Можетъ быть, слава Богу удалось разъ въ годъ сдѣлать то, что онъ дѣлалъ каждый день. Нечѣмъ хвалиться. Онъ никогда не хвалился и не требовалъ благодарности за труды. Онъ зналъ свое дѣло и больше ничего. А ты, разъ въ жизни поработалъ, пришелъ съ поля разслабленный и сейчасъ ругаться надъ покойникомъ!

— Я вовсе не ругаюсь,—проворчалъ Киліанъ,—мнѣ бы хотѣлось только знать, что̀ бы онъ сдѣлалъ, услыхавъ твои треклятыя слова и весь твой полоумный разговоръ.

— Что̀ бы онъ сдѣлалъ?—вскричала крестьянка.—Ему нечего было дѣлать! Онъ никогда не говорилъ по-твоему! Ни разу во всю нашу жизнь между нами не было крупнаго разговора. Ты самъ виноватъ, что тебѣ добраго слова не скажутъ; изъ всякаго пустяка затѣваешь исторію!

Киліанъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ, потомъ вцѣпился всѣми десятью пальцами въ волосы и выбѣжалъ въ садъ, гдѣ какъ полоумный метался между плодовыми деревьями. Годъ былъ дождливый и сливы на деревьяхъ раскисли, такіе плоды народъ называетъ «дураками». Не въ первый и не въ послѣдній разъ бѣгалъ несчастный мужикъ для успокоенія среди дураковъ.

Однажды вечеромъ, когда Киліанъ дольше обыкновеннаго проработалъ въ полѣ и возвращался съ плугомъ домой, его окликнулъ почтальонъ.

— Любезный,—засмѣялся онъ,—поторопись домой, если хочешь послушать, какъ твоя жена ругается!

— Не имѣю желанія,—отвѣтилъ Киліанъ,—довольно наслушался!

— На этотъ разъ меня ругаетъ. Принесъ, видишь ли, ей нефранкированное письмо и не успѣлъ еще спросить, желаетъ ли она заплатить штрафъ, какъ твоя благовѣрная изъ любопытства разорвала конвертъ. Ну, тутъ уже и нечего было дѣлать, пришлось развязать мошну. Вотъ, подняла она крикъ! А письмо-то было отъ Ферделя Хорнбихлера.

— Кто такой Фердль Хорнбихлеръ?

— Ну, братъ перваго мужа твоей жены; ея деверь и твой тоже.

— Въ первый разъ слышу! Гдѣ же онъ живетъ?

— Я думаю, въ Миттерэггѣ: оттуда штемпель на письмѣ. Часовъ восемь ходьбы отъ васъ; вправо отъ дороги къ городу.

— Знаю, знаю! Прощай, любезный!

Крестьянинъ быстрыми шагами направился къ дому, точно спѣшилъ послушать ругань жены. Когда онъ входилъ въ комнату, крестьянка какъ разъ нагнулась и подняла съ полу измятый клочокъ бумаги, который положила на столъ и принялась разглаживать руками. При этомъ она сжимала кулаки и ругалась.

— Рвань этакая! Что онъ воображаетъ?! Что онъ вбилъ себѣ въ башку?! Голь непокрытая!

— О комъ ты?—спросилъ Киліанъ.

— Хорошо, что пришелъ,—сказала крестьянка.—Ты только послушай!—и, входя въ азартъ, она продолжала:—Это братъ моего покойника, одного поля яго...

Киліанъ вытаращилъ глаза.

— Что ты сказала?

— Со зла не знаю, что говорю. Хотѣла сказать, что два брата, какъ небо отъ земли. Негодяй пишетъ мнѣ письмо, заставляетъ платить за него и проситъ, такъ себѣ, здорово живешь, двадцать

гульденовъ на подати, потому что иначе ему угрожаетъ опись имущества.

— Гм... опись! Вѣдь, знаешь, жена, у него тогда все продадутъ.

— А мнѣ очень нужно,—закричала крестьянка, вся покраснѣвъ отъ злости,—пусть валяется на соломѣ съ женой и ребятишками. Каждый получаетъ по заслугамъ. Вѣдь онъ сводилъ меня съ своимъ братцемъ и научилъ держать все въ тайнѣ, до тѣхъ поръ пока моимъ родителямъ пришлось наконецъ дать согласіе на мой бракъ съ Мартыномъ Хорнбихлеромъ, несмотря на то, что онъ всегда былъ имъ противенъ. Еслибы мои родители не были благоразумны и не записали въ брачномъ контрактѣ, что имѣнія нельзя продавать, то я теперь сидѣла бы на улицѣ и любовалась на свой бывшій домъ. При жизни мужа милый деверекъ намъ не мало стоилъ, и я ему заявила тотчасъ же послѣ похоронъ мужа, чтобъ онъ отъ меня ничего больше не ждалъ и ни на что не надѣялся. Я остаюсь при своемъ и ничего не перемѣню. Понялъ?

Киліанъ утвердительно кивнулъ головой.

— Такъ, такъ! Вѣрно, вѣрно! Ты госпожа своего имущества и своихъ денегъ. Я никогда не мѣшался въ твои дѣла и впередъ не буду.

— Самое лучшее, что можешь сдѣлать. Единственно въ этомъ я уступила покойнику и до сихъ поръ каюсь. Можешь радоваться, въ этомъ ты превзошелъ его.

Затѣмъ крестьянка повернулась къ мужу спиной и вышла изъ комнаты.

Киліанъ сжалъ губы и свиснулъ.

— Не лишнее было бы,—сказалъ онъ,—заглянуть къ родственнику въ Миттерэггъ.

На слѣдующее утро Киліана не оказалось около жены. Его не было ни на дворѣ, ни въ полѣ и никто изъ крестьянъ не могъ сказать, куда онъ дѣлся. Сначала крестьянка испугалась неожиданнаго исчезновенія мужа, но это чувство, по мѣрѣ того, какъ солнце подымалось по небосклону, переходило въ гнѣвъ. Работники и работницы ожидали непріятностей, а Киліану предрекали по возвращеніи громъ, молнію и градобитіе.

Киліанъ, между тѣмъ, спокойно шагалъ по дорогѣ къ Миттерэггу и пришелъ на мѣсто какъ разъ въ то время, когда на маленькой церковной башнѣ пробило полдень. Въ деревенской гостиницѣ, гдѣ онъ остановился отдохнуть, поѣсть и выпить, ему безъ труда объяснили, гдѣ живетъ Фердль Хорнбихлеръ.

Онъ шелъ по деревнѣ къ указанному дому въ сопровожденіи нѣсколькихъ собакъ, изъ которыхъ одна явно обнаруживала свои враждебныя намѣренія, злобно посматривая на его икры, другая, напротивъ, шумно выражала свою радость, порывисто кидаясь на путника; пришлось пустить въ ходъ палку и весь запасъ бранныхъ словъ, чтобъ отвязаться отъ друга и недруга.

На скамеечкѣ возлѣ дома сидѣла дѣвочка лѣтъ девяти. Дитя положило ступню голой, худенькой ноги на колѣнку другой болтающейся и старалась пальцами, длинными, какъ на рукахъ, схватить прутикъ, который медленно подносила рукой и затѣмъ быстро отдергивала. Эта игра руки съ ногой такъ забавляла дѣвочку, что она заливалась смѣхомъ. Киліанъ молча смотрѣлъ нѣкоторое время на малютку, которая вовсе не была дика и весело улыбалась ему. Наконецъ, нога поймала прутикъ.

— Вотъ и схватила!—вскрикнула дѣвочка, хлопая въ ладоши.

— Послушай, милая, здѣсь Хорнбихлеръ?

— Нѣтъ.

— А мнѣ указали на этотъ домъ.

— Живемъ-то мы здѣсь, да никого нѣтъ дома. Отецъ, мать, братья, сестры—всѣ въ виноградникѣ.

— Мнѣ надо потолковать съ отцомъ.

— Такъ иди въ виноградникъ.

— А ты не можешь привести его сюда?

— Что дашь?

Крестьянинъ опустилъ руку въ карманъ и далъ дѣвочкѣ мелкую серебряную монету.

— На, корыстная, и махай живѣе!

Дѣвочка шмыгнула въ ворота. Киліанъ видѣлъ, какъ она бѣжала по саду до противоположнаго забора, за которымъ была, очевидно, ближайшая дорога въ виноградникъ; вдругъ она быстро повернулась и побѣжала назадъ.

— Знаешь ли что,—пробормотала она, еле переводя дыханіе,—не говори никому, что ты подарилъ мнѣ деньги, а то ихъ у меня отымутъ. Мнѣ давно хочется купить себѣ круглую гребенку, которая зачесываетъ волосы со лба.

— Какъ же ты будешь носить ее потихоньку, глупышка; дѣло выйдетъ наружу и какъ бы тебѣ не влетѣло!

— Только бы купить! Отецъ насъ никогда не бьетъ.

— Ну? Что бы ни натворили?

— Да. Онъ говоритъ: «Только богатые съ жиру бѣсятся; я не хочу себя разстраивать злостью!»

— Ну-ну! Отправляйся!

Ребенокъ убѣжалъ. Килiанъ сѣлъ у дома на скамейку. Онъ покачивалъ головой. Удивительный человѣкъ этотъ деверь! Какъ можно говорить при дѣтяхъ такiя неосторожныя слова!

За воротами послышались шаги; тяжело ступая, подошелъ мужчина въ бѣлой рубашкѣ и синемъ фартукѣ.

— Кто желаетъ со мной говорить?—спросилъ онъ.

— Я, если ты Фердль Хорнбихлеръ.

— Онъ самый! А ты кто?

— Килiанъ Гарейсъ; слыхалъ обо мнѣ?

— Какъ же! Ты мужъ вдовы моего брата.

— Правильно.

— Ну-ну. А зачѣмъ пришелъ?

— Хотѣлось бы обдѣлать съ тобой дѣльце; только здѣсь на улицѣ неудобно.

— Такъ окажи мнѣ честь и войди въ домъ.—Хорнбихлеръ пошелъ впередъ и открылъ въ сѣняхъ дверь.—Бѣднота мы, любезный гость, совсѣмъ бѣднота!

Онъ хотѣлъ пропустить гостя впередъ, но въ комнатѣ оказалось не только бѣдно, но грязно и не убрано; на вошедшихъ пахнуло испорченнымъ воздухомъ и рѣзкимъ запахомъ сырости; Килiанъ отступилъ отъ двери и сказалъ:

— Пойдемъ лучше въ садъ!

— Какъ угодно, какъ угодно!—согласился Хорнбихлеръ.—На воздухѣ вольнѣе, подъ сводомъ небеснымъ всегда все прибрано, не то что въ комнатѣ. Иной разъ припадетъ бабамъ охота прибирать, такъ времени нѣтъ, иной разъ есть время, такъ охоты нѣтъ.

Въ саду стоялъ большой, сколоченный изъ нетесаныхъ досокъ столъ, окруженный такими же скамьями, куда собирались посѣтители пить дешевое вино послѣдняго года; здѣсь же былъ воткнутъ длинный шестъ съ виноградным вѣнкомъ на верхушкѣ, знакъ того, что хозяинъ имѣетъ право въ теченiе двухъ недѣль торговать виномъ.

Оба крестьянина сѣли за столъ, другъ противъ друга.

— Жена получила твое письмо,—началъ прямо Килiанъ.

— Такъ. И что же она сказала?

— Обругала тебя рванью.

— Такъ я и зналъ. Попроси только денегъ, другого не услышишь.

— Она, вообще, тебя не хвалила. Говоритъ, что ты свелъ ее съ братомъ, научилъ держать ихъ дѣла въ тайнѣ отъ родителей.

При жизни покойнаго будто ты имъ не мало стоилъ, за что на похоронахъ она объявила тебѣ, чтобы больше на ея помощь не разсчитывалъ.

— Такъ, такъ!—подтверждалъ Хорнбихлеръ; я свелъ ее съ братомъ, помогалъ скрывать отношенія, не мало имъ стоилъ? Подите, пожалуйста! Могу одно сказать, что она навязывалась Мартелю,—онъ былъ видный парень. Просьбами и мольбами съ ея стороны и пинками съ его,—онъ былъ старше и сильнѣе меня, принудили они меня быть ихъ помощникомъ; надо мной не мало смѣялись дѣвушки, и самъ я не мало смотрѣлъ на нѣжности влюбленныхъ такъ же, какъ крестьянинъ смотритъ на лисицу, уносящую у него гуся. Что касается денегъ, я всегда отдавалъ честно-благородно все, что бралъ. Иной разъ братъ говорилъ женѣ, что даетъ мнѣ взаймы, а прокучивалъ деньги самъ; такъ вотъ это-то она считаетъ за мной.

— Что ты говоришь?

— Ей-Богу! Что-жъ изъ этого! Для твоей жены я есть и буду рвань. Я бы могъ оправдаться, но это не поможетъ въ нуждѣ.—Онъ тяжело вздохнулъ.—Что дѣлать! Ну, ты передалъ мнѣ порученіе жены, теперь намъ не о чемъ толковать!

Онъ поднялся съ мѣста.

— Что ты! Мы далеко не кончили! Сядь, пожалуйста. Я хотѣлъ только убѣдить тебя, что отъ жены моей ты ничего не дождешься. Теперь поговоримъ мы, мужчины. Взгляни сюда, въ красный бумажникъ, Хорнбихлеръ,—онъ положилъ раскрытый бумажникъ на столъ.—Въ немъ лежатъ нужные тебѣ двадцать гульденовъ. Ты получишь ихъ не въ долгъ, а за труды, если...

— Если?...—спросилъ поспѣшно винодѣлъ.

— Если скажешь мнѣ правду.

— Навѣрно, ты первый платишь за такую услугу.

— Не о тебѣ, о другомъ.

— Кто же этотъ другой?

— Твой братъ, покойный мужъ моей жены, упокой Господи его душу! Еслибъ онъ оставилъ, наконецъ, меня въ покоѣ.

Хорнбихлеръ подмигнулъ глазомъ и слегка улыбнулся.

Киліанъ перегнулся къ нему черезъ столъ и таинственно прошепталъ:

— Скажи мнѣ по совѣсти, былъ ли твой братъ дѣйствительно необыкновеннымъ мужемъ?

— Необыкновеннымъ былъ онъ во многихъ отношеніяхъ. Для

жены по преимуществу. Если она хочетъ, чтобы ты походилъ на него, можешь доставить ей это удовольствіе.

— Какимъ образомъ, почтеннѣйшій, какимъ? Не хочу хвалиться, но что человѣку подъ силу, я дѣлаю все не хуже другихъ и даже лучше многихъ. Меня нельзя упрекнуть въ отсутствіи честности, усердія и бережливости.

— Прекрасныя качества, но если они и были у моего брата, то онъ тщательно скрывалъ ихъ.

— Что ты? Какъ же онъ, чортъ этакій,—прости Господи мое согрѣшеніе,—управлялся тогда съ женой?

— Ужъ и перепалки же бывали! Не мало онъ ее утюжилъ; особенно, когда приходилъ изъ трактира подъ хмѣлькомъ.

— Изъ трактира? Я никогда не прихожу оттуда, потому что никогда тамъ не бываю.

— Придется пойти.

— Ну, такъ какъ же было дѣло?

— Если я разскажу тебѣ секретъ брата, отдашь обѣщанныя деньги?

Киліанъ вытащилъ изъ бумажника заранѣе приготовленныя деньги и подалъ ихъ собесѣднику.—На, бери и разсказывай скорѣй!

— Награди тебя Господь! Теперь будь внимателенъ. Сначала обыкновенно братъ долгое время слушалъ ея ругань и только огрызался на всѣ упреки, много разговаривать онъ былъ не охотникъ. Когда, наконецъ, терпѣнье лопалось, начиналъ ругаться такъ, что небу становилось жарко; трепалъ ее за косы и утюжилъ кулаками.

— Ругался? Утюжилъ? Трепалъ за косы?! Полно врать-то!

— Горластая чертовка,—было ея обычное прозвище. Билъ онъ ее и руками и палкой.

Разинувъ ротъ, смотрѣлъ Киліанъ на винодѣла.

— Вотъ какъ!—проговорилъ онъ, переводя дыханіе. Бездѣльникъ былъ твой братецъ, да еще вдобавокъ билъ ее; а она восхваляетъ его и превозноситъ передо мной.

— Знаешь, голубчикъ, нѣкоторымъ женщинамъ мужья только тогда и милы, когда помрутъ.

— Ты не повѣришь, Хорнбихлеръ, какъ мнѣ больно, какъ больно, что столько лѣтъ жена отравляла мнѣ жизнь, попрекая такимъ, такимъ... да, ну его!

— Вполнѣ понимаю! Хуже этого и не придумаешь. Только вотъ что, не огорчайся очень. Когда знаешь въ чемъ бѣда, то ее легче исправить. А теперь пойдемъ со мной; ты мнѣ сдѣлалъ добро,

и я дамъ тебѣ добрый совѣтъ; пойдемъ въ подвалъ: отъ женской несправедливости много помогаетъ сокъ виноградной лозы.

Киліанъ пошелъ съ Хорнбихлеромъ въ погребъ. Когда онъ возвратился оттуда, ему казалось, что вся улица и всѣ обитатели Миттерэгга были особенно веселы. Хорнбихлеръ за двѣ-три кружки вина договорилъ подводу, свезти Киліана домой. Плата за провозъ дана была впередъ, вслѣдствіе чего экипажъ на полдорогѣ оказался въ канавѣ, гдѣ возница и сѣдокъ мирно опочили. Услыхавъ, что Киліанъ храпитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возница рѣшилъ, что все обстоитъ благополучно, повернулся на бокъ и проговорилъ: «Покойной ночи!»

Киліанъ не мало удивился, проснувшись подъ открытымъ небомъ, въ неизвѣстной мѣстности. Однако онъ скоро опомнился и рѣшилъ подшутить надъ возницей, который, получивъ впередъ плату, обязался исправно доставить его на мѣсто. Едва удерживаясь отъ смѣха, вылѣзъ онъ изъ канавы и, тихо ступая въ тѣни деревьевъ, быстро пошелъ впередъ. Отойдя на порядочное разстояніе, онъ далъ себѣ волю и разразился громкимъ хохотомъ; затѣмъ, пошатываясь, пошелъ по дорогѣ.

По мѣрѣ приближенія вечера, Фанни Гарейсъ становилась все мрачнѣе и мрачнѣе. Работники старались не попадаться ей на глаза. Окончательно испортили ей настроеніе толки, поднявшіеся въ деревнѣ по поводу исчезновенія Киліана. Одни говорили, что съ нимъ навѣрное случилось несчастіе, другіе, что онъ «сбѣжалъ» отъ жены. Она заявила, что сочувствующіе и злословящіе одинаково глупы. «Какое несчастіе могло съ нимъ случиться? И кто это за несчастіемъ бѣгаетъ изъ дому? А чтобы сбѣжать? Не таковъ человѣкъ. Набалованъ дома, гдѣ онъ найдетъ такое житье? Вернется! Когда смерклось, она ушла къ себѣ въ комнату, сѣла за столъ, скрестила руки и уставилась въ пространство. Увидавъ проходившую мимо двери старую работницу, крестьянка окликнула ее: «Бригитта, не случилось бы у насъ сегодня бѣды!»

Въ ожиданіи несчастія, работники долго послѣ ужина бродили по двору изъ угла въ уголъ и переговаривались; но часъ за часомъ проходилъ въ безпомощномъ ожиданіи. Мало-по-малу рабочіе разбрелись по своимъ угламъ. Близко къ полуночи Фанни рѣшила, что съ ея стороны будетъ всего благоразумнѣе послѣдовать ихъ примѣру и лечь спать.

Немного спустя, ее разбудилъ шумъ; она быстро зажгла свѣчу и вскочила съ постели. Въ ворота стучали сильной, но не твердою

рукой. Потомъ дверь въ комнату съ трескомъ растворилась, и на порогѣ показался Киліанъ.

Крестьянка, подпершись руками въ бока, принялась его отчитывать.

— Ахъ, ты негодяй, еще ночью таскается домой: ты бы лучше совсѣмъ не приходилъ!

— Ладно!—сказалъ Киліанъ.

— Изъ-за такого мерзавца пришлось выслушивать сожалѣніе и насмѣшки отъ людей.

— Ладно!—повторилъ Киліанъ и повторялъ это слово каждый разъ, когда крестьянка переводила дыханіе.

— Не доставало ко всѣмъ твоимъ прекраснымъ качествамъ, чтобы ты началъ таскаться по ночамъ! (Ладно). Гдѣ ты былъ? Я хочу знать, гдѣ ты былъ? Можетъ статься, Господи, отъ тебя всего можно ожидать, ты былъ въ Миттерэггѣ; одинъ негодяй у другого. Что? (Ладно). Можетъ снесъ ему деньги? Ахъ, я несчастная, Богомъ покинутая женщина! (Ладно). Отъ тебя все мое несчастіе; понимаешь ли ты, отъ тебя, который за моею спиной раздаетъ мою собственность врагамъ моимъ; да, мою собственность; тебѣ легко раздавать чужое. Нищаго приняла къ себѣ въ домъ и посадила себѣ на шею мота! Стыдись! Она плюнула передъ крестьяниномъ на полъ.

— Горластая чертовка!—проворчалъ Киліанъ. Женщина съ крикомъ отшатнулась назадъ. Она услышала тѣ самыя слова, которыя не разъ слыхала при подобныхъ обстоятельствахъ и къ ужасу своему увидала красное лицо, съ безсмысленными глазами и воспаленными вѣками.

Дрожь пробѣжала у нея по всему тѣлу; она не успѣла опомниться отъ страху, какъ за бранью посыпались удары кулаками и трепка за косы. На этотъ разъ она должна была сознаться, что второй мужъ превзошелъ перваго.

На слѣдующее утро хозяева не показывались рабочимъ: у него была ломота въ суставахъ, у нея головная боль.

Черезъ окно было видно, что мужъ лежалъ вытянувшись на постели, а въ дверную щелку можно было разсмотрѣть хозяйку съ повязанною головой около плиты. Очевидно, одного ломало, у другой болѣла голова.

Крестьянка заварила мужу ромашку и когда несла въ комнату горячій напитокъ, не одна горючая слеза канула въ чашку.

— Вотъ тебѣ, пей пока горячо, скорѣе поможетъ!—Говоря это, она всхлипывала; затѣмъ сѣла въ ногахъ постели, вытерла фар-

тукомъ глаза и плаксивымъ голосомъ продолжала:—Вчера вечеромъ, или это было нынче утромъ, ты очень грубо обошелся со мной, Киліанъ.

Онъ пилъ въ это время настойку и пробурчалъ что-то въ чашку.

— Отъ тебя я этого не ожидала, никогда! Мой покойникъ...

Крестьянинъ быстро отнялъ чашку ото рта.

— Уволь меня отъ своего покойника!—закричалъ онъ.—Съ нынѣшняго дня дай ему мирно почивать въ землѣ. Я теперь знаю, что онъ былъ за птица, и мнѣ думается, что вчера я недурно пропѣлъ тебѣ одну изъ его пѣсенокъ. Нечестно и подло было попрекать меня имъ; я и самъ знаю, каковъ долженъ быть аккуратный хозяинъ и добрый христіанинъ. Я навѣрное узналъ, что онъ былъ плохимъ хозяиномъ и мужемъ. Тогда мнѣ пришло въ голову, чѣмъ же былъ онъ тебѣ такъ милъ и въ чемъ я, хорошій хозяинъ и работникъ, уступаю ему? И, какъ передъ истиннымъ Богомъ, одно, чего тебѣ недоставало—трепки. Что-жъ, подумалъ я, ублаготворю!

Тогда жена бросилась мужу на шею и всхлипывая, просила у него прощенія, торжественно обѣщая не тревожить больше усопшаго и оказывать почетъ и уваженіе живому.

Вскорѣ ей удалось, при небольшомъ стараніи, забыть покойнаго. Въ первые дни послѣ достопамятнаго утра у нея нѣтъ-нѣтъ и вырывались словечки о немъ, тогда Киліанъ брался за шляпу.

— Куда ты?—спрашивала крестьянка.

— Вызывать покойнаго.

— Ахъ, Господи Іисусе! Не дѣлай этого Бога ради!

Такъ длилось недолго; вскорѣ крестьянину не было болѣе надооности дѣлать видъ, что онъ собирается въ трактиръ.

По гробъ жизни остался Киліанъ благодаренъ Фердлю Хорнбихлеру, который открылъ ему секретъ покойнаго и помогъ отучить жену отъ заклинанія умершаго. Счастіе, что Киліанъ былъ крестьяниномъ. Городской господинъ посовѣстился бы пустить въ аналогичномъ случаѣ въ ходъ брань, утюженье и трепанье за косы. Впрочемъ, въ городѣ заклинаніе умершихъ должно происходить рѣже, потому что если тамъ одна изъ сторонъ сочтетъ себя обманутой во второмъ бракѣ, то у мужа хватитъ такта не показать этого женѣ, а у жены—ума схоронить свое несчастіе въ глубинѣ души.

Н. К.

СТАРЫЙ ДВОРЪ.

(Видѣнное и слышанное).

Посвящается Зоѣ Митрофановнѣ Хрущевой.

I.

Проѣздомъ черезъ Москву, у меня въ домѣ останавливалась на нѣсколько дней одна моя родственница и большая пріятельница, Александра Максимовна Долгова, молоденькая барынька, очень хорошенькая, умная и милая, отлично образованная и, что того важнѣе, вполнѣ благовоспитанная. Лѣтъ восемь назадъ я пировалъ на ея свадьбѣ въ качествѣ ея посаженаго отца. Она выходила замужъ почти совсѣмъ дѣвочкой, за легкомысленнѣйшаго изъ студентовъ, Александра Петровича Долгова, сына крупнаго помѣщика N. губерніи. Тутъ, на этой свадьбѣ, я впервые познакомился съ родителями жениха. Папаша, Петръ Александровичъ, былъ, повидимому, не особенно доволенъ бракомъ сына, но держалъ себя безукоризненно и сорвался всего одинъ разъ, послѣ одной неистовой выходки своего первенца, пробурчавъ себѣ подъ носъ: «Это какая-то козья свадьба!»—потомъ замѣтилъ, что я слышалъ его ворчаніе и началъ было вывертываться, объяснять мнѣ, что это относится исключительно къ его сыну,—«сущему козлищу»,—тотчасъ же съёжился, точно у него мурашки пробѣжали по спинѣ, взглянулъ мнѣ въ лицо своими честными, прямодушными глазами, махнулъ рукой и добавилъ: «Впрочемъ, извините... близкая родственница она вамъ... а тоже—коза!»... Я спорить не сталъ, да и не о чемъ было,—эти милые полудѣти держали себя на самомъ дѣлѣ какъ молодые козлята, не имѣющіе ни малѣйшаго представленія о томъ, какою тяжелою цѣпью они дали себя сковать не только добровольно, но и съ величайшимъ восторгомъ. Они такъ любили другъ друга первымъ пыломъ юной любви, что ни до чего остальнаго имъ

никакого дѣла не было. Maman Долгова, не старая, очень красивая барыня, Екатерина Николаевна, была въ совершенномъ восхищеніи отъ сына и его невѣсты, отъ ихъ «charmant roman», и, еслибы не мужъ—она видимо его побаивалась—то весьма возможно, что пустилась бы выражать свое удовольствіе не менѣе бурно, чѣмъ только что повѣнчанные «козлята». Нашу прелестную «козочку» я очень любилъ со дня ея рожденія и всецѣло былъ на сторонѣ добрѣйшей Екатерины Николаевны. И мы оказались правы: прошло восемь лѣтъ, «козлятки» выросли, стали прекраснѣйшими людьми, дѣловыми и разумными, по-прежнему любятъ другъ друга такъ же горячо и искренно, какъ въ тотъ вечеръ, когда гости говорили имъ «горько», а Саша Долговъ подхватывалъ свою «тезку» въ объятія и прыгалъ, какъ «сущее козлище». Теперь у нихъ свой семилѣтній «козленокъ», тоже «тезка» папочкѣ и мамочкѣ, такой же шустрый и веселый, какъ родители, такой же, какъ они, милый и ласковый.

— Дѣдушка,—обращался онъ ко мнѣ въ концѣ обѣда, когда съ матерью гостилъ у насъ въ Москвѣ,—дѣдушка, кутнемъ?

— Кутнемъ, внукъ. Только какъ же мы кутить будемъ?

— У тебя, дѣдушка, деньги есть?

— Есть.

— Ну, и посылай за мятными пряниками, мы и кутнемъ.

— Не лучше ли за конфетами?

— Нѣтъ, дѣдушка, у меня конфеты есть, вчера тетя Маша привезла. Мы, какъ ни старались, въ одинъ вечеръ ихъ не одолѣли. Конфетами я угощаю, а ты угощай меня мятными пряниками. Вотъ кутнемъ-то!

И мы угощаемся, и кутимъ. Онъ выбираетъ для меня самые мягкіе пряники, которые дѣду «по зубамъ», и выкладываетъ передо мною свои любимыя конфеты, которыя я великодушно кладу ему въ ротъ. По утрамъ у насъ тоже бываютъ кутежи за завтракомъ: я пью водку, а Сашокъ закусываетъ зернистою икоркой, до которой онъ большой охотникъ. Славно мы покутили нѣсколько деньковъ, наступило время разставаться, имъ надо было ѣхать въ деревню, пора было приниматься за хозяйство, запоздавшая весна брала свое и неотложно требовала на поля всѣ рабочія силы.

— Сашокъ, съ кѣмъ же я буду кутить безъ тебя?

— Знаешь что, дѣдушка,—отозвался Сашокъ послѣ нѣсколькихъ секундъ раздумья,—давай еще покутимъ, поѣдемъ къ намъ въ деревню, дорогой будемъ въ буфетѣ кушать икорку, ты угощай, а въ вагонѣ я буду угощать тульскими пряниками. Мама

всегда покупаетъ. Да, мама? Угостимъ дѣдушку тульскими пряниками?

Сашокъ-maman расцѣловала своего мальчонку, и оба они такъ настойчиво ко мнѣ пристали, что на другой день дѣдъ и внукъ кутили въ станціонныхъ буфетахъ Московско-Курской желѣзной дороги, и старый дѣдъ, не безъ нѣкотораго отвращенія, жевалъ тульскую дрянь, которою его усердно угощалъ милѣйшій внучонокъ.

II.

Въ сосѣднемъ съ нами четырехмѣстномъ отдѣленіи вагона перваго класса ѣхалъ мой старый знакомый, полковникъ Иваницкій. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ небольшого роста господинъ «безъ лѣтъ», щеголевато одѣтый, чопорный, съ жиденькими муруго-сѣрыми волосами, прилизанными «въ височки», съ гладко-выбритымъ лицомъ, съ оттопыренною нижнею губой, набѣгавшею на верхнюю губу и плотно прижимавшею ее къ ослѣпительно-бѣлымъ и идеально ровнымъ вставнымъ зубамъ. По рѣзкимъ чертамъ въ углахъ рта, по отвисшимъ щекамъ, по огорченному выраженію выцвѣтшихъ глазъ, я предположилъ, что это петербургскій крупный чиновникъ изъ разряда обиженныхъ генераловъ, и я не ошибся: знакомя насъ, Иваницкій назвалъ его тайнымъ совѣтникомъ Аркадіемъ Степановичемъ Укромскимъ. Противъ нихъ помѣщался высокій, полный, мягкотѣлый блондинъ, лѣтъ тридцати, съ небольшою курчавою бородкой, съ тоненькими усиками «шильцемъ», съ свѣтло-голубыми холодными глазами, которые, казалось, не умѣютъ ни плакать, ни смѣяться. Подъ скрученными и точно склеенными желтыми волосками усовъ сверкали яркимъ карминомъ чувственныя губы, изъ-за нихъ проглядывали здоровенныя лопатки бѣлыхъ зубовъ, отъ слегка курчавой головы отдѣлялись широкія, точно изъ папье-маше сдѣланныя и грубо раскрашенныя уши. Молодой человѣкъ говорилъ громко, тономъ, не допускающимъ сомнѣній и возраженій, смѣялся нахально и самоувѣренно, отъ всей его фигуры вѣяло довольствомъ сытой посредственности, перебалованной всяческими успѣхами и убѣжденной въ своемъ превосходствѣ. Когда я вошелъ въ отдѣленіе, занятое этими тремя господами, полковникъ Иваницкій назвалъ мнѣ этого молодого человѣка помѣщикомъ Сурамовымъ, крупнымъ землевладѣльцемъ А. уѣзда. Сурамовъ окинулъ меня своимъ голубовато-оловяннымъ взглядомъ, слегка приподнялся, качнулся въ сторону и, не сгибая пальцевъ, подалъ мнѣ свою мягкую руку, которая произвела на меня впеча-

тлѣніе замшевой перчатки, набитой хлопкомъ, настолько не чувствовалось въ ней ни костей, ни мускуловъ, ни нервовъ, ни животной теплоты; то была противная рука фантоша. Я едва удержался отъ желанія давнуть ее такъ, чтобы у нея швы полопались и хлопки изъ нея полѣзли. Много симпатичнѣе была холодная и сухая рука облизаннаго тайнаго совѣтника,—въ ней былъ смыслъ и было выраженіе,—правда, не особенно лестные: ея прикосновеніе ясно давало знать, что меня удостоили, и долженъ я это чувствовать и цѣнить, но все-таки несомнѣнно было, что и самъ «превосходительный» способенъ чувствовать и даже сочувствовать чинамъ, не ниже дѣйствительнаго статскаго, обойденнымъ св. Анной 1-й степени... При наименованіи меня «литераторомъ», административная рука брезгливо дрогнула и попятилась назадъ. И на томъ благодаримъ, замшевая не дрогнула, она ни передъ чѣмъ не дрогнетъ, кромѣ ежовой рукавицы такого генерала, котораго еще не успѣли обидѣть. Наименованіе меня «литераторомъ» не помѣшало оживленному разговору трехъ собесѣдниковъ, наоборотъ, какъ будто даже подогрѣло бесѣду.

— Да, такъ вотъ я и говорю,—продолжалъ мягкотѣлый баринъ, откидываясь къ спинкѣ дивана,—я говорю и доказываю, что отмѣна крѣпостного права была величайшею ошибкой, скажу больше—преступленіемъ, за которое мы расплачиваемся и едва ли скоро расплатимся... Наши папашеньки разсантиментальничались, умиленно полѣзли въ «кающіеся дворянины», воспылали нѣжностью къ лаптю и сами попали изъ сапогъ въ лапти, а насъ, ни въ чемъ не повинныхъ, даже безъ лаптей оставили. Это было какое-то либеральное обалдѣніе!... И вотъ, я говорю, мы, наслѣдники «кающихся дворяниновъ», очутились голопятыми дворянами, а очаровательный «мужичокъ» поголовно превратился въ пьяную и голодающую скотину, которую ничѣмъ нельзя возвратить къ человѣческому образу, кромѣ генеральной и систематической порки!...

Мягкотѣлый баринъ, кажется, красовался и щеголялъ передъ «литераторомъ», заподозрѣннымъ съ перваго шага въ злокозненномъ либерализмѣ потому, конечно, что Иваницкій рекомендовалъ меня постояннымъ сотрудникомъ *Русской Мысли*.

— Къ счастью,—продолжалъ Сурамовъ,—времена иллюзій и эгалитарныхъ кошмаровъ миновали, туманы разсѣяны, нашлись люди, у которыхъ хватило смѣлости сказать прямо:—вы кто такіе? Пожалуйте на-чистоту,—съ нами вы или противъ насъ? Коли съ нами, милости просимъ, за нами и идите; коли противъ, то ужъ не взыщите, теперь не до шутокъ, вакханаліи задравшаго носъ

разночинца наступилъ конецъ. И вотъ, я говорю, одни, что̀ поумнѣе, сами отрезвѣли, кто поглупѣе и поупорнѣе, тѣхъ можно и должно вытрезвить, да такъ, чтобъ и впредь не повадно было...

Тайный совѣтникъ морщился и еще энергичнѣе поджималъ губу, его департаментскому превосходительству видимо претили дикости входящаго во вкусъ провинціальнаго савраса. Полковникъ смѣялся, не стѣсняясь.

— Вамъ, Иванъ Семеновичъ,—обратился къ нему Сурамовъ немного обиженнымъ тономъ,—все это ни почемъ, у васъ дома въ Москвѣ, акціи, въ банкѣ кое-что припасено, получай и живи въ свое удовольствіе. Дайте-ка мнѣ съ-ваше, я бы самъ сталъ либеральничать!... А облагодѣтельствовать бы васъ девятью стами десятинъ въ нашихъ мѣстахъ земли, заложенной и перезаложенной, вы бы не стали посмѣиваться, запѣли бы пѣсенку другого склада.

— Да кто же вамъ велѣлъ закладывать и перезакладывать?— отозвался Иваницкій.

Старикъ Укромскій сдѣлалъ совсѣмъ прекислую мину и тоже разжалъ губы:

— Мы,—началъ онъ говоромъ иностранца, хорошо изучившаго русскій языкъ,—сдѣлали съ своей стороны все, что могли сдѣлать для поддержанія дворянства, открыли вамъ широкій кредитъ на весьма льготныхъ условіяхъ, и уже не наша вина, если помѣщики...

— Извините, ваше превосходительство, намъ не кредитъ нуженъ, намъ нужны права. У насъ отняли наше исконное право владѣть крѣпостными людьми и придумали откупиться деньгами. Противъ этого я ничего не имѣю, конечно, но, во-первыхъ, денегъ намъ дали мало, во-вторыхъ, мы съ одними деньгами ничего не могли сдѣлать и теперь не можемъ. Мужики разбираютъ у насъ деньги подъ работы и, когда наступаетъ время ихъ отработать, преспокойно уходятъ къ моему сосѣду, къ кулаку, къ кабатчику, а я ходи, судись съ ними... Да и присудятъ мнѣ, такъ все равно съ нихъ взять нечего... И что такое мнѣ присудятъ? Мною же данные три цѣлковыхъ за обработку десятины, тогда какъ я за одну уборку принужденъ платить десять-двѣнадцать рублей, чтобы не лишиться всего урожая. Слуга покорный... Нѣтъ-съ, безъ правъ мы всѣ погибнемъ. Я и говорю, дайте намъ право.

— Крѣпостное?—разсмѣялся полковникъ.

— Нѣтъ-съ, не крѣпостное,—обозлился Сурамовъ,—ни на что оно мнѣ не нужно. Я говорю, дайте мнѣ право, настоящее, реальное и осуществимое право получить за свои денежки то, за

что я ихъ заплатилъ. Я давалъ ихъ подъ работу, ихъ и отработай. Не желаешь,—въ волостную, порка и маршъ на работу; опять не пошелъ, — въ волостную, сугубая порка и маршъ на работу... Плохо сдѣлалъ, въ волостную... да за круговою порукой...

— И за круговою поркой? — не выдержалъ я, наконецъ.

— Да-съ, такъ точно-съ, за круговою!...—окрысился молодой помѣщикъ.

Тайный совѣтникъ крякнулъ даже, его синеватая губа полѣзла вверхъ, чуть не къ самому носу.

— Идея плодотворная, — спокойно проговорилъ полковникъ Иваницкій.— У васъ имѣніе заложено по высшей оцѣнкѣ, процентовъ вы не платили лѣтъ пять, всякими льготами и пересрочками вы воспользовались, доходы получаете и платить въ банкъ, повидимому, не расположены... Ваша идея осуществленія правъ, истекающихъ изъ договора, мнѣ чрезвычайно нравится.

Сурамовъ дрогнулъ подъ упорно-смѣющимся взглядомъ полковника, окинулъ побѣлѣвшими глазами его широкую фигуру, его увѣсистый волосатый кулакъ и лѣниво поднялся съ мѣста.

— Кажется, къ Тулѣ подъѣзжаемъ,—сказалъ онъ слегка срывающимся голосомъ и въ развалку направился къ выходу.

III.

— Хорошъ?—обратился Иваницкій къ петербургскому чиновнику.—Вотъ у насъ какіе печенѣги еще водятся,—продолжалъ онъ въ мою сторону.— Этотъ печенѣгъ-то князю Епанчищеву племянникъ доводится, тянули, тянули въ Петербургѣ за уши, никуда не годится, вотъ его и препроводили въ провинцію на подножный кормъ.

При имени князя Епанчищева губа тайнаго совѣтника слегка чмокнула и распустилась въ благоговѣйную улыбку.

— И много здѣсь такой скотины водится? — спросилъ я полковника.

— Къ счастью, нѣтъ. Доморощенные лучше и, во всякомъ случаѣ, тише. Безобразничаютъ только набѣглые, имѣющіе крѣпкую заручку, какъ вотъ этотъ.

— Гм... да, — крякнулъ Укромскій, — онъ немножко... немножко рѣзокъ. Но я нахожу, что въ его словахъ есть порядочная доля правды. Помѣщичьи хозяйства рушатся, дворянскія имѣнія переходятъ въ недостойныя руки, черезъ это государство лишается самыхъ надежныхъ опоръ, матеріальныхъ и нравственныхъ, и этому необходимо положить конецъ...

— Такъ, вѣдь, не поголовною же поркой?—сказалъ Иваницкій.

— О, нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Не такими способами, а консолидаціей дворянскаго землевладѣнія, развитіемъ и упроченіемъ дворянскаго вліянія въ провинціи.

— Позвольте, Аркадій Степановичъ, кто же мѣшаетъ дворянамъ крѣпко держать въ рукахъ свою землю и оказывать доброе вліяніе на провинцію? Для перваго нужно только жить въ своемъ имѣніи и работать самому, не по-толстовски, разумѣется, не сохой и косой. Надо, конечно, чтобы дворянчики отказались отъ нѣкоторыхъ удобствъ и привычекъ роскошнаго житья въ столицѣ, чтобы молодежь шла управлять своими помѣстьями, а не толклась бы въ канцеляріяхъ и въ департаментахъ на казенномъ иждивеніи и въ надеждѣ сдѣлать карьеру. Вѣдь, это даже невыгодно и въ томъ случаѣ, если надежда блистательно осуществится. Простите великодушно, я васъ въ примѣръ возьму: сколько лѣтъ, лучшихъ въ жизни, вы изволили загубить на возню съ бумагами и что вы получили въ результатѣ?

Укромскій горько вздохнулъ и опустилъ голову; нижняя губа распустилась и отвисла.

— Да, много лѣтъ, — заговорилъ онъ сразу упавшимъ, старческимъ голосомъ.—Я кончилъ курсъ кандидатомъ, въ Крымскую войну былъ уже чиновникомъ особыхъ порученій при...—онъ назвалъ громкое имя извѣстнаго лица, занимавшаго очень высокій постъ.—Работникъ я былъ неутомимый, и моя карьера шла быстро, мои сверстники,—да чего тамъ сверстники!—мои подчиненные, стоявшіе передо мной съ докладами, съ кипами бумагъ, управляютъ министерствами, сидятъ въ государственномъ совѣтѣ, а я—вотъ... Ну, да, я тайный совѣтникъ, у меня двѣ звѣзды... за болѣзнью графа X. я почти годъ, въ качествѣ его помощника, исправлялъ его должность. А когда, наконецъ, графъ умеръ, мнѣ и посадили на голову Бобочку Крынкова, служившаго у меня писарькомъ, когда я уже занималъ видное мѣсто. Меня это взорвало, я пошелъ къ набольшему... А онъ и говоритъ: потерпите, дорогой мой, мнѣ необходимо подвинуть этого шалопая, за него проситъ вотъ кто...—имя...—я его живо спущу, отъ васъ не уйдетъ. Терпѣлъ я шалопая. Правда, его спустили или, вѣрнѣе, подняли выше. Прихожу къ набольшему: теперь я?—Представьте,—говоритъ,—не могу...—имя, еще болѣе сильное...—желаетъ, чтобы былъ назначенъ Скоролетовъ... А Скоролетовъ этотъ—сущій прохвостъ, его единственная спеціальность пѣть шансонетки и анекдоты разсказывать. Я не выдержалъ, заявилъ, что, когда такъ,

выйду въ отставку. Нѣтъ, — говоритъ онъ, — вы намъ необходимы. Что я безъ васъ буду дѣлать съ Скоролетовымъ? Прошу васъ потерпѣть еще немного, къ Святой получите Бѣлаго Орла, а какъ только Скоролетова сплавлю, такъ мѣсто за вами. Пришла Святая, никакого мнѣ Орла нѣтъ, я опять подаю ему бумагу. Это, — говоритъ, — что такое? — Прошеніе объ отставкѣ. — Послушайте, — говоритъ, — вы мнѣ такъ необходимы... а впрочемъ, просить можно, неволить грѣхъ... И вотъ я вылетѣлъ и гуляю—вольный казакъ... А какая тамъ пошла безъ меня путаница, вы себѣ представить не можете. Ну, да это до меня не касается. Я свободенъ, независимъ и очень доволенъ, ѣду вотъ теперь въ Крымъ, подышу тамъ немного, потомъ въ Эссентуки, поправлю желудокъ, потомъ...

По его совсѣмъ отвисшей губѣ и осунувшимся щекамъ ясно было видно, что «потомъ» ему некуда дѣваться,—нѣтъ у него ни семьи, ни дѣла и нѣтъ для него мѣста въ природѣ, разъ его спихнули съ просиженнаго кресла въ департаментѣ.

— Извините нескромность, ваше превосходительство, — сказалъ Иваницкій, — отчего вы не женились?

Укромцевъ сразу выпрямился.

— Не женился?... Некогда было, служилъ, карьеру дѣлалъ... и къ лучшему,—теперь я вольный казакъ!...

По голосу слышно было, какъ тяжело этому прилизанному «казаку», и мнѣ стало жаль его. Чтобы перемѣнить разговоръ и отвлечь мысли тайнаго совѣтника отъ департамента и Бѣлаго Орла, я напомнилъ о нашемъ спутникѣ, исчезнувшемъ въ Тулѣ.

— Мы передъ нимъ виноваты, — усмѣхнулся полковникъ,— считали его хуже, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ: онъ все-таки устыдился и сбѣжалъ, а изъ ихъ братіи есть, вѣдь, такіе, которые никакого срама не имутъ. Правда, Аркадій Степановичъ?

— Да, да, и такіе есть, — утомленно, раскисшимъ стариковскимъ тономъ отвѣтилъ Укромскій,—всякіе есть и даже хуже, напримѣръ, Скоролетовъ...

И тайный совѣтникъ пустился въ длинное повѣствованіе о томъ, какъ и чѣмъ Скоролетовъ вышелъ въ люди, за что попалъ въ милость къ такому-то, потомъ къ такой-то. Всѣ этого рода темные и грязные пути ловкихъ проходимцевъ давно такъ же извѣстны, какъ «секреты полишинеля», и я лишь изъ вѣжливости слушалъ многословное брюзжаніе обиженнаго генерала. Онъ чуть-чуть подбодрился и прояснился лишь тогда, когда въ дверь влетѣлъ Сашокъ.

— Дѣдушка, — возгласилъ мой малецъ, не привыкшій стѣсняться незнакомыми людьми, — сейчасъ Скуратово. Кутимъ?

— Пойдемъ кутить, — отвѣтилъ я.

— А вы какъ кутите? — спросилъ Иваницкій.

— Дѣдушка угощаетъ меня икоркой, а я его пряниками.

— Сашокъ, Сашокъ, — раздался изъ коридора голосъ Саши Долговой,—нельзя такъ кидаться въ чужія отдѣленія. Иди назадъ.

— Мамочка, мы съ дѣдушкой пойдемъ на станцію.

Лицо тайнаго совѣтника окончательно расцвѣло, когда противъ двери остановилась стройная фигура молодой женщины. Бѣлый Орелъ не выдержалъ яснаго взгляда ея голубыхъ глазъ и безслѣдно исчезъ въ туманахъ департаментскаго прошлаго. Полковникъ Иваницкій помогъ мнѣ высадить внука. Укромскій съ деликатною вѣжливостью былыхъ временъ поддержалъ Сашу Долгову при выходѣ изъ вагона на слишкомъ низкую платформу. Послѣдовали спѣшныя представленія. Въ буфетъ мы вошли вмѣстѣ, точно старые знакомые.

IV.

У меня по бѣлу-свѣту знакомыхъ много, такъ много, что за послѣднія лѣтъ десять мнѣ на желѣзныхъ дорогахъ не случалось попадать на такой поѣздъ, въ которомъ я не встрѣтилъ бы хоть одного человѣка, раскланивающагося со мной и называющаго меня по имени. Къ прискорбію моему, я не всегда могу отвѣтить тѣмъ же,—плоха у меня память на имена и чѣмъ дальше, тѣмъ становится плоше,—и это ставитъ меня въ непріятныя затрудненія. А у полковника Иваницкаго оказалось знакомыхъ во много разъ больше, чѣмъ у меня, и память оказалась неизмѣримо лучше. Въ Серпуховѣ, въ Тулѣ, въ Скуратовѣ, потомъ въ Орлѣ онъ раскланивался направо и налѣво, всѣхъ называлъ по имени и, мало того, про всѣхъ, повидимому, зналъ всю подноготную, современную и историческую въ восходящей родословной линіи, по меньшей мѣрѣ, до третьяго колѣна.

— Скажите, Андрей Васильевичъ, кого вы не знаете? — спросилъ я его какъ-то, встрѣтившись съ нимъ въ Саксонскомъ саду въ Варшавѣ.

— О, не знаю очень многихъ и, притомъ, очень знаменитыхъ людей; не знаю, напримѣръ, графа Льва Николаевича Толстого,—никогда не видалъ; не знаю пѣвца Фигнера,—никогда не слыхалъ; не знаю Ли-Хунъ-Чу,—пропустилъ случай съ нимъ познакомиться

у Перлова; да мало ли великихъ россіянъ и знатныхъ иностранцевъ, съ которыми я не знакомъ. Я, вѣдь, больше все по провинціямъ. Тутъ всѣ знакомятся легко и просто и всякія историческія справки и хроники передаются охотно...

А нашъ тайный совѣтникъ забылъ всѣ служебныя обиды, пѣтушкомъ ходилъ вокругъ Саши Долговой и ухаживалъ за маленькимъ Сашкомъ усерднѣе, чѣмъ за министерскимъ внукомъ.

— Мадамъ Долгова ваша племянница? — говорилъ мнѣ Иваницкій, когда поѣздъ тронулся въ путь.—Скажите, не жена ли она Александра Долгова, Александра Петровича?

Я отвѣтилъ утвердительно и сказалъ, что ѣду къ нимъ на нѣсколько дней.

— Вотъ тамъ и увидите, какъ злостно врутъ всѣ печенѣги, вродѣ Сурамова и тѣхъ газетъ, которыми воспитываются и питаются подобные скоты. Ребенкомъ я помню дѣда Долговыхъ, они причитаются намъ въ дальнемъ родствѣ, изъ семейныхъ преданій я знаю многое объ этомъ интересномъ и почтенномъ старикѣ. Его звали, какъ нынѣшняго Долгова, Александромъ Петровичемъ. Онъ былъ сынъ извѣстнаго массона Петра Петровича, основателя того крѣпкаго помѣщичьяго гнѣзда, которое доднесь живетъ лучшими традиціями стараго времени, которое не въ насмѣшку можно называть «добрымъ старымъ временемъ». Вотъ эти печенѣги не знаютъ иныхъ способовъ управлять народомъ, какъ только съ плетью или розгами въ рукахъ. Ихъ девизъ: «пресмыкаться и пороть». Мой отецъ, а по отцу и я, мы были хорошо знакомы съ покойнымъ Сергѣемъ Ивановичемъ Мальцовымъ. Мой отецъ былъ съ нимъ пріятель. По иноземнымъ мѣркамъ Мальцевъ могъ бы считаться не самымъ мелкимъ владѣтельнымъ княземъ, у него было 2,000 квадр. верстъ земли, на его заводахъ работало болѣе 30,000 рабочихъ. Крѣпостное населеніе доходило чуть ли не до 200,000 душъ... И за все время управленія Сергѣя Ивановича этимъ заводско-промышленнымъ герцогствомъ, съ начала 30-хъ до половины 70-хъ годовъ, ни одинъ человѣкъ не былъ высѣченъ... У Долговыхъ, насколько мнѣ извѣстно, съ конца прошлаго столѣтія на розги не срѣзано до сихъ поръ ни одного прута. А господа Сурамовы и извѣстная газетная компанія... Э, да что про нихъ толковать!.. Спесименъ—изъ стыдливыхъ еще, вы сейчасъ видѣли... Укромскій, вѣрный послѣдователь принципа, отлично выраженнаго Щедринымъ въ словахъ: «съ одной стороны нельзя не признаться, съ другой стороны нельзя не сознаться»... находитъ, что въ болтовнѣ Сурамова есть доля правды. Да, есть, только не съ той сто-

роны, съ которой они ее видятъ. Правда, несомнѣнная и неотразимая, что дворяне-помѣщики разоряются, но вопросъ въ томъ: отчего и почему они разоряются и обезземеливаются? Ужъ никакъ не отъ уничтоженія крѣпостного права. Не говорю про себя и про моего отца, я сталъ богатѣть съ тѣхъ поръ, какъ «меня освободили» отъ крѣпостной зависимости, и бывшіе мои мужики стали жить лучше, и у всѣхъ у насъ на душѣ стало спокойнѣе и свѣтлѣе. А я еще, сверхъ высшаго надѣла, далъ крестьянамъ небольшой поемный лугъ и маленькую рощу, но съ тѣмъ условіемъ, что и то, и другое имѣю право отобрать отъ нихъ, если на ихъ землѣ заведется кабакъ или шинокъ. Не знаю, какъ Долговы устроили, но у нихъ тоже нѣтъ кабака, зато есть прекрасная школа, благоустроенная земская больница съ врачомъ и акушеркой, и съ аптекой. Это все старикъ сдѣлалъ, Петръ Александровичъ, дай Богъ ему царство небесное... Хорошій былъ старикъ, интересный. Вы его знали?

— Видѣлъ раза три-четыре,—отвѣтилъ я,—онъ казался мнѣ симпатичнымъ и умнымъ, но какъ будто слишкомъ сдержаннымъ. У него душа была не «на-распашку».

— Да, правда, но зато какая это была прекраснѣйшая душа, очаровывающая всякаго, кому удавалось въ нее заглянуть! Знаете, какъ называется ихъ усадьба?—спросилъ Иванецкій послѣ минутнаго молчанія.

— Архангельское,—сказалъ я.

— Село—да, Архангельское. А ихъ усадьбѣ народъ далъ свое особое названіе, очень характерное, и оно такъ пристало къ ней, что теперь ихъ резиденцію иначе уже не называютъ. Если спросите Архангельское, вамъ укажутъ дорогу въ село черезъ рѣку, а коли хотите попасть къ Долговымъ, спрашивайте «Старый дворъ» и вы на самомъ дѣлѣ попадете на старый барскій дворъ, сохранившій во всей неприкосновенности характернѣйшія черты давно минувшаго барскаго житья. Не много такихъ дворовъ уцѣлѣло на Руси, если не считать помѣстій большихъ магнатовъ. Но тамъ дворцы и всякія великолѣпія «временъ очаковскихъ и покоренія Крыма». Что̀ успѣлъ сцапать «чумазый», на то онъ уже неукоснительно наложилъ свою грязную лапу. Не мало имѣній нахватали купецкіе толстопузики, величающіе себя финансовою аристократіей, а рядомъ съ ними застукали свою порцію и всякіе дѣльцы, гешефтмахеры, «скоробогатовы» всякихъ категорій. Эти уничтожили старое и настроили себѣ «виллы» или «шато», образцоваго безобразія, съ мраморными вазами, съ поддѣльными руинами, съ статуями, съ

фонтанами и съ зеркальными шарами,—такая мерзость! «Старыхъ дворовъ» осталось немного, и я, быть-можетъ, потому, что самъ «барчукъ»,—смотрю на нихъ съ настоящимъ благоговѣніемъ и злюсь до слезъ, когда вижу, что такой «старый дворъ» попадаетъ въ руки чумазаго или состряпаннаго на биржѣ «аристократа»... И Боже-Господи, сколько такихъ старыхъ дворовъ стерто съ лица земли Русской! А знаете, почему стерто и за что? Освобожденіе крестьянъ тутъ не причемъ, оно только придирка для людей извѣстнаго сорта, преслѣдующихъ нехорошія цѣли. Все это началось много раньше освобожденія, разница лишь въ томъ, что теперь дворянскія имѣнія переходятъ къ купцамъ и чумазымъ, а тогда они переходили отъ родовитыхъ дворянъ къ дворянамъ же, только другого сорта, изъ поповской породы и отъ крапивнаго сѣмени. Всякій подьячій и семинаристъ, досидѣвшись въ земскомъ судѣ до чина коллежскаго регистратора, дѣлался потомственнымъ дворяниномъ и черезъ то получалъ право покупать дворянскія имѣнія съ крѣпостными людьми. Я знаю такихъ потомственныхъ дворянъ изъ сдаточныхъ солдатъ, дослужившихся до офицерскаго чина. Есть у меня сосѣдъ, необыкновенно кичащійся своимъ дворянствомъ и громко вопящій о правахъ высшаго въ имперіи сословія. А его папаша былъ пастухомъ и отданъ былъ въ солдаты по мірскому приговору за кражу борова, потомъ выслужился, нахапалъ какія - то деньжонки, вышелъ въ отставку и купилъ имѣньице съ крѣпостными душами. Здѣсь недалеко въ сосѣдней губерніи есть очень важничающій уѣздный предводитель, гордящійся своею старо-дворянскою фамиліей. Фамилія у него, правда, громкая, только самъ-то онъ не изъ древняго рода. Его дѣдъ былъ отпущенникъ господъ, носящихъ эту фамилію. Отпущенники сплошь и рядомъ присвоивали себѣ барскія фамилія. Отецъ этого предводителя дослужился въ полиціи до чина и должности квартальнаго, при описи скралъ большія деньги скоропостижно умершаго заѣзжаго купца, отъ суда отвертѣлся, но со службы былъ выгнанъ, купилъ съ аукціона за безцѣнокъ большое имѣніе графовъ Л., и вотъ его сынокъ аристократа разыгрываетъ. И такихъ-то дворянъ изъ свинопасовъ у насъ далеко больше половины, и они-то всѣхъ громче кричатъ о родовыхъ правахъ высшаго и служилаго сословія. А ихъ дѣды и отцы у нашихъ дѣдовъ за столомъ служили, либо въ нашихъ деревенскихъ церквахъ служили обѣдни... Вотъ когда начался разгромъ родовитаго дворянства, и начался съ того, что родовитые волей и неволей принуждены были идти на службу, и тамъ они обчиновничались, отъ деревни отстали, выродились въ канцеляристовъ и въ

офицеровъ. У нихъ уже просто путемъ наслѣдственности образовалась родовая повадка жить на жалованье и на разныя подачки. Теперь ихъ на землю уже трудно заманить... А тутъ еще и деревню-то фабрика норовитъ слопать и того гляди слопаетъ. Есть у меня въ Тульской губерніи пріятель, изъ купцовъ онъ, но человѣкъ хорошо образованный. Его отцу досталось за долгъ маленькое имѣньице. Старикъ привыкъ сидѣть въ амбарѣ съ ситцами и понятія не имѣетъ, какъ приступиться къ землѣ, подумалъ-подумалъ и отдалъ имѣнье сыну. Тотъ переѣхалъ туда, выстроилъ себѣ хорошенькое пристанище безъ всякихъ затѣй и завелъ образцовое «сѣменное хозяйство». Дѣло пошло великолѣпно: оказалось, что, при 300 десятинахъ, проработавши на нихъ полгода, можно остальные шесть мѣсяцевъ жить бариномъ въ Москвѣ и даже ѣздить за границу. Такъ дѣло шло нѣсколько лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока рядомъ не выросла какая-то «чертова» мануфактура. Народъ поперъ на эту фабрику, отъ земляной работы совсѣмъ отбился, изболтался, испьянствовался, и теперь—хоть бросай образцовое хозяйство...

— Это вѣрно,—сказалъ я:—я знаю про кого вы говорите.

Я назвалъ фамилію господина, отъ котораго я выписывалъ сѣменной картофель и еще что-то, и я угадалъ и согласился съ полковникомъ Иваницкимъ въ томъ, что насъ, не крупныхъ хозяевъ, можно затравить фабрикой такъ основательно, что всѣмъ придется побросать земли и укрываться въ города подъ сѣнь канцелярій, конторъ, акціонерныхъ компаній и всякихъ товариществъ...—вродѣ «Т-во Голодаевской мануфактуры» или «Т-во вдовы Паршивцевой съ сыновьями»... Пріятныя перспективы для насъ и для нашихъ дѣтей! Есть изъ-за чего заводить «образцовыя» хозяйства, сады-питомники, молочныя фермы, сыроварни и т. под., когда надъ всѣмъ надъ этимъ черезъ годъ, черезъ два можетъ вырасти фабричная труба, все загадить своимъ дымомъ и сманить всѣхъ рабочихъ на развратное житье подъ шумъ веретенъ и станковъ, произведенія которыхъ потомъ сбывать будетъ некуда...

V.

На станціи насъ ждалъ Александръ Петровичъ Долговъ. На его приглашеніе посѣтить старый дворъ полковникъ тотчасъ же согласился. Насъ съ нимъ усадили въ карету. Супруги Долговы и ихъ сынъ,—три «тезки»,—сѣли въ коляску, за багажомъ выс- ланъ былъ фургонъ, и мы, старымъ барскимъ обычаемъ, покатили

по старинной большой дорогѣ Екатерининскихъ временъ. Все кругомъ ровно и гладко, ни холмика, ни бугарка, ни овражка. Жарко, въ воздухѣ па̀ритъ, недавніе дожди отлично подняли озими, въ овсахъ уже «грачъ прячется»,—еще одинъ дождь въ іюнѣ и богатый урожай обезпеченъ, если только удачно пройдетъ уборка. Коегдѣ, не часто, виднѣются въ сторонѣ небольшія рощи,—повидимому, это барскія усадьбы, за деревьями построекъ не видно, и судить о характерѣ этихъ усадьбъ я не могу. Что же касается Стараго двора, то онъ представляетъ собою нѣчто особливое, своеобразное.

Экипажъ свернулъ съ большой дороги, нѣсколько верстъ мы проѣхали самымъ обыкновеннымъ проселкомъ, потомъ круто повернули на трехъ-саженную помѣщичью дорогу, прямую, какъ струна, обрытую канавами и густо обсаженную невысокимъ ивнякомъ. На меня сразу пахнуло благоустройствомъ и дѣловитостью. Пары хорошо удобрены и уже взметаны, навозъ тщательно запаханъ, картофель посаженъ,—хозяйство многопольное и плодосмѣнное. Оно какъ-то даже не похоже на «черноземное», хотя черноземъ тутъ отличнѣйшій и глубокій... И мое черноземно-помѣщичье сердце радуется на все это, придавленная Москвою грудь дышитъ свободно, широко... Хорошо, страсть—хорошо, все, вѣдь, это мнѣ родное, стародавнее, милое съ дѣтства, поневолѣ покинутое,—и этотъ чудный воздухъ, и зелень полей, запахъ свѣже-вспаханной земли, и тонкій ароматъ молодой листвы, взбрызнутой недавнимъ дождемъ. А тишина-то какая, какой просторъ и покой! Неужели и сюда залѣзетъ фабричная труба съ своими свистками и всякими мерзостями? Спаси, Господь, и помилуй насъ отъ такой напасти!...

Кучеръ сдержалъ лошадей, мы поѣхали шагомъ по довольно пологому спуску. Внизу блестѣла небольшая извилистая рѣчка, окаймленная сочною зеленью поемнаго луга; съ бугра противоположной стороны спускался намъ навстрѣчу крупный строевой лѣсъ. Привычнымъ глазомъ не трудно было распознать сразу, что это саженый лѣсъ или, вѣрнѣе, старый паркъ, — такъ разнообразны были въ немъ породы и такъ умѣло сгруппированы.

— Ихъ паркъ?—спросилъ я моего спутника.

— Да,—отвѣтилъ Иваницкій,—дѣдомъ начатъ. По раздѣлу ему достался этотъ участокъ десятинъ въ четыреста, тутъ было гречишное поле и ни кола, ни двора. Этотъ дѣдъ, Петръ Александровичъ, и есть основатель «Стараго двора».

Мы проѣхали мостъ и покатили въ гору уже лѣсомъ-паркомъ,

затѣнявшимъ дорогу съ обѣихъ сторонъ. Несмотря на жару, здѣсь прохладно и даже свѣжо. Всякой птички-пѣвуньи—тьма-тьмущая, ее, очевидно, никто не пугаетъ, и она такъ и заливается на всѣ голоса; соловьи точно состязаются на конкурсъ, выводятъ замысловатыя, настоящія курскія, трели. О такихъ соловьяхъ на подмосковныхъ дачахъ понятія не имѣютъ. Днемъ тутъ сплошной концертъ изумительныхъ птичьихъ хоровъ; ночь всецѣло принадлежитъ чудеснѣйшимъ солистамъ-соловьямъ. Карета круто повернула вправо, и черезъ двѣ минуты мы остановились у каменной террасы передъ дверью въ кабинетъ хозяина.

Солнце почти уже зашло за деревья и косыми лучами золотило старинный домъ, флигеля, гигантскій дворъ, обставленный службами, амбарами съ навѣсами, людскими, мастерскими, каменными подвалами для картофеля, обширнымъ кирпичнымъ скотнымъ дворомъ. Два громадныхъ серебристыхъ тополя казались какими-то фантастическими розово-листыми великанами.

— Дѣдушка, хорошо у насъ?—окликнулъ меня Сашокъ, когда я остановился на террасѣ и залюбовался чистотою и фундаментальностью «Стараго двора». И въ голосѣ мальчонки прозвучала такая любовь къ этому двору, что я чуть не со слезами на глазахъ поднялъ внука и расцѣловалъ его.

— Да, мой милый, да, мой мальчикъ, очень хорошо, лучшаго желать нельзя!

По довольному, радостному лицу ребенка я видѣлъ ясно и убѣжденно, что «Старый дворъ» останется крѣпкимъ дворомъ еще при двухъ хозяевахъ,—наличномъ и подрастающемъ.

— Дѣдушка, а это мои товарищи,—продолжалъ онъ, таща за за руки двухъ босоногихъ крестьянскихъ мальчиковъ,—это Миша, а это Вася. Видишь, они встрѣтить меня пришли, я всегда съ ними играю... Узнали, что за нами поѣхали, и пришли... Мамочка, я разуюсь, и мы въ ходъ. Можно?

Разрѣшеніе дано, и черезъ нѣсколько минутъ три пары босыхъ дѣтскихъ ногъ уже мелькали то подъ розовыми тополями, то у амбаровъ, то исчезали за скотнымъ дворомъ.

Да, очень хорошо здѣсь, все хорошо, а въ особенности то, что мальчикъ уже любитъ свое родное гнѣздо. Онъ подрастетъ, и его любовь выраститъ: онъ полюбитъ свой край, округу своего стараго двора, гдѣ ему такъ привольно живется, потомъ полюбитъ Россію-матушку, которая уже теперь втягиваетъ въ себя его молодые, но сильные корни. Милый внучонокъ, какъ счастливъ ты, что не видалъ крѣпостного права и понятія о немъ имѣть не будешь, такъ какъ

ни твой папа, ни твоя мама не знали проклятія рабства! Какъ свѣтло впереди у этого босоногаго «барчука», вихремъ носящагося по выгонамъ, полямъ и садамъ «Стараго двора» съ своими босоногими «товарищами», съ Мишей и съ Васей, а не съ «Мишкой» и «Васькой»... И ни Миша, ни Вася ничего не будутъ знать о «подломъ правѣ», они Сашку́ «товарищи» и пріятели. Выростутъ они, и, конечно, барину «Стараго двора» въ умъ никогда не придетъ позорныхъ мыслей мягкотѣлаго печенѣга. Да къ тому времени,—авось дастъ Богъ,—сотрется и въ народѣ память о поркахъ, какъ исчезаетъ память о барщинѣ и подневольной работѣ.

Расколыхалъ всю мою душу этотъ «Старый дворъ», растревожило меня все, мною здѣсь «видѣнное и слышанное»

VI.

А слышалъ я вотъ что:

Послѣ раздѣла довольно большого наслѣдства, дѣдъ нынѣшняго владѣльца, Александъ Петровичъ Долговъ, вышелъ на «гречишное поле», на пустопорожнее мѣсто надъ маленькой рѣчкой и надъ большимъ болотомъ съ тысячами неистово квакающихъ лягушекъ. Вмѣстѣ съ гречишнымъ полемъ, Александру Петровичу было выдѣлено надлежащее число лошадей, скота и крѣпостныхъ душъ. Новый помѣщикъ явился на свой участокъ не одинъ, а съ молодою женой, съ крошкою сыномъ на рукахъ и съ ожиданіемъ дальнѣйшаго увеличенія семейства. Самъ онъ и его жена принадлежали къ старымъ дворянскимъ родамъ, въ то время еще «крѣпкимъ землѣ», и тотчасъ же принялись устраивать и укрѣплять свое гнѣздо, нынѣ превратившееся въ «Старый дворъ». Ими и по большей части ихъ руками посажены тутъ бальзамическіе и серебристые тополи, превратившіеся въ огромныя деревья, сосны и ели, ставшія давно строевыми деревьями. Отъ тогдашнихъ построекъ уцѣлѣло, повидимому, очень немногое, я не знаю даже навѣрное, уцѣлѣло ли что-нибудь. Внѣшность дома свѣжа и по типу кажется мнѣ болѣе новою постройкой.

Прошло лѣтъ двадцать пять; старшій сынъ, Петръ Александровичъ Долговъ, повинуясь требованіямъ времени, былъ гвардейскимъ офицеромъ, его меньшой братъ, Павелъ Александровичъ, бойкій и шустрый, камеръ-юнкерствовалъ, состоялъ чѣмъ-то при какомъ-то очень важномъ графѣ и до конца дней своихъ дѣлалъ петербургскую карьеру, много удачнѣе, впрочемъ, чѣмъ тайный совѣтникъ Укромскій. Павелъ Александровичъ получилъ камергерство и еще ка-

кое-то придворное званіе, и на его похоронахъ, года два назадъ, на зависть всѣмъ Укромскимъ, лежалъ на малиновой плисовой подушкѣ похороннаго бюро довольно уже потертый Бѣлый орелъ. Тайный совѣтникъ Долговъ почилъ не обиженнымъ, а ликующимъ генераломъ, оставивши своимъ племянникамъ,—женатъ онъ не былъ,—весьма солидный капиталъ въ именныхъ банковыхъ вкладахъ. Остальное,—говорятъ, тысячъ на двѣсти,—улетучилось въ день его кончины.

Петръ Александровичъ до большихъ чиновъ не дошелъ. Получивши извѣстіе о болѣзни отца, онъ взялъ безсрочный отпускъ, сѣлъ въ почтовую телѣжку и прикатилъ въ Архангельское, да такъ и засѣлъ тутъ навсегда. Это было лѣтъ тридцать пять назадъ, и чуть ли не онъ первый изъ гвардейскихъ офицеровъ произнесъ знаменитую впослѣдствіи фразу: «Надо садиться на землю». И онъ сѣлъ въ крѣпкую. Его отецъ похворалъ не долго и померъ; мать немногимъ пережила Александра Петровича. Четыреста десятинъ «грешневаго поля», благодаря труду и экономіи владѣльца, не любившаго банкетовъ и шума, разрослись въ тысячу двѣсти десятинъ. Братья подѣлились, но хозяйничать взялся старшій, предоставивши шустрому Павлу дѣлать карьеру и получать Станиславовъ, Владиміровъ и Орловъ.

Верстахъ въ 20-ти отъ Архангельскаго находится прекраснѣйшее имѣніе очень родовитыхъ дворянъ Настовыхъ, самыхъ коренныхъ провинціаловъ. Вся ихъ семья издавна славилась красотою, хлѣбосольствомъ и отличнымъ веденіемъ хозяйства. Въ сорокъ лѣтъ Варвара Михайловна могла легко соперничать съ своими тремя красавицами дочерьми моложавою стройностью стана, свѣжестью лица, яркостью темно-сѣрыхъ глазъ, пышностью и длиною золотистыхъ волосъ. Теперь ей за семьдесятъ, но этому трудно повѣрить, глядя на ея бодрую походку и энергичныя движенія, слыша ея звучный и властный голосъ, съ восхода солнца командующій въ саду, на огородѣ и на гумнѣ. Она всего лѣтъ пять-шесть назадъ отказалась отъ ѣзды верхомъ, но и до сего дня также внимательно и аккуратно наблюдаетъ за полевыми работами, правя сама лошадью въ старинномъ двухколесномъ кабріолетѣ. Настовы считались съ Долговыми въ какомъ-то далекомъ родствѣ, кажется, по французской поговоркѣ: «Les parents de nos parents sont nos parents». На этомъ основаніи гвардеецъ Долговъ, какъ только пріѣхалъ къ отцу, счелъ себя обязаннымъ явиться къ Настовымъ и неукоснительно влюбился въ среднюю изъ дочерей Варвары Михайловны, въ Екатерину Николаевну. Старшая, Варвара, была въ то

время уже замужемъ за какимъ-то очень знатнымъ бариномъ. Восемнадцатилѣтняя Катринъ не стала жеманиться и томить молодого офицера, сама влюбилась въ него по-уши и категорически заявила maman, что ни за какихъ знатныхъ и богатыхъ не пойдетъ, а будетъ женою Пьера. Въ то время за нею ухаживалъ и Варварою Михайловной облюбованъ былъ въ женихи одинъ милліонеръ-князь изъ Рюриковичей, разорившійся впослѣдствіи самымъ постыднымъ образомъ.

Свадьбу пришлось отложить болѣе, чѣмъ на годъ, по случаю смерти обоихъ родителей жениха. Срокъ траура миновалъ, и молодые супруги восхитительно зажили въ хорошо устроенной усадьбѣ с. Архангельскаго. Екатерина Николаевна внесла въ долговскій домъ всю родовую энергію Настовыхъ и нѣсколько суетливыя повадки своей maman, привыкшей распоряжаться крѣпостною барщиной и не знавшей удержа своимъ иногда фантастическимъ затѣямъ. Но время барщинъ отошло, дѣлать все приходилось наемными руками, и Екатерина Николаевна навѣрное разорила бы мужа, еслибъ онъ поддался увлеченію молодой женщины насажденіями садовъ и парковъ,—наслѣдственной страсти Настовыхъ. Всегда разсчетливый и аккуратный, Петръ Александровичъ хорошо зналъ, конечно, что разводить фруктовые сады дѣло доброе и выгодное, а насаждать парки на «гречишномъ полѣ»—дѣло дорогое и только пріятное, а потому онъ спокойно и тихохонько обуздалъ рвеніе слишкомъ скорой на все супруги, самъ составилъ обдуманную программу насажденій, опредѣлилъ на это ежегодно извѣстную сумму, твердо заявивши, что не дастъ больше ни пятака, и затѣмъ предоставилъ Екатеринѣ Николаевнѣ распоряжаться, какъ уже ей угодно въ этихъ строго-отведенныхъ границахъ. Преданіе гласитъ, что такое ограниченіе послужило поводомъ къ первой размолвкѣ между пылко любящими другъ друга супругами. Но если Настовы были энергичны и торопливы, то, съ своей стороны, Долговы были стойки и упрямы.

Петръ Александровичъ понималъ, что какіе сады ни разводи, на этомъ далеко не уѣдешь, слишкомъ долго ждать отъ нихъ практическихъ результатовъ, а между тѣмъ на шести стахъ десятинахъ прожить съ семьей не очень-то легко. И вотъ, отдавши усадебные бугры и лощины въ полное вѣдѣніе Екатерины Николаевны, самъ онъ закопался въ поле и съ головой ушелъ въ молочное хозяйство, представлявшее собою въ то время довольно большую рѣдкость у насъ. Дѣло пошло хорошо. Александръ Петровичъ Долговъ сдѣлалъ изъ 400 десятинъ наслѣдственной земли 1,200 десятинъ. Петру

Александровичу досталось 600, изъ нихъ въ 25 лѣтъ онъ сдѣлалъ 3,000, и въ томъ числѣ нѣтъ ни клока заложеннаго. Онъ получилъ отъ отца красивую и устроенную усадьбу съ небольшимъ садомъ. Теперь «Старый дворъ» представляетъ собою великолѣпное барское помѣстье съ садами, огородами и паркомъ на 60 десятинахъ. Значительная часть этого парка превратилась въ отличнѣйшій строевой лѣсъ, сосновый, еловый и березовый. Разнообразіе и красота породъ, ихъ живописное распредѣленіе—прямо изумительны. Скотный дворъ, при 400 дойныхъ коровахъ, превратился въ какую-то настоящую земледѣльческую фабрику съ паровыми машинами, вертящими сепараторы, маслобойки, отжималки, разныя корнерѣзки и т. д. Изъ хозяйства Долговыхъ не продается ничего, кромѣ масла, скота и пшеницы. Напротивъ, экономія покупаетъ массу сѣна и соломы. Поля, разбитыя на девять клиновъ, удобрены и раздѣлены, какъ самые лучшіе огороды. А чистота какая на «Старомъ дворѣ», порядокъ какой, стройность во всемъ, несмотря на множество рабочихъ и поденщиковъ!... Не видно ни толкотни, ни дикихъ окриковъ не слышно, точно все само собою дѣлается разъ хорошо налаженною и заведенною машиной. Я и на работахъ былъ, и тамъ все идетъ плавно и быстро, почти въ молчанку; безъ шума и ругани, даже безъ грубыхъ словъ, которыя, насколько мнѣ извѣстно, не произносились на «Старомъ дворѣ» болѣе полстолѣтія. Три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ милаго и всѣми уважаемаго Петра Александровича нѣтъ на свѣтѣ, но такъ и чувствуется, что живъ его духъ на «Старомъ дворѣ», что свято чтится благородная традиція, установленная старымъ бариномъ.

И новыхъ, молодыхъ господъ я видѣлъ на дѣлѣ, и пришелъ къ тому убѣжденію, что милые, дорогіе мнѣ «тезки», Александръ, Саша и Сашокъ Долговы, не измѣнятъ добрымъ завѣтамъ своихъ стариковъ и во всей неприкосновенности передадутъ ихъ въ дальнѣйшее наслѣдіе, вмѣстѣ со «Старымъ дворомъ»...

VII.

— Дѣдушка!

Я вздрогнулъ, нежданно оторванный отъ думы и мечты, навѣянныхъ на меня всѣмъ «видѣннымъ и слышаннымъ».

— Дѣдушка, я вотъ принесъ тебѣ цвѣтовъ, мы сами рвали, а букетъ сдѣлалъ садовникъ. Вѣдь, ты любишь цвѣты, у тебя на столѣ всегда букетъ.

Букетъ былъ довольно дрянной, но милая мордочка Сашка была такъ прекрасна, что я расцѣловалъ его загорѣвшія щеки. Его руки

и ноги были такъ же грязны, какъ у его товарищей Миши и Васи, ниже колѣнки замѣтна была струйка запекшейся крови.

— Что это? Одну лапку успѣлъ разодрать?—сказалъ я.

— Да, ничего, это я тамъ шлепнулся и попалъ на сучокъ. Хотѣлъ поспѣть впередъ Васи ландыши сорвать, да и чебурахнулся.

— Надо, дружище, пойти и всѣ четыре лапки вымыть, смотри, какія они грязныя.

— Э, дѣдушка, теперь не стóитъ, черезъ пять минутъ онѣ опять такія же будутъ. Вотъ передъ завтракомъ надо вымыть. А мы скоро будемъ завтракать?

— Черезъ полчаса,—сказалъ я, посмотрѣвши на часы.

— Успѣемъ. Ну, господа, валимъ на рѣку, тамъ Сафронъ раковъ ловитъ...

И вся тройка понеслась по усыпанной пескомъ дорожкѣ, сверкая грязными босыми пятками. Это обращеніе къ крестьянскимъ ребятишкамъ съ словомъ «господа» заставило меня невольно улыбнуться, въ головѣ промелькнула мысль о томъ, какъ Сашку, Мишѣ, Васѣ и ихъ сверстникамъ покажутся современемъ нелѣпы и ни съ чѣмъ не сообразны нынѣшнія пререканія о томъ, слѣдуетъ ли на судѣ однимъ людямъ говорить «вы», а другимъ «ты»... и что-то съ вами тогда будетъ, «господа печенѣги?»... Расти, расти, моя Русь, никто и ничто не въ силахъ помѣшать твоему росту.

За кофеемъ послѣ завтрака Саша разсказала мнѣ: княжна Анна, ея пріятельница, изъ обѣднѣвшей аристократической семьи вышла замужъ въ одинъ годъ съ нею за графа Дмитрія, только-что получившаго въ наслѣдство отъ отца пятнадцать тысячъ десятинъ земли и около двухъ милліоновъ долга. Положеніе прямо отчаянное, неоплатное. Графъ Дмитрій понятія не имѣлъ о такомъ положеніи своихъ дѣлъ, продолжалъ считать себя богатымъ человѣкомъ и доподлинную правду узналъ, лишь когда на требованіе денегъ къ свадьбѣ управляющій, вмѣстѣ съ отказомъ, представилъ ему грозный балансъ, не оставлявшій сомнѣнія въ томъ, что графъ не только нищій, но и неоплатный банкротъ. Молодой человѣкъ поѣхалъ къ невѣстѣ, объяснилъ ей это и предложилъ ей отказать ему. Княжна Анна отвѣтила, что въ ихъ роду никто не измѣнялъ данному слову, что русскія женщины за мужьями шли на каторгу, и потребовала только поторопиться свадьбой. Черезъ мѣсяцъ графъ Дмитрій распростился съ полковыми товарищами, снялъ флигель-адъютанскій мундиръ, и молодые супруги отбыли въ разоренное имѣніе. Я зналъ княжну Анну дѣвочкой-подросткомъ, потомъ свѣтскою барышней, фрейлиной Высочайшаго двора. Тоненькая, нѣжная

и хрупкая, какъ севрская куколка, она не была красавицей, а была лучше того, очаровывала, именно, изяществомъ и граціозностью дорогой фарфоровой игрушечки, созданной лишь для того, чтобъ ею восхищались. Необыкновенно доброю, прямодушною и умненькою она всегда была. И вотъ избалованный офицеръ и великосвѣтская куколка сразу переродились, сбросили съ себя всѣ аристократическіе атуры, нарядились въ полушубки и высокіе сапоги и принялись за черную работу деревенскаго хозяйства. Оба на коняхъ съ четырехъ часовъ утра, осенью — до зари еще, они всѣмъ рѣшительно распоряжаются сами, безъ управляющихъ, безъ приказчиковъ, далеко не каждый день завтракаютъ и обѣдаютъ дома: сплошь и рядомъ кружка молока съ мужицкимъ чернымъ хлѣбомъ, яйца съ крупною солью составляютъ ихъ меню на цѣлый день. Не рѣдко каждому изъ нихъ приходится заночевывать гдѣ-нибудь на хуторѣ, на дальнемъ скотномъ дворѣ, въ лѣсной сторожкѣ. Добравшись до какой попало постели, оба настолько утомлены, что моментально засыпаютъ крѣпчайшимъ сномъ тружениковъ, съ разсвѣтомъ встаютъ бодрые и сильные, садятся снова въ сѣдла и опять принимаются за свое дѣло изо-дня въ день, лѣтомъ, осенью, зимой и весной. И оба здоровы, веселы, счастливы, любятъ другъ друга безгранично. И такъ живутъ они восемь лѣтъ. Разоренное имѣніе превратилось въ цѣлую систему прекраснѣйшихъ образцовъ солидной дѣловитости: тутъ работаютъ мельницы и крупорушки, кирпичные и изразцовые заводы, локомобили на хуторскихъ гумнахъ, маслодѣльни и сыроварни, лѣсопильни и крахмальный заводъ, конные и скотные дворы и обширныя свинярьни... и мало ли еще что. Всю эту обширную и сложную механику двигаютъ крошечныя ручки графини, сдѣлавшіяся стальными, и здоровенная рука графа, ставшая твердою, какъ песчанники его каменоломни. Восемь лѣтъ прошло съ того дня, когда нѣмецъ главноуправляющій предъявилъ восьми-сотъ-тысячный дефицитъ. Теперь никакого дефицита не существуетъ, наоборотъ, долги значительно убавились, а цѣнность имѣнья возрасла до трехъ милліоновъ.

— Знаете, милая,—говорила нѣсколько дней назадъ графиня Анна Сашѣ Долговой,—поработаемъ мы съ Митей еще лѣтъ десять, всѣ долги заплатимъ и заживемъ въ свое удовольствіе...

И она права, ничуть не поздно будетъ пожить въ свое удовольствіе: ей будетъ всего тридцать шесть лѣтъ, на чистомъ воздухѣ, при энергичной работѣ, она сохранитъ столько душевной и физической свѣжести, что ея красотѣ и молодости позавидуютъ всѣ великосвѣтскія барыни, ея сверстницы, которыя уже теперь, въ 26

лѣтъ, вынуждены прибѣгать къ косметикамъ, чтобы прикрыть истрепанность лицъ, измученныхъ безсмысленною столичною сутолокой... Въ прошедшемъ году и имъ было «искушеніе»: графа Дмитрія хотѣли выбрать въ губернскіе предводители, представили ему такія заманчивыя перспективы широкой и плодотворной общественной дѣятельности, что онъ уже готовъ былъ соблазниться. Графиня Анна заявила категорически:

— Я никуда и ни за что не двинусь изъ деревни до тѣхъ поръ, пока на насъ остается хотя бы копейка долга. Наша дѣятельность здѣсь нужна, и для Россіи она такъ же плодотворна, если не болѣе, чѣмъ въ губернскихъ городахъ. Мы завели здѣсь школы, какихъ безъ насъ не было, начальныя и ремесленныя, у насъ хорошая больница. Мы содержимъ двухъ ветеринаровъ съ тѣмъ, чтобъ они мальчиковъ обучали. Пройдетъ немного времени, я устрою механическій заводъ, летейную и маленькую техническую школу; потомъ мнѣ нуженъ химическій заводъ. Я это рѣшила, и такъ будетъ. На хуторахъ у насъ дѣвушки обучаются маслодѣлію и сываренію. Обученные у насъ слесаря, столяры, гончары начинаютъ уже кустарничать. Все наше имѣніе есть сплошная школа... Развѣ же это не полезная общественная дѣятельность? Ни на какую другую я ее не промѣняю, ее буду расширять насколько силъ хватитъ и никуда не поѣду... Если хочешь, поѣзжай одинъ, я остаюсь здѣсь.

И они остались оба. Вся округа ихъ обожаетъ, особливо графиню Анну. Она чуть не весь уѣздъ завоевала, и никто, начиная съ поповъ и кончая крестьянскими ребятишками, не называетъ ее иначе, какъ «наша графинюшка»,—титулъ «сіятельства» едва ли даже извѣстенъ тамошнимъ крестьянамъ,— барыню всѣ зовутъ въ глаза «графинюшкой», барина просто—Митрій Владиміровичъ. Дѣтей у нихъ— «красная парочка», и они, какъ мой Сашокъ, растутъ на полной свободѣ босоногими товарищами босоногихъ ребятишекъ. Старшій сынъ, наслѣдникъ громкаго титула и огромныхъ маетностей, обучается въ сельской школѣ. Этотъ, вѣроятно, останется навсегда «крѣпокъ землѣ».

VIII.

— Какъ вы управляетесь съ рабочими?—спросилъ я Александра Долгова.—Въ газетахъ много толкуютъ о пересмотрѣ «Правилъ для найма рабочихъ»...

— Пускай толкуютъ,—отвѣтилъ онъ:—меня это не особенно интересуетъ. Я съ своими никакъ не управляюсь. Дѣло само идетъ,

по изстари заведенному порядку, какъ при покойникѣ отцѣ. Мы нанимаемъ годовыхъ, лѣтнихъ и сдѣльныхъ, платимъ хорошую цѣну и даемъ иногда деньги впередъ, кормимъ хорошо, и у насъ работаютъ исправно. Я не запомню, чтобы на Старомъ дворѣ когда-нибудь судились съ рабочими, хотя мы довольно требовательны. Мы только нанимаемъ и деньги даемъ съ разборомъ; у насъ въ конторѣ есть старая «черная книга», родъ алфавита, куда вписываются неисправные. Ихъ три разряда: захудалые, нерадивые и недобросовѣстные. Захудалымъ мы иногда помогаемъ кормомъ и хлѣбомъ, даже деньгами... Лошадь пала, напримѣръ, корма не хватило, ну, и поможешь... Нерадивыхъ исключаемъ изъ списка на годъ и не беремъ на работы. Недобросовѣстныхъ совсѣмъ не нанимаемъ и на поденщину не пускаемъ не только ихъ самихъ, но и никого изъ ихъ семьи. И «черной книги» боятся больше, чѣмъ волостного правленія. Мнѣ, впрочемъ, требуется немного рабочихъ, и цѣны у насъ не очень высоки, вообще.

— И вы не испытываете никакихъ затрудненій?

— Какъ не испытывать, всякое бываетъ. Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, весна была поздняя и дружная, у крестьянъ скопилась своя работа, и намъ пришлось запоздать, безъ годовыхъ и лѣтнихъ не управились бы. Эти, конечно, дороги, а все-таки концы съ концами сводимъ. Самое тяжелое то, что пришлось купить много корму и по высокимъ цѣнамъ, по случаю неурожая.

— У васъ былъ неурожай?

— Несомнѣнно. Большая или меньшая нужда бываетъ каждый годъ. Это у насъ самое больное и самое серьезное мѣсто. И знаете, мнѣ кажется, что вопросъ о срокахъ и способахъ взысканія податей стоитъ въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о недоѣданіи и съ вопросомъ о наймѣ рабочихъ въ хозяйствахъ. Пожмутъ съ податями сразу, когда хлѣбъ дешевъ, и хлѣбъ еще больше дешевѣетъ. Кулаки наживаются, а народъ нищаетъ. Болѣе слабые и недостаточные забираютъ деньги впередъ подъ работы и, разумѣется, попадаютъ опять-таки въ руки кулаковъ, нахватываютъ болѣе, чѣмъ необходимо, закабаливаютъ себя за ничтожныя цѣны и потомъ оказываются неспособными, не въ силахъ исполнить обязательства. Въ самое рабочее время начинаются взысканія, судбища, хожденія по волостнымъ и земскимъ начальникамъ, — пустая трата времени, потомъ — продажи имущества и... разореніе. Правда, теперь не полное, — законъ установилъ неприкосновенность абсолютно необходимаго. Только, видите ли, мужикъ съ одною лошадью, по моему мнѣнію, не полный рабочій, а полрабочаго.

— Нѣтъ,—продолжалъ Долговъ, помолчавши немного,—никакія «правила», ни гуманныя, ни драконовскія, тутъ не помогутъ, и никакихъ «правилъ» выдумать нельзя, какъ нельзя установить таксу на работы. Все это дѣлается самою жизнью, и я, съ опыта личнаго и моего отца, пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что все обладится и проживемъ мы отлично безъ всякихъ «правилъ», если всѣ наши рабочіе пройдутъ хорошую, настоящую школу, будутъ сыты, будутъ имѣть достатокъ, усвоятъ себѣ понятія о совѣсти и чести... Мнѣ Иваницкій разсказывалъ про печенѣга, который съ вами ѣхалъ и захлебывался порками. У насъ, на Старомъ дворѣ, и у моей бабушки Настовой, отчаянной крѣпостницы, никто не запомнитъ, чтобы кого-нибудь сѣкли... Я не могу себѣ представить, чтобы можно было требовать чувства совѣсти и чести отъ человѣка, опозореннаго публично.. А намъ нужны только честные рабочіе, до сытости я ихъ самъ накормлю, и онъ самъ дойдетъ до хорошаго достатка, если ему не будутъ препятствовать...

Какъ далеко это все было отъ «печенѣжскихъ» рѣчей мягкотѣлаго Сурамова, какъ гармонировало это съ молчаливою и стройною работой, которая кипѣла передо мною на Старомъ дворѣ. Изъ парка ѣхали одна за другою подводы съ сухимъ листомъ, съ гумна двигались возы, нагруженные корзинами съ кормомъ. Телѣги съ листомъ исчезали въ широкихъ воротахъ скотнаго двора и скоро возвращались обратно въ паркъ,—листъ шелъ на подстилку. Корзины съ кормомъ останавливались у другихъ воротъ, рабочіе взваливали ихъ на плечи и разносили по кормушкамъ. Издали, съ балкона, эта тишина и спокойная торопливость работы производили впечатлѣніе муравейника. На муравьевъ же, только очень пестрыхъ и красивыхъ, были похожи толпы бабъ, сгребавшихъ въ саду прошлогодній листъ и хвою. Женщины еще сохранили здѣсь старинный русскій нарядъ—поневы, бѣлыя рубахи и высокія головныя повязки. Это прочно и дешево, къ ихъ фигурамъ и лицамъ идетъ много лучше, чѣмъ юбки съ лифами и кофточками мѣщанскаго фасона, въ которыя рядятся крестьянки Ливенскаго уѣзда. Точно сѣдло къ коровѣ, пристали къ нимъ такіе наряды, неуклюже сшитые деревенскими портнихами изъ яркихъ ситцевъ и рѣжущихъ глаза шерстяныхъ матерій, съ нелѣпѣйшими оборками и обшивками. На стоимость туалета ливенской крестьянки можно прокормить цѣлую семью въ какой бы ни было голодный годъ. Здѣсь въ большой модѣ нѣчто вродѣ accroche-coeurs изъ перьевъ селезня, щеголихи выпрашиваютъ ихъ на барскомъ дворѣ и въ торжественныхъ случаяхъ приспособляютъ въ видѣ черныхъ крючечковъ къ

щекамъ ниже висковъ, иногда по два на сторону. Франтовство не разорительное, и въ добрый часъ.

Замѣтилъ я еще, что на Старомъ дворѣ никто и никогда не ходитъ безъ дѣла. И это заведено добрымъ хозяиномъ Петромъ Александровичемъ и по привычкѣ и по традиціи до сихъ поръ соблюдается. Покойникъ Долговъ не выносилъ безполезнаго шлянья, зорко наблюдалъ за своими рабочими и не допускалъ «лодырничества». Память о немъ изумительно чтится во всемъ уѣздѣ, пожалуй, даже въ цѣлой губерніи, какъ о человѣкѣ большого ума, необыкновенной доброты, безукоризненной честности и непоколебимости принциповъ. Совершенно иначе всѣ относятся къ недавно умершему тайному совѣтнику и камергеру Павлу Александровичу Долгову. Ничего худого я про него не слыхалъ, но не слыхалъ и ничего хорошаго. Во всѣхъ разговорахъ о немъ съ кѣмъ бы ни было неизмѣнно звучала какая-то насмѣшливо-презрительная нотка. Его называли даже не по имени и отчеству, а просто Павлюкомъ...

Съ большимъ сожалѣніемъ разстался я со Старымъ дворомъ и съ его милыми хозяевами. Но свое дѣло звало меня неотложно въ Москву, и раннимъ утромъ, при первыхъ лучахъ солнца, я вышелъ изъ своей комнаты справиться, запрягаютъ ли мнѣ лошадей. Оказалось, что хозяйка уже ждетъ меня въ залѣ за самоваромъ и съ налитымъ стаканомъ чая. Я удивился и немного законфузился отъ такой чрезмѣрной любезности и высказалъ это.

— Мнѣ, дядя, не въ диковинку вставать рано. У насъ въ три часа первая дойка и я часто хожу сама провѣрять удои. Нельзя безъ этого, — добавила она тихо, — молоко идетъ на маслодѣльню съ вѣса, — безъ этого не возможенъ никакой учетъ...

Я отъ всей души расцѣловалъ въ обѣ щеки молодую женщину, выпилъ свой чай и распрощался. Съ Александромъ я простился наканунѣ, онъ уѣхалъ по какому-то важному дѣлу. Съ Сашкомъ простился тоже съ вечера, когда онъ уходилъ спать.

— Дѣдушка, когда пріѣдешь къ намъ опять? Пріѣзжай, вѣдь, у насъ хорошо, тебѣ понравилось.

Когда я пріѣду, дорогой мой мальчикъ? Почемъ я знаю, когда... Почемъ я знаю, пріѣду ли когда-нибудь!...

М. Ремезовъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ФУТЛЯРѢ.

Разсказъ.

На самомъ краю села Мироносицкаго, въ сараѣ старосты Прокофія расположились на ночлегъ запоздавшіе охотники. Ихъ было только двое: ветеринарный врачъ Иванъ Иванычъ и учитель гимназіи Буркинъ. У Ивана Иваныча была довольно странная, двойная фамилія—Чимша-Гималайскій, которая совсѣмъ не шла ему, и его во всей губерніи звали просто по имени и отчеству; онъ жилъ около города на конскомъ заводѣ и пріѣхалъ теперь на охоту, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Учитель же гимназіи Буркинъ каждое лѣто гостилъ у графовъ П. и въ этой мѣстности давно уже былъ своимъ человѣкомъ.

Не спали. Иванъ Иванычъ, высокій, худощавый старикъ съ длинными усами, сидѣлъ снаружи у входа и курилъ трубку; его освѣщала луна. Буркинъ лежалъ внутри на сѣнѣ и его не было видно въ потемкахъ.

Разсказывали разныя исторіи. Между прочимъ говорили о томъ, что жена старосты, Мавра, женщина здоровая и не глупая, во всю свою жизнь нигдѣ не была дальше своего родного села, никогда не видѣла ни города, ни желѣзной дороги, а въ послѣднія десять лѣтъ все сидѣла за печью и только по ночамъ выходила на улицу.

— Что же тутъ удивительнаго! —сказалъ Буркинъ.—Людей, одинокихъ по натурѣ, которые, какъ ракъ отшельникъ или улитка, стараются уйти въ свою скорлупу, на этомъ свѣтѣ не мало. Быть можетъ, это явленіе атавизма, возвращеніе къ тому времени, когда предокъ человѣка не былъ еще общественнымъ животнымъ и жилъ одиноко въ своей берлогѣ, а можетъ быть это просто одна изъ разновидностей человѣческаго характера, — кто знаетъ? Я не естественникъ и не мое дѣло касаться подобныхъ вопросовъ; я

только хочу сказать, что такіе люди, какъ Мавра, явленіе не рѣдкое. Да вотъ, не далеко искать, мѣсяца два назадъ умеръ у насъ въ городѣ нѣкій Бѣликовъ, учитель греческаго языка, мой товарищъ. Вы о немъ слышали, конечно. Онъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ, и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши и, когда вынималъ перочинный ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и, когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ внѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было; и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни.

— О, какъ звученъ, какъ прекрасенъ греческій языкъ! — говорилъ онъ со сладкимъ выраженіемъ; и, какъ бы въ доказательство своихъ словъ, прищуривъ глаза и поднявъ палецъ, произносилъ: — Антропосъ!

И мысль свою Бѣликовъ также старался запрятать въ футляръ. Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что-нибудь. Когда въ циркулярѣ запрещалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера, или въ какой-нибудь статьѣ запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, опредѣленно; запрещено—и баста. Въ разрѣшеніи же и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда въ городѣ разрѣшали драматическій кружокъ, или читальню, или чайную, то онъ покачивалъ головой и говорилъ тихо:

— Оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло.

Всякаго рода нарушенія, уклоненія, отступленія отъ правилъ приводили его въ уныніе, хотя, казалось бы, какое ему дѣло? Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молебенъ, или доходили слухи

о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму поздно вечеромъ съ офицеромъ, то онъ очень волновался и все говорилъ, какъ бы чего не вышло. А на педагогическихъ совѣтахъ онъ просто угнеталъ насъ своею осторожностью, мнительностью и своими чисто-футлярными соображеніями насчетъ того, что вотъде въ мужской и женской гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумитъ въ классахъ,—ахъ, какъ бы не дошло до начальства, ахъ, какъ бы чего не вышло,—и что еслибъ изъ второго класса исключить Петрова, а изъ четвертаго—Егорова, то было бы очень хорошо. И что же? Своими вздохами, нытьемъ, своими темными очками на блѣдномъ, маленькомъ лицѣ,—знаете, маленькомъ лицѣ, какъ у хорька,—онъ давилъ насъ всѣхъ, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову баллъ по поведенію, сажали ихъ подъ арестъ и въ концѣ-концовъ исключали и Петрова, и Егорова. Было у него странное обыкновеніе —ходить по нашимъ квартирамъ. Придетъ къ учителю, сядетъ и молчитъ, и какъ будто что-то высматриваетъ. Посидитъ этакъ, молча, часъ-другой, и уйдетъ. Это называлось у него «поддерживать добрыя отношенія съ товарищами» и, очевидно, ходить къ намъ и сидѣть было для него тяжело и ходилъ онъ къ намъ только потому, что считалъ это своею товарищескою обязанностью. Мы, учителя, боялись его. И даже директоръ боялся. Вотъ подите же, наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ, однако же этотъ человѣчекъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боятся помогать бѣднымъ, учить грамотѣ...

Иванъ Иванычъ, желая что-то сказать, кашлянулъ, но сначала закурилъ трубку, поглядѣлъ на луну и потомъ уже сказалъ съ разстановкой:

— Да. Мыслящіе, порядочные, читаютъ и Щедрина, и Тургенева, разныхъ тамъ Боклей и прочее, а вотъ подчинились же, терпѣли... То-то вотъ оно и есть.

— Бѣликовъ жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ и я,—продолжалъ Буркинъ,—въ томъ же этажѣ, дверь противъ двери, мы часто видѣлись, и я зналъ его домашнюю жизнь. И дома та же исторія:

халатъ, колпакъ, ставни, задвижки, цѣлый рядъ всякихъ запрещеній, ограниченій, и—ахъ, какъ бы чего не вышло! Постное ѣсть вредно, а скоромное нельзя, такъ какъ, пожалуй, скажутъ, что Бѣликовъ не исполняетъ постовъ, и онъ ѣлъ судака на коровьемъ маслѣ,—пища не постная, но и нельзя сказать, чтобы скоромная. Женской прислуги онъ не держалъ изъ страха, чтобы о немъ не подумали дурно, а держалъ повара Аѳанасія, старика лѣтъ шестидесяти, нетрезваго и полоумнаго, который когда-то служилъ въ денщикахъ и умѣлъ кое-какъ стряпать. Этотъ Аѳанасій стоялъ обыкновенно у двери, скрестивъ руки, и всегда бормоталъ одно и то же, съ глубокимъ вздохомъ:

— Много ужъ *ихъ* нынче развелось!

Спальня у Бѣликова была маленькая, точно ящикъ, кровать съ пологомъ. Ложась спать, онъ укрывался съ головой; было жарко, душно, въ закрытыя двери стучался вѣтеръ, въ печкѣ гудѣло; слышались вздохи изъ кухни, вздохи зловѣщіе...

И ему было страшно подъ одѣяломъ. Онъ боялся, какъ бы чего не вышло, какъ бы его не зарѣзалъ Аѳанасій, какъ бы не забрались воры, и потомъ всю ночь видѣлъ тревожные сны, а утромъ, когда мы вмѣстѣ шли въ гимназію, былъ скученъ, блѣденъ и было видно, что многолюдная гимназія, въ которую онъ шелъ, была страшна, противна всему существу его, и что идти рядомъ со мной ему, человѣку по натурѣ одинокому, было тяжко...

— Очень ужъ шумятъ у насъ въ классахъ,—говоритъ онъ, какъ бы стараясь отыскать объясненія своему тяжелому чувству.— Ни на что не похоже.

И этотъ учитель греческаго языка, этотъ человѣкъ въ футлярѣ, можете себѣ представить, едва не женился.

Иванъ Иванычъ быстро оглянулся въ сарай и сказалъ:

— Шутите!

— Да, едва не женился, какъ это ни странно. Назначили къ намъ новаго учителя исторіи и географіи, нѣкоего Коваленко, Михаила Саввича, изъ хохловъ. Пріѣхалъ онъ не одинъ, а съ сестрой Варинькой. Онъ молодой, высокій, смуглый, съ громадными руками, и по лицу видно, что говоритъ басомъ, и въ самомъ дѣлѣ, голосъ, какъ изъ бочки: бу-бу-бу... А она уже не молодая, лѣтъ тридцати, но тоже высокая, стройная, чернобровая, краснощекая— однимъ словомъ, не дѣвица, а мармеладъ, и такая разбитная, шумная, все поетъ малороссійскіе романсы и хохочетъ. Чуть что, такъ и зальется голосистымъ смѣхомъ: ха-ха-ха! Первое, основательное знакомство съ Коваленками у насъ, помню, произошло на име-

нинахъ у директора. Среди суровыхъ, напряженно скучныхъ педагоговъ, которые и на именины-то заходятъ по обязанности, вдругъ видимъ, новая Афродита возродилась изъ пѣны: ходитъ подбоченясь, хохочетъ, поетъ, пляшетъ... Она спѣла съ чувствомъ «Віютъ витры», потомъ еще романсъ, и еще, и всѣхъ насъ очаровала,— всѣхъ, даже Бѣликова. Онъ подсѣлъ къ ней и сказалъ, сладко улыбаясь:

— Малороссійскій языкъ своею нѣжностью и пріятною звучностью напоминаетъ древне-греческій.

Это польстило ей, и она стала разсказывать ему съ чувствомъ и убѣдительно, что въ Гадячскомъ уѣздѣ у нея есть хуторъ, а на хуторѣ живетъ мамочка, и тамъ такія груши, такія дыни, такіе кабаки! У хохловъ тыквы называются кабаками, а кабаки шинками, и варятъ у нихъ борщъ съ красненькими и съ синенькими «такой вкусный, такой вкусный, что просто—ужасъ!»

Слушали мы слушали, и вдругъ всѣхъ насъ осѣнила одна и та же мысль.

— А хорошо бы ихъ поженить,—тихо сказала мнѣ директорша.

Мы всѣ почему-то вспомнили, что нашъ Бѣликовъ не женатъ, и намъ теперь казалось страннымъ, что мы до сихъ поръ какъ-то не замѣчали, совершенно упускали изъ виду такую важную подробность въ его жизни. Какъ вообще онъ относится къ женщинѣ, какъ онъ рѣшаетъ для себя этотъ насущный вопросъ? Раньше это не интересовало насъ вовсе; быть можетъ, мы не допускали даже и мысли, что человѣкъ, который во всякую погоду ходитъ въ калошахъ и спитъ подъ пологомъ, можетъ любить.

— Ему давно уже за сорокъ, а ей тридцать...—пояснила свою мысль директорша.—Мнѣ кажется, она за него бы пошла.

Чего только не дѣлается у насъ въ провинціи отъ скуки, сколько ненужнаго, вздорнаго! И это потому, что совсѣмъ не дѣлается то, что нужно. Ну, вотъ, къ чему намъ вдругъ понадобилось женить этого Бѣликова, котораго даже и вообразить нельзя было женатымъ? Директорша, инспекторша и всѣ наши гимназическія дамы ожили, даже похорошѣли, точно вдругъ увидѣли цѣль жизни. Директорша беретъ въ театрѣ ложу, и смотримъ—въ ея ложѣ сидитъ Варинька съ этакимъ вѣеромъ, сіяющая, счастливая и рядомъ съ ней Бѣликовъ, маленькій, скрюченный, точно его изъ дому клещами вытащили. Я даю вечеринку, и дамы требуютъ, чтобы я непремѣнно пригласилъ и Бѣликова, и Вариньку. Однимъ словомъ, заработала машина. Оказалось, что Варинька не прочь была за-

мужъ. Жить ей у брата было не очень-то весело, только и знали, что по цѣлымъ днямъ спорили и ругались. Вотъ вамъ сцена: идетъ Коваленко по улицѣ, высокій, здоровый верзила, въ вышитой сорочкѣ, чубъ изъ-подъ фуражки падаетъ на лобъ; въ одной рукѣ пачка книгъ, въ другой толстая суковатая палка. За нимъ идетъ сестра, тоже съ книгами.

— Да ты же, Михайликъ, этого не читалъ!—споритъ она громко.—Я же тебѣ говорю, клянусь, ты не читалъ же этого вовсе!

— А я тебѣ говорю, что читалъ!—кричитъ Коваленко, гремя палкой по тротуару.

— Ахъ же, Боже-жъ мой, Минчикъ! Чего же ты сердишься, вѣдь, у насъ же разговоръ принципіальный.

— А я тебѣ говорю, что я читалъ!—кричитъ еще громче Коваленко.

А дома, какъ кто посторонній, такъ и перепалка. Такая жизнь, вѣроятно, наскучила, хотѣлось своего угла, да и возрастъ принять во вниманіе; тутъ ужъ перебирать некогда, выйдешь, за кого угодно, даже за учителя греческаго языка. И то сказать, для большинства нашихъ барышень за кого ни выйти, лишь бы выйти. Какъ бы ни было, Варинька стала оказывать нашему Бѣликову явную благосклонность.

А Бѣликовъ? Онъ и къ Коваленку ходилъ такъ же, какъ къ намъ. Придетъ къ нему, сядетъ и молчитъ. Онъ молчитъ, а Варинька поетъ ему «Віютъ витры» или глядитъ на него задумчиво своими темными глазами, или вдругъ зальется:

— Ха, ха, ха!

Въ любовныхъ дѣлахъ, а особенно въ женитьбѣ, внушеніе играетъ большую роль. Всѣ—и товарищи, и дамы—стали увѣрять Бѣликова, что онъ долженъ жениться, что ему ничего больше не остается въ жизни, какъ жениться; всѣ мы поздравляли его, говорили съ важными лицами разныя пошлости, вродѣ того де, что бракъ есть шагъ серьезный; къ тому же Варинька была не дурна собой, интересна, она была дочь статскаго совѣтника и имѣла хуторъ, а главное это была первая женщина, которая отнеслась къ нему ласково, сердечно,—голова у него закружилась, и онъ рѣшилъ, что ему въ самомъ дѣлѣ нужно жениться.

— Вотъ тутъ бы и отобрать у него калоши и зонтикъ,—проговорилъ Иванъ Иванычъ.

— Представьте, это оказалось невозможнымъ. Онъ поставилъ у себя на столѣ портретъ Вариньки и все ходилъ ко мнѣ и гово-

рилъ о Варинькѣ, о семейной жизни, о томъ, что бракъ есть шагъ серьезный, часто бывалъ у Коваленковъ, но образа жизни не измѣнилъ нисколько. Даже наоборотъ, рѣшеніе жениться подѣйствовало на него какъ-то болѣзненно, онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ и, казалось, еще глубже ушелъ въ свой футляръ.

— Варвара Саввишна мнѣ нравится,—говорилъ онъ мнѣ со слабой, кривой улыбочкой,—и я знаю, жениться необходимо каждому человѣку, но... все это, знаете ли, произошло какъ-то вдругъ... Надо подумать.

— Что же тутъ думать?—говорю ему.—Женитесь, вотъ и все.

— Нѣтъ, женитьба—шагъ серьезный, надо сначала взвѣсить предстоящія обязанности, отвѣтственность..., чтобы потомъ чего не вышло. Это меня такъ безпокоитъ, я теперь всѣ ночи не сплю. И признаться, я боюсь: у нея съ братомъ какой-то странный образъ мыслей, разсуждаютъ они какъ-то, знаете ли, странно и характеръ очень бойкій. Женишься, а потомъ чего добраго попадешь въ какую-нибудь исторію.

И онъ не дѣлалъ предложенія, все откладывалъ, къ великой досадѣ директорши и всѣхъ нашихъ дамъ; все взвѣшивалъ предстоящія обязанности и отвѣтственность, и между тѣмъ почти каждый день гулялъ съ Варинькой, быть можетъ, думалъ, что это такъ нужно въ его положеніи, и приходилъ ко мнѣ, чтобы поговорить о семейной жизни. И по всей вѣроятности, въ концѣ-концовъ, онъ сдѣлалъ бы предложеніе и совершился бы одинъ изъ тѣхъ не нужныхъ, глупыхъ браковъ, какихъ у насъ отъ скуки и отъ нечего дѣлать совершаются тысячи, еслибы вдругъ не произошелъ kolossalische Scandal. Нужно сказать, что братъ Вариньки, Коваленко, возненавидѣлъ Бѣликова съ перваго же дня знакомства и терпѣть его не могъ.

— Не понимаю,—говорилъ онъ намъ, пожимая плечами,—не понимаю, какъ вы перевариваете этого фискала, эту мерзкую рожу. Эхъ, господа, какъ вы можете тутъ жить! Атмосфера у васъ удушающая, поганая. Развѣ вы педагоги, учителя? Вы чинодралы, у васъ не храмъ науки, а управа благочинія, и кислятиной воняетъ, какъ въ полицейской будкѣ. Нѣтъ, братцы, поживу съ вами еще немного и уѣду къ себѣ на хуторъ и буду тамъ раковъ ловить и хохлятъ учить. Уѣду, а вы оставайтесь тутъ со своимъ іудой, не хай винъ лопне.

Или онъ хохоталъ, хохоталъ до слезъ то басомъ, то тонкимъ пискливымъ голосомъ и спрашивалъ меня, разводя руками:

— Шо онъ у меня сидить? Шо ему надо? Сидить и смотрить

Онъ даже названіе далъ Бѣликову «глитай абожъ паукъ». И, понятно, мы избѣгали говорить съ нимъ о томъ, что сестра его Варинька собирается за «абожъ паука». И когда однажды директорша намекнула ему, что хорошо бы пристроить его сестру за такого солиднаго, всѣми уважаемаго человѣка, какъ Бѣликовъ, то онъ нахмурился и проворчалъ:

— Не мое это дѣло. Пускай она выходитъ хоть за гадюку, а я не люблю въ чужія дѣла мѣшаться.

Теперь слушайте, что дальше. Какой-то проказникъ нарисовалъ каррикатуру: идетъ Бѣликовъ въ калошахъ, въ подсученныхъ брюкахъ, подъ зонтомъ, и съ нимъ подъ руку Варинька; внизу подпись: «влюбленный антропосъ». Выраженіе схвачено, понимаете ли, удивительно. Художникъ, должно быть, проработалъ не одну ночь, такъ какъ всѣ учителя мужской и женской гимназій, учителя семинаріи, чиновники,—всѣ получили по экземпляру. Получилъ и Бѣликовъ. Каррикатура произвела на него самое тяжелое впечатлѣніе.

Выходимъ мы вмѣстѣ изъ дому,—это было какъ разъ первое мая, воскресенье, и мы всѣ, учителя и гимназисты, условились сойтись у гимназіи и потомъ вмѣстѣ идти пѣшкомъ за городъ въ рощу,—выходимъ мы, а онъ зеленый, мрачнѣе тучи.

— Какіе есть нехорошіе, злые люди!—проговорилъ онъ, и губы у него задрожали.

Мнѣ даже жалко его стало. Идемъ и вдругъ, можете себѣ представить, катитъ на велосипедѣ Коваленко, а за нимъ Варинька, тоже на велосипедѣ, красная, заморенная, но веселая, радостная.

— А мы,—кричитъ она,—впередъ ѣдемъ! Уже-жъ такая хорошая погода, такая хорошая, что просто ужасъ!

И скрылись оба. Мой Бѣликовъ изъ зеленаго сталъ бѣлымъ и точно оцѣпенѣлъ. Остановился и смотритъ на меня...

— Позвольте, что же это такое?—спросилъ онъ.—Или, быть можетъ, меня обманываетъ зрѣніе? Развѣ преподавателямъ гимназіи и женщинамъ прилично ѣздить на велосипедѣ?

— Что же тутъ неприличнаго?—сказалъ я.—И пусть катаются себѣ на здоровье.

— Да какъ же можно?—крикнулъ онъ, изумляясь моему спокойствію.—Что вы говорите?!

И онъ былъ такъ пораженъ, что не захотѣлъ идти дальше и вернулся домой.

На другой день онъ все время нервно потиралъ руки и вздрагивалъ, и было видно по лицу, что ему нехорошо. И съ занятій ушелъ, что̀ случилось съ нимъ первый разъ въ жизни. И не обѣ-

далъ. А подъ вечеръ одѣлся потеплѣй, хотя на дворѣ стояла уже совсѣмъ лѣтняя погода, и поплелся къ Коваленкамъ. Вариньки не было дома, засталъ онъ только брата.

— Садитесь, покорнѣйше прошу, — проговорилъ Коваленко холодно и нахмурилъ брови; лицо у него было заспанное, онъ только что отдыхалъ послѣ обѣда и былъ сильно не въ духѣ.

Бѣликовъ посидѣлъ молча минутъ десять и началъ:

— Я къ вамъ пришелъ, чтобъ облегчить душу. Мнѣ очень, очень тяжело. Какой-то пасквилянтъ нарисовалъ въ смѣшномъ видѣ меня и еще одну особу, намъ обоимъ близкую. Считаю долгомъ увѣрить васъ, что я тутъ не причемъ... Я не подавалъ никакого повода къ такой насмѣшкѣ,—напротивъ же, все время велъ себя какъ вполнѣ порядочный человѣкъ.

Коваленко сидѣлъ, надувшись, и молчалъ. Бѣликовъ подождалъ немного и продолжалъ тихо, печальнымъ голосомъ:

— И еще я имѣю кое-что сказать вамъ. Я давно служу, вы же только еще начинаете службу, и я считаю долгомъ, какъ старшій товарищъ, предостеречь васъ. Вы катаетесь на велосипедѣ, а эта забава совершенно неприлична для воспитателя юношества.

— Почему же?—спросилъ Коваленко басомъ.

— Да развѣ тутъ надо еще объяснять? Михаилъ Саввичъ, развѣ это не понятно? Если учитель ѣдетъ на велосипедѣ, то что же остается ученикамъ? Имъ остается только ходить на головахъ! И разъ это не разрѣшено циркулярно, то и нельзя. Не разрѣшено— и нельзя. Я вчера ужаснулся! Когда я увидѣлъ вашу сестрицу, то у меня помутилось въ глазахъ. Женщина или дѣвушка на велосипедѣ--это ужасно!

— Что же собственно вамъ угодно?

— Мнѣ угодно только одно—предостеречь васъ, Михаилъ Саввичъ. Вы—человѣкъ молодой, у васъ впереди будущее, надо вести себя очень, очень осторожно, вы же такъ манкируете, охъ, какъ вы манкируете! Вы ходите въ вышитой сорочкѣ, постоянно на улицѣ съ какими-то книгами, а теперь вотъ еще велосипедъ. О томъ, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипедѣ, узнаетъ директоръ, потомъ дойдетъ до попечителя... Что же хорошаго?

— Что я и сестра катаемся на велосипедѣ, никому нѣтъ до этого дѣла!—сказалъ Коваленко и побагровѣлъ.—А кто будетъ вмѣшиваться въ мои домашнія и семейныя дѣла, того я пошлю къ чертямъ собачьимъ.

Бѣликовъ поблѣднѣлъ и всталъ.

— Если вы говорите со мной такимъ тономъ, то я не могу про-

должать,—сказалъ онъ.—И прошу васъ никогда такъ не выражаться въ моемъ присутствіи о начальникахъ. Вы должны съ уваженіемъ относиться къ властямъ.

— А развѣ я говорилъ что дурное про властей?—спросилъ Коваленко, глядя на него со злобой.—Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ. Я честный человѣкъ и съ такимъ господиномъ, какъ вы, не желаю разговаривать. Я не люблю фискаловъ.

Бѣликовъ нервно засуетился и сталъ одѣваться быстро, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. Вѣдь это первый разъ въ жизни онъ слышалъ такія грубости.

— Можете говорить, что вамъ угодно,—сказалъ онъ, выходя изъ передней на площадку лѣстницы.—Я долженъ только предупредить васъ: быть можетъ, насъ слышалъ кто-нибудь, и чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я долженъ буду доложить господину директору содержаніе нашего разговора... въ главныхъ чертахъ. Я обязанъ это сдѣлать.

— Доло́жить? Ступай, докладывай!

Коваленко схватилъ его сзади за воротникъ и пихнулъ, и Бѣликовъ покатился внизъ по лѣстницѣ, гремя своими калошами. Лѣстница была высокая, крутая, но онъ докатился до низу благополучно; всталъ и потрогалъ себя за носъ: цѣлы ли очки? Но какъ разъ въ то время, когда онъ катился по лѣстницѣ, вошла Варинька и съ нею двѣ дамы; онѣ стояли внизу и глядѣли—и для Бѣликова это было ужаснѣе всего. Лучше бы, кажется, сломать шею, обѣ ноги, чѣмъ стать посмѣшищемъ; вѣдь теперь узнаетъ весь городъ, дойдетъ до директора, попечителя—ахъ, какъ бы чего не вышло! нарисуютъ новую каррикатуру и кончится все это тѣмъ, что прикажутъ подать въ отставку... Когда онъ поднялся, Варинька узнала его и, глядя на его смѣшное лицо, помятое пальто, калоши, не понимая, въ чемъ дѣло, полагая, что это онъ упалъ самъ нечаянно, не удержалась и захохотала на весь домъ:

— Ха, ха, ха!

И этимъ раскатистымъ, заливчатымъ «ха, ха, ха» завершилось все: и сватовство, и земное существованіе Бѣликова. Уже онъ не слышалъ, что говорила Варинька, и ничего не видѣлъ. Вернувшись къ себѣ домой, онъ прежде всего убралъ со стола портретъ, а потомъ легъ и уже больше не вставалъ. Дня черезъ три пришелъ ко мнѣ Аѳанасій и спросилъ, не надо ли послать за докторомъ, такъ какъ де съ бариномъ что-то дѣлается. Я пошелъ къ Бѣликову. Онъ лежалъ подъ пологомъ, укрытый одѣяломъ, и молчалъ; спросишь его, а онъ только да, или нѣтъ—и больше ни

звука. Онъ лежитъ, а возлѣ бродитъ Аѳанасій, мрачный, нахмуренный, и вздыхаетъ глубоко; а отъ него водкой, какъ изъ кабака.

Черезъ мѣсяцъ Бѣликовъ умеръ. Хоронили его мы всѣ, то-есть обѣ гимназіи и семинарія. Теперь, когда онъ лежалъ въ гробу, выраженіе у него было кроткое, пріятное, даже веселое, точно онъ былъ радъ, что, наконецъ, его положили въ футляръ, изъ котораго онъ уже никогда не выйдетъ. Да, онъ достигъ своего идеала! И какъ бы въ честь его, во время похоронъ, была пасмурная, дождливая погода, и всѣ мы были въ калошахъ и съ зонтами. Варинька тоже была на похоронахъ и, когда гробъ опускали въ могилу, всплакнула. Я замѣтилъ, что хохлушки только плачутъ или хохочутъ, средняго же настроенія у нихъ не бываетъ.

Признаюсь, хоронить такихъ людей, какъ Бѣликовъ, это большое удовольствіе. Когда мы возвращались съ кладбища, то у насъ были скромныя, постныя физіономіи; никому не хотѣлось обнаружить этого чувства удовольствія,—чувства, похожаго на то, какое мы испытывали давно-давно, еще въ дѣтствѣ, когда старшіе уѣзжали изъ дому и мы бѣгали по саду часъ-другой, наслаждаясь полною свободой. Ахъ, свобода, свобода! Даже намекъ, даже слабая надежда на ея возможность даетъ душѣ крылья, не правда ли?

Вернулись мы съ кладбища въ добромъ расположеніи. Но прошло не больше недѣли, и жизнь потекла попрежнему, такая же суровая, утомительная, безтолковая, жизнь не запрещенная циркулярно, но и не разрѣшенная вполнѣ; не стало лучше. И въ самомъ дѣлѣ, Бѣликова похоронили, а сколько еще такихъ человѣковъ въ футлярѣ осталось, сколько ихъ еще будетъ!

— То-то вотъ оно и есть,—сказалъ Иванъ Иванычъ и закурилъ трубку.

— Сколько ихъ еще будетъ!—повторилъ Буркинъ.

Учитель гимназіи вышелъ изъ сарая. Это былъ человѣкъ небольшого роста, толстый, совершенно лысый, съ черной бородой чуть не по поясъ; и съ нимъ вышли двѣ собаки.

— Луна-то, луна!—сказалъ онъ, глядя вверхъ.

Была уже полночь. Направо видно было все село, длинная улица тянулась далеко, верстъ на пять. Все было погружено въ тихій, глубокій сонъ; ни движенія, ни звука, даже не вѣрится, что въ природѣ можетъ быть такъ тихо. Когда въ лунную ночь видишь широкую сельскую улицу съ ея избами, стогами, уснувшими ивами, то на душѣ становится тихо; въ этомъ своемъ покоѣ, укрывшись въ ночныхъ тѣняхъ отъ трудовъ, заботъ и горя, она кротка, печальна, прекрасна и кажется, что и звѣзды смотрятъ на нее ла-

сково и съ умиленіемъ, и что зла уже нѣтъ на землѣ и все благополучно. Налѣво съ края села начиналось поле; оно было видно далеко, до горизонта, и во всю ширь этого поля, залитаго луннымъ свѣтомъ, тоже ни движенія, ни звука.

— То-то вотъ оно и есть,—повторилъ Иванъ Иванычъ.—А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ въ духотѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ—развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ, глупыхъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ—развѣ это не футляръ? Вотъ если желаете, то я разскажу вамъ одну очень поучительную исторію.

— Нѣтъ, уже пора спать,—сказалъ Буркинъ.—До завтра!

Оба пошли въ сарай и легли на сѣнѣ. И уже оба укрылись и задремали, какъ вдругъ послышались легкіе шаги: тупъ, тупъ... Кто-то ходилъ не далеко отъ сарая; пройдетъ немного и остановится, а черезъ минуту опять: тупъ, тупъ... Собаки заворчали.

— Это Мавра ходитъ,—сказалъ Буркинъ.

Шаги затихли.

— Видѣть и слышать, какъ лгутъ,—проговорилъ Иванъ Иванычъ, поворачиваясь на другой бокъ,—и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ-за какого-нибудь чинишка, которому грошъ цѣна,—нѣтъ, больше жить такъ невозможно!

— Ну, ужъ это вы изъ другой оперы, Иванъ Иванычъ,—сказалъ учитель.—Давайте спать.

И минутъ черезъ десять Буркинъ уже спалъ. А Иванъ Иванычъ все ворочался съ боку на бокъ и вздыхалъ, а потомъ всталъ, опять вышелъ наружу и, сѣвши у дверей, закурилъ трубочку.

Антонъ Чеховъ.

ИСТОРІЯ КАПИТАНА ГЭДСБИ.

Картинки изъ жизни англійскихъ офицеровъ въ Индіи.

Рюдъярда Киплинга.

(Переводъ съ англійскаго).

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Джэку Мафлину, капитану его высочества герцога Деррійскаго гусарскаго полка.

Любезный Мафлинъ!

Считаю долгомъ вамъ напомнить, что я написалъ эту повѣсть въ видѣ грознаго предостереженія. Тѣмъ не менѣе, вы сочли возможнымъ не обратить на него вниманія и послѣдовали примѣру Гэдсби; впрочемъ, я былъ такъ увѣренъ въ этомъ заранѣе, что не побоялся держать съ вами пари. Отдаю вамъ должную справѣдливость: женившись, вы тотчасъ уплатили мнѣ проигранный закладъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы возстановили противъ меня вашу супругу. Только этимъ могу объяснить то обстоятельство, что она въ теченіе цѣлой зимы не хотѣла меня принимать и даже отсылала обратно мои карточки, несмотря на то, что я почти единственный порядочный человѣкъ среди прежнихъ товарищей вашей холостой жизни. Мало того, она заставила васъ пригласить меня обѣдать вмѣстѣ съ вами въ клубѣ, гдѣ вы меня обозвали «осломъ, одичавшимъ въ пустынѣ», и поспѣшили вернуться домой въ половинѣ десятаго, послѣ долгаго разсужденія о святости семейныхъ обязанностей. Въ настоящее время вы катаетесь съ супругой въ изящномъ фаэтонѣ, а по воскресеньямъ слушаете проповѣди въ церкви. Я не сержусь на васъ, Джэкъ! Вѣрно ужъ такова ваша судьба; то же было и съ Гэдсби, а извѣстно, что отъ своей судьбы никто не уйдетъ. Если я заявляю печатно, что вся отвѣтственность за мою книгу лежитъ на васъ исключительно, не думайте, что мною руко-

водила жажда мести. Правда, что въ былыя времена, когда вы были откровеннѣе и могли, не краснѣя, смотрѣть на хорошую сигару и даже дерзали закурить ее, вы доставляли мнѣ обильный матеріалъ для разсказовъ. Теперь возвращаю его вамъ по принадлежности и жалѣю, что не могъ сохранить въ печати всю непринужденную вольность вашей рѣчи. Примите эту книгу и, сидя вечеркомъ въ халатѣ и туфляхъ у домашняго очага, прочтите ее бывшей миссъ Диркортъ. Можетъ быть, она все-таки не захочетъ меня принимать, но вами будетъ восхищаться несомнѣнно, а вы за это полюбите меня больше прежняго. Пожалуй, даже опять позовете на очень скверный обѣдъ въ клубъ; тамъ, какъ извѣстно вамъ и вашей супругѣ, самая безопасная, нейтральная почва для кормленія «ословъ, одичавшихъ въ пустынѣ». Тогда, мой милѣйшій лицемѣръ, мы съ вами будемъ квиты.

Преданный вамъ Рюдьярдъ Киплингъ.

P. S. По зрѣломъ обсужденіи, я вамъ совѣтую спрятать книжку и не показывать ее миссисъ Мафлинъ.

I.

„Бѣдняжка мамаша".

Соколъ ясный летитъ къ поднебесью;
Вѣтеръ буйный несетъ облака.
Добрый молодецъ ищетъ дѣвицу:
Такъ уже было и будетъ всегда.
(Цыганская пѣсня.)

Дѣйствіе происходитъ въ Симлѣ, лѣтнемъ мѣстопребываніи англійскихъ семейныхъ служащихъ, въ Гималайскихъ горахъ.

(Комната миссъ Минни Триганъ; она сидитъ у окна, перебирая ящикъ съ принадлежностями дамскаго туалета. Противъ нея, на постели, сидитъ ея пріятельница, миссъ Эмма Диркортъ, которая пришла провести съ ней цѣлый день; у нея на колѣняхъ лифъ отъ бальнаго платья, а въ рукѣ — букетъ искусственныхъ ландышей. Время—5½ часовъ пополудни въ жаркій майскій день.)

Миссъ Диркортъ.— И вотъ онъ мнѣ сказалъ: «Я никогда не забуду этого вальса»; а я, конечно, отвѣтила: «Ахъ, какъ можно говорить такія глупости!» Какъ вы думаете, милочка, что̀ онъ хотѣлъ этимъ сказать?

Миссъ Триганъ (*вытягивая изъ ящика длинные шелковые чулки*).— Вѣдь вы знаете его лучше, чѣмъ я.

Миссъ Диркортъ. — О, пожалуйста, Минни, побольше сочув-

ствія! Я увѣрена, что онъ хотѣлъ сказать *что-то,* т.-е. я была бы увѣрена, еслибъ онъ не катался постоянно съ этой ужасной мистрисъ Хоганъ!

Миссъ Триганъ.—По всей вѣроятности хотѣлъ. А посмотрите-ка сюда *(показывая продранную пятку чулка),* скажите, можно ли такъ протанцовать насквозь всю пятку?

Миссъ Диркортъ.—Ахъ, бросьте это! Все равно нельзя починить. Лучше помогите мнѣ съ этимъ лифомъ: ужъ я продѣвала шнурокъ и такъ, и этакъ, а все-таки не могу добиться, чтобы рельефъ приходился на мѣстѣ. Какъ вы думаете, куда лучше приколоть эти цвѣты?

Миссъ Триганъ.—Разумѣется, на плечо, и какъ можно выше!

Миссъ Диркортъ.—А будетъ ли это хорошо при моемъ ростѣ? Помните, Мэй Ольгеръ имѣла видъ совсѣмъ горбатой съ букетомъ на плечѣ.

Миссъ Триганъ.—Да; но развѣ у нея такія плечи, какъ у васъ? Она—настоящая бутылка съ длиннымъ горлышкомъ!

Слуга *(стучитъ въ дверь).*—Капитанъ Сагибъ пришелъ.

Миссъ Диркортъ *(вскакиваетъ стремительно, ищетъ свой лифъ, который сняла по случаю жары).*—Капитанъ Сагибъ! Какой капитанъ Сагибъ? Ахъ, Боже мой, а я не одѣта! Впрочемъ, я васъ не задерживаю.

Миссъ Триганъ *(спокойно).* — И хорошо дѣлаете. Это совсѣмъ не къ намъ. Это просто капитанъ Гэдсби; онъ обыкновенно пріѣзжаетъ въ это время, чтобъ ѣхать кататься съ мамашей; по крайней мѣрѣ такъ бываетъ разъ пять въ недѣлю.

Томный голосъ *изъ внутреннихъ комнатъ.* — Минни, бѣги скорѣе, вели подать чаю капитану Гэдсби и скажи ему, что я буду готова черезъ десять минутъ! Постой, поди прежде сюда на минутку! Скорѣе же, Минни, будь милая дѣвочка!

Миссъ Триганъ *(про себя).*—Вотъ еще удовольствіе! *(Громко)* Сейчасъ, мамочка! *(Уходитъ и черезъ пять минутъ возвращается, раскраснѣвшись и потирая пальцы.)*

Миссъ Диркортъ.—Отчего вы такая красная? Что случилось?

Миссъ Триганъ *(театральнымъ шепотомъ).*—Тамъ у нея лифъ въ 34 сантиметра въ таліи, а она не хочетъ выпустить. Однако, гдѣ же это мой гребень? *(Шаритъ на туалетномъ столѣ, наскоро хватаетъ щетку и приглаживаетъ волосы.)*

Миссъ Диркортъ. — Кто этотъ капитанъ Гэдсби? Я, кажется, его не встрѣчала.

Миссъ Триганъ.—Навѣрно, встрѣчали. Онъ изъ красныхъ гу-

саръ. Я съ нимъ танцовала, но никогда не говорила. Такой высокій, съ желтымъ лицомъ, совсѣмъ какъ только что вылупившійся цыпленокъ, съ огромными усищами. Ходитъ въ развалку, вотъ такъ... *(Представляетъ кавалерійскую походку)*, а когда не можетъ придумать, что сказать, то страшно мычитъ, вотъ этакъ: гм...м...м... Мамаша его любитъ, я—нѣтъ.

Миссъ Диркортъ *(разсѣянно)*.— А что, онъ фабритъ себѣ усы?

Миссъ Триганъ *(усердно вытираетъ лицо пудрой)*. — Кажется, да; а на что вамъ это?

Миссъ Диркортъ *(наклоняясь ближе къ лифу, шьетъ прилежно)*.— О, такъ, ничего; только...

Миссъ Триганъ *(строго)*.—Только—что? Ну же, говорите, Эмма!

Миссъ Диркортъ.—Ну, такъ дѣло въ томъ, что мнѣ говорила Мэй Ольгеръ, — вы знаете, что она уже сговорена съ мистеромъ Чартрисомъ, — только обѣщайте, что никому не разскажете!

Миссъ Триганъ.—Ну, хорошо, обѣщаю. Итакъ, что она говорила?

Миссъ Диркортъ.—Что... что если васъ цѣлуетъ мужчина, у котораго усы не напомажены, то это все равно, что съѣсть яйцо въ смятку безъ соли.

Миссъ Триганъ *(гордо выпрямляясь)*.— Мэй Ольгеръ — противная, гадкая дѣвчонка, и вы можете ей передать, что я это сказала. Очень рада, что она не принадлежитъ къ нашему кружку. Однако, я должна пойти накормить этого господина. Посмотрите-ка, кажется, я въ приличномъ видѣ?

Миссъ Диркортъ. — Вполнѣ. Сбудьте его съ рукъ поскорѣе и передайте его своей мамашѣ, а потомъ мы еще поболтаемъ. Непремѣнно подслушаю у дверей, о чемъ вы съ нимъ будете говорить.

Миссъ Триганъ. — О, это меня совсѣмъ не тревожитъ! *Я* не боюсь капитана Гэдсби! *(Въ доказательство этого быстро влетаетъ въ гостиную большими мужскими шагами, но черезъ минуту останавливается; не замѣчаетъ капитана, стоящаго въ тѣни у окна, и безпомощно озирается во всѣ стороны.)*

Капитанъ *(про себя)*.—Вотъ тебѣ нà! Дочка вмѣсто маменьки! А этотъ аллюръ у нея, вѣрно, отъ родителя! *(Громко, вставая.)* Добрый вечеръ, миссъ Триганъ.

Миссъ Триганъ *(чувствуя, что краснѣетъ)*. — Добрый вечеръ, капитанъ Гэдсби. Мама велѣла вамъ сказать, что будетъ готова черезъ нѣсколько минутъ. Не хотите ли чаю? *(Въ сторону.)* Надѣюсь, что мамаша поспѣшитъ! Ну, о чемъ я буду говорить съ этимъ человѣкомъ? *(Громко и рѣзко.)* Вамъ молока или сахару?

Кап.—Благодарю. Совсѣмъ безъ сахару и очень мало молока. Гм... гм... гм...

Миссъ Триганъ (*въ сторону*). — Если онъ начнетъ мычать, я пропала! Расхохочусь... ужъ я знаю, что не выдержу.

Кап. (*подергивая усы и искоса поглядывая на ихъ длинные кончики*).— Да, гм... гм... (*Въ сторону.*) Желалъ бы я знать, о чемъ эта маленькая обезьянка можетъ говорить? Попробуемъ прицѣлиться!

Миссъ Триганъ.—Какое мученіе! Вѣдь я *должна* ему сказать что-нибудь...

Оба разомъ.—Были ли вы вчера...

Кап.—Виноватъ, вы что-то хотѣли сказать...

Миссъ Триганъ (*все время вглядывалась въ неотразимую прелесть его усовъ*).—Я хотѣла спросить... не желаете ли вы яйцо?...

Кап. (*въ изумленіи осматриваетъ чайный приборъ на столѣ*).— Яйцо? (*Въ сторону.*) Чортъ возьми! Она, навѣрно, только что скушала свой полдникъ въ дѣтской; ей наскоро вытерли ротъ передничкомъ и прислали сюда занимать меня, пока мамаша занимается своимъ туалетомъ. (*Громко.*) Нѣтъ, благодарю!

Миссъ Триганъ (*сильно покраснѣвъ*). — Ахъ, я не то хотѣла сказать. Я вовсе не думала ни объ яйцахъ... ни объ усахъ... ни одной минуты! Я хотѣла сказать — соли... т.-е. нѣтъ, не хотите ли чего-нибудь сладкаго? (*Въ сторону.*) Онъ подумаетъ, что я сумасшедшая или лунатикъ въ бреду! О, еслибы мамаша пришла поскорѣе!

Кап. (*про себя*). — Нѣтъ сомнѣнія: она сидѣла за полдникомъ въ дѣтской и теперь стыдится этого. Однако, чортъ возьми! Она вовсе не дурна, особенно, когда такъ краснѣетъ! (*Громко, выбирая сладкое печенье изъ корзины.*) Пробовали ли вы новые шоколадные бисквиты у Пелити въ кондитерской?

Миссъ Триганъ. — Нѣтъ; эти я дѣлала сама. А что, развѣ хороши?

Кап.—Эти-то? Восхитительны! (*Про себя.*) И это—несомнѣнный фактъ!

Миссъ Триганъ (*въ сторону*). — Какъ глупо! Онъ подумаетъ, что я напрашиваюсь на комплименты! (*Громко.*) Нѣтъ, не мои, а у Пелити, конечно.

Кап. (*съ энтузіазмомъ*).—Никакого сравненія не выдержатъ съ вашими! Какъ вы ихъ дѣлаете? Моего денщика нельзя выучить рѣшительно ничему: кромѣ жареной баранины ничего не умѣетъ дѣлать.

Миссъ Триганъ.—Неужели? А можетъ быть онъ слишкомъ бо-

ится васъ? Знаете, никогда не нужно запугивать слугъ: они теряютъ голову, и выходитъ—плохая политика.

Кап. — Онъ — ужасный болванъ!

Миссъ Триганъ (*сложивъ руки, съ солиднымъ видомъ*). — Вамъ слѣдовало бы призвать его спокойно и сказать: «О, *консамахъ* *), вѣрный мой слуга!»

Кап. (*съ большимъ интересомъ*).—Ну-съ, а затѣмъ? (*Въ сторону.*) Желалъ бы я посмотрѣть, какъ эта маленькая пигалица читала бы наставленія моему свирѣпому Миръ-Хопу!

Миссъ Триганъ. — А затѣмъ вы должны терпѣливо и послѣдовательно объяснить ему, какъ дѣлать каждое кушанье.

Кап. — Да я не умѣю говорить на туземномъ нарѣчіи.

Миссъ Триганъ (*покровительственнымъ тономъ*). — А вы попробовали бы поучиться.

Кап. — Пробовалъ, но умнѣе отъ этого не сдѣлался. А вы умѣете?

Миссъ Триганъ. — Экзамена не держала, но наши люди очень терпѣливы со мной и не сердятся, когда я говорю иногда «баранья шляпа» вмѣсто «баранья голова» или приказываю положить бочку масла вмѣсто фунта.

Кап. (*въ сторону*).—Ну, еще бы они осмѣлились не быть терпѣливыми! Посмотрѣлъ бы я, какъ мой Миръ-Хопъ попробовалъ бы сказать грубость этой дѣвочкѣ! Я бы ему показалъ! (*Громко.*) А вы, вѣрно, и въ лошадяхъ знаете толкъ?

Миссъ Триганъ.—Немножко, даже очень мало. Лѣчить ихъ не умѣю, а сколько имъ нужно корму — знаю; у насъ надзоръ за конюшней порученъ мнѣ.

Кап.—Неужели? Такъ вы можете помочь мнѣ. Скажите, пожалуйста, сколько нужно выдавать на кормъ для одной лошади здѣсь, въ горахъ? Мой грумъ—ужасный плутъ и говоритъ: восемь рупій, потому что здѣсь все такъ дорого.

Миссъ Триганъ.—Полагается обыкновенно шесть рупій въ мѣсяцъ, седьмая—ради дороговизны въ Симлѣ—ни больше, ни меньше. Но гораздо лучше нанять косца и самимъ накосить сѣна; косецъ обходится 6 рупій въ мѣсяцъ. Это выгоднѣе, чѣмъ покупать траву на базарѣ.

Кап. (*въ восхищеніи*).—Какъ вы это все знаете?

Миссъ Триганъ.—Я пробовала и тотъ, и другой способъ.

---

*) На мѣстномъ нарѣчіи—слуга.

Кап.—Скажите, вы часто катаетесь верхомъ? Я никогда не видѣлъ васъ на шоссе.

Миссъ Триганъ (*въ сторону*).—Я проѣзжала мимо его носа по крайней мѣрѣ 50 разъ! (*Громко.*) Почти каждый день.

Кап.—Какъ же я этого не зналъ? Гм... гм... гм... (*Умолкаетъ и усиленно дергаетъ усы.*)

Миссъ Триганъ (*смущаясь отъ мысли, что-то будетъ дальше*).—Усы очень красивы: на вашемъ мѣстѣ я бы ихъ не трогала! (*Въ сторону.*) Это все мамаша виновата, отчего такъ долго не идетъ! Я нарочно буду говорить дерзости.

Кап. (*подскакиваетъ отъ удивленія, но оставляетъ усы*).—А! Что? Ахъ, да! (*Смѣется принужденно; въ сторону*) Какова! Однако она смѣла! Чортъ возьми, ни одна женщина еще не говорила со мной такъ! Ахъ, зачѣмъ она до сихъ поръ сидѣла въ дѣтской!

Голосъ *изъ невѣдомыхъ странъ, за дверью.*— Чикъ, чикъ, чикъ!

Кап.—Это еще что?

Миссъ Триганъ.—Это—собака, кажется! (*Про себя.*) Противная Эмма подслушивала: ни за что ей не прощу!

Кап. (*про себя*).—Всегда зналъ, что здѣсь собакъ не держатъ. (*Громко.*) Нѣтъ, это на собаку не похоже.

Миссъ Триганъ.—Ну, такъ это кошка! Пойдемте лучше на веранду. Какой прелестный вечеръ! (*Идетъ на веранду, смотритъ на горы и солнечный закатъ. Капитанъ идетъ за ней.*)

Кап. (*про себя*).—Какіе чудные глаза! Удивляюсь, какъ я раньше этого не замѣчалъ! (*Къ ней.*) Въ среду будутъ танцовать въ губернаторскомъ дворцѣ: могу ли я просить васъ оставить какой-нибудь танецъ на мою долю?

Миссъ Триганъ (*рѣзко*). — Нѣтъ! Я не хочу, чтобы со мной танцовали изъ милости. Вы меня приглашаете только потому, что мамаша вамъ приказала. И, притомъ, вы сами знаете, что я плохо танцую, подпрыгиваю и наступаю на ноги!

Кап. (*въ сторону*). — Правда, я это говорилъ. Но маленькимъ дѣвочкамъ не слѣдовало бы знать все, что говорятъ ихъ мамашѣ. (*Громко.*) О, нѣтъ, даю вамъ слово, вы превосходно танцуете.

Миссъ Триганъ.—Въ такомъ случаѣ отчего же вы всегда уходите отъ меня послѣ нѣсколькихъ туровъ? Я думала, что офицеры нашей арміи никогда не лгутъ.

Кап.—Повѣрьте, это не ложь! Я въ самомъ дѣлѣ *очень* желаю имѣть удовольствіе танцовать съ вами.

Миссъ Триганъ (*лукаво*).—Почему? Развѣ мамаша не хочетъ больше танцовать съ вами?

Кап. (*гораздо серьезнѣе, чѣмъ обстоятельства того требуютъ*).— Я вовсе не думалъ о вашей мамашѣ. (*Въ сторону.*) Маленькая, а какая злючка!

Миссъ Триганъ (*смотритъ въ окно*). — Что вы сказали? Извините, не разслышала; думала о чемъ-то другомъ.

Кап. (*въ сторону*).—Ну-съ! Любопытно знать, что будетъ дальше. Однако, это ни на что не похоже: никогда еще не встрѣчалъ женщины, которая *такъ* обращалась бы со мной. Точно я—какой нибудь пѣхотный юнкеръ! (*Громко.*) О, пожалуйста, не безпокойтесь; обо мнѣ не стоитъ думать! Можетъ быть, ваша мамаша уже готова?

Миссъ Триганъ. — Полагаю, что да; но вы должны мнѣ обѣщать, капитанъ Гэдсби, что больше не будете дѣлать такихъ продолжительныхъ прогулокъ: бѣдняжка мама такъ устаетъ отъ верховой ѣзды!

Кап.—Но она всегда говоритъ, что движеніе и воздухъ ей полезны?

Миссъ Триганъ.—Да, а послѣ всегда больна. Вѣдь *вы* еще не знаете, что такое ревматизмъ, а ее не слѣдуетъ задерживать такъ поздно; по вечерамъ становится сыро.

Кап. (*про себя*).—Ревматизмъ! То-то я замѣтилъ, что она такъ тяжело соскакиваетъ съ лошади! Что-жъ! Вѣкъ живи—вѣкъ учись! (*Громко.*) Мнѣ очень жаль; она никогда не говорила мнѣ объ этомъ!

Миссъ Триганъ (*спохватившись*). — Конечно, не говорила. Еще бы! Бѣдняжка мама ни за что не скажетъ, да и вы не должны говорить, что я проболталась. Дайте мнѣ слово, что не скажете! О, капитанъ, прошу васъ!

Кап.—Я буду нѣмъ, какъ рыба; или нѣтъ—я ничего не скажу, если вы обѣщаете танцовать со мной первый вальсъ, и второй... Конечно, если это не будетъ вамъ непріятно.

Миссъ Триганъ.—Вотъ увидите, что сами будете жалѣть послѣ.

Кап.—Я буду жалѣть только о томъ, что вы будете танцовать и съ другими. (*Въ сторону.*) Однако, что же это я говорю?

Миссъ Триганъ. — Очень хорошо. Въ такомъ случаѣ пеняйте на себя, если у васъ пальцы на ногахъ будутъ растоптаны. Итакъ, сколько мы назначимъ—туровъ семь?

Кап.—Отчего не двѣнадцать? (*Въ сторону*). Если даже она наступаетъ на ноги, въ ней вѣсу всего пуда полтора, а ножка—совсѣмъ невѣроятно мала! (*Смотритъ на собственные ботфорты.*)

Миссъ Триганъ.—Они у васъ блестятъ замѣчательно. Я вижу себя, какъ въ зеркалѣ.

Кап.—Я сейчасъ подумалъ, что еслибы вы мнѣ наступили на ногу, то я, пожалуй, сдѣлался бы калѣкой и долженъ былъ бы ходить на костыляхъ.

Миссъ Триганъ.—По всей вѣроятности. Итакъ, вамъ мало двѣнадцати туровъ? Скажемъ—двѣ дюжины.

Кап. — Нѣтъ, пожалуйста, безъ счета! Я желаю получить два вальса сполна. Можетъ быть вы запишете, чтобы не забыть?

Миссъ Триганъ. — У меня не такъ много кавалеровъ, чтобъ я ихъ забывала. Это скорѣе съ вами можетъ случиться.

Кап.—Погодите, увидите. (*Въ сторону.*) Можетъ быть, она танцуетъ и не безукоризненно, но...

Миссъ Триганъ.—Вашъ чай, должно быть, простылъ. Не хотите ли другую чашку?

Кап.—Нѣтъ, благодарю. Какъ вы думаете, не лучше ли намъ посидѣть на верандѣ? (*Въ сторону.*) Никогда еще не видѣлъ такого прелестнаго цвѣта волосъ, особенно при этомъ освѣщеніи! (*Громко.*) Какъ это напоминаетъ картины Дикса на послѣдней выставкѣ!

Миссъ Триганъ.—Не правда ли, какой великолѣпный закатъ! (*Рѣзко.*) А вы развѣ что-нибудь понимаете въ картинахъ?

Кап.—Вѣдь я иногда ѣзжу домой (въ Англію); когда-то часто посѣщалъ галлереи. (*Нервно.*) Вы не думайте, что я—совсѣмъ армейщина и умѣю только крутить усы.

Миссъ Триганъ. — Ахъ, не говорите такъ, пожалуйста. Мнѣ такъ совѣстно, что я наговорила вамъ вздору! Это было ужасно дерзко; но я сболтнула, не подумавъ. Знаете, бываетъ иногда такое искушеніе наговорить ужасныхъ, непозволительныхъ вещей, единственно ради удовольствія ихъ сказать! Вотъ я ему и поддалась.

Кап. (*присматриваясь къ краснѣющей дѣвушкѣ*).—Мнѣ очень знакомо это ощущеніе. А вѣдь это, пожалуй, было бы опасно, еслибы мы всѣ ему поддавались! Вотъ, напримѣръ, теперь я могъ бы сказать...

Бѣдняжка мамаша (*входитъ въ амазонкѣ и высокой шляпѣ*).— Ахъ, капитанъ! Жалѣю, что заставила васъ ждать! Надѣюсь, вы не слишкомъ скучали? Моя маленькая дѣвочка тутъ болтала съ вами?

Миссъ Триганъ (*про себя*).—Маленькая! Совсѣмъ не жалѣю, что сказала про ревматизмъ. Ни, ни капельки! Жаль, что не распространилась и про мозоли.

Кап. (*въ сторону*). — Какъ ей не стыдно! Интересно знать, сколько ей лѣтъ; я прежде не замѣчалъ, что она стара. (*Громко.*) О, да, мы много разсуждали о Шекспирѣ, о музыкѣ, вотъ здѣсь на верандѣ.

Миссъ Триганъ (*въ сторону*).—О, милый человѣкъ! Какъ хорошо вывернулся! Онъ совсѣмъ не армейщина, хотя и съ усами. (*Громко.*) До свиданья, капитанъ! (*Въ сторону.*) Какая ручища и какое пожатіе! У меня всѣ кольца врѣзались въ руку, хотя онъ, навѣрно, этого не желалъ.

Мамаша. — А что же моя лошадь, капитанъ? Стала смирнѣе теперь? Ахъ, посмотрите, кажется, сѣдло слишкомъ напередъ. (*Проходитъ на веранду.*)

Кап. (*отстаетъ, не слушая*). — Какъ бы мнѣ узнать, что она больше любитъ? Она говорила, кажется, что до страсти любитъ лошадей? (*Громко.*) Да, кажется.

Миссъ Триганъ (*вновь пробѣгаетъ на веранду*).— Ахъ, негодный Абдалла! Опять подтянулъ мундштукъ, а лошадь этого не переноситъ, она слабоузда. Вотъ я поговорю съ этимъ мальчишкой! (*Подходитъ къ лошади.*)

Кап.—Позвольте, я отпущу ремень.

Миссъ Триганъ.—Нѣтъ, я сама; лошадь меня знаетъ хорошо. Не правда ли, старикъ? У, бѣдный! Посмотрите, чуть не разсѣкли ему подбородокъ. (*Искусно отпускаетъ цѣпочку и гладитъ лошадь по ноздрямъ и холкѣ.*) Ну, теперь все исправно!

(*Капитанъ смотритъ на нее съ восхищеніемъ.*)

Бѣдняжка мама (*кисло къ дочери*). — Ты, кажется, забыла про свою гостью, милочка!

Миссъ Триганъ.—Богъ мой! И правда, что забыла! До свиданья. (*Идетъ поспѣшно въ комнаты.*)

Мамаша (*подбирая поводья, причемъ пальцы плохо дѣйствуютъ, такъ какъ перчатки слишкомъ узки*). — Капитанъ, я сажусь! (*Капитанъ нагибается, чтобы она могла опереться ногой. Бѣдняжка мамаша спотыкается, путается и никакъ не можетъ попасть въ сѣдло.*)

Кап. (*про себя*).—Въ этой будетъ пуда четыре; долго ли я долженъ ее держать? Это все ревматизмъ виноватъ! (*Громко.*) Не понимаю, отчего я такъ неловокъ сегодня! (*Про себя.*) А вотъ еслибы маленькая пиголица была на ея мѣстѣ, такъ вспорхнула бы, какъ перышко.

(*Выѣзжаютъ изъ сада; капитанъ отстаетъ.*)

Кап. (*про себя*).—А вѣдь амазонка должно быть сильно жметъ ей въ плечахъ! Фу!

Бѣдняжка мамаша (*съ улыбкой на изношенномъ лицѣ, носящемъ несомнѣнные слѣды многихъ и многихъ сезоновъ*). — Какъ вы скучны сегодня, капитанъ!

Кап. (*пришпоривая лошадь*).—Отчего вы заставили меня ждать такъ долго?...

И проч., и проч., и проч...

Три недѣли спустя.

Одинъ изъ представителей золотой молодежи въ Симлѣ (*сидитъ на рѣшеткѣ передъ городскимъ клубомъ послѣ обѣда; всѣ курятъ*).—Слушайте, Гэдсби! Правда ли это, что вы теперь охотитесь за молодымъ выводкомъ? А мы всё думали, что вы тамъ дѣлаете стойку надъ насѣдкой.

Кап. Г. (*съ большимъ воодушевленіемъ*).—А хотя бы и такъ, птенецъ! Вамъ-то какое дѣло!

(*Уводитъ его подъ руку и начинаетъ читать длинную лекцію о приличіяхъ и скромности.*)

Еще черезъ пять недѣль.

Сцена представляетъ улицу въ туманный вечеръ. У входа въ книжный магазинъ стоятъ нѣсколько экипажей; миссъ Эмма выходитъ изъ коляски и встрѣчается съ миссъ Минни, выходящей изъ магазина со связкой книгъ.

М. Э. (*вполголоса*). — Ну, что?

М. Т. (*громко*). — Ничего!

М. Э. (*хватаетъ ее за руку*). — Ахъ ты, недобрая дѣвочка! Почему ты до сихъ поръ намъ ни слова не сказала?

М. Т. (*скромно*). — Да вѣдь онъ... онъ только вчера вечеромъ объяснился.

М. Э.—Ну, поздравляю, милочка! Дай Богъ вамъ всего хорошаго! Вѣдь ты, конечно, позовешь меня дружкой на свадьбу; помнишь, ты мнѣ давно обѣщала?

М. Т.—Конечно. Завтра я объявлю всѣмъ. (*Идетъ къ экипажу, вдругъ останавливается.*) О, Эмма!

М. Э. (*съ большимъ участіемъ*). — Что такое, милочка?

М. Т. (*piano*).—А знаешь, вѣдь это правда—все, что ты мнѣ говорила про яйцо...

М. Э.—Какое яйцо?

М. Т. (*pianissimo, prestissimo*).—Яйцо должно быть съ солью, а поцѣлуй — съ усами!

Занавѣсъ.

II.

Что сказало общественное мнѣніе о сватовствѣ капитана Гэдсби.

(Въ этой главѣ дѣйствіе происходитъ на отдаленной военной станціи въ одной изъ центральныхъ провинцій Индіи: мѣстность глухая и нездоровая. Нѣсколько лицъ, не лишенныхъ значенія, сидятъ въ курильной мѣстнаго клуба на станціи Декчи. Одиннадцатый часъ вечера; тяжелая душная атмосфера въ періодъ дождей. Четыре офицера лежатъ въ живописныхъ позахъ на диванахъ и качалкахъ. Входитъ маіоръ Блейнъ, командующій туземнымъ отрядомъ могуловъ, въ вечернемъ костюмѣ.)

Блейнъ.—Фа! Чортъ побери судью и его обѣдъ! Слѣдовало бы его повѣсить со всей его провизіей. Эй, человѣкъ! Графинъ водки, да покрѣпче, чтобъ отбить вкусъ!

Кортисъ (*артиллер. офицеръ*).—А что, попались. И чего васъ понесло обѣдать къ судьѣ? Развѣ вы не знаете его кухню?

Блейнъ.—Ну, все-таки думалъ, что будетъ не хуже клубной; готовъ пари держать, что онъ приправляетъ свое вино чернилами! (*Осматривается.*) Что же это васъ такъ мало сегодня?

Доунъ (*служащій въ управленіи желѣз. дорогъ*).—Антона позвали къ больному, а Мингль опять возится съ желудкомъ.

Кортисъ.—Дѣло извѣстное: во время дождей Мингль каждую недѣлю умираетъ отъ холеры, а въ промежуткахъ напивается хлородиномъ до-пьяна—изъ предосторожности. Впрочемъ, славный малый! Ну-же, разсказывайте, Блейнъ, кто тамъ еще обѣдалъ у судьи?

Блейнъ.—Коклей съ женой; она, бѣдная, совсѣмъ плоха: прозрачна и блѣдна, какъ тѣнь. Потомъ еще какая-то фигура женскаго пола,—не помню имени,—тоже отправляется на поправку въ горы съ Коклеями; затѣмъ самъ судья и вашъ капитанъ Маркисъ, прямо изъ Симлы. Свѣжъ, здоровъ и элегантенъ до отвращенія!

Кортисъ.—Богъ мой, какая роскошь! Да хватило ли тамъ льду на всѣхъ васъ? Когда я тамъ получалъ питаніе въ послѣдній разъ, мнѣ удалось съ трудомъ захватить цѣлый кусокъ—величиной съ орѣшекъ! Ну, что же новаго разсказываетъ Маркисъ?

Блейнъ.—Да тамъ, конечно, всѣ блаженствуютъ, несмотря на дожди. Кстати, я и забылъ, что завернулъ сюда не для одного удовольствія васъ видѣть, а чтобы сообщить вамъ новость! Большую новость, которую разсказалъ намъ Маркисъ.

Доунъ.—Кто-нибудь умеръ?

Блейнъ.—Можетъ быть, но этого я не знаю, а дѣло въ томъ, что Гэдсби, наконецъ, попался на удочку!

Всѣ хоромъ.—Ну-у, не можетъ быть! Фу, ты чортъ! Да нѣтъ, Маркисъ васъ морочилъ. Кто угодно, только не Гэдсби!

Макси (*присяж. повѣренный въ судѣ*).—Гм... Въ сущности отъ женщинъ можно всего ожидать. А что говоритъ самъ подсудимый?

Блейнъ.—Маркисъ разсказывалъ, что поздравлялъ его очень осторожно, не зная, какъ онъ это приметъ? Но Гэдсби покраснѣлъ и сознался, что это правда.

Кортисъ.—Бѣдный нашъ Гэдсби! Вотъ и всѣ такъ-то дѣлаютъ! Но кто же она? Разскажите подробно.

Блейнъ.—Она—молоденькая дѣвушка, дочь какого-то полковника.

Доунъ.—Ну, это ничего не объясняетъ. Въ Симлѣ полковничьихъ дочерей—какъ собакъ нерѣзанныхъ; выражайтесь точнѣе.

Блейнъ.—Погодите, дайте припомнить фамилію. Три... Три... а чего три, не могу вспомнить!

Кортисъ.—Да, можетъ быть, «три звѣздочки?» Это—его любимая марка коньяку.

Блейнъ.—Трйганъ, вспомнилъ! Минни Трйганъ!

Макси.—Миссъ Трйганъ? Такая маленькая, съ золотистыми волосами, даже рыженькая?

Блейнъ.—Вродѣ того, судя по разсказамъ Маркиса.

Макси.—Такъ я ее встрѣчалъ. Танцовала прескверно, но при ней была необычайно юная мамаша. Слышите, Джервойзъ? Вы, кажется, знали семейство Трйганъ.

Джерв. (*штатскій, прослужившій 25 лѣтъ въ Индіи; дремалъ въ креслѣ*).—А? Что? Кого я зналъ? Фу, ты, чортъ! Мнѣ снилось, что я дома (въ Англіи).

Макси.—Блейнъ разсказываетъ, что старшая дочка Трйгана выходитъ замужъ.

Джерв. (*съ разстановкой*).—Выходитъ замужъ? Господи, ты Боже мой! Какой же я старикъ! Давно ли, кажется, я вмѣстѣ съ ними плылъ домой на «Суратѣ», впрочемъ, нѣтъ, на «Массиліи», и она еще ползала на четвереанькахъ возлѣ своей няни. Меня называла: Сагибъ Тикъ-Такъ, потому что я ей показывалъ часы. Это было въ 67-мъ или 70-мъ году. Какъ время-то летитъ! Совсѣмъ, совсѣмъ я старѣю! Помню, какъ сейчасъ, какъ и самъ Трйганъ женился на миссъ Дервентъ, она дочь моего стараго пріятеля Гука Дервента,—да, впрочемъ, вы ничего этого не можете помнить: раньше васъ было. Итакъ, эта малютка должна выдти замужъ и получить въ скоромъ времени собственную малютку! А какой безумецъ на ней женится?

Макси.—Гэдсби изъ красныхъ гусаръ.

Джерв.—Никогда не встрѣчалъ. Что касается Тригана, онъ всю жизнь былъ въ долгу, какъ въ шелку; какъ женился, такъ и умретъ, вѣроятно. Должно быть онъ доволенъ, что сбываетъ съ рукъ дочку.

Блейнъ.—У Гэдсби есть деньги; кажется, и имѣніе есть дома. Счастливъ, чортъ!

Доунъ.—Онъ вообще изъ перваго сорта. Въ сущности не понимаю, какъ это онъ далъ себя поймать какой-нибудь полковничьей дочкѣ? Для такихъ есть у насъ (*озираясь осторожно*) черная пѣхота, не въ обиду вамъ будь сказано, Блейнъ!

Блейнъ (*натянутымъ тономъ*).—Не стѣсняйтесь, свои люди—сочтемся.

Кортисъ (*цитируя девизъ Могульскаго отряда*).—«Полюбите насъ черненькихъ!» Не такъ ли, старикъ? Но, въ самомъ дѣлѣ, Гэдсби такой первостатейный экземпляръ, что могъ бы поѣхать домой и оттуда привезти жену.

Макси.—Вотъ и всѣ такъ-то закусываютъ удила, когда настанетъ роковой моментъ. Обыкновенно человѣку къ 30 годамъ противѣетъ холостая жизнь.

Кортисъ.—Такъ надоѣстъ вѣчная жареная баранина къ завтраку.

Доунъ.—Которая только для красоты слога называется бараниной, а на самомъ дѣлѣ это всегда бываетъ дохлая козлятина.

Макси.—Разъ человѣкъ ступилъ на эту дорогу, его уже ничѣмъ не удержишь! Помните, Доунъ, инженера Беноа изъ вашего вѣдомства? Съ нимъ этотъ моментъ приключился, когда они прокладывали рельсы на границѣ, въ Тарандѣ: ну, и женился на дочери буфетчика, такъ какъ это была единственная женщина во всемъ округѣ.

Доунъ.—Ужасный болванъ! Изъ-за этой глупости пропала вся его дальнѣйшая карьера; мистрисъ Беноа, разумѣется, перенесла въ гостиную мужа тонъ и манеры своего прилавка.

Кортисъ.—Ну, это сравненіе неудачное. Невѣста Гэдди ничѣмъ не ниже его; полагаю, что въ ея семьѣ нѣтъ примѣси черной крови?

Джерв.—Еще бы! Конечно, ни капли! Вы, молодежь, выражаетесь такъ, какъ будто любой изъ васъ дѣлаетъ большую честь дѣвушкѣ, если женится на ней. Всѣ вы—самоувѣренные фаты: все недостаточно хорошо для васъ.

Блейнъ.—Какъ, наприм., пустой клубъ, отвратительный обѣдъ у судьи и жизнь въ такомъ проклятомъ мѣстѣ, куда и воронъ ко-

стей не заноситъ и гдѣ всюду пахнетъ госпиталемъ! Вы совершенно правы: всѣ мы—не что иное какъ сибариты.

Доунъ.—Избалованные роскошью, комфортомъ.

Кортисъ.—И температурой въ 55°! Я изнемогаю отъ всѣхъ благъ здѣшняго мѣста. Будемъ надѣяться, что въ Беорѣ будетъ немного прохладнѣе.

Блейнъ.—А развѣ и вамъ велѣно выступить въ лагери? Я думалъ, что у васъ въ артиллеріи холерные списки чисты?

Кортисъ.—Мы не такъ счастливы. Вчера было два случая, одинъ—смертный; если будетъ третій, выступимъ немедленно. А что, въ Беорѣ можно охотиться, Доунъ?

Доунъ.—Какая тамъ охота! Вся мѣстность залита водой, кромѣ полотна желѣзной дороги. Я туда ѣздилъ вчера осматривать плотину и какъ разъ наткнулся на четырехъ злополучныхъ туземцевъ при послѣднемъ издыханіи. Въ этомъ районѣ, отсюда до Кучары, холера коситъ-таки порядочно!

Кортисъ.—Значитъ, и у насъ погоститъ! Э-эхма! Я былъ бы не прочь помѣняться мѣстами съ Гэдсби хоть на время. Послушалъ бы соловьевъ въ городскомъ саду въ Симлѣ и все такое! О, Боги! Отчего это ни одна женщина не явится за мной сюда и не пожелаетъ выдти за меня замужъ, вмѣсто того, чтобы мнѣ отправляться въ холерный лагерь?

Макси.—Слава Богу, что онѣ хоть здѣсь оставляютъ насъ въ покоѣ. Еслибъ еще и сюда слѣдовали за вами, честное слово, я подалъ бы въ отставку- изъ принципа.

Кортисъ.—Ахъ, вы, неисправимый злодѣй и лицедѣй! За это нужно съ васъ взять бутылку шампанскаго или чего бы то ни было другого. Слышите, Блейнъ, Макси оштрафованъ за принципы. Выбирайте, чего хотите выпить? А вы, Доунъ, что предпочитаете?

Доунъ.—Маленькую рюмочку кюммелю, пожалуйста. Отличное средство противъ жары въ теперешнее время. Такъ и докторъ нашъ, Антони, говоритъ.

Макси (*приказываетъ подать 4 бутылки*). — Совсѣмъ незаслуженное наказаніе! Я только представилъ себѣ картину: Кортисъ порхающій съ кіемъ вокругъ билліарда въ роли Актеона, а за нимъ всѣ нимфы Діаны!

Блейнъ.—Для этого Кортису пришлось бы выписывать себѣ нимфъ съ экстреннымъ поѣздомъ. На нашей станціи единственная женщина — мистрисъ Коклей, да и ту мужъ всѣми силами старается выпроводить въ горы, чтобъ она не умерла, а она не хочетъ.

Кортисъ.—Удивительная женщина! Господа, выпьемъ за здо-

ровье мистрисъ Коклей, единственной женщины и храбрѣйшаго человѣка на нашей станціи!

Всѣ пьютъ.—Правда, единственной и храбрѣйшей!

Блейнъ.—Полагаю, что Гэдди привезетъ жену сюда къ концу зимы. Кажется, свадьба ихъ будетъ очень скоро.

Кортисъ.—Гэдди долженъ благодарить судьбу, что его полкъ расквартированъ по эскадронамъ въ разныхъ мѣстахъ на все жаркое время; иначе пришлось бы и ему оторваться отъ объятій возлюбленной! Это вѣрно, какъ смерть! Кстати, замѣтили ли вы, съ какимъ олимпійскимъ спокойствіемъ британская кавалерія относится къ холерѣ? А все оттого, что ихъ жалѣютъ, потому что они дорого стòятъ. Вотъ, еслибы красные гусары постояли бы здѣсь мѣсяцъ, другой, такъ и ихъ пришлось бы выпроваживать въ лагери поскорѣе. Да, что ни говори, а я желалъ бы быть на мѣстѣ Гэдди.

Макси.—Да онъ вѣрно уѣдетъ домой послѣ свадьбы, а сюда пришлетъ отставку, вотъ увидите!

Блейнъ.—А кто же ему мѣшаетъ! Вѣдь у него есть состояніе. Развѣ кто-нибудь изъ насъ остался бы здѣсь, еслибы мы не были бѣдняками?

Доунъ.—Хорошъ бѣднякъ! А куда вы дѣли 600 руп., которыя у насъ же загребли съ этого самаго стола мѣсяцъ тому назадъ?

Блейнъ.—Не знаю, сами улетѣли. Немножко перехватилъ одинъ очень предпріимчивый коммерсантъ по счету, остальное проглотилъ ростовщикъ, а можетъ статься я и самъ истратилъ!

Кортисъ.—Вотъ Гэдди никогда не занималъ у ростовщиковъ.

Доунъ.—О, добродѣтельный Гэдди! Еслибъ я получалъ три тысячи въ мѣсяцъ изъ Англіи, такъ и я бы не занималъ.

Макси (*зѣвая*).—Да, ему живется хорошо. Желалъ бы я знать, будетъ ли еще лучше послѣ свадьбы?

Кортисъ.—Объ этомъ спросите у Коклея: каково смотрѣть на жену, когда она чахнетъ и угасаетъ у него на глазахъ!

Блейнъ.—Нужно же ему было поѣхать домой, отыскать тамъ дѣвчонку такую же безумную, какъ онъ самъ, и привезти ее сюда,—какъ бишь это говоритъ Тэкерей въ романѣ,— «въ роскошный дворецъ индійскаго проконсула».

Доунъ.—Кстати о дворцахъ. Вы мнѣ напомнили, что въ моемъ жилищѣ дождь льетъ сквозь крышу, какъ въ рѣшето. У меня даже лихорадка была прошлую ночь оттого, что спалъ въ болотѣ. Хуже всего то, что съ крышей ничего нельзя сдѣлать, пока не кончатся дожди.

Кортисъ.—Вамъ-то еще не на что пожаловаться. Вамъ не предстоитъ вести 80 полуживыхъ солдатъ въ гнилое болото.

Доунъ.—Зато я самъ превратился въ кисель отъ жары и вѣчной ругатни съ рабочими. Посмотрите на меня: настоящій Іовъ многострадальный! Молокровіе и худосочіе и никакихъ надеждъ на поправленіе обстоятельствъ по этой части.

Блейнъ.—Отчего вы не возьмете отпускъ?

Доунъ.—Вотъ въ этомъ-то и есть преимущество вашей армейской службы передъ нашей: вамъ десять дней отпуска всегда дадутъ. А я, такая важная птица, что правительство не можетъ найти заступающаго на мое мѣсто, если я уѣду на время. Да, я очень желалъ бы превратиться въ капитана Гэдсби, кто бы ни была его супруга.

Кортисъ.—Но вы уже пережили тотъ возрастъ, когда наступаетъ «роковой моментъ», по выраженію Макси.

Доунъ.—Это правда, но у меня никогда не хватало звѣрства предложить порядочной женщинѣ раздѣлить мою участь здѣсь.

Блейнъ.—По чести сказать, вы правы. Вотъ я теперь глядѣлъ на бѣдную мистрисъ Коклей. Вѣдь это развалина, мертвецъ, въ ея годы!

Доунъ.—А все оттого, что она остается здѣсь. Чтобы сохранить ее въ живыхъ, единственное средство было бы отправлять ее въ горы ежегодно мѣсяцевъ на восемь, да и со всякой женщиной было бы то же. Представьте, еслибъ я себѣ взялъ жену при такихъ условіяхъ.

Макси.—Въ особенности при теперешнемъ курсѣ: рупія стòитъ одинъ фунтъ шесть пенсовъ.

Доунъ.—Развѣ курсъ еще упалъ? Можно надѣяться, что мы со временемъ будемъ считать себя счастливыми, если будемъ терять при размѣнѣ только половину своего жалованья.

Кортисъ.—Кажется, и трети довольно. Желалъ бы я знать, кто выигрываетъ отъ всѣхъ этихъ распоряженій?

Блейнъ.—Если вы опять поднимаете вопросъ о «серебряной валютѣ» и начнете жаловаться, я ухожу спать. А вотъ кстати Антони, для перемѣны разговора. Что это, онъ сегодня похожъ на привидѣніе?

Антони (*военный врачъ, блѣденъ и усталъ*). — Какъ поживаете, Блейнъ? А на дворѣ—просто потопъ! Человѣкъ! содовой воды и водки! Дорòги адскія!

Кортисъ.—Ну, что, какъ здоровье Мингеля?

Антони.—Плохо, слишкомъ напуганъ. Теперь я его передалъ

доктору Фьютону. Мингелю слѣдовало бы съ самаго начала обратиться къ нему, а не надоѣдать мнѣ.

Блейнъ.—Онъ такой нервный мальчикъ! Скажите, что съ нимъ на этотъ разъ?

Антони.—Не могу еще опредѣлить вполнѣ. Желудокъ нехорошъ, а волчій страхъ—еще хуже! Сейчасъ ужъ и спрашиваетъ: не холера ли? Я ему сказалъ, что онъ дуракъ, и это его успокоило.

Кортисъ.—Для людей такого сорта страхъ хуже самой холеры.

Антони (*закуривая сигару*).—Я твердо убѣжденъ, что онъ пропадетъ отъ страху, если останется здѣсь. Всѣмъ вамъ извѣстно, сколько хлопотъ онъ надѣлалъ Фьютону за послѣднія три недѣли. Просто человѣкъ самъ себя запугиваетъ до смерти.

Всѣ хоромъ.—Бѣдный малый! Да отчего онъ не уѣдетъ?

Антони.—Не можетъ. Отпускъ ему, конечно, дадутъ, но онъ въ долгахъ по уши, а на вексель ему никто не повѣритъ. Это между нами, конечно.

Макси.—Сегодня прихожу, онъ валяется въ постели и говоритъ: «я увѣренъ, что умру здѣсь». Совсѣмъ ужъ собрался на тотъ свѣтъ! А я знаю вѣрно, что у него обыкновенное страданіе желудка отъ сырой погоды и ничего больше; еслибы только онъ могъ себя взять въ руки!

Блейнъ.—Это нехорошо, даже очень скверно. Бѣдный нашъ Мигги! Вѣдь совсѣмъ еще мальчикъ, и славный такой! Слушайте, господа...

Антони.—Что скажете, Блейнъ?

Блейнъ.—А то, что это дѣло нужно бы какъ-нибудь того... Вѣдь, если остановка только за деньгами, какъ вы говорите,—ну, что-жъ, я готовъ, скажемъ, 50 рупій.

Кортисъ.—Скажемъ также 50.

Макси.—А я набавлю еще 20, итого 70.

Доунъ.—На то вы—судейскій крезъ. Скажемъ и мы 50. А вы, Джервойзъ, опять задремали? Вы сколько скажете?

Джерв.—А что? Что тамъ такое?

Кортисъ.—Намъ нужно получить съ васъ сотню рупій. Вы старый холостякъ и пропиваете баснословный окладъ, а тутъ человѣкъ попался въ капканъ.

Джерв.—Какой человѣкъ? Развѣ кто-нибудь умеръ?

Блейнъ.—Еще нѣтъ, но умретъ непремѣнно, если вы не дадите этой сотни. Пишите сейчасъ, вотъ здѣсь на этомъ клубномъ счетѣ, это все равно. Вы видите, мы всѣ подписали, а завтра соберемъ деньги. Такъ дѣло проще будетъ.

Джерв. (*подписывая*).—Сто рупій отъ Джервойза. Извольте. Да вы, пожалуй, меня дурачите?

Блейнъ.—Нѣтъ, честное слово; деньги въ самомъ дѣлѣ нужны. Антони, вы были въ большомъ выигрышѣ на прошлой недѣли и порядочно обобрали податнаго инспектора: подписывайте и вы.

Антони.—Дайте сосчитать. Трижды 50 да 70 = 220, 320, да еще прибавимъ 420 руп. На это онъ свободно проживетъ мѣсяцъ въ горахъ. Много благодаренъ вамъ, господа; завтра выпровожу паціента.

Кортисъ.—Вы ужъ умудритесь сами такъ устроить, чтобъ онъ принялъ эти деньги, конечно, не говорите, что мы...

Антони.—Само собой разумѣется. Иначе онъ не возьметъ. Еслибы онъ зналъ теперь, то навѣрно оросилъ бы слезами свой вечерній чай.

Блейнъ.—Онъ способенъ это сдѣлать, пожалуй. А слышали ли вы новость, Антони? Вы, кажется, имѣете претензію все знать. Слышали ли про Гэдди?

Антони.—А что? Развѣ разошелся съ дамой сердца?

Блейнъ.—Хуже. Женится.

Антони.—Полноте! Это не можетъ быть.

Блейнъ.—Вѣрно, говорю вамъ. Черезъ три недѣли свадьба. Это Маркисъ разсказалъ мнѣ за обѣдомъ у судьи. Все уже рѣшено.

Антони.—Да неужели? Ну, пусть бережется! Будетъ теперь взрывъ въ гусарскомъ лагерѣ!

Кортисъ.—Вы думаете, онъ разойдется съ полкомъ?

Антони.—Я не о полкѣ говорю.

Макси.—Такъ о чемъ же? Вѣдь не собирается же онъ быть двоеженцемъ?

Антони.—Похоже на то. Послушайте, или вы всѣ забыли прошлогоднюю исторію, или вы не хотите видѣть сучокъ въ глазу ближняго.

Доунъ.—Говорите проще. Когда вы стараетесь не выдать чужую тайну, вы только путаете, выходитъ некрасиво.

Антони.—А припомните-ка мистрисъ Геріотъ!

Блейнъ (*послѣ продолжительной паузы, оглядывается на присутствующихъ*).—Мнѣ сдается, что мы всѣ дураки.

Макси.—Это вздоръ. Дѣло съ ней было совсѣмъ кончено еще прошлымъ лѣтомъ. Его уже замѣнилъ молодой Малардъ.

Антони.—Который служилъ только ширмой. Вы вспомните хорошенько прошлое лѣто, какъ всѣ объ этомъ говорили. Не знаю,

что тамъ дѣлалъ Малардъ, но Гэдсби ни на одну женщину не обращалъ вниманія, кромѣ этой дамы.

Кортисъ.—Въ этомъ есть доля правды, это бросалось въ глаза. Но теперь она уѣхала въ Наини-Таль, а онъ въ Симлѣ!

Антони.—Да онъ случайно попалъ въ Симлу; поѣхалъ повидаться съ какой-то титулованной родней, тёткой или дядей, не знаю, во всякомъ случаѣ, это былъ любитель шататься по всему земному шару.

Блейнъ.—Ну, что-жъ? Поѣхалъ и тамъ посватался. Развѣ есть законъ, запрещающій бросить женщину, которая надоѣла?

Антони.—Нѣтъ, но лучше подождать, чтобы вы ей надоѣли, а Гэдсби, кажется, далекъ отъ этого.

Кортисъ.—Полноте, она давно могла ему найти преемника. Два мѣсяца въ Наини-Талѣ, съ гусарской стоянкой подъ бокомъ, мало ли что могло быть съ тѣхъ поръ!

Доунъ.—Любопытный фактъ, что есть женщины, надъ которыми тяготѣетъ какой-то фатумъ. У насъ въ центральныхъ провинціяхъ была одна мистрисъ Дэгги: всѣ ея обожатели непремѣнно и весьма быстро попадали въ узы гименея. Это даже вошло въ пословицу у насъ. Я помню троихъ, которые были безумно влюблены въ нее, а въ концѣ-концовъ благополучно взяли себѣ женъ.

Кортисъ.—Это странно. Скорѣе можно было бы припомнить, что вліяніе мистрисъ Дэгги заставитъ ихъ взять себѣ чужихъ женъ, во избѣжаніе наказанія свыше.

Антони.—Полагаю, что мистрисъ Геріотъ способна напугать Гэдсби чѣмъ-нибудь болѣе осязательнымъ, чѣмъ наказаніе свыше.

Блейнъ.—Если все это правда, онъ будетъ глупъ, если наскочитъ на встрѣчу съ ней. Будетъ себѣ сидѣть въ Симлѣ.

Антони.—А я нисколько не удивлюсь, если онъ нарочно пріѣдетъ въ Наини, чтобъ объясниться. Онъ—престранный человѣкъ въ этихъ дѣлахъ, а она еще болѣе странная женщина во всѣхъ отношеніяхъ.

Доунъ.—Почему вы такъ увѣрены въ этомъ?

Антони.—Гэдди былъ у нея первымъ, въ такихъ случаяхъ женщина никогда не позволяетъ себя бросить безъ протеста. Свое собственное увлеченіе она оправдываетъ клятвами, что это будетъ любовь вѣчная, безконечная. Слѣдовательно...

Блейнъ.—Слѣдовательно, выходитъ, что мы сидимъ здѣсь до полночи и сплетничаемъ, какъ старыя бабы. Антони, это все вы виноваты: пока васъ не было, мы вели себя вполнѣ прилично. Ступайте спать, я ухожу. Покойной ночи всѣмъ.

Кортисъ.—Какъ! Уже половина второго и вотъ сейчасъ лакей потребуетъ съ насъ штрафъ за просиженное время. Господи, на что это похоже! Двѣ, три, четыре, пять рупій! Платить такъ много за удовольствіе сидѣть здѣсь и рвать на куски репутацію жалкой бабенки, которая ничѣмъ не лучше и не хуже другихъ. Чистѣйшій позоръ! Убирайтесь спать, злоязычники! И если меня завтра ушлютъ въ Беору, приготовьтесь къ извѣстію, что я умеръ, не заплативъ карточныхъ долговъ!

III.

Подъ сѣнью шатровъ въ гусарскомъ лагерѣ.

Зачѣмъ должна слова прощенья
Къ рѣчамъ любви я прибавлять;
Признаній стыдъ и сожалѣнья
Въ вѣнокъ мой дѣвственный вплетать?

Когда твой взоръ меня ласкаетъ,
Мечтой о счастіи маня,
Зачѣмъ другая вспоминаетъ:
„Онъ *такъ* глядѣлъ и на меня?“
(Любая жена мужу.)

(Роскошно убранный обѣденный столъ въ ресторанѣ лучшаго отеля въ Наини-Талѣ, на 34 персоны. Серебро, вина, фрукты и вся сервировка тщательно разсчитаны на 6,000 рупій пансіона въ мѣсяцъ. Посрединѣ, во всю длину стола, высокій экранъ изъ живыхъ цвѣтовъ, раздѣляющій столъ на двѣ отдѣльныя части.)

Миссисъ Геріотъ (*дождавшись, чтобы общій разговоръ за столомъ достигъ извѣстнаго діапазона*).—А, это вы, капитанъ? Я васъ не замѣтила въ толпѣ, въ гостиной. (*Вполголоса.*) Скажите, ради Бога, гдѣ вы пропадали все это время?

Капитанъ Гэдсби (*разставляя стаканы и рюмки передъ приборомъ.*—Добрый вечеръ. (*Вполголоса.*) Пожалуйста, не такъ громко. Вы не можете себѣ представить, какой у васъ пронзительный голосъ. (*Про себя.*) По дѣломъ мнѣ, что побоялся письменнаго объясненія, теперь это будетъ устное. Сладостная перспектива, нечего сказать! Ну, какъ я ей скажу, что сталъ теперь порядочнымъ человѣкомъ, объявленъ женихомъ, и что между нами все кончено.

Миссисъ Геріотъ.—Я на васъ страшно сердита, мнѣ нужно съ вами хорошенько посчитаться. Отчего васъ не было въ понедѣльникъ въ концертѣ? Гдѣ вы были во вторникъ? Отчего вы не пріѣхали къ Ламонтамъ, когда тамъ играли въ лоунъ-тенисъ? Я вездѣ искала васъ.

Кап. Г.—Меня? Напрасно, я былъ цѣлъ и невредимъ тамъ, гдѣ находился. (*Про себя.*) Сейчасъ будетъ жаркое дѣло, но, ради Минни, постоимъ твердо!

Мис. Гер.—Развѣ я чѣмъ-нибудь оскорбила васъ? Въ такомъ случаѣ это было безъ намѣренія. Если я отправилась кататься съ Вейноромъ, то вѣдь это было обѣщано еще за недѣлю до вашего пріѣзда, слѣдовательно...

Кап. Г.—Я не зналъ.

Мис. Г.—Увѣряю васъ, что дѣло было такъ.

Кап.—Да я не желаю знать, какъ оно было.

Мис. Г.—Что съ вами сегодня? И не только сегодня, но всѣ эти дни. Я васъ не видѣла цѣлыхъ 4 дня, посчитайте-ка, сколько это часовъ? Хорошо ли это, Фипсъ? А я *такъ* ждала вашего возвращенія изъ Симлы!

Кап.—Неужели?

Мис. Г.—Будто вы не знаете? Я была глупа, какъ пансіонерка: дошла до того, что носила въ карманѣ маленькій календарь и каждый день вычеркивала истекшее число, приговаривая: «вотъ однимъ днемъ ближе къ возвращенію Фипса! Моего Фипса!

Кап. (*съ принужденнымъ смѣхомъ*).— Посмотрите налѣво, что скажетъ мистеръ Мэклеръ, если вы такъ мало будете обращать на него вниманія.

Мис. Г.—И все это ожиданіе было напрасно; хотя вы и вернулись, но я чувствую, что вы отъ меня дальше, чѣмъ когда бы то ни было. Скажите, вы на меня сердитесь? Я вѣдь знаю вашъ характеръ.

Кап.—Ничуть.

Мис. Г.—Развѣ я постарѣла за это послѣднее время. (*Протягиваетъ руку за обѣденною карточкой*).

Кавалеръ (*съ лѣвой стороны*).—Позвольте мнѣ передать. (*Подаетъ карточку*).

Мис. Г.— Благодарю. (*Дѣлаетъ видъ, что внимательно разсматриваетъ карточку.*) Скажите, въ чемъ я измѣнилась?

Кап.—Ради Бога, займитесь своимъ обѣдомъ. Должны же вы что-нибудь скушать. Вотъ попробуйте эти котлетки. (*Про себя.*) А вѣдь было же время, когда я находилъ, что у нея красивыя плечи! Какимъ дуракомъ бываетъ иногда человѣкъ!

Мис. Г. (*кладетъ себѣ котлетку, нѣсколько горошинокъ и ложку соусу*). — Это не отвѣтъ; скажите мнѣ, что такое я сдѣлала?

Кап. (*въ сторону*).—Если я не кончу дѣла сейчасъ же здѣсь, то гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ разыграется страшная сцена. Ду-

ракъ я, что не написалъ; тогда весь этотъ шумъ произошелъ бы на благородной дистанціи. (*Лакею.*)—Подайте шампанскаго. (*Къ ней.*) Я вамъ это скажу послѣ.

Мис. Г.—Нѣтъ, теперь. Это должно быть какое-то глупое недоразумѣніе, а вы знаете, что между нами не можетъ быть ничего подобнаго. *Мы съ вами* можемъ безъ нихъ обойтись. Такъ скажите же, если только вамъ не нравится присутствіе Вейнора.

Кап.—Да я о немъ и не думалъ.

Мис. Г.—А почемъ вы знаете, что я немъ не думала?

Кап. (*про себя*).—Вотъ мой якорь спасенія: хватаюсь за него и къ чорту всѣ нѣжности! (*Громко и размѣренно.*) Увѣряю васъ, что я совершенно равнодушенъ къ вашему вниманію и даже расположенію къ господину Вейнору.

Мис. Г.—Желала бы я знать, чтò вы этимъ хотите сказать? Послушайте, чего ради намъ ссориться и притворяться, что мы другъ друга не понимаемъ, если вы сюда пріѣхали на такое короткое время? Фипсъ, не будьте глупы!

(*Длинная пауза, въ продолженіе которой онъ продолжаетъ обѣдать, изрѣдка переставляя ноги—лѣвую на правую и обратно*).

Кап. (*въ отвѣтъ на ея молніеносные взгляды*).—Что? Это мозòль у меня болитъ сегодня.

Мис. Г.—Честное слово, никогда еще не видѣла такого дерзкаго, невозможнаго человѣка! Въ другой разъ ужъ не попадусь!

Кап. (*въ сторону*).—Я и самъ такъ думаю; но желалъ бы знать, чѣмъ она кончитъ на этотъ разъ. (*Лакею.*) Налейте еще шампанскаго, пожалуйста.

Мис. Г.—Ну-съ! Догадайтесь по крайней мѣрѣ извиниться, гадкій вы человѣкъ!

Кап. (*про себя*).—Теперь ужъ я не позволю себя обойти съ тылу! Нужно быть женщиной, чтобъ упорно не видѣть того, что не желаешь видѣть: точно летучая мышь днемъ.

Мис. Г.—Я жду, или можетъ быть мнѣ самой продиктовать вамъ форму вашего извиненія?

Кап. (*съ отчаяніемъ*).—Сдѣлайте одолженіе.

Мис. Г. (*шутливо*).—Очень хорошо. Начните съ перечисленія именъ, отчества, званія и говорите: «Я, такой-то, приношу самое искреннее покаяніе».

Кап.—Приношу покаяніе.

Мис. Г.—Въ томъ, что велъ себя...

Кап. (*про себя*).—Наконецъ-то! Хоть бы она отвернулась на минуту! (*Къ ней.*)—Въ томъ, что велъ себя непростительно глупо

и гадко, а теперь объявляю, что вся эта исторія мнѣ страшно надоѣла и пользуюсь случаемъ выразить твердое намѣреніе покончить съ ней отнынѣ, и впредь, и на вѣчныя времена. (*Въ сторону.*) Еслибы кто-нибудь сказалъ мнѣ прежде, что я попаду въ такое дурацкое положеніе!

Мис. Г. (*накладывая себѣ ложку жаренаго картофеля*). — Послушайте, эта шутка не остроумна.

Кап.—Да это не шутка, а правда! (*Въ сторону.*) Неужели этого рода операціи всегда такъ тяжелы?

Мис. Г.—Рѣшительно, вы съ каждымъ днемъ становитесь безтолковѣе, Фипсъ!

Кап.—Вы, кажется, не поняли меня.—Можетъ быть, мнѣ повторить?

Мис. Г.— Ахъ, нѣтъ, ради Бога, не надо.—Это слишкомъ ужасно даже въ шутку!

Кап. (*въ сторону.*)—Пусть немного попривыкнетъ къ мысли; въ сущности меня слѣдовало бы высѣчь.

Мис. Г.—Я желаю знать, что вы этимъ хотѣли сказать сейчасъ?

Кап.—Да именно то, что сказалъ: ни больше, ни меньше.

Мис. Г. Но чѣмъ же я заслужила это? Что я сдѣлала?

Кап. (*про себя*). — Еслибы только она не смотрѣла на меня такъ! (*Громко, глядя въ тарелку.*) — Помните ли вы тотъ вечеръ, прошлымъ лѣтомъ, когда вы говорили мнѣ, что конецъ наступитъ непремѣнно, раньше или позже, но васъ интересовало: кто изъ насъ первый охладѣетъ?

Мис. Г.—Да, но я шутила.—А вы еще тогда клялись мнѣ, что вашему чувству конецъ не настанетъ никогда, до послѣдняго вашего вздоха. И я повѣрила вамъ.

Кап. (*усердно вертитъ въ рукахъ обѣденную карточку*). — Ну, а теперь я говорю, что конецъ уже насталъ—вотъ и все.

(*Продолжительная пауза, во время которой миссисъ Геріотъ, наклонивъ голову, тщательно собираетъ крошки хлѣба на столѣ; капитанъ пристально всматривается въ букетъ олеандръ.*)

Мис. Г. (*подымая голову, съ самымъ непринужденнымъ смѣхомъ*).— Не правда ли, Фипсъ, что всѣ мы, женщины, прекрасно выдрессированы?

Кап. (*грубо поправляя воротъ рубахи*).—Не знаю, смотря по тому, какъ это дѣло понимать. (*Про себя.*)—Не въ ея характерѣ принимать вещи такъ спокойно; сейчасъ будетъ взрывъ.

Мис. Г. (*вздрогнувъ*).—Благодарю за лестное мнѣніе.—Но я полагаю, что даже краснокожіе дикари позволяютъ своимъ жертвамъ

сопротивляться, когда они хотятъ ихъ скальпировать. (*Отстегиваетъ вѣеръ отъ пояса и медленно обмахивается, прикрывая слегка губы вѣеромъ.*)

Кавалеръ *съ лѣвой стороны.*—Не правда ли, какъ душно сегодня? Можетъ быть, вамъ нехорошо отъ этой страшной жары?

Мис. Г.—О, нѣтъ, нисколько! Но, въ самомъ дѣлѣ, отчего здѣсь не устроены панки, какъ вездѣ; онѣ были бы кстати, хотя всѣ увѣряютъ, что въ Наини прохладно. (*Отворачивается направо, складываетъ вѣеръ и поднимаетъ брови.*)

Кап.—Разумѣется, слѣдовало бы. (*Въ сторону.*) Вотъ сейчасъ разразится буря.

Мис. Г. (*опустивъ глаза на скатерть, держитъ вѣеръ въ правой рукѣ въ видѣ щита*).—Вы очень умно и ловко устроили все, Фипсъ, поздравляю васъ! Когда-то вы клялись,—замѣтьте, что вы никогда не говорили просто, а всегда клялись, что всѣми силами постараетесь украсить и осчастливить мою несчастную жизнь. Теперь вы отказываете мнѣ даже въ утѣшеніи—первой разорвать нашу связь. А я это сдѣлала бы для васъ,—увѣряю васъ, что да! Женщина неспособна на такую утонченную жестокость, какъ вы, мой добрый, внимательный другъ! (*Обмахивается вѣеромъ.*) Вы объяснили мнѣ все такъ нѣжно, такъ правдиво! Не предупредивъ меня ни однимъ словомъ, вы позволили мнѣ вѣрить вамъ до послѣдней минуты. Но до сихъ поръ вы не соблаговолили сказать мнѣ причину всего. Нѣтъ, право, женщина не сумѣла бы и на-половину такъ ловко все сдѣлать. Скажите, пожалуйста, много ли на свѣтѣ такихъ мужчинъ, какъ вы?

Кап.—Честное слово, не знаю. (*Лакею.*) Еще шампанскаго!

Мис. Г.—Вы, кажется, считаете себя свѣтскимъ человѣкомъ? Скажите, развѣ всѣ люди вашего круга такъ адски жестоки къ женщинамъ, когда онѣ имѣли честь надоѣсть?

Кап.—Увѣряю васъ, что ничего объ этомъ не знаю.—Пожалуйста, не такъ громко!

Мис. Г.—О, конечно! Что̀ бы ни случилось, будемъ приличны прежде всего. Боже мой! Не бойтесь, я васъ не скомпрометирую. Вы слишкомъ хорошо выбрали время и мѣсто, а я, слава Богу, получила приличное воспитаніе. (*Закрывается вѣеромъ.*) Неужели же въ васъ нѣтъ состраданія, Фипсъ, ни къ кому, кромѣ своей особы?

Кап.—Еслибы я вамъ сказалъ, что мнѣ васъ очень жаль, развѣ это не было бы дерзостью съ моей стороны?

Мис. Г.—Однако, прежде вы говорили это не разъ, а теперь

стали вдругъ такъ осторожны. Послушайте, и я была когда-то безупречной женщиной, вы сами это говорили. Вы же сдѣлали меня такою, какъ я теперь. Что же вы хотите еще изъ меня сдѣлать? Неужели вы даже не скажете, что вамъ жаль меня? (*Накладываетъ себѣ мороженаго.*)

Кап.—Извольте, мнѣ васъ жаль, страшно жаль, если только вамъ нужна жалость такого животнаго, какъ я.

Мис. Г.—Довольно сильно сказано для свѣтскаго человѣка. И вы думаете, что это признаніе васъ оправдываетъ вполнѣ?

Кап.—Да что же я могу еще сдѣлать? Могу только повторить собственное мнѣніе о себѣ. Худшаго и вы не можете сказать.

Мис. Г.—О, нѣтъ, могу... А теперь объясните мнѣ причину: въ чемъ дѣло? Упреки совѣсти? Вдругъ захотѣлось стать рыцаремъ безъ страха и упрека?

Кап. (*сердито, не глядя на нее*).—Нѣтъ, просто дѣло кончено съ моей стороны. Баста! Вотъ и все!

Мис. Г.—Кончено—проваливайте! Такъ, кажется, говорятъ наши правители туземнымъ драгоманамъ, когда хотятъ отъ нихъ избавиться. Когда-то вы говорили болѣе утонченныя рѣчи; помните, когда вы мнѣ говорили...

Кап.—Ради Бога, не вспоминайте прежняго! Называйте меня, какъ хотите, я даже спорить не буду.

Мис. Г.—Но вы не желаете припоминать старое лганье. О, еслибъ я могла васъ оскорбить хотя бы на одну десятую долю такъ, какъ вы меня сегодня! Нѣтъ, я не могу, я не въ состояніи съ вами поступить такъ, хотя вы не что иное, какъ лжецъ.

Кап.—На этотъ разъ я сказалъ правду.

Мис. Г.—Напрасно льстите себя этою надеждой, мой милѣйшій! Вы солгали насчетъ причины, Финсъ, помните разъ навсегда, что я знаю васъ лучше, чѣмъ вы сами; вѣдь вы были для меня *все*, хотя вы и лг... (*закрывается вѣеромъ.*) О, какъ я себя презираю! Итакъ, все кончено только потому, что я вамъ надоѣла?

Кап.—Если вы настаиваете, я вынужденъ повторить—да.

Мис. Г.—Ложь № 1. Это даже слишкомъ слабое выраженіе, но я не знаю худшаго. Огонь погасъ и не загорится вновь? Подумайте минутку, если не хотите, чтобъ я васъ презирала еще больше. Только это?

Кап.—Да. (*Въ сторону.*) По дѣломъ мнѣ, получаю по заслугамъ. (*Лакею.*) Налейте еще шампанскаго!

Мис. Г.—Ложь № 2. Прежде чѣмъ вы подавитесь слѣдующимъ бокаломъ, говорите мнѣ *ея* имя.

Кап. (*въ сторону*).—За это она мнѣ заплатитъ, что втягиваетъ имя Минни въ эту исторію. (*Къ ней.*) Неужели вы считаете меня способнымъ его сказать?

Мис. Г.—Даже очень, если только это можетъ польстить вашему тщеславію. *Мое* имя, наприм., вы способны кричать во всеуслышаніе.

Кап.—Жалѣю, что не дѣлалъ этого раньше.—Теперь дѣло было бы кончено между нами.

Мис. Г.—Напрасно думаете такъ! Итакъ, на васъ нашелъ добродѣтельный стихъ; вы принимаете скучающій видъ, приходите ко мнѣ и говорите: «Я съ вами покончилъ; инцидентъ исчерпанъ!» Не правда ли, я должна гордиться, что такъ долго удерживала при себѣ такого человѣка, какъ вы.

Кап. (*въ сторону*). — О, Господи, когда же кончится этотъ обѣдъ! (*Громко.*) Вамъ извѣстно мое собственное мнѣніе о себѣ.

Мис. Г.—Какъ извѣстно также, что это единственное, о которомъ вы сколько-нибудь заботитесь.—Вамъ хочется меня сбыть съ рукъ и, конечно, я не могу васъ удержать. И вы хотите меня промѣнять на другую, между тѣмъ какъ сами же клялись мнѣ, что всѣ прочія женщины... О, Фипсъ! Повѣрьте мнѣ, она не можетъ васъ любить такъ, какъ я. Говорите сейчасъ, это кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ?

Кап.—Слава Богу, что нѣтъ. (*Про себя.*) Я всегда ожидалъ урагана, но не землетрясенія.

Мис. Г.—*Не можетъ* такъ любить, повторяю вамъ.—Есть ли въ мірѣ что-нибудь, чего бы я не сдѣлала для васъ, даже теперь, когда я знаю, что вы такое? Вы меня презираете за это?

Кап. (*вытираетъ ротъ салфеткой, чтобы скрыть улыбку*).—Какъ, опять? Но вѣдь теперь это было бы только милосердіемъ съ вашей стороны.

Мис. Г.—Ага, значитъ я стою презрѣнія.—Развѣ она красивѣе меня? Хотя вы говорили...

Кап.—Совсѣмъ нѣтъ, не въ томъ дѣло.

Мис. Г.—Въ такомъ случаѣ я буду милосерднѣе васъ.—Развѣ вы не знаете, что всѣ женщины одинаковы?

Кап. (*про себя*). — А она сама исключеніе, подтверждающее правило.

Мис. Г.—Рѣшительно *всѣ*! Хотите я вамъ скажу всю правду, честное слово! Всѣмъ имъ нужно всеобщее поклоненіе, чье бы то ни было—это безразлично! Но среди толпы всегда есть одинъ человѣкъ, который имъ дороже всего на свѣтѣ и ради котораго онѣ

готовы пожертвовать остальными. Не перебивайте, выслушайте до конца. Вотъ я, наприм., все время позволяла Вейнору бѣгать за мной, какъ вѣрному пуделю; убѣдила его даже, что онъ единственный человѣкъ, которымъ я интересуюсь. Я вамъ разскажу, какъ онъ объяснялся...

Кап.—О, пощадите! (*Про себя.*) Желательно было бы знать *его* варіантъ на эту тему.

Мис. Г.—Смотрите, онъ въ продолженіе всего обѣда ждетъ хотя бы одного моего взгляда.—Хотите я сейчасъ на него посмотрю, а вы полюбуетесь тѣмъ idіотскимъ взглядомъ, какой бываетъ у всѣхъ влюбленныхъ?

Кап.—Но къ чему вы заговорили объ этомъ джентльменѣ?

Мис. Г.—Смотрите! (*Направляетъ выразительный взглядъ на Вейнора, который только что положилъ себѣ въ ротъ полную ложку мороженаго, что сильно мѣшаетъ ему соединить блаженную улыбку со взоромъ глубочайшей преданности и при этомъ сохранить безукоризненную корректность англичанина за обѣдомъ.*)

Кап. (*иронически*).—Нельзя сказать, чтобы онъ былъ красивъ... Отчего вы ему не дали хоть ложку вынуть изо рта?

Мис. Г.—Собственно для того, чтобы васъ позабавить.—Вотъ такъ точно будете и вы преданы общему поклоненію; она—эта другая—сдѣлаетъ то же самое съ вами. О, Фипсъ! Неужели вы этого не видите? Вѣдь это ясно, какъ Божій день! Васъ будутъ обманывать, дурачить, какъ и всѣхъ прочихъ. Отдайте же справедливость мнѣ: я никогда васъ не дурачила!

Кап. (*про себя*).—А вѣдь не глупая бабенка!

Мис. Г.—Ну-съ, что вы мнѣ на это скажете?

Кап.—Скажу, что теперь мнѣ гораздо легче.

Мис. Г.—Я думаю, оттого что я спустилась къ вашему уровню.—Я вамъ сказала всю правду только потому, что вы все таки мнѣ очень дороги.

Кап.—Это ни мало не измѣняетъ положенія.

Мис. Г. (*порывисто*).—Значитъ она увѣрила васъ, что любитъ васъ!—Не вѣрьте ей, Фипсъ; это такая же ложь, какъ все то, что вы мнѣ наговорили.

Кап. — Потише, будьте осторожнѣй; одинъ вашъ знакомый смотритъ на васъ.

Мис. Г.—Который, вотъ этотъ?—Я ненавижу его: это онъ познакомилъ меня съ вами.

Кап. (*въ сторону*). — Есть же люди, желающіе предоставить женщинамъ право голоса въ собраніяхъ! Хороша логика—познако-

милъ, значитъ виноватъ. (*Громко.*) Ужъ если вы припомнили далекое прошлое, то сознайтесь, что простая вѣжливость не позволяла мнѣ тогда отказаться отъ этой чести.

Мис. Г.—Простая вѣжливость! Мнѣ теперь не до нея!

Кап. (*про себя*).—Видно, стараго не слѣдовало вспоминать! (*Громко.*) Даю вамъ честное слово!

Мис. Г.—Какое?—*Такого* нѣтъ у васъ.

Кап.—Ну, такъ безчестное, коли хотите... Она вовсе не то, что вы думаете. Я хотѣлъ вамъ все объяснить...

Мис. Г.—Ничего не хочу знать о ней, она не будетъ васъ любить долго и, когда хорошенько насмѣется надъ вами, вы вернетесь ко мнѣ и застанете меня занятою *г-номъ*...

Кап. (*дерзко*).—Нѣтъ, ужъ этого не будетъ, ни въ какомъ случаѣ! (*Въ сторону.*) Неужели и этого недостаточно, чтобы задѣть ея самолюбіе?

Мис. Г. (*гордо выпрямляясь*).—Вы думаете, я неспособна спуститься такъ низко? (*Смягчаясь.*)—Вы правы. Я сама думаю, что это невозможно, хотя вы все-таки лгунъ и обманщикъ.

Кап.—Знаете ли, теперь это ужъ не такъ больно слушать послѣ вашей маленькой лекціи съ иллюстраціями.

Мис. Г.—Всѣ вы мужчины—ходячее тщеславіе.—Неужели же въ васъ не пробудится ничто иное во всю жизнь? Должна же быть гдѣ-нибудь справедливость, если не въ этомъ мірѣ, то послѣ, но вамъ, конечно, до этого дѣла нѣтъ.

Кап. (*не поднимая глазъ*).—Вы такъ увѣрены въ этомъ?

Мис. Г.—Какъ бы то ни было, я взяла свое отъ жизни и будетъ съ меня... больше не надо.

Кап.—А то поклоненіе, которое такъ любятъ женщины и о которомъ вы только что такъ сильно выражались? (*Про себя.*) О, какая я скотина!

Мис. Г.—Развѣ оно можетъ меня утѣшить, если я буду знать, что вы расточаете передъ другой тѣ же слова, тѣ же клятвы и, конечно, тѣ же ласки, которыми когда-то упивалась я? Если она васъ любитъ, то вмѣстѣ съ вами будетъ смѣяться надъ вашею исторіей со мной. Развѣ этого наказанія мало? А теперь, конечно, все, что я говорю—безполезно и напрасно; это—другое наказаніе.

Кап. (*слабымъ голосомъ*).—Полноте! Я не такъ низокъ, какъ вы думаете.

Мис. Г.—Не теперь, такъ послѣ когда-нибудь. О, Фипсъ, вѣдь я знаю, нѣтъ той вещи на свѣтѣ, которую вы не сказали бы женщинѣ, если она сумѣетъ польстить вашему тщеславію, нѣтъ той

низости, которую вы не сдѣлали бы ради нея. Кажется, я васъ достаточно изучила, чтобъ увѣриться въ этомъ.

Кап.—Если вы мнѣ не вѣрите вообще,—и я самъ сознаю, что ничѣмъ не заслужилъ вашего довѣрія,—то повѣрьте хоть одному: я умѣю держать языкъ за зубами.

Мис. Г. Знаете ли, что я вамъ скажу? Еслибы вы сейчасъ отказались отъ всѣхъ ужасовъ, которые наговорили мнѣ сегодня и сказали бы, что это все была шутка... (*Длинная пауза.*) я повѣрила бы вамъ! Но не иначе... Объ одномъ прошу васъ: не говорить мнѣ *ея* имени, ради всего на свѣтѣ! Мужчина можетъ забыть; женщина—никогда! (*Замѣчаетъ, что одна дама въ концѣ стола начинаетъ всматриваться въ нее съ любопытствомъ.*) Итакъ, все кончено между нами безъ всякой вины съ моей стороны. Сознайтесь, что я была великодушна? Вы мнѣ дали отставку въ самой безцеремонной, самой жестокой формѣ, а я приняла ее и все-таки заставила васъ почувствовать уваженіе къ женщинѣ. Не такъ ли? (*Беретъ перчатки и вѣеръ.*) Желаю только одного, чтобы эта другая узнала васъ когда-нибудь такъ же хорошо, какъ я въ настоящую минуту. Тогда я вамъ не позавидую, потому что такого презрѣнія не выдержитъ даже ваша наглость. Надѣюсь, что она отплатитъ вамъ за всѣ униженія, которымъ подверглась я. Надѣюсь... Нѣтъ, что я говорю? Я не могу отказаться отъ васъ навсегда! Я должна сохранить что-то вродѣ надежды, или я съ ума сойду! Когда все это пройдетъ, приходите опять ко мнѣ, Фипсъ; вернетесь и увидите, что я все та же, и вы, по-прежнему, мой безцѣнный, единственный Фипсъ!

Кап. (*внятно и твердо*).—Ошибаетесь въ предположеніяхъ; не туда попали и за это будете наказаны. Она—дѣвушка, а я—женихъ.

Мис. Г. (*вставая изъ-за стола*).—Такъ это была правда! Мнѣ говорили, но я не хотѣла оскорблять васъ такимъ вопросомъ. Такъ она—дѣвушка! Когда-то, не особенно давно, была и я такая же. Послушайте, Фипсъ, будьте добры къ ней; я убѣждена, что она вѣритъ вамъ, какъ Богу!

(*Уходитъ съ загадочною улыбкой. Онъ провожаетъ ее взглядомъ до двери, затѣмъ бросается въ кресло.*)

Кап. — Если есть въ мірѣ какое-нибудь разумное правящее начало, желалъ бы я теперь смиренно вопросить: въ чемъ же я такъ провинился? (*Наливаетъ себѣ стаканъ краснаго вина.*) Что такое я сдѣлалъ? (*задумывается.*)

Занавѣсъ.

IV.

День свадьбы капитана Гэдсби.

(Сцена представляетъ спальню холостого человѣка; туалетный столъ въ необыкновенномъ порядкѣ. Капитанъ Гэдсби спитъ, громко прихрапывая. Время $10^1/_2$ час. утра; ясный, осенній день въ Симлѣ. Капитанъ Мафлинъ, товарищъ по полку Гэдсби, входитъ осторожно, смотритъ на спящаго и качаетъ головой, приговаривая: «бѣдный мой Гэдди!» Затѣмъ начинаетъ стучать головною щеткой по спинкѣ стула и поетъ во весь голосъ).

Кап. Маф. Встань! Проснись, моя краса!
Голубыя небеса
Яркій полдень озаряетъ,
День великій наступаетъ!

Гэдсби (*приподнимаясь и зѣвая*). Добраго утра! Вотъ это хорошо съ вашей стороны, старый дружище! Даже очень хорошо. Честное слово, не знаю что̀ бы я сдѣлалъ безъ васъ? Представьте, всю ночь не могъ заснуть!

Кап. Маф.—Не хотѣлъ васъ тревожить до половины одиннадцатаго.—Но когда пріотворилъ дверь, мнѣ показалось, что вы спали такъ же крѣпко, какъ это бываетъ, говорятъ, съ преступниками, осужденными на казнь.

Кап. Гэдс.—Джэкъ, если вы намѣрены повторять эти отвратительныя, устарѣлыя остроты, то лучше убирайтесь. (*Торжественнымъ тономъ.*) Сегодня счастливѣйшій день моей жизни.

Кап. Маф. (*съ злораднымъ хохотомъ*).—Не торопитесь утверждать это, мой милѣйшій! Вамъ предстоитъ еще выдержать такую утонченную пытку, о которой вы понятія не имѣете. Но, будьте покойны, *я* васъ поддержу. А теперь—смирно, одѣвайтесь!

Кап. Гэд.—Что? Какъ?

Кап. Маф.—Неужели вы воображаете, что вамъ можно распоряжаться своею особой въ теченіе предстоящихъ 12-ти часовъ? Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только уйти! (*Направляется къ двери.*)

Гэдс.—Нѣтъ, ради Бога, не уходите! Другъ мой! не правда ли, вы не оставите меня, пока все это не кончится? Вотъ я вчера цѣлый день вбивалъ себѣ въ голову то, что долженъ отвѣчать на вопросы священника, а теперь не помню ни слова.

Маф. (*подавая ему мундиръ*).—Ступайте умываться и не раздражайте меня разспросами. Даю вамъ десять минутъ на одѣванье.

(*Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ слышны сильные всплески воды въ сосѣдней комнатѣ.*)

Гэдс. (*выходя изъ уборной*).—Который часъ?

Маф.— Около одиннадцати.

Гэдс.—О, Господи! Еще цѣлыхъ пять часовъ ждать.

Маф. (*въ сторону*).—Первый признакъ, что начинаетъ трусить: что же будетъ дальше? (*Громко.*) Ну-съ, идемъ теперь завтракать.

Гэдс.—Я не могу ничего ѣсть и совсѣмъ не желаю завтракать.

Маф. (*въ сторону*).—Уже успѣлъ потерять аппетитъ! (*Громко.*) Капитанъ Гэдсби, я приказываю вамъ сѣсть за столъ и *хорошенько* позавтракать! И, прошу васъ, оставьте ваши чувствительныя, жениховскія позы—со мной это лишнее! (*Ведетъ его въ столовую и стоитъ надъ нимъ, пока капитанъ Гэдс. съѣдаетъ двѣ котлетки.*)

Гэдс. (*смотритъ въ третій разъ на часы*).—А который теперь часъ?

Маф.—Тотъ самый, который намъ нуженъ для прогулки. Зажигайте сигару.

Гэдс.—Что вы? Я ужъ десять дней не курилъ и вдругъ сегодня... (*Мафлинъ подаетъ ему обрѣзанную сигару, Гэдсби закуриваетъ и затягивается съ наслажденіемъ.*) Вѣдь мы съ вами не пойдемъ теперь ни въ городъ, ни на шоссе, не правда ли?

Маф. (*въ сторону*).—Рѣшительно всѣ на одинъ ладъ въ подобныхъ обстоятельствахъ! (*Громко.*) Нѣтъ, моя весталка! Мы пройдемся по самымъ пустыннымъ улицамъ.

Гэдс.—А если вдругъ встрѣтимся *съ ней?*

Маф.—Этого не бойтесь, невинность моя! Итакъ, идемъ, а пока, если я вамъ нуженъ для благополучнаго окончанія всей церемоніи, постарайтесь не выколоть мнѣ глаза вашею тросточкой.

Гэдс. (*круто поворачиваетъ назадъ*). — Слушайте, Мафлинъ, не правда ли, что она—прелестнѣйшее созданье, которое когда ли существовало? Который у васъ часъ? Повторите-ка мнѣ, что я долженъ дѣлать послѣ вопроса священника?

Маф.—Вы должны тогда взять обручальное кольцо; кстати, помните, что оно будетъ у меня на мизинцѣ правой руки; только снимайте осторожно, такъ какъ у меня подъ перчаткой будутъ деньги для священника.

Гэдс. (*быстро шагаетъ впередъ*).—Хорошо, чортъ съ нимъ и его деньгами! Идемте впередъ: уже половина перваго, а я не видѣлъ ее со вчерашняго вечера. (*Опять поворачиваетъ назадъ.*) Она — настоящій ангелъ, Джэкъ, слишкомъ хороша для такого олуха, какъ я. Какъ вы думаете, будетъ ли она выше моего локтя, или нѣтъ?

Маф.—Я сказалъ бы вамъ, еслибы вы были въ состояніи что-нибудь понимать и помнить теперь. Да перестаньте такъ мотаться взадъ и впередъ, какъ маятникъ.

11*

Гэдс. (*останавливается посреди дороги*).—Слушайте, Джэкъ!

Маф.—Помолчите хоть десять минутъ, безумный, и все-таки пойдемте гулять!

(*Нѣкоторое время шагаютъ молча по дорогѣ со скоростью пяти миль въ часъ.*)

Гэдс.—Теперь ужъ, кажется, пора! Скажите, какія тамъ дурацкія церемоніи будутъ за свадебнымъ пирогомъ и еще какая-то чепуха съ башмаками или туфлями? Вѣдь не въ церкви же ихъ бросаютъ?

Маф.—Конечно, не въ церкви. Тамъ святой отецъ будетъ священнодѣйствовать въ сапогахъ.

Гэдс.—Убирайтесь къ чорту съ вашими глупыми шутками! Не смѣйтесь надо мной: сегодня я этого не вынесу.

Маф. (*совершенно покойно*). — Вотъ какъ, старый пріятель! Ничего, пройдетъ! А теперь пойдемъ домой, и вы еще заснете часика два.

Гэдс. (*вспыхнувъ*). — Я не позволю вамъ обращаться со мной, какъ съ малымъ ребеномъ. Поймите это!

Маф. (*въ сторону*). — Нервы никуда не годятся,—ну, денекъ у насъ будетъ! (*Нѣжно кладетъ руку на плечо Гэдсби.*) Мой милый Давидъ, сколько лѣтъ вы знаете своего Іонаѳана? Послѣ всего, что было, развѣ я въ состояніи васъ дурачить?

Гэдс. (*смиренно*).—Я знаю, Джэкъ, я все понимаю; но вы видите, какъ я разстроенъ. Не обращайте вниманія на мои слова. Лучше послушайте еще разъ, какъ я повторю свою роль и скажите, вѣрно ли я затвердилъ: «обѣщаюсь и клянусь быть вѣрнымъ ей и въ счастьи и въ несчастьи нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Маф. (*съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха*).—Прекрасно и приблизительно вѣрно, а если забудете, я подскажу.

Гэдс. (*очень серьезно*). — Да, Джэкъ, вы меня поддѐржите, не правда ли? Хотя я безгранично счастливъ, но *вамъ* я не боюсь признаться, что въ эту минуту чувствую себя ничтожнымъ трусомъ.

Маф. (*озабоченно*).—Неужели? Представьте, что это совсѣмъ незамѣтно. У васъ такой же видъ, какъ всегда.

Гэдс.—Вы увѣрены въ этомъ? Ну, тогда все въ порядкѣ. (*Снова останавливается.*) Честное, благородное слово, Джэкъ, она—кроткій ангелъ, посланный мнѣ въ даръ съ небесъ, и ни одна женщина на свѣтѣ не стòитъ чести разговаривать съ ней.

Маф. (*въ сторону*).—И это говоритъ мой добрый, старый Гэдди! (*Громко, со вздохомъ.*) Ну, что еще? Продолжайте, если вамъ отъ этого легче.

Гэдс.—Можете смѣяться, сколько хотите. Всѣ вы, старые холостяки, только на это и годитесь. Настоящіе ослы, одичавшіе въ пустынѣ!

Маф. (*протяжно*).—Погодите еще отдѣляться отъ нашего стада, мой милѣйшій! Вѣдь вы еще не совсѣмъ женаты.

Гэдс.—Охъ, правда. Хорошо, что напомнили. Кстати, боюсь, что мои новые сапоги окажутся слишкомъ узки, и я ихъ не натяну. Надо пойти помѣрять поскорѣе. (*Спѣшитъ впередъ.*)

Маф.—Ни за какія коврижки во всей Азіи не желалъ бы быть сегодня въ вашей кожѣ!

Гэдс.—Что и доказываетъ отвратительную закоснѣлость вашей души, непроходимое тупоуміе и грубую узкость понятій; все это—вашъ единственный порокъ. Во всемъ прочемъ вы—отличнѣйшій малый, и я совершенно не знаю, чтò бы я безъ васъ дѣлалъ; но, къ сожалѣнію, вы не женаты. (*Съ важностью качаетъ головой.*) Говорю вамъ, Джэкъ, возьмите себѣ жену!

Маф. (*съ вытянутою физіономіей*).—Какъ бы не такъ! Скажите, по крайней мѣрѣ, чью?

Гэдс.—Если вы будете отвѣчать пошлости, я васъ брошу. А который часъ?

Маф. (*не слушая его, напѣваетъ*):

Мы всѣ пьемъ вино и пиво
Такъ, что весь честной народъ
Изумляется, какъ диву,
Что и хмѣль насъ не беретъ!

А теперь пора домой, Гэдди! Вамъ нужно еще прилечь.

Гэдс.—На какого чорта мнѣ ложиться?

Маф.—Подайте мнѣ огня изъ вашей сигары, тогда увидите.

Гэдс. (*замѣчаетъ, что сигара дрожитъ у него въ рукѣ, какъ осиновый листъ*). Хорошъ я, нечего сказать!

Маф.—Вотъ то-то же. Ну, ничего, я вамъ принесу сейчасъ содовой воды съ коньякомъ, а послѣ заснете.

(*Возвращаются домой. Мафлинъ приготовляетъ напитокъ и наливаетъ четверть стакана коньяку.*)

Гэдс.—Зачѣмъ такъ много? Я совсѣмъ осовѣю!

Маф.—И представьте, не подѣйствуетъ ни капельки, потому что вы и безъ того пьяны. Прелюбопытное явленіе! Пейте все и укладывайтесь хорошенько вотъ тутъ.

Гэдс.—Что за вздоръ! Вѣдь я не засну; знаю, что не засну.

(*Черезъ пять минутъ впадаетъ въ тяжелую дремоту.*)

Маф. (*сидя надъ спящимъ, смотритъ на него съ нѣжностью*).—

Бѣдный мой Гэдди! Много я перевидалъ хорошихъ людей въ подобномъ положеніи, но ни одинъ не отправлялся на казнь въ такомъ видѣ, какъ этотъ. И что съ нимъ дѣлается? Положимъ, что чистокровная лошадь всегда чувствительнѣе къ ударамъ хлыста. Просто не вѣрится, что это—тотъ самый молодецъ, который при Амдхеранѣ летѣлъ впереди всѣхъ, какъ чортъ на своемъ конѣ, подъ градомъ пуль! (*Наклоняется къ спящему.*) Должно быть *это* похуже пуль, не правда ли, дружище? (*Гэдсби поворачивается во снѣ, Маф. неловко ощупываетъ ему лобъ.*) Бѣдный, дорогой мой Гэдди! Уходитъ отъ меня, какъ и всѣ прочіе! Восемь лѣтъ мы съ нимъ были, какъ родные братья, и вдругъ какая-то дѣвчонка только что вырвалась изъ дѣтской и въ восемь недѣль обработала человѣка! Пропалъ пріятель, нѣтъ его больше! (*Печально продолжаетъ курить до тѣхъ поръ, пока часы бьютъ три.*)

Маф.—Гэдди, пора вставать. Скорѣе одѣвайтесь!

Гэдс.—Развѣ пора? Не рано ли? Не лучше ли мнѣ побриться?

Маф.—Вовсе не нужно; вы совсѣмъ въ порядкѣ. (*Въ сторону.*) И куда ему бриться теперь! Изрѣзалъ бы только все лицо.

Гэдс.—Зачѣмъ намъ спѣшить?

Маф.—Вамъ нужно пріѣхать раньше всѣхъ.

Гэдс.—Чтобы всѣ на меня глаза пялили?

Маф.—Такъ и нужно: это входитъ въ вашу роль сегодня. Подайте-ка мнѣ ваши шпоры, развѣ ихъ можно надѣть въ такомъ видѣ?

Гэдс. (*сурово*).—Полноте, Джэкъ, я вамъ не позволю этимъ заниматься.

Маф. (*еще суровѣе*).—Сію минуту умывайтесь и одѣвайтесь! Если мнѣ угодно чистить ваши шпоры, то вы обязаны исполнять мои приказанія.

(*Гэдсби одѣвается подъ наблюденіемъ Мафлина.*)

Маф. (*критическимъ взглядомъ осматривая со всѣхъ сторонъ*).—Ничего, сойдетъ: недуренъ, молодецъ! Только, пожалуйста, не смотрите такъ, какъ будто вы виноваты въ чемъ-то; оставьте въ покоѣ усы. У меня, кажется, все въ порядкѣ,—вотъ кольцо, перчатки, деньги духовенству. Прекрасно! Теперь ѣдемъ, если лошади готовы.

Гэдс. (*нервно*).—Право, кажется, рано еще. Давайте покуримъ еще или выпьемъ чего-нибудь, или...

Маф.—Или представимъ изъ себя двухъ махровыхъ болвановъ! Ѣдемъ!

(*Слышенъ звонъ колоколовъ въ церкви.*)

Маф.—Слышите? Тамъ уже звонятъ: ѣдемъ или вы, можетъ, совсѣмъ раздумали?

(*Садятся на лошадей и уѣзжаютъ.*)

Колокола звонятъ:

Мы всѣхъ призываемъ
Къ молитвѣ святой:
Царей прославляемъ,
Невѣсту встрѣчаемъ,
Всѣмъ радость вѣщаемъ,
А мертвымъ покой!

Гэдс. (*слѣзая съ лошади у входа въ церковь*).—Такъ и есть, я говорилъ, что слишкомъ рано! Смотрите, какая толпа въ церкви! Можетъ-быть, мы опоздали? Не отходите отъ меня, Джэкъ, я забылъ, что мнѣ нужно теперь дѣлать...

Маф.—Станьте въ торжественную и картинную позу, вотъ тамъ впереди и ждите невѣсту. (*Гэдсби вздыхаетъ, между тѣмъ какъ Мафлинъ проталкиваетъ его впередъ на глазахъ всей публики въ триста человѣкъ.*)

Маф. (*умоляющимъ голосомъ*).—Гэдди, другъ, если вы меня любите, ради Бога и всего святого, поддержите честь полка и станьте хорошенько. Подымите голову, вспомните честь мундира, будьте мужчиной! Я отойду на минутку: нужно сказать два слова священнику. (*У Гэдсби выступаютъ капли пота на лбу.*) Если вы теперь осмѣлитесь вытираться платкомъ, я никогда въ жизни больше не буду вашимъ шаферомъ. Стойте прямо!

(*Гэдсби замѣтно дрожитъ.*)

Маф. (*оглядываясь назадъ*).—А вотъ и она! Сейчасъ начнется гимнъ.

(*У дверей церкви останавливается экипажъ, невѣста выходитъ. Гэдсби видитъ ее мелькомъ и ободряется.*)

Хоръ съ органомъ:

Когда, окончивъ мірозданье,
Творецъ отъ дѣлъ своихъ почилъ,
Онъ человѣку далъ сознанье
И первый бракъ благословилъ.
Блаженство вѣчное Эдема
Утратилъ грѣшный человѣкъ;
Но счастья прошлаго эмблема
Свята̀ понынѣ и во вѣкъ!

Маф. (*все время не спуская глазъ съ Гэдсби*). Честное слово, она молодецъ! Не ожидалъ даже, что онъ будетъ такъ красивъ!

Гэдс.—Долго ли будетъ продолжаться этотъ гимнъ?

Маф.—Сейчасъ кончится. (*Тревожно.*) Опять блѣднѣете и трясетесь? Полноте, Гэдди, подумайте о чести полка.

Гэдс. (*съ разстановкою*).—Не правда ли, что тамъ на стѣнкѣ ползетъ большая, черная ящерица?

Маф.—Мать пресвятая Богородица! Да онъ совсѣмъ рехнулся!

(*Невѣста подходитъ къ алтарю съ лѣвой стороны, поднимаетъ глаза и однимъ взглядомъ приводитъ въ чувство Гэдсби.*)

Гэдс. (*бормочетъ про себя*).—Моя маленькая пигалица—замужняя женщина! А я все думалъ, что она—маленькая дѣвочка!

Маф. (*шепотомъ*).—Теперь погодите немного, а потомъ повернитесь къ ней.

(*Гэдсби повинуется машинально; обрядъ начинается. Священникъ произноситъ обычный вопросъ о согласіи. Гэдсби тщетно силится выговорить отвѣтъ.*)

Маф.—Да говорите же, согласны или нѣтъ? Тутъ ужъ не отвертитесь!

(*Невѣста отвѣчаетъ внятно, съ полнымъ спокойствіемъ, послѣ чего ея отецъ передаетъ ея руку жениху.*)

Гэдс. (*обрадовавшись, что вспомнилъ свою роль*). Джэкъ, теперь вы должны сдать меня, скорѣе!

Маф.—Да вы сами себя сдали уже давно. Правую руку берите, несчастный! Говорите свое имя: Теодоръ Филиппъ. Да что, вы развѣ забыли какъ васъ зовутъ?

(*Гэдсби повторяетъ, заикаясь, все, что требуется; невѣста произноситъ все безъ запинки.*)

Маф.—Теперь берите кольцо и слушайте священника. Да не рвите мнѣ перчатки,—вотъ оно! Всемогущій Купидонъ, возврати ему голосъ!

(*Гэдсби произноситъ обѣщаніе вѣрности громовымъ голосомъ, на всю церковь, и затѣмъ поворачивается, чтобы уходить.*)

Маф. (*въ отчаяньи*).—Назадъ! Вернитесь въ строй! Еще только на половину обвѣнчанъ!

Священникъ.—Что Богъ соединилъ, того человѣкъ да не разлучаетъ.

(*Гэдсби стоитъ сконфуженный, въ ожиданіи благословенія.*)

Маф. (*быстро шепотомъ*).—Теперь одинъ шагъ впередъ и ведите ее съ собой; мнѣ не нужно съ вами идти. Говорить вамъ ничего не надо.

(*Гэдсби идетъ къ алтарю, звеня шпорами.*)

Маф. (*пронзительнымъ шепотомъ*). — На колѣни, о безтолковый человѣкъ! Станьте на колѣни!

(*Священникъ благословляетъ новобрачныхъ; обрядъ конченъ.*)

Маф. —Конецъ—и дѣлу вѣнецъ! Налѣво кругомъ!

(*Всѣ направляются въ ризницу подписывать брачное свидѣтельство.*)

Маф. —Гэдди, теперь поцѣлуйте ее.

Гэдс. (*вытирая чернильное пятно на перчаткѣ*). —А! Что еще?

Маф. (*подходя къ новобрачной*). — Если вы не хотите, такъ я за васъ!

Гэдс. (*быстро отстраняя его*). — Берегитесь! Вамъ сюда не дорога!

(*Начинаются всеобщія объятія и поцѣлуи, среди которыхъ капитана Гэдсби преслѣдуютъ какія-то неизвѣстныя лица женскаго пола.*)

Гэдс. (*слабымъ голосомъ къ Мафлину*). —Нѣтъ, это—сущій адъ! Скажите, можно ли мнѣ, наконецъ, вытереть лицо?

Маф. —Моя обязанность уже кончилась; спросите лучше у миссисъ Гэдсби.

(*Гэдсби вздрагиваетъ, какъ подстрѣленный; затѣмъ вся процессія, подъ звуки Мендельсоновскаго свадебнаго марша, шествуетъ изъ церкви подъ кровъ родительскій, гдѣ происходятъ обычныя терзанія за свадебнымъ пирогомъ.*)

Маф. (*сидя за столомъ*).—Вставайте, Гэдди, всѣ ждутъ вашего спича.

Гэдс. (*послѣ мучительнаго молчанія*).—А гм... гм...

(*Громкія рукоплесканія.*)

Маф.—Право, не дурно для первой попытки. Ну-съ, теперь, Гэдди, вамъ пора пойти переодѣться, а тѣмъ временемъ мамаша должна хорошенько поплакать надъ вашею супругой. (*Гэдсби исчезаетъ. Мафлинъ внезапно хватается за голову.*) А башмаки *)? Безъ того нельзя,—не по закону будетъ. Гдѣ прислуга?

Служанка изъ туземокъ.—Башмаки нѣтъ: миссисъ капитанъ Сагиба уже уложила всѣ.

Маф. (*грозно машетъ саблей*). — Женщина! Ты должна мнѣ достать эти башмаки! Кто-нибудь, ради Бога, дайте мнѣ ножикъ, да не приставайте съ этимъ къ бѣдному Гэдди, у него и такъ голова не на мѣстѣ. (*Ему подаютъ бѣлый атласный башмачокъ, онъ срѣзываетъ каблукъ и прячетъ башмакъ въ рукавъ.*) Гдѣ же невѣста? (*Всѣмъ*

---

*) Мѣстный обычай: бросить башмачокъ на дорогу, при отъѣздѣ новобрачныхъ имъ вслѣдъ. Если башмачокъ упадетъ возлѣ кого-нибудь изъ присутствующихъ, это считается предсказаніемъ скораго вступленія въ бракъ.

гостямъ.) Пожалуйста, будьте осторожны съ этимъ рисомъ: хоть это языческій обычай, но безъ этого нельзя. Подайте мнѣ мѣшокъ.

(Общая суматоха. Невѣста исчезаетъ незамѣтно, садится въ коляску и уѣзжаетъ съ родителями по направленію къ западу.)

Маф. *(стоитъ у входа).*—Когда они успѣли ее увезти, чортъ возьми! Тѣмъ хуже для Гэдди, да гдѣ же онъ? Скорѣе сюда, Гэдди, гдѣ ваша лошадь? Догоняйте,—это дѣло будетъ поживѣе, чѣмъ подъ Амдхераномъ!

Гэдс. *(взбѣшенный неожиданностью и видя, что никого изъ дамъ нѣтъ близко).*—Чортъ побери ихъ всѣхъ, но гдѣ же моя жена?

Маф.—Теперь ужъ вѣрно на половинѣ дороги къ Махосу; догоняйте верхомъ, какъ прекрасные рыцари въ романахъ.

(Лошадь капитана становится на дыбы и не даетъ сѣсть).

Гэдс.—Какъ! И это животное еще смѣетъ упрямиться. Смирно, чортъ, говорятъ тебѣ! *(Дергаетъ поводъ такъ, что чуть не сворачиваетъ шею лошади, бросается на сѣдло, и давъ шпоры, летитъ впередъ съ быстротою вѣтра.)*

Маф.—Въ добрый часъ, Гэдди! Будьте счастливы, и Господь съ вами! *(Разсыпаетъ полфунта рису на дорогу вслѣдъ за капитаномъ Гэдсби, который уже исчезаетъ въ облакахъ пыли на горизонтѣ).*

Маф.—Нѣтъ у меня больше друга: потерялъ я стараго Гэдди навсегда! *(Зажигаетъ папиросу и прохаживается въ задумчивости, напѣвая:)*

Если человѣкъ влюбился,
То бѣда не велика;
Если-жъ офицеръ женился,
Такъ пропалъ онъ для полка!

Миссъ Диркортъ *(сидя на лошади у подъѣзда).*—Капитанъ Мафлинъ! Вы очень откровенны, но не особенно вѣжливы!

Маф. *(въ сторону).*—Говорятъ, что женитьба, какъ холера, никогда не останавливается на одной жертвѣ. Желалъ бы очень знать, кто-то будетъ у насъ слѣдующій?

(Бѣлый башмачокъ падаетъ изъ рукава прямо къ его ногамъ; стоитъ пораженный удивленіемъ.)

Занавѣсъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ статьѣ W. S. „О высшемъ техническомъ образованіи“ замѣчены слѣд. ошибки:

Стр. 31, 6-я стр. снизу.

Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Исходя изъ того, что „наука и вопросы...“	Исходя изъ того, что „наука едина и вопросы“ и т. д

На стр. 39.

Абзацъ „Послѣдніе годы отмѣчены и т. д. долженъ стоять послѣ абзаца „На ряду съ усвоеніемъ и т. д.

Въ статьѣ „Населеніе и хозяйство Австраліи“ въ іюньской книгѣ вкрались слѣдующія опечатки.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
205 прим.	1 сверху	колонистовъ	конвойныхъ
205 „	3 снизу	177,444	1.177,444
207	12 сверху	Marjilia jalvatrix	Marsilia salvatrix
208	6 снизу	въ Брисбекѣ	въ Брисбенѣ

Начальное народное образованіе въ Орловской губерніи *).

Число школъ и распредѣленіе ихъ по губерніи.

Слѣдующая таблица показываетъ количество школъ, бывшихъ въ 1894—95 учебномъ году, и ихъ поуѣздное распредѣленіе.

			Сельскихъ			Церковно-приходскихъ.		Школъ грамоты.			
Уѣзды:	Городскихъ.	Городскихъ частныхъ	Министерскихъ.	Частныхъ.	Земскихъ.	Городскихъ.	Сельскихъ.	Городскихъ.	Сельскихъ.	Всего.	Если число организованныхъ [1]) школъ принять за 100, то число неорган. =
Елецкій	10	4	—	2	71	3	17	—	63 [2])	170	58,9
Ливенскій	3	—	1	1	90	—	35	—	55	185	42,3
Малоарханг	2	—	2	3	41	1	28	—	15	92	19,5
Орловскій	6	5	1	1	41	7	9	—	67 [3])	137	37
Мценскій	3	—	1	—	18	2	24	1	30	79	64,6
Болховской	3	—	—	1	24	4	13	5	41	91	102,2
Кромской	3	—	1	—	41	1	8	—	11	65	20,4
Каречевскій	3	—	1	—	29	3	4	—	15	55	37,5
Дмитровскій	3	—	—	—	47	1	5	—	12	68	21,4
Сѣвскій	3	—	1	—	40	2	3	—	55	104	112,2
Трубчевскій	2	—	1	—	36	1	1	1	15	57	39
Брянскій	4	—	1	4	36	4	13	4	31	97	56,5
По губерніи	45	9 [4])	10	12	514	29	160	11	410	1,200	48,3

Свѣтскихъ школъ 620 (51,7%) [5]). Школъ дух. вѣдом. 580 (48,3%).

*) *Русская Мысль*, 98 г. кн. V.

[1]) Всѣ, кромѣ свѣтскихъ школъ грамоты, какъ извѣстно, состоящихъ въ вѣдѣніи епархіальнаго училищн. совѣта.

[2]) Въ томъ числѣ 8 *передвижныхъ*.

[3]) Въ томъ числѣ 6 *передвижныхъ* и 30 филіальныхъ отдѣленій нормальныхъ земскихъ школъ.

[4]) Сюда не вошли частныя школы г. Орла, которыхъ, по оффиціальнымъ даннымъ, числилось въ 1894 г.—10.

[5]) Городскія, частныя городскія, всѣ сельскія и 30 филіальныхъ отдѣленій.

Такъ какъ процентное содержаніе школъ въ городахъ (7,8) и селахъ (92,2) сильно разнится въ пользу послѣднихъ, то, говоря ниже о числѣ квадратныхъ верстъ, приходящихся на 1 школу, мы обратили исключительное вниманіе на послѣднія. Земская школа приходится въ Елецкомъ уѣздѣ на 61 кв. вер.; Ливенскомъ—55,5, Малоархангельскомъ—80,2, Орловскомъ—66,3, Мценскомъ—117, Болховскомъ—95, Кромскомъ—47, Карачевскомъ—109,1, *Дмитровскомъ*—46,1, Сѣвскомъ—87,6, Трубчевскомъ—125,4, Брянскомъ—168,4; по губерніи—79,9; а вообще, т.-е. считая организованныя и неорганизованныя школы, въ Елецкомъ уѣздѣ 28,3 кв. вер., Ливенскомъ—27,5, Малоархангельскомъ—37, *Орловскомъ—22,8*, Мценскомъ—28,9, Болховскомъ—28,9, Кромскомъ—31,6, Карачевскомъ—64,6, Дмитровскомъ—33,8, Сѣвскомъ—35,4, Трубчевскомъ—85,2, Брянскомъ—71,3; по губерніи—37,1. Для болѣе полнаго представленія о дѣйствительной обезпеченности населенія школами, необходимо еще принять во вниманіе и слѣдующую таблицу, указывающую: число всѣхъ селеній (графа 1), процентное отношеніе къ нимъ селеній, пользующихся организованными школами (гр. 2), и—школами всѣхъ типовъ, т.-е. организ. и неорганизованныхъ (гр. 3):

Елецкій	498	50,2	63,7
Ливенскій	541	47,9	54,7
Малоархангельскій	499	48,2	52,2
Орловскій	392	54,3	61
Мценскій	414	44,5	54,5
Болховской	371	38,8	55,3
Кромской	205	62,4	66,3
Карачевскій	336	30,4	34,2
Дмитровскій	155	61,9	71
Сѣвскій	165	57,6	80,6
Трубчевскій	219	71,2	78,1
Брянскій	324	51,5	62,7
По губерніи	4,114	49,4	58,6

Короче, пользуются школами ³/₅ всѣхъ селеній, а ²/₅ (1,729) лишены всякаго ихъ вліянія и обречены въ настоящее время на безграмотность. Еще болѣе грустные результаты получаемъ, если принять въ разсчетъ исключительно организованныя школы: только *половина* селеній пользуется ими! Что касается распредѣленія школъ по территоріи уѣзда, то наряду съ мѣстностями, хорошо ими обезпеченными, попадаются довольно значительныя темныя пятна поголовной безграмотности. Оставляя въ сторонѣ разсчетъ числа дворовъ и душъ населенія, приходящихся на 1 школу, не лишне привести количество дѣтей (крестьянскихъ) въ возрастѣ 9—12 лѣтъ, приходящихся на одну: 1) земскую и 2) организованную школу: въ Елецкомъ уѣздѣ 306 и 242, Ливенскомъ—279 и 197, Малоархангельскомъ—

367 и 203, Орловскомъ—301 и 150 *), Мценскомъ—427 и 183, Болховскомъ—442 и 279, Кромскомъ—244 и 200, Карачевскомъ — 362 и 309, Дмитровскомъ—193 и 174, Сѣвскомъ—306 и 278, Трубчевскомъ—319 и 294, Брянскомъ—373 и 248; по губерніи—309 и 209.

Количественный учетъ грамотности сельскаго населенія губерніи.

Обращаясь теперь къ количественному учету грамотности деревенскаго населенія, видимъ прежде всего, что изъ общаго числа учащихся—62,592, мальчиковъ 53,515 (85,5%), дѣвочекъ 9,077 (14,5%) **). При этомъ на долю земскихъ школъ приходится 35,610 учащихся (89,1% м. и 10,9% дѣв.), министерскихъ—1,019 (94% и 6%), сельскихъ частныхъ—968 (71% и 29%), церковно-прих.—8,952 (85,1% и 14,9%), школъ грамоты—11,900 (90,3% и 9,7%), т.-е. число учащихся въ двухъ послѣднихъ составляютъ около 4/7 учащихся въ земскихъ школахъ. Кромѣ того, надо отмѣтить, что и пользованіе каждой отдѣльной земской школой значительно интенсивнѣе, чѣмъ школами грамоты и церковно-прих.: на первую приходится, въ среднемъ, 69,7 уч. обоего пола въ то время, какъ на вторую—31,5, а на третью—56,1. Перевѣсъ мальчиковъ надъ дѣвочками констатируется во всѣхъ разрядахъ школъ (дѣв.—12,9%) и, «кромѣ предразсудка части населенія въ безполезности для дѣвочекъ грамоты, имѣетъ объясненіе еще и въ томъ, что *существующія школы переполнены мальчиками настолько, что для дѣвочекъ не остается мѣста* ***).

Такъ какъ, кромѣ дѣтей нормальнаго школьнаго возраста, существующаго, впрочемъ, пока больше въ теоріи ****), въ сельскихъ школахъ встрѣчаются учащіеся моложе 9 и старше 12 лѣтъ, и такихъ въ организованныхъ школахъ мальчиковъ 31% всего ихъ числа, а дѣвочекъ—21%—то, высчитывая процентъ учащихся всѣхъ возрастовъ по отношенію къ числу дѣтей 9—12 лѣтъ, мы не сдѣлаемъ чувствительной ошибки, потому что въ общемъ всегда, всетаки, будемъ имѣть дѣло съ *четырьмя* возрастными группами. Вѣдь, суть всѣхъ мѣропріятій въ сферѣ начальнаго народнаго образованія въ томъ, чтобы всему населенію доставить возможность пройти курсъ (3—4 лѣтній) начальной школы независимо отъ того, въ какомъ возрастѣ онъ проходится, поступаетъ ли въ школу 8 или 13-лѣтній ученикъ. Тѣ дѣти, которыя проведутъ въ ней 4 зимы, начавъ свое образованіе съ 8 лѣтъ и окончивъ 12, тѣмъ самымъ уменьшаютъ число 13-лѣтнихъ, нуждающихся

---

*) Сильное пониженіе этой данной объясняется наличностью филіальныхъ отдѣленій.

**) Эти цифры немного ниже дѣйствительныхъ.

***) *Сборникъ статистич. свѣдѣній и матеріаловъ по начальному народн. образ. въ Орловской губ. за 1894—5 уч. г.* Изд. 1897 г., стр. 17—18. Курсивъ нашъ.

****) Съ этимъ согласенъ и сборникъ, говоря, что „фактъ нахожденія въ школѣ дѣтей самыхъ разнообразныхъ возрастовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что не успѣло еще выработаться точно опредѣленнаго школьнаго возраста“.

въ школьномъ обученіи; то же (съ понятными измѣненіями) можно сказать относительно поступающихъ 10 и оканчивающихъ 14 лѣтъ. Обратимся къ таблицѣ, имѣющей цѣлью познакомить съ такимъ именно разсчетомъ.

УѢЗДЫ.	На 100 мальч. 9 — 12 лѣтъ приходится учащихся мальчиковъ всѣхъ возрастовъ Въ школахъ			На 100 дѣв. 9—12 лѣтъ приходится учащихся дѣвочекъ всѣхъ возрастовъ Въ школахъ		
	Земск.	Орган.	Всѣхъ.	Земск.	Орган.	Всѣхъ.
Елецкій	38,4	45,4	60,1	5,6	6,7	8,2
Ливенскій	46	58,6	72	6,5	9,6	11,6
Малоархангельскій . .	48,1	61,7	69,5	6,3	9,9	10,8
Орловскій	40,8	64,7	78	6,1	9,4	12
Мценскій	26,3	55,9	75,7	2,5	5,8	9,5
Болховской	35,5	47,5	62,8	2,8	3,9	6
Кромской.	64	74	81,2	7,3	8,2	8,7
Карачевской.	31,5	37,1	45,5	2,2	3	3,5
Дмитровскій	52	56	63,9	2,7	4	4,6
Сѣвскій	38,1	40,2	62,7	3,5	3,9	7,1
Трубчевскій	33,8	36	42,9	5,1	5,4	6,4
Брянскій	27,6	49,1	64,4	4	12,4	14,7
По губерніи . . .	39,9	52,2	65,4	4,9	7,3	9,1

Слѣдовательно, неучащихся мальчиковъ 34,6%, а дѣвочекъ 90,9%! «Оказывается, что нѣтъ ни одного уѣзда, въ которомъ число всѣхъ учащихся въ земскихъ школахъ превышало бы $^2/_3$ числа дѣтей 9—12 лѣтъ. Въ громадномъ большинствѣ уѣздовъ (10 изъ 12) земскія школы не вмѣщаютъ въ своихъ стѣнахъ и половины этого числа дѣтей. Дѣятельность (организованныхъ) школъ другихъ типовъ приводитъ къ поднятію числа учащихся лишь настолько, что уѣзды располагаются въ такія три группы: въ 6 уѣздахъ учащіеся составляютъ болѣе $^1/_3$, но менѣе $^1/_2$ числа дѣтей четырехъ возрастныхъ группъ, въ 5 уѣздахъ—въ школахъ находятъ себѣ мѣсто отъ $^1/_2$ до $^2/_3$ такого числа и только въ *одномъ* Кромскомъ уѣздѣ процентъ учащихся достигаетъ 74 (около $^3/_4$)» *).

Сборникъ отказывается дать точныя числа школъ, необходимыхъ для осуществленія идеи всеобщаго и притомъ безплатнаго обученія, съ одной стороны, вслѣдствіе не установившихся нормъ учащихся на одну школу, на одного преподавателя, съ другой—въ виду неимѣнія еще разработанныхъ съ достаточною полнотой свѣдѣній объ условіяхъ, такъ или иначе препятствующихъ посѣщенію школы крестьянскими дѣтьми. Составители его «имѣли главнѣйшею цѣлью иллюстрировать плохо укладывающіяся въ памяти, а, между тѣмъ, весьма важныя числа дѣтей, остающихся за школьнымъ порогомъ».

---

*) *Сборникъ*, стр. 44.

Уѣзды.	Число существующихъ сельскихъ организов. школъ.	Сколько школъ надо открыть для всѣхъ неучащихся въ организован. школахъ при 4-хъ лѣтнемъ курсѣ. Для мальчиковъ.	Для дѣвочекъ.	Сколько школъ надо открыть для совсѣмъ неучащ. при 4 лѣтн. курсѣ обоего пола.	Сколько учащ. на одну школу принято въ этихъ вычисленіяхъ.
Елецкій	90	87	237	211	67,8
Ливенскій	127	70	229	203	72,8
Малоархангельскій	74	35	116	108	83
Орловскій	82	31	110	96	70,5
Мценскій	43	29	88	72	63
Болховской . . .	38	33	92	78	85
Кромской	50	15	66	61	88,3
Карачевскій . . .	34	54	137	129	61,1
Дмитровскій . . .	52	36	115	108	54,9
Сѣвскій	44	58	142	117	66,4
Трубчевскій . . .	38	60	145	138	60,7
Брянскій	54	58	154	134	59,9
По губерніи . .	726	566	1631	1456	—

Можно ли послѣ всего этого отклонять чьи-либо услуги въ дѣлѣ расширенія школьной сѣти? Конечно, нѣтъ, и земство это прекрасно сознаетъ. Между тѣмъ, многіе почему-то склонны видѣть его будто бы борьбу съ духовенствомъ по поводу церковно-приходскихъ школъ. Тутъ крупное недоразумѣніе. Относясь отрицательно къ вопросу о преобразованіи своихъ школъ въ церковно-приходскія, считая подобную мѣру значительнымъ шагомъ назадъ, земство вовсе не является принципіальнымъ противникомъ послѣднихъ, оно признаетъ ихъ немаловажное значеніе для безграмотнаго сельскаго населенія. Но современная постановка церковно-приходскихъ школъ нашей, напримѣръ, губерніи настолько неудовлетворительна, что земство не можетъ относиться къ нимъ положительно. Развѣ не замѣчательны слова гласнаго отъ крестьянъ г. Сангурова (XXXII очередное карачевское земское собраніе), сказавшаго, что «крестьяне не хотятъ церковно-приходскихъ школъ, гдѣ недѣлю учатъ плохо, а мѣсяцъ—нѣтъ» *).

Что касается взгляда на школы грамоты, то земства Орловской губ. стоятъ въ этомъ отношеніи на правильномъ пути: отдавая имъ должное, они, однако, не успокоиваются на мысли, что эти школы удовлетворяютъ потребности населенія въ начальномъ образованіи. Они понимаютъ, что плохой учитель—вопіющій недостатокъ этой школы, и многое дѣлаютъ для его улучшенія. Но, такъ или иначе, земство наше, какъ и всѣ остальныя, не можетъ осуществить идею безплатнаго всеобщаго обученія только своими и сельскихъ обществъ средствами,—бюджетъ его много ниже необходимаго и притомъ сильно пошатнулся, благодаря плохимъ урожаямъ 1896—1897 гг.

*) *Орловскій Вѣстникъ* 1897 г., № 264.

Учащіеся и причины, препятствующія исправному ими посѣщенію школъ.

Сословное подраздѣленіе учащихся всѣхъ школъ слѣдующее: мальчиковъ-крестьянъ 97,3%, мѣщанъ 2,1, духовныхъ 0,5, другихъ привилегированныхъ сословій 0,1; дѣвочекъ соотвѣтственно—84,9%; 10,1; 4,2; 0,8. Грамотными въ школы поступаютъ: мальчиковъ въ земскія 4,3%, министерскія 14,5, частныя 8, церковно-приходскія 7,7; дѣвочекъ—4; 11,5; 6 и 45,9. Около половины всѣхъ учащихся находится въ I отдѣленіи, около 1/3 во II и только 1/5 мальчиковъ и около 1/7 дѣвочекъ доходятъ до III отдѣленія. По числу зимъ, проведенныхъ въ школѣ, учащіеся мальчики распредѣляются равномѣрнѣе дѣвочекъ. Большинство дѣтей, поступающихъ въ школу моложе 8 лѣтъ, проводитъ въ ней 1—2 зимы; на болѣе продолжительное время остаются немногіе; изъ числа же поступающихъ въ возрастѣ 9—10 лѣтъ почти всѣ остаются въ школѣ на вторую и третью зиму и порядочное количество на четвертую. Число оканчивающихъ курсъ сельскихъ школъ весьма незначительно, даже по отношенію къ количеству учащихся: въ послѣднихъ отдѣленіяхъ они составляютъ только около 50%.

Не говоря ниже о главной причинѣ, препятствующей поступленію въ школы, именно о переполненности послѣднихъ, мы остановимся на остальныхъ, тормозящихъ исправное посѣщеніе училищъ. Изъ разсмотрѣнія данныхъ нашей губерніи видно, какъ значительно убываетъ число учащихся по мѣрѣ удаленія ихъ мѣстожительства отъ школы. Такъ, процентъ учащихся мальчиковъ, живущихъ въ разстояніи до 1 версты, равенъ 76,2, отъ 1 до 2 вер. — 9,5, отъ 2 до 3 вер. — 6,3, отъ 3 до 4 вер. — 4,2 и далѣе—3,8; процентъ дѣвочекъ вообще меньше: 84,6; 6,6; 2,5; 1,8 и 4,5. Слѣдовательно, «разстояніе отъ школы даже отъ 1 до 2 верстъ влечетъ за собою уменьшеніе числа учащихся изъ такихъ селеній въ 8 разъ. О болѣе удаленныхъ поселкахъ можно прямо сказать, что они почти совсѣмъ остаются внѣ вліянія организованныхъ школъ» *). Но этимъ дѣло не ограничивается. И числящійся уже контингентъ учениковъ очень непостояненъ въ зависимости отъ многихъ причинъ. Неисправное посѣщеніе школы обусловливается, по мнѣнію учащихъ, въ большинствѣ случаевъ климатическими, природными и экономическими неудобствами; чаще всего указываются зимніе холода, вьюги, разливъ рѣкъ, пересѣченная мѣстность, неимѣніе теплой одежды и обуви. «Весьма важное значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ о томъ, какія примѣняются средства для облегченія учащимся посѣщать училища изъ селеній, отстоящихъ отъ нихъ на далекое разстояніе. При широкомъ развитіи подобныхъ цѣлесообразныхъ средствъ, сверхъ того, что увеличивается кругъ могущихъ воспользоваться услугами школы, улучшается также самое пользованіе школами, исправность посѣщенія ихъ, а слѣдовательно, можетъ сократиться и то время, которое учащіеся упо-

---

* *Сборникъ*, стр. 59.

требляютъ на прохожденіе полнаго курса. Другими словами, можетъ до извѣстной степени сократиться періодъ школьнаго обученія, а слѣдовательно—школьнаго возраста» *). Между тѣмъ, вотъ много говорящія цифры. Выбыло изъ земскихъ школъ за отдаленностью: мальчиковъ 6,7%, дѣвочекъ 6,3, изъ церковно-приходскихъ—12,5 и 11,2, изъ министерскихъ—8,7 **), изъ частныхъ—4,2 и 1,9; по неимѣнію теплой одежды: изъ земскихъ—16,9 и 14,6, изъ церковно-приходскихъ—15 и 19,8, изъ министерскихъ—8,2 **), изъ частныхъ—1,1 **).

Большею частью отдаленнаго отъ школы ученика пристраиваютъ въ ближайшее къ ней селеніе, преимущественно къ родственникамъ, причемъ, за малыми исключеніями, пищевое довольствіе поставляется родителями въ видѣ продуктовъ на извѣстный промежутокъ времени. Условія квартированія крайне разнообразны, цѣна колеблется отъ 50 коп. до 6 руб. Извѣстны слѣдующіе размѣры *помѣсячной* платы: 50 коп. (2 сообщенія), 75 коп. (1), 1 руб. (2), 2 руб. (1), 2 руб. 30 коп. (1), 3 руб. (6), 4 руб. (1), 5 руб. (1), 6 руб. (1). Кромѣ того, разсчетъ производится часто натурою—хлѣбомъ, сѣномъ, овсомъ, дровами, полотномъ и т. п. Изъ этого можно составить довольно ясное представленіе о тѣхъ громадных, расходахъ, которые принуждены нести удаленныя отъ школъ семьи. А надо ли распространяться о значеніи 4—15 руб., не говоря уже о 25—36 руб., въ современномъ крестьянскомъ бюджетѣ? Тогда какъ, напримѣръ, во Владимірской губ. въ 1887 г. было уже 50 ночлежныхъ школьныхъ пріютовъ, въ Московской въ томъ же году—37, въ Пермской, по свѣдѣніямъ 1896 г., 68 общежитій и 52 ночлежныхъ пріюта, у насъ, къ сожалѣнію, въ этой области не сдѣлано почти ничего. Статистическое отдѣленіе губернской земской управы только отъ 24 сельскихъ школъ ***) получило указанія о примѣненіи въ нихъ нѣкоторыхъ мѣръ; изъ нихъ 23 земскихъ распредѣляются: 10 въ Елецкомъ у., по 1 въ Ливенскомъ, Малоархангельскомъ, Кромскомъ, Дмитровскомъ и Трубчевскомъ, по 2 въ Мценскомъ и Болховскомъ, 4 въ Орловскомъ, и 1 частное въ Малоархангельскомъ. Сами по себѣ мѣры эти представляютъ: въ 9 школахъ общественныя подводы, въ 6 ночлегъ при нихъ, въ 4 изготовленіе горячей пищи, въ 4 ночлегъ и горячая пища, въ 1 ночлегъ и подводы. «Безъ сомнѣнія,—говоритъ сборникъ,—приведенныя данныя о количествѣ училищъ, изъ которыхъ далеко живущіе учащіеся остаются на ночевку, не исчерпываютъ всѣ случаи; дѣти остаются ночевать и при другихъ школахъ, кромѣ перечисленныхъ, но гг. учащіе не дали объ этихъ школахъ такихъ свѣдѣній, вѣроятно, вслѣдствіе *случайности* ****) явленія. Между тѣмъ, какъ при 11 названныхъ училищахъ но-

*) *Сборникъ*, стр. 61.

**) Мальчиковъ.

***) Въ виду крайней неполноты отвѣтовъ на этотъ вопросъ учителей церковно-приходскихъ школъ, при дополнительной разсылкѣ вопросныхъ программъ въ эти школы онъ былъ опущенъ, и потому эти школы сюда не вошли.

****) Курсивъ здѣсь и дальше нашъ.

чевка является, *можно думать*, болѣе или менѣе *постояннымъ* явленіемъ» *). Не всякому, конечно, уѣздному земству по средствамъ устройство особыхъ школьныхъ ночлежныхъ пріютовъ, а тѣмъ болѣе общежитій, но дать возможность переспать 2—3 бурныхъ, морозныхъ ночи въ классныхъ комнатахъ, право, ничего не стóитъ, потому что врядъ ли для поддержанія должной температуры этихъ послѣднихъ потребуется сколько-нибудь значительное увеличеніе суточной дровяной дачи. Нѣтъ словъ, пріюты гораздо желательнѣе: только они могутъ предоставить учащимся здоровый, подкрѣпляющій сонъ. Что же касается постоянной жизни болѣе отдаленныхъ учениковъ въ помѣщеніи классовъ, то надо ли говорить, что она невозможна? Приготовленіе горячей пищи должно быть обязательнымъ для всѣхъ начальныхъ организованныхъ школъ, къ какому бы вѣдомству онѣ ни принадлежали, по крайней мѣрѣ, для живущихъ за предѣлами школьнаго селенія. Продолжительность учебнаго дня, равная для земскихъ школъ нашей губерніи 6,1 часа, много еще увеличивающаяся проходомъ изъ дому и назадъ, такъ велика для подростка, а тѣмъ болѣе ребенка, не получившихъ, къ тому же, ничего горячаго передъ уходомъ въ школу, что отсутствіе горячей пищи въ дневной перерывъ занятій безусловно не должно быть допускаемо. Организація такихъ обѣдовъ, состоящихъ хотя бы изъ одного супа, не требуетъ тоже никакихъ сколько-нибудь значительныхъ расходовъ со стороны земства, такъ какъ готовиться они могутъ тамъ же, гдѣ стряпается и учительскій обѣдъ, а дровъ для этого прибавлять придется очень немного. Что касается продуктовъ, то они должны доставляться самими школьниками; въ случаѣ же полной нищеты необходима земская помощь. Послѣдняя не будетъ очень велика, потому что если изъ 35,000 учащихся окажется такихъ даже 10%, т.-е. 3,500, то, принимая въ среднемъ 150 учебныхъ дней и по 2 коп. на человѣка, нужно будетъ 10,500 руб., значитъ по 890 руб. отъ уѣзда и по 445 р., если половину возьметъ на себя губернское земство. Тутъ, кстати, не можемъ умолчать о томъ болѣе чѣмъ скромномъ мѣстѣ, которое занимало последнее въ 1892 г. въ смыслѣ процентнаго отношенія расходовъ вообще на образованіе къ общему итогу расходовъ — не дальше, не ближе, какъ послѣднее, тридцать четвертое, 1,07%, иначе—2,000 р. изъ 187,000 р. **).

Учащіе и попечители.

Всѣхъ народныхъ учителей въ Орловской губ. 1,077; по разрядамъ школъ они распредѣляются: въ земскихъ 580 (47,7% женщинъ), въ церковно-приходскихъ 160 (16,9% женщинъ), въ школахъ грамоты 304, въ

---

*) *Сборникъ*, стр. 62.

**) *Русская Мысль* 1896 г., кн. VII. *Народное образованіе въ Саратовской губ.* На самомъ дѣлѣ еще меньше, потому что ассигновано было не 2,000 р., а 1,500 р. (и то на средне-учебныя заведенія г. Орла), т.-е. 0,8% смѣты. Снабженіе учащихся теплою одеждой и обувью въ большинствѣ земствъ придется оставить на обязанности родителей.

министерскихъ 17, въ частныхъ 16. Такъ какъ число двухъ послѣднихъ слишкомъ незначительно въ сравненіи съ двумя первыми, то мы и обратимъ вниманіе читателей на учащихъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ, какъ господствующихъ въ деревнѣ и притомъ организованныхъ.

Знакомясь съ сословнымъ раздѣленіемъ учащихъ, приходится констатировать сильное преобладаніе духовныхъ: 45,6% въ земскихъ и 85,5% въ церковно приходскихъ; затѣмъ слѣдуютъ крестьяне—20,8 и 10,1, мѣщане и купцы—18,3 и 1,3 и дворяне—15,3 и 5,1. Обращаясь къ средней нормѣ учениковъ, приходящихся на одного учащаго, видимъ, что она очень велика и вполнѣ подтверждаетъ справедливость жалобъ преподавателей на затруднительность удовлетворительной постановки дѣла, особенно, если еще принять во вниманіе групповое распредѣленіе одноклассниковъ; въ Елецкомъ у. въ земскихъ школахъ 53,8 чел., въ церковно-приход.—45,3, Ливенскомъ—71,9 и 48,5, Малоархангельскомъ—69,1 и 53,9, Орловскомъ—58,8 и 44,2, Мценскомъ—49,3 и 43,2, Болховскомъ—75,9 и 39,3, Кромскомъ—63,5 и 51,6, Карачевскомъ—61,1 и 33,3, Дмитровскомъ—50,8 и 38,4, Сѣвскомъ—55,4 и 27, Трубчевскомъ—52,1 и 50, Брянскомъ—58,2 и 61,3; по губерніи—60,4 и 47,9.

Насколько земство признаетъ полезность женскаго педагогическаго труда, настолько недовѣрчиво къ нему относится духовенство. Нѣтъ ни одного уѣзда, гдѣ бы % земскихъ учительницъ былъ ниже 29,8 (Дмитровскій), въ Карачевскомъ же—79,3, между тѣмъ въ церковно-прих. школахъ онъ не превышаетъ 30 (Орловскій), а въ четырехъ уѣздахъ: Кромскомъ, Дмитровскомъ, Сѣвскомъ и Трубчевскомъ,—преподавательницъ нѣтъ совершенно. Кстати сказать, послѣднія, какъ и учителя, являются вполнѣ самостоятельными и отвѣтственными лицами въ школѣ. «При распредѣленіи учащихъ на старшихъ и младшихъ или учителей и помощниковъ, мы видимъ, что, какъ среди земскихъ учащихъ мужского пола процентъ учителей равняется 91,5, а помощниковъ—8,5, такъ и среди учащихъ женскаго пола учительницы составляютъ 88,4%, а помощницы—11,6; въ церковно-приходскихъ школахъ изъ числа 27 учительницъ только одна помощница» [1]). Слѣдующая таблица показываетъ процентное распредѣленіе учащихъ по возрастамъ и семейному положенію:

ВОЗРАСТЪ.	Земскія школы. Учителей.	Земскія школы. Учительн.	Церк.-пр. школы. Учителей.	Церк.-пр. школы. Учительн.
До 20 лѣтъ . .	3	13,2	5,4	12
„ 20—35 л. .	81,3	78,2	70,6	76
„ 35—50 л. .	15	7,9	17,8	12
Старше 50 л. .	0,7	0,7	6,2	—

ПОЛЪ.	Земскія школы. Холост. Дѣвицъ.	Земскія школы. Женат. Замужн.	Земскія школы. Вдовыхъ. Вдовъ.	Церк.-приход. школы. Холост. Дѣвицъ.	Церк.-приход. школы. Женат. Замужн.	Церк.-приход. школы. Вдовыхъ. Вдовъ.
Учителей . .	56,4	41,9	1,7	88,8	7,4	3,8
Учительницъ.	51,9	43,3	4,8	84,6	7,7	7,7

[1]) *Сборникъ*, стр. 161.

Переходимъ къ образовательномому цензу учащихъ. Въ виду важности этого вопроса, считаемъ необходимымъ представить нижеслѣдующую таблицу, наглядно и притомъ полно знакомящую съ подробностями, оговоривъ, что *достаточною* подготовкой признается окончаніе высшихъ или средне-учебныхъ заведеній и, конечно, спеціально-педагогическихъ, *средней*—прогимназій или прохожденіе неполнаго курса названныхъ заведеній и *недостаточной*—уѣздныхъ, городскихъ, духовныхъ и низшихъ училищъ.

	Учителя.						Учительницы.					
	Земск. школъ.			Церк.-пр. школъ.			Земск. школъ.			Церк.-пр. школъ.		
Уѣзды.	Достаточ. подготов.	Средней.	Недост.	Достаточ.	Средней.	Недостат.	Достаточ.	Средней.	Недостат.	Достаточ.	Средней.	Недост.
Елецкій	34,8	21,7	43,5	17,7	23,5	58,8	70,7	19,5	9,8	100 [1])	—	—
Ливенскій.	81,5	5,6	12,9	43,5	34,8	21,7	77,8	—	22,2	66,7	—	33,3
Малоархангельск. .	38,1	33,3	28,6	30	35	35	68,4	10,5	21,1	80	20	—
Орловскій.	55,6	22,2	22,2	40	40	20	77,8	11,1	11,1	—	—	—
Мценскій.	54,5	9,1	36,4	20	33,3	46,7	66,6	16,7	16,7	80	—	20
Болховской. . . .	46,7	—	53,3	12,5	50	37,5	85,7	14,3	—	100	—	—
Кромской.	33,3	23,8	42,9	12,5	25	62,5	85,7	4,8	9,5	—	—	—
Карачевскій . . .	83,3	—	16,7	100 [2])	—	—	42,9	—	57,1	100 [1])	—	—
Дмитровскій . . .	21,2	24,2	54,6	25	50	25	44,4	33,3	22,3	—	—	—
Сѣвскій	65,5	10,3	24,2	—	—	100	50	—	50	—	—	—
Трубчевскій. . . .	56	4	40	—	100 [3])	—	54,5	9,1	36,4	—	—	—
Брянскій.	53,3	26,7	20	71,4	14,3	14,3	53,8	7,7	38,5	66,7	—	33,3
По губерніи. . . .	52,7	15,1	32,2	32,5	31,6	35,9	66,5	9,5	24	80,9	4,8	14,3

Изъ всей губерніи на педагогическихъ курсахъ было 7 земскихъ преподавателей и 12 преподавательницъ, на учительскихъ съѣздахъ—10 преподавателей и 27 преподавательницъ [3]).

Вотъ нѣкоторыя среднія данныя, довольно хорошо иллюстрирующія матеріальное положеніе сельскихъ учащихъ. Въ *земскихъ* школахъ получаютъ: учителя 233 руб. (Трубчевскій у. 272 р., Елецкій 199 р., но есть и 65 руб. въ Болховскомъ при среднемъ въ 220 р.), учительницы 206 р. (Сѣвскій и Трубчевскій уѣзды 240 р., Орловскій 116 руб., въ немъ же есть 100 руб.), помощники 122 руб. (Сѣвскій у. 240 р., Елецкій 60, но въ Мценскомъ 35 р. при среднемъ 77 р.), помощницы 168 руб. (Сѣвскій у. 240 р., Мценскій 110 руб., Елецкій 60 руб. при среднемъ 133 руб.); въ *церковно-приходскихъ:* учителя—136 руб. (Дмитровскій у. 240 руб., Болховской 77 руб., но есть и... 20 руб.), учительницы—135 р. (Брянскій у. 198 р., Карачевскій 60 руб. и въ Мценскомъ 46 руб. при среднемъ въ 90 р.), помощники—62 руб. (Ливенскій у. 120 руб., Мценскій 21 р. и въ

[1]) Всего одна учительница.

[2]) Всего одинъ учитель.

[3]) Въ школахъ грамоты изъ 304 учащихъ 280 учителей и 24 учительницы; изъ нихъ 16,1% съ достаточною подготовкой, 17,3%—со средней и 66,6%—съ недостаточной; среднее жалованье—32 рубля.

Елецкомъ 18 руб. при среднемъ въ 28 руб.), помощницы—35 руб.—онѣ (одна) есть только въ Болховскомъ уѣздѣ. Можно ли послѣ всего этого предъявлять къ учащимъ какія бы то ни было требованія о продолженіи полученнаго ими образованія, о выпискѣ періодическихъ изданій, о проявленіи любви къ дѣлу, терпѣливаго и добраго отношенія къ учащимся, когда учительство, при настоящихъ условіяхъ, есть скорѣе наказаніе, переносимое ими, какъ наиболѣе обездоленными изъ всѣхъ общественныхъ интеллигентныхъ работниковъ, чѣмъ нормальный трудъ! Мудрено ли, что у насъ 7 лѣтъ есть наибольшая средняя продолжительность земской учительской службы?! Между тѣмъ, вотъ, кажется, простое соображеніе для minimum'а въ 300 руб.:—если даже считать только 150 учебныхъ дней (на самомъ дѣлѣ ихъ почти всегда больше) по 5 часовыхъ уроковъ въ каждомъ, итого 570 часовъ, то неужели они не стоятъ 225 руб.—по 30 коп. каждый, а весь остальной трудъ учителя *), такъ сказать, внѣклассный, но врядъ ли менѣе тяжелый и, конечно, болѣе продолжительный—75 р. въ годъ?! Особенно, если принять еще во вниманіе, что 329 земскихъ учащихъ изъ 580 (57%) на получаемое жалованье содержатъ родственниковъ, рѣдко менѣе 2-хъ.

Кромѣ установленнаго жалованья, у насъ существуетъ выдача «наградъ», но этотъ расходъ за 1894—95 уч. г. для всей губерніи достигалъ только 1,635 р., причемъ въ нѣкоторыхъ земствахъ не превышалъ 30—45 руб. (малоархангельское, брянское, трубчевское), больше всего былъ въ елецкомъ—380 р., но зато далъ возможность отличиться ливенскому, ассигновавшему на 89 учащихъ... 15 руб. **). Изъ всѣхъ земскихъ учащихъ только 37 имѣютъ какой-нибудь посторонній заработокъ. Что касается обезпеченія народнаго учителя на-ряду со всѣми земскими служащими, въ случаѣ отставки, старости или неспособности къ труду, то въ нашемъ земствѣ до послѣдняго времени ничего въ этой области сдѣлано не было. Только теперь губернское земское собраніе 1897 года постановило поручить управѣ составленіе къ будущему собранію устава пенсіонной кассы на страховомъ началѣ, принявъ въ основаніе его министерскій проектъ и уставъ московскаго губернскаго земства.

Очень небольшая часть преподающихъ пользуется книгами для чтенія. Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствахъ они берутъ ихъ изъ земскихъ библіотекъ, но это возможно для очень небольшого круга учащихъ, такъ какъ обмѣнъ книгъ при значительныхъ разстояніяхъ школъ отъ уѣзднаго города для многихъ прямо-таки немыслимъ. Изрѣдка имъ удается пользоваться любезностью попечителя, ближайшаго врача, помѣщика, снабжающихъ ихъ кое-какими изданіями, но все это, включая сюда и собственное пріобрѣтеніе, очень, повторяемъ, незначительно. «Изъ числа 514 земскихъ школъ въ губерніи найдется

*) Все это равно касается и учительницъ.

**) На губернскомъ собраніи 1897 года рѣшено предоставить народному учителю агентуру по страхованію скота, ради прибавки нѣсколькихъ лишнихъ рублей къ его скудному жалованью.

меньше четверти, или 23,9%, учителя которыхъ имѣютъ возможность пользоваться книгою для чтенія; школъ же съ учителями, получающими журналъ или газету, насчитывается 110, или 21,4%; такимъ образомъ, ясно, что болѣе, чѣмъ три четверти преподавателей, находятся внѣ возможности дополнять свое образованіе путемъ чтенія книгъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ такихъ учителей насчитывается *девять десятыхъ* (Карачевскій) или немного меньше (Кромской). Сравнительно лучшими въ этомъ отношеніи уѣздами отмѣчены Орловскій, Малоархангельскій и Елецкій, гдѣ учителей, пользующихся книгами для чтенія, отъ 53,6 до 40,8%» *).

Что касается законоучителей, то земскихъ школъ, гдѣ эту обязанность несутъ учителя, — 10, особыхъ же законоучителей — 329 на 447 школъ. Вознагражденіе ихъ, равное въ среднемъ 44 руб., достигаетъ maximum'a, 60 руб., въ Брянскомъ, Трубчевскомъ и Карачевскомъ уѣздахъ, и minimum'a, 25 руб., въ Орловскомъ у. Несмотря на очень небольшое недѣльное число часовъ занятій (5,7), въ отвѣтахъ учащихъ статистическому губернскому отдѣленію сплошь и рядомъ приходится наталкиваться на совершенное пренебреженіе законоучителями своихъ обязанностей,—«за дальностью разстоянія рѣдко бываетъ на урокахъ», «имѣетъ очень большой приходъ», «преподаетъ въ двухъ школахъ», «по случаю старости и болѣзни не занимался весь учебный годъ». Въ виду всего этого, нѣкоторыя земства ввели поурочную плату.

Въ судьбахъ сельской школы довольно видную иногда роль играетъ лицо, хотя и неприкосновенное непосредственно къ дѣлу обученія въ ней, но могущее такъ или иначе оказывать вліяніе на внутреннюю ея жизнь. Мы говоримъ о попечителѣ, о томъ, по большей части, ближайшемъ сосѣдѣ школы, которому предоставлено право входить въ ея нужды и быть представителемъ ея интересовъ. Наибольшій контингентъ попечителей земскихъ школъ принадлежитъ къ сословію дворянъ—206 лицъ, вторую группу составляютъ крестьяне—127 чел., затѣмъ слѣдуютъ купцы и мѣщане—37 чел. и духовные—20 чел.; въ церковно-приходскихъ школахъ тоже большинство дворянъ—30 чел., купцовъ и мѣщанъ—16 чел., крестьянъ—14 чел. и духовныхъ—7 чел. (?—это характерно). Почти половина тѣхъ и другихъ окончила среднее образованіе, съ высшимъ въ земскихъ школахъ 23,5%, въ церковно-приходскихъ—14,3%; неграмотныхъ и въ тѣхъ, и въ другихъ училищахъ, при выводѣ губернскаго средняго, сравнительно очень незначительный процентъ; въ Мценскомъ у. ихъ нѣтъ совсѣмъ, а въ Дмитровскомъ у., гдѣ преобладаютъ попечители-крестьяне,—31,3%.

Школьныя помѣщенія.

Прежде чѣмъ разсматривать ихъ въ гигіеническомъ отношеніи, мы скажемъ, насколько они постоянны, на чьей землѣ выстроены и кому принадлежатъ. Для выясненія всего этого приводимъ таблицу процентнаго отношенія.

*) Сборникъ, стр. 174.

Разряды школъ.	Расположены на землѣ: Города.	Частныхъ лицъ.	Крестьянъ.	Церковной.	Арендуемой.	Казенной.	Зданія: Собственныя.	Даровыя.	Наемныя.
Земскія	0,2	12,7	74,2	11,2	1,4	0,2	86,3	8,1	5,6
Церк.-приходскія	—	21,7	25,6	52,7	—	—	60,9	33,3	5,8
Министерскія	—	10	80	—	—	10	100	—	—
Частныя	—	90	—	10	—	—	45,5	45,5	9
По губерніи	0,2	15,6	63,3	19,5	1,4	0,3	80,9	13,5	5,6

Такъ какъ крестьянская земля отводится школѣ по общественному приговору, и сами крестьяне въ ней наиболѣе заинтересованы, то училища, расположенныя на ихъ землѣ, меньше всѣхъ другихъ подвержены возможности быть удаленными; не такую прочную гарантію представляютъ школы, помѣщенныя на церковной землѣ, особенно если онѣ свѣтскія, такъ какъ во всякое время могутъ лишиться своего помѣщенія, какъ это и было съ нѣсколькими школами елецкаго, ливенскаго и др. земствъ *). Еще меньше обезпечены училища, расположенныя на землѣ частныхъ лицъ и учрежденій, гдѣ удаленіе ихъ часто зависитъ какъ отъ перехода земли другому владѣльцу, такъ и отъ перемѣны личныхъ отношеній къ школѣ.

Другая таблица хорошо поясняетъ способъ постройки и ея матеріалъ (въ процентахъ числа зданій):

Разряды школъ.	Зданія: Каменныя.	Деревянныя.	Смѣшанныя [1]).	Зданія покрыты: Желѣзомъ.	Деревомъ.	Соломой.
Земскія	8,1	81,8	10,1	42,6	23,9	33,5
Церк.-приходскія	19	78	3	51,2	10,2	38,6
Министерскія	20	50	30	100	—	—
Частныя	17,2	82,8	—	70	—	30
По губерніи	10,8	80,4	8,8	45,7	20,3	34

Одна пятая часть всѣхъ школъ губерніи помѣщается вмѣстѣ съ другими учрежденіями и $^4/_5$ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ; къ послѣднимъ относятся всѣ министерскія школы, 84,2% земскихъ и 62,3% церковно-приходскихъ; при этомъ 82,8% всѣхъ школъ помѣщаются въ зданіяхъ, спеціально для нихъ построенныхъ.

Говоря о гигіеничности школьныхъ зданій, прежде всего надо указать на квадратное содержаніе пола и свѣтовой поверхности и кубическое—воздуха, приходящееся на 1 ученика. Выражая то и другое въ аршинахъ, (квадратн. и кубич.), получаемъ:

*) Въ отношеніи орловской духовной консисторіи за 1893 г. (№ 8359) читаемъ: „безвозмездная уступка помѣщеній подъ *земскія* школы не имѣетъ никакого основанія, какъ въ разсужденіи матеріальныхъ интересовъ тѣхъ церквей, такъ и въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія прихожанъ въ духѣ православной церкви“.

[1]) Деревянныя на каменномъ фундаментѣ.

Разряды школъ.	Въ зданіяхъ спеціальныхъ.		Въ зданіяхъ неспеціальныхъ.		На 1 кв. ар. вершковъ свѣтовой поверхности.	
	Пола.	Воздуха.	Пола.	Воздуха.	Въ здан. спеціальныхъ.	Въ здан. неспеціальныхъ.
Земскія	1,5 [2])	5,8 [3])	1,4 [4])	5,4 [5])	28,1	21,8
Церк.-приходскія	2	7,5	1,3	4,5	26,3	26,3
Министерскія	2,2	10,2	1,6	7,4	27	30,6
Частныя	2,6	11,5	2,1	8,5	22,3	33,9
По губерніи	1,6	6,3	1,4	5,3	27,6	26,7

Если сравнить площадь пола и кубическое содержаніе воздуха, прихо дящіяся, въ среднемъ, на 1 ученика, а также отношеніе свѣтовой поверхности къ площади пола съ *минимальною* нормой, установленной для школьныхъ помѣщеній проф. Ѳ. Ѳ. Эрисманомъ *), увидимъ, что, въ среднемъ, по губерніи ни тѣ, ни другія зданія далеко не удовлетворяютъ ни одному изъ этихъ требованій гигіены. Многія помѣщенія кромѣ того холодны и угарны.

Учебный курсъ, руководства и пособія.

Въ виду преподаванія въ организованной народной школѣ четырехъ предметовъ: Законъ Божій, славянскій языкъ, русскій языкъ и ариѳметика—ученики ихъ могутъ считаться обезпеченными учебниками, если у каждаго изъ нихъ имѣется не меньше четырехъ томовъ. Между тѣмъ въ Елецкомъ уѣздѣ приходится на одного учащагося въ земскихъ школахъ по 3,2 тома, въ церк.-приход. *7,4*, Ливенскомъ 2,6 и 4,2, Малоархангельскомъ—*1,8* и 2,3, Орловскомъ—3,5 и 5,4, Мценскомъ—3,5 и 3,7, Болховскомъ—3,3 и 3,4, Кромскомъ—*1,8* и *4,9*, Карачевскомъ—3,7 **), Дмитровскомъ—1,9 и 4,5, Сѣвскомъ—2,8 и 2,8, Трубчевскомъ—*4,2* **) Брянскомъ—4 и 5,1. Поэтому только 47,1% земскихъ школъ и 59 цер ковно-приходскихъ могутъ быть признаны удовлетворяющими нужды учащихся въ руководствахъ. Послѣднія вмѣстѣ съ классными принадлежностями получаются учениками въ большинствѣ случаевъ безплатно: они пріобрѣтаются, главнымъ образомъ, на средства земства, а потомъ уже частныхъ лицъ и сельскихъ обществъ; только въ Дмитровскомъ у. весь расходъ лежитъ на послѣднихъ, а въ 9 школахъ (1 въ Елецкомъ уѣздѣ,

---

[2]) Maximum и minimum: Трубчевскій у.—2, Малоархангельскій—1,2.

[3]) „ „ „ Трубчевскій у.—8,4, Малоарханг. и Кромской—4,7.

[4]) „ „ „ Карачевскій у.—3,2, Кромской—0,9.

[5]) „ „ „ Мценскій у.—16,7, Кромской—3,8.

*) Площадь пола 2,25 кв. ар., куб. сод. воздуха 10,8 куб. ар. и свѣтовая поверхность 42,7 кв. верш. на 1 кв. ар. пола.

**) О церк.-приход. школахъ свѣдѣній не имѣется.

7 въ Дмитровскомъ и 1 въ Трубчевскомъ) на ученикахъ или, точнѣе, ихъ родителяхъ. Что касается церковно-приходскихъ школъ, то въ 123 школахъ дается все также безплатно, въ одной покупается учащимися, объ остальныхъ свѣдѣній нѣтъ *). То же самое въ министерскихъ и частныхъ школахъ *).

Вотъ наиболѣе употребительные учебники земскихъ школъ: 1) по Закону Божію «Священная исторія» Аѳинскаго (въ 53,1% школъ), Дм. Соколова —(14,8%), Чельцова (въ Сѣвскомъ у.); Евангеліе употребляется въ 25,7%; 2) по славянскому языку—Евангеліе, Псалтирь (7,6%), Часословъ (6%); 3) по русскому языку «Наше Родное» Баранова **) (55,6%), «Книга для чтенія Баранова (6,4%), грамматика Тихомирова (8,5%) и Пуцыковича (7%); 4) по ариѳметикѣ—задачникъ Гольденберга (33%) и Евтушевскаго (32,3%). Въ церковно-приходскихъ школахъ учебники крайне разнообразны. Руководствами для учащихъ земскія школы количественно обезпечены лучше, чѣмъ учебниками для учащихся. Изъ 400 школъ, зарегистрованныхъ въ этомъ отношеніи, только въ трехъ нѣтъ никакихъ пособій. Самое большое, въ среднемъ, количество названій въ школахъ Трубчевскаго у. (12,4), самое меньшее въ Кромскомъ (5,1). Зато въ церковно-приходскихъ хуже: maximum въ Брянскомъ у. (6,2), minimum въ Дмитровскомъ (1). Въ министерскихъ и частныхъ цифры эти несравненно выше: 50,3 и 15,8. Судить, какія именно это руководства, сколько-нибудь точныхъ данныхъ не имѣется. Что касается школъ грамоты, то учебныя пособія, руководства и классныя принадлежности присылаются имъ, главнымъ образомъ, епархіальнымъ совѣтомъ: онъ снабжаетъ 67% всего ихъ числа, а въ 11,8% ученики пріобрѣтаютъ все сами. Въ 27 земскихъ школахъ преподается, сверхъ обычнаго курса, свѣтское пѣніе, въ 112—церковное, въ 37—то и другое, въ 40—гимнастика, въ 15 рукодѣліе, въ 15—садоводство и огородничество, въ 6—переплетное мастерство, въ 1—столярное, въ 1—сапожное, въ 1—портновское. Всѣ такія занятія ведутся, въ большинствѣ случаевъ, самими же учащими, получающими за это небольшое добавочное вознагражденіе.

---

*) Къ даннымъ о церковно-приходскихъ школахъ нужно относиться съ большой осторожностью, потому что имѣющіяся о нихъ въ распоряженіи статистич. отд. губернской земской управы свѣдѣнія двояки: полученныя непосредственно отъ учащихъ и черезъ отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, и поражаютъ своимъ несходствомъ. „Иногда прямо-таки не вѣрится,—говоритъ сборникъ,—что свѣдѣнія даются объ одной и той же школѣ. Подчасъ различія касаются чуть ли не всѣхъ вопросовъ. Особенно больное мѣсто составляютъ вопросы: о размѣрахъ классныхъ комнатъ, о расходахъ на школы, о преподавателяхъ, объ учебныхъ пособіяхъ и руководствахъ, о библіотекахъ, т.-е. всѣ наиболѣе существенные вопросы. *Обыкновенно въ отвѣтахъ, прошедшихъ черезъ отдѣленія училищнаго совѣта, приводятся болѣе высокія цифры*“.

**) Вмѣсто Ушинскаго, Водовозова, Бунакова, Корфа, Паульсона, Рождественскаго!

Школьныя библіотеки.

«При кратковременности курса въ нашей народной школѣ, учитель успѣваетъ дать учащимся только простую грамотность. Мысль же ихъ начинаетъ работать, умственный кругозоръ—расширяться подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, чтенія книгъ. Поэтому одно изъ дѣйствительныхъ средствъ противъ рецидива безграмотности, противъ нравственнаго и умственнаго невѣжества — это умная книга, хорошая библіотека. *Нормальная школа такъ же немыслима безъ хорошей библіотеки, какъ невозможна жизнь безъ движенія.* А при отсутствіи почти во всѣхъ селеніяхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ вліяніе школьной библіотеки, выходя за тѣсные предѣлы школы, отражается благотворно и на остальномъ грамотномъ населеніи» *) Все это вполнѣ справедливо, но дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ пожеланіямъ губернской земской управы. Изъ 696 организованныхъ школъ **) библіотеки имѣются только при 315 (45,3%), причемъ на долю земскихъ школъ приходится 219 (42,6%), церк.-прих.—79 (49,4%), частныхъ—7 (58,3%) и только министерскія школы всѣ снабжены библіотеками. Поуѣздное (процентное) распредѣленіе библіотекъ крайне неравномѣрно. Такъ, въ Елецкомъ у. такихъ земскихъ школъ 67,7, церк.-приход.—70,6, Ливенскомъ—52,2 и 37,1. Малоархангельскомъ—17,1 и 53,6, Орловскомъ—41,5 и *22,2*, Мценскомъ—*72,2* и 62,5, Болховскомъ—2,5 и 30,8, Кромскомъ—29,3 и *7,5*, Карачевскомъ—20,7 и 25, Дмитровскомъ—*8,5* и 60, Сѣвскомъ—60 и 33,3, Трубчевскомъ—27,8 и 100 ***), Брянскомъ—69,4 и 46,2. Сравнительную незначительность числа библіотекъ можно отчасти объяснить юностью ихъ: существующихъ меньше 5 лѣтъ 66%, отъ 5 до 10 лѣтъ—9,2%, болѣе 10 лѣтъ—24,8%,—это земскихъ; церк.-приход.: первыхъ 87,1, вторыхъ—12,9 и третьихъ не имѣется. Что касается вопроса о томъ, по чьей иниціативѣ возникли всѣ эти учрежденія, то, несмотря на двадцатисемилѣтнее существованіе всевозможныхъ пріятныхъ §§ 19-хъ, 25-хъ... всевозможныхъ же инструкцій инспекторамъ народныхъ училищъ, по иниціативѣ ихъ *и училищныхъ совѣтовъ*, открыто только 21,2% всѣхъ земскихъ библіотекъ; починомъ земства послѣднихъ основано значительно больше—45,2%, но и оно, разумѣется, не должно считать себя выполнившимъ задачу, такъ какъ, кромѣ всего другого, въ трехъ уѣздахъ изъ 12—Малоархангельскомъ, Болховскомъ и Дмитровскомъ—земскихъ школьныхъ библіотекъ нѣтъ совершенно. Библіотеки церк. приход. школъ частью (71,2%) обязаны своимъ существованіемъ епархіальному училищному совѣту, 28,5%—частнымъ лицамъ. Свѣдѣнія о существованіи библіотекъ въ министерскихъ школахъ имѣются только изъ 4-хъ: изъ нихъ одна возникла благодаря «стараніямъ» училищнаго совѣта и дирекціи съ инспекціей, остальныя три—частныхъ лицъ.

---

*) *Сборникъ*, стр. 125. Курсивъ нашъ.

**) Министерскія, частныя, земскія и церк.-приход.

***) Потому что всего одна церк.-приход. школа и при ней-то библіотека.

Что касается содержанія библіотекъ, то изъ 180 зарегистрованныхъ въ этомъ отношеніи *земство* содержитъ 55,6%, что составляетъ: въ Елецкомъ у. 53,8%, Ливенскомъ—50, Орловскомъ—70,6, Мценскомъ—38,5, Болховскомъ—16,7, Кромскомъ—23,1, Карачевскомъ—75, Сѣвскомъ—75, Трубчевскомъ—66,7, Брянскомъ—*87*,*7*, въ Малоархангельскомъ и Дмитровскомъ *ни одной*; *училищный совѣтъ*—10%, *сельскія общества*—3,3, *частныя лица*—29,4, *другія учрежденія*—1,7; церк.-приход. библіотеки, главнымъ образомъ, содержатся епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ—64,4%, вдвое меньшее число частными лицами—32,9 и очень незначительное—2,7% сельскими обществами.

Каталоги оставляютъ желать многихъ улучшеній, даже преобразованій. Такъ, книги беллетристическаго содержанія самымъ высокимъ процентомъ названій *) входятъ въ библіотеки Елецкаго у. (44,3), самымъ низкимъ—Карачевскаго (10,5); какъ разъ обратно распредѣляются крайнія цифры духовно-нравственныхъ сочиненій: въ Карачевскомъ у.—28,2%, въ Елецкомъ—9,6; maximum историческихъ названій въ Малоархангельскомъ у.—18,8, minimum въ Елецкомъ—7,7; научныхъ: въ Елецкомъ у. 15,9%, въ Дмитровскомъ—5,9; сельско-хозяйственныхъ: въ Елецкомъ—12,5, въ Карачевскомъ—0,8; сказочныхъ: въ Брянскомъ—18,3, въ Карачевскомъ—4%. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ слѣдующихъ уѣздахъ *преобладаютъ* сочиненія беллетристическія: Елецкій—44,3, Ливенскій—22,4, Малоархангельскій—33, Орловскій—30,8, Мценскій—32,5, Дмитровскій—43, Брянскій — 22,9, Кромской—30,6, Сѣвскій—24,7 **); духовно-нравствен.: Болховской—32,7, Карачевскій—28,2, Трубчевскій—27,8%. А въ слѣдующихъ *меньше всего:* сельско-хозяйствен.: Ливенскій—3,2, Малоархангельскій—3,5, Орловскій—7,1, Сѣвскій—6,8, Трубчевскій—5,8, Мценскій—5,3, Дмитровскій—2,7, Карачевскій—0,8, Брянскій—5,4; сказочныхъ: Елецкій—6,5, Болховской—5,1, Кромской—4,6%. Въ среднемъ, по губерніи процентное распредѣленіе названій слѣдующее: беллетрист.—35,1, духовно-нравствен.—14,5, научныхъ—13,5, историческихъ—10,9, сказочныхъ—9,2, сельско-хозяйств.—9,1, прочихъ—17,7 ***). Что касается церковно-приходскихъ библіотекъ, то преобладающими являются сочиненія духовно-нравственныя—34,6%, затѣмъ идутъ беллетристическія—13,6, историческія—11,6, научныя—5,9, сказочныя—3,3 и сельско-хозяйственныя—3%; въ нѣкоторыхъ отсутствуютъ цѣлые отдѣлы, чему яркимъ подтвержденіемъ служитъ весь Карачевскій у., лишенный научныхъ, сельско-хозяйственныхъ и беллетристическихъ сочиненій и имѣющій поровну духовно-нравственныхъ, историческихъ и сказочныхъ.

---

*) Для краткости мы не приводимъ нигдѣ числа томовъ, тѣмъ болѣе, что количество названій служитъ лучшимъ критеріемъ для всякаго рода оцѣнокъ, потому что, полагаемъ, раціональнѣе имѣть 10 различныхъ заглавій въ одномъ экземплярѣ каждое, чѣмъ наоборотъ.

**) Почти столько же духовно-нравственныхъ (24,4).

***) Нигдѣ о нихъ не упомянули потому, что самое наименованіе этого отдѣла очень неопредѣленно.

Среднимъ числомъ количество названій въ одной земской школьной библіотекѣ равно въ Елецкомъ уѣздѣ *429*, Ливенскомъ 92, Малоархангельскомъ 105, Орловскомъ 126, Мценскомъ 62, Болховскомъ 191, Кромскомъ 125, Карачевскомъ *54*, Дмитровскомъ 167, Сѣвскомъ 79, Трубчевскомъ 158, Брянскомъ 96. Въ церковно-приходскихъ значительно меньше: Елецкій уѣздъ *240*, Ливенскій 73, Малоархангельскій 46, Орловскій 265, Мценскій 46, Болховской 49, Сѣвскій 8, Трубчевскій 72, Кромской 78, Карачевскій *3*, Дмитровскій 19, Брянскій 90. Многія библіотеки этихъ школъ такъ миніатюрны, что не могутъ имѣть не только никакого образовательнаго значенія, но и права называться таковыми. Напримѣръ, одна (Малоархангескій у.) состоитъ изъ 5 названій и 27 томовъ, другая (того же у.)—изъ 10 названій и 10 томовъ, третья (Мценскій у.)—изъ 6 названій и 17 томовъ, четвертая (Карачевскій у.) ограничивается 3 названіями въ 14 экземплярахъ, изъ коихъ 12 духовно - нравственныхъ и т. д., и т. д., и т. д. Есть еще такая «библіотека» (!) въ Брянскомъ у., которая состоитъ изъ одной духовно-нравственной брошюры въ 13 экземплярахъ.

Качественная сторона дѣла не *можетъ* быть, конечно, выше посредственности, но удовлетворительной *должна* быть; на самомъ же дѣлѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ и этого. Въ нѣкоторыхъ библіотекахъ получаются журналы: въ земскихъ *Родникъ* (3 экз.), *Семейные Вечера* (3), *Читальня Народной Школы* (3), *Дѣтскій Отдыхъ* (1), *Дѣтское Чтеніе* (2), *Задушевное Слово* (1), *Воскресенье* (1), *Міръ Божій* (1), *Образованіе* (1) *); въ церковно - приходскихъ, конечно, *Паломникъ* (1), *Радость Христіанина* (1), *Церковно-приходская Школа* (2), *Троицкіе Листки* (1) и *Сельскій Вѣстникъ* (1).

Указать точно обычныхъ читателей школьныхъ библіотекъ, къ сожалѣнію, пока нельзя; можно только съ увѣренностью сказать, что значительный ихъ процентъ падаетъ на долю окончившихъ курсъ начальной школы и вообще *взрослыхъ*; въ земскихъ библіотекахъ ихъ 80,4%, церковно-приходскихъ 86,5, министерскихъ 72,5 и частныхъ 75.

Внѣшкольное образованіе народа оставляетъ желать многаго; короче и вѣрнѣй—въ этой области не сдѣлано почти ничего. *Народныя чтенія* ведутся въ 38 земскихъ школахъ (Елецкомъ у. 15, Ливенскомъ 3, Малоархангельскомъ 2, Орловскомъ 6, Болховскомъ 2, Сѣвскомъ 4, Брянскомъ 3, Мценскомъ, Кромскомъ и Болховскомъ по 1, въ Дмитровскомъ и Трубчевскомъ нѣтъ) при среднемъ числѣ слушателей, всецѣло зависящемъ отъ помѣщенія, въ 10—400 челов. *Воскресныя занятія* производятся въ 8 земскихъ же школахъ (Елецкій у. 2, Ливенскій, Орловскій, Болховской, Карачевскій, Сѣвскій, Брянскій по 1) при 14—60 учащихся. *Народныя библіотеки-читальни* имѣются: въ Ливенскомъ у. 4, открытыя по иниціативѣ с.-петербургскаго комитета грамотности, приславшаго двѣ изъ нихъ

*) Послѣдніе два, конечно, для учащихъ. Замѣчательно, что почти всѣ эти журналы выписываются елецкимъ земствомъ.

по 250 руб. каждая, въ Орловскомъ 2, въ Кромскомъ 1 (Тургеневская), въ Трубчевскомъ 1. Елецкое земство въ прошломъ году представило въ губернское земское собраніе ходатайство о дозволеніи открыть народныя читальни во всѣхъ тѣхъ школахъ, гдѣ училищный совѣтъ признаетъ это возможнымъ, а также объ устройствѣ народныхъ чтеній. Такъ какъ губернское земство еще раньше объ этомъ ходатайствовало передъ правительствомъ, на что товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ его, что учрежденіе народныхъ читаленъ зависитъ отъ усмотрѣнія губернатора, причемъ, однако, слѣдуетъ имѣть въ виду отзывъ попечителя Московскаго учебнаго округа, въ силу котораго изъ 570 сельскихъ школъ Орловской губ. народныя читальни могутъ быть, за недостаточностью помѣщенія, открыты только при 16 изъ нихъ,—то въ эту сессію снова единогласно постановило обратить ходатайство елецкаго земства въ общее губернское, направивъ его министру народнаго просвѣщенія.

Источники содержанія школъ и расходъ ихъ.

Главнымъ источникомъ содержанія земскихъ школъ являются уѣздныя земства (60,10%), затѣмъ идутъ сельскія общества (34%), частныя лица (4,8%), плата за ученіе (0,4), разныя суммы (0,3), церкви и монастыри (0,2) и, наконецъ-то... государственное казначейство (0,2). Первыя три статьи прихода поуѣздно распредѣляются такъ:

Елецкій	59,5	23,9	15,4
Ливенскій	24,6	71,1	1,8
Малоархангельскій .	38	58,2	3
Орловскій	61	34,2	2,3
Мценскій	42,9	52,3	2,2
Болховской	42,2	29,2	24,5
Кромской	65,4	32	0,5
Карачевск.	74	16,4	8,2
Дмитровск.	60,7	37,9	1,1
Сѣвскій	92,7	6,9	0,1
Трубчевск.	82	17	0,7
Брянскій	78	20	0,7

Земскія суммы идутъ преимущественно на жалованье и «награды» учащимъ (88,3%) и на пріобрѣтеніе учебныхъ и письменныхъ принадлежностей (3,4%). Послѣднее не повсюду: дмитровское земство передало этотъ расходъ сельскимъ обществамъ. Расходы на помѣщеніе очень малы, большая ихъ часть лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ, участіе которыхъ громадно (60,516 руб.) *); оно охватываетъ почти всѣ стороны школьной жизни; 39,2% собираемой суммы расходуются на содержаніе и награды учителямъ, 20% на школьныя помѣщенія, 5% на учебныя пособія. Между тѣмъ, врядъ ли оно желательно въ томъ видѣ, въ какомъ вы-

*) Наибольшій душевой сборъ 35 коп., наименьшій $3^1/_2$ коп.

ражается теперь, когда всѣ суммы расходуются деревенскими воротилами, благодаря чему, между прочимъ, и учитель и школа часто попадаютъ въ очень неловкія, траги-комическія положенія. Было бы гораздо раціональнѣе всѣ суммы, собираемыя сельскими обществами, направлять въ земскую управу, а послѣдней тратить ихъ по своему усмотрѣнію; такой порядокъ съ успѣхомъ практикуется въ Орловскомъ, Сѣвскомъ и Трубчевскомъ уѣздахъ. Плата за ученье взимается въ 25,8% всѣхъ земскихъ школъ, причемъ колеблется между 40 коп. и 5 руб. за зиму. Церковно-приходскія школы содержатся, главнымъ образомъ, на средства сельскихъ обществъ (56,2%) и частныхъ лицъ (19,4); затѣмъ слѣдуютъ разныя суммы (7,2), церкви и монастыри (6,1), св. синодъ и губернскій училищный совѣтъ съ его отдѣленіями (5,8), плата за ученье (4,6), уѣздныя земства (0,1). Главнымъ источникомъ содержанія министерскихъ школъ является казна (55,7%), сельскія общества (23), уѣздныя земства (6,5), частныя лица (4,5), другіе источники (4,2), плата за ученіе (3,6); вообще, въ нихъ тратится денегъ на 60,2% больше, чѣмъ въ земскихъ, при разсчетѣ на среднюю школу, и на 41%—при разсчетѣ на одного ученика.

Расходы по содержанію школъ слагаются: 1) изъ жалованья и наградъ учащимъ, 2) закупки учебныхъ руководствъ, пособій и принадлежностей, 3) содержанія школьныхъ помѣщеній. Первый расходъ въ земскихъ школахъ составляетъ 69,1%, въ церковно-приходскихъ 69,4%; второй—5,1 и 4,6%; третій—27,3 и 25,5%; остальные—2,1 и 0,5%—падаютъ на всѣ прочія и притомъ случайныя траты. Стоимость одной земской школы (безъ расходовъ на помѣщеніе) равна 295 руб., церковно-приходск.—168 руб. и, слѣдовательно, далеко ниже нормы (360 руб.), опредѣленной московскимъ губернскимъ земствомъ, особенно, если принять во вниманіе, что она установлена при maximum'ѣ въ 60 учениковъ и при условіи приплаты со стороны губернскаго земства 180 руб. (120 руб. учителю и 60 законоучителю). Въ виду этого, только траты сѣвскаго земства (366 руб.) соотвѣтствуютъ дѣйствительной потребности школы; особенно малы расходы ливенскаго земства (228 руб.), малоархангельскаго (254 руб.), дмитровскаго (244 руб.), брянскаго (276 руб.) и карачевскаго (297 руб.); переполненіе школъ учащимися дѣлаетъ эти сами по себѣ небольшіе расходы совершенно ничтожными при разсчетѣ на одного ученика: maximum въ Трубчевскомъ у.—6,03 руб., minimum въ Малоархангельскомъ—2 руб. 99 коп.

Нельзя не поразиться крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ земскаго обложенія для расходовъ на начальное образованіе, можно сказать, совершенно не согласованнымъ съ качествомъ земли даннаго уѣзда; наприм., въ то время, какъ въ Сѣвскомъ и Кромскомъ у. на десятину удобной земли приходится 6,9 и 8,4 к., а въ лучшихъ уѣздахъ—Елецкомъ, Ливенскомъ и Малоархангельскомъ 4,7, 2,2 и 1,9 к. «Разсматривая земскія смѣты, мы ясно видимъ, что не недостатокъ средствъ опредѣляетъ размѣры ассигновокъ на школы, а то или иное отношеніе къ народному образованію мѣстныхъ

земскихъ дѣятелей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сравнимъ по уѣздамъ процентное отношеніе земскихъ смѣтъ на начальное народное образованіе къ смѣтамъ расходовъ необязательныхъ. Вѣдь эти послѣдніе—добровольные расходы и то или иное количественное распредѣленіе ихъ между различными статьями показываетъ симпатіи и антипатіи земскихъ дѣятелей къ этимъ различнымъ вопросамъ. Оказывается, что во всѣхъ уѣздахъ смѣта расходовъ необязательныхъ значительно больше половины всей земской смѣты. Въ Кромскомъ, напримѣръ, у. расходы необязательные достигаютъ 72,1% всей земской смѣты. Процентное же отношеніе школьныхъ расходовъ къ необязательнымъ всюду очень невелико. Больше всего оно въ Сѣвскомъ (34,5%) и Кромскомъ (30,2%) у.; остальные же уу. располагаются въ этомъ отношеніи въ слѣдующемъ порядкѣ: Дмитровскій (21,4), Елецкій (20,7), Карачевскій (18,2), Трубчевскій (16,9), Брянскій (16,7), Орловскій (15,4), Болховской (13), Ливенскій (10,5), Мценскій (7,3) и Малоархангельскій (3,5)» *). Брянское и трубчевское земства возбудили на послѣднихъ своихъ очередныхъ собраніяхъ 1897 г. ходатайства объ освобожденіи ихъ отъ обязательныхъ расходовъ на народное образованіе **), имѣющихъ обще-государственное значеніе, и объ отчисленіи освободившихся суммъ полностью на увеличеніе смѣтныхъ назначеній по народному образованію. Ходатайства, подобныя этому, уже представлены правительству петербургскимъ, московскимъ, бессарабскимъ, новгородскимъ, псковскимъ и др. губернскими земствами, а потому, признавая чрезвычайную важность разрѣшенія этого вопроса, губернское земское собраніе 1897 г. единогласно постановило ходатайствовать о семъ отъ всей губерніи.

На томъ же губернскомъ собраніи постановлено: 1) что первою и главною задачею губ. земства въ дѣлѣ народнаго образованія должно быть содѣйствіе низшему образованію; 2) признать *желательнымъ* въ области народнаго образованія точное разграниченіе сферы дѣятельности уѣздныхъ и губернскаго земствъ для того, чтобы каждое изъ нихъ брало на себя опредѣленную группу задачъ, но уже въ свое исключительное вѣдѣніе; 3) признать *желательнымъ* выработку школьной по губерніи сѣти, имѣя въ виду обученіе всѣхъ мальчиковъ и не менѣе $1/4$ дѣвочекъ, поручивъ ее уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ совмѣстно съ уѣздными управами; 4) признать *необходимымъ* устройство временныхъ педагогическихъ курсовъ, съ разсчетомъ на каждаго лектора по 3 курса при продолжительности его въ 1 мѣсяцъ, а лѣтнихъ вакацій — въ 3 мѣсяца, и предложить управѣ приступить къ ихъ устройству, по возможности, начиная уже съ 1898 года, для чего внести въ смѣту 3,000 руб., и 5) признать *желательнымъ* (почему бы и не необходимымъ?) устройство губернскаго книжнаго склада.

*) Сборникъ, стр. 143—144.

**) Извѣстно, что суммы, разъ ассигнованныя земствомъ на министерскія школы, становятся впредь для него обязательными.

Въ заключеніе считаемъ своимъ долгомъ познакомить читателей съ народолюбивыми чувствами І. А. Лагоды, гласнаго брянскаго земства. На послѣднемъ очередномъ уѣздномъ земскомъ собраніи онъ внесъ докладъ *о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа*, предлагая... что бы вы думали?—пригласить въ Брянскій уѣздъ особыхъ миссіонеровъ «для постояннаго и неустаннаго проповѣдыванія слова Божія», въ виду того, *во-первыхъ*, что, «несмотря на 1000-лѣтнее исповѣданіе истинъ православія, остатки суевѣрныхъ языческихъ понятій еще крѣпко сидятъ въ умахъ, и современный уровень религіознаго просвѣщенія въ народѣ, въ своихъ представленіяхъ о сущности религіи, толкованія обрядовъ церковнаго служенія и правилъ нравственности, стоитъ на невѣроятно низкой степени, причемъ и имѣющіяся понятія о самыхъ простыхъ духовныхъ изреченіяхъ, казалось бы, доступныхъ пониманію большинства, искажены до неузнаваемости»; *во-вторыхъ,* «грамотность большинства—дѣло слишкомъ отдаленнаго будущаго, и просвѣтительная сила грамотности вообще чрезмѣрно преувеличена, какъ яко бы всемогущее исключительное средство къ укрѣпленію и просвѣтленію религіознаго чувства въ народѣ»; и, *въ-третьихъ,* «крестьянамъ по роду ихъ занятій нѣтъ ни времени, ни возможности и даже охоты къ изученію необходимыхъ къ саморазвитію познаній, усвоеніе которыхъ изъ книгъ недостижимо безъ посредства живого слова преподавателя-руководителя». Еслибы такія мысли «отягощали» только одного г. Лагоду, онѣ, конечно, не заслуживали бы вниманія, но тутъ мы сталкиваемся съ общественнымъ фактомъ, видимъ полное согласіе съ докладчикомъ и *единогласное одобреніе* его всѣми гласными брянскаго земства,—съ этимъ уже нельзя не считаться. Губернское собраніе 1897 года, куда переданъ былъ докладъ, какъ состоящее изъ гласныхъ еще 11 уѣздовъ, отнеслось, разумѣется, къ нему вполнѣ отрицательно.

М. Лемке.

ОПЕЧАТКИ.

Въ майской книгѣ въ статьѣ г. Лемке: „Начальное народное образованіе въ Орловской губерніи“

на стр. 134, 17 строка сверху

напечатано:	слѣдуетъ:
нормальныя отдѣленія.	параллельныя отдѣленія

Стр. 137, 6 стр. снизу

напечатано:	слѣдуетъ:
шумятъ оба пола.	шумятъ обапола (т.-е. около).

Стр. 144, таблицы 2-ая и 3-ья
вмѣсто 1) нужно 2); стр. 145, 1 и 2 стр. цифры—вмѣсто 1) нужно 2); то же и въ сноскѣ.

О телеграфѣ безъ проволокъ.

Какъ громадно практическое значенiе новаго способа телеграфированiя безъ проволокъ, можно видѣть изъ того, что въ одномъ англiйскомъ журналѣ возникла даже полемика по вопросу о томъ, кого слѣдуетъ считать изобрѣтателемъ новаго телеграфа: француза ли Бранли, англичанина ли Лоджа, или молодого итальянскаго ученаго Маркони. По нашему мнѣнiю, основанному на подробномъ ознакомленiи съ литературой этого предмета, честь новаго открытiя безраздѣльно должна принадлежать первому изъ трехъ поименованныхъ ученыхъ, а потому въ послѣдующемъ изложенiи мы будемъ называть *трубочкой Бранли* тотъ маленькiй приборчикъ, который составляетъ отличительную и существенную принадлежность новаго телеграфа, какъ восприниматель отправленныхъ издалека депешъ. Второй изъ трехъ претендентовъ, профессоръ Лоджъ, издалъ въ 1894 году небольшую книжечку о трубочкѣ Бранли съ присовокупленiемъ нѣкоторыхъ новыхъ опытовъ съ нею, причемъ онъ указалъ на возможность примѣненiя этой трубочки (которой онъ далъ названiе «coherer»—сцѣпленникъ), къ обнаруженiю электрическихъ волнъ, открытыхъ знаменитымъ нѣмецкимъ физикомъ Гертцомъ. Что касается, наконецъ, Маркони, то онъ только приспособилъ трубочку Бранли къ передачѣ телеграфическихъ депешъ на значительныя разстоянiя (до 16 верстъ) безъ посредства проволокъ, т.-е. по мысли Лоджа, при помощи электрическихъ волнъ Гертца. Безспорно, это большой шагъ впередъ; но и въ этомъ отношенiи Маркони имѣетъ себѣ предшественника въ лицѣ русскаго ученаго Попова (преподавателя миннаго офицерскаго класса въ Кронштадтѣ), который на бывшей въ 1896 году Всероссiйской художественно - промышленной выставкѣ въ Нижнемъ - Новгородѣ выставилъ приборъ, во всѣхъ отношенiяхъ тождественный съ такъ называемымъ теперь телеграфомъ Маркони, но приспособленный къ метеорологическимъ цѣлямъ, именно къ записыванiю электрическихъ явленiй, происходящихъ въ воздухѣ. Позже, т.-е. уже по окончанiи выставки, тотъ же самый приборъ былъ употребленъ г. Поповымъ и въ качествѣ телеграфа безъ проволоки. На это сходство марконьевскаго телеграфа съ приборомъ г. Попова и на принадлежащiй послѣднему прiо-

ритетъ въ этомъ дѣлѣ было указано, между прочимъ, французскимъ физикомъ Люсьеномъ Пуанкаре въ его статьѣ, напечатанной въ *Revue générale des sciences*, отъ 30 января сего года.

На долю Маркони остаются не вполнѣ удачные опыты телеграфированія по его способу, произведенные въ присутствіи его самого въ іюнѣ прошлаго года коммиссіей изъ представителей итальянскаго военнаго флота близъ Специи на берегу Генуэзскаго залива. При этомъ оказалось, что при благопріятныхъ атмосферныхъ условіяхъ депеши передавались безпрепятственно на корабль, находившійся на разстояніи около 16 верстъ отъ берега (станція отправленія). Но разъ въ воздухѣ появлялось электрическое напряженіе или отправленная съ берега электрическая волна встрѣчала на своемъ пути вершину горы, островъ или выступъ материка, какъ тотчасъ же восприниматель, находившійся на кораблѣ, переставалъ дѣйствовать или дѣйствовалъ неправильно. Такого же рода передача депешъ съ берега на корабль и съ корабля на корабль производилась г. Поповымъ на Кронштадтскомъ рейдѣ (см. статью Попова: *Телеграфъ безъ провода* въ *Почтово-Телеграфномъ Журналѣ*, августъ 1897 года.)

Мы видимъ, стало быть, что новый телеграфъ безъ металлическаго провода находится еще въ періодѣ своего созиданія и нельзя сомнѣваться, что въ недалекомъ будущемъ онъ получитъ ту степень совершенства, которая сдѣлаетъ его вполнѣ пригоднымъ для цѣлей практической жизни. Но и въ нынѣшней фазѣ своего развитія новый телеграфъ представляетъ значительный интересъ какъ со стороны достигнутыхъ уже на этомъ пути положительныхъ результатовъ, такъ и со стороны принципа его дѣйствія. Какъ я ужъ сказалъ, существенную часть новаго телеграфа составляетъ восприниматель электрическихъ волнъ, который, въ виду его формы и имени изобрѣтателя, мы будемъ называть трубочкой Бранли. Что же такое эта магическая трубочка Бранли и какъ она устроена?

Въ наукѣ не бываетъ совершенно новаго открытія, т.-е. такого, о которомъ раньше совсѣмъ ничего не было бы извѣстно. Такъ и трубочка Бранли: по своей концепціи она представляетъ случай уменьшенія гальваническаго сопротивленія подъ вліяніемъ нѣкотораго физическаго воздѣйствія; и такіе случаи были извѣстны уже раньше, хотя не при тождественныхъ, конечно, условіяхъ. Эти раньше извѣстные случаи давно получили важное практическое примѣненіе въ микрофонѣ и отчасти въ фотофонѣ. Первый изъ этихъ приборовъ всякому болѣе или менѣе извѣстенъ Онъ состоитъ изъ двухъ или нѣсколькихъ угольныхъ палочекъ, укрѣпленныхъ на деревянной дощечкѣ. Подъ вліяніемъ звуковыхъ колебаній, воспринимаемыхъ другой дощечкой, угольныя палочки, въ мѣстахъ свободнаго соприкосновенія ихъ, періодически (сообразно съ вибраціями дощечки) то прижимаются, то какъ бы отходятъ другъ отъ друга и вслѣдствіе этого гальваническое сопротивленіе угольныхъ палочекъ то уменьшается, то опять возвращается къ своему нормальному состоянію; соотвѣтственно этому въ гальванической цѣпи, содержащей такой микрофонъ, происходятъ

періодическія измѣненія силы тока, вызывающія въ свою очередь колебанія телефонной пластинки. Что касается фотофона, то этотъ приборъ, сколько мнѣ извѣстно, по-русски былъ подробно описанъ только въ *Русскомъ Богатствѣ* за 1883 годъ, въ статьѣ *Превращеніе свѣтовой энергіи въ звуковыя колебанія.* Фотофонъ, или лучше сказать, фотофоническій опытъ производится при помощи гальваническаго тока, обыкновеннаго телефона и собственно фотофона, т.-е. небольшой пластинки селена, соединенной посредствомъ зажимныхъ винтовъ и мѣдныхъ проволокъ съ двумя другими приборами. Селенъ есть простое, химически неразложимое тѣло, съ виду похожее на кусокъ смолы, а по своимъ химическимъ свойствамъ близкое къ сѣрѣ. Селенъ обладаетъ, между прочимъ, однимъ замѣчательнымъ свойствомъ, на которомъ собственно и основано его примѣненіе въ качествѣ фотофоническаго вещества, а именно: въ темнотѣ, напримѣръ, или при разсѣянномъ дневномъ свѣтѣ онъ дѣйствуетъ по отношенію къ электрическому току какъ изоляторъ; при освѣщеніи же прямыми лучами солнца или электрической лампы онъ становится проводникомъ. Значитъ, если мы соединимъ селеновую пластинку съ телефономъ и съ какимъ-нибудь гальваническимъ элементомъ и потомъ будемъ освѣщать ее прерывистымъ свѣтомъ (вращая передъ нею цинковый кружокъ съ прорѣзами), то, при указанномъ соединеніи, электрическій токъ будетъ имѣть прерываемый характеръ: въ моментъ освѣщенія селеновой пластинки онъ появится, а въ моментъ затемненія онъ исчезнетъ. Соотвѣтственно этому телефонъ будетъ издавать тотъ или другой тонъ, смотря по числу перерывовъ свѣта въ единицу времени, и такимъ-то образомъ энергія свѣтовыхъ лучей будетъ превращена въ звуковыя колебанія (получится фотофонъ).

Аналогичное явленіе представляетъ собою и трубочка Бранли, съ тѣмъ, однако же, отличіемъ отъ селена, что ея сопротивленіе гальваническому току убываетъ не подъ вліяніемъ свѣта, а при воздѣйствіи на нее электрическихъ волнъ или, иначе, колебательнаго электрическаго разряда. По своей роли въ новомъ телеграфѣ трубочка Бранли соотвѣтствуетъ селеновой пластинкѣ въ фотофонѣ или угольнымъ палочкамъ въ микрофонѣ.

Выяснивъ, такимъ образомъ, идею новаго телеграфа, разсмотримъ теперь, какимъ образомъ приготовляется трубочка Бранли и какъ производятся необходимыя для этого электрическія волны. Свою трубочку Бранли открылъ въ 1890 году, а въ слѣдующемъ году напечаталъ о ней двѣ статьи во французскомъ журналѣ *La Lumière electrique* (май и іюнь 1891 года). Въ настоящее время существуетъ нѣсколько рецептовъ для приготовленія этой трубочки съ большей или меньшей чувствительностью. Однако наибольшимъ постоянствомъ и довольно значительной чувствительностью, сколько я могу заключить изъ моихъ собственныхъ опытовъ, обладаетъ трубочка, приготовленная по способу женевскихъ физиковъ le Royer и van Berchan (см. «Женевскій архивъ физики и естествознанія» 1894 г., т. 31, стр. 558). Это стеклянная трубочка толщиною въ мизинецъ и длиною около двухъ дюймовъ; внутрь трубочки насыпаются около

$^{2}/_{3}$ ея емкости мелкія желѣзныя опилки; отверстія трубочки затыкаются деревянными пробочками съ проткнутыми чрезъ нихъ стальными *намагниченными* проволоками (вязальная игла, перерѣзанная на двое) такъ, чтобы внутренніе концы этихъ проволокъ представляли противоположные магнитные полюсы и отстояли другъ отъ друга не болѣе какъ на толщину пятикопеечной серебряной монеты (1 или 2 миллиметра). Тогда внутри трубочки, вокругъ сближенныхъ магнитныхъ полюсовъ, образуется подъ вліяніемъ магнитныхъ силъ кисточка изъ желѣзныхъ опилокъ, представляющая тотъ мостикъ, по которому электрическій токъ можетъ переходить изъ одного полюса въ другой (черезъ раздѣляющій ихъ промежутокъ). При обычныхъ условіяхъ эта кисточка представляетъ огромное сопротивленіе гальваническому току; она дѣйствуетъ, значитъ, какъ непроводникъ электричества; но при нагрѣваніи трубочки, а также при механическомъ сжиманіи заключающагося въ ней порошка сопротивленіе кисточки значительно уменьшается: желѣзный порошокъ какъ бы пріобрѣтаетъ свойство сплошной проволоки. Но въ особенности сильное дѣйствіе въ этомъ отношеніи оказываетъ на кисточку электрическая искра, и при этомъ вовсе нѣтъ необходимости, чтобы эта послѣдняя проскочила внутри самой трубочки: достаточно, чтобъ искра появилась тутъ гдѣ-нибудь внѣ трубочки, даже на довольно значительномъ разстояніи. И въ этомъ собственно заключается открытіе Бранли, не впервые, впрочемъ, имъ сдѣланное, такъ какъ еще въ 1884 году мало извѣстный итальянскій ученый Calzecchi, занимавшійся изслѣдованіемъ свойствъ металлическихъ порошковъ, констатировалъ, между прочимъ, фактъ, открытый впослѣдствіи Бранли. Но, какъ это часто случается, наблюденіе итальянскаго ученаго осталось безъ движенія, не обративъ на себя ни малѣйшаго вниманія со стороны ученыхъ физиковъ, ибо важно не только открыть новый фактъ, но и показать его значеніе и связь съ другими родственными явленіями природы; а этого упомянутый итальянскій ученый не сдѣлалъ, да и не могъ бы сдѣлать, такъ какъ замѣченный имъ новый фактъ имѣетъ тѣсную связь съ электрическими волнами, способъ полученія которыхъ въ 1884 году еще не былъ открытъ. Для насъ, т.-е. для людей усвоившихъ уже идеи Гертца объ электрическихъ волнахъ, трубочка Бранли, въ своемъ отношеніи къ электрической искрѣ, есть не болѣе какъ явленіе электрическаго *резонанса*. Этимъ словомъ квалифицируется новый фактъ, по аналогіи съ акустическимъ резонансомъ, и въ то же время указывается способъ воздѣйствія электрической искры: трубочка Бранли откликается на электрическую искру подобно тому, какъ натянутая струна откликается на звучащій камертонъ, если только она способна издавать тонъ (или обертонъ), соотвѣтствующій числу колебаній камертона. Разумѣется, трубочка Бранли можетъ резонировать только искрой; и чтобы эта искра появилась, необходимо, какъ и въ случаѣ акустическаго резонанса, чтобы существовало опредѣленное соотношеніе между электрическими размѣрами (т.-е. самоиндукціей и электроемкостью) трубочки и таковыми же размѣрами тѣла или прибора, произво-

дящаго «первичную» искру,—ту, которая должна вызвать «вторичную» искру въ трубочкѣ Бранли.

Такова, въ краткихъ словахъ, внѣшняя сторона явленія, представляемаго трубочкой Бранли. Что же касается внутренняго процесса, совершающагося въ металлическомъ порошкѣ подъ вліяніемъ электрической искры,—процесса, обусловливающаго уменьшеніе гальваническаго сопротивленія порошка, то на этотъ счетъ существуютъ пока двѣ гипотезы. По одной изъ нихъ, высказанной самимъ Бранли, крупинки металла (будь то желѣзо, платина, мѣдь и т. п.) окружены весьма тонкимъ (гипотетическимъ, конечно) слоемъ, не проводящимъ электричества; но подъ вліяніемъ электрической искры слой этотъ становится проводникомъ и такимъ образомъ устанавливается гальваническое сообщеніе между отдѣльными частичками металла.

Свою гипотезу Бранли пытается примѣнить также къ объясненію весьма важнаго физіологическаго свойства нервовъ, именно ихъ способности проводить такъ называемый нервный токъ, полагая въ основу такого объясненія гистологическое строеніе нерва, который, какъ показали новѣйшія изслѣдованія, не есть пучекъ простыхъ ниточекъ или волоконецъ; каждое такое волоконце состоитъ изъ очень мелкихъ шарообразныхъ тѣлецъ, раздѣленныхъ безформеннымъ промежуточнымъ веществомъ. Это послѣднее, по мысли Бранли, есть непроводникъ, шарообразныя же тѣльца суть проводники, но при нѣкоторыхъ условіяхъ промежуточное вещество тоже становится проводникомъ, и тогда нервный токъ переходитъ отъ одного тѣльца къ другому. Однимъ словомъ, Бранли уподобляетъ животный нервъ своей трубочкѣ съ металлическими опилками. Искусственность этой гипотезы очевидна, хотя въ пользу ея приводится то обстоятельство, что металлическія опилки продолжаютъ откликаться на электрическій разрядъ даже и въ томъ случаѣ, когда онѣ смочены непроводящей жидкостью (напримѣръ, спиртомъ или терпентиномъ) или распредѣлены въ массѣ пластическаго діэлектрика (воска или параффина). Насколько я понимаю дѣло, изъ этого послѣдняго обстоятельства вытекаетъ лишь тотъ выводъ, что присутствіе діэлектрика въ опилкахъ не мѣшаетъ произойти извѣстному явленію, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что какой-то діэлектрикъ непремѣнно долженъ быть и въ нормальныхъ металлическихъ опилкахъ.

Профессоръ Лоджъ, какъ англичанинъ, взглянулъ на дѣло проще: по его мысли, крупинки всякаго металла подъ вліяніемъ электрической искры сцѣпляются другъ съ другомъ (отсюда названіе coherer), подобно тому какъ желѣзныя опилки сцѣпляются подъ вліяніемъ магнитныхъ силъ, но въ гораздо сильнѣйшей степени. Нашъ русскій ученый Поповъ, принимая гипотезу Лоджа, дополняетъ ее предположеніемъ, что крупинки металла, въ сказанныхъ условіяхъ, не просто сцѣпляются другъ съ другомъ, а связываются, образуя сплошныя четкообразныя нити металла; но связь эта такъ слаба, что «нити» легко распадаются на составляющія ихъ зернышки при сотрясеніяхъ трубочки. И въ самомъ дѣлѣ: разъ на трубочку подѣй-

ствовала электрическая искра и токъ проникъ (въ нашемъ примѣрѣ) черезъ кисточку, эта послѣдняя не возвращается сама собой къ своему нормальному состоянію: гальваническій токъ останется замкнутымъ, и чтобы его прервать, необходимо сообщить трубочкѣ небольшой толчокъ, напримѣръ, щелкнуть по ней пальцемъ. Г. Поповъ, а вслѣдъ за нимъ и Маркони располагаютъ опытъ такимъ образомъ, что помѣщаютъ вблизи трубочки Бранли обыкновенный электрическій звонокъ, молоточекъ котораго ударяетъ по трубочкѣ и такимъ образомъ разрушаетъ «нити», образовавшіяся изъ крупинокъ металла подъ вліяніемъ пробѣжавшей предъ тѣмъ электрической волны.

Теперь намъ ясно, что трубочка Бранли въ соединеніи съ электрическимъ звонкомъ можетъ на короткое время замкнуть гальваническій токъ подъ вліяніемъ электрическаго разряда, происходящаго на болѣе или менѣе значительномъ отъ нея разстояніи. Это разстояніе, конечно, будетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе утилизируемый разрядъ, чѣмъ чувствительнѣе трубочка и чѣмъ лучше подобранъ резонансъ. Чтобы удовлетворить послѣднему условію или, иначе говоря, чтобъ настроить трубочку въ унисонъ съ электрическими колебаніями дѣйствующаго разрядника, высыпаютъ изъ нея порошокъ и затѣмъ помѣщаются съ нею въ нѣсколькихъ шагахъ отъ разрядника, держа трубочку параллельно стержнямъ разрядника. Тогда внутри трубочки, въ промежуткѣ между сближенными концами вставленныхъ въ нее проволокъ, должна появиться болѣе или менѣе яркая искорка, возбуждаемая электрической волной, бѣгущей отъ разрядника. Если же такой искорки нѣтъ или если она очень слаба, то для усиленія ея трубочку снабжаютъ наружными крыльями, т.-е. къ внѣшнимъ концамъ ея проволокъ подвѣшиваютъ станіолевые листочки бо̀льшихъ или меньшихъ размѣровъ, пока не получится внутри трубки наиболѣе яркая искорка. Послѣ этого въ трубочку всыпаютъ металлическій порошокъ, привѣшиваютъ подобранныя крылья и въ такомъ уже видѣ употребляютъ ее въ дѣло. Само собою разумѣется, что при значительномъ разстояніи между разрядникомъ и трубочкой въ этой послѣдней не получится видимой искры, но дѣйствіе электрическихъ волнъ на порошокъ будетъ сильнѣе, чѣмъ въ ненастроенной трубочкѣ.

Желая, стало быть, устроить телеграфъ на новомъ принципѣ, мы должны на подающей станціи установить приборъ, дающій сильныя искры, а на станціи принимающей расположить настроенную трубочку Бранли и другія принадлежности телеграфнаго дѣла, какъ-то: гальваническую батарею, рэле для ея замыканія, обыкновенный аппаратъ Морзе и электрическій звонокъ для постукиванія по трубочкѣ. Кромѣ того, въ случаѣ большого разстоянія, на станціи полученія устанавливается на высокой мачтѣ металлическая пластина, соединенная посредствомъ изолированной проволоки съ однимъ изъ крыльевъ трубочки, тогда какъ другое сообщается съ землею. О роли земли будетъ сказано далѣе.

При большихъ разстояніяхъ, на станціи отправленія устанавливается

приборъ, дающій сильныя электрическія искры длиною отъ 20 до 30 сантиметровъ. Обыкновенно для этой цѣли берутъ большую индукціонную катушку Румкорфа, соединивъ ея полюсы съ тѣмъ разрядникомъ, къ которому подстроена находящаяся на второй станціи трубочка Бранли. Этотъ разрядникъ состоитъ обыкновенно изъ двухъ мѣдныхъ цилиндриковъ, расположенныхъ горизонтально и снабженныхъ на внутреннихъ (т.-е. обращенныхъ другъ къ другу) концахъ своихъ небольшими мѣдными же шарами. Отъ размѣровъ этого разрядника зависитъ, такъ сказать, электрическій тонъ, т.-е. число колебаній электричества въ моментъ разряда: чѣмъ больше поверхность цилиндриковъ, тѣмъ меньше число электрическихъ колебаній, происходящихъ въ единицу времени при каждомъ разрядѣ. Одинъ изъ цилиндриковъ, какъ и трубочка Бранли на станціи полученія, сообщается посредствомъ изолированной проволоки съ металлической пластиной, утвержденной на верху высокой мачты; другой со своимъ шарикомъ сообщается съ землею. Земля, не выясненнымъ еще вполнѣ способомъ, въ значительной мѣрѣ усиливаетъ дѣйствіе электрическихъ волнъ на трубочку Бранли, давая этимъ возможность увеличивать въ нѣсколько разъ разстояніе между станціями. Говорятъ, будто бы на эту роль земли впервые указалъ Маркони. Не знаю: опредѣленныхъ данныхъ по этому вопросу у меня не имѣется; но думается мнѣ, что всякій, кто, имѣя досугъ, станетъ заниматься опытами съ трубочкой Бранли, неизбѣжно натолкнется на указанное выше дѣйствіе земли: это обнаруживается такъ рѣзко, что не замѣтить его нѣтъ возможности.

Какимъ же образомъ, спрашивается, воспроизводится посредствомъ Румкорфовой катушки самая депеша, т.-е. условные телеграфическіе знаки? Для этого во внутреннюю спираль индукціоннаго аппарата рядомъ съ 5 или 6-ю аккумуляторами включаютъ особый прерыватель въ видѣ клавиши, предназначенной для одиночнаго замыканія тока, доставляемаго аккумуляторами. При этомъ въ разрядникѣ, соединенномъ съ полюсами внѣшней спирали Румкорфова аппарата, является сильная и, повидимому, тоже одиночная искра; на самомъ же дѣлѣ, при изслѣдованіи посредствомъ вращающагося зеркала, эта индукціонная искра оказывается состоящею изъ цѣлаго ряда искръ, слѣдующихъ другъ за другомъ съ необычайной быстротой,—искръ, изъ коихъ каждая послѣдующая имѣетъ обратный знакъ по отношенію къ предыдущей, т.-е. если первая въ ряду искра имѣла, скажемъ, положительный полюсъ на правомъ шарикѣ разрядника, то вторая будетъ имѣть этотъ полюсъ на лѣвомъ, и т. д. Вотъ эти-то колебанія электричества въ разрядникѣ возбуждаютъ въ окружающей средѣ (собственно въ свѣтоносномъ эѳирѣ) то положительное, то отрицательное электрическое состояніе или волны, распространяющіяся по всѣмъ направленіямъ со скоростью около 300 тысячъ километровъ въ секунду; число же электрическихъ колебаній въ секунду, или, что все равно, продолжительность одного колебанія зависитъ отъ электроемкости разрядника и отъ его самоиндукціи, а именно она прямо пропорціональна корню квадратному изъ

произведенія этихъ двухъ величинъ, такъ что если, напримѣръ, электроемкость разрядника увеличится, при той же самоиндукціи, вчетверо, то время одного колебанія увеличится только вдвое. При малой электроемкости число колебаній можетъ простираться до 5 или болѣе милліоновъ въ секунду. Этой продолжительностью колебанія опредѣляется такъ называемая длина электрической волны, т.-е. разстояніе, на которое распространяется электрическое состояніе въ теченіе одного колебанія. Если, напримѣръ, число колебаній или перемѣнъ электрическаго знака на шарикахъ нашего разрядника равняется 5 милліонамъ въ секунду, то длина волны будетъ равняться 300000/5000000, т.-е. $^3/_{50}$ километра или 60 метрамъ. Волны столь огромной длины производятъ однако слабое дѣйствіе на трубочку Бранли; болѣе сильными оказываются въ этомъ отношеніи волны короткія, длина которыхъ не превышаетъ одного полуметра и даже того менѣе. Такія волны получаются при помощи разрядника съ маленькими шариками, причемъ весь разрядникъ, для большей интенсивности волнъ, погружается въ жидкое масло, напримѣръ, рицинное или вазелиновое. Производимыя такимъ разрядникомъ электрическія колебанія очень большой частоты сообщаются металлической пластикѣ, утвержденной на высокой мачтѣ, и отъ нея уже, какъ лучи отъ освѣщеннаго зеркала, направляются въ ту сторону, гдѣ расположена станція полученія съ трубочкой Бранли и съ другими принадлежностями телеграфнаго дѣла.

Таковы факты и идеи, положенные въ основаніе новаго телеграфа который, какъ было уже сказано, находится еще въ періодѣ созиданія.

А. Геричъ

О высшемъ техническомъ образованіи.

(«Труды Высочайше разрѣшеннаго 2-го съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи». Секція I высшихъ учебныхъ заведеній. Издано подъ редакціей Д. С. Зернова и С. П. Лангового. Москва, 1898 г.).

Недавно комитетъ 2-го съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію закончилъ свою затянувшуюся болѣе чѣмъ на два года работу по изданію обширныхъ трудовъ съѣзда. На-ряду съ другими и секція, посвященная высшимъ учебнымъ заведеніямъ, выпустила книжку, содержащую отчеты объ ея засѣданіяхъ.

Въ послѣднее время, когда интересъ къ высшему техническому образованію такъ оживился, когда мы стоимъ наканунѣ открытія новыхъ техническихъ институтовъ (въ Кіевѣ, Варшавѣ, Нижнемъ-Новгородѣ) и присутствуемъ при реорганизаціи и расширеніи старыхъ *), вполнѣ достойно общественнаго вниманія прислушаться къ тѣмъ мнѣніямъ и желаніямъ, которыя высказывались людьми, посвятившими свою жизнь данному вопросу, во время засѣданій вышеупомянутой секціи, тѣмъ болѣе, что значеніе многихъ затронутыхъ темъ отнюдь не ограничивается только техническими заведеніями.

Однимъ изъ признаковъ оживленія интереса къ техническому образованію является докладъ проф. Н. В. Бугаева: «О пользѣ учрежденія техническихъ отдѣленій при физико-математическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ». Исходя изъ того, что «наука и вопросы такъ называемыхъ прикладныхъ наукъ суть тѣ же вопросы чистой науки, отличающіеся только большей спеціальностью, а иногда и большею сложностью», указывая на то, что задача университетовъ не состоитъ въ томъ, чтобы постоянно стоять только въ предѣлахъ вопросовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ жизни, ибо такая точка зрѣнія можетъ повести къ научнымъ иллю-

---

*) Такъ, наприм., Императорское Московское техническое училище, преобразованіе котораго еще не завершилось, приступаетъ теперь къ расширенію своего химическаго отдѣленія.

зіямъ и доктринерству, докладчикъ находилъ необходимымъ и важнымъ учрежденіе техническихъ отдѣленій при университетахъ. Докладъ вызвалъ много замѣчаній за и противъ, но, собственно говоря, на вопросъ «о пользѣ» подобныхъ отдѣленій давно уже отвѣтила сама жизнь. Въ настоящее время приходится встрѣчать бывшихъ студентовъ университета на красильныхъ, ситцепечатныхъ, бумажныхъ фабрикахъ, на цементныхъ, свеклосахарныхъ, стеклянныхъ заводахъ и въ роли фабричныхъ инспекторовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что техническая подготовка была бы весьма полезна для подобныхъ лицъ и ввести ея въ университетахъ представляется своевременнымъ. Одно только слѣдуетъ замѣтить, что при настоящемъ положеніи дѣлъ учрежденіе техническихъ отдѣленій при университетахъ нисколько бы не могло пополнить недостатка въ высшихъ техническихъ институтахъ, такъ какъ толпы, ежегодно отвергаемыя этими послѣдними заведеніями по недостатку мѣста и состоящія исключительно изъ лицъ, не имѣющихъ аттестатовъ зрѣлости, все равно находили бы двери университетскихъ отдѣленій для себя закрытыми.

Обратимся однако къ существующей технической школѣ. Она, конечно, не безъ недостатковъ, и самымъ главнымъ и неоспоримымъ, служащимъ быть-можетъ источникомъ и многихъ другихъ бѣдъ является многопредметность. Слова многопредметность, загроможденіе программъ, трудность курса, обремененіе студентовъ—встрѣчаются необыкновенно часто въ рѣчахъ членовъ секціи. Это зло для всѣхъ ясно, всѣ на него жалуются и настойчиво на него указываютъ. «Положительно можно сказать,—говоритъ проф. М. А. Тихомандрицкій,—что наши учебные планы страдаютъ чрезвычайною многопредметностью. Мы задаемся цѣлью приготовить людей—спеціалистовъ по разнымъ отдѣламъ заразъ, и выходитъ, что они ни одной спеціальности не знаютъ какъ желательно. Силы человѣческія все-таки ограничены, а современная техника страшно разрослась, и всѣ отдѣлы ея знать невозможно» **). Предсѣдатель секціи проф. Д. С. Зерновъ не упускаетъ случая обратить вниманіе сочленовъ на загроможденіе программъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній обязательными предметами. На то же указываютъ Н. Н. Бекетовъ и Н. П. Петровъ и проф. Тавилдаровъ.

«Многопредметность составляетъ несомнѣнное зло нашихъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній,—говорилъ послѣдній,—зло это уже сознано и принимаются мѣры къ его устраненію» *). Иллюстраціей къ тому, насколько преподаватели запуганы этой «многопредметностью», можетъ служить слѣдующій фактъ. А. В. Погожевъ сдѣлалъ предложеніе о включеніи въ програму техническихъ заведеній преподаванія промышленной гигіены, знаніе которой необходимо для будущихъ директоровъ фабрикъ и строителей фабричныхъ помѣщеній. Секція рѣшительно высказалась про-

*) Стр. 81.
**) Стр. 103.

тивъ *обязательности* такого курса, несмотря на полное сочувствіе идеѣ докладчика.

Итакъ, въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ учатъ слишкомъ многому и слишкомъ много. Масса всевозможныхъ обязательныхъ предметовъ, огромное количество черченія и проектированія, времени для котораго почти не назначается, наконецъ, практическія работы въ мастерскихъ. Результаты такого положенія дѣлъ понятны: кто захватываетъ слишкомъ много, тотъ не забираетъ глубоко; изучая все, рискуешь ничему не научиться какъ слѣдуетъ.

Какъ оказывается, больше всего отъ такого порядка вещей страдаютъ именно тѣ предметы, которые профессорами настойчиво называются «основными», «главными», а студентами считаются за второстепенные,— это предметы теоретическіе, математика, механика, физика, химія; они «большинствомъ студентовъ усваиваются недостаточно; замѣчается нетвердость уже на второмъ курсѣ» *). Хотя по этимъ предметамъ и читается весьма много, но слушается очень мало,—аудиторіи постоянно пустуютъ. Занятія сводятся на зубреніе литографированныхъ записокъ, дабы заполучить отмѣтку, обезпечивающую душевное спокойствіе. Слово «зубренье» звучитъ какъ-то странно и невѣроятно по отношенію ко взрослымъ молодымъ людямъ, ищущимъ «высшаго» образованія, но послушаемъ, что говоритъ профессоръ. «Наклонность къ зубренію даже непонятаго у нашей теперешней молодежи до прискорбныхъ размѣровъ сильна; зачастую вызубрятъ длинный выводъ какой-нибудь формулы, нисколько не вникнувъ въ смыслъ ея, и въ то же время выпустятъ важную, но легкую вещь, если она въ концѣ отдѣла. Спѣшатъ перейти къ выводу формулъ, не сдѣлавъ опредѣленія предметовъ; не оттуда выводятъ формулу и стараются вспомнить по внѣшнему виду разныя выкладки, которыя приходится при этомъ дѣлать. Многіе зубрятъ, чтобы получить хорошую отмѣтку для того, чтобы къ слѣдующей репетиціи можно было готовиться спустя рукава» **). Что касается до непосѣщенія лекцій, то съ этимъ обстоятельствомъ, повидимому, всѣ профессора хорошо знакомы, потому что во время преній указывались только причины явленія, противъ самого же факта никто не возражалъ; нѣкоторые только робко замѣчали, что въ началѣ года лекціи посѣщаются недурно, но потомъ аудиторіи быстро пустѣютъ. «Зло непосѣщенія лекцій,—по словамъ директора Императорскаго Техническаго училища И. В. Аристова,—въ послѣдніе годы во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ имѣются литографированные или печатные курсы, принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Дѣло доходитъ даже до того, что лекціи посѣщаются студентами *поочереди*» (!) ***).

Такимъ образомъ возникаетъ весьма знакомая пишущему эти строки

---

*) Проф. М. А. Тихомандрицкій, стр. 77.

**) Проф. М. А. Тихомандрицкій, стр. 78.

***) Стр. 75.

картина занятій въ высшемъ техническомъ заведеніи. Профессора, иногда и очень талантливые, читаютъ лекціи. Въ обширныхъ аудиторіяхъ на первыхъ скамейкахъ жмутся человѣкъ по 15 — 20 (чаще гораздо менѣе) студентовъ, изъ которыхъ только половина знаетъ то, что читалъ профессоръ раньше, слѣдитъ за нимъ и понимаетъ его, остальные—случайные посѣтители, а иногда и дежурные «по очереди». Только для этой маленькой группы въ 7—8 человѣкъ имѣютъ смыслъ и профессорская рѣчь, и формулы, которыя онъ пишетъ на доскѣ, и непонятные для остальныхъ приборы и опыты; только они его дѣйствительные ученики, воспринимающіе науку «отъ человѣка къ человѣку». Гдѣ же остальные? Во-первыхъ, въ обширныхъ чертежныхъ залахъ, затянутыхъ облаками табачнаго дыма, склонившись надъ огромными проектами, за которыми они будутъ сидѣть до поздняго вечера; во-вторыхъ, въ отдаленныхъ незанятыхъ аудиторіяхъ за зубреніемъ литографированныхъ и—увы, иногда безграмотныхъ—записокъ, стараясь по плохимъ чертежамъ уразумѣть какой-нибудь опытъ, который за стѣной производится въ дѣйствительности, и увидѣть который, быть можетъ, не удастся ни разу во всю остальную жизнь. Конечно, такая картина должна производить странное впечатлѣніе. Сразу чувствуется какая-то ненормальность, какое-то недоразумѣніе. Невольно раждается вопросъ: да стбитъ ли при такихъ условіяхъ читать лекціи, если ихъ не хотятъ или не могутъ слушать, нужно ли вообще читать лекціи, быть можетъ вся лекціонная система несостоятельна и ее пора замѣнить другой? Къ такому именно заключенію пришелъ И. В. Аристовъ *) въ своемъ докладѣ «О нѣкоторыхъ желательныхъ измѣненіяхъ въ системѣ преподаванія теоретическихъ предметовъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ». Вѣдь лекціонная система фактически все равно замѣнена зубреніемъ записокъ, такъ не лучше ли открыто признать фактъ и сосредоточить свое вниманіе на этихъ послѣднихъ, превратить ихъ въ безукоризненно составленныя самими профессорами и тщательно изданныя руководства, причемъ отвести особые часы для экспериментальныхъ демонстрацій и для устраненія могущихъ встрѣтиться недоразумѣній. Вопросъ о пригодности лекціонной системы, уже и ранѣе возбуждавшійся въ печати, настолько важенъ и интересенъ, что мы позволимъ себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Какія возраженія можно привести противъ лекціоннаго способа передачи знаній?

Прежде всего, говорятъ онъ, не экономиченъ, потому что профессоръ читаетъ то, что самому можно прочесть въ книгахъ и запискахъ и что все равно потомъ приходится читать.

Затѣмъ этотъ способъ требуетъ громаднаго напряженія вниманія, которое послѣ нѣсколькихъ часовъ необходимо утомляется, а малѣйшее отвлеченіе вниманія среди лекціи дѣлаетъ часто, какъ, наприм., въ математикѣ, недоступнымъ все остальное изложеніе. Кромѣ того, лекціонный способъ

*) Стр. 73.

предполагаетъ, что слушающіе уясняютъ себѣ все съ такой скоростью, съ которой профессоръ читаетъ, чего, вообще говоря, быть никакъ не можетъ уже въ виду различія индивидуальности слушателей, остановиться же и сосредоточиться на какомъ-нибудь мѣстѣ, непонятномъ для слушателя, онъ лишенъ возможности, такъ какъ профессоръ не ждетъ.

Защитники лекціонной системы говорятъ слѣдующее: В. С. Щегляевъ, наприм., считаетъ лекціонный способъ единственно возможнымъ при преподаваніи естественной науки, какъ физика. Онъ находитъ, что «лекція позволяетъ преподать большой научный матеріалъ въ короткое время и что руководство не можетъ охватить всего подвижного нарастающаго матеріала» *). Вопросъ о томъ, дѣйствительно ли воспринимается этотъ «большой научный матеріалъ, въ короткое время», оставляется такимъ образомъ безъ вниманія. Что же касается до «подвижного, нарастающаго матеріала», то вѣдь охватываютъ же его теперешнія литографированныя записки, такъ какъ именно этими записками, и только ими, удовлетворяются профессора на экзаменахъ, почему же тщательно изданное самимъ профессоромъ руководство не сумѣетъ этого сдѣлать?

Проф. Н. Е. Жуковскій считаетъ лекціонный способъ самымъ экономичнымъ по времени. Проф. Д. Ѳ. Селивановъ «находитъ, что большая затрата времени при лекціонной системѣ есть ея достоинство».

Проф. Жуковскій говоритъ: «мертвая книга не даетъ отвѣтовъ на недоумѣнія изучающаго предметъ, а преподаватель во время лекціи слѣдитъ за затрудненіями учащагося и разрѣшаетъ ихъ тотчасъ же» **).

«Отвѣтовъ на недоумѣнія» и при другой системѣ надо ждать, конечно, отъ преподавателя, слѣдить же за затрудненіями 100—150 человѣкъ (такую приблизительно аудиторію долженъ имѣть проф. Жуковскій на первомъ курсѣ Московскаго техническаго училища) во время лекціи, часто спиной къ слушателямъ, представляется трудно выполнимымъ. Всѣ остальныя возраженія резюмируются слѣдующими словами В. Л. Кирпичева: «книга не можетъ замѣнить лекцій, книга нѣма и не можетъ дать того, что даетъ человѣкъ живымъ словомъ. Наука передается отъ человѣка къ человѣку, а не отъ книги къ человѣку» ***). Выражаясь еще кратче: *мертвая книга не замѣнитъ живого слова*. Противъ этого, конечно, ничего нельзя возразить, можно только прибавить, что и *живое слово въ настоящее время не можетъ замѣнить мертвой книги*. Въ послѣднихъ двухъ фразахъ, думается намъ, заключается вѣрный взглядъ на вопросъ: нельзя противуставлять «мертвую книгу» «живому слову», ибо они дополняютъ другъ друга и должны дѣйствовать совмѣстно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь никто же не удовлетворяется только лекціями, никто не учится и не можетъ учиться только «со словъ». Давно прошли тѣ времена, когда про

*) Стр. 82.
**) Стр. 82.
***) Стр. 83

фессоръ, такъ сказать, воплощалъ всю науку, которую и можно было воспринять лишь отъ него самого. Теперь въ помощь лекціи вездѣ стоитъ книга. Напрасно поэтому проф. Зерновъ говоритъ, что «въ университетѣ лекціонная система можетъ дѣйствовать, такъ сказать, въ чистомъ видѣ» *). Въ чистомъ видѣ эта система нигдѣ не дѣйствуетъ, не даромъ же каждый почти профессоръ, начиная свой курсъ, рекомендуетъ нѣсколько руководствъ.

«Къ числу существенныхъ успѣховъ,—по словамъ проф. Тимирязева **),— отличающихъ современное положеніе учебнаго дѣла въ нашихъ университетахъ отъ того, что можно было наблюдать за какую - нибудь четверть вѣка, слѣдуетъ отнести обиліе хорошихъ руководствъ». Тамъ же, гдѣ, какъ въ высшихъ техническихъ школахъ, хотятъ обойтись безъ руководствъ, все преподать изустно и научить однѣми лекціями, лекціонная система тотчасъ же отказывается дѣйствовать. Въ виду невозможности записывать громадные курсы появляются литографированныя записки, довольно безтолковыя, изданныя небрежно, иногда и поразительно безграмотно. У студентовъ складывается убѣжденіе, что профессоръ читаетъ то же самое, что въ запискахъ, слушать его значитъ безполезно, и на-ряду съ процвѣтаніемъ зубренья аудиторіи начинаютъ пустѣть. Въ литографированныхъ запискахъ оказывается заключенной вся наука. Студенты ничего не хотятъ знать кромѣ нихъ. Профессоръ, привыкая къ тому, что прилежные студенты отзубриваютъ его курсъ слово въ слово, начинаетъ требовать догматическаго знанія всего, что въ него попало. Въ результатѣ знакомая картина современнаго положенія учебнаго дѣла въ высшихъ техническихъ школахъ. У лекціи и книги, правда, одна цѣль: научить, но у нихъ разныя средства и свои особенности. Никто не можетъ ничему научиться, какъ слѣдуетъ, по однѣмъ лекціямъ и никто не хочетъ, кому это только возможно, ограничиваться однѣми книгами.

Въ лекціи на первый планъ выступаетъ личность профессора, въ этомъ ея сила, въ этомъ иногда и ея слабость. Талантливость профессора, его интересъ и любовь къ дѣлу, его пониманіе предмета, система, въ которой онъ находитъ нужнымъ излагать курсъ, педагогическая опытность преподавателя, позволяющая ему заранѣе знать затрудненія слушателей и облегчать ихъ, наконецъ его наружность, манера говорить, голосъ, ловкость въ экспериментахъ, — все это даетъ окраску лекціи, соединяется въ впечатлѣніи, производимомъ на слушателя, и какъ различно бываетъ это впечатлѣніе!... Всѣмъ извѣстно, что увлекательнѣйшій предметъ, читаемый небрежно, вяло, тоскливо-кислымъ голосомъ, вызываетъ лишь зѣвоту. Отвлеченнѣйшія математическія трудности воспринимаются легко при талантливомъ изложеніи, полномъ интереса къ предмету и желанія пробудить его въ другихъ. Понятно, почему профессора Церасскій и Кирпичевъ ***) при-

*) Стр. 76.

**) Предисловіе къ книгѣ Варминга: *Систематика растеній.*

***) Стр. 77 и 83.

водятъ въ защиту лекціоннаго способа личныя «неизгладимыя впечатлѣнія» отъ лекцій Гельмгольтца и Кирхгофа. Но, вѣдь, противники этого способа тоже могли бы указать на личныя впечатлѣнія совсѣмъ другого сорта, произведенныя на нихъ какими-нибудь далеко не Гельмгольтцами, и такія указанія были бы, навѣрно, болѣе многочисленны. Все это доказываетъ только то, что лекція хорошаго профессора дѣйствительно могучее орудіе образованія, но она можетъ имѣть прямо вредное вліяніе, если профессоръ не стоитъ на высотѣ, требуемой его званіемъ; наконецъ, она безполезна, если онъ ограничивается только ролью чтеца какого-нибудь руководства или литографированныхъ записокъ. Вотъ противъ послѣдняго-то сорта *профессоровъ* и сохраняютъ свою силу всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ лекціонной *системы*. Слушать ихъ дѣйствительно не экономично по времени и утомительно для вниманія: ихъ «живое слово» исполняетъ функцію «мертвой книги»...

«Мертвая книга», т.-е. въ данномъ случаѣ учебное руководство, имѣетъ цѣлью изложить возможно полно, просто и съ соразмѣрностью частей необходимыя для усвоенія свѣдѣнія. Только то, что ясно и прочно установилось въ наукѣ, должно попадать въ учебникъ и только наиболѣе важное, въ виду громадности научнаго матеріала, можетъ въ него попасть. На лекціяхъ профессору часто приходится жертвовать полнотой для того, чтобы лучше обрисовать какой-нибудь кажущійся ему болѣе важнымъ отдѣлъ; онъ необходимо подробнѣе говоритъ о своихъ работахъ, часто разбираетъ спорные вопросы и затрогиваетъ еще не вполнѣ обоснованные отдѣлы, ибо знакомство съ этими послѣдними иногда необыкновенно поучительно и часто наиболѣе интересно, а возбуждать интересъ къ наукѣ— это одна изъ главныхъ задачъ лекціи. Профессорскій курсъ не можетъ и не долженъ замѣнять руководства. Литографировать его и требовать знанія его какъ догмата на экзаменахъ является несправедливымъ. Экзаменъ долженъ быть провѣркой знанія студентовъ въ наукѣ, а не «сдаваніемъ курса». Опытъ показываетъ, что можно «сдавать» какіе угодно курсы и въ какомъ угодно количествѣ, и слѣдовъ отъ этого остается не больше чѣмъ отъ прошлогодняго снѣга, не считая диплома, конечно. У насъ, благодаря существованію литографированныхъ записокъ и лоттерейной системѣ экзаменовъ, къ сожалѣнію, весьма мало обращается вниманія на знаніе предмета вообще, за то незнаніе какого-нибудь пустяка, помѣщеннаго въ запискахъ, иногда достаточно для профессора, чтобы неудовлетворительно аттестовать студента, и наоборотъ—отчетливо вызубренныя за недѣлю до экзамена литографированныя записки обезпечиваютъ лавры.

Итакъ, лекція и книга должны идти рука объ руку, онѣ не замѣняютъ, а только дополняютъ другъ друга. Студентъ долженъ учиться, слушая профессорскія лекціи, и изучать руководства. Значеніе профессорскихъ лекцій тѣсно связано съ личностью профессора. Литографированныя записки представляютъ большое зло. На экзаменахъ должно обращать вниманіе на общее знаніе предмета.

Возвратимся, однако, къ высшимъ техническимъ школамъ. Лекціи по теоретическимъ предметамъ посѣщаются тамъ крайне плохо. Какія же можно указать этому причины? Прежде всего не нужно забывать той, которая неразрывно связана съ личностью профессора: всегда и при всякихъ условіяхъ были и будутъ такіе профессора, аудиторіи которыхъ ломятся отъ слушателей, и такіе, которымъ суждено проповѣдывать въ пустынѣ. Вполнѣ эта причина неустранима, но у насъ она, быть можетъ, имѣетъ нѣсколько бóльшую силу, чѣмъ бы слѣдовало. Вѣдь такъ еще недавно Д. И. Менделѣевъ на всю Россію провозгласилъ нашу теперешнюю бѣдность хорошими профессорами. Предлагалъ даже помочь горю возобновленіемъ того самаго педагогическаго института, который когда-то приводилъ въ ужасъ Хлестову. На послѣднее ему возражали, первое приняли молчаніемъ. Кромѣ того, для посѣщенія лекцій со стороны студентовъ необходимо желаніе слушать предметъ и увѣренность въ томъ, что это важно и полезно. Эта послѣдняя увѣренность весьма слаба въ высшихъ техническихъ школахъ; теоретическіе предметы считаются тамъ за что-то неважное и второстепенное, интереса къ нимъ проявляется очень мало, на нихъ смотрятъ не какъ на основу всѣхъ практическихъ знаній, а какъ на неизбѣжное зло, съ которымъ надо покончить на первыхъ курсахъ. Указавъ на то, что теоретическіе предметы плохо усвоиваются студентами, проф. Тихомандрицкій прямо говоритъ: «для достиженія отчетливости и прочности знанія основныхъ предметовъ необходимо прежде всего, чтобы учащіеся считали ихъ основными, а не какими-то *второстепенными, какъ у насъ всѣ обыкновенно смотрятъ на подготовительные предметы»* *).

О вредѣ литографированныхъ записокъ мы уже говорили выше. Кромѣ того, существуютъ еще специальныя причины непосѣщенія лекцій, на которыя въ особенности указываютъ члены секціи. Это уже знакомая намъ многопредметность, крайнее обремененіе студентовъ обязательными занятіями по черченію, проектированію, въ мастерскихъ, наконецъ матеріальная необезпеченность нашихъ студентовъ, заставляющая ихъ бѣгать по урокамъ и зарабатывать средства къ существованію.

Въ германскихъ университетахъ (все, что мы говоримъ, касается физико-математическихъ наукъ) большинства этихъ условій, мѣшающихъ посѣщенію лекцій, нѣтъ, и аудиторіи тамъ полны, а если у нѣкоторыхъ профессоровъ, читающихъ спеціальные курсы, и бываетъ мало слушателей, то число ихъ остается по крайней мѣрѣ постояннымъ. О высотѣ тамошняго профессорскаго состава распространяться не приходится. Никакихъ литографированныхъ записокъ тамъ не издается. Студенты несомнѣнно желаютъ слушать тѣ лекціи, на которыя они приходятъ, ибо они ничѣмъ не стѣснены и записываютъ только то, что ихъ интересуетъ. Въ семестръ они обыкновенно слушаютъ три, много четыре курса. За профессорами всегда записываютъ, къ экзаменамъ готовятся по руководствамъ. На экзаменахъ

*) Стр. 78.

главное вниманіе обращается на общее знаніе предмета, хотя экзаменаторъ вовсе не считаетъ себя обязаннымъ ограничиваться только своимъ курсомъ.

Для упорядоченія преподаванія теоретическихъ предметовъ въ высшихъ техническихъ школахъ прежде всего необходимо уменьшить количество обязательныхъ занятій: должно имѣть время, чтобы посѣщать лекціи. Затѣмъ слѣдуетъ поднять въ глазахъ студентовъ важность основныхъ предметовъ. Проф. Тихомандрицкій предложилъ кажущійся весьма цѣлесообразнымъ способъ достигнуть этого. Онъ совѣтуетъ раздѣлить весь курсъ на два отдѣленія—основное и спеціальное. Основное, состоящее изъ двухъ курсовъ, должно быть посвящено основательному изученію математики, механики, физики, химіи, начертательной геометріи и черченія. Три курса спеціальнаго отдѣленія послѣдовательно посвящаются прикладнымъ предметамъ общаго характера, затѣмъ спеціальнымъ предметамъ, наконецъ проектамъ и дополнительнымъ предметамъ (фабричное законодательство, гигіена). При переходѣ изъ основного отдѣленія въ спеціальное должно производить экзаменъ изъ всего курса теоретическихъ наукъ *).

Послѣдніе годы отмѣчены стремленіемъ предоставлять все большую и большую роль эксперименту въ преподаваніи опытныхъ наукъ. Въ виду этого и подъ впечатлѣніемъ докладовъ В. Л. Кирпичева и В. С. Щегляева, члены секціи справедливо считаютъ необходимымъ снабдить наши высшія техническія школы физическими и механическими лабораторіями, гдѣ бы студенты знакомились какъ съ общими методами физическихъ изслѣдованій, такъ и съ пріемами испытанія матеріаловъ и машинъ **).

Наряду съ усвоеніемъ такого взгляда на теоретическіе предметы, замѣна существующихъ литографированныхъ записокъ хорошими руководствами, въ связи съ измѣненіемъ характера требованій на экзаменахъ должна бы не мало способствовать и посѣщенію лекцій и увеличенію познаній. Переходимъ теперь къ прикладнымъ предметамъ. Относительно нихъ намъ придется быть гораздо болѣе краткими. На механическихъ отдѣленіяхъ преподаваніе спеціальныхъ предметовъ поставлено, повидимому, хорошо, жалуются лишь на многопредметность, да черченіе и работы въ мастерскихъ возбуждали разговоръ; остальнымъ довольны, желаютъ лишь нѣкоторыхъ улучшеній, соотвѣтственно духу времени ***).

Тотъ постоянно наблюдаемый фактъ, что черченіе и проектированіе поглощаютъ у студентовъ не только все свободное время, но также и часы, назначенные для лекцій, несомнѣнно требуетъ уменьшенія графическихъ работъ. Проектированіе, конечно, очень важно, а потому число проектовъ не можетъ быть сокращено; что же касается техническаго черченія,

---

*) Стр. 80.

**) Тотъ же духъ времени навѣялъ, очевидно, и проф. Жуковскому докладъ „объ экспериментальныхъ демонстраціяхъ при преподаваніи теоретической механики“, такъ какъ до сихъ поръ при преподаваніи этой науки въ Московскомъ Техническомъ училищѣ никакихъ демонстрацій не производилось.

***) Стр. 80.

то убавить его необходимо, въ особенности же не слѣдуетъ требовать отъ студентовъ виртуозности въ выполненіи чертежей, чѣмъ нерѣдко злоупотребляютъ преподаватели черченія. Относительно работъ въ мастерскихъ, весьма интересно авторитетное мнѣніе генералъ-лейтенанта Н. П. Петрова. Несмотря на то, что во время практической дѣятельности этому инженеру приходилось строить подъемные краны, турбины, пушки, вагоны, оборудовать цѣлые заводы, онъ прямо говоритъ, что знанія по мастерствамъ, которыя онъ пріобрѣлъ будучи студентомъ Спб. технологическаго института, не принесли ему никакой пользы. «Отъ занятій въ мастерскихъ училища,— говоритъ Н. П. Петровъ,— я могу ждать только одной пользы — большей легкости въ усвоеніи изучаемыхъ въ школѣ механическихъ предметовъ и способовъ производства работъ» *).

Взглядъ В. Л. Кирпичева на этотъ вопросъ тоже весьма интересенъ.

«Задача технологическихъ институтовъ выпускать инженеровъ, т.-е., какъ показываетъ самый корень слова (génie), людей генія, людей способныхъ созидать, творить новое. Инженеръ, не созидающій новаго, строго говоря, не выполняетъ своего назначенія, хотя, быть можетъ, его дѣятельность и очень полезна промышленности. Итакъ, профессія инженера требуетъ творчества, а въ помощь этому творчеству необходима теоретическая подготовка, которой не слѣдуетъ мѣшать обремененіемъ учащихся ручнымъ трудомъ по мастерствамъ».

На основаніи сказаннаго проф. Кирпичевъ считаетъ цѣлесообразнымъ введеніе практическихъ занятій по мастерствамъ только на двухъ старшихъ курсахъ, какъ это и сдѣлано по иниціативѣ И. А. Вышнеградскаго въ Петербургскомъ технологическомъ институтѣ. Послѣ этого является весьма страннымъ, что въ Московскомъ техническомъ училищѣ, преобразованномъ лишь такъ недавно (въ 1894 г.) и служащемъ той же цѣли выпускать инженеровъ, работы въ мастерскихъ введены даже при переходѣ съ перваго курса на второй и далѣе на *всѣхъ* курсахъ, такъ что въ общемъ на нихъ затрачивается до 1,500 часовъ!... Недоумѣніе еще болѣе увеличивается тѣмъ, что такое количество практическихъ работъ, по словамъ проф. Зернова **), введено на основаніи заключенія коммиссіи, которая состояла главнымъ образомъ изъ профессоровъ Спб. технологическаго института. Въ то же время Императорское техническое училище не можетъ найти времени для экспериментальныхъ работъ по физикѣ, хотя вотъ что говоритъ по этому поводу предсѣдатель секціи: «Основательное и ясное знаніе физики является самою важною основой высшаго техническаго образованія. Одно книжное изученіе его не можетъ дать. Экспериментальныя занятія студентовъ рѣшительно необходимы. Англійскія и американскія техническія школы имѣютъ прекрасныя физическія лабораторіи и отводятъ на занятія въ нихъ много времени».

---

*) Стр. 116.

**) Стр. 31.

Очевидно, въ Англіи и Америкѣ другіе взгляды,—ну, да вѣдь и инженеры тамъ другіе.

Что касается химическаго отдѣленія, то тамъ преподаваніе прикладныхъ предметовъ возбуждаетъ большія недоумѣнія.

Отношенія къ задачамъ, которыя должны быть преслѣдуемы при изученіи химической технологіи, еще не установились, программы практическихъ работъ по этой отрасли прикладного знанія еще не выработаны, а результатами существующаго порядка очень многіе недовольны. Н. П. Бекетовъ, наприм., находитъ, что въ настоящее время изъ технологическихъ институтовъ въ лучшемъ случаѣ выходятъ общеобразованные энциклопедисты въ области химической технологіи, знакомые со всѣми возможными отраслями техно-химическихъ производствъ, даже и такихъ, которыхъ не только нѣтъ въ Россіи, но, можетъ быть, и не могущихъ никогда у насъ развиться. Это люди, скорѣе пригодные идти въ чиновники для службы въ разныхъ департаментахъ министерства финансовъ и по техническому надзору. «Не думаю,—говоритъ почтенный академикъ,—чтобы при учрежденіи дорого стоющихъ технологическихъ институтовъ имѣлось въ виду приготовленіе подобныхъ чиновниковъ» *).

О томъ, какъ помочь горю, мнѣнія расходятся. Нѣкоторые предлагаютъ большее дробленіе на спеціальности вмѣстѣ съ освобожденіемъ программы отъ нѣкоторыхъ лишнихъ для химиковъ предметовъ. Другіе, для приданія «практическаго» характера преподаванію, находятъ нужнымъ основывать при техническихъ школахъ учебные заводы. Третьи, наконецъ, замѣчаютъ, что въ учебномъ заведеніи практикѣ научиться нельзя. Всякіе учебные заводы при школѣ будутъ всегда работать въ неестественныхъ условіяхъ. «Отъ современнаго технолога,—говоритъ В. М. Рудневъ,—требуется не одно только знакомство съ существующею заводскою практикой, но такая подготовка, которая давала бы возможность самостоятельно рѣшать представляющіяся на каждомъ шагу новыя техническія задачи. Вслѣдствіе этого *центръ тяжести образованія современнаго технолога лежитъ въ научномъ знаніи*, а пріобрѣтеніе чисто-практическихъ техническихъ навыковъ въ періодъ ученія въ высшей школѣ имѣетъ второстепенное значеніе» **). При опредѣленіи характера практическихъ занятій по химической технологіи нужно стремиться не замѣнять ими заводскую практику, а лишь дать подготовку къ сознательному изученію ея и къ раціональному веденію заводскаго дѣла, что, по мнѣнію того же профессора, будетъ достигнуто тогда, если окончившій курсъ технологъ будетъ владѣть достаточнымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, надлежащимъ навыкомъ въ аналитическихъ работахъ и умѣньемъ производить химико-техническіе опыты».

Въ пользу послѣдняго взгляда, думается намъ, говоритъ сама жизнь и, чтобы выразиться точнѣе, нѣмецкая жизнь. Промышленность вообще, а

---

*) Стр. 90.

**) Стр. 98.

химическая въ особенности, достигла въ Германіи чрезвычайно высокой степени развитія. Но Германія имѣетъ 20 университетовъ и только 9 техническихъ школъ. Техническій персоналъ ея многочисленныхъ химическихъ фабрикъ и заводовъ главнымъ образомъ доставляется университетами. Тамъ возможно существованіе и процвѣтаніе богатѣйшихъ фабрикъ, директорами которыхъ являются бывшіе профессора университета *). Фабрики сохраняютъ тамъ связь съ университетами и наукой, а потому и промышленность Германіи стоитъ высоко и развивается быстро, ибо и ходъ и уровень промышленности опредѣляются ходомъ и уровнемъ науки.

Заканчивая этимъ нашъ бѣглый очеркъ, мы не исчерпали, конечно, всего разнообразія затронутыхъ секціей темъ. Мы остановились лишь на томъ, что намъ казалось наиболѣе важнымъ, достойнымъ всеобщаго вниманія и имѣющимъ широкій интересъ.

W. S.

---

*) Такъ, наприм., директоромъ знаменитой „Badische Anilin und-Soda-Fabrik“ состоитъ бывшій профессоръ Гейдельбергскаго университета Bernthsen.

Нужды восточно-прусскаго сельскаго хозяйства.

Довольно обычное явленіе, что землевладѣльцы, напримѣръ, Поволжья или землевладѣльцы Юга, затрудняясь свести въ своихъ хозяйствахъ концы съ концами, начинаютъ плакаться о судьбахъ отечественнаго земледѣлія и сельскаго хозяйства и вслѣдъ затѣмъ призывать къ спасенію этихъ основъ отечества скорѣйшимъ и полнѣйшимъ удовлетвореніемъ ихъ, землевладѣльцевъ, требованій: то доставить имъ рабочихъ, то дать въ той или другой формѣ денегъ на хозяйство, то выплатить полностью все, что имъ «слѣдуетъ», т.-е., чтобъ они во всякомъ случаѣ были въ барышѣ,—и т. п., подъ угрозой, что ихъ хозяйства, т.-е. отечественное сельское хозяйство, погибнетъ безъ остатка. Брать на себя представительство интересовъ всего отечества въ области сельскаго хозяйства (тоже и въ другихъ областяхъ) ни мало не мѣшаетъ то обстоятельство, что интересы крупнаго сельскаго хозяйства и мелкаго очень-таки часто не только не одинаковы, а и прямо противоположны; да и не только между крупнымъ и мелкимъ, а и между самими крупными хозяйствами въ зависимости отъ географическихъ или почвенныхъ условій и въ зависимости отъ нихъ разности культуръ и т. п.

Все это не есть что-либо спеціально отечественное. То же самое вы встрѣтите вездѣ, гдѣ подобныя же хозяйственно-бытовыя условія, подобная же хозяйственная группировка людей и ихъ интересовъ. Въ данномъ случаѣ я остановлюсь на послѣднемъ походѣ прусскихъ (силезскихъ) аграріевъ за государственными воспособленіями «національному сельскому хозяйству».

Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ прусскомъ ландтагѣ была внесена отъ партіи центра чрезъ депутата Сезмулла (владѣлецъ прекраснаго имѣнья Фридевальде въ округѣ Гротткау, въ Силезіи, вмѣстѣ съ тѣмъ винный заводчикъ, извѣстенъ какъ не особенно хорошій хозяинъ для работающихъ на него) интерпелляція по поводу «нужды въ рабочихъ и прислугѣ въ восточной Пруссіи». Тогда правительство не дало отвѣта на интерпелляцію, заявивъ, что необходимо предварительно собрать достаточно фактическаго матеріала, чтобы только по возможно зрѣлому и основательному обсужденію его приступить къ разрѣшенію столь серьезнаго вопроса.

Въ первомъ засѣданіи послѣ пасхальныхъ каникулъ оно изъявило свою готовность дать отвѣтъ по данному вопросу.

Интерпелляція состояла въ слѣдующемъ: «Извѣстно ли прусскому правительству, что въ восточныхъ провинціяхъ, особенно въ Силезіи, землевладѣльцы испытываютъ такой недостатокъ въ постоянной прислугѣ и сельскихъ рабочихъ, что они болѣе не въ состояніи своевременно и раціонально обрабатывать и убирать свои поля? Какимъ образомъ думаетъ правительство помочь этой нуждѣ, если не откроетъ въ болѣе, чѣмъ до сихъ поръ соотвѣтствующихъ нуждѣ размѣрахъ доступа въ Пруссію для русскихъ и австрійскихъ рабочихъ?»

Въ обоснованіи интерпелляціи Сезмулла говоритъ, что такое бѣдственное положеніе силезскаго землевладѣніи продолжается уже давно, не встрѣчая со стороны правительства никакихъ мѣръ помощи, какъ будто оно совершенно игнорируетъ эту нужду. Ежегодно Силезію оставляютъ до 30,000 рабочихъ, направляясь въ большіе города. Прислуги до такой степени мало для силезскихъ землевладѣльцевъ, что они не могутъ имѣть ее даже за самую высокую плату. Далѣе приводится рядъ писемъ, содержащихъ упреки правительству за то, что оно не имѣетъ понятія о томъ вредѣ, какой наносится такимъ образомъ сельскому хозяйству, что послѣднее идетъ постепенно къ банкротству, если правительство не предприметъ рѣшительныхъ мѣръ.

Во всемъ, что касается аграрнаго вопроса, Силезія играетъ обыкновенно крупную роль, гораздо большую, чѣмъ другія, восточныя же провинціи Пруссіи. Западныя провинціи въ этомъ отношеніи занимаютъ значительно иное положеніе: тамъ, напримѣръ, совсѣмъ не слышно жалобъ на побѣгъ рабочихъ и прислуги, не слышно и тѣхъ требованій, какія предъявляютъ къ правительству восточные аграріи во имя поддержки интересовъ національнаго сельскаго хозяйства. Собственно, кажется страннымъ слышать о недостаткѣ рабочихъ, когда тутъ же устанавливается фактъ массоваго выселенія рабочихъ изъ восточныхъ провинцій, ищущихъ себѣ работы или въ индустріи или въ сельскомъ же хозяйствѣ западныхъ провинцій: казалось бы, это говоритъ объ излишкѣ рабочихъ, о недостаткѣ не ихъ, а работы для нихъ. Это и въ дѣйствительности такъ, только условія труда, совершенно отличныя, чѣмъ на западѣ, дѣлаютъ кажущееся страннымъ явленіе совершенно понятнымъ. Дѣло въ томъ, что уже издавна существуетъ значительная разница, въ послѣднее время становящаяся все рѣзче и рѣзче между восточными и западными провинціями въ отношеніи практикующихся системъ хозяйства, въ отношеніи приспособленія къ мѣняющимся и развивающимся требованіямъ времени. Въ то время, какъ западные землевладѣльцы ведутъ свои хозяйства на уровнѣ требованій времени въ отношеніи техники и на рабочемъ рынкѣ выдерживаютъ конкурренцію съ индустріей, повышая соотвѣтственно рабочую плату, восточныя провинціи, особенно Силезія, остаются до сихъ поръ при прежнихъ системахъ хозяйствъ, при тѣхъ же системахъ и уровнѣ ра-

бочей платы, при томъ же обращеніи съ рабочими, какъ и прежде, когда въ одинъ «безумный годъ» совершилось освобожденіе крестьянъ вопреки всѣмъ стараніямъ и желаніямъ силезскихъ магнатовъ, какъ, наприм., предковъ кн. Плессъ или графа Генкель фонъ-Доннерсмаркъ (въ 20-хъ и 30-хъ г.). Впрочемъ, и въ Силезіи не всегда положеніе одинаково. Лучшимъ, сравнительно, положеніемъ издавна пользуется крестьянство Нижней Силезіи; самою отсталой является Верхняя Силезія, здѣсь же хуже, чѣмъ гдѣ-либо, положеніе крестьянства; Средняя Силезія заняла нѣсколько лучшее положеніе благодаря развившемуся здѣсь съ нѣкотораго времени овцеводству и огородничеству.

Рабочая плата, оставаясь неизмѣнной отъ давнихъ, совсѣмъ другихъ временъ, превратилась теперь въ «голодную» плату; «патріархальное» обращеніе съ «поденными» потеряло теперь всю свою идилличность и привлекательность, которую оно, можетъ быть, имѣло во времена патріархальныхъ отношеній подданства. Въ то же время, если крестьянинъ и остается вѣренъ ужившемуся преданію — работаетъ за голодную плату у хозяина патріархальныхъ нравовъ, то работаетъ лишь во время сельско-хозяйственныхъ работъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ въ году, и только за это и на это время получаетъ содержаніе на голодную плату. Остальные мѣсяцы прежде онъ занимался работами по своему хозяйству или какому-нибудь домашнему ремеслу; теперь же его хозяйство не даетъ ему даже того вознагражденія, какое даетъ землевладѣлецъ, а о ремеслѣ обыкновенно уже и говорить нечего. Естественно, что крестьянинъ послѣ опыта двухъ-трехъ лѣтъ голоданья на дѣдовской землѣ подъ сѣнью барина, которому служили «по гробъ жизни» предки, рѣшается проститься съ родными могилами и идетъ искать себѣ счастья, т.-е. возможности отдавать свою рабочую силу не на нѣсколько только мѣсяцевъ въ году, а на весь годъ, и въ теченіе всего года быть сытымъ настолько, чтобы быть въ состояніи работать. Современные пути сообщенія и свобода передвиженія (Freizügigkeit), возникшіе въ интересахъ индустріи, а также и сельскаго хозяйства, предоставляютъ сельскому рабочему возможность направиться туда, гдѣ онъ можетъ разсчитывать найти себѣ «счастье». И ежегодно десятки и сотни тысячъ отправляются съ востока на западъ— въ землевладѣльческія хозяйства и еще болѣе въ города на фабрики и заводы; не мало также совсѣмъ оставляютъ тѣ предѣлы, которые находятся подъ внушительною охраной «національныхъ (нѣмецкихъ) интересовъ», «національной чести» и національнаго благополучія. Въ результатѣ для силезскихъ землевладѣльцевъ получается положеніе, въ которомъ извинительно выйти изъ терпѣнія, отбросить всякія соображенія или даже видимость соображеній общихъ, національныхъ интересовъ и ухватиться за свои кровные интересы, кровное добро и кровное право имѣть всегда по мѣрѣ надобности нужныхъ людей—сельскихъ рабочихъ и прислугу, Силезскому землевладѣльцу простительно, если ему кажется, что вмѣстѣ съ его крушеніемъ

рушится и все остальное. Въ своекорыстномъ увлеченіи своей общенаціональною миссіей, онъ призываетъ къ отвѣту государство и требуетъ такъ или иначе, тѣхъ или другихъ, но дать ему рабочихъ. «Положеніе дѣлъ таково,—говоритъ въ ландтагѣ депутатъ Корнъ,—что требуется охрана для работодателей. Я другъ,—оговаривается онъ,—рабочаго законодательства».

«Нужда въ людяхъ,—пишетъ органъ союза сельскихъ хозяевъ,—не есть только недостатокъ, но вопіющая, до небесъ вопіющая нужда. Уже въ прошломъ году въ восточныхъ провинціяхъ опустѣли тысячи рабочихъ жилищъ, а послѣ того и еще сотни. Уже въ прошломъ году, вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ, часть полей осталась неубранной, а частью убрана была не во̀-время. Теперь боятся, что если не явится какой-либо помощи, то будетъ еще хуже.

«Большинство владѣльцевъ теперь платятъ по крайней мѣрѣ столько, сколько получаютъ индустріальные рабочіе. Положеніе сельскихъ рабочихъ почти всюду лучше, чѣмъ индустріальныхъ, если принимать во вниманіе всѣ обстоятельства. Но чѣмъ помочь? Ихъ тянетъ въ города какой-то таинственный, обманчивый магнитъ. Ожидаютъ они тамъ найти золотыя горы, но находятъ лишь грязныя, мрачныя ямы.

«Какъ ни раздумывай объ этихъ вещахъ, всегда приходишь къ заключенію, что *безъ вмѣшательства въ такъ называемую свободу передвиженія* (Freizügigkeit) *никакъ не обойдешься.* Неужели останавливаться передъ этимъ потому, что мы все еще не вполнѣ отрѣшились отъ вздорныхъ либеральныхъ громкихъ словъ?»

Такимъ образомъ, въ восточныхъ провинціяхъ, гдѣ юнкерство наиболѣе отсталое во всѣхъ отношеніяхъ и гдѣ положеніе рабочихъ особенно несносно, послѣдніе тысячами оставляютъ отведенныя имъ юнкерами жилища, въ отношеніи комфортабельности далеко уступающія юнкерскимъ конюшнямъ. Если они хотятъ искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ лучшаго занятія и болѣе человѣческаго обхожденія, то—требуютъ юнкера—для поддержки германскаго сельскаго хозяйства должны быть изданы законы, которые удержали бы сельскихъ рабочихъ на мѣстѣ, гдѣ они въ извѣстное время года нужны юнкерамъ, которые прикрѣпили бы крестьянъ къ землѣ.

И прусское правительство въ письменной декларація, прочитанной прусскимъ министромъ сельскаго хозяйства, бар. Гаммерштейномъ, по соглашенію съ другими министерствами, выражаетъ свое намѣреніе изыскать мѣры для ограниченія права на свободное передвиженіе рабочаго населенія, «результатомъ котораго является обезлюденіе деревень и приливъ сельскаго населенія въ промышленные округа». Кромѣ того, предполагается, по желанію аграріевъ, отпускать на работы въ ихъ имѣніяхъ солдатъ, особенно во время жатвы и другихъ сезонныхъ работъ. На-ряду съ этимъ имѣется въ виду принять мѣры къ тому, чтобы кончающіе срокъ военной службы, если они изъ деревень, возвращались въ мѣста своей родины, къ своимъ

прежнимъ занятіямъ. Министерство отвѣчаетъ полною готовностью удовлетворить желаніе землевладѣльцевъ имѣть въ своемъ распоряженіи въ большей степени рабочія руки несовершеннолѣтнихъ и особенно въ возрастѣ обязательнаго школьнаго обученія, для чего послѣдній предполагается понизить на одинъ годъ. Такъ какъ старики тоже пригодны для многихъ работъ въ юнкерскихъ хозяйствахъ, то и объ ихъ судьбѣ считаютъ нужнымъ позаботиться и устроить именно такимъ образомъ, чтобы инвалиды труда были всегда тоже подъ рукой. «Есть средство,—говорилъ въ ландтагѣ депутатъ Гампъ,—снова колонизовать восточныя провинціи, если капитализировать ренты престарѣлыхъ и инвалидовъ и дать такимъ образомъ послѣднимъ возможность пріобрѣсти недвижимое имѣніе. Было бы великимъ національнымъ дѣломъ, еслибы такимъ образомъ употребить этого рода капиталы». Такого рода «національное дѣло», конечно, въ результатѣ ничѣмъ не можетъ быть, какъ пріобрѣтеніемъ земель на которыхъ будутъ настроены казармы, куда и водворятся престарѣлые и инвалиды труда; а такъ какъ они должны будутъ пить-ѣсть, то придется кланяться и просить работы у сосѣдняго землевладѣльца и кормиться «его милостью». Средства, удѣляемыя рабочимъ населеніемъ для поддержки своихъ, утратившихъ способность къ труду членовъ, обращаются такимъ образомъ на то, чтобы «недвижимымъ имѣніемъ» въ формѣ рабочаго дома прикрѣпить ихъ къ землѣ и еще болѣе ихъ конкурренціей понижать безъ того низкую рабочую плату на сельско-хозяйственномъ рабочемъ рынкѣ.

Если люди, не ограниченные въ своихъ гражданскихъ правахъ, должны быть ограничены, поскольку это нужно для поддержки «національнаго» сельскаго хозяйства, то нечего и говорить о преступникахъ и о лицахъ, находящихся въ исправительныхъ заведеніяхъ: правительство должно подвергнуть пересмотру уставы и положенія, касающіяся работъ лицъ этихъ категорій, и внести измѣненія въ смыслѣ предоставленія ихъ въ распоряженіе землевладѣльцевъ.

Чтобы болѣе обезпечить землевладѣльцевъ прислугой, предполагается ввести контрактный порядокъ найма на болѣе продолжительные сроки и установить строгія кары за нарушеніе контрактовъ; наряду съ этимъ ограничить дѣятельность разныхъ маклеровъ и посредниковъ, занимающихся пріисканіемъ мѣстъ и занятій. Эти мѣры едва ли будутъ сопровождаться улучшеніемъ положенія прислуги у силезскихъ землевладѣльцевъ, въ настоящее время обыкновенно очень жалкаго. Съ 3—5 час. утра начинается работа по уходу за скотомъ, въ овинѣ и въ полѣ; ½8—8 час. дѣлается для завтрака пауза, если обѣдъ бываетъ въ 12 час.; если же въ 11 час., то работа продолжается безъ перерыва. Послѣ часа на обѣдъ работа продолжается до вечера, лѣтомъ часто до 9—10 час., и когда дни становятся короче, то безъ всякаго перерыва. Работать должна вся семья, и дѣти, начиная съ 5—6-лѣтняго возраста: имъ дается подходящая работа въ огородѣ за 40 пфен. въ день, или 3—4 пф. (около 1½ коп.) въ

часъ. Крайне низкая плата—отчасти наличными деньгами, отчасти натурой—сопровождается невольнымъ вегетаріанствомъ населенія и въ сильной степени пьянствомъ, но юнкера, какъ князь Глессъ, герцогъ Ратиборъ и др. гранды Верхней Силезіи, полагаютъ, что повышеніе платы вызоветъ еще большее пьянство, и поэтому считаютъ долгомъ человѣколюбія и благочестія плату не только не повышать, а понижать.

Интересныя историческія справки и признанія въ этой области дѣлаетъ, наприм., проф. баронъ фонъ Гольцъ въ рефератѣ, читанномъ на юбилейномъ собраніи германскаго сельско-хозяйственнаго совѣта (Landwirtschaftsrath), представляющаго собою предпочтительно интересы крупнаго землевладѣнія. Послѣ того, какъ промышленная горячка въ эру милліардовъ (въ 70-хъ годахъ) нѣсколько стихла, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало сглаживаться и вызванное усиленнымъ отливомъ сельскаго населенія въ фабричные центры разстройство землевладѣльческихъ хозяйствъ, землевладѣльцы потеряли всякій интересъ къ возникшимъ было въ области улучшенія быта сельскихъ рабочихъ вопросамъ. «Перемѣна наступила—говоритъ Гольцъ—лишь во второй половинѣ 80-хъ годовъ, когда вслѣдствіе массовой эмиграціи и переселеній крестьянъ недостатокъ рабочихъ достигъ небывалой до того времени степени, и когда, вслѣдствіе прекращенія закона о соціалистахъ, возникли опасенія, что соціалъ-демократическая агитація захватитъ и сельскихъ рабочихъ». На томъ же засѣданіи (года 2 назадъ) корреферентъ Гольца баронъ фонъ-Рейхертсгаузе (изъ Баваріи), обсуждая юнкерскій «рабочій вопросъ», заявилъ, что «разрѣшенія соціальнаго вопроса нужно искать не столько въ городахъ, сколько въ деревнѣ, и именно попытаться прибывающее въ города населеніе возвращать къ сельскимъ занятіямъ»; тогда же, какъ средство для осуществленія предложеннаго разрѣшенія, онъ указалъ, между прочимъ, ограниченіе свободы передвиженія, «такъ, чтобы не всякому сельскому или деревенскому обывателю предоставлялось отправляться въ городъ на счастье, безъ опредѣленныхъ средствъ существованія,—будетъ ли то молодой или старый, самостоятельный или зависимый человѣкъ».

Такимъ образомъ, въ послѣднемъ засѣданіи прусскаго ландтага ничего не было пріобрѣтено вновь. Аграріи, начавъ политику своихъ интересовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ при обстоятельствахъ, не вполнѣ имъ благопріятныхъ, теперь могутъ радоваться своимъ успѣхамъ, особенно тому, что «наконецъ и правительство начинаетъ признавать правоту и законность ихъ требованій» и т. п., могутъ надѣяться, что наконецъ «отнимутъ у рабочихъ ихъ преимущества» (Begünstigungsrecht), какъ требуетъ, наприм., депутатъ ландтага фонъ-Мендель-Штейнфельсъ.

Перечисляя требованія восточно-прусскихъ аграріевъ и проекты, которые подъ ихъ диктовку составляются ихъ правительствомъ, я долженъ еще коснуться одного стоящаго въ программѣ поддержки «національнаго» сельскаго хозяйства вопроса, стоящаго на первомъ планѣ и наиболѣе щекот-

ливаго. Этотъ вопросъ и составлялъ интерпелляцію депутата Сезмуллы — о допущеніи въ восточныя провинціи польскихъ, русскихъ и австрійскихъ рабочихъ. «Сельскому хозяйству восточныхъ провинцій, — говоритъ депутатъ Латачъ,—нельзя помочь, если не допускать иностранныхъ рабочихъ; въ противномъ случаѣ мы лучше бросимъ его». Такое требованіе аграріевъ, опирающееся на интересы «національнаго» сельскаго хозяйства, плохо клеится съ принятой и практикующейся политикой охраны «національныхъ» нѣмецкихъ интересовъ въ тѣхъ же провинціяхъ. «Открытіе границы будетъ, пожалуй, опасно въ политическомъ отношеніи», заявляетъ фонъ-Мендель-Штейнфельсъ. Да и «правительство только изъ тѣхъ же политическихъ соображеній отказывается до сихъ поръ удовлетворить нужду сельскаго хозяйства въ заграничныхъ рабочихъ», замѣчаетъ полякъ Глембоцкій. До сихъ поръ рабочіе изъ Россіи допускались лишь на короткое время, именно на лѣтнія сельско-хозяйственныя работы, съ 1 апрѣля до 15 ноября, при строжайшемъ и стѣснительномъ очень контролѣ за паспортами. Но землевладѣльцы находятъ это совершенно недостаточнымъ, — недостаточнымъ даже продленіе срока для ежегоднаго пребыванія въ предѣлахъ Германіи польско - русскихъ рабочихъ до 1 декабря, какъ предложило правительство; они считаютъ невозможнымъ назначать опредѣленный, тѣмъ болѣе такой короткій срокъ и требуютъ допущенія по мѣрѣ надобности (графъ Баллештремъ). На боязнь опасностей, какія могутъ будто бы явиться для германизма съ допущеніемъ русско - польскаго элемента, гр. Баллештремъ отвѣчаетъ: «У меня работаютъ сотни иностранныхъ рабочихъ, но я не могъ открыть никакой опасности съ ихъ стороны для германизма. Эти рабочіе — самые безвредные люди, о политикѣ не имѣютъ никакого представленія; шесть дней работаютъ, а въ седьмой, какъ повелѣлъ Богъ, отдыхаютъ. Работящіе, способные, трезвые, невзыскательные, они могли бы служить примѣромъ для нашихъ рабочихъ. Конечно, въ Верхней Силезіи существуетъ движеніе, называемое великопольскимъ, а я назвалъ бы его соціалистическимъ и аграрно-коммунистическимъ; но заграничные рабочіе въ этомъ движеніи участія не принимаютъ». Такимъ образомъ, гр. Баллештремъ могъ бы, пожалуй, изъ политическихъ соображеній, только порекомендовать вселеніе русско-польскихъ рабочихъ въ среду нѣмецкихъ рабочихъ для подачи добраго примѣра и пониженія конкурренціей рабочей платы,— «національные» интересы вдвойнѣ выигрываютъ. Перечисленныя Баллештремомъ достоинства польско-русскихъ рабочихъ отсутствуютъ у другихъ европейскихъ рабочихъ, наприм. у шведскихъ, притомъ на столь же низкія платы «они къ намъ и не пойдутъ», полагаетъ графъ.

Какъ истые патріоты, до мозга костей пропитанные вѣрностью и преданностью интересамъ своей націи, нѣмецкіе аграріи боятся, какъ бы содѣйствіе національному дѣлу въ одной сферѣ (въ сельскомъ хозяйствѣ) не сопровождалось ущербомъ его въ другой. Они задаются вопросомъ: что же можетъ произойти, если открыть русско - польскую границу, и дозволять

пришедшимъ изъ-за нея рабочимъ поселяться въ предѣлахъ Германіи на болѣе или менѣе продолжительное время? Депутатъ Гампъ ожидаетъ отъ этого серьезныхъ опасностей, такъ какъ «если—говоритъ онъ—люди живутъ у насъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то придется повести рѣчь о школахъ для нихъ, о церквахъ и т. д. Уже и теперь въ восточныхъ провинціяхъ есть польскія колоніи, а съ допущеніемъ переселеній будетъ еще хуже». Съ другой стороны, разсматриваетъ опасности депутатъ Конрадъ-Грауденцъ. «Невозможно,—говоритъ онъ,—позволять польско-русскимъ рабочимъ надолго поселяться въ восточныхъ провинціяхъ, такъ какъ тогда они скоро станутъ двигаться дальше на западъ. Они скоро даже забудутъ, что они иностранцы, акклиматизируются, и мы снова вернемся къ тому же состоянію, которое мы устранили въ 1885 году. Будутъ потеряны безплодно всѣ тѣ издержки, какія сдѣланы для поднятія германизма на нашемъ востокѣ».

Это національное дѣло, плодами котораго такъ или иначе заставляютъ дорожить тѣ милліоны, которыхъ оно стоило, заключалось въ поголовной высылкѣ изъ предѣловъ Пруссіи, изъ Познани и восточныхъ провинцій, всѣхъ поляковъ, не числившихся прусскими подданными. Выслано было около 40,000 человѣкъ, высылались даже всѣ тѣ, которые въ Пруссіи родились, въ Пруссіи отбывали воинскую повинность и были въ военныхъ походахъ. Строгость и суровость, съ какой приводилась эта мѣра для насажденія нѣмецкой культуры, не щадила ни больныхъ, ни дѣтей, ни въ опасномъ положеніи находившихся беременныхъ женщинъ. Тысячами сгонялись несчастные въ бараки на русской границѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію. Тысячи жизней были разбиты. По этому поводу въ рейхстагъ внесена была интерпелляція, подписанная 154 депутатами (поляки, соціалъ-демократы, свободомыслящіе, отъ народной партіи и центра), и по обсужденіи ея была принята резолюція, предложенная Виндгорстомъ (депутатъ центра), въ которой рейхстагъ выражаетъ свое убѣжденіе, что произведенныя высылки «несправедливы и не согласуются съ интересами гражданъ имперіи». Но прусскому ландтагу подъ командой Бисмарка было мало дѣла до убѣжденій союзнаго народнаго представительства Германіи, и онъ продолжалъ, все подъ той же командой, предпринятое дѣло «поддержки и усиленія нѣмецко-національныхъ интересовъ въ восточныхъ провинціяхъ, насажденія нѣмецкаго населенія и нѣмецкой культуры». «Спрашивается,—говоритъ Бисмаркъ въ засѣданіи ландтага 28 января 1886 г.,—не можетъ ли Пруссія при настоящихъ обстоятельствахъ ассигновать сто милліоновъ талеровъ, чтобы на нихъ скупить имѣнья польскаго дворянства,—чтобы, словомъ, экспропріировать это дворянство?» «Ого!»—послышалось изъ среды депутатовъ. «Что-жъ,—отвѣтилъ Бисмаркъ,—этимъ не дѣлается полякамъ никакой несправедливости, такъ какъ за имѣнія они получатъ деньги, на которыя могутъ купить себѣ другія имѣнія по ту сторону русской границы, а то пусть хоть проиграютъ ихъ въ Монако».

Была учреждена коммиссія (Ansiedlungskommission), которой и поручено на ассигнованные милліоны осуществить великое національное дѣло. Результаты дѣятельности коммиссіи—это другой вопросъ: во всякомъ случаѣ милліоны черезъ чьи-то руки проходили, кто-то ихъ расходовалъ и кто-то получалъ.

Въ разное время, при различныхъ историческихъ обстоятельствахъ возможны совершенно различные такъ наз. національные интересы и еще болѣе средства для ихъ осуществленія. 10—15 лѣтъ тому назадъ національные интересы нѣмецкаго народа требовали изгнанія поляковъ и отобранія у нихъ земли, а теперь національные интересы требуютъ, чтобы пришли поляки и обработывали землю для нѣмецкихъ землевладѣльцевъ. Это потому, что ходъ исторіи совершенно измѣнилъ положеніе вещей и привелъ къ тому, что польскіе рабочіе стали болѣе соотвѣтствовать интересамъ нѣмецкаго крупнаго сельскаго хозяйства, чѣмъ рабочіе нѣмецкіе: нѣмецкій патріотизмъ изъ рабочаго нѣмецкаго населенія сдѣлалъ неестественное переселеніе въ русско-польскихъ рабочихъ. Прусскіе аграріи и требуютъ допустить къ нимъ русско-польскихъ рабочихъ въ размѣрахъ и на срокъ, сколько нужно будетъ. Въ отвѣтъ на такое требованіе Гаммерштейнъ въ упомянутой уже выше деклараціи объявляетъ, что «королевское правительство согласно, какъ и раньше, допустить польскихъ, русскихъ и галиційскихъ рабочихъ, и, гдѣ окажется нужнымъ, позволитъ пребываніе ихъ вмѣсто 15 ноября, какъ раньше, до 1 декабря каждаго года. Если же русскихъ и галиційскихъ сельскихъ рабочихъ будетъ недостаточно, то можно будетъ привлечь и другихъ внѣгерманскихъ рабочихъ».

Въ засѣданіи ландтага было высказано со стороны восточно-прусскихъ землевладѣльцевъ (Гампъ), чтобы правительство пріостанавливало или сокращало желѣзно-дорожныя работы во время усиленныхъ работъ въ сельскихъ хозяйствахъ и усиленнаго требованія туда рабочихъ рукъ. Упоминаемая выше министерская декларація не содержитъ отвѣта на это «пожеланіе», но удовлетвореніе его послѣдовало уже черезъ нѣсколько дней послѣ засѣданія въ формѣ циркуляра министра публичныхъ работъ Тилена къ дирекціи государственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Циркуляръ предписываетъ и ставитъ въ особенную обязанность желѣзно-дорожной дирекціи, чтобы работы по сооруженію новыхъ желѣзныхъ дорогъ производились съ возможно меньшимъ числомъ рабочихъ рукъ во время весеннихъ сельско-хозяйственныхъ работъ и жатвы, принимая во вниманіе недостатокъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ; кромѣ того, чтобы работы по содержанію пути въ это время, насколько только возможно, сокращались, чтобъ облегчить въ эти періоды привлеченіе рабочихъ въ земледѣльческія хозяйства.

Этотъ же циркуляръ заключаетъ въ себѣ мѣру, пожалуй, даже слишкомъ практическую противъ нарушенія рабочими контрактовъ. Циркуляръ строжайше предписываетъ, чтобы на работу и службу при желѣзныхъ дорогахъ не принимать ни подъ какимъ видомъ рабочихъ, которые

оставили предыдущее мѣсто или занятіе, не выполнивъ своихъ обязанностей по договору съ хозяиномъ, и требовать при пріемѣ доказательства причинъ оставленія занятій; мало того, дирекція должна заботиться о томъ, чтобы и желѣзно-дорожные предприниматели нарушившихъ ранѣе контракты рабочихъ также не принимали на работы, а въ противномъ случаѣ строго взыскивать. Такимъ образомъ, рабочій, нарушившій контрактъ, ставится совершенно въ исключительное положеніе, тогда какъ нарушеніе контракта гражданами другихъ общественныхъ слоевъ преслѣдуются лишь въ обыкновенномъ гражданскомъ порядкѣ.

Отъ исхода предстоящихъ выборовъ зависитъ въ значительной степени дальнѣйшее направленіе и судьба до сихъ поръ успѣшной работы аграріевъ; поэтому-то какъ съ ихъ стороны, такъ и со стороны борющихся съ ними партій ведется ожесточенная агитація.

В. Турковскій.

Графъ Камиллъ Кавуръ по его письмамъ и современнымъ запискамъ *).

VI.

Первымъ документомъ 1859 года, столь знаменательнаго для Италіи, можетъ служить записка, отъ 1 января, сенатора графа Бардезоно къ другу Кавура, М. Кастелли: «Войдя къ графу Кавуру, я ему пожелалъ добраго новаго года и быть 1 января 1860 года первымъ министромъ короля Италіи въ Римѣ; графъ разсмѣялся и отвѣтилъ мнѣ: несомнѣнно, туда мы попадемъ, но черезъ 10 лѣтъ и послѣ междоусобной войны. Бардезоно».

Отъ того же числа Кавуръ писалъ однако же слѣдующее во Флоренцію посланнику при Тосканскомъ дворѣ, Бонкомпаньи: «Дорогой, я долго размышлялъ о послѣднихъ вашихъ замѣчаніяхъ и не отказываю имъ въ значеніи, но что дѣлать? У насъ нѣтъ выбора,—надобно или помириться съ status quo на вѣкъ, если слѣдовать совѣтамъ Англіи, или, пользуясь чувствами къ Австріи обоихъ императоровъ, западнаго и восточнаго, въ послѣдній разъ попробовать освободить Италію. Если упустить этотъ случай, то Богъ одинъ можетъ знать, когда явится возможность осуществить идею національности. Я не отрицаю рискованности предпріятія, но когда же народъ возрождался, не жертвуя и не рискуя ничѣмъ? Скажу вамъ, переходя къ фактамъ, что, вѣроятно, все рѣшится въ текущемъ мѣсяцѣ; не то, чтобы война открылась немедленно, но опредѣлятся условія войны. Пока они еще скрыты и необходима большая осмотрительность».

Того же дня въ Парижѣ императоръ на новогоднемъ пріемѣ сказалъ австрійскому посланнику: «я жалѣю, что наши отношенія съ вашимъ правительствомъ не такъ хороши, какъ бывало; но прошу передать императору, что мои личныя чувства къ нему ни въ чемъ не измѣнились». Это привѣтствіе открыло Европѣ предстоящую войну.

Кавуръ, который берегъ для маленькаго піэмонтскаго войска все, что можетъ способствовать успѣху—выборъ времени и мѣста, былъ непріятно

---

*) *Русская Мысль*, кн. III, 98 г.

озадаченъ словами неожиданно откровеннаго союзника. Это ясно сквозитъ въ слѣдующихъ письмахъ:

Изъ письма гр. Кавура къ посланнику Эммануилу Азельо въ Лондонъ, 6 января... «Пользуюсь оказіей, чтобы написать два слова. Положеніе вещей за послѣднія двѣ недѣли назрѣло, хотя нами не сдѣлано ни одного рѣшительнаго шага. Возбужденіе среди Ломбардовъ очень повысилось; желаніе отдѣлаться отъ нѣмцевъ выказывается всячески. Я дѣлаю, что могу, чтобы сдерживать,—не знаю, вполнѣ ли удастся. *Times* правъ: кризисъ неизбѣженъ, нельзя согласовать свободу по сю сторону Тичино съ Австріей на томъ берегу. Волей-неволей придется англичанамъ съ этимъ согласиться. Съ другой стороны, императоръ, совѣтовавшій цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ осторожность, дебютировалъ въ этомъ году яркой фразой, вродѣ изреченія его дядюшки наканунѣ похода... Въ Италіи эффектъ эта фраза произвела невѣроятный. Не знаю, что изъ этого послѣдуетъ. Я надѣюсь, что мнѣ удастся предотвратить возстаніе, но это будетъ лишь отсрочка; надобно, чтобы Европа прозрѣла и согласилась бы на излѣченіе нашихъ язвъ... Не могу надѣяться, несмотря на ваше краснорѣчіе, чтобы лордъ Мальмсбюри убѣдился въ необходимости предпринять что-либо дѣйствительное въ пользу Италіи. Изъ этого слѣдуетъ одно: ваша обязанность—вздыхать и убиваться въ виду ужаснаго положенія, въ которое ограниченность государственныхъ людей Англіи ввергаетъ бѣдный Піэмонтъ. Вы должны представить насъ брошенными въ пропасть, вынужденными на всякія жертвы, чтобы лишь спасти нашу честь».

Изъ письма гр. Кавура къ принцу Наполеону, 7 января... «Состояніе тревоги все усиливается въ Ломбардіи и особенно въ Миланѣ; незначительныя дѣйствія, намекающія на непріязненныя къ Австріи чувства, встрѣчаются всюду съ восторгомъ. Поэтому, слова, съ которыми 1 января императоръ обратился къ барону Гюбнеру, вызвали огромное возбужденіе. Самымъ умѣреннымъ мерещились уже французскія войска по ту сторону По. Оно прекрасно—это доказываетъ императору, какъ ненавистны австрійцы, но изъ этого для насъ вытекаетъ и опасность. Что дѣлать, если вспыхнетъ въ Ломбардіи народное движеніе? Трудно на это отвѣтить».

Тронная рѣчь при открытіи палатъ въ Туринѣ обязательно должна была по своему содержанію вторить вызывающему тону словъ императора, сказанныхъ за нѣсколько дней въ Парижѣ; ломбардцы, съѣхавшіеся въ большомъ числѣ, чтобы слышать рѣчь короля, покрыли ее радостными кликами и обнадеженные въ близкомъ разрѣшеніи національнаго вопроса вернулись въ свои провинціи.

Но въ Англіи только что вступилъ въ управленіе торійскій кабинетъ, который считалъ себя обязаннымъ оберегать существующіе еще на континентѣ слѣды постановленій вѣнскаго конгресса; черезъ своего посла въ Туринѣ онъ представилъ, какую страшную отвѣтственность беретъ на себя графъ Кавуръ, влагая въ уста своего государя слова поддержки и одобренія, какъ бы обращенныя къ иноземнымъ подданнымъ, недовольнымъ

своими правительствами. Людовикъ Наполеонъ понялъ, какъ преждевременна была его откровенность, и тщетно старался въ правительственной газетѣ опровергнуть вызванныя имъ же ожиданія войны; къ тому же эти ожиданія укрѣплялись извѣстіями, быстро слѣдующими одно за другимъ: отъѣздомъ въ Туринъ принца Наполеона, его помолвкой съ принцессою Клотильдою и 30 января неожиданно скорымъ ихъ бракомъ *).

Что война была неминуема, доказывало, кромѣ словъ императора и энергичной рѣчи Виктора-Эммануила, полученное въ Туринѣ увѣдомленіе, что Австрія съ 7 января усиливаетъ свое вооруженіе и что новые австрійскіе полки прибываютъ въ Ломбардію.

Графъ Кавуръ сталъ допускать пріемъ въ ряды піэмонтскаго войска стекающихся съ разныхъ провинцій Италіи итальянцевъ и даже молодыхъ людей, подлежащихъ военному призыву. Они покидали свои семьи и свою провинцію, но не для того, чтобы являться въ воинскія присутствія правительства своихъ государей-эрцгерцоговъ, а чтобы носить оружіе добровольцами въ Піэмонтѣ.

Объ этомъ явленіи говоритъ письмо Джузепе ла-Фарина къ Медичи, адъютанту, или, лучше сказать, близкому довѣренному Гарибальди, отъ 1 января 1859 г. «Задержите ихъ (добровольцевъ) насколько можно, такъ какъ въ январѣ нельзя правительству о нихъ заботиться, не ускоряя этимъ объявленія войны; если же молодые люди будутъ прибывать въ февралѣ или мартѣ, то время будетъ самое подходящее. Надобно остерегаться вызывать войну немедленно, такъ какъ она желательна только мѣсяца черезъ два».

Нить послѣдующаго намъ будетъ видна изъ прилагаемыхъ писемъ.

Изъ письма гр. Кавура отъ 15 января 1859 г. въ Лондонъ, къ Эмм. Азельо: «Пока насъ уговариваютъ быть умѣренными и оставаться спокойными, Австрія припасаетъ огромныя силы: Ломбардія превращена въ укрѣпленный лагерь, войска размѣщены и организованы въ виду наступленія. Въ Пьяченцѣ не слабый гарнизонъ, а цѣлый корпусъ, наперекоръ трактатамъ. Изъ-за всего этого мы будемъ вынуждены еще до весны собрать наши силы. Всѣ эти подробности—для лорда Мальмсбюри; передайте ему также мою увѣренность, что онъ обратитъ вниманіе на все вышеизложенное».

Изъ письма гр. Кавура къ Коссила (губернаторъ Сардиніи), январь 1859 г.: «Вы получите черезъ курьера циркуляръ всѣмъ губернаторамъ, объясняющій причины предпринятыхъ военныхъ мѣръ. Вы можете сказать, кому хотите на ухо, что мы дѣйствуемъ въ полномъ соглашеніи съ Франціей и что мы увѣрены въ ея немедленномъ содѣйствіи».

Изъ письма гр. Кавура къ Эмм. Азельо въ Лондонъ, январь 1859 г.:

---

*) Въ своей біографіи Виктора-Эммануила Массари пишетъ, что молодая принцесса (ей должно было исполниться 16 лѣтъ въ апрѣлѣ) на предложеніе этого брака отвѣтила, не смущаясь: „это желаніе моего отца, значитъ этотъ бракъ полезенъ моей семьѣ и родинѣ,—я согласна“, и что у Кавура глаза дѣлались влажны при разсказѣ объ этомъ.

«Мы всячески должны стараться не раздражать злобныхъ островитянъ (англичанъ) и избѣгать того, что имъ не по нутру. Поэтому я отпустилъ Лесепса ни съ чѣмъ и совсѣмъ не вмѣшиваюсь въ дѣла Востока, которыя, впрочемъ, слава Богу, идутъ съ плохого на худшее».

Въ это время, почти того же числа, вотъ что писалъ Гарибальди съ острова Капрера къ Джузепе ла-Фарина: «Совѣтовать не хочу ни вамъ, ни графу, въ совѣтахъ вы не нуждаетесь, но вашимъ мощнымъ словомъ поддерживайте и подвигайте его по предпринятому святому пути. Италія богата и людьми, и деньгами, а онъ все можетъ; пусть дѣлаетъ все—и еще кое-что больше (fa tutto—e qualche cosa di piu!)... Мы никогда не сдѣлаемъ слишкомъ много... и я со слезами буду цѣловать руку, которая насъ выведетъ изъ униженія и бѣды. Пишу то же и нашему президенту (Палавичини, предсѣдатель національнаго общества). Навѣкъ вашъ Гарибальди».

На самомъ же дѣлѣ война далеко не представлялась такой неминуемой, какъ могли желать того итальянцы; но Кавуръ рѣшился выгнать австрійцевъ изъ Италіи и, какъ средствомъ къ тому, онъ овладѣлъ Наполеономъ, который оказался во власти чужой воли, неизмѣримо болѣе сильной, чѣмъ его собственная. Ясно было, что Людовикъ-Наполеонъ самъ былъ напуганъ трескомъ собственныхъ словъ и очень хотѣлъ освободиться отъ принятыхъ обязательствъ, такъ что въ статьѣ, появившейся въ правительственной газетѣ *Монитеръ*, читаемъ слѣдующую фразу: «Императоръ обѣщалъ королю сардинскому защитить его противъ всякаго наступательнаго дѣйствія Австріи; императоръ не обѣщалъ ничего большаго, но всѣ знаютъ, что даннаго слова онъ крѣпко держится». Помимо этого заявленія, мы имѣемъ еще любопытное письмо отъ 30 января, извѣстнаго Эдгара Кине, который пишетъ: «Хотѣли двухъ вещей, первая—позабавить итальянцевъ, которыхъ лично боятся, чтобъ избѣгнуть повторенія 14 января (покушеніе Орсини) 1858 года; вторая — заключить піэмонтскій бракъ, чтобы породниться съ королевскимъ домомъ. Для того и другого надобно было обмануть итальянцевъ, поигравъ на словахъ—«война за независимость». Теперь шутка сыграна... война ведется дѣйствіями, а не словами... издалека оповѣстили Австрію, еще разъ обманули свѣтъ словами, только этого и хотѣли».

Императоръ зналъ, что война непопулярна во Франціи, онъ даже оповѣстилъ секретно префектовъ, чтобы они помощью мѣстной прессы внушали провинціальной публикѣ относиться болѣе довѣрчиво къ дѣйствіямъ императорскаго правительства по внѣшней политикѣ. Нѣкто Дудань такъ упоминаетъ объ этомъ секретномъ циркулярѣ въ своихъ современныхъ запискахъ: «19 января въ *Times* была помѣщена любопытная корреспонденція изъ Парижа. Префекты 96 департаментовъ будто дали знать правительству о всеобщемъ порицаніи и объ отвращеніи къ войнѣ населенія; изъ чего слѣдуетъ, что французскій кабинетъ будетъ склоненъ разрѣшать путемъ дипломатіи существующія международныя недоразумѣнія. Я не зналъ,—продолжаетъ Дудань,—что префекты считаются выразителями об-

щественнаго мнѣнія. Префекты къ тому же называютъ населеніемъ—епископа, чиновниковъ, крупныхъ землавладѣльцевъ и богатыхъ торговцевъ—именно тѣхъ, для которыхъ война и неудобна, и убыточна. Префекты соприкасаются только съ этимъ людомъ и онъ одинъ имѣетъ значеніе въ ихъ глазахъ». И ближе къ императору, чѣмъ провинція,—его собственный дворъ, аристократія, клерикалы съ императрицей во главѣ,—всѣ были рѣшительно противъ войны.

На основаніи вышеупомянутой статьи *Монитера* изъ Англіи принцъ Альбертъ, мужъ королевы, пишетъ въ Брюссель: «Мы еще не внѣ опасности, но шансы на миръ большіе». Конечно, впечатлѣніе отъ этой статьи было въ Туринѣ обратное; Кавуръ пишетъ посланнику въ Лондонъ: «Игра, которую веду, сложна, но, увѣряю васъ, я не унываю и не испуганъ; наше дѣло правое и наши средства гораздо значительнѣе, чѣмъ полагаютъ». Эта невозмутимость не могла не привлекать вниманія Людовика-Наполеона, всегда мучимаго недоумѣніями и противорѣчіями своего характера, и онъ пожелалъ видѣть піэмонтскаго министра; но тутъ Кавуръ, несмотря на свою бодрость, вынесъ такое гнетущее впечатлѣніе отъ свиданія съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Валевскимъ, что готовъ былъ черезъ сутки покинуть Парижъ и, не видавъ императора, вернуться въ Туринъ. Однако же онъ остался, былъ принятъ императоромъ, имѣлъ свиданіе съ венгерцемъ Шаварди (Szavardy), присланнымъ Кошутомъ присматриваться къ перипетіямъ, грозящимъ Австріи, видалъ графиню Сиркуръ, шутилъ съ Ротшильдомъ. Баронъ-банкиръ былъ у Кавура и спросилъ про войну, на что Кавуръ отвѣтилъ: «Хотите, купимъ бумагъ, и я подамъ въ отставку: бумаги подымутся на 3% и мы раздѣлимъ барыши».«Вы слишкомъ скромны, отвѣтилъ Ротшильдъ, вы смѣло можете разсчитывать на повышеніе въ 6%».

По слѣдующимъ письмамъ Кавура мы увидимъ, что ему удалось устранить колебанія императора.

Принцъ Альбертъ пишетъ въ Брюссель: «Кавуръ абсолютно отказывается согласиться на разоруженіе: онъ оставилъ Францію, грозя объявить войну, любо ли то Парижу, или нѣтъ. У него въ карманѣ помѣченныя уже старымъ числомъ письменныя обѣщанія поддержки со стороны императора (Наполеона), который находится въ довольно двусмысленномъ положеніи».

Самъ Кавуръ пишетъ отъ 29 марта 1859 года къ ла-Мармора.

«Другъ... итальянскій вопросъ завязался прескверно, есть и ошибки, но виновны и условія. Война неизбѣжна, она не откроется раньше двухъ мѣсяцевъ по меньшей мѣрѣ; она будетъ вестись на По и на Рейнѣ...

Прерванное письмо окончено секретаремъ посольства (К. Нигра): «Графъ Кавуръ не можетъ кончить письма, потому что долженъ ѣхать обѣдать къ принцессѣ Матильдѣ *). Онъ надѣется выѣхать завтра. Онъ очень недоволенъ сегодняшнимъ свиданіемъ съ императоромъ и Валевскимъ.

---

*) Сестра принца Наполеона.

Покидая Парижъ, Кавуръ оставилъ императору длинное страстное письмо, изъ котораго приводимъ слѣдующія строки:

«Ваше величество!

«Чувство страшной отвѣтственности, лежащей на мнѣ, и довѣріе, которое я испытываю къ милостивому отношенію вашего величества ко мнѣ, даютъ мнѣ смѣлость открыться вполнѣ передъ вашимъ величествомъ. Послѣдній разговоръ графа Валевскаго со мной въ присутствіи вашего величества меня глубоко поразилъ. Мои предположенія смѣнились убѣжденіемъ, что графъ Валевскій погубитъ насъ... Неужели могъ графъ Валевскій при вашемъ величествѣ увѣрять меня... что лучшаго нельзя предложить Италіи, какъ федерацію на либеральныхъ началахъ? Если графъ Валевскій приступитъ съ такими мыслями къ засѣданіямъ конгресса, мы погибли... Ваше величество вспомните, что произошло съ годъ тому назадъ... Тысячу разъ лучше начать войну немедленно съ содѣйствіемъ всѣхъ преданныхъ итальянцевъ, чѣмъ отсрочка, которая ослабитъ огромный престижъ, окружающій въ настоящую минуту имя вашего величества въ Италіи... Я бы не смущался, еслибы только моя личность, моя жизнь были тутъ въ отвѣтѣ; меня сокрушаетъ мысль и сознаніе передъ Богомъ и людьми, что нѣкоторымъ образомъ я навлекъ гибель на своего короля и свое отечество».

Почти одновременно Кавуръ пишетъ въ Женеву Вильяму де-ла-Ривъ. «Благодарю васъ за сочувствіе къ дѣлу, котораго я представитель. Мало-по-малу мы были введены въ предпріятіе славное и правое, но чрезвычайно рискованное. Мы недовольно приняли въ разсчетъ развитіе эгоизма матеріальныхъ интересовъ въ современномъ обществѣ. Несмотря на эту оплошность, я надѣюсь, что успѣхъ за нами. Италія дозрѣла; пріобрѣтенный въ 48 году опытъ не остался безплоденъ. Нѣтъ болѣе ни гвельфовъ, ни гибеллиновъ, а всѣ признаютъ знамя Виктора-Эммануила съ Альпъ до Адріатики».

Старанія дипломатовъ всей Европы, не исключая Россіи, состояли въ томъ, чтобы устранить надвигающуюся войну конгрессомъ. Такъ какъ усиленныя вооруженія противорѣчили миролюбивымъ цѣлямъ, то разоруженіе, т.-е. приведеніе военнаго состава къ прежней нормѣ, представлялось однимъ изъ первыхъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію; Австрія ставила даже какъ условіе своему участію въ конгрессѣ разоруженіе Піэмонта предварительно засѣданіямъ. Кавуру легко было пренебрегать надменными притязаніями Австріи, такъ какъ его цѣль была побудить ее на разрывъ, но онъ не могъ относиться съ тѣмъ же спокойствіемъ къ поддержкѣ этихъ притязаній со стороны лорда Мальмсбюри: отношенія Англіи къ Австріи могли навѣрно охладить расположеніе Людовика-Наполеона къ Италіи, а его содѣйствіе было необходимо. Минута была такова, что не наступи желанный кризисъ, Кавуръ былъ бы принужденъ выпустить изъ рукъ дѣло Италіи.

Обратимся опять къ его письмамъ: они намъ укажутъ въ достаточной

мѣрѣ ходъ событій. Помѣстимъ впередъ письмо, адресованное къ Кавуру отъ 18 марта, о первомъ свиданіи Гарибальди съ Викторомъ-Эммануиломъ:

«Ваше сіятельство, я благодаренъ вашему сіятельству за высокую честь имѣть возможность представиться его величеству, и въ воскресенье, въ назначенный часъ, буду во дворцѣ. Остаюсь съ благодарностью къ услугамъ вашего сіятельства—Гарибальди».

Изъ письма гр. Кавура къ Джузепе ла Фарина, мартъ 1859 г.:

«Благодарю за сообщеніе; я уже зналъ о происшедшемъ въ Тосканѣ. Адресы, протесты—прекрасно, но, ради Бога, никакихъ уличныхъ волненій. Будьте строги на этотъ счетъ. Мнѣ донесли, что иногда отговариваютъ добровольцевъ поступать въ линейные баталіоны и отсылаютъ ихъ въ депо, чтобы зачислить подъ команду Гарибальди. Этого не должно быть, постарайтесь воспрепятствовать этому вредному усердію».

Въ это же время барону Поэріо и нѣсколькимъ другимъ узникамъ, томившимся съ 49 года въ неаполитанскихъ тюрьмахъ, было дозволено умирающимъ королемъ Фердинандомъ эмигрировать въ Америку; но эмигранты, отплывъ изъ Неаполя, высадились въ Англіи и Кавуръ пишетъ о нихъ піэмонтскому посланнику Эмм. Азельо въ Лондонъ, мартъ 1859 г.:

«Я считаю высадку въ Англію Поэріо и его товарищей въ настоящую минуту счастливой для насъ случайностью. Думаю, что не будетъ трудно организовать демонстрацію въ ихъ честь. Искренніе либералы, стыдящіеся высказанныхъ симпатій къ Австріи, будутъ рады дать отместку на счетъ неаполитанскаго короля.

«Мнѣ очень нравится письмо англійскаго либерала къ лорду Росселю (Italy, its conditions, Great Britain, its policy), письмо Фарини можетъ быть тоже полезнымъ; я не отчаиваюсь въ переворотѣ во мнѣніяхъ въ нашу пользу».

Въ другомъ письмѣ къ Эмм. Азельо, тоже отъ марта 1859 г., Кавуръ пишетъ: «Благодарю васъ за ваше стараніе обратить въ нашу пользу пріѣздъ неаполитанскихъ ссыльныхъ. Горячій пріемъ, который они встрѣтили, не ускоритъ ли конецъ неаполитанскаго короля? Кто знаетъ, въ какую сторону измѣнятся обстоятельства съ его кончиной? Все будетъ зависѣть отъ положенія, которое займетъ новый государь... Государственные люди всѣхъ направленій слишкомъ большіе рутинеры, чтобы составить смѣлый планъ, выводящій дипломатію изъ проторенной колеи. Впрочемъ, если случится то, на что намекаю, то раскрою вамъ тогда всю свою мысль».

Въ эти трудныя минуты, переживаемыя Піэмонтомъ, личные счеты исчезали; такъ, Массимо Азельо, забывъ свою размолвку съ Кавуромъ, писалъ ему незадолго передъ этимъ: «Я болѣе не разсуждаю, а только слушаюсь», и теперь онъ находился въ Лондонѣ, гдѣ служилъ повѣреннымъ частныхъ, но порой высокопоставленныхъ симпатій къ Италіи. О немъ Кавуръ пишетъ въ Лондонъ посланнику Эмм. Азельо отъ 9 марта: «Онъ (Массимо Азельо), такъ сказать, отецъ итальянскаго вопроса. Его имя имѣетъ престижъ; не разъ императоръ Наполеонъ, чтобы убѣждать меня, приво-

дилъ цитаты изъ книгъ Азельо. Самъ Валевскій ссылался на него, чтобы обосновать свои положенія. Въ Англіи считаютъ, что Массимо практическимъ смысломъ далеко меня превосходитъ».

А пять дней спустя Кавуръ пишетъ въ Лондонъ самому Массимо Азельо: «Дорогой Массимо... Случилось важное со дня твоего отъѣзда. Вчера м-ръ Вертъ, отъ имени своего правительства, пришелъ ко мнѣ испрашивать наше согласіе на немедленное разоруженіе Піэмонта, прибавляя, что Англія не будетъ участвовать въ конференціи, если державы не вернутся по вооруженію къ нормѣ мирнаго положенія... Мой отвѣтъ былъ, что я не отвѣчаю; и я прибавилъ, что извѣщу короля и своихъ коллегъ. Съ тѣхъ поръ я отвѣтилъ: чтобы доказать, что мы не желаемъ быть помѣхой всеобщему согласію, мы объявляемъ: 1) что не будемъ сзывать къ оружію вторую категорію резервовъ, 2) что не передвинемъ войска съ охранительныхъ пунктовъ, которые они занимаютъ въ настоящую минуту; больше этого уступить нельзя,—будь, что будетъ.

«Прощай, добрый путь, полного успѣха въ трудной задачѣ выручить Италію путемъ дипломатіи».

Въ тотъ же день Кавуръ пишетъ вторичное письмо къ М. Азельо: «Дорогой Массимо, только что телеграммой послалъ тебѣ отвѣтъ на странную просьбу Англіи и Пруссіи о предварительномъ разоруженіи. Ожидаю громы отъ лорда Мальмсбюри, но я надѣюсь, что англичане поймутъ причины, которыя заставляютъ насъ сохранять наше вооруженіе, пока бѣдная Италія не получитъ хоть задатокъ удовлетворенія... Здѣсь пока спокойно; добровольцы все прибываютъ... цифра записавшихся превышаетъ 10,000... Если это не демонстрація, то не знаю, чѣмъ доказать Европѣ, что миръ не будетъ устойчивъ, пока не будетъ организована Италія».

На другой день, т.-е. 18 апрѣля, Кавуръ пишетъ въ Парижъ принцу Наполеону: «Я принужденъ горячо молиться о томъ, чтобы Австрія поспѣшила нападеніемъ. Лучше гибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ впасть въ анархію или быть вынужденнымъ подавлять безпорядки по примѣру неаполитанскаго короля.

«Нашъ нравственный подъемъ въ настоящую минуту стóитъ лишней арміи. Когда мы его лишимся, ничто его не вернетъ».

Мы опускаемъ, конечно, множество писемъ, касающихся все того же жизненнаго вопроса,—конгресса или войны, приведемъ однако же еще письмо къ Коріо въ Лери отъ 19 апрѣля: «Не торопитесь болѣе съ продажей откормленнаго скота; кажется, войны не будетъ. Сохранимъ коровъ, но потеряемъ итальянское дѣло, которое, казалось, было такъ близко къ счастливой развязкѣ: императора провели или онъ самъ обманываетъ; онъ намъ нанесъ непоправимый вредъ... Думаю, что скоро могу покинуть министерство, которое ненавижу, и приду поселиться до гроба въ Лери».

Отъ того же числа Массимо Азельо изъ Лондона пишетъ Кавуру: «Дорогой Камиллъ, я увѣренъ, что ты меня извинишь за мое запоздавшее письмо. Ты знаешь, сколько было бѣготни, разговоровъ, отправокъ де-

пешъ. Не прошло еще восьми дней, что я выѣхалъ изъ Турина; къ тому же даже посредствомъ электричества нельзя было поспѣвать за фактами,— къ чему была бы тутъ почта?

«Сейчасъ вышелъ отъ обѣда и пріема у королевы и пользуюсь минутой наставшаго покоя. Начну съ того, что твое рѣшеніе, навѣрно, подыметъ твою славу государственнаго человѣка. Всѣмъ ясно, что на этотъ разъ твой разсудокъ взялъ верхъ надъ обычнымъ твоимъ поползновеніемъ дѣйствовать смѣло, а какъ говоритъ Маккіавели, трудность соединить во едино Фабія и Марчелла и составляетъ то препятствіе, о которое сокрушаются дѣла міра... Мальмсбюри мнѣ сказалъ: теперь дѣло ясно, я снова вашъ; на конгрессѣ ввѣряю себя вашимъ итальянскимъ дипломатамъ, возьму съ собой Гудзона и Каулея. Ай, ай, — воскликнулъ я, — но мнѣ возразили: Каулей — человѣкъ серьезный, строгій, въ полномъ смыслѣ честный и онъ будетъ справедливъ. Теперь мнѣ кажется необходимымъ набрать контръ-конгрессъ изъ четырехъ, пяти лицъ, которыя будутъ соотвѣтствовать иррегулярнымъ войскамъ и которыя своимъ словомъ примутъ участіе въ дѣлѣ. Надобно выбрать такихъ, которыхъ, по ихъ общественному положенію нельзя бы было затереть. Мингети, Бетино (Риказоли), Убальдино и Арезе подходили бы...

«Достаточно ли вамъ получить правый берегъ По или у васъ другія соображенія? Отвѣтить я сумѣю, но не въ моихъ отвѣтахъ дѣло... Дѣло въ томъ, чтобы создать такія условія, которыя не останутся на бумагѣ мертвой буквой, но силой общественнаго мнѣнія осуществятся въ дѣйствительности. Если положеніе Венеціи и Ломбардіи, находящихся постоянно между висѣлицей и революціей, будетъ считаться нормальнымъ, то не посмотрятъ на наши желанія. Если же будетъ признано, что это положеніе ненормальное, то и безъ насъ Австріи придется уйти съ лѣваго, какъ и съ праваго берега По. Я думалъ, что онъ (Наполеонъ) расторопнѣе... Было бы много о чемъ писать, но сегодня я не въ силахъ. Прошу тебя передать королю, что его посланнаго почтили, посадивъ по правую руку королевы за обѣдомъ, и что къ столу онъ велъ подъ руку принцессу Алису.»

Настала минута, когда Кавуръ могъ предположить, что всѣ его разсчеты пропали; настойчивая французская депеша, полученная ночью, убѣждала туринскій кабинетъ согласиться на разоруженіе. Огни были потушены въ домѣ; графъ Кавуръ былъ въ постели, но, понимая важность извѣстія, онъ немедленно впустилъ къ себѣ секретаря французскаго посольства; прочтя депешу, самъ не свой, онъ повторялъ: «остается мнѣ только застрѣлиться». Французскій дипломатъ упоминаетъ въ частномъ письмѣ, что онъ былъ пораженъ измѣненнымъ страдальческимъ обликомъ графа Кавура. Черезъ нѣсколько часовъ отвѣтъ былъ составленъ: король, въ уваженіе совмѣстныхъ представленій Франціи и Англіи, соглашается на разоруженіе, но ожидаетъ отъ этого самыхъ тяжелыхъ послѣдствій для европейскаго мира.

Весь этотъ день графъ Кавуръ былъ внѣ себя; друзья наблюдали за

нимъ, опасаясь за его умственныя способности; минуты возбужденія смѣнялись полнѣйшимъ упадкомъ духа; его еще поддерживала представляющаяся возможность отказа самой Австріи въ собственномъ разоруженіи,—другими словами, отказъ съ ея стороны отъ конгресса и объявленіе войны. Намекъ на такое разрѣшеніе находимъ мы въ письмахъ отъ ла-Фарина и Массимо Азельо. Первый пишетъ: «Носятся слухи съ 21 (апрѣля), что Австрія откажетъ въ собственномъ разоруженіи, такъ что черезъ 4 или 5 дней можно будетъ начать военныя дѣйствія». А изъ Лондона 23 апрѣля Массимо Азельо пишетъ Кавуру: «Повелительныя требованія Австріи, какъ разъ въ минуту, когда, благодаря нашему поведенію, мы дѣлаемся Веньяминомъ Англіи, будутъ намъ тѣмъ лотерейнымъ выигрышемъ, который достается разъ въ сто лѣтъ... Но можно считаться съ лотерейнымъ выигрышемъ только тогда, когда онъ уже въ карманѣ, и я боюсь еще многихъ и депешъ, и записокъ... Что касается добровольцевъ, я объявилъ, что это вопросъ чести, что лучше погибнуть, чѣмъ ихъ бросить. Конечно, мы плывемъ въ грозу и на каждомъ шагу подводные камни, но въ рай не въѣзжаешь въ каретѣ. Осмотрительности, смѣлости, терпѣнія и, если Богу угодно, добьемся своего. Душею твой М. А.

«Сейчасъ газета *Daily News* говоритъ, что Австрія продолжаетъ желать войны;—если правда,—да здравствуетъ Австрія».

Дѣйствительно, наступившее, какъ затишье передъ грозой, молчаніе Австріи могло быть принято за отказъ отъ конгресса, и правительственная газета въ Парижѣ торопилась печатать: «Австрія не примкнула къ соглашенію, принятому Франціей, Англіей, Россіей и Пруссіей. Къ тому же можно предположить, что она намѣрена прямо обратиться къ Піэмонту, чтобы получить его согласіе на разоруженіе».

Послѣдній слухъ подтверждался. Туринъ воспрянулъ духомъ и въ палатѣ, на знаменитомъ засѣданіи, которое единодушно постановило вручить королю неограниченныя права въ случаѣ и на время войны, была подана Кавуру записка; въ ней увѣдомляли его о пріѣздѣ уполномоченнаго изъ Вѣны. Графъ Кавуръ спѣшно вышелъ изъ залы засѣданія, гремѣвшей отъ раздающихся возгласовъ въ честь короля, и, встрѣтивъ пріятеля, приславшаго ему драгоцѣнное извѣстіе, сказалъ ему: «выхожу изъ послѣдней піэмонтской палаты, слѣдующая будетъ палатой итальянской».

Въ министерствѣ австрійскій уполномоченный въ сопровожденій австрійскаго посланника вручилъ Кавуру ультиматумъ вѣнскаго двора. Въ запечатанномъ конвертѣ было письмо, въ которомъ давались три дня на принятіе условій разоруженія.

Кавуръ вынулъ часы,—они показывали 5 часовъ,—и черезъ три дня, въ тотъ же часъ, онъ вручилъ австрійскому посланнику отрицательный отвѣтъ; простившись съ уполномоченнымъ привѣтливымъ пожеланіемъ свидѣться въ болѣе счастливое время, Кавуръ быстро вышелъ къ собравшимся друзьямъ съ радостнымъ возгласомъ: «Alea jacta est, теперь мы покончили съ исторіей, пойдемъ обѣдать»

Живость и бодрость вернулись къ нему и брызжутъ въ письмѣ къ Массимо Азельо:

«Дорогой Массимо, благодарю за письмо изъ Виндзора; послѣ того, какъ ты его написалъ, произошла на сценѣ большая перемѣна. Право, точно Провидѣніе намъ внушило и тебя послать въ Лондонъ, и согласиться (на разоруженіе), чтобы этимъ австрійская спѣсь казалась еще противнѣй.

«Мы ретиво готовимся къ войнѣ; были бы сперва и невзгоды,—мы все-таки твердо увѣрены, что отомстимъ сполна. Напишу тебѣ въ другой разъ, что должны бы дѣлать англійскіе министры, еслибъ они были настоящими преемниками Чатама и Пита. Прощай. К.».

Итакъ, разсчеты піэмонтской политики оправдались, и 30 апрѣля французскія войска вступали въ Туринъ; населеніе шумно и радостно ихъ привѣтствовало; балконы были переполнены зрителями; среди нихъ Кавуръ, взволнованный, смотрѣлъ на это первое явленіе поставленной имъ драмы. Нѣсколько дней спустя онъ былъ въ Генуѣ, гдѣ привѣтствовалъ Людовика-Наполеона при его высадкѣ на итальянскій берегъ. Французскій императоръ и король сардинскій предводительствовали кампаніей; командовали же войсками: у французовъ—маршалъ Канроберъ, у піэмонтцевъ—ихъ военный министръ Альфонсъ ла-Мармора. При отъѣздѣ послѣдняго въ армію, военное министерство перешло къ Кавуру, который управлялъ уже тремя—внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ и морскимъ. Есть письмо отъ А. ла-Мармора къ Дабормидѣ отъ 10 іюня: «Кавуръ тебѣ предложитъ управлять военнымъ министерствомъ; ты не можешь отказаться,—у Кавура слишкомъ много портфелей». Дѣйствительно, читаешь въ письмахъ того времени имена двухъ-трехъ лицъ, которымъ предлагалось тогда военное министерство, но по разнымъ причинамъ никто-таки не замѣнилъ графа Кавура въ продолженіе всей кампаніи.

Впрочемъ, настоящая минута представляла для графа Кавура своего рода отдыхъ или успокоеніе послѣ тревогъ и душевнаго напряженія предшествующихъ недѣль. Подъемъ духа, вызванный осуществленіемъ его плановъ, удвоилъ его энергію въ работѣ и, какъ полководецъ въ лагерѣ, онъ жилъ на бивуакахъ въ министерствѣ, переходя отъ однихъ занятій къ другимъ и улавливая случайные часы отдыха на постланной ему тутъ же постели.

Необходимо однако напомнить вкратцѣ положеніе итальянскаго полуострова въ минуту открытія военныхъ дѣйствій.

Ломбардія, съ своей столицей Миланомъ, и смежная Венеціанская провинція съ Венеціей управлялись изъ Вѣны, такъ какъ составляли австрійскія владѣнія; герцогства Пармы, Модены съ княжествами Массы и Каррары, Тоскана—управлялись правительствами, во главѣ которыхъ стояли принцы и эрцгерцоги, по своему происхожденію и родственнымъ связямъ опиравшіеся въ своей политикѣ на вѣнскій дворъ; затѣмъ, была Церковная область—Болонья съ прилегающей провинціей, Адріатическое побережье съ городами Равенной, Анконой и др., въ которой квартировали ав-

стрійскія войска, но управленіе которой лежало на папскихъ легатахъ,—и наконецъ кругомъ Рима простиралась непосредственная Папская область, граничащая къ сѣверу съ Тосканой, а къ югу съ Неаполитанскимъ королевствомъ.

Неприкосновенность Папской области провозглашалась не разъ Людовикомъ-Наполеономъ, даже послѣ открытія военныхъ дѣйствій, когда въ своихъ воззваніяхъ онъ говорилъ объ освобожденіи Италіи до Адріатики. Притомъ неизмѣнно съ 48-го года французскій гарнизонъ продолжалъ находиться въ Римѣ при папѣ, въ видѣ охраны.

Возвратимся къ Кавуру. Во всѣхъ обнародованныхъ бумагахъ и письмахъ его, въ противность обычному, нельзя найти ни одного листка за время войны 1859 г., который бы не касался общественныхъ дѣлъ. Заботы и попеченія объ обмундированіи, о призывѣ новобранцевъ и добровольцевъ, о формированіи новыхъ полковъ, о продовольствіи и его доставкѣ—смѣняются подробностями о выборѣ лицъ, которыя назначались представителями піэмонтскаго правительства въ возрождающихся провинціяхъ, и постоянными сношеніями съ ними. Въ нѣкоторыхъ письмахъ видно, какъ Кавуръ дорожитъ помощью французскаго императора, какъ ему въ угоду онъ улаживаетъ и уступаетъ, гдѣ только можетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Кавуръ зорко наблюдаетъ за настроеніемъ Людовика-Наполеона, за направленіемъ мысли у лицъ, окружающихъ императора, за политикой его правительства въ Парижѣ. Другія письма свидѣтельствуютъ о бдительности Кавура къ намѣреніямъ Пруссіи, къ симпатіямъ не только англійскаго кабинета, но и разныхъ лицъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Италіи, способныхъ имѣть малѣйшій вѣсъ въ судьбахъ его родины. Графъ Кавуръ съ жадностью слѣдитъ за военными дѣйствіями. Инстинктъ государственнаго человѣка, нѣкоторое знаніе военныхъ наукъ, пройденныхъ имъ въ молодости, помогали ему судить о нихъ правильно и въ особенности широко; но Кавуръ понималъ также всю нежелательную сложность веденія всей кампаніи и воздерживался вносить своимъ словомъ еще лишнее разногласіе въ военные совѣты.

Впрочемъ, только что начавшіяся военныя дѣйствія ознаменовались уже цѣлымъ рядомъ побѣдъ при Палестрѣ, Монтебелло, Мадджентѣ.

Послѣ Мадженты, по въѣздѣ въ Миланъ союзныхъ вѣнценосцевъ, король вызвалъ къ себѣ Кавура изъ Турина. Восторженный пріемъ, оказанный Виктору-Эммануилу, закрѣплялъ совершающееся присоединеніе Ломбардіи къ Піэмонту. Много овацій выпало и на долю піэмонтскаго министра: во всѣхъ лавкахъ выставлялся портретъ Кавура, густо убранный лаврами; кучера фіакровъ не хотѣли брать съ него денегъ; слуги въ кофейняхъ кидались, перебивая другъ у друга честь ему служить. Разъ его секретарю пришлось крикнуть на улицѣ, что Кавуръ идетъ по дѣлу къ королю, чтобъ освободить отъ обступившей его съ привѣтствіями толпы. Всѣ сознавали въ немъ виновника наступившаго славнаго времени.

По мѣрѣ того, какъ союзныя войска вступали вглубь страны, всѣ итальянцы, способные носить оружіе, должны были примыкать къ піэмонт-

скому войску и своей многочисленностью мѣшать союзнику-французу сдѣлаться покровителемъ-хозяиномъ; провинціи центральной Италіи подымались одна за другой; ихъ принцы бѣжали: кто вонъ изъ Италіи, а кто проще—въ австрійскій лагерь. Движеніе распространялось и въ церковныя провинціи, покинутыя легатами, а въ самой Папской области волненія итальянскихъ подданныхъ и клики «Viva Vittorio-Emmanuele!» усмиряли оружіемъ наемные швейцарцы святѣйшаго престола.

Такимъ образомъ, слѣдомъ за побѣдоносными союзными войсками образовывалась освобожденная Италія, которую логически требовалось немедленно соединить съ Піэмонтомъ; но препятствіемъ являлись зарождающіяся сомнѣнія или зависть въ шаткой душѣ французскаго императора. Людовикъ-Наполеонъ, въ молодости приставшій къ революціонерамъ во время волненій въ церковныхъ областяхъ, вовлеченный теперь въ войну для освобожденія итальянцевъ отъ «Альпъ до Адріатики», не представлялъ себѣ ихъ настоящаго увлеченія единствомъ Италіи, ихъ преданности этой идеѣ, сложившейся и созрѣвшей послѣ 48-го года; въ виду такого настроенія Наполеона и рутинныхъ воззрѣній европейскихъ дипломатовъ, необходимо было Піэмонту держаться буквы программы—войны противъ Австріи—ничего болѣе, хотя программа и отставала уже теперь отъ дѣйствительности.

Кавуръ при этихъ условіяхъ прибѣгъ къ слѣдующему компромиссу: Викторъ-Эммануилъ принималъ подъ свое предводительство лишь военныя силы освободившихся провинцій, а дѣлами ихъ управленія вѣдало мѣстное временное правительство, въ которомъ принималъ участіе уполномоченный Піэмонта. Выборъ Кавура удачно палъ на Бонкомпаньи для Флоренціи, на Фарини въ Модену, на Пальери въ Парму. Мы не можемъ не назвать этихъ лицъ, они удержали и настойчиво провели идею Кавура въ смутную, тяжелую минуту его отставки изъ кабинета.

Кромѣ выше названныхъ лицъ былъ еще Массимо Азельо, извѣстный, популярный въ Европѣ cavaliere d'Italia, какъ его называли; онъ предназначенъ былъ для церковной области—быть въ Болоньи антипапой, какъ говорилъ Кавуръ.

Даже за альпійскими стрѣлками былъ отряженъ молодой Висконти Веноста, какъ элементъ умѣряющій и связывающій свободные эти полки съ піэмонтскимъ правительствомъ: лозунгомъ всѣхъ должно было быть — довѣріе къ Піэмонту.

Не надобно забывать, что въ Италіи радикалы, старые идеалисты-республиканцы 48-го года, могли найти теперь удобную почву для проведенія своихъ стремленій; Мадзини въ своемъ журналѣ *Pensiere e Azione* писалъ незадолго до этого: «Вы призываете войну, въ которой Піэмонтская монархія будетъ исполнительницей замысловъ Французской имперіи... вы будете въ какомъ-нибудь углу Ломбардіи, вѣроятно, межъ французовъ и савойцевъ, когда миръ, предающій Венецію, будетъ безъ вашего вѣдома подписанъ... Бѣдные мученики! вы взываете къ призраку: приди, Сатана, лишь бы прогнать австрійцевъ! А я вамъ скажу, братья, у васъ будутъ

и Сатана, и австрійцы, и оба они на полѣ, послѣ первой битвы, сговорятся вамъ на пагубу».

Необходимо также помнить слова, повторяемыя Людовикомъ-Наполеономъ: «Я не хочу единства Италіи, я хочу независимости Италіи»,—и тогда ясно станетъ, сколько нужно было приложить стараній піэмонтскому министру, чтобъ изъ освобожденныхъ провинцій составилась единая Италія.

Однако же, несмотря на успѣхи, расположеніе духа французскаго императора все омрачалось: намѣренія и планы, которые слагались у него въ Пломбіерѣ, должны были измѣняться подъ непредвидѣнной имъ силой національнаго чувства. Кавуръ не довѣрялъ вполнѣ загадочному союзнику и не забывалъ, что его могущество представляло и опасности: надобно было остерегаться замѣнить австрійское иго французскимъ. Кромѣ того, изъ нѣсколькихъ писемъ видно, что Кавуръ продолжалъ подозрѣвать въ Людовикѣ-Наполеонѣ намѣреніе образовать изъ средней Италіи государство для принца императорскаго дома. Тщательно стараясь удалить малѣйшее проявленіе этого желанія, Кавуръ ѣздилъ изъ Турина къ императору, къ королю, къ принцу Наполеону, добиваясь того, чтобы принцъ во главѣ войска вступалъ въ Тоскану въ силу полномочій своего тестя короля, а не по приказу Наполеона. Усилія Кавура увѣнчались еще разъ успѣхомъ, но императоръ, видимо, сталъ тяготиться его вліяніемъ.

Внесемъ нѣсколько выписокъ изъ писемъ графа Кавура со времени объявленія войны.

Изъ письма отъ 18 мая къ А. ла Мармора: «... Получилъ твои письма отъ 16 и 17 числа... Мнѣ кажется безсмысленнымъ держать насъ въ неизвѣстности не только о главныхъ движеніяхъ, но даже о мелкихъ фактахъ, служащихъ къ чести нашей арміи. Мы принудили журналистовъ молчать; страна примирилась съ цензурой, — но при условіи, что ей будетъ кое-что сообщено. Прошу поэтому тебя распорядиться такимъ образомъ, чтобы передавались сюда тѣ извѣстія, которыя, хотя и не первой важности, но занимаютъ однако же публику... я отказываюсь разсуждать о военныхъ дѣйствіяхъ, чтобы не прибавить разногласія къ различнымъ мнѣніямъ, которыми не могутъ не изобиловать совѣты изъ столькихъ генераловъ и разныхъ начальствующихъ лицъ... Ни подъ какимъ предлогомъ мы не можемъ допустить образованія ломбардскихъ, пармскихъ и другихъ полковъ; поэтому необходимо расширить кадры нашихъ войскъ».

Изъ письма къ А. ла Мармора отъ 22 мая: «Желательно, чтобы нашъ штабъ поручилъ редактировать извѣстія болѣе опытному перу. Послѣдній бюллетень сраженія при Монтебелло написанъ слогомъ *Свистка* (*Fischietto* журналъ). Я даже думалъ, не передѣлать ли редакціи!»

Изъ письма къ А. ла Мармора отъ 4 іюня: «Молчаніе штаба ставитъ меня въ нестерпимое положеніе. Я не могу долѣе переносить упреки сотни семействъ, которыя какъ милости просятъ извѣстій о родныхъ, подвергающихся постояннымъ опасностямъ... Я по совѣсти не долженъ допускать, чтобъ эти люди цѣлыми недѣлями терзались въ неизвѣстности о своихъ

близкихъ. Если эти несчастные наказываются такимъ образомъ изъ-за натянутыхъ отношеній ко мнѣ,—я обязанъ покинуть свой постъ, я не покину кабинета, но попрошу короля и тебя поискать лицо, болѣе меня пріятное штабу».

Изъ письма къ А. ла Мармора отъ 16 іюня: «Благодарю Петити за доставленіе бюллетеней; ничего другого и не нужно было».

Насталъ день и кровопролитной битвы подъ Сольферино, доставившей новую побѣду итальянцамъ и французамъ; австрійскіе полки должны были очистить всю равнину; предстояло теперь овладѣть австрійскими крѣпостями, защищающими Венеціанскую провинцію и начать съ обложенія Пескьеры. Казалось, блестящій и быстрый успѣхъ превышалъ самыя радужныя ожиданія, но Кавуръ былъ уже неспокоенъ; онъ ѣздилъ въ обѣ главныя квартиры; онъ чувствовалъ, что французскій императоръ какъ-то ускользалъ отъ него: труденъ былъ къ нему доступъ, ничтожны съ нимъ свиданія. 27 іюня Кавуръ пишетъ къ Вильяни, губернатору Ломбардіи: «Нигра вамъ передалъ упрекъ, которымъ меня наградилъ императоръ. Онъ совсѣмъ неправъ и упрекъ неоснователенъ. Несмотря на это, необходимо о немъ помнить, не для того, чтобы каяться передъ сномъ въ грѣхахъ, а чтобы считаться съ нимъ, какъ съ указаніемъ желаній императора... Необходимо торопить сформированіе (новыхъ) полковъ охотниковъ; съ этою цѣлью я направилъ четыре депо—два въ Миланъ, одно въ Павію, одно въ Лоди».

Изъ письма Кавура къ принцу Наполеону отъ 1 іюня: «Кошутъ полагаетъ, что вопросъ объ образованіи венгерскаго легіона долженъ быть въ зависимости отъ возстанія въ Венгріи... легіонъ имѣетъ второстепенное значеніе для венгерцевъ, главное—возстаніе... Грамонъ *) и Валевскій **) ловко запутали вопросъ Церковныхъ провинцій... Валевскій въ своихъ депешахъ грозитъ мнѣ небеснымъ огнемъ, и я право не знаю, какъ отвѣтить на столь неестественный аргументъ».

Изъ письма графа Кавура къ Фарини въ Модену отъ 3 іюля: «Я далъ порученіе синьору Джузепа ла Фарина въ венеціанскую провинцію и васъ прошу по возможности поддержать его. Инкогнито можетъ способствовать успѣху порученія; поэтому вы можете выдавать синьора ла Фарина за агента военнаго министерства, закупающаго лошадей и зерно».

Изъ письма графа Кавура къ А. ла Мармора отъ 6 іюля: «Я думаю, что у насъ выяснилось, наконецъ, съ императоромъ насчетъ Церковныхъ провинцій. Онъ хочетъ сохранить за папскимъ правительствомъ южную часть и допускаетъ отпаденіе сѣверной части. Это явствуетъ изъ депешъ къ Валевскому и ко мнѣ. Мнѣ кажется, что эти условія подходящи. Императоръ принялъ Кошута. Вчера Кошутъ былъ у меня съ Клапкой, Телеки и Піэтри ***) и передалъ мнѣ слово въ слово все сказанное на пріемѣ. Изъ

*) Французскій посланникъ въ Римѣ.

**) Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

***) Парижскій префектъ полиціи.

слышаннаго я и заключаю, что императоръ ожидаетъ войну съ Германіей и даже ее желаетъ.

«Піэтри мнѣ передалъ отъ имени императора совѣтъ поддержать всѣми мѣрами Кошута, не обращая вниманія на ропотъ дипломатовъ. Приготовленное воззваніе (венгерское) носитъ яркій революціонный оттѣнокъ, но такъ какъ оно было одобрено императоромъ, я не нашелъ нужнымъ внести въ него какія-либо поправки».

Изъ письма графа Кавура къ принцу Наполеону отъ 8 іюля: «Ваше высочество мнѣ изъявили желаніе быть увѣдомленнымъ о диспозиціяхъ, но мнѣ оказалось невозможнымъ исполнить желаніе вашего высочества, такъ какъ, видимо, на обѣихъ главныхъ квартирахъ рѣшено хранить отъ всѣхъ и во всемъ полное молчаніе. Я писалъ и телеграфировалъ, обращаясь и къ императору, и къ королю, и къ маршалу Вальяну, и къ генералу ла Мармора и ничего не узналъ... надобно сознаться, что не въ однихъ любовныхъ дѣлахъ всегда виноваты отсутствующіе».

Въ тотъ же день Кавуръ получилъ депешу отъ ла Мармора, извѣщающую, что подписано перемиріе: слава побѣды подъ Сольферино была еще во всей своей новизнѣ; перемиріе могло быть выгодно только побѣжденному; оно равнялось измѣнѣ Италіи, предательству Венеціи.

Первое движеніе Кавура, какъ раненаго, была защита: онъ телеграфируетъ уполномоченнымъ піэмонтскаго правительства во Флоренціи, въ Болонью, Модену, Парму: «Король, принявъ участіе въ чисто-военномъ перемиріи, приказываетъ заботливо и съ энергіей усилить составъ войска»; затѣмъ, съ вѣрнымъ Нигра выѣзжаетъ въ лагерь къ королю. На зарѣ онъ былъ въ Дезенцано и пока неузнанный ждалъ наемныхъ лошадей въ маленькомъ кафе, услышалъ уже о вѣроятномъ заключеніи мира! Въ возбужденномъ говорѣ окружающихъ онъ могъ подслушать, что подозрительность, обычная язва Италіи, пробуждалась. Развѣ трудно было доказать, прослѣдить измѣну? Великій Мадзини предсказывалъ ее; герой декабрьскаго переворота способенъ ли былъ искренно желать освобожденія Италіи?

Когда Кавуръ садился въ убогую коляску, кто-то изъ толпы узналъ его и громко назвалъ, и пока онъ съ Нигра ѣхалъ въ гробовомъ молчаніи, не разъ кучеръ оборачивался къ послѣднему съ вопросомъ: дѣйствительно ли съ нимъ il gran Cavour?

Томительное свиданіе министра съ королемъ въ Casa Melchiori, ставшей исторической для итальянцевъ, повторилось и на другой день, когда уже стало ясно, что миръ тотчасъ послѣдуетъ за перемиріемъ. Кавуръ вышелъ съ этого второго свиданія взволнованный, съ воспаленнымъ лицомъ, не замѣчая никого, а король, вызвавъ тотчасъ генерала ла Рокка, ожидающаго въ пріемной, сказалъ: «Знаете ли, чего хочетъ Кавуръ? Онъ хочетъ, чтобъ я одинъ продолжалъ войну. Я не менѣе его взбѣшенъ этимъ миромъ, но я не теряю разсудка, не схожу съ ума».

Между тѣмъ Кавуръ направился къ принцу Наполеону, но слыша отъ послѣдняго повтореніе лишь все однихъ и тѣхъ же аргументовъ въ пользу

мира, онъ не выдержалъ и кинулъ въ отвѣтъ: «Ахъ, ваше высочество, когда хотятъ топить собаку, всегда говорятъ, что она взбѣсилась».

Свиданія съ императоромъ Кавуръ не могъ добиться.

На другой день на французской главной квартирѣ были подписаны предварительныя условія мира; король въ своей подписи прибавилъ неожиданно слова: «что касается меня лично», и велѣлъ Нигра взять копію съ условій. Вернувшись въ полночь, король засталъ Кавура въ лихорадочномъ трепетѣ дожидающимся послѣднихъ извѣстій. Жара была нестерпимая, король снялъ сюртукъ сѣлъ къ столу, зажегъ сигару и велѣлъ Нигра передать копію предварительныхъ условій Кавуру. Кавуръ, стоя, сталъ ихъ читать, но не могъ окончить, бросилъ бумагу на столъ, и тутъ произошла потрясающая сцена, точныя подробности которой останутся всегда неизвѣстными, но скорбь и гнѣвъ Кавура не знали границъ.

Въ тотъ же день Кавуръ возвращался опять черезъ Дезенцано, гдѣ, несмотря на общую скорбь, народъ его привѣтствовалъ и въ ночь отъ 12 на 13 іюля онъ былъ въ Туринѣ, измученный и, по свидѣтельству его секретаря Артомъ, состарившійся въ эти три дня на нѣсколько лѣтъ.

Къ нему тотчасъ явился Клапка. Вотъ письмо послѣдняго къ Кошуту отъ того же 13 іюля:

«Я только что отъ графа Кавура. Онъ подалъ въ отставку. Онъ внѣ себя отъ поведенія императора. На мирѣ особенно настаивалъ принцъ Наполеонъ, жалуясь на итальянцевъ и на венгерцевъ; принцъ вызвался представить въ австрійскую главную квартиру предварительныя условія. Здѣсь всѣ точно поражены громомъ. Кавуръ обѣщается позаботиться о легіонѣ (венгерскомъ); необходимо, чтобы два члена комитета (венгерскаго) пріѣхали сюда, чтобы кончать, такъ какъ въ данномъ направленіи намъ дѣлать нечего. Нами воспользовались, чтобы напугать Франца-Іосифа и заставить его скорѣе отступиться отъ Ломбардіи. Послѣ Виллафранки императоръ не пожелалъ даже видѣть Кавура. Таково положеніе. Жду васъ; мы можемъ разсчитывать на одинъ или два дня. Торопитесь. Клапка».

Послѣ Клапки графъ Кавуръ принималъ графа Пазолини; въ запискахъ, изданныхъ сыномъ послѣдняго, читаемъ: «По выходѣ Клапки, вошелъ я, и нашелъ графа Кавура еще во всемъ пылу своего гнѣва на императора; его раздраженіе изливалось въ мѣткой ироніи: Да, что тутъ говорить, чему удивляться,—добавилъ онъ,—императоръ захотѣлъ сдѣлать свадебный подарокъ,—намекая на бракъ принцессы Клотильды съ принцемъ Наполеономъ,—для этого Ломбардіи достаточно.

«— А крѣпости?—замѣтилъ мой отецъ.

«— Крѣпости? Что крѣпости? Онъ бы отдалъ Миланъ... Туринъ... онъ усталъ... ему жарко!—и чернильница изъ рукъ Кавура полетѣла далеко прочь».

Въ тотъ же день Кавуръ телеграфировалъ въ Парму графу Пальери: «Парма обязательно должна остаться за Піэмонтомъ,—приводите къ присягѣ и дѣйствуйте рѣшительно. Я подалъ въ отставку».

На другой день Кавуръ получилъ депешу изъ Модены отъ Фарини. «Знайте, что если герцогъ, довѣряясь условіямъ, мнѣ неизвѣстнымъ, попытается вернуться, я съ нимъ обойдусь какъ съ врагомъ короля и отечества. Меня никто отсюда не выгонитъ—ниже смерть. Фарини».

16 іюля другая депеша:« Жду вашихъ инструкцій,—пока слушаюсь чести и необходимости. Я не скомпрометирую ни правительства, ни будущности. Фарини».

17 іюля графъ Кавуръ отвѣчалъ въ Модену Фарини: «Министръ погибъ; другъ вамъ жметъ руку и привѣтствуетъ принятое вами рѣшеніе. Кавуръ».

О. П. Орлова.

Населеніе и хозяйство Австраліи *).

II.

Только математика можетъ имѣть дѣло съ совершенно однородными величинами. Реально существующее человѣческое общество всегда разнородно; его единицы могутъ быть собраны въ очень разнообразныя группы при примѣненіи разныхъ признаковъ группировки. Мы отмѣтили уже нѣсколько признаковъ расчлененія австралійскаго общества на группы (расу, полъ, мѣсто рожденія, исповѣданіе, право голоса, образованіе). Сѣдая римская древность пустила въ оборотъ слово «classis» (классъ) для обозначенія группы лицъ, связанныхъ близостью источниковъ и размѣровъ своего дохода. Въ современномъ хозяйственномъ расчлененіи населенія заслуживаетъ вниманія составъ населенія по самостоятельности въ пользованіи источниками дохода, по техническому различію занятій и, наконецъ, по отношенію къ найму: 43% (42,8) населенія пяти австралійскихъ колоній (безъ Южной и Западной Австраліи) добываетъ себѣ такъ называемыя собственныя средства существованія (1891 г.); процентъ этотъ поразительно близко подходитъ къ отношеніямъ, зарегистрованнымъ въ Англіи (42,9) и Германіи (42,7); напротивъ Соединенные Штаты въ одну сторону (34,7), Италія въ другую сторону (54,7%) рѣзко отличаются въ этомъ отношеніи отъ австралійскихъ колоній. Изъ 5 колоній всего больше этого самостоятельнаго населенія въ Куинслендѣ (45,7), всего меньше въ Новой Зеландіи (40,3). О томъ, что такое представляетъ изъ себя остальное населеніе, можетъ дать понятіе рубрика, взятая нами изъ переписи Викторіи: 54,3% населенія этой колоніи въ 1891 г. показаны занимающимися (если только занимающимися) домашними дѣлами или ученьемъ: среди мужского населенія эта группа составляетъ треть (33,1%) среди женскаго болѣе трехъ четвертей (77,7). Конечно, эта группа населенія создаетъ громадное количество работы, необходимой для человѣческаго существованія, и кромѣ того является важнѣйшимъ стимуломъ работы для остальной группы; но современная техника массовыхъ наблюде-

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 98 г.

ній еще не производитъ учета занятій этой такъ называемой несамостоятельной группы. Въ 1881 г. самостоятельное населеніе занимало меньшую долю (40,8), чѣмъ въ 1891 г. Намъ извѣстно изъ итога семи колоній, что особенно увеличилось женское населеніе, живущее на свои средства: въ то время какъ общее число женщинъ возросло на 53%, число женщинъ, добывающихъ себѣ хлѣбъ, увеличилось на 83%. Лишь для самостоятельнаго населенія мы имѣемъ свѣдѣнія о дальнѣйшемъ распредѣленіи по занятіямъ. По переписи 1891 г. въ 5 колоніяхъ важнѣйшими отраслями занятій самостоятельнаго населенія являлись: добывающая промышленность (31,06), обрабатывающая промышленность (30,23) и торговля съ перевозкою (18,31). Эти три рода занятій, носящіе въ совокупности названіе промышленности, давали вмѣстѣ дѣло четыремъ пятымъ (79,5) самостоятельнаго населенія. Изъ другихъ занятій, которыя не причисляются обыкновенно къ промышленности, но могутъ считаться промыслами, главное мѣсто принадлежало личнымъ услугамъ (11,33) и либеральнымъ профессіямъ. Сравненіе съ 1881 г. по находящимся у насъ въ распоряженіи матеріаламъ возможно только для занятыхъ добывающею и торговою промышленностью по отношенію ко всему населенію: первая упала въ 5 колоніяхъ съ 16,2% на 13%, вторая выросла съ 2,9% на 4,8. Люди, добывающіе себѣ средства сельско-хозяйственною промышленностью составляли за 1891 г. въ Н. Ю. Уэльсѣ 9,3, въ Новой Зеландіи—9,2, въ Тасманіи—12,1 всего населенія; во всѣхъ этихъ колоніяхъ въ 1881 году процентъ былъ больше *). Въ Викторіи за 10 лѣтъ произошло абсолютное уменьшеніе числа лицъ, добывающихъ себѣ средства земледѣліемъ: въ восьмидесятыхъ годахъ въ Викторіи шло быстрое торгово-промышленное развитіе. Для Новой Зеландіи мы имѣемъ свѣдѣнія о распредѣленіи тамошняго сельско-хозяйственнаго населенія, имѣющаго самостоятельные источники существованія: 37,9% составляютъ фермеры, 20,8%—работающіе на фермахъ ихъ родственники, 20% (т.-е. почти вдвое меньше, чѣмъ сами фермеры),—посторонніе рабочіе, 2,1%—стадовладѣльцы, 9,4%—работники по уходу за скотомъ на такъ называемыхъ станціяхъ. Итакъ, въ Ново-Зеландскомъ животноводствѣ наемная работа играетъ замѣтно болѣе видную роль, чѣмъ въ Ново-Зеландскомъ земледѣліи. Въ Западной Австраліи въ 1891 г. до сильной разработки тамошнихъ мѣсторожденій золота земледѣльческое населеніе составляло около 30% населенія; большинство (8,746 изъ 15,126 лицъ) занималось тамъ земледѣліемъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей, а меньшинство—для продажи продуктовъ. Горная промышленность въ 1895 году занимала 3,1% всего населенія въ Н. Ю. Уэльсѣ, 2,5—въ Викторіи, 1,5—въ Тасманіи. Въ обрабатывающей промышленности работающіе на фабрикахъ давали одинаковое отношеніе къ населенію 1895 г. въ двухъ наиболѣе многолюдныхъ колоніяхъ (3,4% въ Н. Ю. У., 3,5—въ Викторіи) и въ Ю. Австраліи (3,3), Куин-

*) Въ Н. Ю. У. 15,0, въ Нов. Зеландіи—11,1, Тасманіи—16,8.

слендъ имѣлъ ихъ больше (4%), а Новая Зеландія еще больше (4,6). Рабочіе горной промышленности почти исключительно мужчины. Среди фабричныхъ по тремъ колоніямъ (Н. Ю. Уэльсу, Ю. Австраліи и Нов. Зеландіи) насчитывалось только 9 женщинъ на 100 мужчинъ, между тѣмъ С. Штаты имѣютъ ихъ 25, Россія 28, Англія 33, Царство Польское, отдѣльно взятое, 42 и Ирландія 62. Лица безъ опредѣленныхъ занятій въ колоніи Викторія давали 6 на 1,000. Въ Викторіи сравнительно великъ (около 1%) процентъ лицъ, живущихъ общественною благотворительностью; въ Куинслендѣ на средства благотворительности живутъ 0,4, въ Тасманіи—0,3%, въ Новой Зеландіи только—0,13% (да и изъ нихъ три четверти старики старше 50 лѣтъ); государство не содержитъ своихъ богадѣленъ, но даетъ пособіе мѣстнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ. Въ заключеніе нашихъ отмѣтокъ, относящихся къ занятіямъ населенія, посмотримъ на самостоятельные заработки женскаго населенія. Изъ 318 тысячъ самостоятельныхъ женщинъ по переписи 1891 года 133 тысячи добывали себѣ средства существованія личными услугами, 70 т. обрабатывающею промышленностью, 37 сельско-хозяйственною и 23 тысячи торговлею.

Обзоръ условій сельскаго хозяйства въ Австраліи всего умѣстнѣе начать съ того фактора, который является наиболѣе могущественнымъ въ производствѣ растительныхъ массъ, съ климата. Австралійцы дѣятельно занимаются метеорологическими наблюденіями. Одинъ округъ южная Риверина *) въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ (при сліяніи Меррембриджи съ Мурреемъ) обладалъ въ 1894 году 107 станціями, наблюденія которыхъ (нѣкоторыя свыше 20 лѣтъ) дали уже цѣнный матеріалъ для географіи и исторіи дождей. Не дальше какъ въ прошломъ году на частныя средства (Барра) устроена станція на вершинѣ горы Костюшко, 2,400 метровъ надъ уровнемъ моря, гдѣ съ мая по ноябрь лежитъ снѣгъ (большая рѣдкость для Австраліи). Мы привыкли считать губерніи Царства Польскаго мѣстностью съ мягкимъ климатомъ, благодаря тому, что здѣсь годовыя колебанія температуры гораздо меньше, чѣмъ во внутренней Россіи. А въ Австраліи эти годовыя колебанія (т.-е. разница самаго теплаго и самаго холоднаго мѣсяца) б. ч. вдвое меньше, чѣмъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Вотъ каковы (въ градусахъ Цельзія) температуры года, самаго жаркаго мѣсяца (повсюду январь, кромѣ тропич. Портъ Дарвина съ декабремъ), самаго холоднаго мѣсяца и разницы между ними, т.-е. годовой амплитуды температуры:

	Годъ.	Сам. тепл. мѣсяцы.	Сам. хол.	Год. ампл.
Кіандра **)	7,3° Ц.	14,3°	0,6°	13,7°
Дёндинъ (Н. З.). . . .	10,4° »	14,4°	5,9°	8,5°
Монгони (Н. З.) . . .	16,1° »	20,6°	11,8°	8,8°
Мельбурнъ.	14,4° »	19,9°	8,7°	11,2°

*) 19,700 англ. кв. миль или менѣе 4.700,000 дес., менѣе Черниговской губ.
**) Горная станція въ Нов. Ю. Уэльсѣ.

Сидней.	17,1° »	21,7°	11,1°	10,6°
Аделаида.	17,2° »	23,3°	11,1°	12,2°
Пертъ.	18,3° »	24,1°	13,5°	10,6°
Брисбекъ.	21,1° »	25,0°	15,6°	9,4°
Портъ Дарвинъ. . . .	27,7° »	31,7°	24,4°	7,3°
Гобартъ.	12,8° »	17,2°	7,6°	9,6°

Мельбурнскій январь не отличается отъ ново-александрійскаго іюля, между тѣмъ самый холодный тамошній мѣсяцъ іюль соотвѣтствуетъ нашему апрѣлю *).

	Гобартъ.	Нов. Ал.		Гобартъ.	Нов. Ал.
Январь .	17,2	—3,3	Іюль . .	7,8	19,5
Февраль .	16,7	—2,4	Авг. . .	9,4	17,7
Мартъ. .	15,5	1,2	Сент. .	10,6	14,3
Апрѣль .	12,8	8,6	Октябрь.	12,2	8,4
Май. . .	10,6	13,8	Ноябрь .	14,4	2,6
Іюнь. . .	8,3	18,0	Декабрь.	16,1	—2,3

Шотландцы, переѣзжающіе въ Новую Зеландію, на южномъ островѣ ея встрѣчаютъ лѣто, напоминающее родину, а тамошняя зима подходитъ къ Южной Франціи.

Въ колоніи Викторіи за 37 лѣтъ не наблюдали повышенія температуры болѣе 111° Фар. въ тѣни (44° Ц.) и паденія ея ниже 27° Фар. (т.-е. 2,5° мороза); первая крайность была отмѣчена въ январѣ 1862 г., вторая—въ іюлѣ 1869 года. 1897 г. отличался въ Австраліи рѣдкими холодами. Въ лѣтніе мѣсяцы январь и февраль и въ осенній мартъ на австралійскихъ альпахъ три раза выпадалъ снѣгъ. Антарктическіе льды занесены были морскими теченіями далеко на сѣверъ, что вашингтонскіе метеорологи приписываютъ причинамъ вулканическимъ.

Хорошо и равномѣрно снабженный тепломъ, континентъ Австраліи, къ огорченію ея жителей, въ большинствѣ мѣстностей страдаетъ отъ недостатка влаги, и эта причина, конечно, вызвала такое позднее заселеніе Австраліи. Новая Зеландія и Тасманія достаточно снабжены влагою (въ Новой Зеландіи отъ 900 до 1,450 миллим. въ годъ съ довольно равномѣрнымъ распредѣленіемъ). Но на континентѣ достаточное количество дождя выпадаетъ только по сѣверному и восточному побережью. Въ большей части Нов. Ю. У. годовое количество колеблется отъ 400 до 660 миллим., при чемъ осадки обыкновенно выпадаютъ ливнями. Выше упомянутый округъ Южная Риверина за 21 годъ имѣлъ годовое количество близкое къ тому, что имѣютъ у насъ 50 губерній, а именно 493 миллим. Чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ осадковъ меньше; изъ отдѣльныхъ мѣсяцевъ всего богаче осадками іюнь, всего бѣднѣе декабрь. Самый влажный годъ 1889 далъ 714 миллим., а самый сухой, его предшественникъ, 291. Изъ старыхъ засухъ особенною жестокостью отличалась засуха второй половины двадцатыхъ годовъ, продолжавшаяся четыре года сряду и сопровож-

*) Температура по мѣсяцамъ.

давшаяся многими человѣческими жертвами. До сихъ поръ встрѣчаются въ Австраліи случаи смерти отъ жажды. Въ Западной Австраліи на золотыхъ розсыпяхъ рабочіе нанимаются по 6 рублей въ день на своихъ харчахъ, но непремѣнно на хозяйской водѣ. По трудности добыванія воды Зап. Австралія напоминаетъ Закаспійскую область. Обычная розничная цѣна воды 4 копейки за бутылку.

Отсутствіемъ дождей объясняется маловодье австралійскихъ рѣкъ. Наибольшая рѣка Муррей у своего устья имѣетъ дебитъ не больше Сены, а между тѣмъ бассейнъ Муррея вмѣщаетъ двѣ Франціи. Многія рѣки, въ томъ числѣ и длиннѣйшій Дарлингъ пересыхаютъ.

Почвы Австраліи весьма разнообразны. По отношенію къ рельефу слѣдуетъ отмѣтить, что Австралія самая низкая изъ пяти частей свѣта. По вычисленіямъ генерала Тилло ея средняя вышина 112 саж.: это въ $2^1/_2$ раза ниже средней вышины земной поверхности. Съ теченіемъ времени Австралія повышается. Сѣверъ и западъ континента древнѣе, чѣмъ югъ и востокъ. Въ Новой Зеландіи много вулканическихъ образованій. На континентѣ обширныя площади заняты солончаками (съ колючею травою Triodia) и каменистыми почвами, гдѣ растутъ тернистыя кустарныя породы эвкалиптовъ и акацій.

На Новой Зеландіи, помимо бѣдныхъ пемзовыхъ почвъ, встрѣчается много богатыхъ темно-окрашенныхъ перегнойныхъ почвъ. На южномъ островѣ въ графствѣ Мозгиль проф. Уоллесъ описываетъ красную почву, цѣнящуюся очень высоко (арендная цѣна 30 р.); на ней встрѣчались урожаи до 40 четвертей пшеницы и 50 четвертей овса; это предѣльныя величины хозяйственныхъ урожаевъ.

Отъ естественныхъ условій сельскаго хозяйства обратимся къ общественнымъ. По субъектамъ правъ на землю австралійская земля распредѣляется такъ:

	Частная собственность.	Арендуемая государств. земля.	Незанятая государств. земля.
Викторія	42,8%	25,0%	32,2%
Новая Зеландія . . .	31,3 »	22,4 »	46,3 »
Тасманія	29,4 »	5,9 »	64,7 »
Нов. Южн. Уэльсъ. .	23,6 »	62,3 »	14,1 »
Куинслендъ.	3,3 »	65,5 »	31,2 »
Южная Австралія. . .	1,5 »	27,8 »	70,7 »
Зап. Австралія. . . .	1,2 »	23,7 »	75,1 »
Австралія.	6,3%	34,1%	59,6%

Итакъ, три пятыхъ Австраліи пока еще составляютъ незанятую землю; наибольшій процентъ незанятыхъ земель, приходящійся на Западную Австралію, подходитъ къ проценту незанятыхъ земель въ недавно изслѣдованныхъ четырехъ округахъ Енисейской губерніи (74%). Всего меньше незанятой государственной земли въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, гдѣ дѣй-

ствовала нынѣ уже отживающая свой вѣкъ Уекфильдова система. Желая содѣйствовать осуществленію считавшихся естественными отношеній между участіемъ земли и работы въ производствѣ, Уекфильдова система допускала къ пользованію землею и къ пріобрѣтенію земли въ собственность только состоятельныхъ лицъ. Земля продавалась съ аукціона или сдавалась лицамъ, представившимъ доказательства того, что они обладаютъ достаточными капиталами. Съ теченіемъ времени правительство Нов. Южн. Уэльса должно было отказаться отъ этой политики, и уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Н. Ю. Уэльсѣ послѣдовательно проводилась и нынѣ проводится иная земельная политика, стремящаяся обезпечить пользованіе землею за возможно большимъ числомъ лицъ. Девяностые годы во всѣхъ колоніяхъ изобилуютъ рядомъ мѣропріятій, задача которыхъ, какъ выражаются въ Австраліи, посадить народъ на землю (settle the people on the land). Теперь правительство Новаго Южнаго Уэльса и Куинсленда выкупили уже половину пастбищной земли, сдававшейся въ аренду крупными участками и теперь сдаютъ или продаютъ эту землю въ разсрочку на иныхъ основаніяхъ. Аукціонныя продажи надѣльныхъ земель давно уже прекращены. За наличныя деньги продаются участки не свыше 118 десятинъ. Максимальный арендный участокъ 474 дес. пашни или 3,790 дес. пастбища. Въ Викторіи въ 1889 году истечетъ срокъ пользованія землею со стороны крупныхъ арендаторовъ, которымъ земля была сдана на 15 лѣтъ, и теперь нѣтъ сомнѣнія, что этимъ арендаторамъ срокъ аренды не будетъ возобновленъ. До послѣдняго времени латифундіи возрастали въ Новой Зеландіи, а теперь государство стало тамъ скупать частныя земли, сознательно стремясь къ національзаціи земли съ вѣчно наслѣдственною арендой. Недавно въ Новой Зеландіи признано за государствомъ право выкупать частныя земли, если размѣръ пахотныхъ участковъ превосходятъ 360 дес., а пастбищныхъ 1,800 дес. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ право государства выкупать частныя земли при извѣстныхъ условіяхъ признано съ 1895 г. Средн. размѣръ частн. владѣнія въ австралійскихъ колоніяхъ (230 дес.), больше, чѣмъ въ Россіи. Средній размѣръ частнаго владѣнія въ Новой Зеландіи очень великъ—1,639 дес.; у насъ приблизительно таковъ средній размѣръ частнаго землевладѣнія въ Курляндской губерніи, гдѣ основаніе частной собственности положили завоеватели края нѣмецкіе рыцари. Крупнѣйшимъ земельнымъ имуществомъ распоряжается преимущественно на арендуемыхъ земляхъ новозеландско-австралійская акціонерная компанія, въ пользованіи которой въ Новой Зеландіи и на континентѣ состоитъ около 900 тыс. десятинъ земли. Въ Викторіи среднее количество культурной земли на хозяйство около 32 дес.; во всей Викторіи у 4 землевладѣльцевъ больше 100 тыс. акровъ (37,000 дес.). Земельное барышничество, т.-е. аренда земли для пересдачи, развито въ нѣсколькихъ колоніяхъ *). Въ разныхъ колоніяхъ въ послѣдней четверти нынѣшняго

*) Уоллесъ приводитъ мѣстные стихи „He's an absolute ruler—deny it who can—our modern monarch, King middleman".

вѣка возникло и продолжаетъ развиваться законодательство о гомстедахъ, мелкихъ участкахъ, которые сначала сдаются, а потомъ и продаются на льготныхъ основаніяхъ подъ условіемъ постояннаго жительства осѣдлости и личнаго веденія хозяйства. Куинслендскіе гомстеды по 60 дес. (стало-быть немного больше средней американской фермы) сдаются на 5 лѣтъ по 80 коп. съ десятины при условіи представленія 2 лошадей, телѣги, плуга, луговой бороны и запасовъ корма на полгода; черезъ 5 лѣтъ личнаго хозяйства держатель гомстеда получаетъ право выкупить его въ собственность.

Цѣна на частную землю въ Австраліи въ среднемъ выводѣ приблизительно такова же, какъ въ Россіи—около 45 рублей за десятину (въ Канадѣ земля вдвое дороже, въ Соединенныхъ Штатахъ вчетверо). Въ Викторіи въ началѣ 90 годовъ цѣны на землю значительно упали. Казенныя земли, поступавшія въ продажу, проданы были на кругъ по 39 р. за дес. Отъ земельныхъ налоговъ мелкіе владѣльцы освобождаются. Въ Викторіи изъ $32^1/_2$ тысячъ собственниковъ только 868 уплачиваютъ поземельный налогъ, но зато налогъ этотъ великъ, составляетъ 1,25% капитальной стоимости. Въ Новой Зеландіи повышаемый съ теченіемъ времени прогрессивный поземельный налогъ—одно изъ средствъ, которыми государство стремится препятствовать развитію латифундій.

Рабочими руками въ австралійскомъ сельскомъ хозяйствѣ за первую половину столѣтія въ значительной мѣрѣ служили ссыльные. Нѣкоторыя попытки воспользоваться привозными наемными рабочими кончились полною неудачей *). Развитію вольнонаемнаго труда значительно способствовала усиленная иммиграція пятидесятыхъ годовъ.

Годовая плата батрака въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ составляла въ 1895 году 320 рублей на хозяйскихъ харчахъ, т.-е. разъ въ 5 больше, чѣмъ въ Россіи. Въ 1888 году средній размѣръ платы былъ значительно выше—430 р. Пастухъ получалъ 300 р. въ 1894 г. и 375 р. въ 1888 году. Въ Новой Зеландіи обычная плата около 1 фунта въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ. Въ Викторіи максимальная понедѣльная плата пахарю была въ 1889 году (22 шилл. 3 пенса въ недѣлю); переводя отмѣтки ближайшихъ къ намъ лѣтъ на русскія деньги и на поденный счетъ, мы получаемъ слѣдующія погодныя величины, съ которыми сопоставляемъ среднюю плату поденщика на хозяйскихъ харчахъ въ яровой посѣвъ въ черноземныхъ и въ нечерноземныхъ губерніяхъ Европейской Россіи.

	Викторія.	Черн. губ.	Нечерн. губ.
1892 г. . .	1 р. 66 к.	23 к.	32,7 к.
1893 » . .	1 » 52 »	27 »	35,0 »
1894 » . .	1 » 31 »	31 »	35,6 »
1895 » . .	1 » 20 »	32,4 »	37,0 »

*) Одна изъ такихъ попытокъ—опытъ Пиля на Лебединой рѣкѣ (1829 г.) картинно списана Марксомъ въ первомъ томѣ *Капитала*.

Въ Викторіи въ это время разразился большой торгово-промышленный кризисъ, и кромѣ того угнетеніе хлѣбныхъ цѣнъ отразилось на цѣнахъ работы. У насъ три послѣдніе названные здѣсь года были годами хорошихъ урожаевъ и сопровождались поправкою крестьянскаго хозяйства послѣ тяжелыхъ 1891 и 1892 годовъ. Плата жнецу не падала непрерывно: въ 1893 году она была выше, чѣмъ въ 1892 г. по причинѣ лучшаго урожая. По сравненію съ тридцатыми годами нѣтъ большой разницы въ размѣрѣ заработной платы въ Н. Ю. Уэльсѣ. Парксъ, впослѣдствіи первый министръ колоніи, опредѣлился въ 1839 году батракомъ на ферму за 30 фунтовъ, т.-е. 285 рублей, съ правомъ на полуторную порцію рису. Съ начала сороковыхъ годовъ до конца пятидесятыхъ плата быстро росла (съ 20 на 40 ф.), потомъ упала и достигла минимума въ 1871 г., потомъ опять прогрессивно росла до 1890 г.

Для хозяйства на 60 десятинахъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ считается нужнымъ капиталъ производства не менѣе 1,900 р., т.-е. 32 рубля на десятину. По словамъ Уоллеса, съ капиталомъ въ 10,000 рублей можно очень порядочно устроиться въ Новой Зеландіи.

Свѣдѣніями о распредѣленіи угодій въ австралійскомъ хозяйствѣ мы не располагаемъ. Не надо забывать, что не только меньшая часть территоріи подвергнута измѣренію, но и значительныя площади внутри страны вовсе не изслѣдованы. Находящаяся подъ культурою площадь (0,9%) еще не достигла одного процента территоріи. Совершенно выдающееся положеніе по проценту культурной площади (16%) принадлежитъ Новой Зеландіи съ ея влажнымъ климатомъ. На второмъ мѣстѣ, но втрое ниже, стоитъ Викторія (5,1). Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ съ 1893 по 1896 г. культурная площадь непрерывно увеличивалась; всего за три года она увеличилась на треть; 1897 годъ показалъ новое и притомъ весьма значительное увеличеніе культурной площади на 22% въ теченіе одного года. Можно полагать, что скоро Новый Южный Уэльсъ будетъ удовлетворять самъ своей потребности въ хлѣбѣ. Культурная площадь цѣлой Австраліи росла быстрѣе, чѣмъ населеніе: въ 1861 г. приходилось на жителя по 1 акру пшеницы (болѣе $^1/_3$ десятины), теперь приходится около $4^1/_2$ акровъ (болѣе $1^1/_2$ десятинъ).

На культурной площади Викторіи паръ составлялъ приблизительно восьмую долю; это подходитъ къ среднему отношенію для Германіи и значительно превосходитъ ничтожную роль пара въ англійской метрополіи. Травосѣяніе повсюду значительно развито. Въ Новой Зеландіи подъ травами $^9/_{10}$ культурной площади. Въ Тасманіи площадь посѣвныхъ травъ равняется площади остальныхъ посѣвовъ.

Въ австралійскомъ полевомъ хозяйствѣ, какъ и въ русскомъ, громадная будущность принадлежитъ такъ называемымъ кореннымъ улучшеніямъ (меліораціямъ). Безводье континента, какъ и безводье нашей юго-восточной Россіи, заставляетъ прибѣгнуть къ искусственному обводненію. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ къ 1897 году дѣйствовало 48 правительственныхъ и 106

частныхъ артезіанскихъ колодцевъ, со стоимостью колодца въ 26,000 р., около 18 р. за футъ. Въ Куинслендѣ уже 239 колодцевъ. Всего въ Австраліи за 13 лѣтъ на колодцы истрачено около 20 милл. руб. Въ Викторіи орошеніе въ серьезныхъ размѣрахъ началось только съ 1886 года и однако уже заняло восьмую часть культурной площади; хозяева Викторіи сознали настоятельную необходимость выработки воднаго законодательства, для котораго слишкомъ мало матеріаловъ можно извлечь въ англійскомъ правѣ. Новая Зеландія, напротивъ, подобно нашей сѣверо-западной Россіи, нуждается въ устраненіи избытка воды; тамъ производятся въ значительномъ количествѣ осушительныя работы. Въ Новой Зеландіи такая расчистка 1 десятины болота обходится въ 70 руб.

По словамъ Уоллеса, наиболѣе распространенное пахотное орудіе въ австралійскихъ колоніяхъ двухкорпусный плугъ съ дисковымъ рѣзцомъ; въ плугъ запрягаются двѣ пары лошадей; обычная производительность плуга 3 акра въ день, т.-е. 1,1 десятины. При подъемѣ дернины пашутъ на $3^1/_2$ дюйма глубины при ширинѣ борозды въ 9 дюймовъ; по пласту разъ или два проходятъ дисковыми боронами. Въ Новой Зеландіи сдѣльная пахота на 4 дюйма обходится болѣе 6 рублей на десятину. На земляхъ изъ-подъ лѣса и каменистыхъ дѣйствуетъ изобрѣтенный въ Австраліи корчевальный плугъ-прыгунъ (Stump-Jumping Plough). Англійскій паровой плугъ въ Куинслендѣ не могъ конкуррировать съ болѣе дешевою конною работой. Удобренію въ австралійскомъ хозяйствѣ принадлежитъ очень скромная роль. Приготовляемый изъ овечьихъ костей удобрительный тукъ вывозится за границу. Въ пріемахъ посѣва обращаетъ вниманіе выгодность разсрочки посѣва. На это указывалъ Парксъ еще когда въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ шли споры, можетъ ли пшеница удачно расти въ Австраліи: въ 1851 году, по словамъ Паркса, пшеница, посѣянная въ апрѣлѣ, дала меньше 3 четвертей съ десятины, а въ іюлѣ—20 четв. Картофель въ Южной Австраліи сажается съ августа по ноябрь (на нашъ счетъ это значитъ съ февраля по май). Густота посѣва пшеницы въ Южной Австраліи 1 бушель на акръ, т.-е. около 4 мѣръ на нашу десятину. Изъ живыхъ враговъ полей о важнѣйшихъ, кроликахъ, скажемъ ниже. Въ Куинслендѣ пшеничные посѣвы страдаютъ отъ ржавчины. Главный мѣсяцъ жатвы—декабрь, но въ Викторіи, Тасманіи и Новой Зеландіи жатва захватываетъ и значительную часть января. Въ пріемахъ уборки заслуживаетъ упоминанія примѣненіе зерно-трепальной машины (grain stripper) въ Южной Австраліи; это комбинація жнейки съ молотилкою, оставляющая на корню солому, которая впослѣдствіи сжигается; производительность около 8 десятинъ въ день.

Изъ хлѣбныхъ растеній въ 5 колоніяхъ преобладающимъ является пшеница, въ Новой Зеландіи—овесъ, въ Куинслендѣ—кукуруза.

Максимальный посѣвъ пшеницы былъ произведенъ въ 1893 году; пшеничная площадь тогда составляла 1,540 т. десятинъ; посѣвъ 1895 года около 1,400 тысячъ десятинъ. Урожаи австралійскаго континента съ евро-

пейской точки зрѣнія могутъ быть названы очень незавидными, Тасманія имѣетъ порядочные урожаи (8,16 четвертей пшеницы съ десятины за 1892—96 гг.), приближающіеся къ германскимъ, а Новая Зеландія съ своимъ среднимъ (92—96) сборомъ 11,25 четвертей съ десятины немного отстала отъ метрополіи. Общія цифры для семи колоній очень низки и въ ближайшіе къ намъ годы не выше русскихъ и замѣтно ниже невысокаго урожая въ Соединенныхъ Штатахъ. Урожаи пшеницы:

	Австралія.	Россія.	Соедин. Шт.
	Четвертей пшеницы съ десятины.		
1892 г. . . .	4,52	3,54	6,09
1893 » . .	5,06	5,26	5,21
1894 » . . .	4,74	5,09	6,01
1895 » . . .	3,84	4,45	6,25
1896 » . . .	3,12	4,34	5,83
	4,26	4,54	5,88

По валовому сбору пшеницы Австралія занимала въ послѣднее время 15 мѣсто среди разныхъ культурныхъ странъ. Валовые сборы пшеницы въ Австраліи представляютъ больше погодныхъ колебаній, чѣмъ въ большинствѣ государствъ Европы и Сѣверной Америки, но меньше, чѣмъ въ Аргентинѣ и Уругваѣ. По сбору пшеницы на жителя Австралія въ первой половинѣ 90 годовъ уступала 6 государствамъ: Аргентинѣ, Уругваю, Канадѣ, Болгаріи, Румыніи и Франціи. Второй по размѣрамъ культуры хлѣбъ—овесъ; его урожаи тоже всего выше въ Новой Зеландіи (около 15 четв.), потомъ въ Тасманіи (13), но здѣсь и помѣщающаяся на континентѣ Викторія (9,5) отстала не такъ сильно. Ячмень даетъ въ Новой Зеландіи 12,8 четв. средняго урожая; въ Викторіи урожай солодовеннаго ячменя (5 четв.) очень не великъ, обыкновеннаго вдвое выше (10,65). Куинслендъ отличается широкою культурой и довольно устойчивыми урожаями кукурузы. Средній за пятилѣтіе урожай картофеля въ Тасманіи 568 пуд., въ Викторіи—484 пуд. съ дес. Урожаи картофеля опредѣляются вѣсомъ, а для хлѣбовъ Австралія, подобно своей метрополіи, придерживается объемнаго счета.

Травосѣяніе въ Австраліи пользуется широкимъ вниманіемъ хозяевъ. Мѣстный ботаникъ баронъ Мюллеръ составилъ коллекцію изъ 120 видовъ кормовыхъ травъ, хорошо произрастающихъ въ Австраліи. Люцерна очень цѣнится въ Викторіи. Бѣлый клеверъ найденъ въ дикомъ видѣ. Въ Новой Зеландіи распространена травяная смѣсь изъ райграса, ежи и бѣлаго клевера; эта смѣсь высѣвается тамъ густо—болѣе 2 пудовъ на десятину. Урожай сѣна за пятилѣтіе (92—96 г.) въ Новой Зеландіи (241 п.) былъ нѣсколько ниже, чѣмъ въ Тасманіи (255 п.); Викторія (178 п.) уступала обѣимъ этимъ колоніямъ. Сахарный тростникъ, воздѣлываемый въ Куинслендѣ, далъ за 4 года въ среднемъ около 4,300 пудовъ зеленой массы на десятину. Сахарная свекловица воздѣлывается въ небольшомъ размѣрѣ на юго-востокѣ Австраліи. У Новой Зеландіи есть своеобразное прядильное

растеніе ново-зеландскій ленъ (Phormium tenax изъ семейства лилейныхъ). Онъ не является опаснымъ конкуррентомъ для русскаго льна, продолжающаго занимать первое мѣсто въ міровой льняной торговлѣ *). Это растеніе растетъ пучками нерѣдко на болотахъ; волокна получаются изъ листьевъ; примѣненіе преимущественно на веревки и канаты. Волокна ново-зеландскаго льна одни изъ самыхъ прочныхъ растительныхъ волоконъ.

Огородничество и садоводство въ Австраліи, подобно полевому хозяйству, держатся почти исключительно растеній европейской культуры. Единственное культурное растеніе, взятое европейцами изъ пятой части свѣта, это—ново-зеландскій шпинатъ (Tetragonia expansa), привезенный въ Англію еще Кукомъ; это однолѣтняя овощь (изъ фикоидныхъ) со вкусомъ шпината, легко выносящая засухи; встрѣчается въ дикомъ видѣ въ Новой Зеландіи, Тасманіи, на югѣ и западѣ Австраліи.

Плодоводство стало значительно развиваться въ Тасманіи. Тасманійскіе яблоки поспѣваютъ къ такому сроку, что могутъ появляться на европейскихъ рынкахъ въ апрѣлѣ; съ 1889 года ими снабжается Лондонъ при посредствѣ тамошняго генеральнаго агентства Тасманіи. Въ Тасманіи же бойко пошло въ ходъ хмѣлеводство; въ 1895 году урожай хмѣля былъ 79 пудовъ съ десятины. Культурою апельсиновъ занялись на континентѣ; въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ въ 1896 году собирали въ среднемъ по 22 тысячи апельсиновъ съ десятины. При нынѣшнихъ способахъ перевозки и яблоки, и апельсины пріѣзжаютъ въ Европу совершенно свѣжими. Австралійскія колоніи давно уже хлопочутъ о развитіи мѣстнаго винодѣлія. Площадь виноградниковъ за вторую половину восьмидесятыхъ годовъ увеличилась вдвое, но до послѣдняго времени потребленіе вина было больше, чѣмъ производство, хотя Викторія имѣетъ очень большія пошлины на привозныя вина. Въ Южной Австраліи среднимъ сборомъ винограда считаютъ около 1 тонны на акръ (т.-е. 168 пудовъ съ десятины). Французскіе туристы неодобрительно отзываются о букетѣ австралійскихъ винъ, снабженныхъ французскими марками. Упомянемъ о своеобразномъ продуктѣ австралійскаго виноградарства—о небродящемъ виноградномъ сокѣ; спросъ на него для богослужебныхъ цѣлей предъявляютъ нѣкоторыя христіанскія общины, исповѣдующія полное воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ. Австралія уже познакомилась и съ филлоксерою, и съ разными живыми врагами хмѣлеводства и плодоводства. Для борьбы съ паразитами хмѣля, плодовыхъ деревьевъ и винограда примѣняется механическій пульверизаторъ (строуоснайзеръ), въ которомъ движеніемъ лошади высоко во всѣ стороны разбрасывается струя антипаразитарныхъ средствъ. Работникъ и пара лошадей въ Викторіи справляются съ $7^1/_2$ десятинами сада.

Для двухъ обширнѣйшихъ колоній Западной и Южной Австраліи нѣтъ

*) Для русской пеньки опаснымъ соперникомъ является манильская пенька (изъ Musa textilis) съ Филиппинскихъ острововъ.

еще свѣдѣній о площади лѣсовъ. Въ остальныхъ пяти колоніяхъ подъ лѣсомъ находится болѣе 103 мил. десятинъ или 14,1% площади этихъ колоній. Самою лѣсистою мѣстностью является Тасманія (42,6), превосходящая по лѣсистости Минскую губернію, затѣмъ слѣдуютъ Куинслендъ (30,4) близкій къ Радомской губерніи, и Новая Зеландія (27,6) близкая къ Виленской; рѣзко отличаются отъ названныхъ двѣ сравнительно безлѣсныя колоніи Новый Южный Уэльсъ (9,7%) и Викторія (2,5%). На континентѣ полоса лѣсовъ тянется не въ дальнемъ разстояніи отъ морского берега.

Въ австралійскихъ лѣсахъ насчитано 35 видовъ деревьевъ перваго порядка; половина ихъ принадлежитъ къ одному роду эвкалипта изъ семейства миртовыхъ. Внѣшній видъ эвкалиптовъ напоминаетъ ивы. Это—высокія, красивыя смолистыя деревья съ пахучими сине-зелеными кожистыми листьями, которые становятся ребромъ къ свѣту; отъ этого эвкалипты даютъ очень мало тѣни. Тасманійскіе лѣса на четыре пятыхъ состоятъ изъ эвкалиптовъ. Eucalyptus globulus нашелъ себѣ широкое распространеніе въ странахъ европейской культуры, особенно въ Италіи (у насъ онъ можетъ расти на Кавказѣ и въ Крыму); листья, кора и эѳирное масло эвкалипта являются въ помощь хинину орудіемъ борьбы человѣка со злѣйшимъ бичомъ сельскихъ мѣстностей—съ болотною лихорадкой (маляріею). Эвкалипту приписываютъ слабое распространеніе болотной лихорадки въ Австраліи, и можетъ быть это остается не безъ вліянія на столь низкую цифру тамошней смертности. Древесина нѣкоторыхъ видовъ эвкалипта, особенно Eucal. marginata *), отличается большою плотностью. Она идетъ на судостроеніе, на приготовленіе шпалъ, стропилъ, плотинъ; даетъ лучшій сортъ древеснаго угля. Почти всѣ виды эвкалипта богаты краснымъ острымъ жгучимъ, сокомъ кино (въ сухомъ видѣ гумми-кино), между прочимъ примѣняемымъ въ медицинѣ. Затѣмъ представителями австралійскихъ крупныхъ деревьевъ являются нѣсколько видовъ изъ рода Banksia (семейства протейныхъ), Casuarina (мало изученнаго семейства казуариновыхъ); послѣдняя съ вѣтвями, напоминающими перья казуара, имѣетъ въ нѣкоторыхъ видахъ очень твердую древесину (дающую такъ называемое желѣзное дерево). Изъ австралійскихъ хвойныхъ особенно замѣчательна даммара, смола которой знакома микроскопистамъ по даммарному лаку, а древесина даетъ тоже отличный строительный и мачтовый матеріалъ. Въ Куинслендѣ есть пальмы, а одинъ видъ пальмы (Corypha) спускается и до Нов. Южн. Уэльса. Южная и Западная Австралія почти не имѣютъ настоящихъ лѣсовъ; но и тамъ значительныя площади заняты такъ называемымъ скрёбомъ, играющимъ роль сходную съ ролью саксаула въ нашей Закаспійской области. Это—колючее сплетеніе кажущихся завядшими кустарниковъ, преимущественно изъ акацій (мимозовыхъ), эвкалиптовъ и вересковъ; иногда скрёбъ ставитъ непреодолимыя преграды передвиженію. Эксплуатація ав-

*) Высокое (40 аршинъ) дерево, начинающее вѣтвиться съ 30 арш.

тралійскихъ лѣсовъ пока еще не велика *), но все-таки лѣсъ играетъ нѣкоторую роль въ вывозной торговлѣ. Тасманія вывозитъ доски. Правительство Куинсленда недавно заключило контрактъ съ городскою думой Лондона на поставку матеріала для лондонскихъ торцовыхъ мостовыхъ. Даже изъ Западной Австраліи вывозится древесный матеріалъ, въ видѣ сандальнаго дерева, требуемаго въ Китай на приготовленіе куренія.

Новый Южный Уэльсъ на годъ раньше Россіи, а Викторія въ одномъ году съ Россіею (1888 г.) нашли нужнымъ установить у себя лѣсоохранительные законы. Въ Нов. Южн. Уэльсѣ этому закону подлежитъ болѣе 1/4 всей лѣсной площади, а въ Викторіи даже свыше трехъ четвертей; въ Викторіи воспрещена рубка эвкалиптовъ, имѣющихъ діаметръ меньше 2 футовъ на двухъ футовой вышинѣ. Викторія занимается и лѣсоразведеніемъ; у государства 4 большихъ питомника. Съ 1889 года поощряется культура акаціи, именуемой «wattle», кора которой идетъ на дубленіе.

Австралійскія колоніи представляютъ поразительное изобиліе сельскохозяйственныхъ животныхъ по сравненію съ численностью населенія. По относительной численности овецъ (почти 26 овецъ на жителя въ 1895 г.) они занимаютъ первое мѣсто среди культурныхъ странъ; это больше, чѣмъ даже въ Аргентинѣ (20 овецъ) и гораздо больше, чѣмъ въ Канадѣ (69 на 100), Соединенныхъ Штатахъ (60 на сто) и Европѣ (47 на сто). По численности рогатаго скота Австралія (3 головы на жителя) уступаетъ Аргентинѣ (5,7), но тоже гораздо выше Америки и Европы. Хотя лошадей въ Австраліи слишкомъ вдвое меньше, чѣмъ людей (44 головы на 100 жителей), но и въ этомъ отношеніи она уступаетъ только Аргентинѣ (110). Лишь по относительной численности свиней Австралія (26,4) сильно отстала отъ Соединенныхъ Штатовъ (62,5).

Овцы — главный австралійскій скотъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, къ 1 сент. 1897 г., ихъ численность превышаетъ 124 милліона головъ **). Въ 1895 году особенно высокое отношеніе числа овецъ къ числу людей было въ Куинслендѣ (43 на жителя), потомъ въ той колоніи, гдѣ исторически развилось овцеводство,—въ Нов. Южн. Уэльсѣ (37 гол.). Меньше 10 овецъ на жителя приходится только въ Тасманіи. По рогатому скоту выдающееся богатство даютъ Новая Зеландія (17,3 головъ) и Куинслендъ (14,8); въ Тасманіи головъ рогатаго скота почти столько же, сколько и людей (101 на 100). Число лошадей превышаетъ число жителей только въ Куинслендѣ (101,9), а всего меньше въ Тасманіи (19,6).

Итакъ, Тасманія по тремъ видамъ скота даетъ наименьшее снабженіе; зато въ ней всего больше свиней (43,5), по числу которыхъ за нею слѣдуетъ Новая Зеландія (32,3); свиньями всего бѣднѣе Нов. Южн. Уэльсъ (17,3), но и онъ богаче Европы (14,5). Овцы по цѣнѣ близко подходятъ

*) По Коглену, Нов. Южн. Уэльсъ, Новая Зеландія и Викторія даютъ около 65 коп. съ десятины.

**) Въ Нов. Южн. Уэльсѣ около 60 мил., въ Новой Зеландіи—болѣе 20,2 мил., въ Куинслендѣ—19,6 мил., въ Викторіи—13,2 мил.

къ русскимъ (3 р. 15 к. за голову), рогатый скотъ нѣсколько (41 р.), а лошади значительно (95 р.) дороже нашихъ.

Обозрѣвая хронологическія колебанія относительной численности трехъ видовъ скота, мы видимъ сравнительно небольшія колебанія въ числѣ лошадей.

На 100 жителей приходилось:

	въ 1840 г.	въ 1850 г.	въ 1860 г.	въ 1870 г.	въ 1880 г.	въ 1890 г.	въ 1895 г.
лошадей . . .	36,6	39,4	37,7	42,0	45,3	45,1	44,3
кр. рог. скота .	515	455	334	247	303	283	300
овецъ . .	3,125	3,888	1,854	2,699	2,767	3,061	2,593

Рогатымъ скотомъ и овцами страна рѣзко обѣднѣла въ пятидесятыхъ годахъ, когда лихорадочно развилась золотопромышленность; потомъ овцеводство прогрессивно росло до девяностыхъ годовъ, а значеніе рогатаго скота сначала упало и вновь поднялось въ семидесятыхъ годахъ.

Происходившій до послѣдняго времени быстрый ростъ абсолютной численности австралійскихъ овецъ поднималъ значеніе Австраліи въ міровомъ овцеводствѣ: въ 1860 году 7% приведеннаго въ извѣстность числа овецъ приходилось на Австралію, а въ 1890 году австралійскія овцы составляли уже почти четверть общаго итога. Девяностые годы оказались неблагопріятными для австралійскаго овцеводства. Сильная засуха 1895 года особенно отразилась на уменьшеніи овецъ въ Нов. Южн. Уэльсѣ (это сразу уронило тамъ число овецъ съ 60 на 52 мил.); въ томъ же году Новой Зеландіи повредили рѣзкіе тамъ снѣжные заносы. Новая засуха 1897 года неблагопріятно отозвалась на качествѣ шерсти. Другія препятствія возникли со стороны общественныхъ условій овцеводства. До послѣдняго времени громадное большинство овецъ принадлежало крупнымъ скотовладѣльцамъ-скваттерамъ *), а между тѣмъ новѣйшая земельная политика всѣхъ австралійскихъ колоній перестала оказывать покровительство крупной арендѣ пастбищъ **), игравшей прежде большую роль. Затѣмъ присоединилось паденіе цѣнъ на шерсть. Наконецъ, среди рабочихъ, занимающихся стрижкою шерсти, все чаще и сильнѣе стали распространяться стачки, и богатымъ скваттерамъ пришлось лично браться если не за ножницы, то за машины, которыми въ Австраліи стригутся большія стада.

Громадное большинство австралійскихъ овецъ — мериносы; въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ въ концѣ 1894 г. не мериносовыя овцы составляли только 5%, двѣ трети приходилось на долю камвольныхъ овецъ и нѣсколько менѣе 30% на долю кардныхъ. Первые мериносы привезены въ Австралію ровно 100 лѣтъ тому назадъ, въ 1798 г., капитаномъ Макъ-Артуромъ, доставившимъ ихъ съ мыса Доброй Надежды; впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ еще

*) Въ 1894 году въ Нов. Южн. Уэльсѣ 70% принадлежало лицамъ, владѣющимъ отъ 10 до 100 тыс. овецъ.

**) 85% скваттерскихъ хозяйствъ Нов. Южн. Уэльса велись въ 1894 г. на арендованной землѣ.

чистокровныхъ мериносовъ изъ знаменитаго стада, принадлежавшаго королю Георгу III. Съ 20-хъ по 50-е гг. въ Тасманію ввозились нѣмецкіе мериносы изъ Саксоніи и Силезіи; съ 1875 года въ Мельбурнѣ и Сиднеѣ завелись аукціоны на тасманійскихъ племенныхъ животныхъ; въ 90-хъ годахъ оживился привозъ нѣмецкихъ барановъ. Австралійская камвольная овца отличается тонкою малоизвитою и малопотною шерстью. Изъ грубошерстыхъ овецъ преобладаютъ линкольнскія. Мясныя породы разводятся преимущественно въ Новой Зеландіи; въ Викторіи изъ мясныхъ овецъ распространяется гемпширдоунская овца, съ черной горбоносой головою, скороспѣлая, съ хорошими мясными качествами. Овецъ можно круглый годъ держать на открытомъ воздухѣ. Пастбища отдѣльныхъ стадъ раздѣляются проволочными изгородями. Затрата человѣческой работы на уходъ очень невелика: такъ, близъ Лечлэна въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ на площади въ 44,000 десятинъ держатъ 160 тысячъ овецъ, причемъ ограничиваются для ухода 60 людьми. Пастбищная площадь, приходящаяся на 1 овцу, всего меньше въ Викторіи ($^1/_3$ десятины), всего больше—въ Западной Австраліи (9 десятинъ). Размѣры этой площади стоятъ въ тѣсной связи съ условіями влажности; на нижнемъ теченіи Дарлинга до орошенія держали по 1 овцѣ на 4 десятины, а послѣ орошенія и посѣвовъ люцерны нашли возможнымъ держать 6 овецъ на десятину. Изъ мѣстныхъ враговъ овцеводства заслуживаютъ вниманія динго и земляной попугай. Динго (Canis dingo) — хищное животное, найденное европейцами въ Новой Зеландіи; большинство считало его одичавшей собакой *); въ ухваткахъ онъ перенялъ кое-что отъ лисы, а на овечьи стада нападаетъ какъ волкъ. Помимо прямого хищничества динго вреденъ тѣмъ, что при помощи воды передаетъ овцамъ глистныя болѣзни. Ново-зеландскій зеленый земляной попугай (Nestor notabilis), издающій звукъ «кэо» и потому именуемый «кэо», по природѣ преимущественно вегетаріанецъ, но съ распространеніемъ въ Новой Зеландіи овцеводства обнаружилъ наклонность къ своеобразному дессерту: онъ садится на спину овцѣ, разрываетъ ей кожу и мясо и достаетъ себѣ лакомый околопочечный жиръ. Но ни динго, ни кэо, ни глистныя, ни чесоточныя болѣзни не идутъ въ сравненіе съ тѣмъ вредомъ, который австралійскія овцы терпятъ отъ кроликовъ. Кролики, привезенные европейцами, размножились въ Австраліи въ невѣроятныхъ количествахъ и, поѣдая всю попадающуюся имъ траву, лишаютъ овецъ продовольствія. Правительство Викторіи въ одномъ 1892 году истратило болѣе 375 тысячъ рублей; Новому Южному Уэльсу пришлось уже истратить всего около 15 милліоновъ рублей. Большая ново-зеландская компанія тратитъ на кроликовъ ежегодно около 100 тысячъ рублей. На одномъ мельбурнскомъ рынкѣ въ 1891 г. было продано 1.366,000 кроликовъ. Въ Куинслендѣ дѣйствуютъ особые кроличьи совѣты. Испытываются разнообразныя мѣры борьбы, и пока наилучшею считается устройство высокихъ проволочныхъ изгородей, которыми охраняются не-

*) Теперь это мнѣніе поколебалось.

захваченныя кроликами площади. Въ Англіи покупаютъ горностаевъ и ласокъ; изъ Африки ввозятъ хорьковъ (послѣдніе обходятся около 4 рублей за штуку, но зато истребляютъ кроликовъ безпощадно). Сдѣланы опыты и искусственной прививки кроликамъ заразныхъ болѣзней.

Страднымъ временемъ австралійскаго овцеводства являются октябрь и ноябрь, когда при наступленіи лѣта овецъ стригутъ. Здѣсь всегда приходится прибѣгать къ найму временныхъ работниковъ, и такими работниками являются дѣти мелкихъ землевладѣльцевъ. На каждую «станцію» (такъ именуются въ Австраліи овчарни) являются 10—20 стригуновъ и въ теченіе 3—4 недѣль занимаются стрижкой. Къ стрижкѣ широко примѣняется машинная работа, позволяющая одновременно остригать около 100 овецъ. Плата на хозяйскихъ харчахъ 6½ коп. съ овцы, на своихъ— до 10 копеекъ. Нѣкоторые стригуны разъѣзжаютъ на своихъ лошадяхъ отъ Куинсленда до Викторіи, гдѣ стрижка производится позднѣе.

Шерсть—важнѣйшій продуктъ австралійскаго сельскаго хозяйства: въ 1893 году цѣнность произведеній земледѣлія, взятыхъ въ совокупности, давала приблизительно такую же сумму, какъ цѣнность одной шерсти (около 200 мил. рублей). Средній выходъ шерсти въ Нов. Южн. Уэльсѣ около 6½ фунтовъ. Въ міровомъ производствѣ шерсти Австралія занимаетъ первое мѣсто; въ концѣ 80-хъ годовъ и Россія, и Соединенные Штаты, и Аргентина каждая порознь уступали Австраліи вдвое. Изъ странъ, ввозящихъ шерсть въ Европу, Австралія далеко первенствуетъ надъ остальными, занимая въ европейскомъ привозѣ значительно больше половины. Главнымъ потребителемъ австралійской шерсти является Англія, но въ послѣднее время много беретъ и европейскій континентъ; кое-что беретъ и Америка, гдѣ очень цѣнятъ тонину австралійской шерсти. По свидѣтельству спеціалистовъ, Россіи нечего и думать о конкурренціи съ австралійскою шерстью по тонинѣ, но по прочности тканей русская шерсть даетъ лучшій продуктъ. Цѣны на шерсть регулируются аукціонами какъ лондонскими, такъ и австралійскими. Для компаніи, закончившейся 1 іюля 1897 года, средняя экспортная цѣна была около 4 р. 55 к. за пудъ грязной. Выходы фабрично мытой шерсти всего выше для Тасманіи (43%), всего ниже для Южной Австраліи (37%). Засухи 1895 и 1897 годовъ значительно отразились на качествѣ шерсти: въ 1895 г. жаловались на избытокъ предложенія слишкомъ тонкой, мягкой, такъ называемой голодной шерсти. Засуха, свирѣпствовавшая съ марта по май 1897 г., вызвала не менѣе 20% недобора въ шерсти, притомъ невысокаго качества, такъ что послѣдняя компанія началась очень вяло, и только въ октябрѣ 1897 г. наступило оживленіе на сиднейскомъ и мельбурнскомъ аукціонахъ.

Мясное овцеводство развилось преимущественно на сочныхъ пастбищахъ влажной Новой Зеландіи. Доставка австралійскаго мороженаго мяса въ Англію началась съ 1880 года. До послѣдняго времени вывозилась довольно низкосортная баранина; только недавно обратили вниманіе на племенныхъ мясныхъ овецъ. Въ 1895 г. Новая Зеландія вывезла въ Анг-

лію 2.400,000 тушъ, да континентъ Австраліи далъ около 1 милліона, между тѣмъ какъ Аргентина вывезла только 1.600,000. Наиболѣе распространенный способъ замораживанія съ помощью сжатаго амміака; температуру доводятъ до 18 и 20 градусовъ ниже 0. Крупныя предпріятія стали находить этотъ способъ неудачнымъ. Холодильники Бэта, при которыхъ пароходу приходилось забирать съ собою по 3,000 пудовъ льда, стали замѣнять системою Белля-Кольмана, гдѣ охлажденіе вызывается расширеніемъ воздуха предварительно сжатаго до давленія въ нѣсколько атмосферъ. Дорога мимо мыса Горна предпочитается. Въ Лондонѣ лѣтомъ 1895 г. ново-зеландская мороженая баранина продавалось по 14 коп. за фунтъ, а производителямъ на мѣстѣ очищалось копеекъ по 7. Такъ какъ англійская свѣжая баранина не менѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза дороже мороженой, то австралійцы стали теперь кромѣ мороженой вывозить еще кочнѣлую баранину (chilled meat), гдѣ замораживается только поверхностный слой, а внутренность туши остается совершенно свѣжею. Кромѣ баранины съ помощью пароходовъ-холодильниковъ перевозятся говядина, мороженые кролики, свѣжее масло и яйца; послѣднія помѣщаются при температурѣ нуль каждое въ отдѣльной картонной обверткѣ. Надѣются и на развитіе вывоза битой птицы.

Молочное хозяйство Австраліи замѣтно развивается, и вывозъ масла въ 1893 г. былъ уже въ 11 разъ больше, чѣмъ въ 1889 г. Въ составѣ стадъ Викторіи молочныя коровы составляютъ ровно четверть общаго числа головъ рогатаго скота. Изъ породъ молочнаго скота предпочитаются айрширская и голландская. Сепараторъ Лаваля болѣе распространенъ, чѣмъ датскій. Въ Нов. Южн. Уэльсѣ многіе мелкіе хозяева устраиваютъ товарищества по молочному хозяйству. Въ Новой Зеландіи съ начала 80 годовъ завелись крупныя сыроварни. Въ разведеніи лошадей нѣкоторую роль играютъ цѣли спорта: австралійцы—большіе любители скачекъ.

Западная Австралія, вѣроятно, обратитъ вниманіе на разведеніе верблюдовъ, которыми уже начинаютъ пользоваться въ тамошнихъ безводныхъ мѣстностяхъ.

Птицеводство въ Тасманіи имѣетъ спеціальнаго врага въ видѣ сумчатаго чорта (Diabolus ursinus). Въ Викторіи за 10 лѣтъ (81—91) птицеводство значительно развилось; отношеніе птицевладѣльцевъ къ населенію увеличилось немного (12,5 на 100 вмѣсто 11,3 на 100 жителей), но число куръ, утокъ, индѣекъ, цесарокъ и павлиновъ сильно увеличилось; только гусей стали держать меньше, чѣмъ прежде. Для декоративнаго птицеводства Австралія даетъ знаменитыхъ черныхъ лебедей, которые давно попали даже въ учебники логики, какъ примѣръ историческихъ ошибокъ силлогизма. Имѣются свѣдѣнія объ опытахъ разведенія страусовъ въ Австраліи.

Новая Зеландія, кромѣ культурныхъ животныхъ, богата еще одичавшими свиньями и лошадьми и имѣетъ даже одичавшій рогатый скотъ.

Сравнивая цѣнность продуктовъ животноводства и земледѣлія, мы на-

ходимъ, что первая слишкомъ вчетверо превосходитъ вторую. Изъ 7 колоній только одна Южная Австралія даетъ перевѣсъ для цѣнности продуктовъ земледѣлія, и въ Тасманіи обѣ суммы близки другъ къ другу. Вмѣстѣ животноводство и земледѣліе даютъ продуктовъ на сумму 164 р. на жителя, между тѣмъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ получается только на 104 рубля.

Полевыя культуры и животные продукты Австраліи европейскаго происхожденія; зато минеральныя богатства (какъ и лѣсныя) у нея свои собственныя. Основу этихъ минеральныхъ богатствъ составляетъ золото. Когда въ 1814 году прокладывали дорогу черезъ Синія горы, впервые нашли золото; это открытіе оставлено было въ тайнѣ изъ боязни волненія среди ссыльныхъ. Землемѣръ Макъ Бріенъ во второй разъ открылъ золото близъ Бетгерста въ 1823 г. Третье открытіе было сдѣлано въ 1839 г. графомъ Стржелецкимъ, тѣмъ самымъ, который далъ названіе горѣ Костюшко. Въ 1841 г. послѣдовало четвертое открытіе со стороны геолога Кларка, а тремя годами позднѣе Стржелецкій доставилъ образцы кварца Мурчисону, и этотъ знаменитый англичанинъ на основаніи аналогіи съ условіями Урала высказалъ, что къ западу отъ Сиднея горныя породы должны содержать золото. Этимъ указаніемъ воспользовался юристъ Хергревсъ, практиковавшій уже золотоискательство въ Калифорніи, и 12 февраля 1851 г. въ Люисѣ Портъ Крикѣ близъ Гейонга произошло пятое и послѣднее открытіе, результаты котораго измѣнили весь ходъ общественной жизни Австраліи. Началась золотая лихорадка, и могуществу скваттеровъ нанесенъ былъ первый сильный ударъ. Въ 1852 г. скваттеры даже хлопотали о воспрещеніи золотоискательства. Мельбурнъ (изъ деревушки, основанной въ 1837 году) выросъ, какъ грибъ, именно благодаря открытію золота. Въ первое десятилѣтіе австралійскія мѣсторожденія доставили наибольшія количества золота. Такъ какъ въ то же время добыты были громадныя количества золота въ Калифорніи, то это отразилось на поднятіи товарныхъ цѣнъ повсюду. Въ 60-хъ годахъ въ Австраліи было добыто золота даже нѣсколько больше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ шла тогда междоусобная война. За 35 лѣтъ съ 1851 по 1885 г. Австралія доставила около трети міровой добычи золота, а въ Соединенныхъ Штатахъ за это время получено 38%. Въ ближайшее къ намъ время въ 1895 и 1896 годахъ изъ міровой добычи золота около $^1/_4$ приходится на долю Соединенныхъ Штатовъ, затѣмъ приблизительно по 20% даютъ южная Африка и Австралія и 15% Россія. По пятилѣтіямъ австралійская добыча составляла:

1851—55 г.	21,250 пуд.	1866—70 г.	22,425 пуд.	1881—85 г.	13,074 пуд.
1856—60 »	25,130 »	1871—75 »	19,254 »	1886—90 »	13,328 »
1861—65 »	23,678 »	1876—80 »	13,815 »	1891—95 »	17,373 »

Изъ семи колоній до послѣдняго времени наибольшія количества составляетъ Викторія (около 35% въ 1896 году), потомъ Куинслендъ (24%),

затѣмъ приблизительно равныя Нов. Южн. Уэльсъ и Новая Зеландія, а далѣе недавно выступившая Западная Австралія; въ Тасманіи и Южной Австраліи добываются ничтожныя количества. Вся золотопромышленность въ 1892 г. занимала 54 тысячи рабочихъ; изъ нихъ десятую долю составляли китайцы. На значительное увеличеніе австралійской золотопромышленности въ ближайшемъ будущемъ, кажется, трудно разсчитывать.

Мѣсторожденія въ Викторіи порядочно поистощились и принадлежатъ теперь по относительному выходу золота къ бѣднѣйшимъ*); наибольшимъ относительнымъ выходомъ отличается Куинслендъ. Новая Зеландія вслѣдствіе особенностей состава ея кварцевъ выступила на видное мѣсто только со времени открытія такъ называемаго ціанистаго способа, т.-е. обработки золотоносныхъ породъ синеродистымъ кали. Теперь наиболѣе бойкій ростъ золотопромышленности идетъ въ Западной Австраліи, въ частности въ округѣ Истъ-Кульгорди. За 11 мѣсяцевъ 1897 года въ Западной Австраліи добыто было втрое больше золота, чѣмъ во весь 1896 годъ, и Западная Австралія стала сразу на второе мѣсто послѣ Викторіи. Золотоискателямъ приходится однако терпѣть большія затрудненія отъ недостатка путей сообщенія, отъ недостатка рабочихъ и особенно отъ недостатка воды. Большой торговый кризисъ, испытанный Викторіею въ началѣ 90-хъ годовъ, пошелъ въ прокъ западно-австралійскому золотоискательству. Изъ тѣхъ 50 тысячъ населенія, которыя потерялъ Мельбурнъ, большая часть переселилась въ Западную Австралію. Желѣзныхъ рудъ въ Австраліи мало, хотя онѣ встрѣчаются въ Нов. Южн. Уэльсѣ и Новой Зеландіи. Изъ другихъ металловъ добываются серебро, свинецъ, мѣдь, олово. Каменный уголь былъ найденъ впервые еще въ 1797 году. Важнѣйшія копи помѣщаются въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, гдѣ имѣется свой Ньюкестль, тёзка знаменитаго Ньюкестля метрополіи. Уголь вывозится въ Полинезію, отчасти въ Остъ-Индію, но больше всего въ бѣдныя собственнымъ углемъ западныя мѣстности Соединенныхъ Штатовъ. Соль въ Австраліи преимущественно самосадочная изъ озеръ внутри континента. Открыты и нефтяныя мѣсторожденія, но пока эксплуатируются слабо.

По переписи 1891 года 417 тысячъ мужчинъ и 70 тысячъ женщинъ занимались въ Австраліи обрабатывающею промышленностью; но изъ этого итога только треть составляли фабричные рабочіе, а двѣ трети ремесленники. Наибольшее число фабрикъ въ Викторіи, которая держится покровительственной торговой политики, но по числу фабричныхъ первенство теперь перешло къ Новому Южному Уэльсу, хотя онъ гораздо ближе къ политикѣ свободной торговли. Между 1891 и 1895 годами въ Викторіи число фабричныхъ упало на 24%, а цѣнность фабричныхъ продуктовъ на 43%; напротивъ, въ Новой Зеландіи то и другое возросло, хотя и не въ

*) Какъ дорого обходится золотоисканіе, видно изъ того, что въ Бендиго, въ Викторіи, въ 1897 г. издержки производства были 756 т. ф., а чистый доходъ только 34 т. ф.

такой мѣрѣ, такъ что въ суммѣ для трехъ главныхъ колоній мы имѣемъ несомнѣнное сокращеніе фабричнаго производства. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ болѣе половины фабричныхъ рабочихъ приходится на одинъ городъ Сидней съ его пригородами; важнѣйшая группа фабрикъ и заводовъ занята приготовленіемъ продовольствія и напитковъ; по числу рабочихъ за этою группою слѣдуетъ производство волокнистыхъ веществъ, а по размѣру капиталовъ—механическіе заводы. Достойно вниманія, что около 10% фабричныхъ рабочихъ Нов. Южн. Уэльса заняты въ типографіяхъ и переплетныхъ (въ Москвѣ на эту группу приходится менѣе 3% рабочихъ). На одну фабрику въ трехъ главныхъ колоніяхъ приходится среднимъ числомъ 15 рабочихъ. Годовая производительность одного фабричнаго рабочаго въ 1891 году была 3,610 руб., а въ 1895 году 3,145 руб. Русская фабрика значительно крупнѣе австралійской: въ 1893 году она имѣла въ среднемъ 67 рабочихъ, но рабочій производилъ продуктовъ на 1,250 руб. Самая молодая изъ колоній, Западная Австралія имѣетъ преимущественно мукомольныя и лѣсопильныя промышленныя заведенія.

Восьмичасовой рабочій день осуществился на австралійскихъ фабрикахъ безъ спеціальнаго государственнаго вмѣшательства, одними усиліями рабочихъ союзовъ. Рабочіе союзы признаны закономъ раньше всего въ Южной Австраліи въ 1876 г., позднѣе всего въ Тасманіи въ 1889 г. Теперь во всѣхъ колоніяхъ Австраліи имѣется фабричная инспекція и притомъ довольно строгая. Въ отличіе отъ англійскаго фабричнаго законодательства, австралійское создано самими рабочими. Въ Викторіи признакомъ фабрики считаются механическій двигатель, 6 человѣкъ работниковъ бѣлыхъ или 2 китайца. Въ Новой Зеландіи надзору фабричной инспекціи подлежатъ всѣ промышленныя заведенія, гдѣ число работающихъ болѣе одного. Работа дѣтей моложе 14 лѣтъ абсолютно запрещена, для женщинъ и подростковъ запрещена ночная работа. Размѣръ заработной платы простого работника (около 3 рублей) держится немногимъ ниже того уровня, который признается желательнымъ въ популярной австралійской пѣснѣ:

„Eight hours to work, eight hours to play,
Eight hours to sleep, eight shillings a day“ *).

Прежде, чѣмъ обратимся къ австралійской торговлѣ, скажемъ нѣсколько словъ о путяхъ сообщенія. Австралійскія колоніи, значительно удаленныя отъ метрополіи, служившей для нихъ главнымъ рынкомъ, должны были обратить особое вниманіе на развитіе своего торговаго флота. Провозоспособность австралійскаго флота составляетъ около 1 милліона тонъ. Въ міровомъ флотѣ австралійскій флотъ составляетъ малую долю (1,67%), но его роль все-таки больше, чѣмъ русскаго (50% мірового торговаго фло-

*) 8 часовъ на работу, 8 часовъ на забаву, 8 часовъ на сонъ, 8 шиллинговъ въ день.

та приходится на долю Англіи). Въ движеніи судовъ австралійскія суда составляютъ 64%, между тѣмъ какъ въ русской морской торговлѣ только 9% составляетъ вмѣстимость судовъ съ русскимъ флагомъ. Число приходящихъ въ Австралію судовъ за 30 лѣтъ ушестерилось. По числу парусныя суда еще преобладаютъ, но вмѣстимость пароходовъ уже сравнялась со вмѣстимостью паруснаго флота. Двѣ пароходныя линіи соединяютъ колоніи съ метрополіею. Путь отъ Лондона до Мельбурна черезъ Суецкій каналъ длится около 40 дней. Первая желѣзная дорога въ $4^1/_2$ версты отъ Мельбурна до Гобсонъ-Бея открыта въ 1854 году, вторая въ Сиднеѣ въ 1855 г. На постройку желѣзныхъ дорогъ до 1894 года Австралія истратила 1.160 милліоновъ рублей. Къ 1896 году рельсовые пути въ Австраліи уже превышали 20 тысячъ верстъ. По отношенію къ населенію Австралія имѣетъ больше дорогъ, чѣмъ какая-нибудь страна, и превышаетъ въ этомъ отношеніи Соединенные Штаты. Въ противоположность Англіи, почти вся желѣзнодорожная сѣть Австраліи принадлежитъ государству (частнымъ лицамъ только 6%). До 1873 года постройка желѣзныхъ дорогъ шла довольно медленно. Только въ 1888 г. соединились столицы Нов. Южн. Уэльса и Куинсленда. Пертъ, столица Западной Австраліи, до сихъ поръ еще не сообщается съ другими колоніями. Проектируется поперечная дорога отъ Аделаиды до Портъ Дарвина. Съ 1891 г. по 1895 г. при общемъ приростѣ сѣти на 12,7%, наибольшій приростъ изъ отдѣльныхъ колоній дала Западная Австралія (76,5), между тѣмъ какъ дороги Южной Австраліи (3,7) и Куинсленда (3,2) увеличились очень мало. Товарными вагонами австралійскія дороги спабжены относительно вдвое слабѣе, чѣмъ американскія и почти вчетверо слабѣе, чѣмъ европейскія. Грузовъ на единицу протяженія проходитъ въ 6 разъ меньше, чѣмъ въ Европѣ, и вчетверо меньше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Австралійскія дороги строились на 3 колеи; бо̀льшую часть составляютъ дороги узкоколейныя. По мнѣнію многихъ, нѣкоторыя колоніи настроили у себя избытокъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы только давать отъ государства занятіе безработнымъ. Судоходныхъ рѣкъ въ Австраліи, собственно говоря, совсѣмъ нѣтъ: только по нижнему теченію Муррея и Дарлинга ходятъ нѣсколько маленькихъ пароходовъ. При затруднительности внутриконтинентальныхъ сношеній, береговыя мѣстности усиленно развили каботажъ.

Обороты внутренней торговли товарами въ 7 австралійскихъ колоніяхъ доходятъ безъ малаго до 2 милліардовъ нашихъ бумажныхъ рублей; наибольшими суммами оборотовъ обладаютъ Викторія и Нов. Южн. Уэльсъ, на долю которыхъ приходится почти по $^1/_3$ оборотовъ внутренней торговли. Послѣднее мѣсто принадлежитъ малолюдной Западной Австраліи. Въ числѣ предметовъ внутренней торговли мѣстные сельско-хозяйственные продукты составляютъ 35%, продукты мѣстной обрабатывающей промышлености 42%, горной 7%, лѣсной менѣе 3% и привозные продукты менѣе 14%. Только въ одной Викторіи, которая держится наиболѣе усиленной покровительственной политики, продукты мѣстной обраб. промышленности

составляютъ болѣе половины. Сельско-хозяйственные продукты нигдѣ не заполняютъ половины внутренняго рынка, хотя почти доходятъ до половины въ Южной Австраліи.

Обращаясь къ внѣшней торговлѣ Австраліи, напомнимъ прежде всего, что въ таможенномъ отношеніи колоніи представляютъ собою самостоятельныя единицы, какую у насъ представляетъ Финляндія и до 1851 года представляло Царство Польское. Вотъ каковы были по годамъ цифры привоза и вывоза товаровъ въ 7 колоніяхъ, сопоставленныя съ привозомъ и вывозомъ Россіи:

	Милліоновъ рублей.			
	Австралія.		Россія.	
	Привозъ.	Вывозъ.	Привозъ.	Вывозъ.
Въ 1891 г.	635,9	585,6	379,3	707,4
» 1892 »	477,8	528,7	403,9	475,6
» 1893 »	422,3	504,8	463,5	599,2
» 1894 »	405,4	481,3	559,6	668,8
» 1895 »	423,9	489,3	538,5	689,1
Средній. . . .	473,1	518,0	469,0	628,0.

Итакъ, въ девяностыхъ годахъ средній оборотъ австралійской внѣшней торговли, т.-е. сумма привоза и вывоза, достигалъ безъ малаго 1 милліарда рублей. До девяностыхъ годовъ цѣнность привоза была больше, чѣмъ цѣнность вывоза, съ 1892 г. отношеніе перемѣнилось. За пятилѣтіе 86—90 гг. привозъ преобладалъ на 23%, а за 91—95 гг. цѣнность привоза на 10% уступила цѣнности вывоза. 42% оборотовъ внѣшней торговли составляетъ торговля междуколоніальная и 58% собственно иностранная. Обороты иностранной торговли на жителя приблизительно таковы же для Австраліи (190 руб.), какъ и для Соединеннаго Королевства. За 20 лѣтъ обороты иностранной торговли увеличились на 21%, а населеніе возросло болѣе чѣмъ вдвое.

Важнѣйшимъ вывознымъ товаромъ для Австраліи является шерсть; она первенствуетъ въ вывозѣ всѣхъ 7 колоній. Австралія доставляетъ половину привозимой въ Европу шерсти. Если принять за 100 количество шерсти, вывезенной изъ Австраліи въ 1840 г., то количества, вывезенныя въ слѣдующіе годы, оканчивающіеся на нуль, были: 331, 500, 1,304, 3,540, 4,580; стало быть за 50 лѣтъ вывозъ шерсти увеличился почти въ 46 разъ. Изъ животноводственныхъ продуктовъ въ ново-зеландскомъ вывозѣ важную роль играетъ мясо, а въ вывозѣ изъ Новаго Южн. Уэльса сало; австралійское сало проникаетъ по временамъ и въ Россію (не такъ давно фирма Крестовникова нашла выгоднымъ пріобрѣсти партію этого товара). Относительно очень быстро возрасталъ вывозъ масла изъ Викторіи (съ 1890 по 1895 г., давая непрерывное погодное увеличеніе, вывозъ масла возросъ въ 32 раза). Въ привозѣ главныя мѣста большею частью принадлежатъ различнымъ издѣліямъ: такъ для Новаго Южнаго Уэльса главный предметъ привоза суконный товаръ, для Новой Зеландіи ножевыя

издѣлія. Болѣе чѣмъ на три четверти иностранная торговля Австраліи ведется съ метрополіей, но теперь участіе метрополіи меньше (89—93 г. 76%), чѣмъ прежде (74—78 г. 79%). За тотъ срокъ, когда торговля съ метрополіей увеличилась на 27%, торговля съ другими государствами на 52%, а междуколоніальная на 90%. Довольно замѣтный размѣръ имѣютъ обороты торговли съ Германіей: въ Германію везется преимущественно шерсть въ 1896 г. на 43 мил. руб.), привозъ вчетверо меньше вывоза и главнымъ товаромъ имѣетъ проволоку (для огражденія отъ кроликовъ). Отмѣтимъ еще замѣтный (хотя и удивительный) привозъ пива изъ Германіи. Въ началѣ 80-хъ годовъ размѣры привоза изъ Германіи были гораздо больше.

На міровомъ рынкѣ австралійскія колоніи занимаютъ десятое мѣсто. Первое внѣ конкурренціи принадлежитъ Англіи (19%), далѣе стоятъ равные другъ другу (по 10%) Соединенные Штаты и Германія, немного отставшая отъ нихъ Франція, Голландія, Россія, Бельгія, Австро-Венгрія, Британская Индія и, наконецъ, Австралія. Въ девяностыхъ годахъ роль Австраліи на міровомъ рынкѣ не поднималась, а падала (по вычисленіямъ Юрашка въ 1891 году на долю Австраліи приходилось 3,6%, въ 1893 г. 3%, въ 1894 г.—2,7% оборотовъ международной торговли).

При нынѣшнемъ тѣсномъ общеніи коммерческаго хозяйства по всѣмъ уголкамъ земной поверхности Австралія, конечно, не избѣжала рѣзкаго паденія товарныхъ цѣнъ. Цѣны эти для хлѣбовъ достигли въ ней минимума въ 1895 году. Вотъ среднія цѣны пшеницы въ Викторіи за четверть по годамъ (особенно рѣзко было паденіе съ 1892 по 1894 г.).

Въ 1886 г. . .	10 р.	26 к.	Въ 1891 г. . .	9 р.	15 к.
» 1887 » . .	10 »	03 »	» 1892 » . .	10 »	93 »
» 1888 » . .	8 »	92 »	» 1893 » . .	7 »	86 »
» 1889 » . .	12 »	26 »	» 1894 » . .	5 »	68 »
» 1890 » . .	9 »	81 »	» 1895 » . .	4 »	35 »

И шерсть, и мясо испытали на себѣ паденіе цѣнъ.

Въ связи съ торговлею умѣстно сказать нѣсколько словъ о количествѣ денегъ и о кредитѣ въ Австраліи. По вычисленіямъ американца Престона, по количеству золотой монеты на жителя (1892 г.) австралійскія колоніи занимаютъ первое мѣсто среди всѣхъ странъ земной поверхности (38 р. 50 к. золота въ монетѣ на жителя) *), но по общему количеству денегъ (41 р. 02 к.), уступаютъ Франціи (52 р. 50 к.), Сингапуру и Бельгіи. Это показываетъ, что обращеніе монеты не особенно быстрое (въ Англіи, напримѣръ, приходится только 22 р. 32 к. золотой монеты и 32 р. 19 к. денегъ вообще на жителя). Но, тѣмъ не менѣе, въ городахъ банки получили довольно сильное развитіе. Въ 1890 году вклады въ 7 колоніяхъ

---

*) Золото въ 1894 году составляло 85%, серебро—3% и бумажки—12% обращающихся денегъ.

составляли 279 руб. на жителя и сравнительно съ 1881 годомъ удвоились (болѣе, чѣмъ удвоились и учеты банковъ). Наибольшею суммой вкладовъ на жителя отличалась въ 1890 г. Викторія, а наименьшею Новая Зеландія.

Первая половина девяностыхъ годовъ для австралійскихъ банковъ ознаменовалась тяжелыми кризисами. Въ восьмидесятыхъ годахъ очень сильно увеличивалось городское населеніе. Еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Австраліи была окончена большая часть, такъ называемыхъ, полезныхъ желѣзнодорожныхъ линій; но въ Викторіи продолжалось и желѣзнодорожное строительство и учрежденіе разнообразныхъ промышленныхъ предпріятій, дѣятельности которыхъ помогала тамошняя покровительственная система. Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ Мельбурнъ переживалъ оживленную торгово-промышленную горячку, такъ называемый «boom»: за какіе-нибудь 3 года (съ 85 по 88) обороты разсчетныхъ палатъ Мельбурна удвоились. Въ началѣ 90-хъ годовъ случилось нѣсколько крупныхъ краховъ въ американскихъ и европейскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Въ Австраліи кризисъ начался съ мелкихъ кредитныхъ обществъ, дававшихъ деньги въ ссуду по 7%; обычный уровень заемнаго процента около 5 и никогда не ниже 4. Съ іюля 1891 г. по мартъ 1892 г. 41 мелкое общество прекратило платежи, но крупные банки еще держались. Въ одно апрѣльское утро 1893 года (5 апрѣля) изъ 24 эмиссіонныхъ банковъ 12 прекратили платежи; къ концу года они, правда, воскресли, но продолжаютъ теперь свое существованіе на тяжелыхъ условіяхъ: имъ приходится занимать деньги въ Англіи по $4^1/_2$%, между тѣмъ какъ ихъ уцѣлѣвшіе товарищи платятъ англійскимъ кредиторамъ только по 3%. Послѣ этого краха Мельбурнъ испыталъ значительное паденіе цѣны домовъ, квартирной платы и, какъ уже упомянуто, уменьшеніе населенія безъ малаго на 50 тысячъ человѣкъ.

Взглянемъ еще мимоходомъ на средніе размѣры потребленія разныхъ продуктовъ въ Австраліи; эти количества, конечно, опредѣляются уже не прямымъ наблюденіемъ, какъ все, о чемъ мы говорили до сихъ поръ: они опредѣляются косвенно, путемъ вычисленій. Насъ интересуетъ только сравненіе австралійскаго потребленія съ потребленіемъ европейскимъ и американскимъ. Общая сумма расходовъ на продовольствіе (со включеніемъ вкусовыхъ веществъ) для одного австралійскаго жителя составляла около 100 рублей въ 1887 году, это больше суммы, получаемой для Соединен. Штатовъ (72 р.) и еще больше противъ суммы, получаемой для Европы (62 р.). Въ Европейской Россіи годовое продовольствіе батрака въ частныхъ хозяйствахъ обходится въ среднемъ 42 рубля. Но не всѣ статьи продовольствія первенствуютъ въ Австраліи: хлѣбнаго зерна австраліецъ потребляетъ больше, чѣмъ американецъ, но меньше, чѣмъ европеецъ; то же надо сказать и о картофелѣ; зато мяса на австралійца приходится слишкомъ вчетверо больше, чѣмъ на европейца, и почти вдвое больше, чѣмъ на жителя Соединенныхъ Штатовъ. Потребленіе сахара, также какъ и мяса, въ австралійскихъ колоніяхъ больше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой

странѣ. Въ потребленіи масла и сыра Австралія стоитъ немножко выше Соединенныхъ Штатовъ и слишкомъ вдвое выше Европы. Потребленіе кофе не велико, но зато потребленіе чая на жителя рѣзко поднимается надъ всѣми другими странами: оно въ полтора раза больше, чѣмъ у насъ въ Россіи. Алкоголя во всѣхъ спиртныхъ напиткахъ въ 1893 году на жителя Австраліи приходилось около $^2/_5$ ведра; крайностями служили наименѣе пьющая Новая Зеландія менѣе $^1/_3$ и наиболѣе пьющая Западная Австралія (около $^3/_5$ ведра); это слишкомъ въ полтора раза меньше, чѣмъ въ Англіи. Но собственно въ видѣ водки (тамъ употребляется пятидесятиградусная водка) на жителя приходилось безводнаго спирта (0,136 в.) въ полтора раза меньше, чѣмъ въ Россіи (0,196 в. въ 1893 г.). Девяностые годы по сравненію съ восьмидесятыми показали въ Австраліи замѣтное уменьшеніе потребленія спиртныхъ напитковъ (въ 1883 г.—0,64, въ 1888 г.—0,51, въ 1891 г.—0,4). Энергичное движеніе въ пользу полной трезвости нашло себѣ сильный отголосокъ въ Австраліи; Новая Зеландія пока держится системы мѣстнаго разрѣшенія продажи спиртныхъ напитковъ (въ зависимости отъ согласія отдѣльныхъ общинъ), но все сильнѣе раздаются голоса въ пользу подчиненія продажи спиртныхъ напитковъ тѣмъ же правиламъ, по которымъ продаются въ аптекахъ другія ядовитыя вещества.

Еще въ царствованіе Вильгельма IV, въ тридцатыхъ годахъ, англійскимъ парламентомъ принятъ былъ законъ, чтобы британскія колоніи содержали свое управленіе изъ собственныхъ средствъ. Государственные доходы 7 колоній даютъ суммы за 1894 годъ нѣсколько болѣе четверти милліарда рублей (277 мил.). Бюджетъ Новаго Южнаго Уэльса непропорціонально великъ: на его долю приходится 36% всѣхъ государственныхъ доходовъ, а населеніе его менѣе 30%; напротивъ, бюджетъ Викторіи непропорціонально малъ. На жителя Австраліи въ 1894 доду приходилось 65 рублей государственныхъ доходовъ (на жителя Россіи въ 1897 г. 10 р. 50 к.). Подобно теперешнему русскому бюджету, въ австралійскомъ бюджетѣ видную роль играетъ доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ: въ 1894 г. онъ составлялъ 32% доходной смѣты (у насъ на 1898 г. 21%); 26% составляли косвенные налоги, 13% доходы съ казенныхъ земель и остальные 29% покрывались преимущественно прямыми налогами. Государственное обложеніе беретъ около 5% дохода населенія (всего больше въ Западной Австраліи 9,2%, всего меньше въ Викторіи 4,0%).

Какое же употребленіе дѣлаютъ австралійскія государства изъ столь значительныхъ денежныхъ средствъ? Здѣсь на первомъ мѣстѣ надо назвать крупные платежи по займамъ. Ни одна страна въ мірѣ не имѣетъ такого значительнаго по сравненію съ населеніемъ государственнаго долга *). Въ 1894 году на жителя Австраліи приходилось 494 рубля государственнаго долга. Даже Англія послѣ Ватерлооскаго сраженія имѣла меньшій размѣръ

---

*) Валовой размѣръ (около 2 милліардовъ рублей) долга уступаетъ великимъ европейскимъ державамъ, но больше чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

долга на жителя (456 руб.); среднiй долгъ европейскихъ государствъ въ настоящее время (142 р. 50 к.) слишкомъ втрое меньше, чѣмъ австралiйскiй. Задолженность все еще увеличивается: послѣднею осенью правительство Западной Австралiи при посредствѣ лондонскаго банка сдѣлало заемъ на 35 милл. руб. изъ 3 процентовъ главнымъ образомъ для осуществленiя общественныхъ работъ. За 20 лѣтъ съ 1874 по 1894 годъ абсолютный долгъ учетверился; на жителя онъ сталъ въ $2^1/_2$ раза больше. Муниципальные долги около 300 милл. руб. Викторiя по своимъ государственнымъ займамъ въ 1895 г. уплачивала въ среднемъ 3,9%. Отмѣчая крупный размѣръ долга, не надо забывать, что Австралiя, по всей вѣроятности, имѣетъ наибольшiй размѣръ богатства на жителя, и чистое имущество, приходящееся на жителя, тоже выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было *). Во всякомъ случаѣ уже сейчасъ цѣнность раздаваемыхъ въ аренду государственныхъ земель больше, чѣмъ сумма долговъ. За вычетомъ чистой прибыли отъ желѣзныхъ дорогъ Австралiи приходится выплачивать по займамъ 27% своихъ государственныхъ доходовъ, между тѣмъ какъ Великобританiя выплачиваетъ 30%, а Францiя даже 39%.

Болѣе половины государственныхъ долговъ Австралiи (60%) вызваны постройкою казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Помимо того производилось и производится много общественныхъ работъ на казенныя средства; таковы устройство грунтовыхъ дорогъ, телеграфовъ, водопроводовъ и пр.

Четыре колонiи (Нов. Южн. Уэльсъ, Викторiя, Нов. Зеландiя и Куинслендъ) по смѣтѣ 1896 года тратили 9,3% казенныхъ расходовъ на народное образованiе; у насъ министерство народнаго просвѣщенiя беретъ 2% смѣты 1898 г., и не болѣе того тратится на образованiе другими вѣдомствами, вмѣстѣ взятыми.

Австралiйскiя государства стремятся воздѣйствовать на хозяйство своихъ жителей разными путями. Одинъ изъ этихъ путей—покровительство мѣстной промышленности съ помощью пошлинъ на привозные продукты. Этого пути держатся въ большей или меньшей мѣрѣ всѣ колонiи, кромѣ Нов. Южн. Уэльса, который отъ него отказался въ началѣ семидесятыхъ годовъ **). Во всѣхъ законодательныхъ собранiяхъ Австралiи идетъ борьба сторонниковъ покровительства и свободной торговли; но приверженцы тѣхъ и другихъ началъ въ Австралiи размѣстились не такъ, какъ они размѣщались въ метрополiи 50 лѣтъ тому назадъ, во время знаменитой англiйской борьбы: въ Австралiи консервативные элементы поддерживаютъ свободную торговлю.

Къ покровительству съ помощью привозныхъ пошлинъ примыкаетъ по-

---

*) Мюлголлъ для 1894 г. вычисляетъ среднiй размѣръ богатства въ 256 ф. стерл. на жителя, что за вычетомъ 52 фунт. стерл. долга даетъ 204 ф. чистаго имущества.

**) Парксъ указываетъ, что за время дѣйствiя таможенныхъ пошлинъ (1865—73) обороты торговли остались безъ перемѣны, населенiе возросло на 35%, государствен. доходы на 113%, а за перiодъ свободной торговли (1873—84) привозъ увеличился на 120%, вывозъ на 100%, населенiе на 70%, а доходы на 193%.

кровительство вывозными преміями. Викторія недавно только отмѣнила преміи за вывозъ масла, которыя сообразовались съ цѣнами, по какимъ масло было продано; чѣмъ дороже былъ проданъ продуктъ, тѣмъ выше была премія. Теперь вывозъ масла такъ развился, что преміи найдены излишними. Преміями по плодоводству воспользовалось значительное число мелкихъ арендаторовъ съ ограниченными средствами. Всѣ колоніи кромѣ Тасманіи имѣютъ сейчасъ министерство земледѣлія; въ Западной Австраліи это министерство праздновало свое открытіе въ одинъ годъ съ русскимъ одноименнымъ учрежденіемъ (1894). Достойно вниманія соединеніе въ Южной Австраліи министерства земледѣлія и министерства народнаго просвѣщенія въ одно общее вѣдомство. Министерство земледѣлія осуществляетъ другой путь воздѣйствія на промышленность, по крайней мѣрѣ, на сельскохозяйственную. Мы уже отмѣчали въ разныхъ мѣстахъ мѣры по распространенію сельско-хозяйственнаго образованія, по содѣйствію садоводству, лѣсовозращенію, животноводству. Въ одной Новой Зеландіи имѣется 6 окружныхъ инспекторовъ животноводства, 28 ихъ помощниковъ; благодаря энергичной работѣ этихъ лицъ въ довольно короткій срокъ почти исчезла чесотка на овцахъ. Эти же лица даютъ указанія по сортировкѣ шерсти, замораживанію мяса и т. д. Странствующіе учителя въ Викторіи учреждены министерствомъ земледѣлія. Они ѣздятъ по всей странѣ, показываютъ пріемы маслодѣлія и сыроваренія, сушки плодовъ, переработки прядильныхъ и масличныхъ растеній, знакомятъ съ пріемами откорма и убоя сельско-хозяйственныхъ животныхъ.

Повторимъ вкратцѣ сказанное во второй части нашего очерка. Развитіе земледѣлія въ Австраліи, какъ и въ Россіи, тѣсно связано съ вопросами о возможности для человѣка попасть на землю и, кромѣ того, въ материковыхъ колоніяхъ отъ возможности дать этой землѣ воду. Распашка земель въ Австраліи пока еще не велика; урожаи въ Новой Зеландіи превосходны, но на материкѣ не значительны. Лѣсныя богатства цѣлой страны изобильны. Численность скота поразительная, хотя дальнѣйшее увеличеніе числа овецъ встрѣчаетъ уже для себя серьезныя затрудненія. Относительное значеніе Австраліи въ мировомъ добываніи золота упало. Размѣры обрабатывающей промышленности не велики. Торговля внутренняя и внѣшняя развиты сильно; внѣшняя торговля опирается преимущественно на вывозъ шерсти. Рынокъ сыгралъ видную роль въ историческомъ развитіи австралійскаго производства. Продуктами продовольствія житель Австраліи снабженъ въ общемъ лучше, чѣмъ житель Европы и Сѣверной Америки. Крупный государственный бюджетъ вызываетъ и крупные размѣры задолженности; но ея въ Австраліи не боятся и не останавливаются передъ затратами на распространеніе знаній въ массѣ населенія, въ частности знаній сельско-хозяйственныхъ. Общій выводъ изъ хозяйственнаго обзора Австраліи таковъ, что это страна богатая. Слишкомъ поспѣшно, конечно, было бы заключать изъ этого объ особомъ благоденствіи жителей Австраліи. Когда-то, при первыхъ извѣстіяхъ объ основаніи колоніи въ Сиднеѣ, Шиллеръ, отмѣчая

стремленіе англичанъ къ звѣздамъ южнаго полюса, справедливо указывалъ, что и тамъ они не найдутъ рая, что на географическихъ картахъ счастливыхъ странъ не значится, что человѣческое счастье всецѣло содержится въ области идей. Доступъ къ этому счастью одинаково открытъ для жителей всѣхъ странъ.

Какъ ни далека отъ насъ Австралія, какъ ни чужды для насъ многія стороны тамошняго хозяйственнаго быта, но едва ли можно отрицать, что и русскій человѣкъ, заинтересованный хозяйственнымъ благосостояніемъ Россіи, найдетъ для себя много поучительнаго въ томъ, что дѣлается у антиподовъ. Въ Австраліи, какъ и во многихъ мѣстахъ Россіи, земля ищетъ людей и, между прочимъ, не только людей непосредственно занятыхъ извлеченіемъ богатствъ изъ земли, но и такихъ, которые занимаются объясненіемъ того, что совершается въ земельномъ хозяйствѣ частномъ и общественномъ. Не будемъ же жалѣть, что насъ когда-то приглашали знакомиться съ географіей Австраліи, и постараемся осмыслить давно заученныя нами собственныя имена: вѣдь подъ этими терминами скрывается сложная и развивающаяся общественная жизнь. Эта жизнь подвергается непрерывнымъ наблюденіямъ и часть такихъ наблюденій, выраженныхъ мѣрою, вѣсомъ и числомъ, затронули мы въ нашемъ блѣдномъ очеркѣ. Если очеркъ нашъ хоть сколько-нибудь подвинетъ интересъ къ общественной географіи, наша цѣль достигнута.

Главные литературные источники и пособія.

J. Scott Keltie. The statesman's year book. London, 1894, 1895, 1896, 1897.

Emigrants' information office handbooks. London, April 1897.

Agricultural Returns of Great Britain London, 1894, 1897.

W. Bannow. The colony of Victoria socially and materially. Melbourne, 1896.

R. Wallace. The rural economy and agriculture of Australia and New Zealand. London, 1891.

M. Mulhall. Dictionary of statistics. London, 1892.

M. Mulhall. Industries and wealth of nations. London, 1896.

Mayo Smith. Statistics and sociology. New-York, 1895.

The agricultural Gazette of New South Wales. Sydney, 1897.

Pierre Leroy Beaulieu. Les nouvelles sociétés Anglo-Saxonnes. Paris, 1897.

E. Levasseur. La statistique de l'enseignement primaire (Bull. de l'Institut International de statistique VIII. Rome, 1896).

Marcel Dubois. Géographie économique. 1889.

R. Lendenfeld. Australische Reise. Innsbruck, 1896.

S. Bauer. Arbeiterfrage und Lohnpolitik in Australasien (Jahrbücher f. Nationalökonomie und Statistik. 3 Folge II. Iena, 1891).

F. Juraschek. Uebersichten der Weltwirtschaft. Jahrgang 1885—89. Berlin, 1896.

F. Juraschek. Geographisch-statistische Tabellen. Ausgabe 1897. Frankfurt.
Mayr. Statistik und Gesellschaftslehre. Band. II. 1897. Freiburg.
Meteorologische Zeitschrift. 1897. Heft 6.
Парксъ. Пятьдесятъ лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи. Переводъ Невѣдомскаго. Москва, 1894 г.
И. И. Янжулъ. Торговые музеи. Спб., 1897 г.
И. Х. Озеровъ. Одинъ изъ экспериментовъ австралійскихъ колоній (*Русская Мысль*, 1898 г., № 1).
С. Гулишамбаровъ. Обзоръ международнаго товарнаго обмѣна за 1888—93 гг. Спб., 1895 г.
С. П. Мечъ. Австралія. М., 1896 г.
Декандоль. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Перев. Гоби. Спб., 1885 г.
Липпертъ. Исторія культуры. Перев. Струве и Острогорскаго. Спб., 1894 г.
Тайлоръ. Первобытная культура. Перев. Коропчевскаго. Спб., 1873 г.
Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли. 1895, 1896, 1897 гг.
Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Эфрона.

А. Фортунатовъ.

Студентка на войнѣ*).

Письма съ войны 1877 года.

(Изъ Румыніи).

№ 7-й. 24 августа.

Это ужасно—жить въ такой странѣ, гдѣ нельзя ни послать, ни получить ни одного письма! Я сегодня, пославши тебѣ открытое письмо, вдругъ узнала, что ящикъ на станціи повѣшенъ только для виду, что письма изъ него не отсылаются. И добро бы я клала ихъ туда, не спросясь, а то, вѣдь, нѣтъ—комендантъ станціи сказалъ, что всѣ письма, опущенныя съ румынскими марками, идутъ отсюда, какъ слѣдуетъ, т.-е. каждый день съ вечернимъ почтовымъ поѣздомъ. Ну, вотъ, я все и клала туда—и закрытыя, и открытыя письма,—открытыхъ я послала безчисленное множество, да и закрытыхъ цѣлыхъ семь. Больше ужъ такъ посылать не буду,—буду писать или черезъ русскую почту, или же буду посылать изъ Бухареста, когда кто-нибудь изъ насъ будетъ туда ѣздить. Не правда ли, какъ утѣшилъ меня сегодня комендантъ станціи, когда я обратилась съ вопросомъ: отчего въ продолженіе двухъ недѣль ни одного письма изъ ящика не отослано? Онъ обѣщалъ послать всѣ письма завтра. Ну, какое же, въ самомъ дѣлѣ, это для меня утѣшеніе? Вы ихъ получите вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, т.-е. не раньше, какъ черезъ недѣлю; значитъ, отвѣтъ я получу опять-таки не раньше двухъ недѣль. У меня, право, даже руки опускаются писать что-нибудь, потому что это выходитъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Я бы послала вамъ телеграмму, но и телеграмма не дойдетъ,—частныхъ телеграммъ здѣсь не принимаютъ.

Нынѣшняя ночь и нынѣшній день совсѣмъ измѣнили Фратешти: воочію представились всѣ неудобства, которыя можетъ намъ принести природа своими дождями. Нашъ госпиталь представляетъ теперь такой видъ, какъ будто бы на насъ напали турки, и мы спасались отъ нихъ бѣгствомъ. Представь себѣ большой госпиталь изъ безчисленнаго множества большихъ и малыхъ палатокъ (около 100), населенныхъ больными, ранеными и меди-

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1898 г.

ципскимъ персоналомъ. Вдругъ нападаютъ турки. Каждый вскакиваетъ, накидываетъ на себя что попало, схватываетъ свои пожитки, сбираютъ впопыхахъ палатки и бѣгутъ, бѣгутъ до изнеможенія силъ, роняя по дорогѣ тюфяки, обрывки палатокъ, раненыхъ и т. д. Наконецъ, мы въ безопасномъ мѣстѣ, бросаемъ на землю пожитки и изъ оставшихся строимъ новое пристанище и для больныхъ, и для себя, но... то не достаетъ кольевъ, то брусьевъ, то перекладинъ, то, наконецъ, полотна,—такъ что палатки выходятъ кривобокія, точно раненыя, а то и цѣлой палатки не хватаетъ. Положимъ, турокъ на насъ не нападалъ, но госпиталь нашъ именно въ такомъ видѣ: часть палатокъ снесло совсѣмъ, другія покривились, третьи обрушились, тюфяки валяются по всему полю, больные берутъ холодныя дождевыя ванны и пользуются отъ тифа, напримѣръ, фратештскими грязями! И все это совершилось въ одну нынѣшнюю ночь: была буря съ грозой и дождемъ. Палатка студентовъ и врачей уцѣлѣла, но ванну все-таки они успѣли взять, больные же пострадали гораздо сильнѣй, большинство ихъ палатокъ порвались и обрушились. Всю ночь во время бури врачи ходили по колѣно въ грязи спасать больныхъ, развѣдывали, не придавило ли кого. Вотъ какая была картина: идетъ нѣсколько человѣкъ врачей и студентовъ къ обрушившейся палаткѣ, присѣдаютъ на корточки и кричатъ:

«— Живы?

«— Живы, ваше высокоблагородіе!—раздаются голоса.

«— Никого не придавило?

«— Никого, ваше высокоблагородіе.

«— Вылѣзайте оттуда, ступайте, кто можетъ, въ столовую палатку!

«— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, не пойдемъ, намъ и здѣсь хорошо, тамъ-то сидѣть придется, а тутъ мы лежимъ».

Такъ отвѣчаетъ, а самъ весь плаваетъ въ водѣ, накрывъ спину тюфякомъ, и барахтаетъ высовывающимися изъ-подъ тюфяка ногами.

«— Ну, не хотите, такъ лежите».

Идутъ дальше и опять та же исторія:

«— Живы?

«— Живы» и т. д.

Положимъ, что мы сегодня много хохотали, что въ этомъ много комизма, если разсказывать, но... въ сущности это далеко не смѣшно.

Фратешти—это одинъ изъ главныхъ сортировочныхъ и эвакуаціонныхъ пунктовъ; отъ путнаго веденія дѣла здѣсь зависитъ большая часть санитарно-медицинской дѣятельности въ Румыніи. Въ вѣдѣніи Краснаго Креста должно бы было быть: пріемъ и сортировка больныхъ, т.-е. изслѣдованіе каждаго раненаго больнаго, постановка діагноза, отчисленіе больнаго въ разрядъ тифныхъ, легкихъ, среднихъ, выздоравливающихъ и, наконецъ, первая медицинская какъ хирургическая, такъ и терапевтическая помощь. Это дѣло у врачей Краснаго Креста идетъ хорошо. Тяжело раненые должны безусловно оставаться во Фратешти на попеченіи врачей Краснаго Креста, причемъ для нихъ нужно порядочное помѣщеніе, и лѣченіе уже должно

вестись клинически. Это шло бы у насъ тоже хорошо, потому что медицинскій персоналъ хорошій и добросовѣстный, еслибы было помѣщеніе. Всѣ *средніе* больные и раненые, къ которымъ причисляются и хроническіе больные, должны эвакуироваться въ Россію, всѣ легкіе случаи должны направляться въ ближайшіе госпитали по дорогѣ, т.-е. въ Романъ (?), Бухарестъ, Браиловъ, Яссы и т. п. Всѣ выздоравливающіе больные тоже должны оставаться во Фратештахъ (и для нихъ вѣдь нужно помѣщеніе), чтобы тотчасъ по выздоровленіи быть переправленными обратно въ армію. Вотъ эта-то эвакуировка больныхъ и находится въ завѣдываніи военныхъ врачей. Но... вотъ тутъ-то и является путаница: больныхъ прибываетъ, примѣрно, 500—700 человѣкъ, а отправлено 200—300. Они переполняютъ бараки, сортировать новоприбывающихъ негдѣ, они должны валяться подъ открытымъ небомъ, несмотря ни на степень раненія, ни на силу заболѣванія. Эти оставшіеся, остающіеся и прибывающіе, идущіе въ распоряженіе военнаго госпиталя, остаются безъ крова, не говорю уже безъ лѣкарства (это сплошь и рядомъ), но подчасъ и безъ пищи. Если тѣ же наши врачи, уставшіе на пріемной сортировкѣ, едва переводящіе духъ отъ обхода своихъ палатокъ, если они не пойдутъ полѣчить и перевязать оставшихся безъ призора, то тѣ могутъ спокойно умирать. Мы ходимъ, перевязываемъ и этихъ, но отъ этого ни имъ не легче, ни тѣмъ больнымъ, которые у насъ въ палаткахъ; тамъ большею частію все трудные, требующіе ухода, требующіе врачебнаго посѣщенія не одинъ разъ въ день, а между тѣмъ ихъ приходится посѣщать разъ, дѣлать имъ пособіе меньше, и они въ свою очередь гибнутъ, какъ мухи, отъ недостатка людей, недостатка ухода. Руки отваливаются, тоска беретъ, отчаяніе охватываетъ при видѣ всего этого, хочется бѣжать безъ оглядки вонъ, дѣлается совѣстно называться врачомъ и быть здѣсь во Фратештахъ. Но не одни Фратешты такъ безотрадны, въ Зимницѣ, говорятъ, еще хуже. Но что же можетъ быть хуже этого?

Теперь дѣло должно измѣниться, повидимому, къ лучшему для больныхъ, но хуже для насъ: къ намъ переходитъ вся эвакуаціонная часть и остается сортировочная; госпиталь же, а слѣдовательно и научная (интересная) сторона дѣла переходитъ къ военнымъ врачамъ. Оставаться здѣсь при такомъ дѣлѣ, гдѣ человѣкъ превращается въ машину,—тяжело, скверно, но... я все-таки пока не думаю выбираться изъ Фратештъ: тутъ люди такъ нужны, какъ и сказать нельзя, для себя пользы—ни на грошъ, для больныхъ,—если только хоть нѣсколько дѣла можно будетъ вести правильнѣе,—польза громадная. Однимъ словомъ, пока (В. Г.) Нестеровъ еще здѣсь, пока нашъ персоналъ хорошъ, я буду терпѣть, — буду терпѣть до крайности, до послѣдней невозможности. А сколько больныхъ—и нѣтъ возможности какъ слѣдуетъ приложить къ нимъ своихъ силъ! Тутъ не неумѣнье виною, а путаница, грязь, неудобства. Да, нынѣшняя ночь произвела уныніе въ нашемъ лагерѣ; можетъ быть, мы бы такъ не пріуныли, еслибы сами не были до нѣкоторой степени жертвами разразившагося дождя,—не только жители палатокъ купались, но и мы, вагонные обитатели, принимали хо-

лодный душъ. В. Г. Нестеровъ для предохраненія себя и жены раскинулъ клеенчатый плащъ и раскрылъ зонтъ, а я стойко рѣшила выдерживать это импровизированное купанье. Нужно еще замѣтить, что Нестеровъ нездоровъ всѣ эти дни. Скоро, впрочемъ, наши мученія уменьшатся, черезъ недѣлю будетъ готовъ деревянный баракъ для всего медицинскаго персонала, а черезъ 6 недѣль будетъ проведена къ Зимницѣ отъ Фратештъ конно-желѣзная дорога, и мы со всѣмъ госпиталемъ переѣдемъ туда. Это если не возьмутъ Рущука; если же Рущукъ будетъ взятъ, мы переѣдемъ въ Журжево. Въ Журжевѣ я уже была, но теперь разсказывать не время, уже поздно, пора спать, постараюсь завтра вечеромъ написать еще и пошлю ужъ письмо по русской почтѣ. Мнѣ досадно, если ты не получишь всѣхъ посланныхъ мною писемъ. Остроградскую и Петрову проф. Чудновскій вызвалъ на четыре дня въ Зимницу, потому что тамошній персоналъ весь уѣхалъ подъ Плевну, которая, говорятъ, взята. Не знаю, отчего онъ не вызвалъ меня.

№ 8-й. 25 августа.

Вокругъ такъ шумятъ, что едва ли смогу написать вамъ что-либо путное, но все же имѣю на это непреодолимое желаніе, потому что завтра хотятъ идти во Фратешти (въ деревню), и я пошлю письмо по русской почтѣ. Наконецъ-то сегодня утромъ пошли мои письма съ румынскими марками, этимъ меня порадовалъ комендантъ, когда я пришла завтракать на станцію. По утрамъ, часовъ въ 12, когда обойдешь больныхъ, обыкновенно очень хочется ѣсть, и вотъ мы иногда отправляемся на станцію. Но еслибы ты видѣла, что тамъ за помѣщеніе! Возлѣ станціоннаго зданія, у стѣнки, сзади сдѣланъ рогожный шалашъ, въ которомъ поставлено 3 стола; на двухъ ѣстъ публика, а 3-й представляетъ изъ себя буфетъ. Все продается по очень дорогой цѣнѣ, какъ водится, и притомъ сомнительнаго качества.

Встала я сегодня рано, обошла своихъ глазныхъ больныхъ (человѣкъ 30), потомъ пошла причащать терапевтическихъ,—я не называю здѣшнюю терапію лѣченьемъ, да оно и вѣрно; такимъ образомъ я обошла съ лѣкарствами сегодня до 300 человѣкъ, причемъ ужасно устала, едва могла стоять на ногахъ. Послѣ этого пошла на станцію закусить, потомъ пообѣдала и хотѣла съ однимъ докторомъ, имѣющимъ лошадей, ѣхать въ Журжево, но на грѣхъ у него лошадей выпросили сестры и не возвращали до поздняго вечера, такъ что я съ горя легла спать, и такъ проспала до поздняго вечера—до чаю, который обыкновенно бываетъ у насъ послѣ ужина.

Теперь въ нашемъ лагерѣ очень скучно: Нестеровъ по случаю болѣзни уѣхалъ на нѣсколько дней въ Бухарестъ (съ женою, конечно), остальные доктора и студенты хотя и здѣсь, но тоже прихварываютъ... Однимъ словомъ, изо всего медицинскаго персонала до сихъ поръ уцѣлѣли пока только я и докторъ А—ъ, несмотря на неимовѣрное истребленіе арбузовъ и винограду. Хотя и съ трудомъ, но мы все-таки достаемъ здѣсь и то, и другое; но виноградъ до сихъ поръ еще не хорошъ, не совсѣмъ дозрѣлый

Жители Журжева почти всѣ повыбрались изъ города и укрываются въ 2—3 верстахъ отъ насъ, въ такъ называемомъ здѣсь лѣсу, а по нашему—въ кустарникѣ. Туда вывезли они и имущество, и скотъ. Дома же въ Журжевѣ почти всѣ заколочены, мѣстами окна пробиты бомбами; видѣла также дома, церковь и башни, гдѣ стѣны пробиты насквозь. Открытыми остались только нѣкоторыя лавки, гостиница и т. п.—и тѣ, впрочемъ, во время бомбардировокъ закрываются. Бомбардировка, однако, бываетъ прекурьезная, точно игра мальчиковъ: пострѣляютъ, пострѣляютъ разъ десять, то турки, то наши, тѣмъ дѣло и кончается; такъ что я нѣсколько разъ собиралась поѣхать или пойти туда въ это время, и все неудачно: только успѣю собраться, какъ все приходитъ въ порядокъ, и водворяются миръ, тишина и спокойствіе.

Вчера слышала, что государь ѣдетъ въ главную квартиру. Мимо насъ до сихъ поръ никто еще изъ большихъ лицъ не проѣзжалъ, по-настоящему же у насъ такое мѣсто, что всѣ должны заѣзжать на поклоненіе. Былъ у насъ здѣсь недавно М—въ (онъ по части дезинфекціи), проѣзжавшій въ главную квартиру; пріѣзжалъ Р—съ, былъ и уполномоченный Р—ръ, который сегодня поѣхалъ въ главную квартиру.

Погода у насъ теперь стоитъ прескверная: сырая, дождливая, какъ есть россійская осень. Я довольна, что захватила съ собой сапоги мужскіе, а то иначе здѣсь ходить нѣтъ возможности, а въ Бухарестѣ они очень дороги. Довольна также тѣмъ, что взяла съ собой много сладкаго, у меня шеколадъ и монпасье ведется до сихъ поръ и составляетъ все утѣшеніе по вечерамъ. . . . .
Да, вѣроятно, черезъ двѣ, три недѣльки я и удеру куда-нибудь. Если кампанія будетъ продолжаться и зимой, я не вернусь: мнѣ хочется, такъ сказать, войти въ суть всей медицинской дѣятельности на войнѣ.

Про В. К. Рамбаха мнѣ здѣшніе моряки обѣщали узнать,—онъ, должно быть, очень недалеко отъ меня; когда узнаю это навѣрное, съѣзжу его повидать. Какъ видишь, письмо очень пусто, но это потому, во-первыхъ, что я не въ ударѣ сегодня, а также и потому, что вчера только писала. Читать, понятно, ничего не удается: нѣтъ времени, а если и бываетъ, такъ лучше желаешь уснуть, чѣмъ сѣсть за книгу. Досадно, что такъ долго нѣтъ отъ васъ писемъ,—я жду ихъ съ нетерпѣніемъ. На всякій случай (чуть ли ужъ не въ 7-й разъ) пишу снова свой адресъ, онъ можетъ быть двоякій: или черезъ уполномоченнаго г. Рихтера въ Бухарестъ (откуда я очень долго не получу), или прямо во Фратешти: 1) Romania, Galea Mogosoi, Strada Romana № 2, главному уполномоченному Краснаго Креста г. Рихтеру; я думаю только, что нужно писать не по-русски,—съ передачей, или же все это по-русски, причемъ нужно написать: черезъ унгенскую почтовую контору въ дѣйствующую армію; 2) въ дѣйствующую армію, черезъ унгенскую почтовую контору, полевая почта, № 11, во Фратешти (станція близъ Журжева), коменданту станціи для передачи въ госпиталь № 46 въ Красный Крестъ. Можно писать и еще иначе, какъ я писала раньше.

Говорятъ, что по русской почтѣ писать лучше,—вѣрнѣе доходитъ, хотя, впрочемъ, я буду послѣ посылать по румынской, если хоть нѣкоторыя изъ моихъ писемъ дошли до васъ.

Всѣхъ крѣпко цѣлую.

Время тянется долго: мнѣ кажется, что я здѣсь не двѣ съ половиной недѣли, а цѣлыхъ два мѣсяца. В. Г. Нестерову же кажется, что онъ уже два года.

Деревни тутъ похожи на татарскія, только еще плоше и грязнѣй. Самый городъ Журжево—не городъ, а та же деревня. Вообще Румынія производитъ скверное впечатлѣніе,—румыны грязны и вмѣстѣ съ тѣмъ плутоваты,—непріятный народъ.

26 августа.

Не извѣстно почему, только транспортъ къ намъ не приходитъ, а это до нѣкоторой степени составляетъ событіе въ нашей однообразной въ своемъ разнообразіи жизни; благодаря этому, я могла съѣздить въ Журжево; но точно нарочно, какъ пріѣхала, бомбардировка кончилась. Мы ѣздили туда чрезвычайно оригинальнымъ способомъ, т.-е. на самокаткѣ, на ручной машинѣ, ѣхали, пожалуй, не тише, чѣмъ обыкновенный поѣздъ. Съ нами ѣхало 4 солдатъ, которые и управляли самокаткой, да насъ четверо: я, докторъ, фельдшерица (М—ая) и офицеръ, хозяинъ самокатки. На дорогѣ, при встрѣчѣ съ поѣздами, приходилось самокатку стаскивать съ рельсовъ и самимъ, конечно, слѣзать. Въ городѣ мы осматривали дома, разрушенные бомбами; въ одномъ изъ нихъ я встрѣтила старуху-болгарку, она нѣсколько и по-русски смѣкаетъ, которая намъ разсказывала, какъ у нея летали надъ головой бомбы. Когда я ее спросила: не боится ли она?—она только улыбнулась и покачала головой: «Я,—говоритъ,—не видала, какъ пляшутъ, а какъ бомбы скачутъ видала много разъ». Старушоночка эта маленькая, дряхленькая, но съ добродушнымъ лицомъ и съ умными глазками, очень напоминала мнѣ нашу няню, только эта будетъ еще пониже и похудѣй. Она мнѣ такъ понравилась, что я съ удовольствіемъ взяла бы ее съ собой,—я до сихъ поръ не могу безъ удовольствія вспомнить о ней. Подходили мы къ самому Дунаю и въ бинокли осматривали Рущукъ и турецкій лагерь. Теперь опять идетъ бомбардировка,—началась, какъ только мы уѣхали.

Глазные больные мои хотя мнѣ и надоѣли, но въ силу ихъ я пользуюсь вполнѣ независимымъ положеніемъ, могу отлучиться куда угодно и когда угодно, чего не можетъ, кажется, ни одна изъ нашихъ. Въ этой спеціальности все предоставляютъ въ мое распоряженіе: такъ, напримѣръ, сегодня является какой-то военный (офицеръ), обращается къ доктору съ вопросомъ: кто бы могъ ему полѣчить глаза? Тотъ отвѣчаетъ, что на это есть особый спеціалистъ, и препровождаетъ его ко мнѣ. Сажаю я этого офицерика на лавку, вымываю руки, затѣмъ отворачиваю ему вѣки и снимаю соринку. Офицерикъ предварительно мнѣ заявилъ, что какой-то тамъ докторъ нашелъ у него воспаленіе. Я сообщаю ему, что вся болѣзнь его кончена, и онъ, расклапиваясь самымъ элегантнымъ образомъ, удаляется.

Сегодня во Фратешти никто не ходилъ, а потому и письмо это осталось лежать.

Какъ я жалѣю, что не взяла сюда побольше табаку,—здѣсь (табакъ) отвратительный и дорогъ.

Сегодня я дежурная, не придется спать всю ночь; хорошо еще, хоть погода разгулялась, т.-е. нѣтъ дождя и сухо подъ ногами, но зато довольно свѣжо, такъ что я уже хожу въ черномъ платьѣ. Я себѣ здѣсь устроила нѣчто вродѣ винограднаго лѣченья,—въ день съѣдаю цѣлое око.

27 августа.

№ 1-й и 2-й твоихъ писемъ получены мною сегодня, но не отвѣчаю потому, что иду во Фратешти снести это письмо. Я очень довольна, что письма мои доходятъ,—значитъ, можно будетъ писать все, что знаешь, видишь и что придетъ на душу. Крѣпко васъ всѣхъ цѣлую.

Пиши, значитъ, по тому же адресу, какъ писала, а я буду то по русской, то по румынской почтѣ посылать свои.

Насъ ни одинъ военный отрядъ, ни одинъ врачъ, ни одна вещь, отправляющаяся на войну, миновать не могутъ: мы на такомъ мѣстѣ, что каждый заѣзжаетъ. Съ этой стороны пунктъ чрезвычайно интересный. Теперь погода и не очень жаркая, и не холодная.

№ 10-й. 31 августа. 1877 г.

Сегодня получила твое третье письмо, а вчера—открытое. Мы ждемъ сегодня транспортъ въ 1,000 человѣкъ, а потому едва ли удастся написать какъ слѣдуетъ; я скоро, кажется, такъ же запою въ обратный тонъ, какъ и П—въ,—меня здѣсь уже начинаетъ донимать тоска.

Понятно, о рожденьи Л. С. я забыла: мы здѣсь очень рѣдко навѣрняка можемъ сказать, какой сегодня день и какое число. У насъ вся голова набита, всѣ интересы сосредоточены на Семенахъ, Петрахъ, Игнатахъ,—Изюмскихъ, Нарскихъ, Нѣжинскихъ полкахъ, на томъ, что у одного vulnus sclopetarium dorsi или femoris мягкихъ частей, а у другого съ переломомъ кости,—на томъ, что у одного diarrhaea просто, а у другого cruenta, а у третьяго intermittens или тифъ. Въ этомъ у насъ заключается не только весь интересъ, по и все дѣло, потому что отъ вѣрнаго опредѣленія зависитъ его зачисленіе въ легкіе, средніе или тяжелые, а отъ этого зависитъ правильная транспортировка. Я вѣдь здѣсь не въ числѣ хирурговъ, а въ числѣ терапевтовъ. Хирурги осматриваютъ раны, записываютъ, въ случаѣ нужды дѣлаютъ разрѣзы, а студенты или фельдшерицы, или сестры перевязываютъ осмотрѣнныхъ. Наша же дѣятельность заключается вотъ въ чемъ: приходитъ транспортъ, сваливаютъ всѣхъ терапевтическихъ больныхъ въ одинъ баракъ,—ну, мы и идемъ ихъ переписывать и давать лѣкарства. Конечно, діагнозы должны ставиться въ двѣ минуты, потому что дольше съ каждымъ возиться некогда. Я ужъ такъ навострилась въ этой механикѣ, что, не задумываясь и не раздумывая много опредѣляла интермиттентиковъ, тификовъ и т. п. Всего больше приходитъ больныхъ съ перемежающимися лихорадками, въ особенности изъ-подъ Рущука; есть и разстройства желудка, только не-

много, также не особенно много тифовъ. Холеры у насъ не было ни одного случая; говорятъ, только вотъ комендантъ въ Журжевѣ умеръ отъ холеры, но и то это только говорятъ. Случаевъ крупозной пневмоніи было тоже 1 или 2, столько же плевритовъ, но за то интермиттентовъ бездна и ихъ мы сплавляемъ дальше—въ Россію, сплавляемъ также и такихъ, у которыхъ лихорадка и кончилась, но оставила свои слѣды въ видѣ ломотъ во всѣхъ членахъ, отековъ ногъ и т. п.

Встрѣчалось нѣсколько случаевъ такихъ больныхъ, гдѣ послѣ лихорадокъ развивалось психическое разстройство, въ видѣ какъ бы притупленія способностей правильнаго мышленія, нѣчто вродѣ помѣшательства. Такъ былъ одинъ офицеръ, который разсказывалъ, что у него имѣются вагоны съ золотомъ, что онъ ждетъ, когда они пріѣдутъ и ихъ прицѣпятъ къ поѣзду, тогда и онъ отправится и т. п.

Симулянтовъ *) въ числѣ солдатъ, если принять во вниманіе количество прибывающихъ больныхъ, очень мало (но все же есть и, можетъ быть, иногда даже проскользаютъ, какъ больные) . . . .
. . . .

Что касается солдатъ, то они, за исключеніемъ евреевъ, совершенно безропотно сносятъ свою судьбу, очень мало жалуются, мало стонутъ и чрезвычайно терпѣливо переносятъ перевязку. Я не могу дать точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о томъ, какія больше наблюдаются раны, потому что перевязываю только въ свободное отъ своихъ дѣлъ время, да когда очень много работы и когда постоянныхъ рукъ не хватаетъ. Но, насколько приходилось наблюдать, изрѣдка попадаются раны въ спину и затылокъ (хотя, впрочемъ, сравнительно ихъ очень мало). На операціи соглашаются охотно, только просятъ, чтобы дали понюхать. Что касается до глазныхъ больныхъ, то за эти 3 недѣли, въ которыя я ихъ наблюдала, не скажу, чтобъ ихъ было много, да и притомъ больше простые conjunctivit'ы, бленорреи же было всего случаевъ 8; попадаются keratitis'ы (довольно часто), изрѣдка и ириты, но это больше обостреніе прежнихъ процессовъ съ задними сенеріями.

Впрочемъ, я о глазныхъ болѣзняхъ буду писать въ концѣ кампаніи... Досадно, что съ бленоррейными конъюнктивитами присылаютъ тогда, когда cornea уже разрушена, когда изъ лѣченія никакихъ видимыхъ для больного результатовъ получить нельзя. Было у меня три случая (свѣжихъ) бленорреи и, къ счастью, ихъ удалось выходить: ледъ, атропинъ и въ концѣ argentum чрезвычайно удачно дѣйствовали. Попадаются симулянты и съ глазами, и ихъ обыкновенно приходится транспортировать дальше, потому что нѣтъ никакихъ приспособленій подъ руками для провѣрки показаній больнаго, нѣтъ даже офталмоскопа (а свой я забыла въ Бухарестѣ). Да, впрочемъ, у насъ и мѣста нѣтъ, чтобы накоплять больныхъ: иной разъ и продержалъ бы лишнее время, да негдѣ, другимъ надо опрастывать мѣсто.

*) Т.-е. притворяющихся больными.

Говорили мнѣ сегодня, что пріѣхалъ проф. Юнге; но, вѣроятно, это В. Г. Нестеровъ подшутить захотѣлъ надо мной, онъ и то все стращаетъ, что пріѣдетъ Юнге и потребуетъ съ меня отчета о веденіи мною дѣла. Нестеровъ вчера вечеромъ вернулся изъ Бухареста; онъ немного поправился.

Когда я ѣхала изъ Россіи, то, не помню, тамъ, а можетъ быть, и на дорогѣ мнѣ говорили, что изо всѣхъ эпидемій на войнѣ самая сильная—это сифилисъ. Говорятъ, въ началѣ дѣйствительно такихъ больныхъ было много, теперь же на транспортъ или лучше на 100 человѣкъ приходится никакъ не больше 5-ти. Когда приходится изслѣдовать, я уже, не спрашивая, знаю, какою болѣзнью онъ хвораетъ,—знаю потому, что такой больной подходитъ къ вамъ и на предложеніе сѣсть рядомъ на табуретку, отвѣчаетъ: «Мы и постоимъ», и ни за что не хочетъ сѣсть. Я догадываюсь и спрашиваю: «Ну, чѣмъ же ты боленъ?» Отвѣты всегда бываютъ разные: одинъ говоритъ: «вероническою болѣзнью», другой—«дворянскою болѣзнью», третій—«цивилистическою» и т. д., я ужъ и не припомню, только разнообразіе въ отвѣтахъ очень большое.

Итакъ, сифилитиковъ очень мало, причемъ большею частью ulcus molle.

Хотѣлось бы мнѣ поѣхать въ Бухарестъ получить деньги и послать вамъ, но невозможно выбраться: совѣстно уѣзжать, когда транспортъ приходитъ за транспортомъ и, притомъ же, 4-хъ изъ персонала нѣтъ: двухъ студентокъ и двухъ студентовъ; Петрова и Остроградская, вѣроятно, къ намъ не вернутся: проф. Чудновскій послалъ ихъ въ Альтернацъ устраивать пріемный для перевязки покой (это между Зимницей и Путинеями), а З. съ И. N по болѣзни въ Бухарестѣ. Про Подрѣзанъ и Больботъ я уже писала, и такъ какъ письма не пропадаютъ, какъ видно, то, должно быть, и тѣ дойдутъ... Это письмо хотѣлось бы послать черезъ румынскую почту, только не буду класть здѣсь, можетъ быть, кто-нибудь завтра поѣдетъ въ Бухарестъ. *Новороссійскій Телеграфъ* мы уже получаемъ. Очень сожалѣю, что не взяла табаку; написала Г. Н. Минху *), чтобъ онъ прислалъ съ санитарнымъ поѣздомъ, но такъ какъ на него надежда плоха, то написала и брату Ивану, чтобы прислалъ съ русскою почтой. Читать и чѣмъ-нибудь заниматься положительно нѣтъ времени. Дни у насъ теперь стоятъ не жаркіе, но вечера начинаютъ быть довольно свѣжи... Еслибы возможно было прислать программу фармакологіи, то было бы хорошо. Если останусь на всю зиму, то переселюсь въ какой-нибудь постоянный госпиталь, и тогда нужно будетъ переслать мнѣ всѣ книги, буду здѣсь готовиться. Я надѣюсь, что ты получила мое письмо, въ которомъ я говорю, чтобы Л. С. не увозила въ Питеръ книгъ. Интересно бы мнѣ было знать что-нибудь опредѣленное о нашихъ экзаменахъ. Л. К. Ройбулъ **) напишу сама, хотя и не увѣрена, что хорошо знаю ея адресъ. Столъ у насъ здѣсь казенный,

*) Г. Н. Минхъ—покойный профессоръ Кіевскаго университета, читалъ паталогическую анатомію.

**) Студентка Давыдова, замужемъ за Ройбулъ-Вакаре, теперь женщина-врачъ.

но далеко не казистый, такъ что съ удовольствіемъ бы съѣлъ чего-нибудь получше, да купить негдѣ. Изрѣдка, впрочемъ, мнѣ покупаютъ сардинки, которыя здѣсь дешевы: 1 франкъ коробка. Жизнь такъ однообразна, въ пасмурные дни (которыхъ впереди очень много), что скоро не о чемъ будетъ писать. Всѣмъ кланяюсь и цѣлую.

Что же *Медицинское Обозрѣніе?*... Транспортъ пришелъ, нужно идти—сперва быть терапевтомъ, а потомъ хирургомъ, — офталмологомъ я бываю только по утрамъ.

№ 11-й. 3 сентября.

...Погода у насъ хорошая, и сегодня мы отдыхаемъ отъ трудовъ праведныхъ,—должно быть до вечера будемъ отдыхать. Мнѣ даже пріятна такая періодичность: одинъ день устанешь какъ собака, а другой—лежишь въ вагонѣ, да зѣваешь. Я вотъ теперь и письмо, лежа, пишу, только дѣломъ уже заняться нельзя: мозги не переваривають ничего серьезнаго. Теперь получаемъ *Сѣверный Вѣстникъ*. Очень сожалѣю, что не взяла съ собой фармакологіи Дыбковскаго, нужно бы было всѣми правдами и неправдами приготовиться изъ этого капитальнаго предмета, а то потомъ, пожалуй, не одолѣешь. Жалѣю также, что и лекцій проф. Сущинскаго не взяла. Когда переберемся въ Зимницу, нужно будетъ мнѣ это выслать. А Зѣнецъ-то захворалъ не на шутку, лежитъ въ больницѣ въ Бухарестѣ. Хотѣлось бы навѣстить его, но времени нѣтъ,—больница эта за городомъ. Я своимъ помѣщеніемъ чрезвычайно довольна, вотъ хоть бы, напримѣръ, теперь: сижу одна, никто меня не трогаетъ, никто не смѣетъ заглянуть ко мнѣ, а я давно не пользовалась такими удобствами за этотъ годъ *), потому и цѣню ихъ теперь. Ночи опять стали теплѣй, такъ что въ фуфайкѣ спать дѣлается жарко. Здѣсь пользуешься всевозможными случаями для отправки писемъ. А какія изъ моихъ писемъ доходятъ до васъ скорѣй: тѣ, которыя посылала по румынской почтѣ, или тѣ, которыя по русской?

6 сентября.

Какъ пріятно почувствовать себя свободной на цѣлые 2—3 часа: теперь началась такая работа, какой до сихъ поръ и не было: такъ, напримѣръ, вчера я сидѣла за сортировкой больныхъ съ 11 часовъ утра до 8 вечера, не вставая, не обѣдая. Положимъ, то была моя добрая воля такъ сидѣть, да мнѣ ужъ хотѣлось покончить; но чѣмъ больше сидѣла, тѣмъ все больше и больше прибывали больные, и меня начала одолѣвать безнадежность, когда-нибудь прійти къ концу. Такъ не кончивши и ушла въ 8 часовъ обѣдать. Послѣ этого снова работали мы часовъ до 10. Хорошо еще, что теперь погода не жаркая, а то бы просто хоть бѣги вонъ. Впрочемъ, нашъ уполномоченный г. Приселковъ заботится о насъ: выписалъ нѣсколько окороковъ ветчины, сыру, вина и теперь каждый день устраиваются завтраки чрезвычайно сытные, такъ что не особенно жаль про-

---

*) Весну В. С. Некрасова, а отчасти и лѣто провела въ занятіяхъ въ Вѣнѣ, гдѣ жила въ одной комнатѣ съ другою студенткой.

пустить и время обѣда. И вино тутъ даютъ не простое красное (которое всегда у насъ подается къ обѣду и надоѣло мнѣ ужасно), а хересъ или портвейнъ. Теперь пріѣхалъ къ намъ поваръ французъ,—сегодня испробуемъ отъ его искусства. Несмотря, однако, на всѣ улучшенія, къ которымъ нужно отнести и постройку дома для медицинскаго персонала,—несмотря, говорю, на все это, я остаюсь здѣсь только до октября. Главною побудительною причиной, толкающей меня отсюда, служитъ то, что В. Г. Нестеровъ тоже пробудетъ здѣсь до 1 октября, а безъ него въ этомъ омутѣ я не останусь. Если N* не пожелаетъ меня перевести куда-нибудь въ постоянный госпиталь, то я уѣду или къ проф. Носилову въ Браиловъ (для чего на-дняхъ хочу ему писать), или же къ проф. Бергману въ Піатру. Больше не останусь на этомъ пунктѣ.

Завтра къ намъ должно прибыть нѣсколько тысячъ больныхъ и раненыхъ, и потому не знаю, когда буду писать. Достала себѣ у Петровой *) фармакологію Дыбковскаго. Пришли мнѣ по почтѣ программу по фармакологіи. Петрова пріѣзжала сюда на одни сутки и какъ разъ пріѣхала въ день моего дежурства; дежурила за меня ночь, такъ что я преспокойно могла спать, за что, конечно, въ душѣ ей была очень благодарна. Теперь она переведена въ Зимницу. Если ей тамъ будетъ хорошо, она напишетъ мнѣ—и я переведусь туда.

Спѣшу скорѣй кончать, потому что идутъ на почту во Фратешти, не хочу этого глупаго письма посылать по румынской почтѣ, т.-е. не хочу платить 30 сантимовъ. Зачѣмъ ты накладываешь на письма марки? Говорятъ «въ дѣйствующую армію» можно безъ марокъ.

№ 12-й. 8 сентября.

Уже часъ ночи, а мы только что вернулись съ работы и успѣли поужинать. Сегодня утромъ, обойдя своихъ глазныхъ больныхъ, я записалась въ хирурги,—пошла сортировать раненыхъ. Это въ первый разъ, что хирурги допустили меня до самостоятельной дѣятельности (оттого я рѣдко и бывала у нихъ), только чтобы въ затруднительныхъ случаяхъ я обращалась къ врачу. Мое дѣло заключалось въ томъ, что я осматривала и ощупывала раненыхъ и записывала ихъ — то въ число легкихъ, то среднихъ, то тяжелыхъ и т. д., а сестры и фельдшерицы перевязывали. Пока дѣло будетъ продолжаться такъ, я буду хирургомъ; какъ же они снова захотятъ посягнуть на мою свободу, такъ я опять уйду, потому что я, собственно говоря,состою при Нестеровѣ, который ничего *не заставляетъ* дѣлать, развѣ вмѣсто себя куда-нибудь пошлетъ. При немъ мнѣ лафа: я все дѣлаю не по обязанности, а по желанію, потому что обязательные у меня только глазные больные, за которыхъ отвѣтственность лежитъ на мнѣ одной, вотъ поэтому-то я и хочу отсюда уѣхать, когда уѣдетъ Нестеровъ. Теперь у насъ больныхъ (т.-е. большею частью раненыхъ) около

---

*) Студентка одного выпуска съ авторомъ, а теперь извѣстный врачъ.

8,000 и персоналу наѣхало столько, что не сосчитаешь. Пріѣхала студентка 4-го курса (т.-е. перешедшая на 4-й) Четверикова.

Еслибы вы посмотрѣли, какой у насъ теперь идетъ ужасный кавардакъ, просто страсть,—своя своихъ не познаша, своя своихъ не разобраша: мы давеча пробыли на работѣ до 5 часовъ и, конечно, остались безъ обѣда, потому что остальные, не опоздавшіе, все пріѣли. Но у меня есть прекрасное убѣжище—аптека: я въ дружбѣ съ фармацевтами, и они меня накормили. У насъ аптекаремъ фармацевтъ изъ Аничковой аптеки—чрезвычайно приличный баринъ, а помощникомъ—молоденькій мальчикъ изъ Москвы, который, оказывается, когда-то учился у Горскаго *) въ нашемъ домѣ.

Четверикова мнѣ передавала слова Козлова о нашихъ экзаменахъ: «Для всѣхъ оставшихся въ Россіи экзамены начнутся въ половинѣ октября, а для находящихся на войнѣ они будутъ произведены по ихъ пріѣздѣ». Я полагаю тогда держать можно безсрочно, и я этому рада,—останусь до конца войны, перейду въ постоянный госпиталь и проведу, значитъ, время дальнѣйшее не безъ пользы.

Я пишу карандашомъ **), понятно, потому, что не до пера теперь: некогда съ нимъ возиться, и такъ-то не кончу за одинъ присѣстъ, нужно ложиться спать, потому что докторъ Л—ле и завтра снова предлагалъ заняться съ нимъ сортировкой. Меня, видишь ли ты, приглашаютъ, а не приказываютъ. Что будетъ въ другомъ госпиталѣ—не знаю, но думаю, что и тамъ можно будетъ хорошо поставить себя.

Отъ нѣкоторой г-жи Туровой получила письмо, проситъ увѣдомить ее о раненомъ сынѣ. Послала ей въ отвѣтъ и телеграмму, и письмо. Видите, эта Турова отъ двоюроднаго брата узнала обо мнѣ и о моемъ пребываніи здѣсь.

Хорошо бы Л. С. сдѣлала (когда пріѣдетъ въ Питеръ), еслибы сходила къ Губиной ***) и взяла съ нея слово, что по окончаніи всѣхъ экзаменовъ она дастъ мнѣ *всѣ свои тетрадки*, по которымъ я въ свою очередь могла бы приготовиться къ экзаменамъ.

№ 13-й. 11 сентября.

Не хочется мнѣ писать перомъ,—очень длинная процедура,—нужно садиться на полъ, потому что столомъ мнѣ служитъ табуретка, а на полу такъ же чисто, какъ въ Москвѣ въ сѣняхъ, несмотря на то, что я уже мела сегодня. Завтра двое студентовъ ѣдутъ въ Россію, и вотъ я хочу воспользоваться этимъ случаемъ и написать по возможности больше про здѣшнюю жизнь, про здѣшніе порядки. Нужно однако правду сказать, что у меня всѣ чувства начинаютъ притупляться, и я начинаю менѣе реагировать на все окружающее, если оно не слишкомъ близко затрогиваетъ меня: смотрю

*) Г. Горскій держалъ въ Москвѣ частную народную школу.

**) Это первое письмо карандашомъ, до этого времени всѣ письма писались чернилами.

***) Тогда студентка окончившая V-й курсъ, теперь врачъ.

совершенно равнодушно, когда приходится проходить мимо какого-нибудь комка сѣраго сукна, въ которомъ скрывается человѣческое тѣло, и комокъ этотъ или мочится дождемъ, или почти весь уже потонулъ въ грязи. Поѣзда ежедневно (по 3 поѣзда) увозятъ у насъ съ каждымъ по 500 — 600 больныхъ и раненыхъ, и все-таки у насъ не только палатки полны, но и все пространство между палатками,—вездѣ лежатъ, сидятъ, стоятъ. Все мѣсто (площадка) передъ нашими вагонами занято больными и ранеными всѣхъ сортовъ,—алчущими и жаждущими быть отправленными въ Россію; непопадающіе на одинъ поѣздъ остаются здѣсь ждать слѣдующихъ, къ намъ прибываютъ новые и т. д. Весь этотъ людъ приноситъ съ собой запахъ невыносимый, такъ что съ нѣкоторыхъ поръ у насъ въ вагонахъ запахъ какъ въ помойной ямѣ; а оконъ закрыть нельзя,—душно. Теперь у насъ въ сортировочной коммиссіи нововведеніе—разноцвѣтные билеты для больныхъ: для очень трудныхъ, которыхъ нельзя перевезти даже въ ближайшій госпиталь, а нужно оставить на мѣстѣ, чтобы тотчасъ же была подана помощь,—для нихъ существуютъ красные билеты; для трудныхъ, могущихъ быть транспортированными въ ближайшіе госпитали—зеленые билеты; для среднихъ—желтые; для легкихъ, но все же отправляемыхъ отсюда—голубые и, наконецъ, для выздоравливающихъ, т.-е. такихъ, которые здѣсь остаются—бѣлые билеты. Чего бы, кажется, лучше: «голубые—ступай сюда!», «желтые—туда!», «зеленые—туда!» и т. д. Но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не такъ; на дѣлѣ выходитъ такая безтолковщина, что упаси Боже! Предположимъ, наприм., что сейчасъ прибыли больные; ихъ направляютъ въ сортировочный баракъ,—это длинное, узкое зданіе, сверху покрытое досками, въ дождевое время въ изобиліи пропускающее влагу,—а сбоку рогожами, прибитыми къ столбикамъ. Рогожи во время вѣтра приподнимаются въ стороны и представляютъ наипростѣйшую вентиляцію. Тамъ принимаемся ихъ сортировать, раздавая направо и налѣво разноцвѣтные билеты. Но мы сортируемъ только тѣхъ, которые въ баракѣ, а которые въ немъ не умѣстились, остались на вольномъ воздухѣ, разбредаются въ разныя стороны, такъ что и не видимъ ихъ иной разъ дня по два, несмотря на то, что ходишь и кричишь: «Гдѣ не записанные?» Иной разъ и тутъ они отвѣчаютъ и откликаются только на вопросъ, уже повторяемый 10 разъ. Это—первый элементъ путаницы. Положимъ, что больные, большая ихъ часть, разсортированы. Теперь врачи военнаго госпиталя должны забрать къ себѣ всѣхъ бѣлыхъ и всѣхъ красныхъ,—оставить только зеленыхъ, желтыхъ и голубыхъ, которые должны быть отправлены на поѣзда. Но отчасти потому, что больные разбредаются, а красные слабы, не могутъ откликнуться или приподняться на зовъ, и они въ числѣ прочихъ остаются въ баракѣ. Такъ какъ имѣющіеся поѣзда (въ день отходитъ одинъ санитарный съ зелеными и желтыми—лежачими и два воинскихъ съ голубыми и желтыми—сидячими) не въ силахъ увезти всю массу прибывшихъ и прибывающихъ, то въ баракѣ, наприм., отъ сегодняшней сортировки, завтра еще останется не малая толика. Я беру для при-

мѣра одинъ баракъ, у насъ ихъ теперь шесть, и въ каждомъ выходитъ то же самое. Приходитъ новый транспортъ; мѣшать сортированныхъ съ несортированными не полагается, и потому нашъ дежурный врачъ долженъ опростать баракъ, т.-е. изъ-подъ убѣжища, сдѣланнаго руками человѣческими, вывести подъ кровъ Божій: захочетъ—высушитъ, а захочетъ—и вымочитъ, все въ Его руцѣхъ. Ну вотъ и идутъ всѣ—голубые, зеленые, желтые (есть бѣлые и красные), располагаются то подъ чистымъ небомъ, то подъ какими-нибудь навѣсцами, располагаются куда попало, ихъ ищутъ на поѣздъ—не находятъ, теряютъ билеты, такъ что приходится сортировать снова,—однимъ словомъ, выходитъ такая каша, что упаси Господи. Я только указала тебѣ дѣятельность сортировочной коммиссіи и госпиталя военнаго, но есть еще эвакуаціонная коммиссія, дѣло которой собирать больныхъ и разсаживать на поѣзда. Но легко сказать—*собирать*! Это—чуть ли не самое трудное; тутъ больше всего достается врачу, который передъ каждымъ поѣздомъ бѣгаетъ, хлопоча изо-всѣхъ силъ, и не можетъ найти тѣхъ больныхъ, которыхъ бы должно было отправить, и ужъ отправляетъ какіе попадаются (т.-е. можетъ быть только вчера, сегодня разсортированные). Тѣмъ временемъ тѣ гдѣ-нибудь валяются, безъ призора, безъ лѣкарствъ, иногда безъ пищи; голубые превращаются въ желтыхъ, въ зеленыхъ, эти—въ красныхъ, а тѣ уже покончиваютъ совсѣмъ съ міромъ. Тутъ нужно милосердіе, но не такое милосердіе, какое мы привыкли понимать и видѣть,—тутъ нужно милосердіе въ видѣ крѣпкихъ ногъ и рукъ, которые могли бы бѣгать въ разныя стороны и подносить то чашку чая, то кусокъ хлѣба, то опій—отъ разстройства желудка, то хининъ—отъ лихорадки. Намъ нужны руки и ноги, нужны убѣжища отъ дождя и непогоды... Самые полезные люди здѣсь—это сестры: однѣ изъ нихъ перевязываютъ раны, другія—раздаютъ лѣкарства, чай, табакъ и т. п.; безъ нихъ врачи оказались бы совсѣмъ безполезны, въ особенности терапевты, къ которымъ принадлежу и я. Еще хирурги—такъ тѣ хоть изслѣдуютъ, нѣтъ ли перелома, воспаленія и т. п., — въ такомъ случаѣ такого больного нельзя посылать на воинскомъ поѣздѣ и т. п.

Нужно побольше фельдшеровъ, да братьевъ милосердія, да и притомъ фельдшеровъ не студентовъ, студентки тоже не годятся, потому что мы всѣ имѣемъ претензію на научную сторону дѣла и недовольны, что здѣсь одна механическая. Мнѣ такъ надоѣла здѣшняя работа, что я готова бы была куда-нибудь бѣжать безъ оглядки, но мнѣ теперь совѣстно, потому что работы еще много, а какъ только схлынетъ, такъ уйду. Но говорятъ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, въ Болгаріи еще хуже; назадъ же мнѣ что-то не хочется, т.-е. въ госпитали близъ Бухареста: тамъ ужасно скучно, персоналы медицинскіе очень маленькіе, всѣ, быстро перезнакомившись, надо думать, ссорятся, такъ что я туда уже не мечтаю. Хочется попробовать поѣздить на санитарныхъ поѣздахъ,—не знаю, удастся ли, можетъ быть, не пустятъ.

Сегодня получила отъ тебя два письма заразъ—4 и 5, одно отъ 31 ав-

густа, другое отъ 1 сентября. Ты глупо спрашиваешь, кто завѣдуетъ палатами. Во-первыхъ, у насъ нѣтъ ни одной палаты, а все палатки, бѣлыя парусинныя палатки, завѣдуютъ которыми разныя лица: для каждой палатки есть свой врачъ. Надо всѣми хирургическими больными главный N—ій, а надъ терапевтическими—Нестеровъ. Сосчитать же не только тюфяки, но даже палатки составитъ довольно значительный трудъ, на который я, право, не рѣшусь,—лучше эти полчаса просплю. Свободное время или сплю, или насѣкомыхъ съ себя обираю; приходится выслушивать больныхъ, на которыхъ просто миріады разныхъ насѣкомыхъ, а вонь, вонь какая отъ больныхъ!... Я давеча дошла до глупости, готова была заплакать на сортировкѣ, заплакать отъ... в...ш...ей и отъ вони. Что же приходится дѣлать при такихъ условіяхъ? Я не могу настолько забыть себя, чтобы задохнуться во всемъ этомъ, и потому я уже перестаю честно относиться къ больнымъ: они меня раздражаютъ. Ахъ, да: все мною недосказанное я готова досказать, только нужно задать вопросы. Число тюфяковъ положительно трудно сосчитать, но во всякомъ случаѣ оно впятеро, вдесятеро меньше числа находящихся въ данное время больныхъ. Можетъ быть, я поѣду въ Болгарію: страшны волки только тогда, когда они не видны.

Ты говоришь, что я много интереснаго не написала, а сама останавливаешь мое вниманіе на тюфякахъ. Постоянно есть масса такого, о чемъ бы стоило написать, но я, къ сожалѣнію, не владѣю перомъ; написала эти 2 листа и больше не могу. Когда я писала послѣднее письмо (написанное карандашомъ), то самую соль-то и забыла: все-то время шелъ дождь, такъ что къ довершенію работы мы ходили мокрыя и грязныя (хорошо, что взяла съ собой клеенчатый плащъ и сапоги). Несмотря на все это, я здорова, только нѣсколько болѣли тогда зубы. Эхъ ты, когда спохватилась о пальцѣ!—онъ давно здоровъ.—О Щулепниковой *) очень хочу знать.

Ужасно жаль, что у меня нѣтъ таланта писать: что ни шагъ, то картина!

№ 14 й. 12 сентября

Получила сегодня твое 6 письмо (отъ 4 сентября), въ которомъ ты говоришь, что уже знаешь, что письма твои доходятъ до меня. Понятно, ты можешь мнѣ и безъ марокъ писать,—это разрѣшается всѣмъ, кто пишетъ въ дѣйствующую армію и изъ нея... Письмо твое получила при слѣдующихъ условіяхъ: былъ вечеръ, дождь лилъ какъ изъ ведра, мы были въ баракѣ—сортировали больныхъ въ разстояніи шаговъ 500 отъ нашихъ жилищъ: предстояло съ одной стороны путешествіе обратное по грязи, которое ты можешь себѣ до нѣкоторой степени представить, если вспомнишь Царицыно **) въ дождливое время; съ другой стороны, вокругъ толпятся больные, безтолковые, ничего не понимающіе, лѣзутъ на тебя неприличныя

---

*) Студентка, вышедшая замужъ за доктора С. П. Буренина.

**) Загородное мѣсто подъ Москвой, глинистое и трудно проходимое во время дождя.

насѣкомыя, ползаютъ по шеѣ, вонь нестерпимая. И вотъ при такихъ-то условіяхъ вдругъ одна изъ рогожъ барака приподнимается, и докторъ П. кричитъ, что мнѣ есть письмо. Понятно, я обрадовалась и тутъ же начала читать. Ты говоришь, что всѣ мои описанія и коротки, и субъективны,— это вѣрно, но иначе я не могу писать: съ одной стороны мнѣ лѣнь, съ другой—я не умѣю, а съ третьей—времени на это нѣтъ. Я, вѣдь, только и дѣлаю, что или больныхъ сортирую, или письма пишу, надобно же мнѣ хоть что-нибудь почитать. Какъ ни поздно получаемъ мы газеты, но все-таки новости газетныя, сообщаемыя тобой, запаздываютъ, такъ было и со смертью Тьера, такъ случилось и съ сообщеніемъ о студенческихъ лекціяхъ въ академіи.

Оказывается, однако, что я до нѣкоторой степени прогадала, что не поѣхала къ кому-нибудь изъ профессоровъ. Здѣсь я хотя и дѣлаю, что врачи, но это не оффиціально; наши же студентки у проф. Склифосовскаго оффиціально поставлены, какъ врачи. Теперь же, если перемѣщаться, то Красный Крестъ,—говорятъ,—будетъ недоволенъ и, пожалуй, просьбы не уважитъ. Сегодня послала письмо тебѣ съ однимъ студентомъ Я—мъ, который, вѣроятно, самъ зайдетъ; онъ можетъ тебѣ многое поразсказать, хотя, впрочемъ, нашихъ порядковъ хорошенько не знаетъ, потому что былъ у насъ проѣздомъ, всего дня три. Зѣнецъ здоровъ. Одинъ изъ нашей компаніи, студентъ Л—ій, уже уѣхалъ въ Россію...

Не надоѣдайте мнѣ, пожалуйста, съ наставленіями о здоровьѣ,—это только отравляетъ мнѣ минуты. Я опять-таки скажу, что не будь васъ, я была бы въ Болгаріи и мнѣ было бы гораздо лучше... Если тебя тревожатъ такія мелочи, какъ мой палецъ или холодный душъ въ вагонѣ, то я лучше не буду ничего подобнаго описывать. Сижу вотъ, пишу; а между тѣмъ обираю съ себя насѣкомыхъ... Не правда ли, пріятное препровожденіе времени? Какъ досадно, что нѣтъ табаку хорошаго! Устала, больше не могу писать. О Щулепниковой ужасно хотѣлось бы знать что-нибудь опредѣленное. Недавно былъ транспортъ раненыхъ, которые напомнили сербскую войну: всѣ съ прострѣленными пальчиками,—приходилось все отрѣзать. Когда я встрѣчаю какого-нибудь раненаго въ задъ, я непремѣнно спрашиваю: «А ты, значитъ, братъ, бѣжалъ отъ турка».—«Никакъ нѣтъ-съ, мы отступали,—приказано было».

Получила отъ Б. письмо: она пишетъ, что ей у проф. Бергмана болѣе чѣмъ хорошо: она дѣлаетъ тамъ операціи. Пріѣхалъ къ намъ проф. Х., буду съ нимъ говорить, и можетъ быть тоже уѣду къ проф. Бергману въ Болгарію. Б. была съ Бергманомъ подъ Плевной.

№ 14-й. 14 сентября.

Не хочется и писать,—такъ скверно у насъ въ данное время, да, впрочемъ, говорятъ, не у насъ однихъ такъ скверно, — говорятъ, вездѣ то же самое. Сегодня выглянуло немножко солнышко, и является надежда на возможность вздохнуть, а то эти дни (3 дня) шелъ, не переставая, дождь, и мы ходили какъ юши, всѣ въ грязи по колѣна. Однихъ сапогъ,

оказывается, мало: всѣ отсырѣли, ногамъ въ нихъ скверно; завтра ѣду въ Бухарестъ и куплю тамъ высокія мужскія калоши... Нужно тебѣ сказать, что съ 1 октября меня здѣсь не будетъ: я буду переведена къ проф. Бергману или вообще куда-нибудь въ другое мѣсто. . . . .

. . . .

Зѣнецъ хочетъ перваго октября отсюда уѣхать, я же считаю, *что тогда мое дѣло, во имя котораго я сюда пріѣхала, должно погибнуть*, если я не останусь или до конца кампаніи, или же до тѣхъ поръ, пока захвораю. Теперь я здорова, даже удивляюсь на себя и, конечно, благодарю за это Создателя. Когда я стала говорить проф. Чудновскому, чтобы онъ меня куда-нибудь перевелъ, потому что *для насъ*, молъ, *женщинъ*, важно, *если наша дѣятельность будетъ замѣтна*, то онъ мнѣ на это отвѣтилъ:

«А вы думаете, что ваша работа здѣсь не будетъ имѣть значенія?»

«Думаю, что нѣтъ».

«Ошибаетесь. Мнѣ бы было очень жаль васъ теперь переводить, потому что у васъ сортировка идетъ хорошо, а новый человѣкъ долженъ еще будетъ привыкать къ этому; но во всякомъ случаѣ я вамъ обѣщаю, что вы будете при первой возможности переведены въ лучшія условія; я самъ понимаю, что каждый шагъ вашъ двигаетъ вообще положеніе женщинъ впередъ».

Къ этому съ своей стороны я прибавлю только одно, что, *во имя движенія нашего впередъ, — можно примириться и не съ такими неудобствами: можно не только ходить по грязи, но и валяться въ ней. Я одного боюсь, какъ бы не захворать.* Тогда ужъ я немедленно уѣду; *но я хочу надѣяться, что уцѣлѣю, потому что у меня цѣли хорошія.* Здѣсь главнымъ образомъ важно имѣть крѣпкій желудокъ, сухія ноги; первое у меня есть, а второе завтра будетъ безусловно, потому что будетъ двѣ пары обуви на смѣну. Бѣлье здѣсь стирать ужасно дорого.

Вотъ и это письмо (ты скажешь опять) субъективно: мнѣ какъ-то не хочется иначе писать про госпиталь, потому что ужасно скверно—больные лежатъ въ грязи, на холоду и на дождѣ. Я нынѣшнюю ночь дежурила, и всѣ, кому впрыскивала морфій (11 человѣкъ), отправились на тотъ свѣтъ. По-моему, это напрасная процедура съ этимъ морфіемъ: и впрыснешь—умретъ, и не впрыснешь—умретъ. Приходишь, наприм., ночью (ужъ я хожу съ палкой, чтобы не упасть) въ какую-нибудь палатку.

«Ну, что, благополучно?»—спрашиваешь у служителя.

«Ничего, благополучно, только вотъ одинъ умеръ, да другой, поди чай, сейчасъ умретъ».

Не правда ли, какъ пріятно слышать? А то вдругъ бѣгутъ изъ какой-нибудь палатки и кричатъ: «Кровотеченіе, кровотеченіе!» Приходишь туда и видишь, въ грязи, на соломѣ лежитъ больной, весь обливаясь кровью... Наложишь ему поскорѣй эзмарховскій бинтъ и принимаешься перевязывать рану. Рана грязная, самъ онъ въ крови, одежа тоже въ крови; рана обмывается водой, которая еще больше смачиваетъ его бѣлье (тутъ ужъ

до осмотрительности, лишь бы скорѣй артерію перевязать, да кровь остановить, а то въ обморокъ падаетъ). Ну, наконецъ, обмыли, перевязали,—и такъ мокраго, въ крови и оставляешь больного валяться на грязной и кровяной соломѣ вплоть до слѣдующаго кровотеченія...

Врачи наши еще больше сбились съ ногъ, ихъ дежурство просто адское,—я рада, что я не оффиціальный врачъ; когда приходитъ транспортъ, то они должны всѣхъ пріѣхавшихъ перепроводить въ баракъ, а для этого баракъ нужно очистить, однихъ отправить на поѣздъ...

Меня давеча прервали: пріѣхалъ К—нъ, ассистентъ К—аго, и пожелалъ меня видѣть. Я пригласила его въ свой хлѣвъ, т.-е. въ вагонъ, и мы долго проболтали; послѣ этого я пошла на сортировку и пробыла тамъ до поздняго вечера, такъ что чай, конечно, прогуляла, попала только къ ужину (винограду мы теперь въ глаза не видимъ: некогда, да и грязно, нельзя за нимъ пойти, а послать некого). Но зато мнѣ дали портвейну... Можетъ быть я отъ этого и не простужаюсь, что пью... хорошее вино и имѣю спиртъ на случай обтереть ноги. Въ другомъ мѣстѣ, навѣрное, этого бы не было, а здѣсь всѣ аптекаря меня чрезвычайно любятъ: за чѣмъ бы ни прислала въ аптеку,—все пришлютъ. Получила я сегодня отъ тебя письмо, это—6-е, и опять-таки тогда, когда была на сортировкѣ. Это письмо пошлю сама завтра изъ Бухареста. Не буду много распространяться даже по одному тому, что мнѣ необходимо, какъ можно, больше спать, т.-е. отдавать сну всѣ свободныя минуты. Книги мои, которыя я тогда просила Л. С. не брать съ собой въ Питеръ, пусть она и не беретъ, пусть такъ и останутся въ Москвѣ, можетъ быть я попрошу ихъ переслать сюда, хотя, впрочемъ, очень въ этомъ сомнѣваюсь, потому что, куда бы ни перешла, вездѣ, навѣрное, дѣла будетъ бездна. Передай отъ меня всѣмъ поклонъ. Теперь не жди скоро писемъ,—совсѣмъ не о чемъ писать: повсюду грязь непроходимая, душа разрывается на части, когда приходишь на сортировку. Я теперь ужъ стараюсь всѣхъ эвакуировать, потому что оставлять здѣсь—значитъ только морить. Я никогда ни во снѣ, ни въ воображеніи не могла себѣ представить того, что приходится видѣть и испытывать здѣсь; передать этого на бумагѣ нѣтъ силъ,—ничего не изобразишь. Относительно Турова *) я уже писала его матери. Онъ плохъ,—едва ли выживетъ, въ особенности при такихъ условіяхъ, хотя, впрочемъ, у него (т.-е. въ госпиталѣ у Катомнина) лучше, чѣмъ у насъ, тамъ хоть воздухъ чище и не такъ грязно, потому что на горѣ. Конечно, я матери Турова не писала, какъ онъ слабъ. Крѣпко васъ всѣхъ цѣлую. Какой у Василія Николаевича Китаева **) чинъ и въ какомъ полку онъ находится? Если поѣду въ Зимницу, мнѣ бы хотѣлось его отыскать.

---

*) Больной офицеръ, мать котораго обратилась къ автору писемъ съ запросомъ о здоровьи сына.

**) В. Н. Китаевъ — ученый инженеръ и очень талантливый художникъ-портретистъ.

№ 16-й. Бухарестъ. 15 сентября.

Сегодня съ докторомъ Б—омъ послала тебѣ письмо... Узнала сегодня, что проф. Юнге здѣсь и желаетъ меня видѣть, намѣренъ куда-то пристроить. Завтра пойду къ нему и, если мѣстность будетъ хорошая, соглашусь, въ противномъ же случаѣ уѣду къ проф. Бергману. Я здѣсь теперь не одна, а съ фельдшерицей Марциновской, чрезвычайно не глупой и милой особой. Она, впрочемъ, отъ насъ изъ Фратештъ назначена въ Альтернацъ, куда переправленъ и врачъ М—въ. Теперь къ намъ во Фратешти на подмогу изъ Браилова послали Мордвинову (съ 4 курса), С—ва (ординатора Б—на) и еще тамъ много военныхъ врачей. Тамъ же раскидываетъ свои палатки 75-й военный госпиталь. Туровъ—офицеръ, про котораго спрашиваетъ Коля,—умеръ. Мнѣ жаль его чрезвычайно. Проф. Чудновскій со мной былъ сегодня очень любезенъ (онъ все еще во Фратештахъ), самъ ходилъ къ коменданту и просилъ, чтобы меня тотъ взялъ на санитарный поѣздъ и довезъ до Бухареста, потомъ объявилъ, что ночныя дежурства для насъ будутъ прекращены, такъ какъ это утомительно. Студентъ М—ій захворалъ и теперь находится въ Бухарестѣ,—поѣхалъ полѣчиться.

За этотъ мѣсяцъ со столькими пришлось познакомиться, столько видѣть новыхъ людей, сколько не приходилось до сихъ поръ во всю мою жизнь и сколько, вѣроятно, никогда не придется. Какъ я рада, что хоть на сутки вырвалась въ Бухарестъ, хоть сутки не буду сортировать. Меня интересуетъ, что завтра скажетъ Юнге; боюсь, что уѣхалъ, потому что мнѣ хотѣли изъ Краснаго Креста дать знать, если онъ еще здѣсь, и вотъ до сихъ поръ не давали, а теперь ужъ, кажется, есть 12 часовъ. Если его завтра увижу, то послѣзавтра напишу изъ Фратештъ. Всѣхъ крѣпко цѣлую. Пора ложиться спать,—завтра еще много предстоитъ дѣла. Какъ хорошо, что скоро Фратешти для меня существовать не будутъ,—«хоть горше, да пусть будетъ инше»,—а то одно и то же надоѣло. Петрова изъ Альтернаца просится опять во Фратешти... Но это должно быть потому, что въ Зимницу ея не посылаютъ,—только пообѣщали...

Письмо № 17-й пропущено.

№ 18-й. 20 сентября.

Совсѣмъ не расположена писать, потому что жду отвѣта отъ уполномоченнаго г. Рихтера; еще вчера должна была пріѣхать Маляревская *) и привезти отвѣтъ, а ея и сегодня еще нѣтъ,—жду на послѣднемъ поѣздѣ. Вчера получила письмо отъ брата Ивана, онъ тоже выслалъ мнѣ табаку, но я его, вѣроятно, не получу или, по крайней мѣрѣ, получу очень поздно, можетъ быть, на возвратномъ пути. Я уже писала тебѣ, что отъ Г. Н. Минха табакъ получила и мнѣ его хватитъ, навѣрно, до Рождества. Я думаю на войнѣ остаться до Рождества, провести его въ Москвѣ и потомъ поѣхать держать экзамены. Завтра получу жалованье и изъ него 7 золо-

---

*) Г-жа Маляревская (бывшая Каладѣева)—тогда студентка, теперь врачъ, имѣющій въ Петербургѣ заведеніе для психически больныхъ дѣтей.

тыхъ отдамъ Нестерову для передачи тебѣ, также пришлю съ нимъ ради курьеза серебряный рубль 11 года, $^3/_4$ рубля—не знаю, какого года, полтину и четвертакъ нынѣшняго года. Еслибы оставалась здѣсь, могла бы послать и больше половины своего жалованья, но такъ какъ приходится уѣзжать, и я не знаю, что со мною будетъ, то и посылаю только 7 золотыхъ. Мнѣ ужасно жаль няню *), хоть бы чѣмъ-нибудь утѣшить ее на послѣднихъ дняхъ жизни. Поцѣлуй ее за меня и купи ей что-нибудь, чего она захочетъ.

Нужно бы было описать Слободѣи съ ея баттареями, но... у меня руки не поднимаются, лѣнь ужасная, тѣмъ болѣе эти дни, когда я все время нахожусь въ ожидательномъ положеніи. Съ Зѣнцемъ посылаю свой термометръ, пожалуйста, все это получите. Правацовскій шприцъ тоже пришлю, только, должно быть, съ Нестеровымъ. Онъ уѣзжаетъ отсюда черезъ недѣлю; не знаю, самъ ли онъ зайдетъ, или пришлетъ вещи. Я съ Нестеровымъ какъ въ началѣ была, такъ и осталась въ хорошихъ отношеніяхъ. Сегодня у насъ происходило торжественное обметаніе и уборка нашего лагеря: проѣздомъ въ Зимницу былъ Павелъ Александровичъ (великій князь), очень юный и красивый. Собрались въ это время и врачи, и военные, и солдаты, такъ что была даже давка. Онъ пробылъ недолго (пока переносили въ коляску вещи изъ вагоновъ), а потомъ полевой инспекторъ г. Приселковъ тоже сдѣлалъ осмотръ, только уже болѣе подробный. Боюсь одного, что меня не утвердитъ у Бергмана Приселковъ, но, можетъ быть, Б. и не права. Если ѣду, завтра пошлю тебѣ открытое. Я послѣднее время писала тебѣ чуть ли не каждый день (хотя и безсодержательныя письма), теперь же этого не жди, теперь и письма будутъ идти дольше, и возможность посылать будетъ труднѣй.

№ 19-й. 23 сентября.

. . . . **)

Мнѣ некогда больше распространяться,—пришелъ транспортъ, сейчасъ сортировали, уже два часа ночи, кончили, впрочемъ, въ 12; завтра рано нужно вставать. Пишите пока сюда,—перешлютъ, если скоро уѣду. Думаю, что уѣду скоро, потому что проф. Чудновскій опять пріѣхалъ сюда, и Нестеровъ, навѣрное, завтра будетъ съ нимъ говорить о насъ. Что дѣлается съ Щулепниковой? Что дѣлается съ няней? Писемъ Катѣ послано 16, не считая посланныхъ Л. С., не считая и этого. Нестеровъ ѣдетъ черезъ 2—3 дня, съ нимъ посылаю и деньги, и платье. Завтра вечеромъ напишу въ Москву, если будетъ рѣшеніе нашей участи.

. . . . ***)

---

*) Ея няня старушка въ это время была больна при смерти.

**) Больше половины письма выпущено,—оно было напечатано въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

***) Эта часть опять выпущена,—она относится къ выпущенному началу письма.

№ 20-й. Студенткѣ Л. С. 24 сентября.

Сегодня получено здѣсь извѣстіе, что русскіе вошли въ Рущукъ и... тамъ не оказалось никого изъ турокъ—пустыя палатки. Въ Силистріи турки, дѣйствительно, перешли на нашу сторону, строятъ тамъ мостъ, и во Фраteштахъ нѣкоторое время господствовала паника, каждую ночь (ждали) посѣщенія башибузуковъ.

. . . . *)

У меня такъ много дѣла и мыслей, что не могу передавать все въ подробности. Сейчасъ уѣзжаю въ Систово, нужно писать по слѣдующему адресу: въ Дунайскую дѣйствующую армію, въ Болгарію (черезъ полевую почту), въ городъ Систово, въ военный госпиталь № 50-й. Я уже больше не принадлежу Красному Кресту, а съ нимъ вмѣстѣ проф. Х. и уполномоченному г. Рихтеру. Мой главный и непосредственный начальникъ г. Приселковъ.

Хотя въ этомъ письмѣ и мало интереснаго, все же лучше переслать въ Москву, потому что Катя теперь долго (т.-е. 3 дня) не получитъ отъ меня писемъ. Передайте мой поклонъ Марьѣ Григорьевнѣ и скажите, что я ей скоро буду писать. Я рада, что не придется зимовать въ вагонѣ, что̀ бы очень могло случиться, еслибъ я осталась здѣсь. Я уже больше не номерую писемъ, потому что окончательно сбилась, да и притомъ они всѣ, кажется, доходятъ. Что со Щулепниковой? Что съ ней? Мнѣ жаль ее до слезъ! Мнѣ мучительно даже вспомнить о ней, бѣдной, дорогой моей Шуркѣ! Хорошо, что я ея теперь не вижу. Однако, пора кончать, да увязывать послѣдній чемоданъ, пообѣдаю и ѣду (въ фурѣ Краснаго Креста). Жду программы по фармакологіи.

№ 21-й. Бухарестъ, 21 сентября.

Я теперь все время точно сумасшедшая: не имѣю ни минуты, чтобы написать тебѣ; послала сегодня открытое письмо, которое протаскала въ карманѣ цѣлыхъ два дня: не могла опустить въ ящикъ. Я вчера выѣхала изъ Фратештъ, послалъ меня проф. Чудновскій къ г. Рихтеру, чтобы получить отъ послѣдняго командировку въ Зимницу къ проф. Бергману, а буде этотъ уѣзжаетъ въ Россію—къ Л—у. Уполномоченный г. Рихтеръ бумагу дать обѣщалъ (я ее еще не получала), но говорятъ, не только Бергманъ, а и Л—ъ даже уѣзжаетъ,—да кромѣ того говорятъ, что въ Зимницѣ хуже Фратештъ, такъ что я начинала сожалѣть, что отказалась ѣхать въ Кишиневъ, куда меня посылалъ проф. Юнге. Представь же мое двойное удивленіе, когда я вдругъ узнаю, что Юнге въ Бухарестѣ и, взбираясь къ нему на лѣстницу въ гостиницу, вдругъ слышу, что меня кто-то окликаетъ; я въ первую минуту даже не узнала, когда увидѣла передъ собой В. Н. Китаева. Мы съ нимъ могли перекинуться только двумя-тремя словами, потому что я спѣшила къ проф. Юнге, а ему скоро нужно было обратно уѣзжать въ Зимницу. Онъ мнѣ тутъ еще больше наговорилъ о всѣхъ невзгодахъ пребыванія въ Зимницѣ, и я рѣшилась согласиться на Кишиневъ, если

---

*) Эта часть письма составляетъ продолженіе пропущеннаго.

мѣсто еще не занято. Я два раза ходила къ проф. Юнге, не заставая его, наконецъ застала, онъ принялъ чрезвычайно любезно и сказалъ, что уже назначилъ меня въ Систово, что ему нужно только повидать Приселкова, полевого инспектора для того, чтобъ я была утверждена. Онъ мнѣ сказалъ, что я тамъ буду жить въ домѣ (какое счастье, изъ-за одного этого можно было согласиться!), что больные будутъ помѣщаться въ двухъ домахъ на 70 человѣкъ, что я тамъ буду госпожа: могу дѣлать операціи, что если мнѣ въ чемъ-нибудь будетъ нехорошо, то чтобы я ему объ этомъ написала. Я согласилась на его предложеніе. Съ Нестеровымъ вмѣстѣ я выѣхала изъ Фратештъ, сегодня проводила его на желѣзную дорогу; онъ заѣдетъ только въ Одессу на сутки, а тамъ прямо въ Москву. Если ему не удастся быть у тебя (такъ какъ онъ спѣшитъ въ Питеръ), то онъ пригласитъ тебя къ себѣ и разскажетъ все въ подробности про наше житье-бытье. Мнѣ писать теперь больше некогда, потому что теперь поздно, а мнѣ завтра рано нужно ѣхать на желѣзную дорогу и встрѣтить полевого инспектора, г. Приселкова, съ которымъ нужно переговорить. Напиши Л. С., что отъ меня къ ней явится посланный, нѣкій студентъ Н. А. И., чрезвычайно симпатичная личность, который ей привезетъ обо мнѣ самыя свѣжія новости. Онъ уѣхалъ сегодня съ Нестеровымъ. Куда же ты теперь будешь мнѣ писать? Я на бѣду не знаю даже № госпиталя, въ которомъ буду находиться, но во всякомъ случаѣ попробуй написать въ Систово, черезъ полевую почту, до востребованія въ почтовое отдѣленіе,—а потомъ уже напишу и адресъ, можетъ быть, я его даже напишу изъ Фратештъ, гдѣ я, навѣрное, узнаю № госпиталя. Крѣпко васъ всѣхъ цѣлую. Оттуда буду писать чаще и аккуратнѣй, потому что тамъ буду удобнѣй устроена и дѣла будетъ меньше. Надѣюсь тамъ начать готовиться къ экзаменамъ. Систово—городъ, и тамъ, говорятъ, не въ примѣръ лучше Зимницы и Фратештъ. А ужъ какъ ко мнѣ добръ Юнге—и сказать не могу! наговорилъ массу похвалъ: «вы, вѣдь, говоритъ, у насъ лучшая изъ курса».

Неужели мнѣ не уйти отъ глазныхъ болѣзней? Неужели на свѣтѣ есть судьба, отъ которой не уйдешь?—Нѣтъ, самъ человѣкъ виноватъ, что идетъ на эту судьбу. Буду писать,—есть многое о чемъ разсказать.

Я перехожу въ Зимницу, если не къ проф. Бергману, который, говорятъ, уѣзжаетъ на зиму, то къ Л—у въ 47-й военный госпиталь. Уѣду я, должно быть, не завтра . . . .

. . . .

Ты пиши въ Зимницу или въ 57-й госпиталь къ проф. Бергману или 47-й къ Л—у.

№ 22-й. 22 сентября.

Послѣднее посланіе изъ дорогихъ Фратештъ. Мнѣ здѣсь жаль оставлять только сестеръ, которыя милѣйшія особы и съ которыми я очень сошлась. Карточку одной изъ нихъ пересылаю при этомъ письмѣ, потому что боюсь затерять, переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Вчера въ Бухарестѣ

я видѣлась съ Б., которая пріѣзжала туда за теплымъ платьемъ. Отъ нея узнала, что проф. Бергманъ ѣдетъ на дняхъ подъ Плевну на перевязочный пунктъ, можетъ быть, и меня бы взялъ съ собой, но... видно, ужъ не судьба. Какъ-то меня устроятъ въ Систовѣ! Еще разъ повторяю, что нужно мнѣ писать теперь въ Систово (ѣду туда сегодня, все уже уложено) въ военный госпиталь № 50-й; тотчасъ по полученіи этого письма потрудись переслать мнѣ мою теплую кофту, опушенную мѣхомъ,— ее привезла, должно быть, Лидія С. весной изъ Питера; если же она у нея, то напиши, чтобъ она мнѣ ее прислала.

. . . .

Не думай, чтобъ я себя такъ мучила работой, какъ ты предполагаешь: у меня есть благодѣтели, которые обо мнѣ заботятся: прежде былъ Нестеровъ, а теперь будетъ N., которому обо мнѣ сказалъ проф. Юнге.

Вчера ѣхала изъ Бухареста сюда съ В. Н. Китаевымъ, который третьяго дня не успѣлъ уѣхать. Сейчасъ въ мой вагонъ приходилъ нашъ новый уполномоченный К. и объявилъ мнѣ оффиціальный приказъ черезъ 2 часа быть готовой къ отъѣзду въ Систово.—Прощай Фратешти! Тебѣ напишу тотчасъ по пріѣздѣ въ Систово, т.-е. дня черезъ два, потому что не знаю еще, долго ли меня продержатъ въ Зимницѣ. Мнѣ здѣсь дали теплое казенное одѣяло и подушку, набитую морскою травой,—все это я везу съ собой.

Вещей у меня накопилась масса: два чемодана, сакъ-де-вояжъ и подушка съ одѣяломъ и плэдомъ. Погода отвратительная: дождь, грязь, сырость,—не жаль покидать Фратешти при такой обстановкѣ. Зѣнецъ остается до 15 октября, а, можетъ быть, и дольше. Всѣ наши профессора или уже уѣхали, или уѣзжаютъ.

Аму-Дарьинскіе кулаки передъ судомъ Шаріата и казіевъ *).

По нынѣ дѣйствующему Положенію объ управленіи Туркестанскаго края для туземнаго населенія послѣдняго учрежденъ народный судъ, вѣдѣнію котораго подлежатъ всѣ уголовныя дѣла, за исключеніемъ дѣлъ, особо перечисленныхъ въ ст. 141 Положенія объ управленіи Туркестана, и дѣлъ совершенныхъ въ предѣлахъ русскихъ поселеній или по отношенію къ русскимъ, и всѣ гражданскія дѣла, возникающія между туземцами, подсудными одному и тому же народному суду, если дѣла эти не основаны на документахъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей.

Какъ видитъ читатель, сфера дѣятельности этого народнаго суда весьма обширна. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ туземецъ можетъ появляться въ русскихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Жизнь огромнаго большинства населенія находится внѣ сферы вліянія русскаго суда.

Но что даетъ населенію этотъ судъ? Удовлетворяетъ ли онъ тому, что должно составлять задачу всякаго суда? Вопросы эти имѣютъ первенствующее значеніе, особенно если принять во вниманіе, что одной изъ главныхъ задачъ русской власти въ Туркестанѣ является «прочное, крѣпчайшее прикованіе его къ Россіи и постепенное органическое его сліяніе съ нею» (см. объяснит. зап. къ проекту Положенія 1867 г.). На указанные вопросы отвѣтить не легко. Трудность отвѣта заключается главнымъ образомъ въ томъ, что народные суды по туркестанскому положенію «должны разрѣшать подсудныя имъ дѣла на основаніи существующихъ обычаевъ». Обычаи же у туземцевъ разные. Есть кочевое киргизское населеніе, судъ котораго опирается на обычное право—*адатъ*, и

---

*) Считаю нужнымъ оговориться, что въ Туркестанскомъ краѣ нѣтъ суда казіевъ, а есть народный судъ осѣдлаго населенія. Употреблено же мною выраженіе „казіевъ“, во-первыхъ, для краткости, а во-вторыхъ, потому еще, что существующій въ Бухарѣ и Хивѣ судъ казіевъ руководствуется тѣми же положеніями Шаріата и обычаемъ, какъ и народный судъ осѣдлаго населенія въ Русскомъ Туркестанѣ.

есть осѣдлое населеніе, судъ котораго опирается на писанное мусульманское право—*шаріатъ*. Изучить какъ киргизское обычное право, такъ и мусульманское—дѣло не легкое. А между тѣмъ только подробное знакомство съ адатомъ и шаріатомъ, а также знакомство съ тѣмъ, поскольку адатъ и шаріатъ руководятъ дѣятельностью народныхъ судовъ—могутъ дать возможность опредѣлить роль и значеніе этихъ судовъ въ жизни четырехмилліоннаго населенія Русскаго Туркестана.

Въ предлагаемой читателю статьѣ я дѣлаю попытку взглянуть съ указанной точки зрѣнія на роль народнаго суда осѣдлаго населенія, т.-е. суда по шаріату, въ сферѣ тѣхъ отношеній между туземцами, которыя, непосредственно вытекая изъ жизни населенія, порождаютъ соціальное зло, именуемое ростовщичествомъ. Позволю себѣ надѣяться, что трудъ, потраченный мною на такой анализъ, будетъ небезполезенъ.

I.

Осенью 1894 года ко мнѣ, какъ временно исполнявшему въ то время обязанности завѣдывающаго шураханскимъ участкомъ, явилось пять узбековъ Шейхъ-Аббасъ-Валійской волости съ жалобой на обременительность лежащихъ на нихъ долговыхъ обязательствъ къ разнымъ лицамъ. Желая выяснить подробно эту жалобу, я опросилъ каждаго должника и каждаго кредитора. Собранные этимъ опросомъ данныя не лишены интереса, а потому я и познакомлю съ ними читателя. Для удобства сравненія показаній должниковъ и кредиторовъ цифровыя данныя этого опроса я привожу въ слѣдующей таблицѣ.

Въ приведенныхъ данныхъ замѣчается нѣкоторое разногласіе между показаніями должниковъ и кредиторовъ. Эти разногласія однако кажущіяся. Попытаюсь разъяснить это.

Самое крупное разногласіе замѣчается въ сдѣлкахъ 1, 2, 3, 7, 9, 10, 11 и 12. Должники указываютъ, что они получили ссуду тиллями, т.-е. хивинскою монетой, а кредиторы говорятъ, что они выдали русскою монетой. Происходитъ это разногласіе отъ того, что кредиторы въ своихъ показаніяхъ опирались на имѣющіеся у нихъ документы, а должники указывали на дѣйствительность. Слова послѣднихъ болѣе справедливы. Дѣло въ томъ, что среди населенія всего Аму-Дарьинскаго понизовья болѣе распространена въ обращеніи хивинская монета. Русская же до того мало знакома, что туземцы при продажѣ продуктовъ своего хозяйства назначаютъ цѣну теньгой и очень часто отказываются получать рубли и двугривенные, не зная цѣнности послѣднихъ. Поэтому несомнѣнно, что и въ ссуду даются теньги, а не двугривенные. Кредиторы же проставляютъ въ долговыхъ документахъ русскую монету, переводя выданныя теньги по номинальной ихъ стоимости. Понятно, что и при взысканіяхъ они стремятся получить долгъ обратно русскою монетой, которая размѣнивается въ теньгу по курсу, а это значитъ, что должникъ, получивъ отъ креди-

№№ по пор. долг. сдѣл.	№№ по пор. должниковъ.	Имена должник.	№№ по пор. кредиторовъ.	Имена кредитор.	Показанія должниковъ. Когда заключена сдѣлка. год.	Размѣръ долга. тил.	Величина уплаты процент. продукт. хозяйства (хлопк.)	Цѣна 1 батм. хлоп. тил.	Денежная стоимость уплачиваемыхъ натурою процентовъ. тил.	Размѣръ процент.	Показанія кредиторовъ. Когда заключена сдѣлка. год.	Размѣръ долга.	Величина уплаты процент. продукт. хозяйства.	Цѣна 1 батм. хлоп.	Денежная стоимость уплачиваемыхъ натурою процентовъ.	Размѣръ процент.
1	1	Бекмагом.	1	Васра Макс.	1891	100	20	2	40	40%	1891	180 руб.	20	2 р. 61 к.	52 р. 20 к.	29%
2	—	Полваніяз.	2	Сагырчи. . .	1891	80	16	2	32	40 „	1891	144 „	16	2 „ 61 „	41 „ 76 „	29 „
3	2	Курбаніязъ-Тангрибергеп.	1	Сагырчи. . .	1891	52	10¼ батмановъ хлопка.	2	20½	39,4 „	1891	76 „	10¼ батмановъ хлопка.	2 „ 61 „	26 „ 75 „	35,2 „
4	—		2	Тангриб.-бай.	1891	32	6	2	12	37,5 „	1892	32 тил.	6	2 тилли.	12 тилли.	37,5 „
5	—		3	Ваисъ Чопка.	1891	10	2	2	4	40 „	1891	10 „	2	2 „	4 „	40 „
6	—		4	Ирджанъ . .	1891	10	2	2	4	40 „	1891	10 „	2	2 „	4 „	40 „
7	3	Ханмухам.	1	Сеитъ . . .	1891	80	—	—	8	10 „	1893	158 р. 40 к.	без процентовъ.			
8	—	Уразмухам.	2	Ходжамбай .	1891	20	безъ проц.	кредиторъ родст.			кредиторъ не опрошенъ.					
9	4	Раманкулъ	1	Сагырчи. . .	1891	100	20	2	40	40 „	1891	180 руб.	20	2 р. 61 к.	52 р. 20 к.	29 „
10	—	Курбаніяз	2	Валикеневъ .	1891	100	20	2	40	40 „	1891	180 „	20 батмановъ.	2 „ 61 „	52 „ 20 „	29 „
11	5	Абдулла	1	Васра Макс.	1891	20	5	2	10	50 „	1891	10 тил. 45 руб.	— 4	— 2 „ 61 „	2 тилли. 10 р. 44 к.	20 „ 23,2 „
12	—		2	Сагырчи . .	1891	30	6 батман. хлопка.	2	12	40 „	1891	54 „	6	2 „ 61 „	15 „ 66 „	29 „
13	—	Джумаш.	3	Разумет.-бай.	1891	10	2½	2	5	50 „	кредиторъ не опрошенъ.					
14	—		4	Тангриб.-бай.	1891	20	-	—	2	10 „	1892	36 тил.	безъ процент.			

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. 1 батманъ равенъ 100 фунтамъ.
2. 1 тилли равна 9 теньгамъ, 1 теньга номинально равна 20 к. Въ таблицѣ 1 теньга принята равной по рыночному курсу 14,5 копейки.
3. Хлопокъ вездѣ показанъ неочищенный, а въ коробочкахъ (гуза по мѣстному). 100 фунтовъ гузы даютъ отъ 15 до 18 фунтовъ чистаго хлопка.
4. Въ показаніяхъ должниковъ принята минимальная цѣна хлопка по ихъ показаніямъ, а въ показаніяхъ кредиторовъ эта же цѣна перев. по курсу на русск. монету.
5. Сдѣлки 1, 2, 3, 9, 10, 11 и 12 обезпечены залогомъ земель.

тора теньгой 100 тил., долженъ ему уже не 100 тил., а $136^2/_3$ тилли, считая курсъ теньги въ 14,5 копеекъ. Такъ какъ долговыя обязательства совершаются обыкновенно па годъ *), то при уплатѣ долга кредиторъ кромѣ обусловленныхъ процентовъ хлопкомъ въ размѣрѣ 40% по показаніямъ должниковъ или 29% по показаніямъ кредиторовъ, получитъ еще $36^2/_3$% прибыли на курсовой разницѣ.

Это разногласіе въ показаніяхъ должниковъ и кредиторовъ весьма характерно. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что русская монета показана главнымъ образомъ узбеками Сагырчи и Васра Максумомъ, изъ которыхъ должниками перваго являются четыре изъ опрошенныхъ пяти лицъ, а должниками второго—двое. Поэтому можно смѣло признать этихъ узбековъ типичными ростовщиками, занимающимися этимъ дѣломъ въ видѣ промысла, а стало быть и стремящимися къ возможно-большей наживѣ. Однимъ изъ средствъ полученія такой наживы и является взиманіе денегъ не хивинской монетой, а русской.

Дальнѣйшее разногласіе замѣчается въ сдѣлкахъ 7-й и 14-й. По показаніямъ должниковъ, обѣ эти сдѣлки—десятипроцентныя. Кредиторы же говорятъ, что сдѣлки эти безпроцентны **). Но нужно замѣтить, что сумма долга по 7-й сдѣлкѣ показана кредиторомъ не въ 80 тиллей, а въ 158 руб. 40 к., а по 14-й — не въ 20, а въ 36 тиллей. Такъ какъ 80 тиллей по курсу равны 102 руб. 85 к., то стало быть въ 7-й сдѣлкѣ сумма долга увеличена кредиторомъ при годичномъ срокѣ на 54%, а по 14-й сдѣлкѣ—па 80%. Кромѣ того, въ обѣихъ этихъ сдѣлкахъ есть разница въ показаніяхъ времени заключенія ихъ. Поэтому можно полагать, что документы на эти сдѣлки переписаны на новые сроки и основная сумма долга увеличена наросшими процентами. Слѣдовательно нельзя эти сдѣлки считать безпроцентными.

Разногласіе въ указаніи времени заключенія сдѣлокъ замѣчается еще въ 4-й сдѣлкѣ, хотя здѣсь причина скорѣе всего не въ пересоставленіи документа, а въ неточномъ опредѣленіи должникомъ времени заключенія сдѣлки. Должники въ своихъ показаніяхъ мнѣ говорили, что они взяли деньги «три года тому назадъ». Опросъ я производилъ въ ноябрѣ 1894 г. Для простого человѣка, а тѣмъ болѣе безграмотнаго туземца, «три года тому назадъ» могло быть и въ февралѣ 1892 г. Поэтому это разногласіе можно считать также только кажущимся.

Только въ показаніяхъ о сдѣлкѣ 11-й замѣчаемое разногласіе я отказываюсь объяснить.

Такимъ образомъ, показанія должниковъ и кредиторовъ обо всѣхъ сдѣлкахъ, за исключеніемъ 11-й, можно считать тождественными. Это весьма важно. Нужно замѣтить, что я производилъ опросъ должниковъ и креди-

*) Какимъ образомъ происходитъ отсрочка платежа, буду говорить ниже, освѣщая эти долговыя обязательства съ точки зрѣнія мусульманскаго права.

**) Ниже я объясню, почему кредиторы, опираясь на текстъ документа, считаютъ долговыя обязательства безпроцентными.

торовъ, во-первыхъ, какъ чиновникъ полиціи, а во-вторыхъ — по просьбѣ должниковъ, жаловавшихся на обременительность долговыхъ обязательствъ. Поэтому можно было бы ожидать, что должники станутъ усугублять свое положеніе, а кредиторы, наоборотъ, смягчать свои хищническія операціи. Ни того, ни другого не замѣчается. Показанія кредиторовъ вполнѣ подтверждаютъ показанія должниковъ. И тѣ, и другіе приложили всѣ старанія, дабы выяснить истинное положеніе дѣлъ.

Перечисляя разногласія, я не упомянулъ о разности въ опредѣленіи размѣра годовыхъ процентовъ по сдѣлкамъ 1-й, 2-й, 3-й, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й, ибо эта разность происходитъ отъ того, что мною для показаній кредиторовъ взята стоимость хлопка въ переводѣ на русскую монету по курсу въ 14,5 коп. теньга. Если же взять номинальную стоимость теньги, т.-е. 20 коп., то никакой разности въ опредѣленіи размѣра процентовъ не будетъ. Исключеніе представитъ лишь 3-я сдѣлка, размѣръ процентовъ которой по показанію кредитора будетъ выше, чѣмъ по показанію должника, потому что кредиторъ обозначилъ въ документѣ долгъ въ 76 руб., тогда какъ 52 тилли по номинальной цѣнѣ составляютъ 93 руб. 60 коп.

Тождественность показаній должниковъ и кредиторовъ, устанавливаемая всѣми вышеизложенными соображеніями, позволяетъ взглянуть на приведенную выше таблицу какъ на одно цѣлое.

Данныя этой таблицы приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Большая часть долговыхъ обязательствъ обусловливается уплатою процентовъ за ссуду хлопкомъ, цѣнность котораго составляетъ не менѣе 29% выданнаго въ долгъ капитала. Такой процентъ вполнѣ ростовщическій. Но взиманіемъ такихъ большихъ процентовъ мѣстные кулаки не ограничиваются. Въ составляемыхъ долговыхъ документахъ они увеличиваютъ размѣръ долга, проставляя вмѣсто хивинскихъ тиллей русскіе рубли по номинальной стоимости, которая давно уже замѣнилась курсовой. Кромѣ того, опытные ростовщики выдачу денегъ въ долгъ обезпечиваютъ залогомъ земель *). Наконецъ, имѣются и простыя денежныя сдѣлки съ уплатою небольшихъ процентовъ деньгами же.

Такимъ образомъ разборъ 12 долговыхъ сдѣлокъ даетъ возможность сказать, что аму-дарьинскіе кулаки даютъ деньги въ ростъ съ уплатою процентовъ деньгами или хлопкомъ подъ простыя расписки или подъ залогъ земель и даютъ въ долгъ хивинскую теньгу, а взыскиваютъ долги русской монетой, выручая на этой операціи до 36%.

II.

Въ русской литературѣ о Средней Азіи имѣются указанія на существованіе ростовщичества въ краѣ. Г. Арендаренко въ 1877 г. посвятилъ этому

---

*) Этимъ залогамъ земель я посвящу особую главу, въ которой постараюсь выяснить, что̀ представляютъ собою эти операціи.

вопросу отдѣльную статью *), въ которой ростовщиками онъ считаетъ исключительно индійцевъ и евреевъ (см. стр. 346), ссылаясь на то, что Кораномъ запрещено брать проценты за ссуду. Администрація также все время видѣла ростовщиковъ въ лицѣ индійцевъ, татаръ и евреевъ. Радѣя объ интересахъ народа, К. П. Кауфманъ предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ противъ ростовщиковъ индійцевъ, чѣмъ значительно уменьшилось число послѣднихъ. Преслѣдуя ту же цѣль, мѣстное Положеніе воспрещаетъ всѣмъ лицамъ нехристіанскихъ исповѣданій, за исключеніемъ туземцевъ, пріобрѣтать недвижимыя имущества въ краѣ. Всѣ эти мѣры, направленныя противъ незначительнаго числа лицъ, занимающихся ростовщичествомъ, не достигаютъ, однако, цѣли, ибо кромѣ индійцевъ, евреевъ и татаръ у насъ имѣются свои кулаки. Подобно тому, какъ въ Россіи стали нарицательными именами Колупаевы и Разуваевы, въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ можно нарицательными именами считать Васра Максума и Сагырчи.

Но какъ можетъ существовать ростовщичество у мусульманъ, если Коранъ запрещаетъ лихву?

Попытаюсь установить сначала взглядъ Корана и основаннаго на немъ Шаріата на ростовщичество, а затѣмъ остановлюсь на разсмотрѣніи вопроса, какими путями обходятся строгія постановленія Шаріата.

Въ Коранѣ относящимися къ разсматриваемому вопросу имѣются слѣдующія суры **):

«Вѣрующіе, не будьте жадны къ лихвѣ, удвоивая ее до двойного количества; бойтесь Бога и, можетъ быть, будете счастливы (глава 3, сура 125).

«Тѣ, которые жадны къ лихвѣ, воскреснутъ такими, какими воскреснутъ тѣ, которыхъ обезумѣлъ сатана своимъ прикосновеніемъ. Это будетъ имъ за то, что они говорятъ: «лихва то же, что прибыль въ торговлѣ». Но Богъ позволилъ прибыль въ торговлѣ, а лихву запретилъ. Тотъ, къ кому придетъ это наставленіе, и онъ будетъ воздержанъ, тому будетъ за то списхожденіе: дѣятельность его передъ Богомъ. А тѣ, которые обратятся къ прежнему,—тѣ будутъ страдальцами въ огнѣ и въ немъ останутся вѣчно (глава 2, сура 276).

«Богъ выводитъ изъ употребленія лихву, но лишшую силу даетъ милостынямъ... (глава 2, сура 277).

«Вѣрующіе, бойтесь Бога и оставьте то, что достается вамъ лихвой, если вы вѣрующіе (глава 2, сура 278).

«Если не сдѣлаете того, то знайте, что у Бога и посланника Его война съ вами. Но если вы покаетесь, то въ вашихъ рукахъ останется капиталъ. Не обижайте другихъ и сами не будете обижены (глава 2, сура 279).

«Если онъ человѣкъ, отягощенный бѣдностью, то ждите, когда его состояніе улучшится; но обращеніе вами *долга* въ милостыню будетъ лучше для васъ, еслибы знали» (глава 2, сура 280).

---

*) *О кредитѣ у туземцевъ* см. *Досуги въ Туркестанѣ*, стр. 340 и проч.

**) Цитаты изъ Корана беру по переводу Саблукова.

Эти выписки изъ Корана вполнѣ ясно указываютъ, что исламъ въ своемъ первоисточникѣ запрещаетъ лихву, ростовщичество, и грозитъ муками ада тѣмъ, кто беретъ лихву.

Въ той же второй главѣ Корана непосредственно за сурами о лихвѣ есть суры, посвященныя вопросу о долгахъ. Такъ какъ эти суры легли въ основу постановленій Шаріата о ссудѣ (аріатъ) и закладѣ (раганъ—rhan), то я приведу ихъ цѣликомъ:

«Вѣрующіе, когда вы другъ у друга дѣлаете долги на срочное время, то давайте росписки въ томъ; писецъ между вами долженъ написать росписку вѣрно; писецъ не долженъ отказываться написать ее,—какъ Богъ научилъ его, такъ пусть и пишетъ. Тотъ, кто занимаетъ, пусть диктуетъ, но долженъ бояться Бога, Господа своего, и ничего не убавлять изъ того, что занимаетъ. Если тотъ, кто занимаетъ, не разсудителенъ, или слабъ здоровьемъ, или самъ диктовать не можетъ, тогда пусть другъ его диктуетъ вѣрно. Для засвидѣтельствованія пусть призовутъ двухъ свидѣтелей изъ мужчинъ между вами; а если двухъ мужчинъ не будетъ, то пусть будутъ свидѣтелями мужчина и двѣ женщины, какихъ вы заблагоразсудите для того, чтобы, когда одна изъ нихъ ошибется, другая которая-либо изъ нихъ напомнила. Свидѣтели не отказывались бы, когда призываемы будутъ. Не пренебрегайте въ роспискѣ о немъ (о долгѣ или о займѣ), большой ли, малый ли будетъ онъ,—прописывать срокъ его. Это будетъ самое справедливое передъ Богомъ, удобнѣйшее для засвидѣтельствованія и наилучшее для устраненія вашихъ сомнѣній. Но если будутъ между вами какіе-либо на лицо торговые обороты, то на васъ не будетъ вины, если вы не будете давать росписокъ въ нихъ. Поставьте свидѣтелей, когда дѣлаете условія между собой и ни писецъ, ни свидѣтель не были бы стѣсняемы; если же такъ поступите, то это будетъ вашимъ законопреступнымъ поступкомъ. Бойтесь Бога; Богъ научилъ васъ, Богъ всевѣдущій (глава 2, сура 282).

«Если вы будете въ дорогѣ и не найдете писца, тогда берутся залоги. И если кто-либо изъ васъ поручитъ что другому, то тотъ, кому оно поручено, долженъ возвратить полученное имъ, долженъ бояться Бога, Господа своего. Не скрывайте свидѣтельства своего; кто скроетъ его, у того сердце коварное, а Богъ знаетъ, что дѣлаете вы» (глава 2, сура 283).

Изъ сопоставленія только что приведенныхъ цитатъ Корана явствуетъ, что исламъ, допуская возможность долговыхъ обязательствъ между правовѣрными, запрещаетъ ссужателямъ взимать проценты съ ссужаемыхъ. Такимъ образомъ, на религіозной почвѣ ислама ростовщичество никоимъ образомъ существовать не можетъ. А между тѣмъ изъ данныхъ, приведенныхъ въ предыдущей главѣ, видно, что ростовщичество у мусульманъ Аму-Дарьинскаго понизовья развито очень хорошо.

Быть можетъ, этому развитію способствовалъ Шаріатъ, въ основу котораго положены не только Коранъ, но также и хадисы пророка Мухаммеда. Поэтому необходимо взглянуть, какъ смотритъ на ростовщичество Шаріатъ.

III.

Изъ приведенныхъ выше суръ Корана (276—280, глава 2) ясно видно, что лихвой Мухаммедъ считалъ прибыль, получаемую при взысканіяхъ долговыхъ обязательствъ. Особенно это замѣтно изъ суры 280, гдѣ прямо рекомендуется прощать долги, обращая ихъ въ милостыню, разъ должникомъ является человѣкъ, отягощенный бѣдностью. Шаріатъ вноситъ совершенно иное понятіе о лихвѣ, опираясь на хадисѣ пророка: «продавайте золото за золото изъ рукъ въ руки въ одинаковыхъ по вѣсу количествахъ, ибо *всякое неравенство въ вѣсѣ есть лихва»* *). На основаніи этого хадиса Шаріатомъ введено слѣдующее опредѣленіе термина риба (лихва). «Риба на языкѣ закона означаетъ излишекъ, сравнительно съ законною мѣрой или вѣсомъ въ одномъ изъ двухъ однородныхъ предметовъ (опредѣляемыхъ мѣрами вѣса или емкости) противополагаемыхъ другъ другу въ договорѣ обмѣна, въ которомъ такой излишекъ выговоренъ какъ обязательный для одной изъ сторонъ, безъ эквивалента, т.-е. безъ противоположенія ему чего-либо. Посему, напримѣръ, продажа двухъ мѣръ ячменя за одну мѣру пшеницы не составляетъ лихвы, такъ какъ эти предметы не однородны. Продажа десяти локтей гератскаго сукна за пять локтей гератскаго сукна не есть лихва, такъ какъ, хотя эти предметы однородны, но они не опредѣляются вѣсомъ или мѣрами емкости» **).

Такое понятіе о лихвѣ далеко не то, что подразумѣваемъ мы, говоря о лихвенныхъ ростовщическихъ процентахъ, не то, что разумѣетъ наше законодательство. Въ Сводѣ Законовъ изд. 1857 г. есть статья точно опредѣляющая взглядъ законодателя на лихву. «Взиманіе роста въ количествѣ свыше узаконеннаго именуется *лихвой* (см. т. X, ст. 2021, изд. 1857 г.). По закону 1857 г. узаконеннымъ процентомъ считалось 6%. Законъ о ростовщичествѣ 24 мая 1893 г. считаетъ чрезмѣрнымъ ростъ, превышающій 12%. Таково понятіе нашего закона о лихвѣ, ростовщичествѣ.

Разсматривая аму-дарьинское ростовщичество съ этой точки зрѣнія, надобно оставить въ сторонѣ всѣ постановленія Шаріата, изложенныя въ главѣ о рибѣ и въ книгѣ о продажѣ—сарфъ, трактующей объ обмѣнѣ денегъ (о мѣнялахъ) и поискать другихъ постановленій Шаріата, касающихся разбираемаго вопроса.

Такія постановленія изложены въ книгѣ объ *аріатъ* или ссудѣ.

Нужно замѣтить, что мусульманскому праву знакомы пять формъ нахожденія имущества не въ рукахъ собственника. Формы эти слѣдующія *музоріатъ*,—передача земли въ пользованіе изъ доли урожая, *иджоратъ*—аренда, передача земли въ пользованіе за опредѣленную плату деньгами или продуктами хозяйства, *раганъ (rhan)*—залогъ имущества въ обез-

*) См. Хидая изд. Гродекова, т. II, стр. 323 (курсивъ мой). *Хидая. Комментаріи мусульманскаго права.* Т. I, II, III и IV. Переводъ съ англійскаго подъ редакц. Н. И. Гродекова. Ташкентъ, 1893 г.

**) См. Хидая, т. II, стр. 273.

печеніе долга, *аріатъ*—передача имущества въ ссуду для пользованія, и *вадіатъ*—поклажа, передача имущества на сохраненіе.

Хивинскіе казіи для опредѣленія взаимныхъ отношеній между этими формами временнаго нахожденія имущества не въ рукахъ собственника составили слѣдующую формулу. Музоріатъ, раганъ и вадіатъ не переходятъ въ другія изъ вышеуказанныхъ формъ, иджоратъ переходитъ только въ иджоратъ, аріатъ и вадіатъ, а аріатъ—только въ аріатъ и вадіатъ.

О музоріатѣ и иджоратѣ я говорю въ моей статьѣ *Земледѣліе и землевладѣніе въ Туркестанскомъ участкѣ* *); вадіатъ, какъ договоръ о поклажѣ, не относится къ ростовщичеству; остаются договоры объ аріатѣ и раганѣ; на нѣкоторыхъ сторонахъ ихъ я и остановлюсь въ настоящей статьѣ.

«Аріатъ означаетъ *безвозмездное* предоставленіе пользованія» **). Это уже одно указываетъ, что Шаріатъ слѣдуетъ ученію Корана, запрещающему лихву. Даже больше: Шаріатъ запрещаетъ не только лихву, но и всякую прибыль отъ передачи какого-либо имущества въ ссуду. Договоръ аріатъ считается заключеннымъ, какъ только ссужатель скажетъ: «я далъ тебѣ это въ ссуду», или, въ случаѣ передачи земли: «я далъ тебѣ ѣсть отъ этой земли» ***). Расторгается же договоръ обратнымъ требованіемъ ссуженой вещи. Устанавливая безвозмездность ссудъ, Шаріатъ, кромѣ того, слагаетъ съ ссудопринимателя всякую отвѣтственность, если ссуженая вещь погибнетъ въ рукахъ ссудопринимателя безъ всякаго съ его стороны правонарушенія. Это весьма характерно.

Не касаясь всѣхъ подробностей договора о ссудѣ, остановлюсь на взглядѣ Шаріата на ссуду денегъ. Вотъ подлинный текстъ комментарія по этому вопросу. «Ссуда дарагимовъ и динаровъ и предметовъ, измѣряемыхъ мѣрами емкости, вѣса и длины, разсматривается съ точки зрѣнія карза ****). Это основано на томъ началѣ, что аріатъ есть предоставленіе пользованія (даннымъ въ ссуду имуществомъ), а такъ какъ въ отношеніи этихъ предметовъ не можетъ быть пользованія безъ израсходованія самихъ предметовъ, то предоставленіе пользованія должно быть разсматриваемо какъ предоставленіе самаго предмета пользованія. Но этого рода предоставленіе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ точекъ зрѣнія: даренія или ссуды (карзъ, а не аріатъ). Въ данномъ случаѣ, однако, слѣдуетъ разсматривать этотъ актъ какъ ссуду, потому ли, что ссуда болѣе вѣроятна,

---

*) Печатается въ *Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области.*

**) Хидая, т. III, стр. 228.

***) Ibidem, стр. 229.

****) Въ подстрочномъ примѣчаніи говорится: „Въ разговорномъ языкѣ аріатъ и карзъ употребляются безразлично для обозначенія ссуды, но законъ различаетъ оба выраженія. Аріатъ говоритъ о вещахъ, которыя, будучи отданы въ ссуду, возвращаются, какъ были даны, а карзъ—о вещахъ, которыя сами не возвращаются, а замѣняются одинаковымъ количествомъ подобныхъ же вещей“ (см. Хидая, т. III, стр. 233).

чѣмъ дареніе, или потому, что предметъ ссуды двоякій: именно—пользованіе вещью и возвращеніе этой самой вещи, а при ссудѣ разсматриваемыхъ вещей допускается возвращеніе эквивалента вмѣсто самихъ вещей. Законовѣды, однако, замѣчаютъ, что сказанное основано на предположеніи безусловной ссуды; ибо еслибъ она была ограничена (какъ, наприм., когда кто-либо даетъ другому въ ссуду извѣстное количество дарагимовъ для выставленія въ лавкѣ съ цѣлью привлечь покупателей, убѣжденныхъ, что имѣютъ дѣло съ богатымъ купцомъ), то это не былъ бы карзъ, а аріатъ, въ виду чего ссудоприниматель не вправѣ пользоваться вещью иначе, чѣмъ установлено. Здѣсь оказывается тотъ же случай, какъ еслибы кто-либо взялъ въ ссуду вазу или мечъ для украшенія своей лавки» *).

Хотя нѣкоторыя мѣста этой тирады не удобопонятны (вѣроятно отъ того, что русскій переводъ Хидая сдѣланъ съ англійскаго, англійскій съ персидскаго и только персидскій съ подлинника на арабскомъ языкѣ), но, тѣмъ не менѣе, можно видѣть, что ссуда денегъ и другихъ предметовъ, «измѣряемыхъ мѣрами емкости, вѣса и длины», составляетъ карзъ, т.-е. такую форму ссуды, когда по требованію ссудодателя возвращается не тотъ самый предметъ, данный въ пользованіе, а другой эквивалентный взятому въ ссуду. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ слову карзъ на примѣрѣ приведена разница между аріатомъ и карзомъ. «Если кто-либо, взялъ книгу, прочтетъ ее и возвратитъ, то это есть аріатъ; но если кто-либо возьметъ у другого сто дарагимовъ и, истративъ ихъ, возвратитъ другую сотню дарагимовъ, то мы имѣемъ дѣло съ карзомъ» **).

Казій, съ которымъ я бесѣдовалъ о различныхъ вопросахъ Шаріата, указалъ мнѣ на слѣдующее различіе карза и аріата. Всякую вещь можно взять или въ аріатъ, или въ карзъ. Но если безъ вины ссудопринимателя вещь эта погибнетъ, то взявъ ее въ аріатъ ссудоприниматель не отвѣтственъ въ ея гибели, а взявъ въ карзъ—отвѣтственъ и долженъ возвратить эквивалентъ этой вещи или въ видѣ стоимости ея, или въ видѣ другой такой же вещи. Такимъ образомъ карзъ (по-русски—долгъ)—разновидность ссуды (аріата), а стало быть по основному положенію Шаріата безвозмезденъ.

На безвозмездность ссуды деньгами указываетъ еще слѣдующій комментарій Шаріата: «Ссуда денегъ путемъ сифитжи не одобряется. Сифитжа непристойна, т.-е. отдача вещи въ ссуду, съ условіемъ освобожденія ссудодателя отъ опасностей пути. Какъ, напримѣръ, когда кто-либо дастъ вещь въ видѣ ссуды, вмѣсто поклажи, купцу для того, чтобы онъ доставилъ таковую его другу, живущему въ другомъ мѣстѣ. Непристойность здѣсь объясняется тѣмъ, что ссуда сопровождается выгодою, такъ какъ освобождаетъ ссудодателя отъ опасности пути, а пророкъ запретилъ намъ получать выгоду отъ ссуды» ***).

*) Хидая, т. III, стр. 233—234.
**) См. Хидая, т. III, стр. 233.
***) Ibidem, т. II, стр. 371.

А разъ Шаріатъ не одобряетъ ссудодателя, желающаго получить выгоду избѣжаніемъ опасностей пути для доставленія денежной ссуды пріятелю, то тѣмъ болѣе онъ долженъ порицать и даже запрещать выгоду отъ карза въ видѣ процентовъ за ссуженный капиталъ. Да такъ оно и есть въ дѣйствительности. Шураханскіе казіи не разъ говорили мнѣ, что Шаріатъ запрещаетъ взиманіе процентовъ.

Единственное мѣсто книги Хидая объ аріатѣ могло бы дать поводъ считать ссуду денегъ не безвозмездной, это—обязанность ссудопринимателя нести расходы по возвращенію ссуды. Но комментаторъ мусульманскаго права считаетъ эту обязанность просто логическимъ послѣдствіемъ. Ссудоприниматель пользуется вещью, которую онъ обязанъ возвратить собственнику, а стало быть онъ же обязанъ и нести расходы по возвращенію ссуды.

Такимъ образомъ расходы по возвращенію ссуды нельзя считать ростомъ, который и по Корану и по Шаріату запрещенъ.

IV.

Приведенныя выше законоположенія мусульманскаго права показываютъ, что существующіе въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ ростовщики или находятся подъ покровительствомъ такихъ правовыхъ положеній, которыя выработаны современными условіями жизни, но не вошли еще въ сборники Шаріата, извѣстные намъ въ переводѣ, или же, въ случаѣ отсутствія новыхъ правовыхъ положеній, совершается какой-либо обходъ Шаріатныхъ постановленій.

Чтобы выяснить это, обращусь къ разсмотрѣнію долговыхъ документовъ.

На основаніи данныхъ, приведенныхъ въ первой главѣ настоящаго очерка, я раздѣлилъ всѣ ростовщическія сдѣлки на слѣдующія формы: выдача денегъ съ уплатою прецентовъ деньгами, выдача денегъ съ уплатою процентовъ хлопкомъ, выдача денегъ хивинской теньгой съ возвращеніемъ долга русскими деньгами и, наконецъ, выдача денегъ подъ залогъ земель съ уплатою процентовъ хлопкомъ. Простѣйшей формой является первая—выдача денегъ въ ссуду съ уплатою условленныхъ процентовъ деньгами же. Строго слѣдуя завѣту Мухаммеда, изложенному въ сурѣ 282, глава 2, кредиторы берутъ съ должниковъ расписки, свидѣтельствуя ихъ у народныхъ судей. Это засвидѣтельствованіе расписки производится слѣдующимъ порядкомъ. Уговорившись объ условіяхъ долгового обязательства, стороны составляютъ долговой документъ, который должникъ несетъ къ казію. Послѣдній задаетъ должнику нѣсколько провѣрочныхъ вопросовъ и затѣмъ удостовѣряетъ документъ своею печатью, взимая при этомъ въ свою пользу особый сборъ (муряна). Получивъ документъ, должникъ идетъ къ кредитору, отъ котораго въ обмѣнъ на документъ получаетъ деньги. Въ этихъ документахъ ни о какихъ процентахъ рѣчи нѣтъ, а вписывается только сумма долга *).

*) Текстъ такого документа я приведу ниже, въ VII главѣ, когда буду разсматривать одну сдѣлку кабальнаго характера.

Обыкновенно такіе документы обусловливаются годичнымъ срокомъ и потому заимодавецъ обозначаетъ въ документѣ не ту сумму, которую онъ выдалъ должнику, а ту, которую онъ долженъ получить съ наросшими на нее процентами *). Выдавая, напримѣръ, 10 тиллей на годъ съ уплатою 10%, кредиторъ въ документѣ обозначаетъ сумму долга въ 11 тиллей (10 тиллей+1 тилля процентовъ). Съ формальной стороны такіе документы не представляютъ нарушенія Шаріата, хотя фактически законоположенія мусульманскаго права, воспрещающаго получать выгоду отъ ссудъ, являются нарушенными.

Точно такая же формальность соблюдается и при долговыхъ обязательствахъ, проценты по которымъ уплачиваются хлопкомъ. Въ такихъ сдѣлкахъ или условіе объ уплатѣ процентовъ хлопкомъ бываетъ словесное, или въ документахъ сумма основного долга увеличивается тѣмъ количествомъ хлопка, которое выговорено какъ процентъ за ссуду. Такъ при долгѣ въ 100 тиллей съ уплатою въ проценты 20 батмановъ хлопка въ документѣ обозначается, что должникъ изялъ у кредитора 100 тиллей и 20 батмановъ хлопка, ежегодная уплата котораго не уничтожаетъ силы документа **).

Къ сожалѣнію, иллюстрировать такую сдѣлку образцомъ документа я не могу, ибо въ 1894 г. я не оставилъ для себя копіи съ такого документа, а въ 1897 г. отыскать такой документъ не представилось возможности. Дѣло въ томъ, что сдѣлки такого рода стали замѣняться долговыми обязательствами подъ залогъ земель, также съ уплатой процентовъ хлопкомъ же.

Практикуемыя въ Аму-Дарьинскомъ Попизовьи долговыя обязательства подъ залогъ земель представляютъ крайне интересное явленіе, которое я разсмотрю на основаніи имѣющихся у меня въ распоряженіи двухъ документовъ, но предварительно скажу нѣсколько словъ о взглядѣ Шаріата на залогъ.

V.

Постановленія Шаріата о раганѣ (rhan), залогѣ, основываются на сурѣ 283, главы 2, Корана. Въ этой сурѣ, если читатель помнитъ, Мухаммедъ рекомендовалъ правовѣрнымъ замѣнять долговыя расписки залогомъ, если долговыя сдѣлки совершаются въ дорогѣ, гдѣ нельзя найти писца. Но Ша-

*) Практика послѣднихъ лѣтъ показываетъ, что уплата процентовъ достигается обозначеніемъ въ документѣ суммы долга не хивинской теньгой, а русской монетой.

**) Слѣдуетъ отличать такія сдѣлки отъ сдѣлокъ подъ будущій урожай хлопка. Послѣдняго рода сдѣлки существуютъ, но ихъ нельзя назвать ростовщическими. Обыкновенно весною скупщики хлопка выдаютъ деньги подъ будущій хлопокъ по условной цѣнѣ, дабы тѣмъ обезпечить себѣ пріобрѣтеніе товара и избѣжать обычнаго ажіотажа. Скупщики въ такихъ операціяхъ обыкновенно выигрываютъ на разницѣ между условленной цѣной хлопка и рыночной. Документы въ такихъ сдѣлкахъ составляются не на деньги, а на то количество хлопка, подъ которое выданы деньги.

ріатъ примѣненіе залога не ограничиваетъ указанными пророкомъ ислама случаями. «Раганъ,—говорится въ Хидая,—дословно означаетъ удержаніе вещи по какому бы то ни было основанію. На языкѣ закона подъ нимъ подразумѣваютъ удержаніе вещи въ обезпечиваніе требованія, могущаго быть удовлетвореннымъ этою вещью, напримѣръ въ случаѣ долга» [1]. «Договоръ заклада устанавливается предложеніемъ и принятіемъ таковаго и довершается полученіемъ заложенной вещи во владѣніе» [2]) послѣ чего «договоръ считается совершеннымъ и, слѣдовательно, обязательнымъ» [3]). «При договорѣ заклада требуется, чтобы заложенная вещь постоянно находилась въ рукахъ закладопринимателя вмѣсто долговой суммы, такъ что она служитъ у него обезпеченіемъ удовлетворенія его претензіи» [4]). «Послѣ передачи заложенной вещи закладопринимателю и вступленія его во владѣніе ею, онъ становится отвѣтственнымъ за порчу ея во время его владѣнія» [5]).

Такимъ образомъ существенный признакъ рагана — переходъ заложенной [6]) въ обезпеченіе долга вещи во владѣніе залогопринимателя, который не долженъ допускать залогодателя къ пользованію этой вещью, но можетъ это сдѣлать, если пожелаетъ. «Если закладодатель желаетъ на короткое время взять заложенную вещь обратно, чтобы воспользоваться ею (наприм., корову для доенія ея и т. п.), то онъ вправѣ это сдѣлать только съ согласія закладопринимателя, такъ какъ этимъ способомъ предметъ договора заклада (именно, постоянное владѣніе) былъ бы совершенно разрушенъ» [7]). Но и самъ «закладоприниматель не вправѣ какимъ бы то ни было образомъ пользоваться заложенной вещью» [8]), ему же «не дозволяется отдать вещь въ наймы или въ ссуду» [9]).

Принявъ въ залогъ какую-либо вещь, залогоприниматель долженъ принять всѣ мѣры къ сохраненію залога, и если совершитъ относительно заложенной вещи какое-либо правонарушеніе (наприм., станетъ пользоваться ею), то онъ долженъ вознаградить залогодателя, а если залогъ погибнетъ въ рукахъ залогопринимателя, то тѣмъ самымъ погашается долгъ, если онъ равенъ стоимости заложенной вещи. Когда же погибнетъ заложенная вещь, стоимость которой выше суммы долга, то послѣдній погашается, а излишекъ считается какъ поклажа (вадіатъ) и потому за гибель ея нѣтъ отвѣтственности.

---

1) См. Хидая, т. IV, стр. 145.
2) Ibidem, стр. 145.
3) Ibidem, стр. 146.
4) Ibidem, стр. 147.
5) Ibidem, стр. 146.
6) Должно замѣтить, что раганъ не только закладъ, но и залогъ, ибо мусульманское право говоритъ во многихъ мѣстахъ книги о раганѣ — о залогѣ домовъ и земель.
7) См. Хидая, т. IV, стр. 148.
8) Ibidem, стр. 153.
9) Ibidem, стр. 153.

Такъ какъ по сурѣ Корана залогъ есть замѣна долговой расписки, то поэтому онъ «не можетъ быть предметомъ полнаго владѣнія, чтобы стать полною собственностью залогопринимателя взамѣнъ его долговой претензіи» *). «Получатель заклада вправѣ требовать свой долгъ и даже подвергнуть закладодателя заключенію въ случаѣ отказа уплатить таковой, потому что претензія продолжаетъ существовать и послѣ полученія заклада, который считается не удовлетвореніемъ, а только обезпеченіемъ долга» **).

Залогъ прекращается уплатой долга, причемъ предварительно уплаты залогоприниматель долженъ представить заложенную вещь.

Этими выписками изъ книгъ Хидая я ограничусь. Нигдѣ въ постановленіяхъ Шаріата о раганѣ не видно, чтобы залогоприниматель могъ требовать проценты за выданныя въ долгъ подъ залогъ деньги. Да оно и понятно. Мусульманское право смотритъ на залогъ какъ на замѣну долговой расписки, а такъ какъ лихва по долговымъ обязательствамъ запрещена, то она не можетъ взыскиваться и при долгахъ, обезпеченныхъ залогомъ.

Посмотримъ, какъ обставляются въ Аму-Дарьинскомъ Понизовьи залоги земель въ обезпеченіе долговъ.

О. Шкапскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Ibidem, стр. 147.
**) Ibidem, стр. 149.

Русскій военно-уголовный процессъ и возможная его реорганизація.

Цѣль есть творецъ права, говоритъ Іерингъ, что совершенно вѣрно, такъ какъ правовыя понятія возникаютъ и вырабатываются на почвѣ жизненной, а потому должны обязательно видоизмѣняться и прогрессировать, слѣдуя неуклонно за общественнымъ развитіемъ *), которое не можетъ быть неподвижнымъ, а должно совершенствоваться во времени—въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ **).

Такимъ образомъ и законы, формулирующіе правовыя понятія, должны отъ времени до времени видоизмѣняться или, правильнѣе сказать, совершенствоваться, и, стало быть, если законы матеріальные, съ теченіемъ времени, обязательно должны видоизмѣняться, то тѣмъ болѣе законы формальные, устанавливающіе нормы для юридической защиты интересовъ, не могутъ оставаться неподвижными, а должны отражать въ себѣ, не только современныя общественныя воззрѣнія, но, даже и до нѣкоторой степени, опережать эти воззрѣнія въ смыслѣ прогрессивномъ. Законы гуманные, если даже они и опередили общество, придвигаютъ это общество къ себѣ и служатъ какъ бы источникомъ къ улучшенію общественной нравственности ***) и, наоборотъ, законы регрессивные, не совпадающіе съ обще-

*) „Право,—говоритъ Пахманъ,—есть несомнѣнно такое явленіе, которое измѣняется и должно измѣняться въ уровень съ измѣненіемъ потребностей общества" (см. „Рѣчь, произнесенную Пахманомъ въ годичномъ собраніи С.-Петербургскаго Юридическ. Общества въ 1882 г. о современномъ движеніи науки права").

**) „Общественныя явленія,—говоритъ Милль,—подлежатъ неизмѣннымъ законамъ, которые, хотя и не могутъ быть опредѣлены съ такою точностью, какъ законы астрономіи, но, во всякомъ случаѣ, они существуютъ (см. Милль: „Система логики", стр. 550—551).

***) Судебникъ царя Іоанна IV Васильевича былъ прогрессивнымъ законодательнымъ актомъ, опередившимъ, даже по тому времени, нравственное состояніе населенія Русскаго государства. Несмотря однако на это, населеніе вскорѣ настолько усвоило себѣ требованія Судебника, что въ свою очередь и само предъявило правительству свое желаніе о переносѣ уголовнаго суда на земскую народную почву; послѣдствіемъ чего и было учрежденіе губныхъ судовъ съ выборными изъ народа губными старостами.

ственнымъ развитіемъ, по неустойчивости своей, не могутъ затормозить прогрессивнаго теченія, и если дѣйствительно на время произведутъ застой, то только временный.

Каждое общество, независимо отъ его государственнаго строя, обязательно существуетъ подъ охраною законовъ, и законы эти должны быть направлены не только къ урегулированію взаимныхъ отношеній членовъ общества, но и къ установленію отношеній членовъ общества къ правительству, власти и обратно.

Нѣтъ государства, въ которомъ бы общество, его составляющее, не распадалось на корпораціи, и такое распаденіе вызывается, съ одной стороны, государственными потребностями и экономическими условіями, а съ другой—разнообразіемъ жизненныхъ интересовъ, хотя всѣ эти корпораціи должны находиться въ тѣсной связи между собою, по отношенію къ закону нравственному. Вотъ почему суды детальные, если существованіе ихъ вызывается необходимостью, не иначе должны быть признаны, какъ периферіями судовъ общихъ, уголовнаго и гражданскаго, и, дѣйствительно, основы, напримѣръ, закона формальнаго, принятаго судомъ общимъ, уголовнымъ, не могутъ быть игнорированы судами корпоративными и, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что, при равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, нормы для защиты интересовъ передъ судомъ должны быть одинаковы.

Одну изъ видныхъ корпорацій въ наше время составляетъ военная сила, требующая для своего существованія отдѣльныхъ матеріальныхъ законовъ. Законы эти, составляющіе жизненную силу военной корпораціи, принято называть законами дисциплины и требованіями военной службы, причемъ общество, не входящее въ составъ военной корпораціи, не обязано знать этихъ законовъ, а потому и судъ общій, народный, не можетъ быть признанъ вполнѣ компетентнымъ судомъ по нарушеніямъ указанныхъ законовъ.

Дѣйствительно, преступленія и проступки по нарушеніямъ законовъ дисциплины и требованіямъ военной службы, если, съ одной стороны, не отличаются особеннымъ разнообразіемъ, то, съ другой, по характеристикѣ своей настолько своеобразны, что могутъ быть правильно толкуемы только лицами военными, вполнѣ на практикѣ усвоившими себѣ всѣ оттѣнки требованій военной дисциплины и порядка военной службы, а потому, для такихъ преступленій и проступковъ, обязательно должны существовать военные суды, состоящіе изъ лицъ, входящихъ въ составъ военной корпораціи.

Что же касается до совершенія воинскими чинами преступленій общихъ, то за такія правонарушенія они, по справедливости, должны подлежать сужденію общихъ уголовныхъ судовъ и, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что лицо, принадлежащее къ военной корпораціи, вмѣстѣ съ тѣмъ остается гражданиномъ общества, а стало быть и совершенное имъ преступленіе общее, одинаково позорное для лицъ всѣхъ сословій, не можетъ быть скрыто отъ общественнаго надзора, но на этомъ впослѣдствіи оста-

новимся подробнѣе, такъ какъ предметомъ настоящей статьи является, между прочимъ, и вопросъ объ ограниченіи военной подсудности.

Впрочемъ, вопросъ объ ограниченіи военной подсудности одними только преступленіями воинскими далеко не новый и былъ предметомъ обсужденій Высочайше учрежденной коммиссіи въ 1862 г., для начертанія проекта военнаго судоустройства и судопроизводства *), несмотря, однако, на то, что, при начертаніи проекта, еще не имѣлось въ виду установленіе въ Россіи всеобщей воинской повинности **), и комплектованіе арміи совершалось при посредствѣ рекрутскаго набора, преимущественно изъ лицъ сословія податного.

Вотъ почему и нельзя не удивляться гуманизму нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи, рѣшившихся поднять вопросъ объ ограниченіи военной подсудности въ то время, когда военная корпорація въ Россіи дѣйствительно находилась въ исключительномъ положеніи и даже, такъ сказать, была какъ бы изолирована отъ общества, ибо долгосрочная, двадцатипятилѣтняя служба нижнихъ чиновъ совершенно уничтожала нравственную ихъ связь съ тою средою, изъ коей они были приняты на службу. Кромѣ того, при комплектованіи арміи, при посредствѣ рекрутскаго набора, признавалось даже возможнымъ удерживать въ рядахъ арміи и лицъ, опозоренныхъ преступленіями, облагаемыми тяжкими исправительными наказаніями, сопряженными съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію ***) присвоенныхъ. Такой порядокъ, по введеніи у насъ всеобщей обязательной воинской повинности, оставить признано невозможнымъ, и нижніе чины, опозоренные совершеніемъ преступленій, сопряженныхъ съ указанными праволишеніями, съ 1874 года уже не оставлялись на военной службѣ, а исключались изъ оной, что, конечно, и подняло нравственный уровень войска ****).

---

*) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава". С.-Петербургъ, 1867 г.

**) Высочайшій указъ о всеобщей обязательной воинской повинности былъ объявленъ только 1 января 1874 г.

***) Въ XXII книгѣ Св. Воен. Пос. 1869 г было опредѣлено для нижнихъ чиновъ наказаніе: отдача въ военно-исправительныя роты отъ одного года до шести лѣтъ, куда и отдавались нижніе чины, приговоренные къ наказанію исправительному, сопряженному съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ и службою пріобрѣтенныхъ. Къ наказанію этому нижніе чины приговаривались какъ за преступленія общія, наприм., за грабежи и кражи со взломомъ и другія преступленія, такъ равно и за преступленія воинскія. По отбытіи наказанія въ военно-исправительныхъ ротахъ, нижніе чины вновь возвращались на дѣйствительную службу, причемъ время, проведенное ими въ военно-исправительныхъ ротахъ, не засчитывалось за службу.

****) Въ Воинскомъ Уставѣ о наказаніяхъ 1875 г., хотя и удержаны военно-исправительныя роты, но только для преступленій воинскихъ, сопряженныхъ съ незначительными праволишеніями, а именно: съ потерею лишь нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ и службою пріобрѣтенныхъ. Что же касается до совершенныхъ нижними чинами преступленій общихъ и воин-

Въ настоящее время, когда производится пересмотръ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, вопросъ объ ограниченіи военной подсудности одними преступленіями воинскими не можетъ быть лишенъ существеннаго интереса, такъ какъ вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ расширеніемъ подсудности общей. Передача общихъ преступленій, совершенныхъ воинскими чинами, въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ мѣстъ, неминуемо повлечетъ за собою измѣненіе не только военнаго судопроизводства, но и преобразованіе даже всего военно-судебнаго вѣдомства.

Чтобы безпристрастно разрѣшить вопросъ объ ограниченіи военной подсудности, необходимо отрѣшиться отъ укоренившагося убѣжденія, будто бы существованіе военной корпораціи обусловливается обособленіемъ или, правильнѣе сказать. полнымъ изолированіемъ ея внутренней бытовой жизни отъ общества. При наличности существованія у насъ обязательнаго отбыванія воинской повинности всѣми сословіями общества и кратко-срочности дѣйствительной службы нижнихъ чиновъ, нравственная и экономическая связь этихъ чиновъ съ обществомъ почти не прерывается.

Военное судоустройство и судопроизводство, если можно такъ выразиться, новой формы существуетъ болѣе тридцати лѣтъ; несмотря, однако, на это, въ нашей литературѣ вопросъ объ ограниченіи военной подсудности еще не поднимался. Чему же приписать такое молчаніе со стороны нашей печати? Полному ли индифферентному отношенію общества къ военной корпораціи, или совершенству нашего военнаго судоустройства и судопроизводства? Но послѣднее сомнительно, въ виду того, что наше военное судоустройство и судопроизводство подвергалось съ 1882 г. неоднократнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ.

Настоящая статья имѣетъ цѣлью коснуться вопроса объ ограниченіи военной подсудности только въ войскахъ военно-сухопутныхъ и, притомъ, въ мирное время, совершенно не затрогивая военную подсудность въ войскахъ, въ военное время, такъ какъ исключительное положеніе военнаго времени вызываетъ не ограниченіе, а скорѣе расширеніе военной подсудности. Наконецъ, военное время составляетъ явленіе не заурядное, а исключительное, и вопросы о нравственномъ и экономическомъ положеніяхъ нашей арміи въ мирное время совершенно заслоняютъ собою такіе же вопросы относительно арміи въ военное время.

Въ настоящей статьѣ не затрогивается также вопросъ объ измѣненіи подсудности въ морскомъ вѣдомствѣ и, главнымъ образомъ, потому, что морская военная сила, по организаціи своей, не подходитъ къ силѣ военно-

---

скихъ, сопряженныхъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ и службою пріобрѣтенныхъ, то такіе нижніе чины съ опредѣленіемъ имъ наказаній по Улож. о нак. угол. и испр., вмѣстѣ съ тѣмъ исключались изъ воинскаго званія и увольнялись отъ службы на основаніи 48 ст. Воин. Уст. о нак. 1875 г., что удержано и нынѣ дѣйствующимъ Воинскимъ Уставомъ о наказаніяхъ, причемъ, однако, военно-исправительныя роты преобразованы въ „Дисциплинарные батальоны“.

сухопутной, а во время совершенія кампаній, внѣ предѣловъ Россіи и въ мирное время, каждое судно или эскадра находятся даже въ исключительномъ положеніи, по предметамъ подсудности вообще.

Нельзя отрицать, что уголовный судъ, въ которомъ вопросъ, по существу, о виновности разрѣшается отдѣльно отъ вопроса о наказаніи, скорѣе можетъ приблизиться къ правосудію, чѣмъ тотъ судъ, гдѣ при разрѣшеніи вопроса о виновности, указанныя функціи смѣшиваются и, такъ сказать, разрѣшаются одновременно, изъ чего слѣдуетъ, что уголовный судъ, разсматривающій дѣла съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, всегда будетъ болѣе согласоваться съ общественнымъ воззрѣніемъ, чѣмъ судъ коронный, хотя бы даже и коллегіальный.

Впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ изложеніи, постараемся доказать, что ограниченіе военной подсудности въ предѣлахъ только преступленій воинскихъ не повлечетъ за собою упадка дисциплины въ войскахъ, а теперь, не затрогивая вопросовъ детальныхъ, остановимся лишь на томъ знаменательномъ фактѣ, что и Высочайше учрежденная въ 1862 г. коммиссія, для начертанія проекта военнаго судоустройства и судопроизводства, пришла къ убѣжденію о необходимости, для достиженія безпристрастнаго рѣшенія дѣлъ, и въ военныхъ судахъ допустить раздѣленіе судейскихъ функцій, съ установленіемъ института присяжныхъ засѣдателей, изъ лицъ военныхъ, офицерскаго званія *).

Нельзя не замѣтить, что половина членовъ коммиссіи принадлежала къ заслуженнымъ военнымъ начальникамъ, освоившимся съ традиціями военносудныхъ коммиссій **).

Не лишены интереса соображенія коммиссіи по поводу установленія въ судахъ военныхъ раздѣленія судейскихъ функцій. Соображенія эти суть нижеслѣдующія: «что хотя раздѣленіе функцій военныхъ судей существуетъ только въ Швейцаріи и Баваріи, но это однако еще не доказываетъ несостоятельности подобнаго учрежденія. Напротивъ, во Франціи члены военныхъ судовъ, призываемые отъ войскъ, разрѣшаютъ вопросъ о виновности

---

*) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава". С.-Петербургъ, 1867 г., стр. 28.

**) Предсѣдателемъ Высочайше учрежденной коммиссіи въ 1862 г., для начертанія проекта военнаго судоустройства и судопроизводства, былъ генералъ-адъютантъ Крыжановскій, а членами оной коммиссіи были нижеслѣдующія лица: командующій первою гвардейской пѣхотной дивизіей генералъ-маіоръ Дрентельнъ, генералъ-аудиторъ военнаго министерства дѣйствительный статскій совѣтникъ Философовъ, состоящій при Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ полковникъ Фриде, вице-директоръ аудиторіатскаго департамента колежскій совѣтникъ Томсенъ, статсъ-секретарь тайный совѣтникъ князь Оболенскій, контръ-адмиралъ Беренсъ, юрисъ-консультъ морского министерства дѣйствительный статскій совѣтникъ Babрантъ, флота генералъ-аудиторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Глѣбовъ и капитанъ перваго ранга Горковенко. Кромѣ того, въ коммиссію приглашались Спасовичъ и нѣкоторыя другія лица, извѣстные юристы („Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава". С.-Петербургъ, 1867 г., стр. 13).

подсудимаго по совѣсти, и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣняютъ къ дѣлу законъ. Отъ смѣшенія этихъ двухъ обязанностей часто происходятъ весьма странные приговоры, что и составляетъ положительно одну изъ слабыхъ сторонъ французскаго военнаго законодательства» *).

Опредѣливъ раздѣленіе судейскихъ функцій и установивъ, такимъ образомъ, присяжное жюри, разрѣшающее вопросъ о виновности подсудимыхъ только по существу, съ фактической стороны, коммиссія затѣмъ въ двадцати одной статьѣ проекта и постаралась согласовать положенія для военнаго судопроизводства съ проектированными уже въ то время положеніями для судебныхъ уставовъ о судѣ съ присяжными засѣдателями. Проектъ коммиссіи, какъ извѣстно, былъ внесенъ на разсмотрѣніе соединеннаго присутствія генералъ - аудиторіатовъ военнаго и морского министерствъ, гдѣ большинство членовъ присутствія, вполнѣ соглашаясь съ выработанными положеніями проекта, признало также возможнымъ и въ военныхъ судахъ установить раздѣленіе судейскихъ функцій, съ чѣмъ однако меньшинство членовъ присутствія не согласилось и именно потому, что «хотя раздѣленіе судейскихъ функцій и было установлено во французскихъ военныхъ судахъ въ 1789 г., но, по непримѣнимости такого установленія къ свойству военныхъ преступленій и вреднымъ послѣдствіямъ для дисциплины, было отмѣнено въ 1796 г. національнымъ конвентомъ» **).

Его Императорское Высочество, генералъ-адмиралъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, бывшій въ то время предсѣдателемъ государственнаго совѣта, и военный министръ, генералъ-адъютантъ Милютинъ, не согласились однако на раздѣленіе въ военныхъ судахъ судейскихъ функцій, а потому и вопросъ объ этомъ не былъ внесенъ въ Высочайше учрежденный комитетъ при государственномъ совѣтѣ, для разсмотрѣнія проекта военнаго судоустройства и судопроизводства.

Такимъ образомъ, проектированное членами коммиссіи не осуществилось, и если въ судебныя присутствія военныхъ судовъ вошли шесть временныхъ членовъ офицерскаго званія, назначаемыхъ отъ войскъ, то члены эти уже являлись судьями не только факта, по существу дѣла, но и по опредѣленію закона и назначенію наказанія ***).

Если сопоставить соображенія, высказанныя членами Высочайше учрежденной коммиссіи, съ соображеніями меньшинства членовъ соединеннаго присутствія генералъ - аудиторіатовъ, то невольно приходишь къ убѣжденію, что раздѣленіе судейскихъ функцій въ судахъ военныхъ было бы принято, по всей вѣроятности, и меньшинствомъ членовъ особаго присутствія генералъ-аудиторіатовъ, еслибы такое раздѣленіе судейскихъ функцій проектировалось только для преступленій общихъ, но не воинскихъ.

---

*) Тамъ же, стр. 28.

**) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава". С.-Петербургъ, 1867 г., стр. 144.

***) Въ настоящее время число временныхъ членовъ въ военныхъ судахъ ограничено даже до четырехъ.

Чтобы разрѣшить намѣченные вопросы на доказательствахъ устойчивыхъ, необходимо, съ одной стороны, въ краткомъ хотя очеркѣ обрисовать положеніе военнаго процесса по мирному времени въ важнѣйшихъ государствахъ Западной Европы, а съ другой—указать на тѣ жизненныя условія, при которыхъ развилась военная подсудность и у насъ въ Россіи тоже по мирному времени.

Въ Западной Европѣ военный процессъ, слѣдуя за развитіемъ процесса общаго, прошелъ на континентѣ Европы три ступени своего историческаго развитія, принимая послѣдовательно формы—обвинительную, инквизиціонную и смѣшанную. По замѣчанію Мушникова, «военный процессъ Западной Европы по внутреннему его существу никогда не могъ имѣть чисто-обвинительнаго характера, потому что основная идея обвинительнаго процесса заключается во взглядѣ на преступленіе какъ на дѣло частное, не касающееся интереса государственнаго, между тѣмъ какъ главная цѣль, преслѣдуемая военнымъ процессомъ, состоитъ именно въ охраненіи этого интереса, т.-е. въ поддержаніи порядка въ средѣ военной силы» *).

Въ настоящее время въ Западной Европѣ существуютъ три типа военно-уголовнаго процесса: обвинительный, инквизиціонный и смѣшанный.

Обвинительный военно-уголовный процессъ существуетъ только въ Англіи, и въ англійскомъ военномъ процессѣ тѣ же примитивныя обвинительныя формы, какъ и въ процессѣ англійскомъ общемъ, а процессъ этотъ отличается, главнымъ образомъ, отъ процессовъ континентальныхъ государствъ Западной Европы тѣмъ, что предварительное слѣдствіе совпадаетъ съ производствомъ суда и оффиціальныхъ органовъ обвинительной власти не существуетъ.

Инквизиціонный тайный военный процессъ существуетъ въ Германской имперіи, за исключеніемъ королевства, Баваріи, и въ Австро-Венгріи, но процессъ этотъ, влекущій за собою существенные недостатки, признается уже не соотвѣтствующимъ требованію времени. Наконецъ, во Французской и Швейцарской республикахъ и королевствахъ: Итальянскомъ, Баварскомъ и др., существуетъ уже смѣшанный военно-уголовный процессъ, который, конечно, впослѣдствіи и вытѣснитъ совершенно процессъ инквизиціонный, тайный.

Въ историческомъ своемъ развитіи военный процессъ Западной Европы можетъ быть раздѣленъ на три эпохи: первая эпоха господства обвинительныхъ формъ, начинающаяся со времени возникновенія самостоятельнаго военнаго процесса и продолжающаяся до времени развитія абсолютизма въ европейскихъ государствахъ, т.-е. приблизительно до вестфальскаго мира; вторая эпоха господства инквизиціонныхъ формъ, начинающаяся послѣ вестфальскаго мира и продолжающаяся до начала революціоннаго періода въ жизни европейскихъ народовъ, т.-е. до конца прошлаго столѣтія, и третья

*) „Лекціи по военному судопроизводству иностранныхъ державъ“, стр. 3, проф военно-юридической академіи Мушникова, стр. 3.

эпоха развитія смѣшаннаго военнаго процесса, начинающаяся со времени великой французской революціи и продолжающаяся до настоящаго времени.

Начало самостоятельности военнаго процесса въ Западной Европѣ и появленіе военныхъ судовъ слѣдуетъ отнести къ XVI столѣтію, т.-е. ко времени развитія системы наемныхъ войскъ, такъ какъ до XVI столѣтія, въ эпоху феодализма, войска составлялись изъ слугъ и вассаловъ феодальнаго владѣльца, который пользовался и карательною властью, да и военный процессъ не отличался ничѣмъ отъ процесса общаго. Со времени появленія наемныхъ войскъ, созданныхъ государственною властью для борьбы съ феодализмомъ, возникаютъ и самостоятельные органы военно-судебной власти, отдѣльные отъ общихъ судебныхъ органовъ, но военный судъ въ наемныхъ войскахъ всегда составлялся изъ выборныхъ изъ среды простыхъ солдатъ, числомъ двѣнадцать и собиравшихся подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго военнымъ начальствомъ лица, носившаго названіе «шультгейса». Выборные эти, однако, не имѣли характера присяжныхъ засѣдателей, существующихъ въ настоящее время въ военныхъ судахъ въ Швейцаріи и Баваріи, ибо вмѣстѣ съ вопросомъ о виновности разрѣшали вопросъ и о примѣненіи наказанія, но, требовалось, однако, для признанія виновности единогласіе всѣхъ выборныхъ. Военный процессъ наемныхъ войскъ имѣлъ скорѣе характеръ обвинительный, чѣмъ смѣшанный, хотя преслѣдованіе могло возбуждаться не только по иниціативѣ частныхъ лицъ, потерпѣвшихъ, но и независимо отъ частной иниціативы: профосами, начальниками и другими лицами, имѣющими власть, причемъ военному суду были подсудны какъ уголовныя, такъ равно и гражданскія дѣла *). Кромѣ того, существовали исключительные суды: такъ, между прочимъ, «судъ длинныхъ копій», собиравшійся въ томъ случаѣ, когда преступленіе оскорбляло честь всей части войска, вслѣдствіе чего и судъ этотъ состоялъ изъ наличнаго числа наемниковъ и имѣлъ сходство съ военнымъ вѣче, существовавшимъ у насъ въ новгородскихъ ополченіяхъ до конца XV столѣтія **).

По окончаніи тридцатилѣтней войны и заключеніи вестфальскаго мира, власть государственная усиливается, и вмѣсто наемныхъ войскъ появляются постоянныя войска, регулярныя. «Идея государства,—какъ говоритъ Мушниковъ, выдвигается на первый планъ и поглощаетъ свободу личности, которая разсматривается не болѣе какъ матеріалъ для достиженія государственныхъ цѣлей» ***). Такимъ образомъ, войско уже переходитъ изъ сво-

---

*) „Въ Римской Священной имперіи,—говоритъ Шендзиковскій,—существовалъ указъ, относящійся до военныхъ наемниковъ; такъ, указомъ этимъ опредѣлялось, что, при разнородности состава полка, всѣ лица, входившія въ составъ онаго, обязаны были подчиняться военнымъ законамъ той націи, къ какой принадлежалъ вербовавшій полкъ начальникъ“ („Лекціи по исторіи русскаго военно-уголовнаго законодательства“, адъюнктъ-профессора Военно-Юридической академіи Шендзиковскаго).

**) „Исторія Новгорода Великаго отъ древнѣйшихъ временъ до его паденія“ (соч. Бѣляева).

***) „Лекціи по военному судопроизводству иностранныхъ державъ“, проф. Военно-Юридической академіи Мушникова.

боднаго товарищества, которое законтрактовывало себя на службу государей, въ массу, обязательно служащую и долженствующую быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ власти, а потому характеръ военнаго процесса измѣняется и постепенно переходитъ изъ обвинительнаго въ тайный инквизиціонный. Необходимо, однако, замѣтить, что и при инквизиціонныхъ началахъ военнаго процесса военные суды, въ противуположность судамъ общимъ, удерживаютъ судъ присяжныхъ, хотя приговоры судовъ конфирмуются начальниками.

Въ частности, инквизиціонный порядокъ въ военныхъ судахъ развивался въ отдѣльныхъ государствахъ не при одинаковыхъ условіяхъ: такъ, въ Австро-Венгріи военный судъ руководствовался первоначально правилами, установленными «Каролиною», изданною въ 1532 году императоромъ Карломъ V. Но затѣмъ, съ 1768 г., военные суды уже руководствуются «Терезіаною», т.-е. уставомъ общеуголовнаго судопроизводства императрицы Маріи-Терезіи. По уставу императрицы Маріи-Терезіи, присутствіе военнаго суда состояло изъ предсѣдателя, двѣнадцати временно-призываемыхъ судей, между которыми участвовали и нижніе чины, и шультгейса, который впослѣдствіи получилъ названіе аудитора, на обязанности коего лежало руководить судей, и, такимъ образомъ, его функція была какъ бы отдѣлена отъ функціи предсѣдателя, хотя онъ и не лишенъ былъ права голоса при постановленіи приговора.

Военному суду были подсудны дѣла о воинскихъ чинахъ и не только уголовныя, но и гражданскія, хотя для дѣлъ послѣдняго рода былъ сохраненъ обвинительный порядокъ. Военные начальники получили власть карать и миловать своихъ подчиненныхъ, и власть эта заключалась въ правѣ предавать суду, утверждать приговоры судовъ по дѣламъ уголовнымъ и миловать осужденныхъ. Если военный начальникъ не соглашался съ приговоромъ суда, то онъ долженъ былъ все дѣло представить въ высшій военно-апелляціонный судъ, находящійся въ Вѣнѣ и учрежденный, однако, только въ 1802 году.

Въ Пруссіи, а равно и во всѣхъ протестантскихъ государствахъ, были приняты положенія для военныхъ судовъ Густава-Адольфа: такъ, великимъ курфюрстомъ бранденбургскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ былъ принятъ для его арміи шведскій порядокъ военнаго процесса, почему и была учреждена должность генералъ-аудитора, который обязанъ былъ наблюдать за дѣйствіями военныхъ судовъ, въ смыслѣ достиженія правосудія, а также разсматривать приговоры военныхъ судовъ, представляемыхъ на утвержденіе великаго курфюрста. Впослѣдствіи къ генералъ-аудитору были присоединены нѣсколько совѣтниковъ, и такимъ образомъ образовался генералъ-аудиторіатъ.

Порядокъ шведскаго уголовнаго процесса удержался, однако, въ Пруссіи только до 1712 г., когда Фридрихъ I, преемникъ великаго курфюрста, принявшій титулъ короля прусскаго, установилъ для военнаго процесса начала инквизиціонныя, а права и обязанности аудиторовъ были опредѣ-

лены инструкціей. Военная подсудность и всѣ детали военнаго судопроизводства были очерчены составленнымъ для того уставомъ. По уставу Фридриха I, короля прусскаго, вѣдѣнію военныхъ судовъ подлежали: дѣла уголовныя и гражданскія, а военная подсудность распространялась не только на военно-служащихъ, но и на всѣхъ лицъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ войску, равно какъ на ихъ женъ, дѣтей и прислугу и даже на вдовъ.

Военные суды раздѣлялись на высшій и низшіе; первому подлежали только важнѣйшія уголовныя дѣла, а вторымъ—уголовныя, менѣе важныя, и дѣла гражданскія. Въ составъ высшаго суда, а равно и низшихъ, каждаго отдѣльно, входили — одинъ предсѣдатель и двѣнадцать временно призываемыхъ судей. Въ низшихъ судахъ, какъ руководители судей, принимали участіе аудиторы, а въ высшемъ — генералъ-аудиторъ. Приговоры военныхъ судовъ представлялись на конфирмацію военныхъ начальниковъ и даже короля, причемъ въ 1744 г. Фридрихъ Великій, расширивъ власть военныхъ начальниковъ, предоставилъ имъ право не только уменьшать, но и увеличивать опредѣленныя судами виновнымъ наказанія. Установленный порядокъ военнаго судопроизводства продолжалъ существовать до 1845 г., т.-е. до изданія нынѣ дѣйствующаго прусскаго военнаго устава, но нельзя не замѣтить, что еще въ 1807 г. военная подсудность была ограничена только одними дѣлами уголовными, а гражданскія дѣла были переданы въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ мѣстъ.

Коммиссія, учрежденная въ 1870 г. подъ предсѣдательствомъ генерала Шарнгорста, для разрѣшенія вопроса о военной подсудности, намѣрена была даже ограничить военную подсудность одними только преступленіями воинскими, что, однако, не состоялось.

Во Франціи постоянныя войска появляются гораздо раньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, вслѣдствіе болѣе ранняго усиленія государственной власти: такъ, за начало постоянныхъ войскъ признаются учрежденныя Карломъ VII въ 1445 г. «ордонансовыя роты», но эти войска были крайне малочисленны, а потому, во время войны, приходилось собирать войско при посредствѣ вербовки и только послѣ вестфальскаго мира, при Людовикѣ XIV, во Франціи при войскахъ постоянныхъ учреждаются и военные суды, дѣйствующіе и въ мирное время. Составъ военныхъ судовъ былъ коллегіальный и, на основаніи ордонанса 1665 г., присутствіе оныхъ судовъ состояло изъ семи временно-призываемыхъ судей, а порядокъ производства въ судахъ былъ инквизиціонный. Нижніе чины предавались военному суду по распоряженію своего начальства, а офицеры—съ разрѣшенія короля. Вмѣсто аудиторовъ во Франціи существовали королевскіе коммиссары, на обязанность которыхъ и было возложено наблюденіе за исполненіемъ судами законовъ.

Во Франціи до революціи военная подсудность распространялась только на правонарушенія, совершаемыя военно служащими другъ противъ друга, а всѣ правонарушенія, учиненныя противъ лицъ гражданскихъ, разсматривались общими судами.

Французская революція 1789 г. произвела крутой переворотъ въ обществѣ—въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, что отразилось и въ другихъ государствахъ Западной Европы: такъ, со времени французской революціи и на континентѣ Западной Европы устанавливаются: устность и состязательныя формы процесса не только въ судахъ общихъ, но и военныхъ.

Исторія французскаго революціоннаго уголовнаго процесса можетъ быть раздѣлена на три періода, а именно: время господства національнаго собранія, время господства національнаго конвента до переворота 9 Термидора, и время господства термидоріанцевъ и директоріи. Во время господства національнаго собранія, декретомъ 29 октября 1790 г. устанавливался и въ военныхъ судахъ институтъ обвинительнаго жюри, сверхъ жюри судебнаго. Этотъ институтъ назначался для разрѣшенія вопроса о преданіи обвиняемаго суду.

По отношенію къ размѣрамъ военной подсудности, декретъ 1790 года установилъ то правило, въ силу котораго военная подсудность ограничивалась одними только чисто-воинскими преступленіями, совершеніе которыхъ возможно военно-служащими, а преступленія общія, совершенныя военнослужащими въ мирное время, подлежали вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ.

Согласно означенному декрету, въ каждый военный округъ назначался военный судья, который и предсѣдательствовалъ во всѣхъ военныхъ судахъ, собираемыхъ въ предѣлахъ округа. Судья этотъ съ двумя ассесорами и разрѣшалъ вопросъ о наказаніи, послѣ разрѣшеннаго присяжными, судебнаго жюри вопроса о виновности подсудимаго. Въ засѣданіи каждаго военнаго суда присутствовалъ въ роли обвинителя военный коммиссаръ-аудиторъ. Военные суды не были постоянными, а собирались для каждаго дѣла отдѣльно. Присяжное жюри составлялось изъ военно-служащихъ, умѣющихъ читать и писать, а стало-быть въ составъ этого жюри могли входить и нижніе чины. Право возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ военно-служащихъ было предоставлено коммиссарамъ-аудиторамъ, до свѣдѣнія которыхъ начальники частей обязаны были доводить о всѣхъ преступленіяхъ, совершенныхъ подчиненными имъ воинскими чинами.

Первоначально, марціальнымъ военнымъ судамъ, съ участіемъ обвинительнаго и судебнаго жюри, подлежали всѣ преступленія военно-служащихъ, выходящихъ за предѣлы дисциплинарной власти начальниковъ, но затѣмъ сфера юрисдикціи военныхъ судовъ была ограничена одними только важнѣйшими преступленіями, влекущими за собою смертную казнь, или лишеніе всѣхъ правъ состоянія, а для преступленій менѣе важныхъ были учреждены суды военно-исправительной полиціи. Суды военно-исправительной полиціи разсматривали дѣла безъ участія судебнаго жюри, и въ составъ этихъ судовъ входили: предсѣдатель и два ассессора. Приговоры судовъ обѣихъ инстанцій не представлялись на конфирмацію начальства и не подлежали обжалованію. Не лишено интереса то обстоятельство, что смертная казнь могла быть примѣнима только въ томъ случаѣ, если обвиняемый былъ

признанъ виновнымъ по единогласному рѣшенію присяжныхъ засѣдателей, а не по большинству голосовъ.

Съ наступленіемъ господства національнаго конвента наступаетъ и время военно-судебной реформы, такъ какъ, руководимый якобинцами, конвентъ не стремится уже къ идеаламъ справедливости, а преслѣдуетъ только практическія цѣли, почему конвентъ и старается путемъ террора очистить и армію отъ враждебныхъ революціи элементовъ.

Декретомъ національнаго конвента 12 мая 1793 г. обвинительное жюри въ военныхъ судахъ было уничтожено, а возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ военно-служащихъ перешло къ военнымъ обвинителямъ и офицерамъ полиціи безопасности, причемъ лица эти назначались комитетомъ общественной безопасности и находились въ совершенно независимомъ положеніи отъ военныхъ начальниковъ. Обвинителямъ и офицерамъ полиціи безопасности была предоставлена громадная власть, и они могли, по одному лишь подозрѣнію, подвергнуть аресту даже главнокомандующаго арміею. Военные обвинители поддерживали обвиненія въ судебныхъ засѣданіяхъ, а офицеры полиціи безопасности производили слѣдствія. Судебное жюри, хотя и удержалось, но назначеніе по очереднымъ спискамъ присяжныхъ для каждаго дѣла было возложено на офицеровъ полиціи безопасности. Должность военнаго судьи была уничтожена, а вмѣсто него и ассессоровъ засѣдали въ судѣ три офицера отъ полиціи безопасности, не принимавшихъ, однако, участія въ производствѣ слѣдствія по данному дѣлу, причемъ одинъ изъ этихъ офицеровъ, а именно старшій по чину, исполнялъ обязанность предсѣдателя. Давленіе со стороны конвента на независимое положеніе присяжнаго судебнаго жюри было громадное: такъ, передъ выходомъ присяжнаго жюри изъ совѣщательной комнаты въ залу засѣданія, т.-е. до объявленія вердикта, каждый членъ присяжнаго жюри вызывался отдѣльно въ особую комнату, гдѣ и обязанъ былъ сообщить военному обвинителю о поданномъ имъ голосѣ. Обжалованіе приговоровъ не допускалось.

Наконецъ 3 Плювіоза II года республики (22 янв. 1794 г.) національный конвентъ издалъ новый уставъ военнаго судопроизводства. Согласно постановленіямъ означеннаго устава, при каждой изъ армій республики учреждался одинъ уголовный трибуналъ, которому были подсудны только болѣе важныя преступленія, влекущія за собою лишеніе жизни или правъ состоянія. Всѣ же менѣе важныя преступленія подлежали разсмотрѣнію судовъ исправительной полиціи, организація которыхъ осталась въ томъ же видѣ, какъ это было опредѣлено національнымъ собраніемъ. Каждый уголовный трибуналъ состоялъ изъ президента, вице-президента, военнаго обвинителя, назначавшихся на должности національнымъ конвентомъ. Производство слѣдствій лежало по-прежнему на офицерахъ полиціи, но судъ, разрѣшающій вопросъ о наказаніи, не составлялся болѣе изъ этихъ офицеровъ. Уголовные трибуналы разсматривали дѣла съ участіемъ судебнаго жюри, которое составлялось изъ пяти военно-служащихъ и четырехъ гражданъ, назначавшихся президентомъ по представленнымъ ему очереднымъ

спискамъ. Въ отличіе отъ прежде существовавшаго порядка судъ, примѣняющій законы о наказаніяхъ, составлялся не изъ трехъ судей, а изъ одного только президента или, за его отсутствіемъ, вице-президента *).

Законъ 12 мая 1793 г. и 3 Плювіоза II года появился во время господства якобинцевъ въ національномъ конвентѣ, но затѣмъ, какъ извѣстно, 9 Термидора 1794 г., произошелъ переворотъ, и властью въ конвентѣ завладѣли термидоріанцы, возвратившіеся къ реакціонной политикѣ, что отразилось и на военномъ судопроизводствѣ, такъ какъ генералы, предводительствовавшіе побѣдоносными арміями республики, не только перестали страшиться представителей конвента, но и потребовали даже расширенія ихъ власти и полнаго упраздненія гражданскаго элемента въ военныхъ судахъ. Вслѣдствіе чего, декретомъ 18 сент. 1795 г. въ военныхъ судахъ судебное жюри было уничтожено, а во вновь установленныхъ временныхъ военныхъ судахъ судебное присутствіе составлялось изъ трехъ офицеровъ, трехъ унтеръ - офицеровъ и трехъ солдатъ, которые были обязаны разрѣшать не только вопросы виновности, но и вопросы по примѣненію закона о наказаніи. Право возбуждать уголовное преслѣдованіе и созывать суды перешло въ вѣдѣніе военно-начальствующихъ лицъ.

Военный судъ разсматривалъ по-прежнему дѣла устно и гласно, и подсудимому не возбранялось имѣть защитника, даже изъ гражданскихъ лицъ.

Прежнее постановленіе объ ограниченіи военной подсудности, а именно, что въ мирное время разсмотрѣнію военныхъ судовъ подлежали только преступленія спеціально воинскія, было уничтожено, и военная подсудность была расширена также на преступленія общія, совершенныя воинскими чинами и въ мирное время.

Съ наступленіемъ господства директоріи изданъ былъ новый уставъ военнаго судопроизводства и судоустройства 3 ноября 1796 г. По уставу этому временные военные суды обратились въ постоянные и при каждой дивизіи былъ учрежденъ военный судъ, составлявшійся изъ семи членовъ: шести строевыхъ офицеровъ и одного унтеръ-офицера. Кромѣ того, назначались два капитана, одинъ изъ нихъ исполнялъ обязанности слѣдователя и обвинителя на судѣ, а другой, исполняя при судѣ обязанности коммиссара исполнительной власти, долженъ былъ не только присутствовать каждый разъ при судебномъ разбирательствѣ дѣлъ, но и наблюдать въ совѣщательной комнатѣ за исполненіемъ судьями требованій закона.

Коммиссару, подсудимому или его защитнику закономъ 9 окт. 1797 г. было предоставлено право обжалованія приговоровъ, но только порядкомъ кассаціоннымъ, для чего при каждой дивизіи и были учреждены ревизіонные суды, составлявшіеся изъ пяти членовъ, но изъ старшихъ строевыхъ офицеровъ. Роль представителя обвинительной власти при ревизіонномъ судѣ исполнялъ чиновникъ.

---

*) „Лекціи по военному судопроизводству иностранныхъ державъ", стр. 36—37, проф. Военно-Юридической академіи Мушникова.

Раздѣленіе прокурорскихъ обязанностей между докладчикомъ и коммиссаромъ существовало до 3 мая 1848 года, когда обязанности докладчика были ограничены однимъ только производствомъ предварительныхъ слѣдствій, а роль обвинителя на судѣ была возложена на коммиссара, который вмѣстѣ съ тѣмъ и сохранилъ за собою право наблюденія за правильнымъ исполненіемъ судомъ требованій закона, но только въ судебномъ засѣданіи, а не въ совѣщательной комнатѣ, при разрѣшеніи судьями вопросовъ о виновности подсудимыхъ.

Въ такомъ положеніи находилось во Франціи военное судоустройство и судопроизводство до 1857 года.

Въ 1857 году, во время существованія Французской имперіи, былъ изданъ кодексъ, подъ названіемъ «Code de justice militaire pour l'armée de terre». Кодексъ этотъ и составляетъ дѣйствующее военно-уголовное законодательство Франціи. Въ первыхъ трехъ частяхъ означеннаго кодекса помѣщены положенія, относящіяся до военнаго судоустройства и судопроизводства, но лишь только такія постановленія, которыми опредѣляются какія-либо особенности военнаго судопроизводства въ отличіе отъ общаго.

Впрочемъ, послѣ паденія монархіи и образованія Французской республики, во французской арміи послѣдовали нѣкоторыя измѣненія, въ смыслѣ ея комплектованія и организаціи, а потому «Code de justice militaire pour l'armée de terre» въ 1875 году отдѣльными законами 18 мая и 18 ноября, по отношенію къ военному судоустройству и военной подсудности, подвергся нѣкоторымъ, весьма существеннымъ измѣненіямъ и дополненіямъ.

На законахъ, относящихся до военнаго судоустройства и судопроизводства Франціи, пришлось болѣе остановиться потому, что законы эти имѣли большое вліяніе на редактированіе и нашихъ законовъ, относящихся до военнаго судоустройства и судопроизводства; такъ, законъ 13 Брюмера 1796 года послужилъ образцомъ при составленіи русскаго устава полевого судопроизводства, изданнаго въ 1812 году.

Въ Австро-Венгріи военно- судебныя учрежденія руководствовались до 1881 года терезіаной, т.-е. законами императрицы Маріи-Терезіи, но въ 1881 году организація военно-судебныхъ учрежденій была опредѣлена особымъ закономъ, хотя относительно военнаго судопроизводства и, главнымъ образомъ, по отношенію къ военной подсудности были изданы законы еще ранѣе, а именно въ 1869 и въ 1871 годахъ.

Въ Пруссіи въ 1845 году былъ изданъ военно-уголовный уставъ «Strafgesetzbuch für das Preussische Heer». Уставъ этотъ состоитъ изъ двухъ книгъ, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ, а вторая—касается до военнаго судопроизводства. Въ настоящее время дѣйствуетъ только вторая книга, и постановленія этой книги обязательны для всѣхъ государствъ, вошедшихъ въ составъ Германской имперіи, за исключеніемъ королевствъ Баваріи и Вюртемберга. Подобно французскому «Code de justice militaire pour l'armée de terre», вторая часть

прусскаго устава 1845 г. является лишь дополненіемъ къ общему уставу уголовнаго судопроизводства, изданному въ 1805 г., который однако, какъ основанный на началахъ инквизиціонныхъ, давно уже потерялъ значеніе въ Пруссіи въ гражданскомъ и уголовномъ процессахъ.

Въ Баваріи военно-уголовный процессъ до 1856 г. былъ основанъ на началахъ инквизиціонныхъ, но съ 1856 года въ военныхъ судахъ были введены гласность и устность. Наконецъ, въ 1869 г. въ Баваріи былъ изданъ новый уставъ, относящійся до военнаго судопроизводства, постановленія котораго дѣйствуютъ и по настоящее время, хотя военная подсудность, опредѣленная этимъ уставомъ и видоизмѣнилась, согласно дополнительному закону, послѣдовавшему 28 сентября 1872 года.

Въ Вюртембергѣ военный процессъ и въ настоящее время основанъ на инквизиціонныхъ началахъ, относительно же военной подсудности примѣняются постановленія обще-германскаго воинскаго устава о наказаніяхъ.

Въ Италіи въ 1869 г. былъ изданъ кодексъ, подъ названіемъ «Codice pénale per l'esercito del regno d'Italia», который пріобрѣлъ однако законную силу только въ 1870 г.

Кодексъ этотъ раздѣляется на двѣ части, и вторая часть заключаетъ въ себѣ постановленія, относящіяся до военнаго судопроизводства.

Въ Англіи военный процессъ заключается въ сводѣ военныхъ законовъ, изданныхъ первоначально въ 1879 г., подъ названіемъ «The Army Discipline and Regulation act». По отношенію къ этому закону сохранено традиціонное правило, по которому онъ долженъ ежегодно представляться на утвержденіе парламента, а потому и законъ этотъ имѣетъ силу только на то время, на которое утвержденъ. Вслѣдствіе сего, законъ 1879 года былъ возобновляемъ каждый годъ парламентомъ и съ 1881 года получилъ сокращенное названіе army-act. Постановленія этого закона заимствованы изъ прежде дѣйствовавшихъ въ Англіи военныхъ законовъ, а потому и этотъ army-act не имѣетъ строго-систематическаго изложенія и напоминаетъ собою средневѣковые военные артикулы. Въ указанномъ законѣ изложены постановленія, относящіяся до состава военныхъ судовъ, подсудности и степени власти военныхъ начальниковъ, относительно конфирмаціи приговоровъ. Что же касается до порядка военнаго судопроизводства, то порядокъ этотъ опредѣляется инструкціями, имѣющими скорѣе не судебный, а административный характеръ.

Военный процессъ Швейцаріи заключается во второй книгѣ кодекса, изданнаго 27 августа 1851 года, подъ названіемъ «Loi fédérale sur la justice pénale pour les troupes fédérales». Подобно итальянскому кодексу, швейцарскій кодексъ составляетъ полный сборникъ всѣхъ постановленій, относящихся до военнаго судоустройства и судопроизводства. Вслѣдствіе измѣненій въ организаціи арміи, въ настоящее время въ Швейцаріи уже дѣйствуетъ новый уставъ военнаго судопроизводства, который однако постановленіями своими не особенно отличается отъ прежде дѣйствовавшаго устава.

Что же касается до законовъ, устанавливающихъ военно-уголовный процессъ въ остальныхъ государствахъ материка Западной Европы, то законы эти не отличаются оригинальностью, и только въ Бельгіи нѣкоторыя существующія положенія дѣйствующаго военно-судебнаго устава немногимъ отличаются отъ французскаго «Code de justice militaire pour l'armée de terre», такъ съ 29 января 1849 года, въ Брюсселѣ, вмѣсто высшаго военнаго суда, учрежденъ постоянный военный судъ.

Всѣ военно-судебные органы государствъ Западной Европы раздѣляются на военные суды высшіе и низшіе, за исключеніемъ Англіи и Бельгіи, ибо въ Англіи приговоры военныхъ судовъ не подлежатъ обжалованію, а въ Бельгіи высщая военно-судебная власть сливается съ высшею общею судебною властью въ одномъ и томъ же учрежденіи, а именно въ верховномъ кассаціонномъ судѣ государства.

Въ Англіи взамѣнъ высшаго военно-судебнаго органа, высшая судебная власть сосредоточивается въ одномъ лицѣ, а именно въ лицѣ «судебнаго генералъ-адвоката», на обязанность котораго возлагается завѣдывать дѣлопроизводствомъ военнаго министерства по военно-судебной части и разсматривать приговоры военныхъ судовъ, представляемыхъ на утвержденіе королевы.

Во всѣхъ государствахъ, за исключеніемъ Франціи, Бельгіи и Англіи, военно-судебная часть централизуется въ одномъ высшемъ военномъ судѣ; такъ, высшими военно-судебными органами являются: въ Германской имперіи, за исключеніемъ Баваріи и Вюртемберга «генералъ-аудиторіатъ»; въ Баваріи—«высшій военный судъ»; въ Вюртембергѣ—«ревизіонный судъ»; въ Италіи—«верховный судъ для войскъ и флота» и въ Австро-Венгріи хотя и существуютъ два центральные военно-судебные органа, а именно: «высшій военный судъ» и «верховный военный судъ», но послѣдній является высшимъ, по отношенію къ первому, такъ что единство высшей военно-судебной власти не нарушается.

Во Франціи, въ противоположность другимъ государствамъ, существуютъ не одинъ высшій военный судъ, а нѣсколько высшихъ ревизіонныхъ военныхъ судовъ. Впрочемъ, въ прежнее время, число высшихъ ревизіонныхъ военныхъ судовъ во Франціи было гораздо больше: такъ, прежде высшіе ревизіонные суды состояли при каждой дивизіи, а затѣмъ число ихъ было уменьшено,—сперва до двѣнадцати, а потомъ до четырехъ.

Неоспоримо, что централизація высшихъ военныхъ судовъ болѣе приноситъ пользы, чѣмъ децентрализація, которая существуетъ во Франціи, ибо сфера дѣятельности высшихъ судовъ заключается не въ разсмотрѣніи дѣлъ по существу, а въ наблюденіи за правильнымъ примѣненіемъ и толкованіемъ законовъ судами низшими, а потому, при децентрализаціи высшихъ судовъ, какъ, напримѣръ, во Франціи, у судовъ этихъ во взглядѣ на законъ можетъ появиться разномысліе и даже въ ущербъ интересамъ подсудимыхъ *).

---

*) Впрочемъ, и у насъ, при начертаніи проекта военнаго судоустройства и судопроизводства въ 1862 г., предполагалось, для Закавказья и Кавказа, образовать

Составъ высшихъ военныхъ судовъ, за исключеніемъ Франціи, состоитъ изъ постоянныхъ коронныхъ членовъ съ юридическимъ образованіемъ. Что же касается до Франціи, то высшіе тамъ военные суды—не постоянные, а временные, и составъ этихъ судовъ комплектуется изъ строевыхъ офицеровъ по назначенію высшаго начальства.

Нельзя отрицать, что для состава высшаго военнаго суда, какъ камеры кассаціонной, необходимо не только знаніе закона, но и до нѣкоторой степени юридическое образованіе, а потому и высшіе суды имперій: Германской и Австро-Венгерской, королевства Италіи и Швейцарской республики, въ смыслѣ компетентности, стоятъ гораздо выше такихъ же судовъ Французской республики.

Составъ низшихъ военныхъ судовъ въ Англіи и государствахъ континентальной Европы, за исключеніемъ Баваріи и Швейцаріи, временный, т.-е. суды эти состоятъ изъ лицъ, назначаемыхъ отъ войскъ административнымъ начальствомъ на извѣстный промежутокъ времени или только на извѣстное дѣло.

Въ Баваріи и Швейцаріи низшіе суды, или суды второй инстанціи, имѣютъ двойной составъ, такъ какъ каждый судъ состоитъ изъ постоянныхъ коронныхъ судей и временныхъ, назначаемыхъ на извѣстный періодъ времени, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, на обязанности коихъ и лежитъ фактическое разрѣшеніе вопроса о виновности и невиновности подсудимыхъ.

Въ Англіи низшіе военные суды раздѣляются: на полковые, окружные и генеральные. Подсудность этимъ судамъ находится въ прямой зависимости отъ чина, званія подсудимаго и важности совершеннаго преступленія.

Собственно въ Пруссіи военные суды второй инстанціи раздѣляются на «суды высшей и суды низшей подсудности».

Въ Баваріи военные суды двухъ видовъ, а именно: «военно окружные и низшіе военные суды».

Въ Вюртембергѣ «обыкновенные военные суды и военно-судныя коммиссіи.

Въ Швейцаріи «обыкновенные военные суды съ присяжными засѣдателями и чрезвычайный военный судъ», для сужденія высшихъ военныхъ начальниковъ.

Въ Бельгіи «постоянный судъ въ Брюсселѣ и временные военные суды», учреждаемые при войскахъ.

Во Франціи и Италіи военные суды не раздѣляются на виды: такъ, во Французской республикѣ военные суды второй инстанціи являются въ видѣ «conseils de guerre», а въ королевствѣ Итальянскомъ—«территоріаль-

---

отдѣленіе главнаго военнаго суда. Отдѣленіе главнаго военнаго суда должно было находиться въ г. Тифлисѣ, но затѣмъ, въ виду вреда, приносимаго во Франціи децентрализаціей высшихъ военныхъ судовъ, мысль объ образованіи указаннаго отдѣленія была оставлена, и, такимъ образомъ, въ настоящее время существуетъ у насъ одинъ только центральный главный военный судъ.

ные военные суды» и замѣняющіе ихъ «суды временные». Судамъ этимъ во Франціи и Италіи подсудны всѣ военно-служащіе и всѣ преступленія, и порядокъ судопроизводства не стоитъ въ зависимости отъ лица и преступленія.

По общему принципу, во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, предсѣдатели военныхъ судовъ второй инстанціи всегда должны быть выше чиномъ подсудимыхъ, а въ Баваріи, Швейцаріи, Вюртембергѣ, Франціи, Австро-Венгріи и Пруссіи при сужденіи нижнихъ чиновъ, въ составъ судей входятъ и нижніе чины, при сужденіи же чиновниковъ военнаго министерства въ составъ судей въ Пруссіи и Вюртембергѣ допускаются и чиновники военнаго вѣдомства.

Какъ выше было уже замѣчено, только въ Баваріи и Швейцаріи функціи военныхъ судей распадаются: на судей, разрѣшающихъ вопросъ о виновности подсудимыхъ и судей права, т.-е. обсуждающихъ и примѣняющихъ законъ о наказаніи.

Вопросъ о постоянныхъ военныхъ судьяхъ неоднократно поднимался въ періодической печати Западной Европы, но въ общемъ результатѣ институтъ постоянныхъ военныхъ судей не пользуется общественною симпатіей. По поводу института постоянныхъ военныхъ судей Мушниковъ, между прочимъ, говоритъ: «Институтъ этотъ не пользуется популярностью въ Западной Европѣ и противъ него высказывается большинство нѣмецкихъ писателей, а при составленіи французскаго кодекса 1857 года институтъ постоянныхъ судей тоже былъ отвергнутъ самымъ рѣшительнымъ образомъ въ виду того убѣжденія, что въ составъ военнаго суда не должны быть вводимы такія лица, которыя уже въ силу ихъ положенія, отрѣшаются отъ практической военной жизни» *). Послѣднее вполнѣ справедливо только по отношенію къ разрѣшенію вопросовъ о виновности подсудимыхъ, а потому и военно-окружные суды Баваріи стоятъ на болѣе твердой почвѣ къ достиженію справедливости, чѣмъ такіе же суды второй инстанціи въ остальныхъ западно-европейскихъ государствахъ **).

Впрочемъ, недостаточность юридической подготовки временныхъ военныхъ судей въ судахъ Западной Европы восполняется тѣмъ, что при судахъ этихъ, за исключеніемъ королевства Великобританіи, какъ увидимъ ниже, существуютъ коронные постоянные обвинители, на обязанности ко-

---

*) „Лекціи по военному судопроизводству иностранныхъ державъ", стр. 51, проф. военно-юридической академіи Мушникова.

**) Вредное вліяніе недостатка юридической подготовки судей, замѣчается и у насъ въ полковыхъ судахъ, составъ коихъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ строевыхъ офицеровъ. По недостаточности юридической подготовки, полковые суды, въ большинствѣ случаевъ, какъ оказалось на практикѣ, не вполнѣ ясно усвоиваютъ себѣ требованіе уголовнаго закона. Въ виду ошибочнаго толкованія законовъ полковыми судами и утвержденія послѣдовавшихъ отъ того неправильныхъ приговоровъ командирами отдѣльныхъ частей, было сдѣлано въ 1881 г. распоряженіе со стороны военнаго министра, чтобы полковыя судныя дѣла представлялись на ревизію въ военно-окружные суды.

торыхъ лежитъ также слѣдить за правильнымъ примѣненіемъ судами законовъ о наказаніи и соблюденіи формъ и обрядовъ судопроизводства.

Укажемъ теперь на тѣ постоянные органы судебной власти, которые состоятъ при военныхъ судахъ Западной Европы.

Въ Англіи, несмотря на господство въ военномъ процессѣ состязательнаго начала, отдѣльныхъ органовъ обвинительной власти и лицъ, предназначенныхъ спеціально для производства слѣдствій, въ военныхъ судахъ не существуетъ, такъ какъ собраніе предварительныхъ свѣдѣній о совершившемся преступленіи возлагается на военныхъ начальниковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и являются обвинителями въ военныхъ судахъ, какъ защитники интересовъ военной службы. Впрочемъ, военный начальникъ вмѣсто себя можетъ уполномочивать на роль обвинителя въ судѣ и старшаго послѣ себя офицера.

Въ Италіи и Баваріи, независимо отъ коронныхъ постоянныхъ представителей обвинительной власти, существуютъ при военныхъ судахъ особые коллегіальные органы, назначенные для разрѣшенія вопроса о преданіи обвиняемаго суду. Органы эти носятъ названіе въ Италіи «Commissione d'inchiesta», а въ Баваріи «Verweisungs Commissionen». Что же касается до другихъ государствъ Западной Европы, то вопросъ о преданіи суду разрѣшается тамъ единоличною властью военныхъ начальниковъ.

Въ военныхъ процессахъ: прусскомъ, австро-венгерскомъ и вюртембергскомъ, основанныхъ на началахъ инквизиціонныхъ, при военныхъ судахъ состоятъ «аудиторы», на обязанности коихъ и лежитъ завѣдывать дѣлопроизводствомъ военныхъ судовъ и охранять законы, т.-е. лица эти, присутствуя въ засѣданіяхъ суда, направляютъ дѣйствія суда къ неуклонному исполненію всѣхъ требованій закона.

Въ Баваріи и Швейцаріи названіе аудиторовъ присвоено не только лицамъ, исполняющимъ роли постоянныхъ въ военныхъ судахъ обвинителей, но и постояннымъ судьямъ.

Значеніе аналогичное нѣмецкимъ аудиторамъ имѣютъ въ англійскомъ военномъ процессѣ такъ называемые «Deputy Judge Advocates», т.-е. «уполномоченные судебные адвокаты» и во главѣ этихъ судебныхъ адвокатовъ стоитъ судебный «генералъ-адвокатъ».

Положеніе военныхъ судовъ, въ смыслѣ ихъ независимости отъ администраціи, существуетъ только въ Италіи и Швейцаріи, а въ прочихъ государствахъ Западной Европы военные суды находятся въ прямой зависимости отъ администраціи.

Остановимся нѣсколько на детальной обрисовкѣ состава военныхъ судовъ Западной Европы.

Во Франціи органами военно-судебной власти являются: «военные суды («conseils de guerre) и «суды ревизіонные» (conseils revision). Военные суды учреждаются въ каждомъ территоріальномъ военномъ округѣ, а ревизіонныхъ высшихъ только четыре. Военные суды состоятъ — изъ семи членовъ, а ревизіонные—изъ пяти членовъ. Члены эти, какъ выше было

замѣчено, назначаются изъ строевыхъ офицеровъ подлежащимъ высшимъ военнымъ начальствомъ и на срокъ до шести мѣсяцевъ. При каждомъ военномъ судѣ состоятъ: «правительственные коммиссары», какъ обвинители, «докладчики», соотвѣтствующіе слѣдователямъ, и «секретари». Лица эти могутъ имѣть помощниковъ и въ совокупности всѣ составляютъ «parquet» суда. Коммиссары и докладчики назначаются военнымъ министромъ на неопредѣленный срокъ изъ строевыхъ офицеровъ или военныхъ чиновниковъ, а помощники къ этимъ лицамъ опредѣляются командующими войсками въ военныхъ округахъ. Въ каждомъ ревизіонномъ судѣ тоже состоитъ «правительственный коммиссаръ», назначаемый военнымъ министромъ.

Въ Австро-Венгріи военные суды трехъ типовъ, изъ нихъ: верховный военный судъ и высшій военный судъ—суды постоянные, затѣмъ суды второй инстанціи или низшіе военные суды—не постоянные и собираемые по распоряженію военнаго начальства. Въ верховномъ судѣ предсѣдательствуетъ генералъ старшаго ранга, и въ составъ этого суда входятъ генералъ-аудиторъ и нѣсколько оберъ-аудиторовъ. Высшій военный судъ состоитъ изъ одного генерала, въ качествѣ президента, и изъ нѣсколькихъ оберъ-аудиторовъ, въ качествѣ членовъ суда. Суды второй инстанціи состоятъ каждый изъ семи строевыхъ офицеровъ и аудитора. Строевые офицеры назначаются членами судовъ, по распоряженію военнаго начальства. По судопроизводству суды второй инстанціи раздѣляются: на суды «обыкновенные», которымъ подсудны болѣе важныя дѣла, и суды «сокращенные» для менѣе важныхъ дѣлъ.

Въ Пруссіи «генералъ-аудиторіатъ»—высшій и постоянный органъ военно-судебной власти. Генералъ-аудиторіатъ состоитъ изъ генералъ-аудитора, въ качествѣ президента, и шести совѣтниковъ, въ качествѣ членовъ. Суды высшей и низшей подсудности, назначаемые для разсмотрѣнія дѣлъ, въ качествѣ первой инстанціи, не постоянные, а временные, и собираются по распоряженію военнаго начальства при частяхъ войскъ. Каждый судъ высшей и низшей подсудности состоитъ изъ судей и аудитора, въ качествѣ докладчика. Кромѣ того, при корпусныхъ и дивизіонныхъ командирахъ и при военныхъ губернаторахъ и комендантахъ состоятъ «аудиторы», а при полковыхъ командирахъ — «слѣдственные офицеры», которые, вмѣстѣ съ названными начальниками, образуютъ постоянный элементъ суда.

Въ Баваріи три типа судовъ. Высшій военный судъ, состоящій изъ одного генерала, въ качествѣ президента, генералъ-аудитора, въ качествѣ директора, и постоянныхъ членовъ. Военно-окружные суды, учреждаемые въ каждомъ территоріальномъ военномъ округѣ, и низшіе военные суды. Каждый военно-окружный судъ состоитъ изъ начальника войскъ округа, въ качествѣ предсѣдателя, аудитора, въ качествѣ директора, опредѣленнаго числа постоянныхъ судей и судей временныхъ, назначаемыхъ начальникомъ округа на одинъ годъ. Временные судьи военно-окружныхъ судовъ назначаются отдѣльно отъ присяжныхъ судей и на обязанности этихъ

первыхъ судей лежитъ разрѣшеніе вопроса вмѣстѣ съ судьями постоянными о наказаніи по воинскимъ преступленіямъ и они также участвуютъ въ обвинительной камерѣ при судѣ, въ разрѣшеніи вопросовъ по преступленіямъ тоже воинскимъ о преданіи обвиняемыхъ суду. Директора высшаго и военно-окружныхъ судовъ, собственно говоря, и управляютъ ходомъ засѣданія судовъ. По дѣламъ о болѣе важныхъ преступленіяхъ въ составъ военно-окружныхъ судовъ входятъ и «присяжные», разрѣшающіе вопросъ только о виновности подсудимыхъ. Присяжные засѣдатели назначаются по очереднымъ спискамъ, и составъ этого жюри комплектуется изъ состоящихъ на службѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, а также изъ отставныхъ офицеровъ, получающихъ пенсіонъ. Низшіе военные суды учреждаются при отдѣльныхъ частяхъ войскъ и состоятъ каждый изъ начальника части, въ качествѣ предсѣдателя, и двухъ членовъ, изъ которыхъ одинъ постоянный, называемый аудиторомъ, а другой временный, назначаемый начальникомъ изъ офицеровъ части, срокомъ на одинъ годъ. Впрочемъ, начальникъ части можетъ назначить предсѣдательствовать въ низшемъ судѣ и старшаго послѣ себя офицера. Органами обвинительной власти состоятъ: при высшемъ судѣ—оберъ-прокуроръ, при военно-окружныхъ судахъ — военные прокуроры, а при низшихъ—такъ называемые «военно-судебные практиканты», назначаемые начальниками округовъ изъ строевыхъ офицеровъ. Особаго института слѣдователей въ Баваріи не существуетъ и предварительныя слѣдствія производятся аудиторами, состоящими постоянными членами при низшихъ судахъ.

Въ Италіи органы военно-судебной власти суть слѣдующіе: верховный судъ для войскъ и флота, состоящій изъ одного президента и восьми постоянныхъ членовъ, причемъ президентъ и трое членовъ назначаются изъ генераловъ, а остальные пятеро назначаются изъ членовъ гражданскаго апелляціоннаго суда, и территоріальные военные суды, учреждаемые по одному на нѣсколько дивизій. Составъ этихъ послѣднихъ судовъ состоитъ, для сужденія нижнихъ чиновъ, изъ шести судей, чиномъ не ниже капитана и назначаемыхъ по очереднымъ спискамъ на двухлѣтній срокъ, а для сужденія офицеровъ—тоже изъ шести членовъ, но назначаемыхъ по жребію для каждаго дѣла отдѣльно. При каждомъ территоріальномъ судѣ учреждается особая коммиссія, называемая «commissione d'inchiesta», которая и составляется изъ трехъ офицеровъ, назначаемыхъ начальникомъ дивизіи на двухлѣтній срокъ, отдѣльно отъ членовъ суда. Коммиссія эта, какъ было уже замѣчено выше, разрѣшаетъ вопросъ о преданіи или не преданіи подсудимыхъ военному суду. Органами обвинительной власти или военной прокуратуры являются: при верховномъ судѣ—«главный военный адвокатъ» (avvocato generale militare) съ помощниками, а при территоріальныхъ судахъ — «военные адвокаты» (avvocati fiscali militari) тоже съ помощниками.

Въ Англіи существуютъ три типа военныхъ судовъ: «полковые», состоящіе не болѣе какъ изъ пяти судей, «окружные», въ составъ коихъ вхо-

дитъ не болѣе семи членовъ, и «генеральные суды», состоящіе изъ девяти судей. Всѣ эти военные суды носятъ названіе судовъ первой инстанціи и собираются для каждаго дѣла отдѣльно, причемъ обязанности судей возлагаются на строевыхъ офицеровъ. Кромѣ того, при нахожденіи какой-либо части войска въ колоніяхъ Великобританскаго королевства, при части этой образуется «полевой генеральный военный судъ».

Въ Швейцаріи постоянной арміи нѣтъ, но каждый кантонъ можетъ содержать у себя на службѣ не болѣе трехсотъ человѣкъ милиціонеровъ. Всѣ эти милиціонерные отряды собираются ежегодно на нѣсколько дней для военныхъ упражненій и, по окончаніи оныхъ, распускаются по кантонамъ. Нельзя не замѣтить, что военная служба обязательна для всѣхъ швейцарскихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, и военные суды въ Швейцаріи раздѣляются на суды «федеральные» и «кантональные», но оба типа этихъ судовъ руководствуются, однако, однимъ и тѣмъ же порядкомъ судопроизводства. Федеральные военные суды, въ свою очередь, раздѣляются на «судъ кассаціонный» и «военные суды съ присяжными засѣдателями». Федеральные военные суды учреждаются, однако, только на время сбора войскъ союза, для чего при главномъ штабѣ и образуется «юридическое отдѣленіе», во главѣ котораго стоитъ «главный аудиторъ». Кассаціонный судъ составляютъ пять членовъ, изъ числа которыхъ трое назначаются изъ юридическаго отдѣленія главнаго штаба, а остальные двое командируются федеральнымъ совѣтомъ изъ старшихъ строевыхъ офицеровъ. Каждый военный судъ съ присяжными засѣдателями состоитъ изъ «главнаго судьи», назначаемаго изъ юридическаго отдѣленія главнаго штаба, въ качествѣ президента, и изъ судей, назначаемыхъ изъ строевыхъ офицеровъ главнымъ начальникомъ войскъ. Для разрѣшенія вопроса о виновности подсудимыхъ, при военныхъ судахъ существуютъ присяжные засѣдатели, которые назначаются для каждаго дѣла отдѣльно изъ числа всѣхъ военно-служащихъ, состоящихъ на службѣ въ тѣхъ войскахъ, при которыхъ судъ учреждается. Органами обвинительной власти при военныхъ судахъ являются аудиторы, назначаемые изъ членовъ юридическаго отдѣленія главнаго штаба. Кромѣ того, существующими швейцарскими военно-законоположеніями, устанавливается еще особый типъ суда—«судъ чрезвычайный». Составъ этого суда составляется: изъ пяти военныхъ и четырехъ гражданскихъ членовъ, но присяжные засѣдатели участіе въ этомъ судѣ не принимаютъ, а потому и поименованный судъ, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ вопроса о виновности подсудимыхъ, долженъ разрѣшать и вопросы о наказаніяхъ. Подсудность чрезвычайному суду опредѣляется преступленіями, учиненными высшими военными начальниками, а потому на практикѣ такой судъ никогда еще не собирался.

Въ Бельгіи существуютъ: «одинъ постоянный военный судъ въ Брюсселѣ», состоящій изъ одного совѣтника гражданскаго апелляціоннаго суда, назначаемаго, въ качествѣ президента, на одинъ годъ, и четырехъ генераловъ или штабъ-офицеровъ, назначаемыхъ по жребію на одинъ мѣсяцъ, и

«временные военные суды», учреждаемые при войскахъ и состоящіе каждый изъ семи офицеровъ, назначаемыхъ военными начальниками для каждаго дѣла отдѣльно. Всѣ эти суды суть суды первой инстанціи и разсматриваютъ дѣла по существу, сообразуясь съ чиномъ и званіемъ подсудимыхъ, но постоянный военный судъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и судомъ апелляціоннымъ для судовъ временныхъ. Что же касается до кассаціонной инстанціи, то такую составляетъ общій кассаціонный судъ. Органами обвинительной власти являются: при постоянномъ судѣ—«генералъ-аудиторъ», а при временныхъ судахъ—«военные аудиторы».

Въ Вюртембергѣ органами военно-судебной власти являются «ревизіонный судъ», состоящій изъ трехъ гражданскихъ членовъ постоянныхъ и четырехъ военныхъ членовъ, назначаемыхъ на три мѣсяца; «судъ военный», собираемый для каждаго дѣла отдѣльно, и «военно-судныя коммиссіи», составляемыя изъ пяти временно-назначаемыхъ членовъ. Составъ военнаго суда формируется, соображаясь съ личностью подсудимаго: такъ, для сужденія офицеровъ, судъ составляется изъ семи офицеровъ, а для сужденія чиновниковъ — изъ четырехъ офицеровъ и трехъ чиновниковъ. При военныхъ начальникахъ состоятъ «аудиторы», которые принимаютъ участіе въ засѣданіяхъ военныхъ судовъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Австро-Венгріи и Пруссіи.

Въ прежнее время сфера юрисдикціи военныхъ судовъ въ государствахъ Западной Европы была довольно обширна и судамъ этимъ были подсудны не только лица, состоящія на дѣйствительной службѣ, но и много такихъ лицъ, положеніе коихъ не имѣло никакого отношенія не только къ военной службѣ, но даже и къ военной корпораціи; такъ, между прочимъ, военнымъ судамъ были подсудны: жены и дѣти офицеровъ, вдовы умершихъ офицеровъ и прислуга, состоящая при офицерахъ. Такая подсудность военнымъ судамъ удержалась въ Австро-Венгріи даже до 1869 г.

Въ настоящее время въ Западной Европѣ начинаетъ пробивать себѣ дорогу уже другой принципъ, а именно—принципъ ограниченія военной подсудности одними только преступленіями воинскими. Въ области воззрѣній теоретическихъ принципъ этотъ получилъ уже давно гражданство, такъ какъ въ основаніи указаннаго принципа легло убѣжденіе, что военные суды скорѣе не сословныя, а государственныя учрежденія, призванныя къ охраненію военнаго порядка, но не къ поддержанію привилегированнаго положенія военно-служащихъ.

Общественное движеніе въ пользу ограниченія военной подсудности началось во Франціи съ 1829 г., а въ Германіи—съ 1848 г. Въ послѣднее время снова началось движеніе въ пользу ограниченія военной подсудности не только въ періодической печати Западной Европы, но даже въ законодательныхъ собраніяхъ.

Для уясненія военной подсудности, существующей въ настоящее время въ Западной Европѣ, необходимо разсмотрѣть эту подсудность сперва въ

объективномъ и субъективномъ отношеніяхъ, а затѣмъ указать на подсудность смѣшанную.

Въ Англіи, по дѣйствующему тамъ военному законодательству, военнымъ судамъ подсудны только преступленія, перечисленныя въ военно-уголовномъ законѣ, т.-е. въ актѣ 1879 г.

Въ актѣ этомъ, помимо перечисленія различныхъ преступленій спеціально-воинскихъ, указывается также и на различные виды маловажныхъ посягательствъ, направленныхъ противъ имущества частныхъ лицъ, но относительно важнѣйшихъ общихъ преступленій ничего въ актѣ не говорится. Такимъ образомъ, важнѣйшія преступленія общія, учиненныя воинскими чинами, не подсудны въ Англіи военнымъ судамъ, а маловажныя общія имущественныя преступленія актъ 1879 г. относитъ къ категоріи проступковъ маловажныхъ, безчестящихъ званіе военнаго. Впрочемъ войска, находящіяся въ Гибралтарѣ, а также расположенныя въ мѣстностяхъ, отстоящихъ далѣе ста верстъ отъ общихъ уголовныхъ гражданскихъ судовъ, за всѣ преступленія, какъ общія, такъ и воинскія, подлежатъ сужденію военныхъ судовъ.

Изъ всѣхъ континентальныхъ государствъ Западной Европы только въ Италіи и отчасти въ Швейцаріи военная подсудность ограничивается преступленіями воинскими, хотя къ числу такихъ преступленій и отнесены нѣкоторыя преступленія общія, въ зависимости отъ положенія объекта, а потому и понятіе о воинскомъ преступленіи, усвоенное итальянскимъ и швейцарскимъ военно-уголовными кодексами, совершенно не совпадаетъ съ такимъ же понятіемъ англійскаго военно-уголовнаго законодательства. По дѣйствующему итальянскому кодексу 1869 г., военнымъ судамъ, по мирному времени, подсудны только преступленія, предусмотрѣнныя въ первой части этого кодекса и называемыя самимъ кодексомъ въ первой его статьѣ «воинскими» (reato militare), причемъ къ числу этихъ преступленій относятся не только тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ нарушеніе обязанностей военной службы, но и всякія правонарушенія, совершенныя военно-служащимъ противъ личности или собственности другого военно-служащаго. Въ швейцарскомъ кодексѣ понятіе о преступленіи воинскомъ гораздо шире, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ Западной Европы: такъ, швейцарскій кодексъ не только предусматриваетъ преступленія, совершенныя однимъ военно-служащимъ противъ другого, но и вообще всѣ болѣе важныя преступленія противъ собственности и личности частныхъ лицъ. Такимъ образомъ, военно-служащіе Швейцарскаго союза подлежатъ сужденію общихъ уголовныхъ судовъ только за тѣ общія преступленія, которыя не предусмотрѣны указаннымъ швейцарскимъ военно-уголовнымъ кодексомъ.

Въ остальныхъ государствахъ континента Западной Европы, какъ-то: во Франціи, Австро-Венгріи, Пруссіи, Баваріи, Бельгіи, Вюртембергѣ и другихъ государствъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи, военная подсудность распространяется не только на преступленія спеціально воинскія, но и на общія, совершенныя такими лицами, которыя, въ силу субъек-

тивныхъ особенностей, подсудны военнымъ судамъ. Правда, во Франціи нѣкоторые проступки, имѣющіе характеръ фискальныхъ нарушеній и неисполненія полицейскихъ требованій, изъяты изъ вѣдѣнія военныхъ судовъ; но проступки эти влекутъ за собою не наказаніе уголовное, а лишь денежныя взысканія *).

Кромѣ того, въ Вюртембергѣ военно-служащіе, за учиненіе общихъ преступленій, влекущихъ за собою смертную казнь, подлежатъ сужденію общихъ уголовныхъ судовъ гражданскаго вѣдомства.

Относительно удовлетворенія гражданскихъ исковъ, вытекающихъ изъ преступленій, только военно-уголовные кодексы Франціи и Италіи не допускаютъ такихъ исковъ въ судахъ военныхъ и ограничиваютъ военную подсудность одною лишь уголовною сферою **).

Такимъ образомъ, военная подсудность, существующая въ западно-европейскихъ государствахъ въ смыслѣ объективномъ, довольно разнообразна и, строго говоря, не отличается надлежащей устойчивостью; такъ, напримѣръ, преслѣдуя принципъ охраненія государственнаго, а не частнаго интереса, военные процессы западно-европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Франціи и Италіи, допускаютъ, однако, существенное уклоненіе отъ такого принципа и вводятъ въ компетенцію военныхъ судовъ и гражданскіе иски.

Н. П. Хитрово.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

*) По нашему дѣйствующему военно-уголовному законодательству преступленія, совершаемыя военно-служащими и относящіяся до нарушенія постановленій о печати, не соединенныя, однако, съ нарушеніемъ обязанностей военной службы, изъяты изъ вѣдѣнія военно-окружныхъ судовъ, а подсудны судамъ общимъ гражданскимъ уголовнымъ.

**) По нашему дѣйствующему военно-уголовному законодательству, военно-окружные суды могутъ разрѣшать вопросы и объ имущественной отвѣтственности подсудимыхъ, т.-е. принимать къ своему вѣдѣнію такіе гражданскіе иски, которые вытекаютъ изъ совершенныхъ виновными преступленій.

Нѣсколько словъ о пензенскомъ праздникѣ.

Если вы нуждались въ пріятныхъ, живительныхъ, освѣжающихъ впечатлѣніяхъ и не попали въ Пензу на чествованіе памяти В. Г. Бѣлинскаго, то вы потеряли существенное благо.

Я говорю лишь о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя мы, гости, получили отъ мѣстной публики, отъ ея искреннихъ усилій и отъ тѣхъ результатовъ, которые, несмотря на странное, непонятное, я даже скажу — противоестественное противодѣйствіе нѣкоторыхъ «органовъ», все-таки получились.

Что же касается усилій другого рода, то о нихъ пріятнѣе было бы не вспоминать, и если я тѣмъ не менѣе скажу о нихъ нѣсколько словъ, то единственно для полноты картины.

Разсказывать о томъ, какія мытарства предприняло ходатайство о разрѣшеніи чествованія, было бы томительно. Достаточно сказать, что разрѣшеніе получено организаторами праздника за нѣсколько дней до самаго праздника, такъ что даже пригласить толкомъ, съ достаточною увѣренностью, желательныхъ людей не было возможности. Благодаря этому, программа литературнаго вечера составлялась наканунѣ самаго вечера и спѣшно печаталась.

Причина — пятидесятилѣтнее недоразумѣніе, желѣзнымъ кольцомъ окружившее имя Бѣлинскаго. Ходатайство роковымъ образомъ попало къ петербургскимъ чиновникамъ и, пока дошло до высшей ступени, гдѣ къ нему отнеслись правильно, поставило въ тупикъ не одинъ десятокъ чиновничьихъ умовъ. Какъ? Бѣлинскій? Чествованіе Бѣлинскаго? Но позвольте! Не говоря уже о томъ, что у него не было никакого чина, онъ къ тому же еще былъ... Тутъ слѣдовала большая пауза, ибо петербургскіе чиновники русской литературы читать не обязаны и потому не знаютъ, что такое собственно былъ Бѣлинскій. Но слышали они, что гдѣ-то кто-то его не одобрялъ и потому съ опаской клали ходатайство на нѣкоторое время подъ сукно.

Но фактъ тотъ, что, дойдя до высшаго начальства, ходатайство получило разрѣшеніе, и потому всѣмъ казалось, что съ этого момента дѣло

пойдетъ какъ по маслу. Но это была съ нашей стороны одна неопытность. Въ самый день праздника утромъ мы направились въ соборную церковь. Мы дѣлали это не наугадъ, а согласно программѣ, утвержденной министромъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ первымъ номеромъ поставлено: «Заупокойная литургія и панихида въ соборной церкви». Но оказалось, что соборъ для насъ запертъ. Кто унесъ ключи его,—неизвѣстно. Какъ мы ни стучались, желая осуществить программу, утвержденную начальствомъ, двери собора остались непоколебимы, и публика пошла молиться въ церковь св. Петра и Павла. Безъ сомнѣнія, это произвело на всѣхъ удручающее впечатлѣніе.

Далѣе стали выходить наружу маленькія колючки, которыя, какъ извѣстно, чѣмъ меньше, тѣмъ больнѣе колютъ. Въ церкви, на открытіи выставки предметовъ, связанныхъ съ памятью Бѣлинскаго, на молебствіи въ народной библіотекѣ его имени, на литературномъ вечерѣ и спектаклѣ были представители всевозможныхъ круговъ и учрежденій во главѣ съ мѣстнымъ начальникомъ края. Только блисталъ своимъ отсутствіемъ школьный міръ. Всѣ спрашивали другъ друга: что это значитъ? Но никто́ собственнымъ умомъ не могъ дойти до рѣшенія столь головоломнаго вопроса.

Да и можно ли отвѣтить на него при усиліяхъ одного только здраваго смысла? Праздникъ разрѣшенъ правительствомъ; надо думать, что этимъ самымъ съ имени Бѣлинскаго снятъ весь слой накопившихся за десятки лѣтъ недоразумѣній. Праздникъ разрѣшенъ не частнымъ людямъ, а городскому управленію, разрѣшено отправлять его не по секрету, а всенародно. Наконецъ, въ этотъ день служились по душѣ Бѣлинскаго панихиды въ Петербургѣ, Москвѣ, Саратовѣ, Орлѣ, Одессѣ, во всей Россіи. Не молились только въ Тамбовѣ, гдѣ мудрые отцы города нашли, что Бѣлинскій ничего не сдѣлалъ для народа и потому не заслужилъ со стороны Тамбова никакой чести... Но тамбовская мудрость годится только для тамбовцевъ и никому не указъ, и спорить съ нею едва ли кому придетъ охота.

Почему же на скромное торжество въ память Бѣлинскаго не были допущены ни одинъ гимназистъ, ни одна гимназистка? Мѣстные педагоги получили изъ округа предписаніе, чтобы учебныя заведенія не принимали оффиціальнаго участія въ чествованіи. Съ извѣстной точки зрѣнія, можетъ быть, это и понятно. Но замѣтьте—оффиціальнаго! Это значитъ, что не должно быть со стороны учебныхъ заведеній депутацій, вѣнковъ, адресовъ, рѣчей. Таковъ смыслъ предписаній. Мѣстные органы дали ему, сообразно своей душѣ, широкое толкованіе и запретили учащимся показывать носъ на праздникъ. И въ самомъ дѣлѣ, это имѣло такой видъ, будто въ Пензѣ вовсе нѣтъ ни гимназистовъ, ни гимназистокъ, ни педагоговъ. Дошло до того, что та самая гимназія, въ которой учился Бѣлинскій и которая могла бы гордиться этимъ, ни единымъ звукомъ не откликнулась на торжество.

Чѣмъ дальше мы пойдемъ въ этомъ направленіи, тѣмъ глубже погрязнемъ, совершенно, какъ въ болотѣ. По программѣ, утвержденной министерствомъ, ученикамъ народныхъ школъ долженъ быть устроенъ спектакль и

праздникъ. Это стоитъ въ программѣ и ужъ, значитъ, этого никакъ нельзя не сдѣлать. И сдѣлали. Школьники сидѣли на спектаклѣ, школьники забавлялись играми, школьниковъ угощали, но при этомъ тщательно избѣгали объяснять имъ, по какому поводу и въ честь чего имъ свалились съ неба всѣ эти прелести.

Не правда ли, очень милая педагогическая предусмотрительность?

И все это уже была чистѣйшая отсебятина мѣстныхъ педагогическихъ органовъ.

А дабы придать дѣлу пристойный видъ, всюду какъ разъ именно въ этотъ день оказались головокружительные экзамены, какъ будто ихъ нельзя было перенести на другой день...

Да, педагогія—трудное искусство. Прежде считалась самымъ труднымъ—дипломатія, а теперь ее приходится поставить вторымъ номеромъ...

А учащіеся все слышали, все знали и изумлялись и спрашивали своихъ родныхъ и знакомыхъ: что же это за злодѣй былъ Бѣлинскій? Почему считается зазорнымъ намъ быть въ церкви и молиться объ его душѣ, когда это дѣлаетъ самъ губернаторъ, другія власти, наши отцы, братья и знакомые? А какую сумятицу это должно было произвести въ юныхъ и неопытныхъ душахъ учащихся, объ этомъ предоставляю судить педагогамъ.

Да, страшно жаль, что все это такъ произошло, и еслибы гг. педагоги могли настоящими, а не чиновнически - педагогическими глазами видѣть ту скорбь, какая выражалась на лицахъ у всей публики по поводу ихъ распоряженій, то и они сказали бы: да, страшно жаль! Но мнѣ приходится, скрѣпя сердце, сказать «жаль» и по другимъ поводамъ. Жаль, что русская литература чрезвычайно слабо откликнулась на призывъ устроителей чествованія. Изъ журналовъ прислали привѣтствія только *Русская Мысль* и *Русское Богатство*. Изъ газетъ—только двѣ-три провинціальныхъ. Живые представители явились изъ столицы отъ *Міра Божьяго*, а остальное все дала провинція. Старинный журналъ *Вѣстникъ Европы*, единственный, имя котораго близко къ эпохѣ Бѣлинскаго, не обмолвился ни однимъ словомъ. Беллетристика имѣла одного случайнаго представителя, поэзія—явилась въ лицѣ живущаго въ Пензѣ В. Н. Ладыженскаго, *критика — ни одного*. Кое-какъ поддержали честь столицы педагоги, явившіеся по парѣ—изъ Петербурга и Москвы. И это все. А ждали очень многихъ, ждали, готовились къ пріему и были искренно огорчены. У всѣхъ нашлись отговорки. «Жену пояхъ... супругъ воловъ купихъ...,—имѣй мя отречена». Ужасно мы всѣ занятые люди. А нѣкая учительница сама, по собственной инціативѣ и на свой страхъ, пріѣхала откуда-то съ Бѣла - озера единственно, чтобы присутствовать на чествованіи памяти великаго критика. А вѣдь учительница—не гулящій человѣкъ и дѣла у нея не меньше, чѣмъ у писателя. Но если писатели не ѣдутъ на торжественныя поминки писателя, да еще единственнаго, еще В. Г. Бѣлинскаго, то кто же пріѣдетъ? На кого разсчитывать?

Великолѣпно отличились наши разсадники высшаго просвѣщенія—академіи, университеты, институты, лицеи. Академія наукъ прислала горячее

привѣтствіе, такіе же прислали университеты Варшавскій и Харьковскій, а остальные забыли. А, можетъ, и не забыли, а вспомнили, что Бѣлинскій былъ недоучившійся студентъ. Чего добраго, у насъ всякое бываетъ. Во всякомъ случаѣ столь единодушное молчаніе «свѣтилъ науки» знаменательно и, конечно, передъ нимъ блѣднѣютъ распоряженія маленькихъ пензенскихъ педагогическихъ, на чиновничьей подкладкѣ, органовъ.

Но кто задалъ намъ неразрѣшимую задачу, такъ это представители сценическаго искусства. Они всѣ поголовно забыли, что̀ сдѣлалъ Бѣлинскій для театра. Они выпустили изъ виду, что его пламенныя статьи о театрѣ научили публику любить театръ и цѣнить его не какъ забаву, а какъ храмъ искусства, сблизили зрителя съ актерами, растолковали значеніе великихъ произведеній, которыя и теперь еще служатъ для насъ образцами, наконецъ, сохранили для самихъ же актеровъ то, что безъ него погибло бы безслѣдно: подробный и блестящій анализъ игры такихъ свѣтилъ сцены, какъ Мочаловъ, Каратыгинъ, Щепкинъ и др.

Провинціальному актеру можно простить. Въ той борьбѣ за существованіе, какую онъ ведетъ, можно не только Бѣлинскаго, а и отца родного забыть. Но почему такъ краснорѣчиво промолчали наши обѣ образцовыя сцены? Среди дѣятелей этихъ сценъ есть не мало людей чуткихъ, образованныхъ, литературныхъ и даже пишущихъ. Гдѣ они? Гастролируютъ... Имъ некогда. Они играютъ Гамлетовъ и Лировъ, одни не подозрѣвая, а другіе забывая, что безъ геніальныхъ усилій Бѣлинскаго эти произведенія въ ихъ истинномъ видѣ и значеніи еще можетъ быть долго были бы чужды русской сценѣ и русской публикѣ. А имъ не лишне помнить, что значительная часть публики еще и теперь смотритъ *Гамлета* по Бѣлинскому, да и они сами многое еще «играютъ по Бѣлинскому».

Московская сцена безъ мѣры виновата въ забывчивости. Петербургская можетъ сослаться на то, что Бѣлинскій, въ качествѣ горячаго поклонника Мочалова, нѣсколько скептически относился къ современной ему петербургской сценѣ, но московской не на что сослаться. И да простятъ меня московскіе актеры, а имъ должно быть стыдно...

Такимъ образомъ все то, что должно было придти извнѣ на помощь устроителямъ чествованія памяти В. Г. Бѣлинскаго въ Пензѣ, далеко не стояло на высотѣ призванія. Литература, наука, журналистика, искусство всѣхъ родовъ, а театръ въ особенности, точно сговорились не замѣтить этотъ праздникъ, который могъ и долженъ былъ сдѣлаться большимъ праздникомъ русской интеллигенціи.

Но я стараюсь отдѣлаться отъ этихъ грустныхъ впечатлѣній и сосредоточиваю свои мысли на томъ дружномъ, искреннемъ, нравственномъ подъемѣ, какой обнаружило въ эти дни пензенское интеллигентное общество. Сколько хлопотливыхъ заботъ и стараній, сколько помѣхъ, огорченій и разочарованій! И все-таки вышло нѣчто свѣтлое, отрадное, нѣчто такое, что никогда не забудется.

Тѣнь Лермонтова покровительствовала празднику и неразрывно связа-

лась со всѣми дѣйствіями устроителей чествованія. Инціатива и распорядительность принадлежали членамъ комитета Лермонтовской читальни, здѣсь собирались для разработки программы, а главную тяготу несъ на своихъ плечахъ предсѣдатель этого симпатичнаго общества, мѣстный врачъ, К. Р. Евграфовъ, которому нельзя не сказать великое спасибо.

Повторяю, несмотря ни на что, праздникъ вышелъ дружный, сердечный, въ немъ пензенское общество показало себя истинно-интеллигентнымъ, что̀ не на каждомъ шагу встрѣчается въ нашихъ провинціальныхъ городахъ.

Проектъ памятника В. Г. Бѣлинскому утвержденъ. Но на него нѣтъ еще достаточныхъ средствъ. Пензенцы мечтаютъ о наилучшемъ памятникѣ—постройкѣ зданія, гдѣ могли бы объединиться всѣ образовательныя учрежденія, связанныя столь близкими между собою именами Лермонтова и Бѣлинскаго. Но на это тѣмъ болѣе нѣтъ средствъ.

Но пензенцы надѣются и,—какъ я думаю, не напрасно,—на то, что ихъ поддержатъ многочисленные почитатели великаго поэта и великаго критика. Мѣстное городское управленіе съ благодарностью приметъ все, что̀ будетъ пожертвовано на этотъ предметъ.

П. Н. И.

Два міросозерцанія.

(По поводу одной русской брошюры и одной иностранной повѣсти).

Противорѣчьемъ съ толку будешь сбитъ,
Уменъ ли, глупъ ли ты: ужъ тайна здѣсь такая,
Все это и старо и ново!
Мефистофель (Гёте).

I.

Русская брошюра, по поводу которой мы хотимъ поговорить, это—*Судьба Пушкина* г. Владиміра Соловьева, а иностранная повѣсть, которую мы этой брошюрѣ намѣреваемся противопоставить, это—*Погибшая жизнь* шведскаго писателя Густава Гейерстама (см. переводъ въ *Русской Мысли*, апрѣль, 1898 г.). Въ чисто литературномъ отношеніи эти два произведенія одинаково замѣчательны и притомъ достоинства ихъ, а отчасти и недостатки—одни и тѣ же. Между тѣмъ, по своимъ основнымъ тенденціямъ—это два полюса: лѣто для одного, въ то же время зима для другого; когда г. Соловьеву радостно, свѣтло и тепло, г. Гейерстаму холодно, темно и горестно. Г. Соловьевъ—убѣжденный оптимистъ, г. Гейерстамъ—не менѣе крѣпко убѣжденный пессимистъ: этимъ все сказано. Общее между обоими писателями заключается въ томъ, что они въ равной мѣрѣ искренны и произведенія ихъ—не результатъ случайнаго настроенія духа, не простыя импровизаціи, а плодъ упорнаго умственнаго труда и осмысленнаго житейскаго опыта. Какъ писатели, какъ мыслители, гг. Соловьевъ и Гейерстамъ вполнѣ стоятъ другъ друга. Они равно оригинальны и самостоятельны, одинаково послѣдовательно идутъ къ своимъ, столь противоположнымъ цѣлямъ, въ равной степени владѣютъ искусствомъ располагать факты сообразно своей основной идеѣ. Они сходствуютъ между собою даже въ формальномъ смыслѣ: г. Соловьевъ—философъ и публицистъ, но въ то же время беллетристъ (читатели *Русской Мысли* быть можетъ еще помнятъ премиленькую его повѣсть *На зарѣ туманной юности*) и очень звучный и красивый поэтъ. Съ другой стороны, г. Гейерстамъ не только беллетристъ но и публицистъ и литературный критикъ. По свидѣтельству

его русскаго переводчика (см. предисловіе къ переводу) Гейерстамъ «написалъ нѣсколько брошюръ по рабочему вопросу и цѣлый рядъ критическихъ статей». Эта литературная техническая многосторонность нашихъ авторовъ ярко выразилась и въ данномъ случаѣ: теоретическая *статья* г. Соловьева, въ сущности, не что иное какъ историческая повѣсть, сочиненная г. Соловьевымъ, и при ея разборѣ позволительно примѣнить обычныя средства литературно-художественной критики, вплоть, пожалуй, до эстетическаго критерія. Съ другой стороны, *повѣсть* г. Гейерстама—это настоящая диссертація, написанная съ цѣлью доказать заранѣе поставленные такіе-то и такіе тезисы, такъ что вы можете анализировать ее съ помощью чисто-логическихъ пріемовъ.

Собственно мое положеніе, какъ критика этихъ двухъ писателей—антиподовъ, представляется довольно замысловатымъ: между этими жителями арктическаго и антарктическаго полюсовъ я являюсь обитателемъ экваторіальныхъ странъ и, при всемъ желаніи, дальше тропиковъ подвинуться къ моимъ собесѣдникамъ не могу: между г. Соловьевымъ и мною лежитъ непереходимою чертой «ракъ», между г. Гейерстамомъ и мною такою же чертой лежитъ «козерогъ». Употребляя другую метафору, я скажу, что мнѣ приходится въ настоящемъ случаѣ вести войну «на два фронта», но такую войну, которая военною стратегіей не предусмотрѣна и возможна только въ области отвлеченныхъ идей. Дѣло въ томъ, что мои противники въ то же время и мои союзники. Обращаясь лицомъ къ г. Соловьеву, я могу не опасаться за свой тылъ: въ тылу у меня г. Гейерстамъ, который въ силу логическаго императива долженъ желать побѣды не г. Соловьеву, а мнѣ. Точно также, повертываясь фронтомъ къ г. Гейерстаму, я считаю г. Соловьева своимъ резервомъ, который я могу призвать себѣ на помощь въ трудный моментъ борьбы съ пессимизмомъ г. Гейерстама. Оставимъ метафоры и спросимъ напрямикъ: въ чемъ дѣло? Въ чемъ ваша главная мысль, г. Соловьевъ? А вотъ въ чемъ: все прекрасно и все разумно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Слезы, кровь, горе, страданія человѣческія—все это есть и пусть себѣ будутъ, потому что *все къ лучшему*. Необходимы, плодотворны эти страданія—и прежде всего для самихъ страдальцевъ. Нѣкто умеръ во цвѣтѣ лѣтъ и въ блескѣ пышно развернувшихся дарованій и мы говоримъ: вотъ преждевременная смерть! Но это только слѣпота и ограниченность наша: ничего не могло быть своевременнѣе этой смерти какъ для всѣхъ насъ, такъ и для самого умершаго. Жизненный путь этого человѣка настолько уклонился отъ намѣченной для него судьбою колеи, что только смерть могла спасти его отъ несравненно бо̀льшихъ страданій въ будущемъ. Это только справедливо. Судьбѣ угодны страданія, но лишь *полезныя*, такія, которыя ведутъ человѣка къ нравственному обновленію. Да, черезъ искупленіе къ возрожденію—вотъ важнѣйшій законъ, главнѣйшее велѣніе разума. Если же возрожденіе невозможно, если оно слишкомъ запоздало, то искупленіе заблужденій страданіями было бы въ этомъ случаѣ ненужною жестокостью и смерть является здѣсь про-

стымъ и естественнымъ коррективомъ. Нельзя распутать узла—до того онъ запутался,—но развязать его однако необходимо, того требуетъ правда жизни, и что же остается, какъ не разрѣзать его острымъ мечомъ смерти? Это болѣе чѣмъ справедливость, это высшее милосердіе, и не роптать на него, не безсмысленно противъ него протестовать должны мы въ такихъ случаяхъ, а благоговѣйно передъ нимъ преклониться, со слезами любви и благодарности.

Я этого не говорилъ, скажетъ г. Соловьевъ. Да, именно этихъ *словъ* онъ не говорилъ, *слова* принадлежатъ мнѣ, но они резюмируютъ *мысли*, принадлежащія г. Соловьеву,—это я положительно утверждаю. Впрочемъ, я слишкомъ хорошаго мнѣнія о г. Соловьевѣ, чтобы допустить для него возможность уклоненія отъ своихъ собственныхъ, очевидно, задушевныхъ вѣрованій и убѣжденій. Да и зачѣмъ бы уклоняться? Вѣдь въ нихъ столько теплоты и есть своя доля истины,—положимъ, истины не новой, но все еще недостаточно освѣщенной и освященной философскимъ сознаніемъ. *Все къ лучшему*,—что-жъ, разумѣется, это вѣрно, и никакія ироническія киванія на доктора Панглосса насъ не смутятъ. То-есть не смутятъ меня, а г. Соловьева—не знаю. Г. Соловьевъ, къ сожалѣнію, не позаботился *) отграничить своей формулы «все къ лучшему» отъ таковой же формулы Панглосса, а сдѣлать это, кажется, было вовсе не трудно. «Все къ лучшему *вообще*» совсѣмъ не то же, что «вообще *все* къ лучшему». Первая формула обозначаетъ собою лишь то, что человѣчество вообще прогрессируетъ, т.-е. умнѣетъ, добрѣетъ и богатѣетъ съ каждымъ новымъ прожитымъ имъ столѣтіемъ. Жизнь человѣческаго *рода* идетъ къ лучшему, но это отнюдь не значитъ, что жизнь каждой человѣческой *особи* идетъ тоже къ лучшему. Между тѣмъ вторая формула имѣетъ именно этотъ послѣдній смыслъ. Это формула не прогресса, а благодушнаго квіетизма, того самаго, въ которомъ нѣкоторое время пребывалъ когда-то Бѣлинскій, того самаго, которымъ на нашихъ глазахъ успокоивалъ себя Толстой («хозяинъ не обидитъ»), того самаго, наконецъ, къ которому, мы боимся, очень близко подошелъ г. Соловьевъ. Въ брошюрѣ г. Соловьева имѣется такая рѣшительная фраза: «нѣтъ такого житейскаго положенія, хотя бы возникшаго по нашей собственной винѣ, изъ котораго нельзя было бы при доброй волѣ выйти достойнымъ образомъ». Я нахожу эту мысль чрезвычайно характерною для г. Соловьева и для его философіи. Собственно говоря, еслибъ изъ приведенной фразы исключить коротенькое слово *хотя бы*, мы подъ ней подписались бы обѣими руками: *положеніе*, возникшее по *нашей* собственной *винѣ*, есть конечно положеніе, нами самими созданное, и именно потому оно подлежитъ нашему воздѣйствію въ какомъ угодно иномъ направленіи. Если мы властны были сдѣлать, то властны и пере-

*) Утверждая, что г. Соловьевъ *не позаботился* и т. д. я спѣшу прибавить, что имѣю въ виду только разбираемую брошюру его. Съ его книгой *Оправданіе добра* я, къ стыду своему, до сихъ поръ не успѣлъ познакомиться, а ужъ тамъ г. Соловьевъ навѣрное укрѣпилъ свои позиціи получше.

дѣлать; если мы напортили, то въ нашихъ рукахъ должны быть средства и поправить испорченное,—это ясно. Но куда г. Соловьевъ дѣваетъ цѣлую огромную категорію «житейскихъ положеній», *не по нашей винѣ* возникшихъ, но оказывающихъ тѣмъ не менѣе на нашу личную жизнь и судьбу самое могущественное и, зачастую, неблагопріятное вліяніе? Вѣдь мы не выбираемъ себѣ ни отечества, ни родителей, ни сословія, ни состоянія. Мы являемся безоружными и пассивными въ среду вполнѣ готовую и сложившуюся безъ самомалѣйшаго участія нашего въ ея сформированіи. Г. Соловьевъ отдѣлывается на этомъ важномъ пунктѣ дешевенькою ироніей: «*пресловутая* среда,—говоритъ онъ,—роковое предназначеніе которой только въ томъ, кажется, и состоитъ, чтобы *заѣдать* людей». Не о томъ рѣчь, г. Соловьевъ. Роковое предназначеніе среды мы оставимъ въ сторонѣ, потому что тутъ возможны только полумистическія, полуметафизическія гаданія, а вѣдь передъ нами огромный конкретный *фактъ*, который вы, съ высоты вашей философіи, *обязаны* разъяснить намъ. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что нерѣдко среда дѣйствительно людей *заѣдаетъ*, чуть не въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Г. Соловьевъ изъ этого общаго факта выбираетъ *одинъ* частный случай (судьбу Пушкина), напрягаетъ всѣ силы своей замѣчательной діалектики, чтобы доказать разумность этого случая и, покончивъ съ этою задачей (успѣшно или нѣтъ—увидимъ дальше), благополучно переходитъ къ совсѣмъ нефилософскому обобщенію; трагическая судьба Пушкина была разумна и справедлива,—значитъ, судьба вообще разумна и справедлива. Совсѣмъ это не значитъ!

Конечно, не значитъ, но этого мало сказать,—слышимъ мы съ читателемъ новый голосъ. Мало сказать, что среда заѣдаетъ или судьба губитъ людей,—заѣдаются и гибнутъ *лучшіе* люди, вотъ въ чемъ настоящая, горькая правда. Я зналъ человѣка, на которомъ «съ самаго рожденія лежало клеймо несчастія и врядъ ли къ кому-нибудь еще подходитъ такъ названіе, которымъ русскіе именуютъ преступниковъ: *несчастный!*» Я знаю жизнь этого человѣка, «его погибшую жизнь», и свидѣтельствую, что никакой отвѣтственности онъ за свою погибель не долженъ нести. Онъ совершилъ преступленіе, но онъ не преступникъ, а только орудіе или даже жертва. Чье орудіе или чья жертва? Рока, среды, судьбы, обстоятельствъ, какъ хотите, но я утверждаю, что это, во-первыхъ, жертва невинная, во-вторыхъ, жертва ненужная. Скажите мнѣ: *за что* онъ страдалъ и *зачѣмъ* онъ страдалъ? Я не нашелъ отвѣтовъ на эти вопросы, не отвѣтите на нихъ мнѣ и вы, не отвѣтитъ никто, а это значитъ, что судьба неразумна и несправедлива. Да, *значитъ*, потому что даже одинъ случай явной неразумности и несправедливости подрываетъ довѣріе къ общему принципу. А вѣдь мой случай—совсѣмъ не исключительная рѣдкость, это обычное явленіе, чуть ли не законъ нашей жизни: чѣмъ чище душа человѣка, чѣмъ отзывчивѣе его сердце, чѣмъ яснѣе его умъ, тѣмъ больше поводовъ для жизни всячески мучить и истязать его. Это и понятно, хотя отъ того не менѣе возмутительно. *Лучшій* человѣкъ есть не-

премѣнно человѣкъ съ наиболѣе развитою индивидуальностью, а такая индивидуальность менѣе всего пригодна для приспособленія къ средѣ, приспособленія, безъ котораго пѣтъ безопасности и спокойствія, не можетъ быть и счастія. Это—заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Чтобы наслаждаться жизнью, чтобы быть безмятежно счастливымъ, нужно быть посредственностью.

Посредственность одна
Намъ по плечу и не страшна,

какъ сказалъ вашъ поэтъ, тотъ самый, надъ могилой котораго вашъ философъ только что, по справедливости и по разуму, произнесъ: «туда тебѣ и дорога!» Судьба справедлива? Судьба разумна? Въ тѣ промежутки и въ тѣхъ случаяхъ, когда она не слѣпа и не глуха, она бываетъ чаще всего утонченно-жестока и злобно-иронична.

Это говоритъ намъ Гейерстамъ своею повѣстью *Погибшая жизнь*. Я опять-таки претендую на то, что основная идея и этого замѣчательнаго писателя резюмирована мною съ полною точностью. Ну, что же намъ сказать тутъ? Холодомъ вѣетъ отъ рѣчей Гейерстама и печальны онѣ, какъ звуки похороннаго колокола, но не намъ, русскимъ читателямъ, смущаться отъ нихъ: въ своей родной литературѣ мы слыхали нѣчто гораздо посильнѣе и пострашнѣе. Помните ли вы, какъ Достоевскій, устами своего Ивана Карамазова, говорилъ о страданіяхъ дѣтей, существъ безспорно и завѣдомо ни въ чемъ неповинныхъ? «Понимаешь ли ты, — говорилъ Иванъ Карамазовъ своему брату Алексѣю,—понимаешь ли ты, для чего вся эта ахинея такъ нужна и создана? Безъ нея, говорятъ, и пробыть бы не могъ человѣкъ на землѣ, ибо не позналъ бы добра и зла. Для чего познавать это чортово добро и зло, когда это столькаго стóитъ? Да вѣдь весь міръ познанія не стóитъ тогда этихъ слезокъ ребеночка къ *Боженькѣ*. Я не говорю про страданія большихъ, тѣ яблоко съѣли и чортъ съ ними, и пусть бы ихъ всѣхъ чортъ взялъ, но эти, эти!» Это не чета пессимизму Гейерстама, разобидѣвшагося на судьбу за то, что она не гладила по головѣ одного его знакомаго, весьма достойнаго человѣка. Однако... однако намъ ли, русскимъ, не знать, что Достоевскій былъ не пессимистомъ, а настоящимъ пророкомъ лучшаго будущаго, со всей страстью, со всѣмъ пыломъ и со всей вѣрой истиннаго идеалиста? Не въ томъ дѣло, что его идеи нерѣдко были прямо-таки сумбурны, — дѣло въ томъ, что онъ не утратилъ *вкуса къ жизни*, несмотря на пережитые моменты глубочайшаго отчаянія. *Весь міръ познанія не стóитъ этихъ слезокъ ребеночка*, — отчаяннѣе и безнадежнѣе этого ни придумать, ни сказать ничего нельзя. И все-таки Достоевскій не проклиналъ, а благословлялъ жизнь, точь въ точь такъ, какъ и Бѣлинскій, который съ горькою ироніей восклицалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «ай да разумъ!»—и, однако, всю свою жизнь ничего другого не дѣлалъ, какъ повсюду отыскивалъ печать высшей разумности. Живучи были эти люди, *нравственно* живучи, и не отъ логической непослѣ-

довательности, а именно отъ этой живучести происходила въ нихъ эта перемежающаяся лихорадка надежды и отчаянія. Заживо лечь въ гробъ пессимизма они не хотѣли и не могли. Но они также не принадлежали и къ тѣмъ мудрецамъ, которымъ, по пословицѣ, чужая ноша не тянетъ, и отсюда ихъ вѣчное безпокойство, — то безпокойство, которое Некрасовъ превосходно назвалъ *святымъ*. Я привелъ примѣръ этихъ людей для контраста: теперешніе мои собесѣдники — гг. Соловьевъ и Гейерстамъ — удивительно спокойные люди...

Возвращаюсь, однако, спеціально къ г. Гейерстаму. Такъ вотъ, говорю я, у насъ были витіи погромче васъ и собственнымъ примѣромъ доказали намъ безсиліе пессимизма надъ душою дѣйствительно живою и дѣятельною. Я вовсе не рекомендую г. Гейерстаму «вѣрить міра совершенству» на манеръ пушкинскаго Ленскаго. Но было бы очень желательно, чтобъ онъ повѣрилъ совершенствованію міра. Судьба несправедлива? Судьба неправо унизила и погубила вашего героя? Но ужъ если говорить о несправедливости судьбы, то начнемъ съ начала, съ ея первой несправедливости: за что она надѣлила вашего героя, не въ примѣръ прочимъ, особыми силами ума и характера? Талантливые люди, такъ или иначе недовольные своей судьбой, никогда не задаются этимъ вопросомъ. Боль отъ своихъ страданій они чувствуютъ и зачастую преувеличиваютъ, но благодарности за свое отличіе, за свою избранность, не испытываютъ. Г. Соловьевъ! прошу васъ вставить свое вѣское слово въ нашу бесѣду съ г. Гейерстамомъ. «Утверждать, что геніальность совсѣмъ ни къ чему не обязываетъ, что генію все позволено, что онъ можетъ безъ вреда для своего высшаго призванія всю жизнь оставаться въ болотѣ низменныхъ страстей, — это грубое идолопоклонство, фетишизмъ, который ничего не объясняетъ и самъ объясняется лишь духовною немощью своихъ проповѣдниковъ. Нѣтъ! Если геній есть благородство по преимуществу, или высшая степень благородства, то онъ по преимуществу и въ высшей степени обязываетъ. Noblesse oblige». Превосходно, г. Соловьевъ! Что скажете, г. Гейерстамъ? Вашъ герой, положимъ, не геній, но человѣкъ все-таки отмѣченный судьбой, и онъ это сознавалъ, но онъ не понималъ именно того, что такое особое вниманіе судьбы налагаетъ особыя обязанности. «Кому много дано, съ того много и спросится». Неужели это несправедливо? Между тѣмъ, талантливые люди, и въ особенности русскіе, очень склонны смотрѣть на свои таланты какъ на какой-то открытый листъ ко всевозможнымъ удачамъ въ будущемъ. Являясь въ жизнь гораздо лучше вооруженными, нежели обыкновенные смертные, они все-таки хотѣли бы и надѣются, что самый ихъ путь будетъ расчищенъ и сглаженъ баловницей-судьбой, и когда этого на дѣлѣ не оказывается, то вотъ и поводъ, и почва для пессимистическихъ ламентацій, ровно ничего не стоющихъ. Герой Гейерстама (какъ увидимъ ниже) отъ большого ума глупилъ всю свою жизнь и когда подошла неизбѣжная развязка, сталъ съ горечью восклицать: о, злая, несправедливая судьба!

«Судьба» — не попечительная нянюшка, хлопотливо заботящаяся о сво-

ихъ питомцахъ, какъ полагаетъ г. Соловьевъ, и судьба—также не коварная злодѣйка, увеселяющая себя нашими страданіями, какъ склоненъ думать г. Гейерстамъ. Это—чисто-субъективныя представленія, на ряду съ которыми я имѣю право поставить свое собственное, хотя бы вотъ какое. «Судьба»—великая работница, которой очень мало дѣла до нашего благополучьица, но которая требуетъ отъ насъ сотрудничества во *всю* мѣру нашихъ силъ. Да вѣдь въ этомъ сотрудничествѣ и наше лучшее, высшее счастье,—какъ этого не понимать! Всѣ мы званые, но избранные между нами отнюдь не наиболѣе одаренные, а тѣ, которые полнѣе другихъ слѣдуютъ своему человѣческому призванію, состоящему въ сознательномъ и производительномъ *трудѣ*. Толстой гдѣ-то остроумно и глубоко замѣтилъ, что человѣкъ, прежде чѣмъ перейти къ самой жизни, предварительно продѣлаетъ и испробуетъ весь вздоръ жизни. *Избранные,* лучшіе между нами, именно тѣ, которые—умомъ ли, инстинктомъ ли—скорѣе другихъ разбираются въ вопросѣ, что̀ вздоръ и что̀ не вздоръ жизни. Они же и самые счастливые...

... гряди, счастливецъ! На словахъ, на дѣлѣ
Будь сотрудникъ Божій и въ согбенномъ тѣлѣ.
Силу вѣчной правды и любви постигнутъ
Только люди, только вѣра и усилья
Пробиваться къ свѣту придадутъ имъ крылья
Быть вездѣ, со всѣми: лишь они достигнутъ
Цѣли—формамъ жизни дать то совершенство,
Что создастъ народамъ высшее блаженство:
Знать, любить и вѣрить, и искать дорогу
Въ безднѣ безконечныхъ переходовъ къ Богу.

Природа—не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ, сказалъ тургеневскій Базаровъ. Природа, скажу я, есть храмъ, въ которомъ люди молятся не словами и даже не слезами, а трудами и дѣломъ. Вспомните глубочайшую евангельскую притчу о талантахъ, о рабѣ лукавомъ и лѣнивомъ.

Теперь обратимся къ деталямъ.

II.

Судьба Пушкина... «Роковая смерть Пушкина, въ расцвѣтѣ его творческихъ силъ, казалась мнѣ вопіющею неправдою, нестерпимою обидою и дѣйствовавшій здѣсь рокъ не вязался съ представленіемъ о доброй силѣ». Такъ говоритъ г. Соловьевъ. Онъ «долго не умѣлъ» объяснить эту роковую смерть въ духѣ своей успокоительной философіи, но теперь онъ нашелъ нужное объясненіе и предлагаетъ его намъ въ назиданіе. Благодаримъ, но рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ г. Соловьевъ такъ упорно искалъ этого объясненія. Вѣдь даже съ точки зрѣнія самого г. Соловьева наше негодованіе, наша «нестерпимая обида» передъ лицомъ «вопіющей неправды» вполнѣ законны. Допустимъ на минуту, что собственно въ

судьбѣ Пушкина этой вопіющей неправды не было, — общій вопросъ заключается все-таки въ томъ, существуетъ или не существуетъ неправда вообще въ жизни? Если не существуетъ, если дѣйствительность идеально справедлива и разумна, то доказывать справедливость судьбы Пушкина, очевидно, излишне: конечно, она справедлива, какъ и все на свѣтѣ! Если же неправда въ жизни не только существуетъ, но и играетъ огромную роль, то опять-таки судьба Пушкина ничему насъ не научитъ: пусть онъ погибъ по-дѣломъ, но другіе? «Но эти, эти!»—какъ восклицалъ Достоевскій? Этихъ «другихъ»—многое множество, брошюръ на каждаго изъ нихъ не напасешься, и дѣло остается по-старому. По-старому, съ чувствомъ «нестерпимой обиды», мы будемъ спрашивать:

Зачѣмъ живутъ собака, лошадь, крыса,
Въ тебѣ-жъ дыханья нѣтъ? О, никогда
Ты не придешь и не вернешься къ намъ!

Это слова безумнаго Лира, но г. Соловьевъ не имѣетъ права оспаривать ихъ мудрость, ихъ законность: онъ самъ совѣтуетъ намъ «не закрывать глазъ на дурную сторону дѣйствительности» (стр. 13), требуетъ, чтобы мы были «служителями добра и исправителями дѣйствительности» (стр. 15). Совѣтъ благоразуменъ и требованіе превосходно, но они не противорѣчатъ, а санкціонируютъ наше негодованіе, нашу «нестерпимую обиду»: это негодованіе, сознаніе этой «обиды»—только первый шагъ или, точнѣе, первый импульсъ къ дѣятельному исправленію дѣйствительности. Это соображеніе практическое, а вотъ соображеніе чисто-логическое: если судьба вообще не непогрѣшима (въ противномъ случаѣ дѣйствительность была бы безупречно идеальна и «исправлять» въ ней было бы нечего), то возможно ли допустить, что въ личной судьбѣ одного человѣка (въ нашемъ случаѣ—Пушкина) все правильно, справедливо, разумно? А вѣдь г. Соловьевъ только затѣмъ и брошюру свою написалъ, чтобы доказать это положеніе. Всѣхъ такъ или иначе судьба хоть немножко да обижаетъ (въ чемъ же иномъ могутъ состоять «дурныя стороны дѣйствительности»?) и только вотъ къ русскому поэту Пушкину она была идеально справедлива и благосклонна. Неужели такая точка зрѣнія не фальшива въ самомъ основаніи своемъ? Заранѣе ясно, что почти ничего кромѣ софистическихъ натяжекъ и діалектическихъ изворотовъ г. Соловьевъ въ своемъ разсужденіи намъ дать не можетъ. Онъ задался невозможной цѣлью доказать намъ, что — скажемъ сравненіемъ — капля, взятая изъ мутной лужи, отличается хрустальной прозрачностью.

Пушкинъ, говоритъ г. Соловьевъ, самъ себя погубилъ «своимъ отказомъ отъ той нравственной силы, которая была ему доступна и пользованіе которою было ему всячески облегчено». Вотъ какъ хорошо быть философомъ: сейчасъ увидишь то, что намъ, простецамъ, и во снѣ не приснится. Мы думали до сихъ поръ, что Пушкинъ умеръ на дуэли, отъ раны, которая оказалась смертельной, потому что

Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.

Оказывается совсѣмъ нѣтъ: Пушкинъ самъ себя убилъ. Г. Соловьевъ курсивомъ печатаетъ слѣдующія, дѣйствительно замѣчательныя, слова: «*Пушкинъ убитъ не пулею Геккерна, а своимъ собственнымъ выстрѣломъ въ Геккерна*» (стр. 32). Геккернъ въ смерти Пушкина совершенно не при чемъ, это—жертва, это праведникъ и за это именно, думать надо, судьба и вознаградила его и благополучіемъ, и долголѣтіемъ: онъ умеръ всего года два-три назадъ, наши газеты сообщали нѣкоторыя подробности объ его жизни въ Брюсселѣ (или въ Дрезденѣ) и любопытнѣйшей изъ этихъ подробностей было то, что Геккернъ, знакомясь съ русскими вояжерами, самодовольно рекомендовался: «убійца вашего величайшаго поэта!» Что-жъ, дивиться этому самодовольствію нечего, пустое сердце бьется ровно... Но какимъ образомъ г. Соловьевъ пришелъ къ своему изумительному заключенію? Путемъ особымъ, мало кому доступнымъ, читатель, путемъ вдохновеннаго наитія. «Во время дуэли, раненый противникомъ очень опасно, но не безусловно - смертельно, Пушкинъ еще былъ господиномъ своей участи. Во всякомъ случаѣ, мнимая честь была удовлетворена опасною раной. Продолженіе дуэли могло быть дѣломъ только злой страсти. Когда секунданты подошли къ раненому, онъ поднялся и съ гнѣвными словами: attendez, je me sens assez de force pour tirer mon coups, недрожащею рукою выстрѣлилъ въ своего противника и слегка ранилъ его. Это крайнее душевное напряженіе, этотъ отчаянный порывъ страсти окончательно сломилъ силы Пушкина и дѣйствительно рѣшилъ его земную участь». Такимъ образомъ, Пушкинъ «слегка ранилъ» бѣднаго Геккерна, а самого себя ранилъ смертельно. Праведный Геккернъ стрѣлялъ безъ «злой страсти», безъ «гнѣвныхъ словъ» и рукою «дрожащею» и за это пощаженъ судьбою, тогда какъ закоренѣлый грѣшникъ Пушкинъ явился на дуэль безъ христіанскихъ чувствъ—и понесъ справедливое наказаніе за свою нераскаянность. Еслибъ онъ, получивъ пулю въ животъ, бросилъ въ сторону свой пистолетъ, тихо и благоправно улегся бы на спинку и, раскрывъ объятія, провозгласилъ: «прости меня, о, кроткій другъ мой, Геккернъ!»—тогда, конечно, судьба пощадила бы его: рана его быстро зажила бы, и онъ опять вернулся бы къ жизни и къ своему дѣлу—литературѣ, но уже съ обновленной душой. Это ужъ вѣрно. Это *самъ* г. Соловьевъ говоритъ и всѣ «богомолки, бабы умныя» подтвердятъ. Они съ судьбой—свои люди и всѣ ея пути и намѣренія извѣстны имъ какъ собственная ладонь.

Позвольте, читатель. Я очень хорошо понимаю, что предметъ, занимающій насъ, слишкомъ серьезенъ и даже величавъ, чтобы о немъ можно было говорить шутливо. Но вѣдь я говорилъ только что не о предметѣ, а лишь о воззрѣніяхъ г. Соловьева на предметъ, а развѣ эти воззрѣнія требуютъ

серьезнаго обсужденія? Это гаданія, утвержденія, предположенія, а не мотивированныя воззрѣнія. Откуда, напримѣръ, г. Соловьевъ такъ твердо знаетъ, что рана Пушкина была только опасна, а не смертельна? Дѣло происходило болѣе шестидесяти лѣтъ назадъ, никакихъ вполнѣ авторитетныхъ медицинскихъ показаній мы на этотъ счетъ не имѣемъ, и г. Соловьевъ просто фантазируетъ. Пуля пробила бедряную кость и засѣла въ животѣ—и профаны въ медицинѣ поймутъ, что отъ такой раны человѣку слишкомъ мудрено оправиться даже теперь, при несравненно болѣе высокомъ уровнѣ хирургіи, нежели въ Пушкинское время. Получивъ такую рану, «Пушкинъ еще былъ господиномъ своей участи»,—это что значитъ? Значитъ, конечно, то, что еслибы Пушкинъ не выстрѣлилъ въ Геккерна, онъ спасся бы, выздоровѣлъ бы. Чтобъ освободить это утвержденіе отъ покрывающаго его густого мистическаго тумана, г. Соловьевъ притягиваетъ за волосы реалистическое объясненіе: «этотъ отчаянный порывъ страсти (потраченный на выстрѣлъ) окончательно сломилъ силы Пушкина» и сдѣлалъ его выздоровленіе невозможнымъ. А это вы откуда, г. Соловьевъ, знаете? Если это медицинское показаніе, то оно должно бы быть научно доказано г. Соловьевымъ. Если же это только предположеніе г. Соловьева, вытекающее изъ его общаго взгляда на судьбу и на ея роль въ жизни Пушкина (на стр. 35, наприм., г. Соловьевъ прямо говоритъ о *провиденціальныхъ предостереженіяхъ* Пушкину), то я не обинуясь назову такое предположеніе легкомысленнымъ: ровно ничѣмъ не обоснованное, оно тѣмъ не менѣе великую *бѣду* Пушкина превращаетъ въ его великую *вину*. Такъ нельзя судить и, въ особенности, осуждать людей, г. Соловьевъ! Такая юстиція приличествуетъ только инквизиціонному застѣнку.

Читатель видѣлъ, что я съ большимъ сочувствіемъ цитировалъ справедливыя слова г. Соловьева насчетъ того, что *геніальность обязываетъ*. Г. Соловьевъ поэтому совершенно правъ, предъявляя Пушкину такія нравственныя требованія, какихъ нельзя предъявлять человѣку обыкновенному. Однако, можно сказать, что г. Соловьевъ отъ избытка уваженія къ Пушкину, отъ чрезмѣрнаго преувеличенія его силъ, взваливаетъ на плечи поэта такія тяжести, которыя какому угодну геніальному человѣку показались бы *бременами неудобоносимыми*. Говоря о врагахъ Пушкина, г. Соловьевъ даетъ такой аттестатъ главному изъ нихъ—Уварову: «въ публичной своей дѣятельности Уваровъ имѣлъ большія заслуги: изо всѣхъ русскихъ министровъ народнаго просвѣщенія онъ былъ, безъ сомнѣнія, самый просвѣщенный и даровитый, и дѣятельность его—самая плодотворная». Презирать такого врага мудрено, да и накладно, не правда ли? Между тѣмъ г. Соловьевъ видитъ *отказъ* Пушкина отъ доступной для него нравственной силы именно въ томъ, что Пушкинъ не умѣлъ равнодушно относиться къ *такимъ* врагамъ. За этотъ *отказъ* судьба именно и покарала Пушкина, по мнѣнію г. Соловьева. Вотъ его слова: «Враги Пушкина не имѣютъ оправданія; но тѣмъ болѣе его вина въ томъ, что онъ спустился до ихъ уровня, сталъ открытымъ для ихъ низкихъ замысловъ. Глухая борьба тя-

нулась два года и сколько было за это время моментовъ, когда онъ могъ однимъ рѣшеніемъ воли разорвать всю эту паутину, поднявшись на ту *доступную ему* (курсивъ г. Соловьева) высоту, гдѣ неуязвимость генія сливалась съ незлобіемъ христіанина». Въ одной изъ комедій Островскаго какой-то купецъ говоритъ своимъ врагамъ: «ниже своего каблука я васъ ставлю, вотъ какъ я объ васъ понимаю». Г. Соловьеву хотѣлось бы, чтобы такъ понималъ о своихъ врагахъ и Пушкинъ. Помилуйте, г. Соловьевъ, могъ бы сказать Пушкинъ, вправѣ ли я считать ниже своего каблука просвѣщеннѣйшаго и даровитѣйшаго государственнаго дѣятеля, дѣятельность котораго, по вашимъ же словамъ, была самая плодотворная? Такихъ невѣроятно-высокихъ каблуковъ не бываетъ. *Неуязвимость генія*, но меня уязвляли не въ той сферѣ, гдѣ я былъ хозяиномъ и гдѣ я дѣйствительно никого бы не испугался, не въ литературѣ, а въ жизни, да еще въ такихъ интимныхъ ея сторонахъ, какъ семейныя отношенія. *Незлобіе христіанина*,—да, оно, конечно, но, знаете ли, обращаться съ такимъ требованіемъ къ камеръ-юнкеру тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія какъ будто и странно нѣсколько. Еслибы, внявъ вашему совѣту, я ушелъ спасаться на Аѳонъ («для примиренія съ собою Пушкинъ могъ отречься отъ міра, пойти куда-нибудь на Аѳонъ»—буквально такъ, на стр. 37, говоритъ г. Соловьевъ), тогда христіанское незлобіе, всепрощеніе, смиреніе явились бы для меня обязанностью, ближайшею жизненною задачей, но роскошныя залы не совсѣмъ то же, что монастырскія кельи. Noblesse oblige,—сказали вы, но подъ noblesse надо разумѣть не только талантъ, но и общественное положеніе, свѣтскія и служебныя связи, семейныя отношенія, имущественныя дѣла: они вѣдь тоже обязываютъ и нельзя усвоить себѣ монашескій аскетизмъ «въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я купаюсь милые друзья». Вы говорите, что въ моемъ «отношеніи къ непріязненнымъ лицамъ не было ничего ни геніальнаго, ни христіанскаго и здѣсь—настоящій ключъ къ пониманію катастрофы 1837 года» (стр. 22). Говорятъ, что я геніально писалъ стихи, но что значитъ *геніально* относиться къ врагамъ,—этого я не понимаю. Что же касается до христіанскаго отношенія, то отвѣчу словами величайшаго христіанскаго авторитета: не судите, да не судимы будете. Вашъ судъ надо мной, съ полнымъ обвиненіемъ меня и съ полнымъ оправданіемъ моихъ враговъ («они исполняли свою роль» стр. 30),—христіанскій ли судъ?

Но вѣдь я именно сказалъ,—съ негодованіемъ отвѣтитъ г. Соловьевъ,—что «*враги Пушкина не имѣютъ оправданія*». Правда, онъ сказалъ это. Но онъ же иронически сказалъ, что «злая судьба, отъ которой будто бы погибъ поэтъ, воплощается въ обществѣ, свѣтѣ, толпѣ, вообще въ пресловутой средѣ». *Будто бы*! А дальше г. Соловьевъ прямо говоритъ, что, «при всей своей распространенности, это мнѣніе оказывается до крайности неосновательнымъ» *). *Неосновательнымъ*, т.-е. не свѣтъ, не среда,

*) Повидимому, г. Соловьевъ имѣетъ „пристрастіе, родъ недуга“, къ обвиненію выдающихся людей, и я считаю своимъ долгомъ вступиться здѣсь за другого рус-

не враги погубили Пушкина, а его собственная злая воля. Такъ въ чемъ же враги Пушкина виноваты? И развѣ это не полное ихъ оправданіе? А дальше еще лучше: «общественная среда,—говоритъ г. Соловьевъ,—враждуетъ обыкновенно съ тѣми людьми, которые хотятъ ее исправлять и перерождать. У Пушкина такого желанія не было; онъ рѣшительно отклонялъ отъ себя всякую преобразовательную задачу, которая, дѣйствительно, вовсе не шла бы къ нему. При всемъ различіи натуръ и характеровъ, Пушкинъ все-таки былъ болѣе похожъ на Гёте, чѣмъ на Сократа, и отношеніе къ нему оффиціальной и общественной русской среды было болѣе похоже на отношеніе Германіи къ веймарскому олимпійцу, нежели на отношеніе аѳинской демократіи къ Сократу» (стр. 25). О, да, *болѣе похоже!* Гёте жилъ и умеръ въ глубокой старости, осыпанный почестями и лаврами, Сократъ умеръ отъ цикуты, Пушкинъ—отъ пули,—ну, конечно, судьба Пушкина болѣе похожа на судьбу Гёте, чѣмъ на судьбу Сократа! Такова логика г. Соловьева, таковъ его справедливый судъ. Но дальше еще лучше: противъ Пушкина былъ устроенъ «дѣятельный заговоръ злорѣчія, сплетни и интригъ. Цѣль была—непрерывно раздражать и дразнить его и этимъ довести до поступковъ, которые сдѣлали бы его положеніе въ петербургскомъ обществѣ невозможнымъ». Это г. Соловьевъ говоритъ всего черезъ четыре страницы послѣ своей смѣлой параллели между судьбами Пушкина и Гёте. Ему, конечно, очень хорошо извѣстно, что Гёте въ Веймарѣ не раздражали и не дразнили, а всячески ублажали, что Гёте былъ другомъ герцога и не боялся никакихъ сплетенъ и интригъ,—извѣстно, но не благоугодно принять въ соображеніе, потому что это противорѣчило бы его цѣли,—обвинять Пушкина, чтобы оправдать его судьбу, доказать справедливость его горькаго конца. Пушкина раздражали и дразнили, но зачѣмъ же онъ раздражался? Въ качествѣ генія онъ долженъ былъ оставаться невозмутимымъ, чтò бы съ нимъ ни дѣлали и что бы про него и про его близкихъ ни плели враги! Такова основная мысль г. Соловьева. Будемъ

скаго писателя, котораго г. Соловьевъ снисходительно называетъ „замѣчательнымъ", но котораго онъ тутъ же рядитъ въ шутовской костюмъ. Дѣло идетъ о Писаревѣ. Для меня осталась непонятной логическая связь между критикой Писарева и судьбой Пушкина,—связь, найденная г. Соловьевымъ,—но не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что г. Соловьевъ взводитъ на Писарева напраслину. „Писаревъ отрицалъ Пушкина потому, что тотъ не былъ соціальнымъ и политическимъ реформаторомъ",—говоритъ г. Соловьевъ. Далѣе г. Соловьевъ говоритъ, что это—дурной критическій методъ, ибо это методъ „*случайныхъ* критеріевъ и *произвольныхъ* требованій". Послѣднее вполнѣ вѣрно, но именно потому Писаревъ и не былъ бы „замѣчательныхъ" критикомъ, еслибы пользовался очевидно негодными методами. Онъ ими и не пользовался: это фантазія г. Соловьева. Гёте, который, конечно, ужъ не былъ соціальнымъ и политическимъ реформаторомъ, признавался Писаревымъ за одного изъ величайшихъ міровыхъ поэтовъ, а Пушкина Писаревъ отрицалъ потому, что считалъ его (совершенно несправедливо, разумѣется) умственно-ограниченнымъ и пустымъ человѣкомъ. *Эта* критическая мѣрка вполнѣ законна, не случайна и не произвольна: истинный поэтъ *долженъ* быть человѣкомъ широкаго умственнаго развитія. Ошибка Писарева не въ выборѣ, а въ примѣненіи метода.

надѣяться, что судьба, истолкователемъ которой заявляетъ себя г. Соловьевъ, болѣе его снисходительна къ людямъ, и если катастрофы все-таки случаются и съ личностями, и съ группами личностей, то не потому, что такъ хочетъ судьба, а по причинамъ болѣе удобопонятнымъ.

Другая фундаментальная мысль г Соловьева состоитъ въ томъ, что смерть Пушкина была не только справедлива, но и *своевременна*. Поэзія и русская литература ничего не потеряли въ Пушкинѣ. Еслибъ онъ убилъ Геккерна и остался живъ, то писать, творить онъ все равно уже не могъ бы. «Неужели, — спрашиваетъ г. Соловьевъ, — съ «успѣшною» дуэлью на душѣ, Пушкинъ могъ бы спокойно творить новыя художественныя произведенія, озаренныя высшимъ свѣтомъ христіанскаго сознанія, до котораго онъ уже раньше достигъ?» (стр. 36). Pourquoi pas?—спрошу я съ своей стороны. Христіанское сознаніе—превосходный, но вовсе не единственный источникъ поэзіи. Критики всѣхъ временъ и народовъ единодушно признаютъ *Иліаду* высоко-поэтическимъ произведеніемъ, а вѣдь она не озарена и не могла быть озарена «высшимъ свѣтомъ христіанскаго сознанія». Далѣе, много ли у самого Пушкина такихъ *озаренныхъ* произведеній? По счету г. Соловьева ровно *два* — *Пророкъ* и *Отцы пустынники и жены непорочны*. Это очень немного, до того немного, что еслибы Пушкинъ не оставилъ намъ еще цѣлой массы неозаренныхъ произведеній, то мы, конечно, и имени бы его не знали. Теперь же мы ему нѣсколько памятниковъ поставили и считаемъ его своимъ величайшимъ поэтомъ. Можно, значитъ, недурно писать и на вполнѣ, такъ сказать, *свѣтскія* темы, не задаваясь непремѣнно цѣлью перелагать въ стихи молитвы (*Отцы пустынники*). Впрочемъ, г. Соловьевъ понимаетъ «свѣтъ христіанскаго сознанія» не въ столь узкомъ смыслѣ. «Пушкинъ не могъ бы съ такою тяжестью на душѣ (т.-е. съ убійствомъ человѣка) попрежнему правильно подниматься на вершины вдохновенія для звуковъ сладкихъ и молитвъ; не могъ бы онъ съ кровью нечистой человѣческой жертвы на рукахъ приносить *священную жертву* свѣтлому божеству поэзіи; для нарушителя нравственнаго закона нельзя уже было чувствовать себя *царемъ* надъ толпою, и для невольника страсти—свободнымъ *пророческимъ глаголомъ* жечь сердца людей». Пушкинъ тутъ возразилъ бы:

Неужель онъ правъ,
И я не геній? Геній и злодѣйство—
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда:
А Бонаротти?... Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы—и не былъ
Убійцею создатель Ватикана?

Мы, какъ люди посторонніе, можемъ отвѣчать г. Соловьеву въ болѣе рѣшительномъ тонѣ. Я имѣю представить г. Соловьеву *три* аргумента. Первый мой аргументъ таковъ: г. Соловьевъ, единъ Богъ безъ грѣха. Неужели вы можете серьезно думать, что люди, чувствующіе себя *царями* надъ толпою, никогда не нарушали нравственнаго закона? Но такихъ без-

грѣшныхъ людей нѣтъ, а стало быть, по *вашей* логикѣ, нѣтъ и людей, возвышающихся надъ толпою: всѣ болѣе или менѣе одинаково погрязаютъ въ порокъ. Нѣтъ, не одинаково,—пусть объ этомъ опять скажетъ самъ Пушкинъ, и такъ какъ онъ на этотъ разъ говоритъ не лично за себя, а за Байрона, то его выраженія даже болѣе чѣмъ рѣшительны: «Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. *Онъ малъ, какъ мы*; *онъ мерзокъ, какъ мы!* Врете, подлецы: онъ и малъ и мерзокъ—не такъ, какъ вы,—иначе» (изъ письма къ Вяземскому). Предупреждаю возраженіе: это не значитъ, что генію болѣе простительны всякаго рода паденія, нежели обыкновенному человѣку. Это значитъ лишь то, что геній нуждается въ снисходительности, какъ и всѣ мы. Г. Соловьеву мало геніальности Пушкина, онъ хотѣлъ бы отъ него святости, онъ требуетъ отъ него не самообладанія, какъ онъ все время увѣряетъ, а самоотреченія. Но геній можетъ быть великъ даже въ своихъ паденіяхъ,—въ этомъ мысль Пушкина и въ этомъ мой *второй* аргументъ. Г. Соловьевъ такой большой начетчикъ въ духовной литературѣ, что я и спрашивать не хочу, извѣстны ли ему псалмы Давида? Но вѣдь самые яркіе, страстные, поэтическіе между ними—это псалмы горькаго и отчаяннаго покаянія. И великому царю было въ чемъ каяться, нравственный законъ тяжко и не однажды нарушался имъ. Не «сладкіе» только, но и горькіе «звуки» могутъ явиться содержаніемъ поэзіи, и еслибы Пушкинъ, убивъ Геккерна, изнывалъ подъ тяжестью раскаянія, въ огнѣ возмутившейся совѣсти, то, конечно, такое душевное состояніе выразилось бы въ рядѣ произведеній — несвѣтлыхъ, нерадостныхъ, неуравновѣшенныхъ, но отъ того не менѣе прекрасныхъ. Для русской литературы они явились бы сокровищемъ. Что далеко ходить за примѣрами? Вспомнимъ только Некрасова.

Я пою тебя *пѣснь покаянія*,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои.

Развѣ это не поэзія? Развѣ такіе глаголы не жгутъ сердца людей? Увѣряю г. Соловьева, что жгутъ гораздо даже сильнѣе, нежели поэзія радостная, гармоническая: грѣховъ у насъ, читателей или слушателей, больше, нежели подвиговъ, страданій больше, нежели радостей, и потому стоны покаянія или грусти находятъ въ насъ отзвукъ скорѣе, нежели ликующіе гимны. «Но эта поэзія была чужда духу Пушкина, это была не его сфера». А этого мы не знаемъ. Пушкинъ умеръ всего тридцати шести лѣтъ отъ роду и талантъ его былъ такъ гибокъ и отзывчивъ, что предрѣшать мѣру и предѣлы его развитія никакъ нельзя. *Третій* мой аргументъ—практическаго свойства. Рѣшительно нѣтъ серьезныхъ основаній думать, что Пушкинъ, послѣ *успѣшной* дуэли, т.-е. убивъ противника и оставшись невредимымъ, такъ ужъ сейчасъ и погрузился бы въ адскій огонь самобичеванія

и покаянія. Конечно, шестая заповѣдь гласитъ «не убій», но, во-первыхъ, есть убійство и убійство; а во-вторыхъ, рядомъ съ шестой заповѣдью стоятъ пятая («чти отца») и седьмая («не прелюбы сотвори»), которыя жестоко нарушались Пушкинымъ безъ особаго сокрушенія. Г. Соловьевъ основываетъ свои мнѣнія на томъ, что Пушкинъ самъ осудилъ своего Онѣгина за убійство Ленскаго. «Пушкинъ, съ укоромъ обращаясь къ своему герою, говоритъ, что тотъ

Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

этой, наименьшей, обязанности Пушкинъ не исполнилъ». Вотъ какъ неумолимо - строгъ г. Соловьевъ! Судъ его, однако, настолько же близокъ къ правдѣ, насколько Геккернъ близокъ къ Ленскому и насколько положеніе Пушкина похоже на положеніе Онѣгина. Пушкина цѣлые годы «дразнили и раздражали», по признанію самого г. Соловьева, раздражали, оскверняя его интимнѣйшія привязанности и чистѣйшія чувства, тогда какъ Онѣгинъ... что ему сдѣлалъ Ленскій? Чѣмъ оскорбилъ? Ровно ничего и ровно ничѣмъ. Наоборотъ, *онъ* былъ оскорбителемъ (т.-е. такъ думалъ Ленскій) и *онъ же* былъ и убійцею оскорбленнаго. А далѣе — Геккернъ и Ленскій! Презрѣннѣйшее орудіе хитрой интриги и чистый юноша—романтикъ! Возможна ли тутъ какая-нибудь параллель? «Но вѣдь все - таки *человѣкъ* же былъ Геккернъ и Пушкинъ пролилъ бы *человѣческую* кровь!» Н-да, человѣкъ... Я только попрошу г. Соловьева прислушаться къ слѣдующему разговору: «Одно, за что я благодарю Бога, это за то, что я не убилъ этого человѣка (Долохова),—сказалъ Пьеръ. — Отчего же? — сказалъ князь Андрей. Убить злую собаку даже очень хорошо.—Нѣтъ, убить человѣка нехорошо, несправедливо,— сказалъ Пьеръ. — Отчего же несправедливо? — повторилъ князь Андрей». Какъ видите, вопросъ нѣсколько сложнѣе, нежели онъ представляется взору какого - нибудь пуриста азбучной морали. Князь Андрей Болконскій—человѣкъ далеко не заурядный, рыцарски-благородный, щепетильно-честный, но онъ не сталъ бы сокрушаться, еслибъ убилъ на дуэли Долохова, или Курагина, или хоть того же Геккерна. Г. Соловьевъ слишкомъ ужъ торопится приписывать Пушкину свои собственныя понятія и чувства: мы вѣримъ, что еслибы г. Соловьева постигло несчастіе отнять жизнь у человѣка, онъ ушелъ бы въ веригахъ и во власяницѣ на Аѳонъ, но Пушкинъ, вѣроятно, разсудилъ бы на манеръ Андрея Болконскаго. А стало быть и жизнерадостной поэзіи онъ могъ бы предаваться совершенно попрежнему, въ полномъ внутреннемъ согласіи съ самимъ собою. «Вотъ именно за такія - то антихристіанскія понятія судьба и покарала Пушкина!»—съ жаромъ фанатика восклицаетъ тутъ г. Соловьевъ. Ну, если такъ, если въ самомъ дѣлѣ за покушеніе на убійство, да еще при самозащитѣ, судьба караетъ смертною казнью, то мы, люди, можемъ не безъ гордости сказать, что наша человѣческая юстиція много милосерднѣе, а стало быть и спра-

ведливѣе. Фанатическій оптимизмъ г. Соловьева прямой дорогой ведетъ къ крайнему пессимизму.

Г. Соловьевъ договариваетъ свою главную мысль до конца: смерть Пушкина была *благомъ* для него, потому что привела геніальнаго, но легкомысленнаго поэта къ нравственному возрожденію. Вотъ слова г. Соловьева: «послѣдній взрывъ злой страсти (т.-е. выстрѣлъ въ Геккерна), окончательно подорвавшій физическое существованіе поэта, оставилъ ему, однако, возможность и время для нравственнаго перерожденія. Трехдневный смертельный недугъ, разрывая связь его съ житейской злобой и суетой, но не лишая его ясности и живости сознанія, освободилъ его нравственныя силы и позволилъ ему внутреннимъ актомъ воли перерѣшить для себя жизненный вопросъ въ истинномъ смыслѣ. Что передъ смертью въ немъ дѣйствительно совершилось духовное возрожденіе, это сейчасъ же было замѣчено близкими людьми». Мы, люди обыкновенной человѣческой логики и обыкновеннаго здраваго смысла, тотчасъ же ставимъ тутъ вполнѣ естественный вопросъ: чему послужило это духовное возрожденіе, кому пригодилась эта, будто бы, обрѣтенная Пушкинымъ истина? Вѣдь все унесено смертью, все скрыто могилой. Сущность нравственнаго перерожденія Пушкина г. Соловьевъ усматриваетъ въ словахъ умиравшаго поэта его товарищу и секунданту Данзасу: «Требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему (Геккерну) и хочу умереть христіаниномъ». Въ предсмертныя минуты, вѣроятно, и мы съ читателемъ будемъ такъ же разсуждать, хотя бы намъ пришлось умирать и не отъ пули, ниспосланной рокомъ для нашего вразумленія, а отъ случайной болѣзни. Это *апатія безнадежности*, а совсѣмъ не то христіанское смиреніе, которое видитъ тутъ г. Соловьевъ.

Тише! О жизни покончен вопросъ,
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ.

Ничего не нужно, въ томъ числѣ не нужно и мщенія, конечно. Такимъ образомъ, ничего поучительнаго смерть Пушкина намъ не представила, тогда какъ отъ его дальнѣйшей жизни и дѣятельности можно было ожидать еще очень многаго. Пушкинъ духовно развивался: это можно съ точностью прослѣдить по его произведеніямъ въ ихъ хронологическомъ порядкѣ—и смерть застигла его въ самомъ разгарѣ процесса развитія. Хороша своевременность! Г. Соловьевъ, самъ того не замѣчая, очень курьезно проговорился на этотъ счетъ: «Пушкинъ съ полною ясностью отмѣчалъ противорѣчіе (между идеаломъ и дѣйствительностью), но какъ-то легко съ нимъ мирился: указывая на него, какъ на фактъ, и прекрасно его характеризуя (наприм., въ стихотвореніи *Пока не требуетъ поэта*), онъ даже не подозрѣвалъ,—до своихъ послѣднихъ, зрѣлыхъ лѣтъ,—что въ этомъ фактѣ есть задача, требующая рѣшенія» (стр. 15). *До своихъ послѣднихъ, зрѣлыхъ лѣтъ*—вотъ то-то и есть, г. Соловьевъ! Достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ (а по-моему даже не достигнувъ,—велики годы—тридцать съ небольшимъ лѣтъ!). Пушкинъ поставилъ передъ собою задачу, которую самъ же г. Соловьевъ при-

знаетъ высоко-значительной, приступилъ къ ея рѣшенію, которое неизбѣжно было бы и продолжительно и трудно, и вотъ тутъ какъ разъ вмѣшался кстати, по г. Соловьеву, совсѣмъ не кстати, по моему—рокъ, который въ *три* дня устроилъ все дѣло. Чего желалъ, о чемъ молился Пушкинъ за годъ до своей смерти?

Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

Кротость (назовемъ такимъ общимъ именемъ всѣ качества, о которыхъ молилъ Пушкинъ)—не только великое нравственное достоинство, но и великая сила. Но она достоинство и сила лишь тогда, когда она добровольна, самопроизвольна, когда ея источникъ—въ свѣтломъ сознаніи или въ доброй совѣсти человѣка. Кротость сознающей себя силы и кротость поневолѣ смиреннаго безсилія — двѣ вещи совсѣмъ различныя. Богатырь-Пушкинъ, какъ персидскій Рустемъ или какъ нашъ Илья, не научился еще владѣть собственною силой и молилъ о ниспосланіи ему этого умѣнья, о духѣ кротости. Судьба укротила его тѣмъ, что лишила его всякой силы и даже самой жизни, и г. Соловьевъ восторженно восклицаетъ: какое чудесное нравственное перерожденіе! И еще г. Соловьевъ заранѣе обижается на тѣхъ, кто истолкуетъ его взгляды «въ смыслѣ прописной морали, обвиняющей поэта за его нравственную распущенность и готовой утверждать, что онъ погибъ въ наказаніе за свои грѣхи противъ *добродѣтели* въ тѣсномъ значеніи этого слова!»

У г. Соловьева былъ подъ рукой *единственный* аргументъ для его темы, противъ котораго мнѣ было бы трудно возражать; но такъ какъ этимъ аргументомъ г. Соловьевъ *совершенно* не воспользовался и даже не упоминаетъ о немъ, то нечего и мнѣ безпокоиться. «Весь былъ бы его»—этихъ извѣстныхъ словъ г. Соловьевъ какъ будто не знаетъ или не признаетъ ихъ достовѣрности. Тѣмъ лучше.

III.

Теперь обратимся къ нашему пессимисту. Разговоръ нашъ съ г. Гейерстамомъ будетъ, впрочемъ, много короче, нежели съ г. Соловьевымъ, потому что вопросъ поставленъ шведскимъ писателемъ слишкомъ ужъ въ упрощенной формѣ. Я профанъ въ медицинѣ, но, наблюдая героя г. Гейерстама, нѣкоего Ивара Лита, я съ увѣренностью поставилъ бы такой діагнозъ: психоза нѣтъ, но наличность невроза не подлежитъ сомнѣнію. Иваръ Литъ разсуждаетъ вообще здраво, а часто и очень умно, но онъ временами чувствуетъ, что «его влечетъ какая-то сила, которая властнѣе его самого и которая

не отпуститъ его, не высосавъ послѣдней капли крови изъ его жилъ. Подъ вліяніемъ этой силы, которая кажется ему таинственной, но источникъ которой, по моему мнѣнію, всецѣло заключается въ разстроенной нервной системѣ, Иваръ Литъ совершаетъ ни съ чѣмъ несообразные поступки и кончаетъ преступленіемъ. Преступленіе чрезвычайно характерно: Иваръ Литъ утопилъ своего собственнаго, *страстно любимаго* мальчика—сына, утопилъ потому, что у него «не хватило духа оставить его жить». Мысль и намѣренія автора тутъ не вполнѣ ясны: потому ли Иваръ Литъ утопилъ ребенка, что *былъ* пессимистомъ или, наоборотъ, потому ли онъ *сталъ* пессимистомъ, что не могъ противиться таковой силѣ, побудившей его на преступленіе? По его мнѣнію, онъ «всю жизнь шелъ покорно и послушно туда, куда влекла его судьба», и такъ какъ судьба привела его къ преступленію, то авторъ, вмѣстѣ съ своимъ героемъ, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: что же такое судьба? Гдѣ ея доброе начало?

Осужденный за свое преступленіе на вѣчное тюремное заключеніе, Иваръ Литъ исповѣдуется передъ посѣтившимъ его пасторомъ, и въ этой исповѣди сосредоточенъ весь смыслъ повѣсти, а, пожалуй, и всей пессимистической философіи Гейерстама. Исповѣдь не длинна, и я ее приведу съ тѣмъ, чтобы потомъ посильно обсудить ее. «Я говорю вамъ, господинъ пасторъ, то, чего еще не слыхалъ ни одинъ человѣкъ. Я былъ выброшенъ ребенкомъ на улицу. Съ улицы я попалъ на фабрику. Я женился и у меня родился ребенокъ. И горе мое все росло и росло, пока я наконецъ пришелъ сюда, откуда я никогда не вернусь назадъ. Я иду къ вамъ, какъ человѣкъ въ крайней нуждѣ. Я спрашиваю васъ, положа руку на сердце: можете ли вы сказать то, чего не могъ сказать никто другой? Слышите ли вы въ себѣ голосъ самого Бога? Можете ли вы превратить мракъ въ свѣтъ? Можете ли вы указать мнѣ путь, по которому я долженъ идти, чтобы достигнуть примиренія? Можете ли вы, по крайней мѣрѣ, сказать мнѣ, *почему* совершилъ я смертный грѣхъ и собственными руками загасилъ жизнь своего ребенка? Если вы можете, то скажите мнѣ, что вы знаете, и я преклонюсь предъ вами такъ глубоко, какъ только можетъ преклониться человѣкъ. Но если вы не можете, то забудьте на минуту, кто я. Забудьте, что я несчастный заключенный, а вы—пасторъ. Посмотрите мнѣ въ глаза и скажите: не знаю. И я буду сидѣть здѣсь, пока придетъ смерть и вѣчная ночь поглотитъ меня. Умоляю васъ памятью единственнаго человѣка въ мірѣ, котораго я любилъ. *Скажите мнѣ правду*». Авторъ ставитъ подъ исповѣдью черту, а подъ чертой прибавляетъ отъ своего лица: «Знаетъ ли читатель, что могъ отвѣтить пасторъ? Если знаетъ, пусть скажетъ. Я не знаю».

Еслибы на мѣстѣ пастора былъ опытный невропатологъ, онъ, конечно, зналъ бы, что сказать. Но помимо его спеціальныхъ совѣтовъ, которые, конечно, въ эту минуту не удовлетворили бы, а только оскорбили бы Ивара Лита, возможны нѣкоторыя общія соображенія, которыя лично Ивару Литу не пригодились бы, но противоядіемъ отъ пессимизма, кажется, могутъ послужить. Прежде всего мы привлечемъ къ дѣлу г. Соловьева, отъ котораго

услышимъ слѣдующія, дѣйствительно дѣльныя рѣчи: «Существованіе судьбы признается всѣми мыслящими людьми, независимо отъ различія взглядовъ и степеней образованія. Слишкомъ очевидно, что власть человѣка, хотя бы самаго упорнаго и энергичнаго, надъ ходомъ и исходомъ его жизни имѣетъ очень тѣсные предѣлы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ легко усмотрѣть, что власть судьбы надъ человѣкомъ, при всей своей несокрушимой *извнѣ* силѣ, обусловлена, однако, *изнутри* дѣятельнымъ и личнымъ соучастіемъ самого человѣка. Такъ какъ мы обладаемъ внутренними, задерживающими дѣятелями, то опредѣляющая наше существованіе сила, которую мы называемъ судьбою, хотя и независима отъ насъ по существу, однако можетъ дѣйствовать въ нашей жизни только черезъ насъ, только подъ условіемъ того или иного отношенія къ ней со стороны нашего сознанія и воли». Конечно, все это очень неново и даже общеизвѣстно. Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ, говоритъ русская пословица; Богъ раститъ орѣхи, но разгрызать ихъ мы должны сами, говоритъ нѣмецкая пословица. Ту же самую мысль выразилъ и многоученый Фаустъ, когда сказалъ Мефистофелю:

Тотъ богъ, который живъ въ груди моей,
Всю глубину души моей волнуетъ:
Онъ правитъ силами, таящимися въ ней,
Но силамъ выхода наружу не даруетъ.

Найти выходъ своимъ силамъ, сумѣть разгрызть орѣхъ, принять дѣятельное и личное соучастіе въ исполненіи намѣреній судьбы относительно насъ—все это разныя формулы одного и того же принципа. Отмести отъ себя вздоръ жизни и обратиться къ самой жизни—эта формула Толстого гласитъ то же самое. То же самое, наконецъ, мы слышимъ съ малыхъ лѣтъ въ нашей церкви: «научи мя творити волю твою, яко у тебе источникъ живота, во свѣтѣ твоемъ узримъ свѣтъ, пробави милость твою вѣдущимъ тя». Если Иваръ Литъ, въ уединеніи своей тюремной кельи, сумѣетъ стать на эту точку зрѣнія и съ ея высоты окинуть общимъ взглядомъ свою прошлую жизнь, онъ скоро убѣдится, что онъ именно *не шелъ* покорно и послушно туда, куда влекла его судьба, какъ это онъ, въ слѣпотѣ своей, утверждаетъ. Подчиняться *обстоятельствамъ* совсѣмъ не значитъ подчиняться *судьбѣ*. Иваръ Литъ былъ человѣкъ труда (онъ былъ фабричный рабочій), но труда, который былъ ниже его способностей,—и вотъ первое *обстоятельство*, которому онъ подчинялся, хотя и со злобой, тогда какъ ему, очевидно, слѣдовало съ этимъ обстоятельствомъ бороться. Онъ и началъ, но не докончилъ эту борьбу: «тѣ годы, которые многіе употребляютъ на удовольствія, онъ посвятилъ чтенію». Прекрасно; но вотъ что дальше говоритъ авторъ: «чтеніе это наполняло его внутреннюю пустоту, и если оно осталось непродуктивнымъ, то это зависѣло отъ дальнѣйшаго стеченія обстоятельствъ». Опять обстоятельства! Очевидно, и въ сознаніи Гейерстама понятіе *обстоятельства* и понятіе *судьбы* не строго разграничены. Не обстоятельства создаютъ судьбу, а судьба создаетъ обстоятельства; наше же дѣло состоитъ въ томъ, чтобы понять ихъ смыслъ, а затѣмъ или вос-

пользоваться ими, если они благопріятны, или, въ противномъ случаѣ, вступить съ ними въ активную борьбу. Реформируя свою *личную* дѣйствительность, вы тѣмъ самымъ способствуете реформированію дѣйствительности *общей*. Но ни малѣйшей активности не было у Ивара Лита, онъ, при очень счастливыхъ способностяхъ, не обладалъ *иниціативою духа* и въ этомъ коренномъ изъянѣ его организаціи причина его неудачъ. Вотъ гдѣ г. Соловьеву было бы умѣстно сказать, что человѣкъ видѣлъ противорѣчіе между дѣйствительностью и порывами своего духа, но не видѣлъ, даже не предчувствовалъ въ этомъ фактѣ никакой задачи для себя. Пушкинъ видѣлъ, созналъ, блестяще формулировалъ и молитвенно плакалъ передъ этою задачей, тогда какъ Иваръ Литъ только злился и оттерпливался передъ нею. Пушкинъ шелъ впередъ, а герой Гейерстама, стиснувъ зубы и захвативъ голову руками, усѣлся на дорогѣ, предоставляя всѣмъ сколько угодно обгонять его. Вообще замѣчу, еслибы критику г. Соловьева, которая бьетъ Пушкина только по ногамъ, направить на героя Гейерстама, она попала бы ему прямо въ сердце. *Случай,*—говоритъ Гейерстамъ,—помогъ Литу въ его самообразованіи. Это одинъ изъ характерныхъ пріемовъ автора—пессимиста: когда «обстоятельства» бываютъ неблагопріятны для его героя, онъ говоритъ: «судьба»; если же обстоятельства благопріятны, онъ говоритъ: «случай». Его логика та же самая, что и логика г. Соловьева, но цѣль ея совершенно обратная. Г. Гейерстаму желательно во всемъ обвинить «судьбу» и съ этою цѣлью онъ всячески обѣляетъ своего героя, точно также какъ г. Соловьеву во всемъ желательно оправдать «судьбу», доказать ея непогрѣшимую справедливость, и съ этою цѣлью онъ всячески обвиняетъ своего героя. Гейерстамъ, впрочемъ, осторожнѣе: какъ беллетристъ, онъ, правда, гнетъ факты въ нужную ему сторону, но непосредственно отъ своего лица онъ говоритъ: «я не знаю», тогда какъ г. Соловьеву все ясно и понятно. Главнѣйшее несчастье, поразившее Ивара, состояло въ открытіи, что его жена, потихоньку отъ него, пьетъ водку. Гейерстамъ напрасно говоритъ, что у Ивара, послѣ этого открытія, «были тысячи плановъ, но всѣ они ограничились мыслями и словами. Онъ не могъ дѣйствовать». Нѣтъ, начитанный, высокомѣрный Иваръ на этотъ разъ *дѣйствовалъ* и именно вотъ какъ: «бѣшенство овладѣло имъ, и онъ ударилъ Марію (жену) кулакомъ прямо въ лицо. Кровь потекла у нея изъ носу. При видѣ крови Иваръ Литъ совсѣмъ обезумѣлъ. Онъ схватилъ жену обѣими руками за плечи и повалилъ на землю. Онъ билъ ее кулакомъ, не обращая вниманія, куда попадаютъ удары, точно желая излить въ побояхъ все горе, всѣ муки и весь позоръ своей жизни». Хорошій способъ изливать свое горе! Вотъ здѣсь г. Соловьевъ былъ бы опять кстати съ своею проповѣдью необходимости самообладанія. Но довольно. Съ фактами, приведенными мною (а мой выборъ очень бѣглъ и неполонъ), обратитесь къ исповѣди Ивара и вникните въ ея характеръ. Вы не найдете въ ней ни единаго слова самоосужденія. Иваръ призываетъ «голосъ самого Бога», но вѣдь этотъ голосъ есть голосъ нашей собственной совѣсти, и если теперь, какъ и всю его прежнюю

жизнь, совѣсть не тревожила Ивара, это именно значитъ, что онъ жилъ безъ божескаго участія. Повторяю, съ моей личной точки зрѣнія съ Иваромъ и объ Иварѣ никакого серьезнаго разговора, кромѣ медицинскаго, вести нельзя и не стóитъ. Это нервно-разстроенный субъектъ, галлюцинатъ, и на всѣ его трагическо-пессимистическіе возгласы наилучшимъ отвѣтомъ можетъ явиться приглашеніе принять хорошую дозу бромистаго калія. Ну, развѣ это не галлюцинація: «Иваръ никогда не переставалъ чувствовать въ себѣ какого-то чужого человѣка, который мѣшалъ ему жить жизнью другихъ людей и онъ ощущалъ это до тѣхъ поръ, пока не кончилась его внутренняя борьба, т.-е. до того самаго дня, когда другой человѣкъ сдѣлалъ свое дѣло и придавилъ его къ землѣ». Все это и многое другое въ томъ же родѣ Гейерстамъ говоритъ для оправданія своего героя и, конечно, почва для оправданія тутъ есть: Иваръ правъ, но не какъ *невинный*, а какъ *невмѣняемый*. Я кончаю, въ надеждѣ, что пессимизмъ на такой психопатической подкладкѣ опасности не представляетъ.

М. Протопоповъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Празднества въ Прагѣ при открытіи памятника Палацкому прошли блистательно. Въ первый разъ на славянскомъ съѣздѣ встрѣтились русскіе и поляки, и встрѣтились не враждебно,—это уже большой шагъ впередъ. Особенный успѣхъ изъ русскихъ представителей, по сообщеніямъ газетъ, имѣлъ редакторъ *Свѣта*, г. Комаровъ, явившійся депутатомъ города Петербурга. Въ чтеніи рѣчь его не производитъ сильнаго впечатлѣнія и нельзя не пожалѣть о томъ, что ораторъ допустилъ чрезмѣрно рѣзкія выраженія противъ нѣмцевъ. Германская и австрійская печать, вообще, разумѣется, недовольная съѣздомъ славянъ въ Прагѣ, отъ рѣчи г. Комарова пришла въ негодованіе, понапрасну преувеличивая ея значеніе.

На банкетѣ въ честь Палацкаго отъ имени русскихъ поляковъ говорилъ г. Спасовичъ. Газеты такъ передаютъ его рѣчь: «Мы слышали представителя русскаго народа, говорившаго съ большимъ тактомъ, никого не оскорбляя. Тутъ я вспоминаю о съѣздѣ 1867 г., въ Москвѣ, на которомъ принимали участіе также Палацкій, д-ръ Ригеръ и другіе богемцы. На банкетѣ ораторъ богемцевъ д-ръ Ригеръ сказалъ: «Въ Москвѣ 300 колоколенъ, и на каждой изъ нихъ есть по нѣскольку колоколовъ, которые звучатъ гармонично, если во всѣхъ ихъ звонить одновременно». Онъ спросилъ, лучше ли, чтобы всѣ эти колокола звонили вмѣстѣ, или чтобы всѣ они были слиты въ одинъ большой колоколъ, который, правда, гудѣлъ бы мощно, но не давалъ бы подобной гармоніи. Тогда на этотъ вопросъ не нашлось отвѣта. Съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ, выросло новое поколѣніе, а вопросъ все еще ждетъ отвѣта. По-моему, хорошо было бы, еслибы намъ отвѣтили, что нѣсколько колоколовъ, звучащихъ гармонично, лучше, чѣмъ одинъ большой колоколъ безъ гармоничнаго звона. Думаю, что въ концѣ-концовъ должны будутъ согласиться и пламеннѣйшіе русскіе патріоты, съ тѣмъ, что всякій народъ долженъ самостоятельно развиваться подъ своимъ кровомъ. Мысль, которую я напомнилъ, чисто богемская, такъ какъ богемцамъ принадлежитъ заслуга того, что они въ дѣлѣ взаимности между славянами были первыми тамъ, гдѣ мы начинали только брать у нихъ уроки. Возможно, что пройдетъ еще 20 лѣтъ, прежде чѣмъ будетъ сдѣланъ первый шагъ, и еще 20 — 30 лѣтъ прежде, чѣмъ будетъ сдѣланъ второй шагъ къ тому, чтобы славянская идея развивалась и въ этомъ направле-

ніи; но я убѣжденъ, что славянскій вопросъ инымъ путемъ не можетъ быть рѣшенъ, и я бы желалъ, чтобы при рѣшеніи славянскаго вопроса всѣ славянскіе народы избрали тотъ путь, о которомъ говорилъ д-ръ Ригеръ. Въ этомъ смыслѣ у славянской взаимности есть будущее».

Мы надѣемся, что темпъ историческаго развитія, указываемый В. Д. Спасовичемъ, окажется черезчуръ медленнымъ. Особенно трудны первые шаги. Много усилій надо, чтобы побороть взаимное недовѣріе, и въ этомъ отношеніи сдѣлано уже не мало. Какъ только расчищена будетъ почва, заваленная историческими обломками,—постройка новаго зданія пойдетъ быстро.

Пражскія торжества несомнѣнно подняли духъ австрійскихъ славянъ, а это важно въ той тяжелой борьбѣ, которую имъ приходится теперь переживать. Австрійскіе нѣмцы попрежнему и слышать не хотятъ о равноправности славянъ. Всѣ усилія правительства добиться отъ нихъ уступокъ по отношенію къ чехамъ кончились полнѣйшею неудачей, и графу Туну пришлось закрыть парламентъ. А между тѣмъ побѣдить нѣмцамъ не придется. Германія не можетъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Австріи и открыто поддержать притязанія нѣмцевъ на господство, потому что въ противоположномъ случаѣ открыто выступила бы, по исторической необходимости, и Россія, а борьба съ цѣлымъ славянскимъ міромъ и Франціей не по силамъ Германіи.

Трудно предвидѣть, какими путями выйдетъ Габсбургская монархія изъ переживаемаго ею тягостнаго кризиса. *О монархической Швейцаріи* въ виду упрямаго національнаго озлобленія нѣмцевъ мудрено теперь и говорить, а между тѣмъ славянское самосознаніе все растетъ, увеличивая значеніе численнаго большинства славянъ надъ австрійскими нѣмцами. Мадьяры пользуются затруднительнымъ положеніемъ Цислейтаніи и дѣятельно работаютъ въ интересахъ своей полной государственной независимости. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и недавно обнародованный проектъ венгерскаго автономнаго таможеннаго тарифа. Но торжество славянъ въ Цислейтаніи было бы тяжелымъ ударомъ для мадьяръ, такъ сурово и несправедливо распоряжающихся съ транслейтанскими славянами и румынами. Недавно въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* сообщалось, что пражскія торжества отозвались въ Венгріи усиленной борьбой правительства съ словацкою печатью *). «Но вѣрно ли разсчитанъ ударъ?—спрашиваетъ газета.—Это систематическое гоненіе трудолюбиваго и честнаго народа за то только, что онъ отказывается измѣнить себѣ, продать свою народность и свой языкъ, легко можетъ имѣть совершенно обратное дѣйствіе, чѣмъ разсчитываютъ мадьярскіе политики. Словаки, которыхъ травятъ и преслѣдуютъ, неминуемо должны сплотиться, какъ одинъ человѣкъ, и привлечь къ себѣ сердца всѣхъ славянъ, а если только они найдутъ себѣ прочную опору въ какомъ-либо славянскомъ племени, то омадьярить ихъ не удастся никогда и скорѣе

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 163.

упрямые мадьяризаторы сломятъ себѣ шею, чѣмъ сотрутъ съ лица земли словаковъ, членовъ стомилліонной славянской семьи, настоящихъ, а не пришлыхъ хозяевъ той земли, на которой они живутъ».

Не радостно встрѣчаетъ императоръ Францъ-Іосифъ пятидесятилѣтній юбилей своего царствованія.

Въ непосредственной связи съ славянскимъ вопросомъ въ Австро-Венгріи стоитъ и балканскій вопросъ. Такъ или иначе, но на этомъ полуостровѣ перекрещиваются русское и австрійское вліяніе. Благодаря миролюбію и безкорыстію нашей нынѣшней политики, русская дипломатія дѣйствуетъ нерѣдко параллельно и даже совмѣстно съ австрійскою; но полнаго соотвѣтствія интересовъ Россіи и Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ не существуетъ. Черногорія, напримѣръ, столь дружественная съ нами, является большою помѣхой для Австріи. Возросшее снова вліяніе бывшаго короля Милана отдаетъ Сербію въ руки австро-мадьярской дипломатіи и мутитъ сербско-болгарскія отношенія, не говоря уже о томъ вредѣ, который Миланъ приноситъ внутреннему развитію королевства.

Когда печатается это обозрѣніе, въ Петербургъ ѣдетъ болгарскій князь Фердинандъ. Послѣдствіемъ этой поѣздки должно быть упроченіе добрыхъ отношеній между Россіей и Болгаріей, чтò не можетъ не отразиться благопріятнымъ образомъ на общемъ ходѣ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Вѣчная игра турецкой дипломатіи начинаетъ, повидимому, утомлять великія державы, по крайней мѣрѣ, Россію, Францію, Англію и Италію. Какъ заявилъ въ британскомъ парламентѣ Керзонъ, эти четыре державы выработали сообща планъ временнаго управленія на Критѣ. Турецкое правительство, конечно, воспротивилось этому плану, до сихъ поръ надѣясь перессорить великія державы и удержать за собою несчастный островъ. Но на этотъ разъ, кажется, разсчетъ Блистательной Порты не удастся: Германія и Австрія, удалившія свои войска съ Крита, увѣдомлены о состоявшемся соглашеніи и ничего противъ него не возражаютъ. Султану придется подчиниться.

Испано-американская война еще не кончилась, несмотря на истребленіе двухъ испанскихъ эскадръ и на взятіе Сантъ-Яго де Куба. Испанская гордость не позволяетъ просить мира, великія державы не вмѣшиваются, да американское правительство и не допустило бы вмѣшательства. Сколько именно потеряетъ Испанія,—опредѣлится на дняхъ. Куба и, вѣроятно, Порторико будутъ у нея отняты, но американцы, по газетнымъ извѣстіямъ, этимъ не думаютъ ограничиться. На Филиппинскихъ островахъ до нѣкоторой степени возможно столкновеніе Соединенныхъ Штатовъ съ Германіей, которая прислала въ Манилью довольно значительную эскадру. Появилось извѣстіе, что нѣмецкіе корабли помѣшали инсургентамъ занять два прибрежные пункта, и этотъ слухъ вызвалъ сильное раздраженіе въ американскомъ обществѣ.

Испанія потеряла уже двадцать одно военное судно и болѣе двадцати торговыхъ. У американцевъ пострадалъ одинъ военный корабль и одинъ торговый попался въ руки испанцевъ. Кромѣ того Соединенные Штаты во время войны сдѣлали значительное безкровное пріобрѣтеніе: къ республикѣ присоединены Сандвичевы острова, и такимъ образомъ Штаты отказались отъ доктрины Монро (*Америка для американцевъ*), потому что пріобрѣли острова Великаго океана, далеко лежащіе отъ американскаго материка.

Министерство Мелина - Ганото вынуждено было выйти въ отставку, и послѣ долгихъ исканій и колебаній сформировался новый кабинетъ съ Бриссономъ во главѣ. Бриссонъ, бывшій президентомъ палаты, принадлежитъ къ вождямъ радикальной партіи и пользуется почетною репутаціей, какъ честнѣйшій политическій дѣятель.

Опортюнисты, центръ и монархисты, успѣвшіе четырьмя голосами провести въ президенты палаты своего кандидата, Дешанеля, надѣялись, что въ палатѣ кабинетъ Бриссона немедленно потерпитъ крушеніе. Надежда не оправдалась. Министерская декларація, очень умѣренно составленная, была одобрена весьма значительнымъ большинствомъ.

Еще болѣе удачно было для новаго кабинета второе испытаніе. Такъ называемый *націоналистъ* Кастеленъ внесъ запросъ по дѣлу Дрейфуса, переполненный обычными выходками эстергазистовъ. На запросъ немедленно отвѣтилъ военный министръ Кавеньякъ (статскій). Онъ заявилъ, что правительство считаетъ себя обязаннымъ сообщить странѣ все, что можетъ послужить къ выясненію дѣла. «Въ настоящій моментъ,—сказалъ министръ,—патріотическое чувство такъ сильно, что одобрило бы насъ, еслибы мы захотѣли внушить уваженіе къ арміи при помощи репрессивныхъ мѣръ, но дѣло идетъ не объ уваженіи къ арміи. Армія исполнена почтенія къ верховенству гражданской власти (*Рукоплесканія слѣва*). Армія—наша гордость и наша надежда. Ей нѣтъ нужды прятаться за репрессивныя мѣры, ей нѣтъ нужды бояться истины (*Бурныя рукоплесканія*).

Кавеньякъ убѣжденъ въ виновности Дрейфуса. Онъ говоритъ: «Никакія государственныя соображенія не заставили бы меня держать въ каторгѣ невиннаго. Я знаю, какую отвѣтственность я принимаю на себя. Поэтому я въ правѣ и обязанъ представить основанія своего убѣжденія. Но прежде скажу, что мы—господа въ своей палатѣ и можемъ обсуждать свои дѣла, какъ намъ заблагоразсудится. (*Восторженныя рукоплесканія*). Впрочемъ, въ заявленіяхъ, которыя имѣю сдѣлать, нѣтъ ничего такого, что затрогивало бы иностранныя правительства».

Далѣе министръ привелъ нѣсколько документовъ въ доказательство виновности Дрейфуса и показанія свидѣтелей признанія имъ своей вины. Рѣчь свою Кавеньякъ кончилъ такими словами: «Сильное непоколебимостью своего рѣшенія и правотой защищаемаго дѣла, правительство не потерпитъ долѣе посягательствъ на національные интересы. Я питаю горячую надежду, что завтра всѣ французы соединятся въ заявленіи, что армія

сильна не только довѣріемъ страны, но и справедливостью своихъ дѣйствій» (*Буря рукоплесканій*).

Рѣчь министра произвела огромное впечатлѣніе. Палата почти единогласно постановила напечатать ее и расклеить по всѣмъ меріямъ Франціи.

Вопросъ могъ считаться поконченнымъ: Кавеньяку восторженно рукоплескали подъ конецъ и клерикалы, и радикалы, и шовинисты, и соціалисты. Чѣмъ же сумѣлъ военный министръ удовлетворить разнообразны· элементы? Всего болѣе, намъ кажется, исполненною достоинства фразою: «Мы—господа въ своей палатѣ и можемъ обсуждать свои дѣла, какъ намъ заблагоразсудится». Эта фраза пріятно пощекотала патріотическія депутатскія уши. Нельзя, конечно, не выразить полнаго сочувствія и заявленію, что армія исполнена почтенія къ верховенству гражданской власти (рукоплескала одна лѣвая), что ей нѣтъ надобности прятаться за репрессивныя мѣры, что государственныя соображенія не могутъ служить основаніемъ, чтобы держать на каторгѣ невиннаго. Но вотъ что вытекаетъ изъ рѣчи военнаго министра: допустимъ, что его убѣжденіе въ виновности Дрейфуса правильно; но *судимъ былъ Дрейфусъ неправильно*. Это доказывается письмомъ Деманжа, бывшаго защитникомъ Дрейфуса, къ нынѣшнему министру юстиціи. «Въ ту минуту,—пишетъ Деманжъ,—когда г-жа Дрейфусъ обратилась къ вамъ съ просьбой отмѣнить, вслѣдствіе нарушенія закона, приговоръ военнаго суда, которымъ былъ осужденъ ея мужъ, я считаю своимъ долгомъ заявить, что помѣченные мартомъ и апрѣлемъ 1894 г. документы, прочтенные съ трибуны военнымъ министромъ въ палатѣ депутатовъ и помогшіе ему составить убѣжденіе въ виновности Дрейфуса, не были извѣстны ни Дрейфусу, ни его защитнику. Я утверждаю, что мнѣ была извѣстна и что военному суду могла быть *законнымъ путемъ* извѣстна только препроводительная записка, именуемая бордеро, единственный документъ, на которомъ основывалось обвиненіе и о которомъ военный министръ даже не упомянулъ въ своей рѣчи. Я считаю также своею обязанностью вручить вамъ копію записки, которую я получилъ отъ своего кліента, капитана Дрейфуса, 31 декабря 1894 г. Важность этой записки не ускользнетъ отъ вашей проницательности».

Мы не будемъ приводить этой довольно длинной записки. Въ ней указывается на неправильное веденіе слѣдствія, на по меньшей мѣрѣ странный образъ дѣйствій Пати де-Клама и т. п. Въ концѣ записки помѣщена копія съ письма къ военному министру. «По вашему приказанію меня посѣтилъ майоръ де-Пати, которому я еще разъ заявилъ, что я невиненъ и что я даже не провинился въ неосторожности. Я осужденъ и не требую никакой милости. Но во имя моей чести, которая, я надѣюсь, будетъ когда-нибудь возвращена мнѣ, я обязанъ просить васъ продолжать ваши розыски. Пусть ищутъ послѣ того, какъ я буду сосланъ,—вотъ единственная милость, которой я прошу. Альфредъ Дрейфусъ».

Будемъ надѣяться, что къ началу будущаго столѣтія, ко всемірному празднику труда и мира, на который созываетъ народы Франція, она очистит-

ся отъ антисемитизма и преклоненія передъ саблей, и явится тою великодушною и справедливою Франціей, которую такъ любили и уважали повсюду.

Въ Италіи короткая сессія парламента закрыта. Министерство генерала Пеллу должно теперь дѣйствительно успокоить страну, затихшую отъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ и кавалерійскихъ аттакъ. Когда-то у насъ покойный теперь профессоръ Бабстъ основательно возставалъ противъ *кирасирскаго разрѣшенія* соціальныхъ вопросовъ. Прискорбно видѣть, что къ такому разрѣшенію прибѣгаютъ въ Италіи. Изъ печатающихся въ *Русской Мысли* статей о Кавурѣ читатели могутъ составить понятіе о героической борьбѣ, которую вынесъ за свое освобожденіе и объединеніе итальянскій народъ. А затѣмъ ошибка за ошибкой, и бывшій гарибальдіецъ Криспи, какъ министръ-президентъ, дѣлается злѣйшимъ (но не опаснымъ) врагомъ Россіи и Франціи. Италія вступаетъ въ тройственный союзъ съ Германіей и съ своею недавнею поработительницею Австріей; она напрягаетъ до послѣдней крайности экономическія силы народа для того, чтобъ имѣть могущественную армію и флотъ къ услугамъ этихъ державъ, потому что о самостоятельной борьбѣ съ Французскою республикой и рѣчи быть не могло. Затѣмъ наступаетъ пора африканскихъ приключеній, которая кончается разгромомъ въ военномъ отношеніи и страшными финансовыми потерями. Неужели и теперь правительство короля Гумберта не образумится и не перестанетъ строить броненосцевъ и увеличивать армію и налоги, когда населеніе бѣдствуетъ въ большей части Италіи? Россія и Франція, противъ которыхъ направлена тройственная лига, отличаются такимъ невозмутимымъ миролюбіемъ и такою внушительною силой, что истощеніе Италіи вооруженіями, ея манія государственнаго величія—представляютъ печальное недоразумѣніе.

Какъ читатели припомнятъ, мы давно и почти одиноко выступаемъ въ русской печати въ пользу дружественнаго соглашенія съ Англіей въ вопросахъ азіатской политики. Мы указывали между прочимъ на общую для Россіи и Великобританіи опасность отъ мусульманскаго фанатизма, окрыленнаго въ послѣднее время побѣдами турецкаго султана надъ греками. *Московскія Вѣдомости* съ свойственною имъ христіанскою кротостью высказались по поводу извѣстнаго нашимъ читателямъ безумнаго проявленія мусульманскаго фанатизма въ нашей Ферганской области въ пользу примѣненія скобелевскаго правила: «на азіатскіе народы необходимо дѣйствовать *время отъ времени* огнемъ и мечомъ, такъ какъ они вовсе не признаютъ общенравственныхъ началъ, а преклоняются лишь передъ силою и деньгами; всякое снисхожденіе они принимаютъ за слабость или за глупость».

Почему же въ такомъ случаѣ лицемѣрная газета столь возмущается аналогическими дѣйствіями англичанъ въ Индіи?

Интересную статью *«О мѣрахъ борьбы съ мусульманскимъ фанатизмомъ* напечатали *Петербургск. Вѣдом.* *).

Авторъ статьи, г. С. Рыбаковъ, говоритъ: «Мусульманство есть прежде всего *нравственная сила*; порождаемый имъ фанатизмъ зиждется на нравственной основѣ; поэтому бороться съ нимъ можно только *равною нравственною же силою*».

«Безспорно необходимо имѣть наготовѣ военную силу, чтобы парализовать ею внѣшнія, физическія воплощенія воинствующаго фанатизма, но не далѣе... Далѣе уже начинаются явленія нравственнаго порядка, и если мы хотимъ прочнѣе закрѣпить порядокъ, миръ и культуру въ краѣ, внѣшнее воздѣйствіе, выше приведенное «Скобелевское средство», безцѣльно».

Мы совершенно согласны съ г. Рыбаковымъ, что «противъ такого духовнаго врага, какъ религія, можно бороться только духовными же средствами,—путемъ широкаго развитія въ Средней Азіи русскаго образованія и просвѣщенія на христіанской почвѣ. Въ этой мѣрѣ надобно видѣть главнѣйшую и вѣрнѣйшую мѣру борьбы противъ фанатизма. Она важна особенно какъ *предупредительная мѣра*. Гораздо важнѣе предупредить болѣзнь, чѣмъ лѣчить ее послѣ наступленія и притомъ внѣшними мѣрами.

«Конечно, духовная борьба съ исламомъ очень трудна какъ съ значительной нравственной силой, активно настроенной,—но не невозможна».

Г. Рыбаковъ приводитъ интересныя свѣдѣнія объ одномъ изъ просвѣтителей инородцевъ, Ильминскомъ (за подробностями мы отсылаемъ къ названной газетѣ). Въ письмѣ къ К. П. Побѣдоносцеву Ильминскій писалъ (за литературныя достоинства этого письма мы, конечно, не отвѣчаемъ): «ставится дилемма: если изъ опасенія отдѣльныхъ народностей не допустить инородческаго языка въ инородческія школы и церкви въ достаточномъ количествѣ для твердаго и полнаго, убѣжденнаго усвоенія христіанской вѣры, въ такомъ случаѣ всѣ инородцы сольются въ одно племя по языку и по вѣрѣ—въ татарское и магометанское. Если же допустить инородческіе языки, въ такомъ случаѣ еслибы даже и поддержались народности, но—разныя, мелкія, къ татарству не расположенныя и съ русскимъ народомъ соединенныя единствомъ вѣры. Выбирайте».

Мы къ этому прибавили бы слѣдующее: никакой и дилеммы нѣтъ, ибо инородцы, принявшіе христіанство, пріобщаются къ европейской культурѣ и неминуемо втянутся въ обще-русскую жизнь. Господамъ «патріотамъ своего отечества» не мѣшало бы имѣть побольше вѣры въ духовную силу русскаго народа.

Вслѣдъ за славянскими торжествами въ Прагѣ произошли празднества въ честь Мицкевича въ Краковѣ. Изъ русскихъ (если не считать В. Д. Спасовича, представлявшаго поляковъ) былъ случайно одинъ г. Брандтъ, профессоръ Московскаго университета, и было бы лучше, много лучше, еслибы никого не было: рѣчь г. Брандта въ отвѣтъ на обращенное къ нему, какъ

*) № 161.

русскому, привѣтствіе В. Д. Спасовича, отличалась крайнею безтактностью. Ни съ того, ни съ сего московскій профессоръ началъ сообщать полякамъ, что онъ хорошій патріотъ, вѣрный подданный Императора. Кажется, никто даже изъ подозрѣвавшихъ существованіе г. Брандта не высказывалъ подозрѣній въ этомъ отношеніи. Далѣе ораторъ сказалъ слѣдующее: «Я настолько ретроградъ, что не вѣрю въ спасительность парламентаризма. Развѣ либеральныя учрежденія помѣшали Англіи съ оружіемъ въ рукахъ принуждать китайцевъ отравляться опіумомъ? Развѣ они помѣшали на этихъ дняхъ Соединеннымъ Штатамъ подъ предлогомъ человѣколюбія начать убійственную войну и протянуть злодѣйскую руку къ «Антильской Жемчужинѣ»?

«Меня приводитъ въ негодованіе, что при рѣшеніяхъ большинствомъ голосовъ нѣсколько человѣкъ съ дурными намѣреніями (zlej woli) могутъ парализовать благороднѣйшія стремленія руководящихъ единицъ. Я охотно повторяю слова Шиллера въ *Димитріи Самозванцѣ,* вложенныя поэтомъ въ уста Льва Сапѣги: «голоса слѣдуетъ не считать, а вѣшать». Что такое большинство? Глупость (niedorzecznosc). Умъ всегда достояніе немногихъ» *).

Г. Брандту порукоплескали и пошикали. Послѣднее напрасно: намѣренія у него были, вѣроятно, добрыя.

Русскій Трудъ признаетъ упоминаніе г. Брандта о своемъ патріотизмѣ и преданности Государю совершенно неумѣстнымъ. «Что это,—спрашиваетъ газета,—выдача самому себѣ патента благонамѣренности *не въ примѣръ другимъ?* Но вѣдь это же оскорбленіе русскаго чувства! Вѣдь нельзя же *характеризовать себя* добрымъ патріотомъ и вѣрноподданнымъ Государя? Что же г. Брандтъ думаетъ объ остальныхъ русскихъ? За кого онъ считаетъ своихъ товарищей по университету? Развѣ добрый патріотизмъ и преданность Государю стали у насъ уже такою рѣдкостью, что могутъ служить отличительнымъ признакомъ? Или это намекъ на то, что поляки—дурные патріоты и еще худшіе подданные своего Царя? Но, во-первыхъ, русскіе поляки только что, годъ назадъ, самымъ торжественнымъ образомъ засвидѣтельствовали очень горячія чувства къ *своему* Государю; а во-вторыхъ, въ публикѣ сидѣли не одни его подданные, а подданные еще двухъ государей, до которыхъ г. Брандту, во всякомъ случаѣ, не было никакого дѣла. Напоминать объ этомъ—значитъ растравлять самую больную рану поляковъ—ихъ раздѣлъ между тремя имперіями».

Не менѣе неумѣстно,—полагаетъ газета,—и антипарламентарное негодованіе г. Брандта. По истинѣ, si tacuisses, philosophus mansisses...

Русскій Трудъ констатируетъ, что въ этомъ случаѣ ярко сказалась политическая зрѣлость польской печати. «Огромное большинство польской печати рѣзко осудило шикавшихъ и высказало по этому случаю такія здравыя и дѣльныя мысли, что можно только радоваться за успѣхъ славянскаго дѣла. Ничего подобнаго нельзя было себѣ и представить всего десять-пятнадцать лѣтъ назадъ». **В. Г.**

---

*) Мы приводимъ эту выдержку изъ *Русскаго Труда* (№ 27).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Пожертвованіе Государя Императора.—Промысловый налогъ.—Педагогическіе курсы въ Нижнемъ-Новгородѣ и Пензѣ.—Газета *Кавказъ* и недородъ въ Закавказьи.—Вопросы о разлученіи супруговъ.—Двадцатипятилѣтіе со дня кончины Тютчева.

Государь Императоръ пожертвовалъ 500,000 руб. въ пользу крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая прошлаго года.

Сынъ Отечества говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Извѣстія изъ различныхъ мѣстъ, пострадавшихъ отъ недорода, корреспонденціи, письма въ редакціи и воззванія нѣкоторыхъ губернаторовъ достаточно ярко рисовали картину народной нужды, и все-таки высказывались сомнѣнія въ дѣйствительномъ существованіи бѣдствія. Теперь всякимъ сомнѣніямъ, всякимъ колебаніямъ въ разрѣшеніи этого вопроса долженъ быть положенъ конецъ, послѣ того, какъ существованіе нужды признано самимъ Государемъ Императоромъ. Нельзя отрицать бѣдствія народа послѣ того, какъ самимъ Императоромъ признано необходимымъ придти на помощь пострадавшимъ и Высочайше пожертвована на дѣло помощи крупная сумма въ 500 тыс. руб. Просматривая нумера газетъ, въ которыхъ помѣщались извѣстія изъ неурожайныхъ мѣстъ, мы легко увидимъ, что районъ, охваченный бѣдствіемъ недорода, настолько обширенъ и заключаетъ въ себѣ такое значительное количество пострадавшихъ, что даже такая значительная сумма, какъ полмилліона рублей, кажется на первый взглядъ какъ бы недостаточной. Мы говоримъ—на первый взглядъ, потому что на самомъ дѣлѣ она болѣе чѣмъ достаточна, и будь она въ сто тысячъ разъ меньше, и тогда это пожертвованіе имѣло бы огромное значеніе. Пожертвованіе 500 тысячъ ясно показываетъ то, что извѣстіе о нуждѣ народной достигло до высоты престола и что Государь Императоръ откликнулся на эту нужду. Крупный же размѣръ пожертвованія подтверждаетъ, что Государь Императоръ считаетъ бѣдствіе серьезнымъ».

Высокій примѣръ,—по справедливому замѣчанію *Сына Отечества*,—долженъ возбудить съ новою силой вниманіе общества къ народной нуждѣ. Теперь можно надѣяться на побѣду надъ нею.

По Высочайшему повелѣнію, утверждено слѣдующее мнѣніе государственнаго совѣта, по представленію министра финансовъ: «Поручить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ войти въ соображеніе вопроса о предоставленіи земствамъ и городамъ участія во всѣхъ видахъ государственнаго промысловаго налога (отд. I) и объ условіяхъ сего участія, а также о вызываемыхъ этою мѣрою преобразованіяхъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ о мѣстномъ обложеніи торговли и промысловъ, и предположенія по сему предмету внести на утвержденіе, установленнымъ порядкомъ, въ возможно непродолжительномъ времени.

Впредь до утвержденія упомянутаго представленія министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, постановить въ измѣненіе дѣйствующихъ узаконеній объ обложеніи торговыхъ документовъ мѣстными сборами слѣдующія правила:

1. Установленные въ земскіе и городскіе доходы, а также на губернскія земскія повинности, сборы съ торговыхъ документовъ взимаются съ промысловыхъ свидѣтельствъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ цѣны промысловыхъ свидѣтельствъ на торговыя предпріятія I и II разрядовъ (включая и ярмарочныя), на промышленныя предпріятія первыхъ пяти разрядовъ, а также съ цѣны промысловыхъ свидѣтельствъ, выбираемыхъ на пароходныя предпріятія,—не свыше пятнадцати процентовъ, а съ цѣны всѣхъ прочихъ промысловыхъ свидѣтельствъ—не свыше десяти процентовъ.

2. Городскіе сборы взимаются только съ тѣхъ промысловыхъ свидѣтельствъ, которыя выбраны на предпріятія, находящіяся въ предѣлахъ городскихъ поселеній; земскими же сборами или сборомъ на губернскія земскія повинности облагаются промысловыя свидѣтельства на предпріятія, находящіяся какъ въ предѣлахъ городскихъ поселеній, такъ и внѣ оныхъ.

3. Установленный Высочайше утвержденнымъ, 27 декабря 1878 года, журналомъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго сборъ съ торговыхъ документовъ въ пользу губернскаго земскаго дорожнаго сбора взимается со всѣхъ выдаваемыхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, за исключеніемъ гор. Варшавы, промысловыхъ свидѣтельствъ, въ размѣрѣ десяти процентовъ съ ихъ цѣны.

4. Сборъ, взимаемый въ городскіе доходы въ губерніяхъ Царства Польскаго, подъ наименованіемъ канона съ заработковъ, сохраняется на существующихъ основаніяхъ, за исключеніемъ гор. Варшавы, въ которомъ сборы съ промысловыхъ свидѣтельствъ въ городскіе доходы взимаются на общемъ основаніи со всѣми прочими городскими населеніями имперіи.

5. Прибавочные сборы, установленные съ торговыхъ документовъ въ пособіе государственному казначейству въ мѣстностяхъ, упомянутыхъ въ ст. 447 уст. прям. нал. (св. зак. т. Ѵ, изд. 1893 г.) и въ ст. 454[1] того же устава, по прод. 1895 г., сохраняются на существующемъ основаніи въ установленномъ размѣрѣ, причемъ къ свидѣтельствамъ первой гильдіи приравниваются промысловыя свидѣтельства на торговыя предпріятія I разряда, на промышленныя предпріятія первыхъ трехъ разрядовъ, а также

на пароходныя предпріятія, за содержаніе которыхъ уплачено въ годъ основного промысловаго налога свыше пятисотъ рублей, а къ свидѣтельствамъ второй гильдіи — промысловыя свидѣтельства на торговыя предпріятія II, на промышленныя предпріятія IV и V разрядовъ, а также на пароходныя предпріятія, за содержаніе которыхъ уплачено въ годъ основного промысловаго налога свыше пятидесяти до пятисотъ рублей.

6. Установленный пп. 1 и 2 ст. 449 уст. прям. налог. (св. зак. т. V, изд. 1893 г.) сборъ съ торговыхъ документовъ въ пособіе государственному казначейству взимается со всѣхъ выдаваемыхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго промысловыхъ свидѣтельствъ въ размѣрѣ десяти процентовъ съ ихъ цѣны».

Въ полномъ объемѣ новое положеніе будетъ приведено въ исполненіе съ января будущаго года. Государственному промысловому налогу подлежатъ торговыя предпріятія (въ томъ числѣ страховыя, кредитныя, подрядческія), фабрично-заводскія, горнозаводскія, перевозочныя, ремесленныя. Многочисленныя изъятія касаются казенныхъ предпріятій, вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, духовнаго вѣдомства, земскихъ, сословныхъ учрежденій, учебныхъ заведеній, картинныхъ галлерей, книгоиздательства и печатнаго дѣла вообще, книжныхъ магазиновъ внѣ столицъ и мѣстностей перваго класса и нѣкоторые другіе.

Общая сумма налога исчисляется министерствомъ финансовъ въ 55 милліоновъ рублей, т.-е. сравнительно съ существующимъ онъ увеличивается только на 13.000,000 руб. (30%). Прибавка весьма незначительная, если принять во вниманіе, что нашъ бюджетъ давно уже перешагнулъ за милліардъ рублей и приближается къ полуторумилліарду. *Торгово-Промышленная Газета*, органъ министерства финансовъ, высказываетъ по этому поводу вполнѣ основательныя соображенія. «Едва ли можно сомнѣваться, — говоритъ газета, — въ томъ, что торговля и промышленность участвуютъ въ настоящее время въ общихъ расходахъ государства въ сравнительно малой долѣ, не оправдываемой ихъ современнымъ состояніемъ, которое должно быть признано поистинѣ блестящимъ. Въ особенности эта характеристика примѣнима къ нашей фабричной и заводской промышленности, огражденной высокимъ таможеннымъ тарифомъ, подъ защитою котораго она можетъ развиваться безпрепятственно и въ самомъ дѣлѣ быстро подвигается впередъ. При такихъ условіяхъ повышеніе промысловаго налога представляется настоятельно необходимымъ и должно бы послѣдовать во всякомъ случаѣ, еслибы не было на-лицо вышеупомянутыхъ чрезвычайныхъ требованій расходовъ изъ средствъ государственнаго казначейства».

Несмотря на незначительность суммы новаго промысловаго налога и на неудовлетворительность его раскладки, мы привѣтствуемъ новое положеніе, какъ важный шагъ на пути къ подоходному положенію, до котораго намъ, къ сожалѣнію, еще далеко.

Въ провинціальныхъ газетахъ мы находимъ свѣдѣнія о педагогическихъ

курсахъ, бывшихъ нынѣшнимъ лѣтомъ (о курскихъ мы говорили въ прошломъ обозрѣніи). Остановимся на нижегородскихъ и пензенскихъ.

Представитель учебнаго вѣдомства, г. Брызгаловъ, закрывая нижегородскіе курсы, сказалъ, что «примѣрное, внимательное и усердное отношеніе къ курсовымъ занятіямъ слушателей сильно облегчило гг. руководителей курсовъ, которые, находя васъ постоянно на серьезной высотѣ вашего педагогическаго призванія, видѣли, что ихъ усилія падаютъ на добрую почву, что для нихъ служило сильнымъ нравственнымъ стимуломъ дѣлиться съ вами своей опытностью, своими свѣдѣніями въ продолженіе этихъ краткосрочныхъ курсовъ».

Г. Брызгаловъ выразилъ увѣренность, что земство и впередъ будетъ сочувственно относиться къ курсамъ и что они сдѣлаются ежегодными.

Участвующими на курсахъ былъ поднесенъ губернской земской управѣ слѣдующій адресъ: «Благодаря просвѣщенному и сочувственному отношенію нашего земства къ духовнымъ нуждамъ сельскихъ учителей и учительницъ, были устроены педагогическіе курсы. Вполнѣ сознавая огромную пользу, какую они принесли намъ, участникамъ въ нихъ, мы считаемъ своей священной обязанностью выразить губернской земской управѣ нашу глубокую благодарность за тѣ труды, которые понесла она по исполненію предначертаній земскаго собранія, и просить ее передать нашу признательность земству, въ лицѣ его просвѣщенныхъ дѣятелей.

«Проживши три недѣли въ атмосферѣ дружной умственной работы при участіи нашихъ руководителей, мы съ бодрымъ духомъ возвратимся въ наши села и съ обновленными знаніями будемъ служить на пользу дорогого намъ русскаго народа. На истекшихъ курсахъ выяснилось, какъ необходимы они учителямъ и учительницамъ; а посему, по чувству товарищества, не можемъ не пожелать и для отсутствующихъ нашихъ коллегъ такого же участвованія на курсахъ въ будущемъ году, какимъ мы воспользовались въ настоящемъ. Дай Богъ, чтобы наше пожеланіе нашло откликъ въ сердцахъ просвѣщенныхъ земскихъ дѣятелей. Пусть и наши товарищи будутъ имѣть возможность чувствовать такую же глубокую благодарность, какою преисполнены мы, нижеподписавшіеся».

Представитель земства, г. Остафьевъ, въ своей рѣчи сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Обновивъ свои познанія курсовыми лекціями и обмѣнявшись мнѣніями между собой, вы съ новой энергіей и свойственной вамъ любовью къ дѣлу народнаго образованія начнете учить крестьянскихъ дѣтей, мало-по-малу свѣтъ научныхъ знаній и нравственныя понятія проникнутъ въ темныя массы народа. Грамота разсѣетъ мракъ невѣжества, суевѣрія и грубости нашего крестьянина. На васъ возложена великая задача воспитать рядъ поколѣній. Когда земство только начинало свою дѣятельность по народному образованію, грамотности почти не было, школы отсутствовали. Теперь съ каждымъ годомъ число школъ увеличивается и грамотныхъ стало больше, чѣмъ неграмотныхъ. Для этого дѣла земство нашло въ васъ, гг. учительницы и учителя, лучшихъ и главныхъ своихъ

помощниковъ. Вы заставили крестьянъ полюбить школу, сумѣли внушить сознаніе необходимости обучать своихъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи недалеко то время, когда введется всеобщее обученіе, которое постепенно распространится и по всей губерніи. Всѣ учрежденія, ведущія дѣло народнаго образованія, стремятся къ этому и между ними необходима полная солидарность. Когда наступитъ желанная пора всеобщаго обученія — это будетъ нравственнымъ торжествомъ народнаго учителя, вашимъ торжествомъ. Счастье, могущество и богатство нашего дорогаго отечества зависитъ отъ широкаго распространенія образованія, и грамота улучшитъ матеріальное положеніе крестьянъ» *).

Очень хорошо прошли учительскіе курсы въ Пензѣ. При ихъ открытіи хорошую, честную и теплую рѣчь произнесъ г. В. Н. Ладыженскій. «Каждому изъ васъ,—говорилъ онъ,—конечно, случалось слышать ту характеристику, которую даетъ самъ себѣ народъ по отношенію къ знанію и неразрывно связанному съ нимъ воспитанію. *Мы люди темные*, печально говоритъ онъ самъ о себѣ. И нѣтъ такой стороны народной жизни, на которую эта темнота не клала бы своего отпечатка. Она имѣла свои причины, конечно... И, начинаясь въ глубинѣ вѣковъ, въ злую эпоху татарщины, она почуяла свой безповоротный конецъ только во времена великихъ реформъ незабвеннаго Царя-Освободителя Александра II. Тогда же и была призвана къ жизни для борьбы съ этою темнотой народная школа, ближайшими дѣятелями которой являетесь вы. Надо ли удивляться тому, что не сразу эта школа установилась прочно и не вдругъ покрыла густою сѣтью нашу родину? Для этого еще недоставало сознанія ея необходимости со стороны общества, призваннаго къ новой жизни, хотя оно, впрочемъ, охотно шло ей навстрѣчу» **).

На нашихъ глазахъ это сознаніе пробудилось и быстро растетъ. Пензенскій губернаторъ, графъ Адлербергъ, въ сочувственныхъ выраженіяхъ привѣтствовалъ начало занятій курсовъ. Горячо отнеслись къ дѣлу участники этихъ курсовъ, г-жа Архангельская, г. Орелкинъ и друг. На рѣчи г. Орелкина мы нѣсколько остановимся (онъ—руководитель курсовъ, какъ и г. Ладыженскій). Ораторъ обратилъ вниманіе на значеніе народной школы въ экономическомъ отношеніи. Намъ пріятно отмѣтить такія, напримѣръ, мысли, которыя черезъ посредство учителей и учительницъ будутъ проникать въ глубину народнаго самосознанія: «Строгія научныя изслѣдованія, произведенныя въ разныхъ образованныхъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи, съ цѣлью опредѣлить экономическую цѣнность начальнаго образованія, доказали, что нѣтъ такой работы, въ которой не оказали бы человѣку пользы его умственное развитіе и дисциплинированное школой

---

*) *Нижегородскій Листокъ*, № 182. Наканунѣ закрытія курсовъ, ихъ участники отслужили панихиду по покойномъ предсѣдателѣ общества взаимопомощи учащихъ Нижегор. губ. С. С. Баршевѣ—одномъ изъ симпатичнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей.

**) Эту выдержку, какъ и послѣдующія, мы беремъ изъ *Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* (№№ 126, 130, 131).

вниманіе, что даже въ самыхъ грубыхъ работахъ, каковы, наприм., метеніе улицъ, рубка и колка дровъ, поднятіе тяжестей, самое малое сравнительно развитіе рабочаго уже отражается на улучшеніи пріемовъ труда, его большей обдуманности, разумности и производительности».

Знаніе,—кончилъ свою рѣчь г. Орелкинъ,—есть, въ соединеніи съ христіанскою любовью, величайшая сила, созидающая прочное счастье людямъ, благосостояніе и славу народамъ.

Это справедливо, но вотъ въ чемъ бѣда: плохо, очень плохо обезпечены наши народные учителя и учительницы. Много разъ говорила объ этомъ *Русская Мысль* и,—не скроемъ отъ читателей,—намъ придется много еще разъ повторять это, рискуя утомить вниманіе читателей.

Вотъ какія печальныя свѣдѣнія находимъ мы въ областной печати. Въ Харьковской губерніи учителямъ объявлено было, при введеніи казенной водочной монополіи, что они могутъ занимать соотвѣтствующія должности. Желающихъ оказалось не мало. Теперь монополія надвигается на Курскую губернію. «*Большинство* народныхъ учителей и учительницъ Харьковской губерніи, не получившихъ здѣсь мѣстъ по винной монополіи, обратились съ этими просьбами къ управляющему акцизными сборами Курской губерніи. Многіе изъ нихъ теперь получили увѣдомленія о томъ, что они зачислены кандидатами на просимыя ими должности» *).

Курская Газета, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, предполагаетъ, что и въ Курской губерніи произойдетъ то же самое. Она говоритъ, что «учитель тоже человѣкъ, что у него также есть потребности, изъ которыхъ даже самыя элементарныя не могутъ быть удовлетворены, благодаря нищенскому содержанію».

Да, учитель — «*человѣкъ*», именно поэтому горестно видѣть, что онъ покидаетъ школу для питейнаго заведенія...

Странную роль разыгрываетъ не безъизвѣстный поэтъ г. Величко, какъ редакторъ газеты *Кавказъ*. Въ Закавказьи въ прошломъ году былъ сильный недородъ. Объ этомъ много говорили въ *Кавказскомъ обществѣ сельскаго хозяйства*, въ его органѣ—газетѣ *Кавказское Сельское Хозяйство*, въ *Новомъ Обозрѣніи*. Рѣзко и грубо отрицалъ сколько-нибудь значительные размѣры нужды *Кавказъ*, усматривая и въ великодушныхъ попыткахъ помочь бѣдѣ армянскую интригу...

Нынѣшняя весна также принесла много бѣдъ населенію. «Въ Кубанской области во многихъ мѣстахъ свирѣпствовала сильная метель, причинившая не мало бѣдъ. Въ ст. Сергіевскѣ она загнала въ рѣку и потопила до 100 штукъ рогатаго скота и до 300 овецъ. Въ станицахъ Роговской и Тимашевской замерзло нѣсколько человѣкъ. Многія семейства не доискиваются своихъ членовъ и не знаютъ, гдѣ ихъ разыскивать. Въ Ставропольской губерніи, на степи селенія Донского, отъ стужи погибло до 15,000 овецъ

*) *Курская Газета*, № 176.

и 500 головъ крупнаго скота. Замерзли четыре пастуха. На всѣхъ степныхъ пространствахъ, гдѣ паслись овцы и скотъ, встрѣчается множество павшихъ животныхъ. На степи селенія Безопаснаго найдены три человѣческихъ трупа. Вдоль линіи Владикавказской желѣзной дороги обнаружено также много человѣческихъ жертвъ. Въ Джеватскомъ уѣздѣ въ апрѣлѣ лежалъ глубокій снѣгъ, скотъ оставался безъ корма и вслѣдствіе этого много погибалъ отъ голода. Въ сел. Руиси, Горійскаго уѣзда, суровая зима уничтожила виноградники, а вновь выпавшій снѣгъ погубилъ плодовыя деревья въ цвѣту. Въ Старой Нахичевани, Эриванской губ., также вновь выпавшій снѣгъ и холодъ вынудилъ жителей рубить на топливо абрикосовыя и сливовыя деревья» *). Столь же печальныя вѣсти шли изъ многихъ другихъ мѣстностей.

На Кавказское общество сельскаго хозяйства по поводу этихъ сообщеній и принятыхъ въ немъ ходатайствъ о помощи населенію наскочила газета *Кавказъ*, сокращая и извращая факты. Это вызвало замѣтку *Кавк. Сел. Хоз.*, въ которой редакція «высказываетъ свое глубокое сожалѣніе, что газета *Кавказъ* внесла въ обсужденіе и такого важнаго общественнаго вопроса, какъ недородъ, *недостойный тонъ* и соображенія, *не имѣющія ничего общаго съ истиной* и съ тѣми серьезными задачами, которыя преслѣдуются Императорскимъ Кавказскимъ обществомъ сельскаго хозяйства»**).

Язвою для Кавказа является и сильно развившееся кулачество. Г. Вартанянцъ въ обществѣ сельскаго хозяйства доказывалъ, что «кулачество въ самыхъ разнообразныхъ формахъ опутало бѣднѣйшую часть населенія, высасывая изъ него послѣдніе соки» ***). Задачи правительства на Кавказѣ очень сложны и недобрую услугу оказываютъ русскому дѣлу такія газеты, какъ *Кавказъ*.

На законодательной очереди у насъ стоитъ между прочимъ вопросъ о разлученіи супруговъ. Нашъ законъ не знаетъ такого разлученія (оно существуетъ въ губерніяхъ Царства Польскаго и въ Финляндіи). Статья 103 первой части X тома *Свода законовъ* гласитъ, что *супруги обязаны жить вмѣстѣ*. Жизнь давно уже доказала всю несостоятельность этого категорическаго предписанія, и на практикѣ законъ часто и разнообразными способами обходится, но обходъ закона есть зло, да и обходить его не всякому удобно. Нерѣдко одинъ изъ супруговъ (преимущественно мужъ) дѣлаетъ семейную жизнь невыносимою, а уйти отъ него бываетъ невозможно, въ особенности, когда есть дѣти. Только ссылка съ лишеніемъ правъ состоянія освобождаетъ отъ 103 статьи. Прискорбныя послѣдствія такого порядка вещей общеизвѣстны. Мужеубійство и, въ меньшихъ размѣрахъ, женоубійство принадлежатъ къ числу такихъ послѣдствій, а сколь-

*) *Кавказское Сельское Хозяйство*, № 224.
**) *Кавказское Сельское Хозяйство*, № 229.
***) *Новое Обозрѣніе*, 2 іюня.

ко губится жизней въ нравственномъ смыслѣ, какъ печально отражается суровая статья закона на воспитаніи дѣтей!

Судъ старается помочь злу. Мировые судьи, вопреки закону, пытались оградить потерпѣвшаго отъ жестокаго обращенія супруга и понуждали мужей давать женамъ отдѣльные виды на жительство. Въ этомъ же направленіи дѣйствуютъ иногда волостные суды, къ обходу закона склоняются окружные суды, судебныя палаты и даже правительствующій сенатъ. Еще болѣе вмѣшивалось въ семейныя отношенія третье отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Съ 1884 г. подобнаго рода дѣла поступили въ завѣдываніе канцеляріи по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ. Канцелярія ежегодно выдаетъ по нѣскольку сотъ отдѣльныхъ видовъ на жительство *).

Въ газетахъ появилось извѣстіе, что въ правительственныхъ сферахъ имѣется въ виду законодательное разрѣшеніе наболѣвшаго вопроса: редакціонною коммиссіей по составленію гражданскаго уложенія выработанъ и уже внесенъ въ государственный совѣтъ проектъ правилъ о разрѣшеніи супругамъ раздѣльнаго жительства.

Петербургскія Вѣдомости справедливо находятъ, что наилучшимъ органомъ для разрѣшенія дѣлъ о разлученіи супруговъ долженъ быть признанъ судъ (при закрытыхъ дверяхъ). «Жгучій вопросъ о томъ, при комъ изъ разлучающихся супруговъ слѣдуетъ оставлять дѣтей,—говоритъ газета,—не можетъ быть точно разрѣшенъ въ законѣ: все зависитъ отъ соглашенія самихъ родителей, а за отсутствіемъ его—отъ обстоятельствъ дѣла. Извѣстное значеніе могутъ имѣть здѣсь полъ и возрастъ дѣтей. Заботу о малолѣтнихъ дѣтяхъ, напримѣръ, лучше, кажется, предоставить матери **). Невиновная сторона во всякомъ случаѣ должна имѣть право удержать при себѣ всѣхъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что самая просьба о разлученіи вызывается нерѣдко именно невозможностью для дѣтей оставаться подъ однимъ кровомъ съ родителемъ, подавшимъ поводъ къ разлученію. Въ разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ самый широкій просторъ долженъ быть предоставленъ суду, который распорядится такъ или иначе, смотря по тому, что найдетъ болѣе выгоднымъ и полезнымъ для дѣтей. Судомъ же долженъ быть опредѣляемъ и размѣръ участія родителей въ содержаніи дѣтей».

Можно только пожелать, чтобы упомянутый проектъ получилъ законодательную санкцію въ ближайшемъ будущемъ.

---

15 іюля исполняется четверть вѣка со дня смерти Тютчева. Кому изъ насъ съ дѣтства не знакомы такія стихотворенія, какъ:

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ.

Или:

Люблю грозу въ началѣ мая,

*) Эту цифру приводятъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* (№ 169).
**) Во многихъ случаяхъ едва ли это лучше будетъ.

Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Для гимназистовъ и гимназистокъ въ наши дни изъ этого стихотворенія пропускалось послѣднее четырехстишіе:

Ты скажешь: вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

Кромѣ нѣсколькихъ безподобныхъ лирическихъ стихотвореній, Тютчевъ написалъ много патріотическихъ и славянофильскихъ, за что наши защитники искусства для искусства очень одобряютъ поэта. Но эти стихотворенія большими достоинствами не отличаются. Лучшимъ, наиболѣе красивымъ изъ нихъ должно признать слѣдующее:

Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить;
У ней особенная стать,—
Въ Россію можно только вѣрить.

Конечно, точнаго смысла этихъ стиховъ *умомъ не понять*, но въ нихъ есть своеобразная прелесть.

Славянофильскія стихотворенія Тютчева начинаются съ посланія *Къ Ганкѣ* (1841 г.). Въ немъ поэтъ спрашивалъ, не пора ли славянскимъ народамъ другъ другу руки протянуть, и привѣтствовалъ свѣтъ, разливаемый въ славянскомъ мірѣ трудами знаменитаго чешскаго ученаго.

Въ 1850 году Тютчевъ писалъ:

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ славянской міровой громадѣ
Строй вожделѣнный водворится,
Какъ съ Русью Польша помирится.
А помирятся-жъ эти двѣ—
Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и въ Цареградѣ...

Долго въ такомъ случаѣ пришлось бы ждать желаннаго примиренія.

Сильно стихотвореніе, въ которомъ Тютчевъ нападаетъ на папу за энциклику, осуждавшую свободу совѣсти. Римскому лже-намѣстнику прощалось много:

Кривые толки, темныя дѣла,
Но не простится правдой Бога
Его послѣдняя хула.
Не отъ меча погибнетъ онъ земного,
Мечомъ земнымъ владѣвшій столько лѣтъ!
Его погубитъ роковое слово:
„Свобода совѣсти есть бредъ“.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ".
Іюль 1898 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Полное собраніе сочиненій М. Н. Загоскина". Т. I.—„Сочиненія Шелли". *К. Д. Бальмонта.*

Полное собраніе сочиненій М. Н. Загоскина. Томъ I. Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., 1898 г. Ц. по подпискѣ за 10 томовъ 15 р. Въ началѣ перваго тома помѣщены: Біографія Загоскина и хронологическій перечень его сочиненій съ библіографическими примѣчаніями. То и другое составлено весьма обстоятельно и представляетъ собою наиболѣе интересное и цѣнное, какъ въ вышедшемъ первомъ томѣ, такъ и въ остальныхъ, на которые издатель объявилъ подписку. Въ первомъ томѣ напечатанъ романъ *Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году* и повѣсть *Кузьма Рощинъ*. Въ свое время *Юрій Милославскій* (въ 1829 г. и въ началѣ 30-хъ годовъ) надѣлалъ большого шума и далъ славу автору, котораго возвеличивали въ „россійскіе Вальтеръ Скотты". То былъ первый русскій „историческій" романъ самаго патріотическаго склада. Имъ зачитывались, восхищались и умилялись,—„кричали барыни ура и въ воздухъ чепчики бросали",—большинство тогдашней публики наивно принимало это сочиненіе за „историческій" романъ. Повидимому, и самъ Загоскинъ былъ того же мнѣнія и серьезно возмнилъ себя русскимъ Вальтеръ Скоттомъ, ибо въ слѣдующемъ же 1830 г. удружилъ отечественной словесности столь же историческимъ и еще болѣе патріотическимъ романомъ *Рославлевъ или русскіе въ 1812 г.* Въ 1833 году онъ написалъ *Аскольдову могилу, повѣсть временъ Владиміра Перваго*, не совсѣмъ забытую лишь потому, что Верстовскій сдѣлалъ изъ нея посредственную оперу, а пѣвецъ Бантышевъ приводилъ москвичей въ восторгъ исполненіемъ въ ней роли Торопки Голована. Позднѣе, въ 40-хъ годахъ Загоскинъ написалъ *Брынскій лѣсъ, эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго* и *Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія, разсказъ изъ временъ единодержавія Петра Перваго*, кромѣ того по-

вѣсть *Кузьма Петровичъ Мирошевъ, русскую быль временъ Екатерины II.* Всѣ эти, яко бы историческія, произведенія давнымъ давно и весьма по достоинству ихъ забыты. Кромѣ нѣкоторыхъ именъ, въ нихъ нѣтъ ровно ничего историческаго, ни старо-бытового, ни сколько-нибудь характернаго для описываемой эпохи. Есть только добрыя чувства и скучнѣйшая, наивная ребячья дидактика, нынѣ и для дѣтей-подростковъ мало пригодная, ибо самъ, не имѣя понятія о русской исторіи, воодушевляемый только патріотизмомъ, авторъ можетъ лишь сбивать съ толку юныхъ читателей такими сантиментальностями, о которыхъ не могло быть помина во время „самозванщины", тѣмъ паче—на Аскольдовой могилѣ въ первый вѣкъ христіанства на Руси или въ Брынскихъ лѣсахъ съ ихъ раскольниками, совершенно невѣдомыми Загоскину и сочиненными имъ крайне неудачно. Да ему и не откуда было взять ни знанія исторіи, ни тѣмъ болѣе ея пониманія. М. Н. Загоскинъ, человѣкъ, несомнѣнно, талантливый и умный, получилъ домашнее образованіе въ пензенской деревнѣ своихъ родителей, почитывая безъ разбора и толка книги изъ старо-помѣщичьей библіотеки своего отца. Иностранныхъ языковъ Загоскинъ не зналъ, курсъ своего обученія закончилъ въ 14 лѣтъ и по пятнадцатому былъ отправленъ на службу въ Петербургъ. За сочинительство онъ принялся еще въ деревнѣ одиннадцатилѣтнимъ мальчуганомъ. Его біографъ говоритъ: „Чтеніемъ безъ разбора и попытками сочинять ограничилось все домашнее образованіе мальчика. О правильномъ обученіи не было и рѣчи. По словамъ Вигеля, когда Загоскину было четырнадцать лѣтъ, и его уже готовили на службу, то ученіе его не только было кончено, а, какъ кажется, даже не было начато". Въ 1815 г. Загоскинъ написалъ свои первыя двѣ комедіи: *Комедія противъ комедіи или урокъ волокитамъ* и *Проказникъ*. Онѣ заслужили похвалы благожелателей автора и были поставлены на сцену. Этимъ надолго опредѣлилась литературная дѣятельность и отчасти ея направленіе. До 1829 г. онъ писалъ почти исключительно комедіи и интермедіи, преимущественно, сатирически - учительнаго характера. Всѣ эти произведенія, иногда остроумныя, но нисколько не блиставшія оригинальностью, давнымъ давно, послѣ немногихъ представленій, погребены въ театральныхъ архивахъ и въ наше время могутъ имѣть только значеніе курьезовъ былыхъ временъ. Несмотря на природный умъ, на талантъ и на прекрасныя душевныя качества, М. Н. Загоскинъ до конца дней своихъ остался типическимъ самоучкой, избалованнымъ раздутыми успѣхами и, вслѣдствіе того, самопревозносящимся до присвоенія себѣ роли „учителя" въ комедіяхъ, гдѣ онъ даетъ „уроки"—то „волокитамъ", то „холостымъ", то „матушкамъ", то „Богатоновымъ провинціаламъ", и т. д., а также, если не еще важнѣе, въ своихъ повѣстяхъ. О философіи и объ ученыхъ Загоскинъ говоритъ неизмѣнно съ великолѣпнымъ презрѣніемъ былыхъ временъ барчука, закончившаго свое домашнее образованіе въ четырнадцать лѣтъ и до всего дошедшаго своимъ умомъ. Философію, не обинуясь, называетъ „пустословіемъ". „Мы, христіане,—говоритъ онъ,—знаемъ все то, что можемъ и должны знать, не изучая ни Гегеля, ни Фихте, ни Канта, ни Окена, ни всѣхъ этихъ эллино-христіанскихъ болтуновъ..." „Земное просвѣщеніе" для крестьянина,—по мнѣнію Загоскина,—роскошь. „Гораздо лучше,—разсуждаетъ онъ,—хлопотать поменѣе о просвѣщеніи простого народа, а поболѣе заботиться объ его счастіи. Докажи мнѣ прежде, что у насъ, въ Россіи, просвѣщенный мужикъ счастливѣе непросвѣщеннаго, и

тогда я соглашусь съ тобой...“ „Вѣдь то, что мы называемъ нашимъ просвѣщеніемъ, создаетъ непремѣнно для крестьянина новыя потребности, о которыхъ онъ не имѣетъ теперь никакого понятія. И слава Богу! Чѣмъ меньше у человѣка желаній, тѣмъ менѣе у него и горя! Оставь его (простой народъ) въ покоѣ...“ Насколько стародумно-архаичны эти взгляды Загоскина, настолько же устарѣли,—можно сказать, обветшали, — всѣ его сочиненія, предлагаемыя намъ теперь въ 10 томахъ, перечитывать которые едва ли у кого хватитъ терпѣнія.

Сочиненія Шелли. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Вып. V. М., 1898 г. Ц. 75 к. Въ этомъ выпускѣ напечатано восемь лирическихъ стихотвореній, изъ которыхъ четыре переведено стихами, а четыре прозой, и прозой же переведенныя четыре поэмы. Въ предисловіи г. Бальмонтъ даетъ слѣдующія объясненія тому, что большая часть этихъ произведеній переведена имъ прозой: „Я счелъ это единственно-возможнымъ, потому что произведенія эти представляются мнѣ непереводимыми въ той формѣ, въ какой они существуютъ въ подлинникѣ. Русскій поэтическій языкъ до сихъ поръ еще не пріобрѣлъ той способности къ художественной абстракціи, которая всегда отличала языкъ англійской поэзіи, и переводъ такихъ прекрасно - утонченныхъ поэмъ, какъ *Адонаисъ* или *Волшебница Атласа*, мнѣ кажется, только проигралъ бы, еслибъ я перевелъ ихъ стихами: я поневолѣ долженъ былъ бы, съ одной стороны, многое выпустить, съ другой—прибавить много своего. Двѣ другія большія поэмы *Юліанъ и Маддало* и *Розалинда и Елена*, наоборотъ, отличаются реальнымъ характеромъ, и такъ какъ реальное чуждо мнѣ, я не могъ ихъ перевести стихами въ силу личнаго недостатка, какъ другія поэмы, достигающія вершинъ поэтической отвлеченности, я не могъ перевести стихами въ силу неразработанности, въ данномъ отношеніи, русскаго языка, вообще такого роскошнаго и исключительно богатаго“. На нѣтъ и суда нѣтъ. „Не могъ“ и не перевелъ, съ этимъ уже ничего не подѣлаешь. А все-таки очень жаль, что такъ это вышло,—г. Бальмонтъ избаловалъ насъ своими прекрасными переводами въ стихахъ произведеній Шелли, и теперь переводы прозой лирическихъ стихотвореній и чудныхъ поэмъ, при всей тщательности перевода, далеко не производятъ того обаятельнаго впечатлѣнія, на которое мы могли разсчитывать, еслибъ они были переданы въ музыкально-ритмической формѣ, хотя бы и съ меньшею точностью. Мы полагаемъ, что если возможна въ русской прозѣ вѣрная передача „художественной абстракціи“, свойственной „языку англійской поэзіи“, то „абстракція“ эта не можетъ быть непередаваемою русскими стихами,—пожалуй, не риѳмованными. Въ тѣхъ поэмахъ, которыя „отличаются реальнымъ характеромъ“, каковы: *Юліанъ и Маддало*, *Розалинда и Елена*, отступленіе отъ формы подлинника менѣе замѣтно, чѣмъ въ переводѣ „другихъ поэмъ, достигающихъ вершинъ поэтической отвлеченности“. Въ совершенной точности и вѣрности переводовъ не можетъ быть сомнѣнія, за то ручается достаточно извѣстное имя талантливаго переводчика. Но самый духъ произведенія настолько неразрывно связанъ съ формою, данною ему авторомъ, что измѣненіе формы всегда отражается крайне неблагопріятно на всемъ произведеніи, являющемся, какъ будто, въ искаженномъ видѣ. Попробуйте геніальнѣйшія стихотворенія Пушкина и Лермонтова пересказать прозой слово въ слово, только съ перестановкою словъ и съ сокрытіемъ ритма и риѳмъ, и получится нѣчто совершенно иное, чѣмъ то,

что написано поэтомъ. И въ переводахъ г. Бальмонта это сказалось всего замѣтнѣе и яснѣе въ стихотвореніи на смерть Наполеона, въ *Снѣ Маріанны*, въ *Волшебницѣ Атласа*. Мы предпочли бы нѣкоторыя неточности выраженій отступленію отъ формы подлинниковъ, нѣкоторыя опущенія и своеволія переводчика—ослабленію прозой красоты и духа оригиналовъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губ., за 1896—97 г.“.—„Первоначальное воспитаніе дѣтей“. *Ф. Маллесонъ*.

Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ городѣ Тамбовѣ и Тамбовской губерніи за 1896—7 годъ. Тамбовъ 1897 г. Дѣятельность тамбовскаго общества по устройству народныхъ чтеній, судя по лежащему сейчасъ передъ нами отчету, въ 1896—7 году проявилась въ разнообразныхъ функціяхъ. Кромѣ непосредственнаго устройства чтеній съ туманными картинами въ Тамбовѣ, общество способствовало организаціи такихъ же чтеній въ городахъ и селахъ Тамбовской губерніи, разсылая ихъ вмѣстѣ съ картинами организаторамъ. Обществу удалось организовать въ Тамбовѣ 91 чтеніе, причемъ общее число слушателей равнялось 52,335 человѣкамъ; количество же чтеній въ уѣздахъ достигло 1,627 (стр. 11). Дальнѣйшая дѣятельность общества выразилась въ устройствѣ новыхъ публичныхъ народныхъ библіотекъ при сельскихъ школахъ, а именно 66 библіотекъ на сумму 771 рубль, въ расширеніи операцій книжнаго склада, въ пополненіи такъ называемой „Особой Нарышкинской библіотекой“ и въ работахъ редакціонной коммиссіи. Много любопытныхъ данныхъ заключаетъ въ себѣ отдѣлъ отчета, посвященный дѣятельности сельскихъ народныхъ библіотекъ. Тутъ по возможности тщательно собраны статистическія свѣдѣнія о количествѣ и составѣ читателей библіотекъ, а также о вкусахъ этихъ читателей, выражающихся въ большемъ или меньшемъ спросѣ на тѣ или иныя книги. Послѣднему обстоятельству тамбовское общество придаетъ особое значеніе, почему редакціонная коммиссія, цѣль которой разсматривать книги для народнаго чтенія, не беретъ на себя смѣлости полагаться исключительно на свою собственную компетентность. „Работы редакціонной коммиссіи,—говорится въ отчетѣ,—имѣютъ теоретическій характеръ и нуждаются въ провѣркѣ опыта; приступая къ своимъ занятіямъ, коммиссія могла руководиться только личнымъ вкусомъ, и потому могло случиться, что книги, одобренныя ею, не соотвѣтствуютъ вкусамъ народа, хотя и читаются—за неимѣніемъ другихъ. Поэтому посылать въ библіотеки только книги, одобренныя коммиссіей, значило бы заранѣе отказаться отъ мысли узнать собственный вкусъ народа и подчинить его всецѣло вкусу коммиссіи, чего отнюдь не надо было дѣлать, ибо только въ живомъ общеніи съ жизнью, т.-е. со вкусами народными, дѣятельность коммиссіи могла быть плодотворна“ (стр. 43).

Первоначальное воспитаніе дѣтей. Ф. Маллесонъ. Перев. съ 3-го англійскаго изданія Е. И. Бошнякъ. М., 1898 г. Ц. 50 коп. Книга г-жи Маллесонъ не представляетъ изъ себя научнаго труда, посвященнаго теоретической разработкѣ вопросовъ о воспитаніи,—наоборотъ, авторъ какъ бы задается цѣлью дать въ ней рядъ чисто-практическихъ указаній для родителей и воспитателей. Всякому из-

вѣстно, насколько трудно примѣнимъ на практикѣ тотъ или иной методъ воспитанія, хотя бы онъ поражалъ своей логичностью и послѣдовательностью. Г-жа Маллесонъ не предлагаетъ какого-либо цѣльнаго, строго выработаннаго метода, но тѣмъ не менѣе указываетъ и идеалы, къ какимъ нужно, по ея мнѣнію, стремиться, и способы ихъ достиженія. Идеалы, рекомендуемые авторомъ, чрезвычайно высоки. „Въ дѣлѣ воспитанія,—говоритъ г-жа Маллесонъ,—не слѣдуетъ руководствоваться никакимъ идеаломъ, кромѣ самаго высокаго. Не начинайте съ ограниченій: они являются достаточно скоро сами собой, и тогда намъ придется подчиниться имъ“ (стр. 16). Столь широко намѣченная програма, конечно, привлекаетъ вниманіе читателя; но къ способамъ осуществленія ея, предлагаемымъ авторомъ, нельзя не отнестись критически. Г-жа Маллесонъ слишкомъ преувеличиваетъ роль воспитателей вообще, а родителей, и особенно матери, въ частности, и слишкомъ умаляетъ значеніе окружающей среды. На обязанности матери она возлагаетъ не только неусыпныя наблюденія за физическимъ ростомъ ребенка и за малѣйшими проявленіями его духовной жизни, но и тщательный контроль надъ всякою подробностью, являющеюся къ ребенку извнѣ, т.-е. изъ жизни. Г-жа Маллесонъ такъ увлекается образомъ подобной идеальной матери, что совсѣмъ забываетъ о физической невозможности быть такою матерью, т.-е. отдавать каждую минуту ребенку, особенно если онъ не одинъ. Въ противномъ же случаѣ жизнь воспользуется каждымъ удобнымъ моментомъ, свободнымъ отъ вліянія воспитательницы, и разрушитъ всѣ ея планы и предначертанія. Мы отнюдь не хотимъ сказать, что книжка г-жи Маллесонъ не имѣетъ никакого значенія, и высказываемся только противъ нѣкоторыхъ преувеличеній: книжка содержитъ въ себѣ много очень полезныхъ практическихъ замѣчаній и указаній, сопровождаемыхъ многочисленными и интересными иллюстраціями; кромѣ того, она проникнута самымъ теплымъ чувствомъ къ дѣтямъ и можетъ принести большую пользу для тѣхъ родителей, которые мало задумывались надъ вопросами воспитанія. Читается книжка очень легко, чему способствуетъ также хорошій переводъ.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Эволюція общихъ идей“. *Т. Рибо.* — „Этика“. *Джона С. Макензи.* — „Исповѣдь“. *Ж. Ж. Руссо.*

Эволюція общихъ идей. Т. Рибо. Переводъ съ французскаго Н. Н. Спиридонова. Изданіе магазина „Книжн. Дѣло“. М., 1898 г. Цѣна 80 к. Эволюція общихъ идей, курсъ, читанный Рибо въ 1895 г. въ Collège de France, составляетъ начальное звено цѣлой серіи предпринимаемыхъ авторомъ изданій, обѣщающихъ дать обзоръ всѣхъ отдѣловъ психологіи. Этотъ первый выпускъ, вышедшій въ удовлетворительномъ русскомъ переводѣ, содержитъ психологическую исторію жизни и дѣятельности ума, въ его главной спеціальности—функціяхъ отвлеченія и обобщенія. Его первоначальная организація, реальная цѣнность его построеній, окончательно сложившіяся логическія нормы старательно обходятся авторомъ: онъ занятъ исключительно динамикой интеллекта, т.-е. ходомъ его опытнаго развитія, и только въ немногихъ случаяхъ ему не удалось удержаться въ чисто-психологическихъ рамкахъ.

Біографія интеллекта начинается съ рудиментарной „логики образовъ“—собакъ, пчелъ и муравьевъ и доводится до грандіознаго предпріятія математиковъ, астрономовъ и метафизиковъ кодифицировать законы природы. Отъ первичныхъ воспріятій до самыхъ отвлеченныхъ и общихъ понятій интеллектъ прогрессируетъ безъ перерывовъ и неизмѣнно сохраняетъ въ отмѣченныхъ этими границами предѣлахъ тожество своей природы. Этотъ основной лейтъ-мотивъ всего сочиненія не есть однако простое эхо обычной эволюціонной психологіи. Авторъ вводитъ новую, важную ноту: вмѣсто того, чтобы людей надѣлять звѣринымъ умомъ, онъ даетъ животнымъ человѣческій разумъ. Онъ считаетъ совершенно неосновательнымъ предубѣжденіемъ „отказывать высшимъ животнымъ во всякой умственной операціи, стоящей выше ассоціаціи“; устройство ума животныхъ позволяетъ имъ заключать отъ частнаго къ частному и дѣлать даже умозаключенія по аналогіи. Ребенокъ и первобытный дикарь пользуются тѣми же орудіями разсужденія, той же зачаточной формой индукціи. Характеристика „прикладныхъ умозаключеній“ животныхъ сдѣлана очень наглядно и мѣтко. Но для того, чтобы законно возвести ихъ на уровень логическихъ операцій, слѣдовало болѣе подробно и спеціально остановиться на злобѣ дня психологіи и выяснить отношеніе пассивнаго механизма ассоціацій къ сочетаніямъ идей по смыслу. Тѣ же скудныя и несистематическія замѣчанія, которыя брошены мимоходомъ (стр. 36, 43) авторомъ съ цѣлью разграничить ассоціацію и умозаключенія, недостаточны, по нашему мнѣнію, для того, чтобы видѣть въ разсужденіяхъ животныхъ нѣчто больше рутинной ассоціаціи. Точка зрѣнія автора располагаетъ въ свою пользу, но совокупность его доводовъ лишена силы убѣдительности, анализъ кажется неполнымъ.

При такомъ взглядѣ на отправленія ума отпадаетъ самъ собою вопросъ о различныхъ видахъ умственныхъ способностей и сводится къ различію возрастовъ ума. Задача психолога состоитъ въ томъ, чтобы найти объективный масштабъ, дѣленія котораго позволяли бы опредѣлять зрѣлость интеллекта. Рибо приспособляетъ къ этой цѣли слово и по той роли, какую оно играетъ въ мышленіи, насчитываетъ три возраста въ жизни ума. Младшій, до-лингвистическій періодъ обнимаетъ всѣхъ безсловесныхъ: животныхъ, дѣтей и глухонѣмыхъ. На этой стадіи умъ обходится почти совершенно безъ анализа и, подобно фотографической пластинкѣ, суммируетъ грубыя сходства, сгущая ихъ въ родовой образъ. Средній, конкретно-абстрактный періодъ соотвѣтствуетъ протоплазмическому состоянію рѣчи. Хотя слово здѣсь уже и появляется, однако по своему значенію мало отличается отъ жеста и не можетъ обойтись безъ помощи конкретнаго матеріала. Скудость отвлеченій отражается на неполнотѣ и несовершенствѣ словаря; иллюстрація рѣчи мимическими движеніями настолько необходима, что бушмены, наприм., перестаютъ въ темнотѣ понимать другъ друга. Съ третьимъ, старшимъ возрастомъ наступаетъ пора безпримѣснаго символизма. Слово сдѣлалось полнымъ орудіемъ замѣщенія, и мысль, отрѣшенная отъ конкретныхъ придатковъ, достигла вершинъ отвлеченія. Эволюція всѣхъ понятій слѣдуетъ этой схемѣ трехъ стадій. На исторіи основныхъ категорій науки авторъ показываетъ, что каждая изъ нихъ должна была пережить три указанныхъ возраста, а такія понятія, какъ число, пространство, время, причина, законъ, видъ, остановились въ своемъ ростѣ у большинства людей на средней стадіи. Запасъ убѣдительныхъ, всестороннихъ и рельефныхъ доказательствъ этой схемы

очень великъ у автора; она можетъ вполнѣ заслуженно титуловаться закономъ прогрессивнаго отвлеченія.

Достигнувъ окончательной эмансипаціи, слово не превращается, тѣмъ не менѣе, въ пустой звукъ, какъ утверждаютъ номиналисты. Кромѣ фонетическихъ элементовъ, слову всегда соотвѣтствуетъ нѣкоторый психическій эквивалентъ, дѣлающій его осмысленнымъ и гарантирующій его реальную цѣнность. Чтобы объяснить природу и виды этихъ эквивалентовъ, Рибо произвелъ около тысячи самостоятельныхъ опытовъ и на основаніи добытыхъ данныхъ, не всегда, быть-можетъ, точныхъ и безспорныхъ, установилъ типы умовъ. Оставляя въ сторонѣ людей, совершенно неспособныхъ къ отвлеченному мышленію, авторъ дѣлитъ весь человѣческій родъ на три группы. Людямъ перваго типа, *конкретнаго,* трудно даются абстракціи; отвлеченные термины сочетаются у нихъ съ какими-нибудь наглядными образами. Время, наприм., представляется имъ въ видѣ Сатурна съ косой или же въ видѣ метронома. Этотъ классъ, самый широкій, вербуетъ свой главный контингентъ изъ женщинъ и художниковъ. Довольно распространенъ также типъ *зрительно-типографическій.* Опыты показали, что, помимо наборщиковъ, многіе грамотные люди, пользуясь въ устной рѣчи какимъ-нибудь словомъ, видятъ мысленно его графическое изображеніе. Химикъ, наприм., при словѣ вода видитъ ея буквенную формулу. Есть, наконецъ, люди, которые *слышатъ* отвлеченныя мысли. Со времени изобрѣтенія книгопечатанія этотъ слуховой типъ сталъ выводиться, но въ средніе вѣка онъ, вѣроятно, преобладалъ; условія средневѣковой жизни—устное преподаваніе, безконечные диспуты—должны были содѣйствовать его развитію. Средніе вѣка—золотой вѣкъ номинализма.

Но большая часть эквивалентовъ не всплываетъ надъ порогомъ сознанія. Отвлеченное понятіе есть равнодѣйствующая двухъ факторовъ: сознательнаго—фонетическая сторона словъ, и безсознательнаго—то потенціальное знаніе, которое символизируется въ словѣ и составляетъ его содержаніе. Заполняя кажущуюся пустоту абстракцій, глухая работа безсознательнаго фактора дѣлаетъ возможнымъ отвлеченное разсужденіе и предостерегаетъ его отъ субъективныхъ ошибокъ. Психологія ума есть психологія безсознательнаго; понятіе—умственная привычка. Отъ ближайшаго разсмотрѣнія природы безсознательнаго Рибо уклоняется; этотъ индифферентизмъ граничитъ съ отказомъ объяснить природу умственной дѣятельности и оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ. Слѣдующій выпускъ заполнитъ, вѣроятно, этотъ пробѣлъ, такъ какъ авторъ читаетъ въ текущемъ году курсъ психологіи безсознательнаго.

Этика (ученіе о нравственности). Джона С. Макензи. Переводъ съ англійскаго. Изъ серіи руководствъ „The University Tutorial Series". Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1898 г. Авторъ этой книги съ самаго начала становится на правильную точку зрѣнія, когда различаетъ этику соціологическую отъ этики философской: первая—наука описательная—изслѣдуетъ факты моральной жизни, людскіе нравы и обычаи въ ихъ временной и мѣстной окраскѣ; другая — наука нормирующая, предписываетъ нравственные законы. Макензи трактуетъ въ своемъ произведеніи только о послѣдней. Онъ точно и обстоятельно характеризуетъ ея особенности, выдѣляющія ее изъ среды другихъ дисциплинъ знанія и практики; напрасно лишь заботится онъ выяснить и то, съ чѣмъ этика *не имѣетъ* сходства и отношенія, напримѣръ—съ физикой и химіей... Дальнѣйшее изложеніе посвящено опредѣленію основныхъ

этическихъ понятій и анализу типичныхъ системъ морали. Въ исторіи этики Макензи видитъ три главныя направленія: интуитивное, гедонистическое и эволюціонное. Первое учитъ, что велѣнія нравственности доходятъ до насъ созерцательнымъ путемъ, когда нашъ внутренній міръ находится въ надлежащемъ для этого состояніи; велѣнія нравственности диктуются намъ голосомъ нашего истиннаго „я"; самый крупный представитель такихъ воззрѣній — Кантъ. Гедонизмъ, въ своемъ эгоистическомъ развѣтвленіи, признаетъ сферой нашего поведенія ту, которая обезпечиваетъ намъ постоянное удовлетвореніе, сопровождаемое чувствомъ глубокаго удовольствія; гедонизмъ универсальный переноситъ тотъ же принципъ изъ индивидуальной области въ общественную; онъ сдѣлался особенно популяренъ въ теоріяхъ Бентама и Милля. Эволюціонизмъ, мыслящій жизнь и міръ, какъ органическое цѣлое или единство, выводитъ высшія формы нравственности изъ ячейки низшихъ. Самъ авторъ склоняется къ эволюціонной этикѣ, но привноситъ въ нее много идеалистическихъ элементовъ. Онъ—сторонникъ свободы воли и телеологіи. Осуществленіе нравственной задачи Макензи считаетъ возможнымъ только въ соціальной средѣ; такъ какъ отдѣльная личность—членъ общественнаго единства, то ея высшая цѣль не ограничивается самосовершенствованіемъ, а должна заключаться также и въ усовершенствованіи даннаго общества. Вторая часть книги, которую самъ авторъ признаетъ менѣе важной, чѣмъ первая, предлагаетъ рядъ примѣровъ и указаній того, какимъ образомъ этическое .ученіе можетъ быть примѣняемо въ жизни. Заключительныя главы разсматриваютъ отношеніе этики къ искусству и религіи и сообщаютъ литературу предмета.

Въ общемъ, книга Макензи богата содержаніемъ и заключаетъ въ себѣ много поучительныхъ страницъ. Она говоритъ съ читателями яснымъ и понятнымъ языкомъ, но отличается разбросанностью и отсутствіемъ строгой системы. Изложеніе ея могло бы быть нѣсколько сжато, многіе параграфы удобно слились бы въ одно цѣлое, кое-что слѣдовало бы и сократить. Какъ недостатокъ, слѣдуетъ подчеркнуть, что у Макензи замѣчается какое-то раздраженное отношеніе къ Д.-С. Миллю: авторъ не только критикуетъ его, но и сердится на него (наприм., стр. 91). Переводъ, довольно точно воспроизводя подлинникъ, далеко не удовлетворителенъ въ смыслѣ плавности. Часто встрѣчаются искаженія фамилій: такъ, Ридъ обращается въ *Рэйда* (стр. 49), и если на 80-й страницѣ авторъ *Методовъ этики* называется *Седжвикъ*, то уже на 81-й онъ переименовывается въ *Сиджуика*. Зато Жане и Ренувье всюду выступаютъ у переводчика какъ *Жанетъ* и *Ренувіеръ* (стр. 298 и 299).

Исповѣдь. Ж.-Ж. Руссо. Переводъ Ѳ. Н. Устрялова. Спб., 1898 г. Ц. 3 руб. „Я предпринимаю дѣло, которому никогда не было примѣра и котораго осуществленіе не будетъ имѣть подражателей. Я хочу показать людямъ человѣка во всей правдѣ природы, и этотъ человѣкъ буду я". Эти слова, которыми великій писатель начинаетъ свою *Исповѣдь*, вполнѣ опредѣляютъ ея двоякое значеніе. *Исповѣдь* представляетъ прежде всего интересъ, какъ лучшій источникъ, дающій возможность проникнуть во внутренній міръ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей. Источникъ этотъ является особенно цѣннымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вслѣдствіе искренности и правдивости, съ которой Руссо старался раскрыть самые сокровенные тайники своей души, а во-вторыхъ, потому, что авторъ *Эмиля* былъ великій сердце-

вѣдъ и никто лучше его не могъ объяснить самыхъ тонкихъ душевныхъ движеній. Если прибавить къ этому увлекательность изложенія, неподражаемое описаніе юныхъ надеждъ, наивныхъ мечтаній и разочарованій, чудныя картины природы, неожиданныя встрѣчи, геніальное проникновеніе въ самыя недоступныя области чувства любви, мы поймемъ, почему *Исповѣдь* до сихъ поръ пользуется широкою популярностью въ массѣ читающей публики, въ то время какъ большинство другихъ произведеній Руссо интересуютъ только спеціалистовъ. Захватывающій интересъ книги и поэтическая правда, которой она дышитъ, заставляетъ читателя забывать о многихъ погрѣшностяхъ противъ фактической правды. Мы охотнѣе вѣримъ признаніямъ Руссо, чѣмъ самымъ добросовѣстнымъ излѣдованіямъ ученыхъ; мы вѣримъ, что Руссо былъ таковъ, какимъ онъ изобразилъ себя въ *Исповѣди*, потому что не можемъ не поддаться обаятельному дѣйствію его разсказа, потому что чувствуемъ, что въ такомъ разсказѣ не можетъ быть лжи.

Но если въ *Исповѣди* Руссо оставилъ намъ лучшее изображеніе собственной личности, то, съ другой стороны, его книга имѣетъ великое общечеловѣческое значеніе: авторъ нарисовалъ не только себя, но и дѣйствительно „нарисовалъ человѣка во всей правдѣ природы". Онъ не пощадилъ самого себя, съ объективностью, доходящей до цинизма, разсказалъ самые гнусные свои поступки, не скрылъ такихъ мотивовъ своихъ дѣйствій, которые до него люди таили отъ нескромныхъ взоровъ, какъ самое драгоцѣнное сокровище. „Я показывалъ себя, — говоритъ онъ, —такимъ, какимъ былъ: низкимъ и презрѣннымъ, добрымъ, великодушнымъ, великимъ; я показалъ всю мою внутреннюю природу въ такомъ видѣ, въ какомъ зрѣло ее Ты, Существо Всевѣчное". Этою откровенностью авторъ *Исповѣди*, подобно Гейне, который также оставилъ намъ свои поэтически-правдивыя признанія, далъ оружіе противъ себя въ руки враговъ, но зато оставилъ человѣчеству поучительную книгу. Эта книга вмѣстѣ съ *Эмилемъ* учитъ насъ, какъ велико значеніе природы, убѣждаетъ насъ въ необходимости понять ее. Разоблачая человѣческую природу, Руссо, по замѣчанію Морлея, хотѣлъ усилить общее уваженіе къ природѣ и къ натуральному человѣку. Онъ показалъ, какія гибельныя послѣдствія могутъ произойти отъ малѣйшаго неосторожнаго прикосновенія къ нетронутой натурѣ, и если *Эмиль* показываетъ, какъ надо обращаться съ человѣкомъ, то *Исповѣдь* говоритъ намъ, чего слѣдуетъ избѣгать, чтобы не исказить человѣческой природы.

Мы уже замѣтили, что одной изъ главныхъ причинъ, привлекающихъ насъ къ произведенію Руссо, служитъ неподражаемая прелесть изложенія. Поэтому переводъ *Исповѣди* является дѣломъ нелегкимъ. Г. Устряловъ выполнилъ свою задачу не особенно удачно; его стиль не отличается легкостью и изяществомъ; переводчикъ не отдѣлывалъ своего перевода и переводилъ возможно ближе къ подлиннику, благодаря чему получаются довольно неуклюжія фразы вродѣ слѣдующей: „Такъ какъ она знала, что я только ею думалъ, ею чувствовалъ, ею дышалъ, то показывала мнѣ свою привязанность къ нему съ цѣлью заставить меня полюбить его также" (Comme elle savait, que je ne pensais, ne sentais, ne respirais, que par elle, elle me montrait combien elle l'aimait, afin que je l'aimasse de même). Вслѣдствіе этого красота подлинника во многихъ мѣстахъ утратилась въ переводѣ.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Экономическое развитіе древняго міра“. *Э. Мейера.*—„Исторія англійскаго народа въ его литературѣ“. *Жюссерана.* — „Женскіе типы Шекспира“. *Левеса.* — „Лекціи о Шекспирѣ“. *Тенъ-Бринка.*

Экономическое развитіе древняго міра. Э. Мейера. Перев. подъ ред. Гершензона. Изд. Водовозовой. Спб., 1898 г. Нельзя не рекомендовать этой брошюры извѣстнаго изслѣдователя древности вниманію всѣхъ тѣхъ, кто интересуется вопросомъ о развитіи древняго міра вообще и его экономическихъ отношеній въ частности; но этого мало: она важна для провѣрки доселѣ ходячихъ схемъ всемірной исторіи. Главная задача брошюры—сопоставленіе господствующихъ еще теорій экономическаго строя древности съ дѣйствительными условіями и формами ея развитія. Экономическая теорія Родбертуса, принятая Бюхеромъ, изображаетъ всю древность временемъ натуральнаго хозяйства съ крайне слабымъ обмѣномъ и широкимъ примѣненіемъ рабскаго труда. Провѣрка автора показываетъ, что бытъ древняго міра вовсе не отличался такимъ однообразіемъ и неподвижностью, что между отдѣльными странами и эпохами замѣчаются крупныя различія, а многіе случаи представляютъ поразительныя аналогіи съ „новымъ временемъ“. Въ своемъ обзорѣ авторъ особенно останавливается на періодахъ выработки высшихъ формъ изъ простыхъ и на времени упадка, тщательно отмѣчая аналогичныя эпохи; такъ, онъ постоянно указываетъ на аналогіи въ хозяйственномъ бытѣ V вѣка до Р. Х. въ исторіи Греціи съ бытомъ XVI вѣка въ новой Европѣ или эпохи эллинизма со строемъ XVII—XVIII вв. Сравненіе, конечно, вещь довольно опасная, но если не преувеличивать его до отождествленія,—чего авторъ и не дѣлаетъ,—и если, не ограничиваясь чертами сходства, въ то же время указывать и различія, оно становится очень цѣннымъ орудіемъ изслѣдованія. Авторъ указываетъ рядъ эпохъ древности, въ противоположность теоріи экономистовъ, ознаменованныхъ денежнымъ хозяйствомъ, широкой торговлей и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнымъ примѣненіемъ свободнаго труда. Кому приходилось изучать эту сторону исторіи древности, тотъ найдетъ въ брошюрѣ не много новаго; недаромъ авторъ опирается тутъ на замѣчательныя работы Белоха по греческой исторіи и Макса Вебера по римской. Но въ массѣ литературы еще живы устарѣлыя всемірно-историческія схемы, и заслуга автора состоитъ въ доказательствѣ ихъ несовмѣстимости съ результатами работъ послѣднихъ десятилѣтій. Самое возникновеніе этихъ схемъ онъ объясняетъ вліяніемъ богословскихъ взглядовъ, традиціоннаго раздѣленія исторіи на древнюю, среднюю и новую, и популярныхъ теорій прогресса. Не слѣдовало ли бы прибавить сюда и то, что новые защитники этихъ схемъ опираются на данныя двухъ сходныхъ эпохъ нивеллировки античнаго міра (періоды эллинизма и Римской имперіи) и притомъ обращаютъ главное вниманіе на старые, захудавшіе центры культуры? Въ характеристикѣ упадка имперіи авторъ оставляетъ, пожалуй, слишкомъ много старыхъ, едва ли достаточно обоснованныхъ, утвержденій. Точно ли въ это время города такъ росли насчетъ селъ, это еще вопросъ; послѣдніе три вѣка западной имперіи, повидимому, не были эпохой расцвѣта городовъ. Затѣмъ, дѣйствительно ли ослабленіе военныхъ силъ имперіи обусловливалось упадкомъ численности населенія? При упомянутой выше любви автора къ аналогіямъ странно, что онъ

не обратилъ вниманія на сходство имперіи послѣднихъ вѣковъ съ Византіей,—знакомство съ русской исторіей указало бы ему еще на примѣръ Московскаго государства. Основной мотивъ во всѣхъ этихъ случаяхъ одинъ и тотъ же—несоотвѣтствіе между потребностями сильнаго государства и средствами слабаго общества и, какъ выходъ отсюда, закрѣпощеніе всѣхъ классовъ населенія. Отмѣтимъ въ заключеніе интересныя возраженія противъ ходячихъ теорій замѣны рабства колонатомъ и трехъ фазисовъ въ исторіи труда—рабскаго, крѣпостного и вольнаго.

Переводъ исполненъ вполнѣ хорошо. Если быть придирчивымъ, то можно замѣтить, что *Ophirfahrten Salomo's u. Iosaphat's* едва ли значитъ „поѣздки С. и I. въ Офиръ“ (стр. 15); помнится, сами цари туда не ѣздили. На стр. 88 (пр. 2) осталась неисправленной важная опечатка: *соборныхъ* людей вмѣсто свободныхъ (*freie*).

Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Жюссерана. Перев. съ франц. Изд. О. Н. Поповой, Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к. Жюссеранъ—ученикъ Тэна, о чемъ заявляетъ на первыхъ строкахъ своей книги. Знаменитая теорія расы, историческаго момента и среды составляетъ credo его литературной критики. Въ художественныхъ пріемахъ изложенія онъ всецѣло усвоилъ манеру своего учителя. Переведенный на русскій языкъ первый томъ его трудовъ, обхватывающій исторію литературы отъ ея зачатковъ до эпохи Возрожденія, повторяетъ въ значительной степени планъ аналогичнаго труда Тэна. Такъ, памятники первыхъ вѣковъ литературы разсматриваются исключительно съ точки зрѣнія расовыхъ особенностей. Но, заимствуя у Тэна общіе принципы критики, Жюссеранъ дѣлаетъ большія добавленія къ сочиненію своего предшественника; онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи громадный запасъ средне-вѣковыхъ текстовъ и историко-филологическихъ изслѣдованій, накопленный за послѣднія десятилѣтія. Пользуясь этимъ матеріаломъ, онъ вводитъ главы объ ирландской и латинской литературахъ, разсматриваетъ поэзію Чосера, въ связи съ его біографіей, выдвигаетъ на первый планъ „Видѣнія Петра пахаря“ Ленглэнда, подробно излагаетъ литературу мистерій, совершаетъ частыя экскурсіи въ область вопроса о чужеземныхъ вліяніяхъ. Удовлетворяя, такимъ образомъ, требованіямъ фактическаго знанія, *Исторія англійскаго народа въ литературѣ*, къ сожалѣнію, не отвѣчаетъ требованіямъ современной исторической науки. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Жюссеранъ незнакомъ съ результатами, добытыми въ области первобытной культуры. Опредѣляя національный характеръ кельтовъ и германцевъ, онъ упускаетъ изъ виду одно изъ самыхъ важныхъ условій, создавшихъ ихъ характеръ,—родовой и общинный бытъ. Германцы представляются ему въ видѣ банды дикихъ, жестокихъ разбойниковъ, „презиравшихъ міръ, искусство и литературу“ (стр. 29). Ихъ литература трактуетъ два мотива: ужасъ войны и тоску о кратковременности жизни. Жюссеранъ не обращаетъ вниманія на чувство общинной солидарности, ярко просвѣчивающее, наприм., въ поэмѣ „Беовульфъ“, на культъ рода и культъ женщинъ. Вообще, черезъ всю его книгу проходятъ красною нитью романистическія тенденціи. Въ эпохѣ, предшествовавшей нормандскому завоеванію, онъ не усматриваетъ никакихъ задатковъ великаго будущаго, а на вопросъ: „Какъ могла изъ такого *хаоса* выйти нація, способная создать Шекспира, уничтожить Армаду и колонизовать Америку?“ (стр. 73)—отвѣчаетъ, что для „этого необходимо было чудо“, которое носитъ названіе Гастингской битвы.

„Вильгельмъ Нормандскій ударилъ ногой о почву Англіи и изъ этой почвы возникла нація“ (стр. 87). По-истинѣ карлейлевскій культъ героевъ! Далѣе, вліяніемъ расы Жюссеранъ пытается объяснить факты соціальнаго порядка. Такъ, сопоставляя поэзію Чосера и Ленглэнда, онъ говоритъ, что эти величайшіе поэты своего времени являются представителями двухъ расъ, изъ которыхъ образовалась Англія. „Одинъ изъ нихъ стоитъ ближе къ разумной, энергичной, рѣшительной, практичной... кельтской расѣ; другой—къ расѣ, познавшей глубже и, главнымъ образомъ, раньше страстныя и мистическія стремленія, и попеременно то убаюкиванія, то скорбь надежды и отчаянія—къ расѣ англо-саксонцевъ“ (стр. 308). Жюссеранъ изумляется, почему во время общественныхъ потрясеній и волненій 14-го вѣка на Ленглэнда указывали какъ на авторитетъ (ibid.): онъ не видитъ коренного соціальнаго различія между обоими поэтами, между спокойнымъ буржуа, дипломатомъ, поклонникомъ эстетическаго Ренессанса и голоднымъ пасынкомъ деревни, онъ не усматриваетъ соціальнаго элемента въ мистицизмѣ Ленглэнда. Вопросъ о соотношеніи литературы и общества разрѣшается имъ иногда парадоксальнымъ образомъ: характеризуя литературные элементы, введенные норманнами, онъ отмѣчаетъ склонность послѣднихъ къ сатирѣ и ироніи. „Для многихъ французовъ старинной Франціи пѣсня служила орудіемъ мести, и они этою местью вполнѣ довольствовались. Часто во Франціи дѣло обходилось сложеніемъ пѣсни, тогда какъ въ другихъ странахъ вспыхнуло бы возстаніе; народная злоба, найдя себѣ исходъ въ пѣснѣ, остывала, и ужасы тиранніи забывались. Не одна междуусобная вспышка была отсрочена или совершенно устранена романомъ Лисы“ (стр. 111). Къ сожалѣнію, Жюссеранъ не подтверждаетъ своего положенія историческими фактами. Какъ извѣстно, значительная часть романа о лисѣ написана въ пикардійскихъ коммунахъ, отличавшихся безпокойнымъ, мятежнымъ характеромъ. Несмотря на указанные недостатки, книгу Жюссерана нельзя не считать весьма полезнымъ пособіемъ для русскаго читателя, главнымъ образомъ въ виду обилія помѣщеннаго въ ней матеріала: болѣе обстоятельнаго сочиненія по исторіи англійской литературы на русскомъ языкѣ пока не имѣется. Переводъ далеко не безукоризненъ, преимущественно въ стилистическомъ отношеніи. Кромѣ того, переводчикъ искажаетъ, иногда до неузнаваемости, греческія, латинскія и англійскія имена: пишетъ Боссъ, Стасъ, Полименія, Канторберійскій, Кэнторберійскій, вмѣсто Боэцій, Стацій, Полигимнія, Кентерберійскій.

Женскіе типы Шекспира. Левеса. Перев. съ нѣмецкаго А. Страхова. Съ предисловіемъ проф. Н. И. Стороженко. Спб., 1898 г. Ц. 2 р. Авторъ книги самъ хорошо опредѣляетъ значеніе своего труда; у него нѣтъ, по собственному заявленію, претензіи сообщить что-либо новое и объявить читателямъ такія вещи, которыхъ бы они не знали. Левесъ воображаетъ, что „совершилъ съ своими читателями прекрасную, занимательную прогулку, и теперь хочетъ лишь возобновить общія пріятныя впечатлѣнія и привести ихъ въ стройный видъ“. Но даже эту скромную задачу Левесъ выполняетъ не особенно оригинально и талантливо. Главнымъ недостаткомъ его обзора является отсутствіе какой-нибудь опредѣленной группировки женскихъ типовъ Шекспира. Левесъ держится хронологическаго порядка, но этотъ порядокъ неудобенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ нисколько не помогаетъ читателю оріентироваться въ женскихъ типахъ, т.-е. Левесъ не достигаетъ своей основной цѣли, не приводитъ „въ стройный видъ

пріятныя впечатлѣнія“, а во-вторыхъ, хронологія шекспировскихъ пьесъ не опредѣлена, какъ извѣстно, съ научной точностью, такъ что авторъ самъ не всегда остается вѣренъ избранному порядку. Второй недостатокъ книги—отсутствіе оригинальности и колоритности въ самыхъ характеристикахъ. Авторъ обыкновенно пересказываетъ въ краткихъ словахъ содержаніе пьесы, затѣмъ выбираетъ мѣста пьесы, характеризующія ту или другую героиню, и прибавляетъ нѣсколько словъ отъ себя, причемъ анализъ его не отличается глубиной. „Мы изумляемся Порціи, но не ощущаемъ искренней, теплой симпатіи къ ней“, или „соединяя въ себѣ юморъ, наивность и нѣжность, Розалинда напоминаетъ собою чистый, музыкальный аккордъ“,—вотъ выраженія, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ и которыя немного говорятъ читателю. Къ числу недостатковъ слѣдуетъ отнести почти совершенное отсутствіе исторической перспективы, отсутствіе указаній на связь произведеній съ эпохой. Такія указанія, какъ, наприм., при объясненіи типа Лукреціи встрѣчаются рѣдко. Такъ же неудовлетворительны попытки отыскать автобіографическій элементъ въ пьесахъ Шекспира. „Весьма вѣроятно,—говоритъ авторъ,—что поэтъ въ своемъ супружествѣ испыталъ непріятности, породившія въ немъ раздраженіе и вражду къ женщинамъ вообще, и что подобное настроеніе высказалось въ этихъ пьесахъ“. Безцѣльность подобныхъ догадокъ не нуждается въ доказательствахъ.

Единственнымъ достоинствомъ книги является ея полнота и добросовѣстность, съ которой авторъ отнесся къ своей задачѣ. Онъ разсмотрѣлъ почти всѣ женскіе типы въ шекспировскихъ произведеніяхъ (опустивъ, впрочемъ, почему-то Крессиду и Изабеллу). На русскомъ языкѣ кромѣ случайныхъ, хотя и остроумныхъ характеристикъ Гейне и нѣсколькихъ статей, посвященныхъ отдѣльнымъ героинямъ, не существуетъ ничего. Поэтому для русскихъ читателей книга Левеса, несмотря на свои недостатки, представляетъ интересъ. Цѣну книги нельзя не признать нѣсколько высокой. Къ книгѣ приложена интересная и талантливая статья Даудена, посвященная тому же вопросу.

1) Шекспиръ. Лекціи Тенъ-Бринка. Перев. П. И. Вейнберга. Спб., 1898 г. Ц. 75 к. 2) Лекціи о Шекспирѣ. Бернарда Тенъ-Бринка. Съ нѣмецк. И. Д. Городецкаго. М., 1898 г. Разсмотрѣть всесторонне въ пяти лекціяхъ такого писателя, какъ Шекспиръ—задача невыполнимая. Съ именемъ великаго англійскаго драматурга связано безконечное множество вопросовъ и еще большее количество попытокъ разрѣшить эти вопросы. Книга Тенъ-Бринка и не претендуетъ на выполненіе этой грандіозной задачи; авторъ задался гораздо болѣе скромною цѣлью—отыскать духовное единство въ произведеніяхъ Шекспира. Это единство, по словамъ Тенъ-Бринка, не есть нѣчто неподвижное, застывшее,—оно есть движеніе живое, непрерывное. Различныя творенія одного писателя позволяютъ изучить его съ разныхъ сторонъ, на разныхъ ступеняхъ его умственной и нравственной зрѣлости. Подобную задачу облегчаютъ свѣдѣнія о жизни писателя, объ условіяхъ и вліяніяхъ, подъ которыми онъ развивался. Извѣстно, какія трудности представляетъ личность Шекспира при выполненіи подобной задачи. Скудныя біографическія данныя не даютъ возможности возсоздать личность этого геніальнаго человѣка. Тенъ-Бренкъ стремился достигнуть одного—убѣжденія, что внутреннее развитіе поэта, какъ оно разъясняется намъ его произведеніями, отнюдь не находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что намъ извѣстно о жизни историческаго

Шекспира,—мало того, находитъ себѣ во многихъ обстоятельствахъ этой жизни рѣшительное содѣйствіе. Поскольку это возможно, авторъ довольно успѣшно выполнилъ свою задачу; онъ остроумно борется съ препятствіями, которыя создались благодаря пробѣламъ въ біографіи Шекспира, и въ концѣ-концовъ ему удается возстановить ходъ его развитія. Конечно, нѣкоторыя заключенія Тенъ-Бренка можно было бы назвать слишкомъ поспѣшными и недостаточно обоснованными, наприм., его выводы относительно хронологіи шекспировскихъ пьесъ; но въ общемъ, благодаря живому изложенію и новымъ оригинальнымъ штрихамъ, которые авторъ вноситъ въ существующія уже характеристики шекспировскаго творчества, небольшая книга Тенъ-Бренка заслуживаетъ вниманія и съ успѣхомъ пополняетъ нашу популярную литературу о Шекспирѣ.

Переводъ второй изъ названныхъ книгъ неудовлетворителенъ. Г. Городецкій просто переводилъ съ нѣмецкаго текста отдѣльныя слова, не заботясь о томъ, получается ли изъ нихъ какая-нибудь мысль. Возьмемъ два-три примѣра. Въ текстѣ сказано: „Gloster lernt erst in seinem Elend den eigentlichen Werth des Menschen und des Lebens kennen, und Lear erfährt erst *da*, was Liebe heisst“. Г. Городецкій, зная, что *da* значитъ между прочимъ, *тогда*, переводитъ: „Глостеръ только на своемъ горѣ узнаетъ истинную цѣну человѣка и жизни, а Лиръ только *тогда* (когда?) узнаетъ настоящую любовь“. Или извольте, наприм., понять смыслъ слѣдующей фразы, которую мы выписываемъ во всей ея неприкосновенности, съ сохраненіемъ знаковъ препинанія: „*онъ даетъ намъ почувствовать доброе помимо всякаго отношенія къ внѣшнему успѣху есть нѣчто въ высшей степени реальное, достойная прежде всего другого цѣль стремленій, онъ поддерживаетъ, направляетъ нашу вѣру въ добродѣтель и нашу рѣшимость для добродѣтели образами вродѣ Кента*“ и т. д. (стр. 119—120). Далѣе на той же страницѣ слова: „den tief religiösen Sinn des Künstlers“ г. Городецкій переводитъ „глубоко религіознаго значенія художника“, благодаря чему совершенно искажается смыслъ, или, вѣрнѣе, получается фраза, лишенная всякаго смысла. Грубыя опечатки переполняютъ переводъ г. Городецкаго, и нерѣдко становится трудно различить, гдѣ кончаются опечатки и гдѣ начинается непониманіе текста или самая вопіющая небрежность. Наприм., „міръ, въ который онъ насъ вводитъ, руководится дикою страстью, грубою похотью, холодно-разсчитаннымъ эгоизмомъ. Въ судьбахъ *ея* (чьихъ?) жителей ясно проглядываетъ рука Немезиды“. Вы знаете, откуда получилось это „*ея?*“ Очень просто: по-нѣмецки сказано „ihrer“, такъ какъ „die Welt“ женскаго рода. Г. Городецкій, переводя „die Welt“ словомъ „міръ“, сохранилъ однако женскій родъ при переводѣ слова „ihrer“. Закончимъ нашу замѣтку тѣмъ, что приведемъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ перловъ стиля г. Городецкаго: „*Величина предмета, глубина сюжета, множество проблемъ, вытекающихъ изъ него, и необозримое множество разнообразныхъ попытокъ разрѣшить ихъ,— какъ могу я питать дерзкую надежду стоять на достойной высотѣ, овладѣть глубиной и разнообразіемъ предмета, и притомъ овладѣть въ пять короткихъ часовъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы вы получили приблизительное понятіе о томъ, какъ я смотрю на предметъ*“.

ЭТНОГРАФІЯ, ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“. — Къ оазамъ Сахары и по Италіи“. *Петра Руцкаго.*—„Къ сѣверному полюсу на аэростатѣ. Андре“.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXIII. Тифлисъ, 1897 г. Въ I отдѣлѣ XXIII выпуска *Сборника* помѣщена обширная работа Л. Я. Апостолова: „Географическій очеркъ Кубанской области“. Этотъ капитальный трудъ въ 305 стр. съ картами, рисунками и статистическими таблицами посвященъ географическо-историческому описанію Кубанской области съ указаніемъ литературы предмета, хотя не отличающимся полнотой. Весь II отдѣлъ имѣетъ описательный характеръ и касается исключительно Сѣвернаго Кавказа: село Новогеоргіевское, Ставропольской губ. и уѣзда, *Н. Рябыха;* село Петровское, Ставропольской губ., Новогригорьевскаго уѣзда, *Г. Косоглядова;* село Новопавловское, Ставропольской губ., Медвѣжинскаго уѣзда *С. Бѣльскаго*; Менониты и ихъ колоніи на Кавказѣ *М. Заалова*; Темрюкское рыболовство *П. Воеводы;* село Черный Рынокъ, Терской области, Кизлярскаго отдѣла, *М. Моребиса*; Древній городъ Мадрары, гор. св. Креста и село Прасковея, Ставропольской губ., Новогригорьевскаго уѣзда *свящ. А. Семилуцкаго*; село Покойное, Ставропольской губ., его же. Третій отдѣлъ занимаютъ сказки горскихъ татаръ, записанныя *Евг. Барановымъ* въ Нальчикскомъ округѣ, Терской области. Горскіе татары говорятъ на тюркскомъ нарѣчіи, мало отличающемся отъ другихъ тюркскихъ говоровъ Сѣвернаго Кавказа; подъ названіемъ урусбіевцевъ они живутъ въ верховьяхъ р. Барсана и подъ названіемъ чеченцевъ, бизинговъ, хулашцевъ и балкарцевъ въ верховьяхъ рр. Гикла, Урвана и Герска. Среди этихъ народностей, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ балкарцевъ, записаны 9 сказокъ, а одна со словъ кабардинца. Сказка „Всадникъ въ шкурѣ жеребенка“ представляется интересной по мотиву и подробностямъ. Завязкой служитъ желаніе аульнаго весельчака, Топучука, разыскать жителя дальняго аула Занова, который, по слухамъ, помогаетъ щедрою рукою бѣднымъ. Источникъ, откуда Зановъ добывалъ средства для благотворительности—это набѣгъ на сосѣдей. Но наклонность къ хищническимъ набѣгамъ, возводимымъ въ культъ у горцевъ, является въ этой сказкѣ въ соединеніи съ симпатичной чертой—помочь награбленнымъ добромъ бѣднымъ или подѣлиться съ друзьями. Въ сказкѣ „Трусъ“ герой, выведенный изъ терпѣнія, отправляется добывать себѣ богатство. На пути ему встрѣчается Эмегенъ, сшивающій разсѣлины скалы. Трусъ побѣждаетъ Эмегена хитростью, причемъ потребовалъ двѣ пробы: первая выжиманіе изъ камня сока—это общее эпическое мѣсто, а вторая—выдавливаніе изъ земли воды—составляетъ видоизмѣненіе первой. Основная идея та же, что и въ сказкахъ другихъ народовъ—побѣда ума надъ физическою силой.

Сказка „Хитрый сынъ“ развиваетъ тему о прелюбодѣяніи супружеской четы. Взрослый сынъ, свидѣтель увлеченій родителей, хитростями заставляетъ мать отказаться отъ любовника, а отца отъ любовницы. Сказка „Жена Охотника“ повѣствуетъ о предательствѣ жены,—тема, разрабатываемая въ сказкахъ на всѣ лады. Сказка „Коварная жена“ принадлежитъ къ категоріи сказокъ, въ которыхъ довѣрчивый мужъ подвергается обману со стороны жены. Сказка „Женщина съ сѣрыми

глазами“ представляетъ срощеніе двухъ общеизвѣстныхъ сказочныхъ сюжетовъ о злобѣ мачихи и обмѣнѣ дѣтей. Сказка „Ламартъ и Чумартъ“ составляетъ передѣлку общеизвѣстной темы о правдѣ и кривдѣ. Кабардинская сказка „Трудовыя деньги“ имѣетъ дидактическій характеръ. Отецъ исправляетъ расточительнаго сына тѣмъ, что дважды бросаетъ золотой, полученный сыномъ отъ хозяина, но не заработанный имъ, но третій разъ деньги достались ему тяжелымъ трудомъ, и сынъ не допустилъ бросить ихъ въ рѣку: заработанныя въ потѣ лица деньги пріобрѣли въ его глазахъ другую цѣну.

Къ оазамъ Сахары и по Италіи. Путевыя впечатлѣнія Петра Руцкаго. Съ 32 видами Африки. 1898 г. Цѣна 1 руб. Въ предисловіи авторъ говоритъ, между прочимъ: „Любезный читатель! Передъ тобою—„плоды недолгихъ думъ, слѣды непрочныхъ наслажденій“... Имѣя это въ виду, не ищи здѣсь точныхъ географическихъ или историко-статистическихъ данныхъ, а также трактатовъ о современной заграничной жизни: авторъ задался болѣе скромной задачей—подѣлиться съ читателемъ тѣми впечатлѣніями и наблюденіями, которыя вызывались у него чуждою для него природой и жизнью“. Такія предупрежденія печатаются, кажется, не столько для „любезнаго читателя“, сколько для критиковъ и рецензентовъ въ видахъ огражденія автора отъ ихъ нелюбезной придирчивости. Мы думаемъ, что отъ случайнаго туриста, катающагося по бѣлу свѣту ради собственнаго удовольствія, ни читатель, ни критикъ не вправѣ требовать особенно многаго, „трактатовъ“ или изслѣдованій. Если въ книжкѣ, изданной такимъ туристомъ, проявляются серьезная наблюдательность и живая впечатлительность, то книжка окажется несомнѣнно интересною, въ особенности, когда въ ней дѣло идетъ о такихъ мало извѣстныхъ странахъ, какъ оазисы Сахары и Тунисъ. Къ сожалѣнію, изъ книжки г. Руцкаго можно вывести лишь такія заключенія, что наблюденія его были слишкомъ торопливы и поверхностны, а впечатлѣнія мимолетны, крайне субъективны и „непрочны“, и вся его книжка есть „плодъ недолгихъ думъ“, какъ самъ онъ ее рекомендуетъ. Изъ нея мы довольно обстоятельно узнаемъ, гдѣ нашему путешественнику было холодно, гдѣ слишкомъ жарко, гдѣ „солнце свѣтитъ слишкомъ ярко“, гдѣ почтенному туристу пришлось поголодать и гдѣ онъ остался доволенъ гостиницей. „Оазы“,—какъ ихъ называетъ авторъ,—мелькаютъ передъ читателемъ безформенными, довольно туманными и потому однообразными пятнами, и вездѣ слишкомъ большое, преобладающее мѣсто занимаетъ особа туриста съ его личными вкусами и „непрочными наслажденіями“. Вотъ образчики „наблюденій и впечатлѣній“ автора въ австрійскихъ Альпахъ, т.-е. на Земерингѣ: „Вотъ облако прорѣзала длинная и узкая молонья, переломившаяся нѣсколько разъ; не скоро въ горахъ раздался раскатъ грома—и началась гроза, а черезъ нѣкоторое время пошелъ и дождь. Хорошо тогда сидѣть дома за чашкой горячаго душистаго кофе, въ кругу товарищей и родныхъ“. „Температура понизилась, съ 17° она упала до 8°. Пришлось закрыть окна, чтобы не простудиться на этой родинѣ ревматизмовъ“. „Нерѣдко на половинѣ горы встрѣтите молочную ферму. Зайдемъ и выпьемъ кружку душистаго молока, которую намъ подастъ румяная поселянка горъ!“ Авторъ полагаетъ, что въ Италіи, „за недостаткомъ мѣста въ землѣ, на кладбищѣ устроенъ цѣлый рядъ стѣнъ, и въ нихъ сдѣланы отдѣленія, вродѣ тѣхъ, какія бываютъ въ шкафахъ для выдвижныхъ ящиковъ. Въ эти-то помѣщенія ставятъ гробы и затѣмъ помѣщенія гер-

метическя закупориваются. Для большей экономіи мѣста, рѣшили устроить печи для сожиганія праха умершихъ". Первыя 89 страницъ книжки заняты повѣствованіемъ о путешествіи отъ Петербурга до Марсели и страданіяхъ морскою болѣзнью между Марселью и Алжиромъ; Африкѣ съ ея „оазами" отведено 72 страницы, на остальныхъ 36— рѣчь идетъ о Неаполѣ, Помпеѣ, Везувіи и Римѣ. Вообще, мы полагаемъ, что скороспѣлые „плоды недолгихъ думъ, слѣды непрочныхъ наслажденій" г. Руцкаго не произведутъ на читателя ровно никакого впечатлѣнія и ничего въ памяти читателя не оставятъ.

Къ сѣверному полюсу на аэростатѣ. Андрэ. Съ 50-ю фототипіями. Переводъ съ французскаго. Южно-Русскаго книгоиздательства Ф. А. Іогансона. Кіевъ-Харьковъ, 1898 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Весь образованный міръ напряженно интересуется полярною экспедиціей шведскаго ученаго Андрэ, рѣшившагося добраться до сѣвернаго полюса на воздушномъ шарѣ и раскрыть, наконецъ, тайны этихъ недоступныхъ странъ. Въ воскресенье, 11 іюля 1897 г., изъ порта Вирго на Шпицбергенѣ поднялся аэростатъ *Ornen* съ тремя смѣлыми путешественниками: Андрэ, Стриндбергъ и Френкель. 13 іюля ими былъ пущенъ почтовый голубь, доставившій извѣстіе, что все обстоитъ благополучно и идетъ хорошо. Съ тѣхъ поръ объ экспедиціи абсолютно ничего не извѣстно. Само собою разумѣется, что изданная г. Іогансономъ книжка, съ такимъ многообѣщающимъ заглавіемъ, которое мы выписали выше, должна возбудить любопытство публики и заманить многихъ читателей. Заявляемъ сразу: любопытствующихъ ждетъ самое непріятное разочарованіе. Книжка эта написана не знаменитымъ ученымъ Андрэ, а только посвящена ему двумя совсѣмъ не знаменитыми французами, гг. Лешамбръ и Машюронъ, принимавшими лишь дѣятельное участіе въ изготовленіи воздушнаго шара и въ наполненіи его газомъ на о. Шпицбергенѣ. Первая попытка подняться на аэростатѣ лѣтомъ 1896 г., описанная въ видѣ дневника г. Лашамбромъ, окончилась полною неудачей, и весь этотъ дневникъ представляетъ собою совсѣмъ пустое мѣсто съ изліяніями впечатлѣній и сантиментовъ автора. Кое-какія техническія подробности относительно сооруженія шара и наполненія его газомъ, можетъ быть, представляютъ какой-нибудь интересъ для спеціалистовъ. Для большинства же читателей они совершенно непонятны и ровно ни на что не нужны, какъ и повѣствованіе о томъ, какъ нѣкоторые, очевидно, мало занятые члены экспедиціи на Шпицбергенѣ коротали свои досуги, стрѣляя по гагарамъ,—переводчикъ г. Іогансона называетъ ихъ „гагами",— паля въ тюленей и ловя лисицъ, которыя отъ нихъ постоянно разбѣгались. Г. Лашамбръ, полагать надо, любитъ покушать, ибо не пропускаетъ случая разсказать о томъ, какъ они хорошо пообѣдали и какъ у нихъ „рѣкой лилось шампанское". Вся эта пустословная болтовня не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу и скучна необыкновенно. Въ слѣдующемъ 1897 г. г-на Лашамбра смѣнилъ въ должности техника его племянникъ, г. Машюронъ, дневникъ котораго отъ повѣствованія его дядюшки ничѣмъ существеннымъ не отличается, кромѣ того развѣ, что 11 іюля подулъ южный вѣтеръ и шаръ поднялся, полетѣлъ къ сѣверу, „унося въ своей лодкѣ смѣлыхъ изслѣдователей, отправлявшихся покорить сѣверный полюсъ". Шаръ улетѣлъ, матерія исчерпана—и повѣствованіе закончено... Очень можетъ быть, что оба автора хорошіе инженеры и знатоки аэронавтики, но писательскимъ талантомъ они не одарены даже въ малой мѣрѣ. Всѣ ихъ разсказы сухи и тягу-

чи, производятъ впечатлѣніе абсолютной ненужности. Нѣтъ въ нихъ ни картинъ полярной страны, мало извѣстнаго Шпицбергена, ни нравственнаго облика такихъ выдающихся людей, какъ Андрэ, Стриндбергъ и Френкель, нѣтъ ни живыхъ людей, ни жизненныхъ сценъ, хотя первый дневникъ начинается 2 іюня 1896 г. и кончается 27 августа, а второй дневникъ веденъ съ 18 мая 1897 г. по 11 іюля, день отбытія экспедиціи къ полюсу.

По-французски это скучно, не интересно, плохо. Въ переводѣ „Южно-Русскаго книгоиздательства Ф. А. Іогансона“ это — просто ужасно. Мѣстами, при переводѣ обратно на французскій языкъ, можно кое-какъ добраться до смысла того, что писали гг. Лашамбръ и Машюронъ, — напримѣръ: „матросъ замѣчаетъ приближеніе судна, на которомъ долженъ прибыть *нашъ курьеръ*“. Ну, да: „notre courrier“, — почта, письма... Хороши, должно быть, „словари“, издаваемые г. Іогансономъ, если его переводчикъ не знаетъ, что „mon courrier“, „notre courrier“, не курьеръ, а „намъ адресованныя письма“... Въ другомъ мѣстѣ (стр. 85—86): „Въ случаѣ, еслибы край руля зацѣпился *за стекла*, такъ что движеніе аэростата было бы затруднено“... „Эти рули покрыты вазелиномъ, что дѣлаетъ ихъ непромокаемыми и облегчаетъ ихъ движеніе *по стеклу*“. По какому стеклу? Откуда взялось стекло въ арктическихъ странахъ? Почему—по стеклу, а не по „зеркалу?“—Эхъ, г. Іогансонъ и г. переводчикъ,—не стекло тутъ, а „glace“—ледъ!... Ну, а на стр. 197—вотъ что: „Мы различаемъ моржа въ двигающейся массѣ величиной съ небольшого кита; мы приближаемся и узнаемъ это животное, когда величина его кажется намъ еще довольно большой: это—небольшая птица... не больше голубя!“... Или на стр. 71: „Животное (медвѣдица) испускаетъ страшный *крикъ*, повторенный горнымъ эхомъ, разъяренное бросается въ воду и плыветъ къ намъ. *Но это не надолго.* Бѣдное животное скоро умираетъ съ медвѣжонкомъ, раненымъ мною прежде, *на спинѣ*“. Кто на спинѣ? Гдѣ, у кого на спинѣ?—Это уже ребусы: какъ ни переводи, ничего понять невозможно. По части малограмотности можемъ привести такой примѣръ: „Во всякомъ случаѣ я съ любопытствомъ наблюдаю въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ *на эту* сцену изъ семейной жизни медвѣдей“ (стр. 69). Такихъ прелестей настолько много, что изъ нихъ досужій человѣкъ могъ бы составить цѣлую брошюрку „образцовыхъ“ переводовъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ“. *Кн. Волконскаго.* — „Изъ экономической жизни Западной Европы“.

Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Князя Н. Волконскаго. (Оттискъ изъ „Трудовъ Рязанской ученой археологической коммиссіи“). Рязань, 1898 г. Авторъ рисуетъ помѣщичье хозяйство за 20 — 30 лѣтъ до освобожденія крестьянъ. Къ тому времени уже сложился типъ хозяйства, главная задача котораго состояла въ стремленіи къ возможно большему производству на рынкѣ. Хозяйства стараго типа, придерживавшіяся еще въ большой степени натуральныхъ формъ, уже отживали свое время,—„будущее имъ не принадлежало“.

„Передъ этими устарѣвшими хозяйствами это новое или новыя, если

говорить о всѣхъ хозяйствахъ того же типа, отличались большимъ вмѣшательствомъ въ крѣпостную жизнь, большимъ захватомъ какъ земли, такъ и труда крѣпостныхъ. Отсюда—и бо̀льшая возможность злоупотребленій".

При полномъ произволѣ въ опредѣленіи своихъ отношеній къ крѣпостнымъ, хозяину невозможно было удержаться отъ нарушенія ихъ интересовъ то въ томъ, то въ другомъ случаѣ, какъ скоро экономическій ихъ антагонизмъ достаточно выразился, какъ это теперь случилось. Въ общемъ крѣпостному населенію должно было житься хуже прежняго.

„Крайности въ дѣйствительности и появлялись въ то время: то суживался крестьянскій надѣлъ до того, что уже онъ не давалъ крестьянамъ возможности кормиться попрежнему, то злоупотребляли работами, напримѣръ, подводами, то останавливались въ отдѣленіи новыхъ тяголъ, чтобы не одѣлять новичковъ новою землею, и не дозволяли дѣлиться и т. д.

„И, очевидно, чѣмъ дальше шло бы дѣло, тѣмъ чаще и сильнѣе должны бы были становиться случаи такихъ злоупотребленій".

Это, по словамъ автора, вызывало неудовольствіе въ средѣ крѣпостныхъ.

„Нападенія крѣпостныхъ на своихъ помѣщиковъ, доходившія до суда лишь въ тѣхъ относительно рѣдкихъ случаяхъ, когда, дѣйствительно, происходили замышлявшіяся преступленія, всего же чаще остававшіяся скрытыми, безъ огласки, стали въ эти годы явленіями довольно заурядными". И далѣе авторъ разсказываетъ, что когда по поводу одного такого покушенія съѣхались нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ для обсужденія этого вопроса уже во второй половинѣ 50-хъ гг., то изъ объясненій съѣхавшихся оказалось, что изъ собравшихся рѣдко кто избѣжалъ нападенія со стороны крестьянъ или дворовыхъ, а на нѣкоторыхъ такія покушенія прямо на жизнь были произведены даже не одинъ разъ, но большинство считало нужнымъ молчать, видя въ оглашеніи такихъ случаевъ не только что-то позорящее для того, на кого оно было произведено, но и опасное для сохраненія помѣщичьяго авторитета" (стр. 42). Авторъ указываетъ даже, что крѣпостные, зная такой взглядъ помѣщиковъ, иногда нападали даже безъ цѣли убить, а просто, чтобы путемъ побоевъ вынудить себѣ вольную, въ увѣренности, что ихъ дѣйствія огласки не получатъ.

Князь Волконскій восклицаетъ даже: „Удивительно, какъ все это быстро забыто, и какъ въ настоящее время можно найти не мало лицъ, повторяющихъ, правда, обыкновенно не отдавая себѣ хорошенько отчета въ томъ, что они говорятъ, довольно распространенную мысль, будто крѣпостное право было отмѣнено слишкомъ рано" (стр. 42).

Авторъ находитъ, что освобожденіе крестьянъ было въ извѣстной степени результатомъ перехода натуральнаго хозяйства въ денежное, которое кореннымъ образомъ измѣнило физіономію отношенія помѣщика къ своимъ крѣпостнымъ. Книжка является далеко не шаблонной и заслуживаетъ прочтенія со стороны всякаго интересующагося вопросомъ объ отмѣнѣ у насъ крѣпостного права.

Изъ экономической жизни Западной Европы. Сборникъ статей. Вып. I. Перев. съ нѣмец. А. Санинъ. Изд. Н. Гарина. Спб., 1898 г. Ц. 75 к. Эта книжка является сборникомъ статей по разнымъ вопросамъ изъ экономической жизни Германіи и отчасти Швейцаріи. Такъ, здѣсь мы находимъ статью о распредѣленіи населенія Германіи

по занятіямъ (по даннымъ переписей 1882 и 1895 гг.) Оскара Бэкка. Результаты сравненія этихъ двухъ переписей сводятся къ констатированію: 1) уменьшенія доли сельскаго хозяйства въ общей массѣ лицъ, занятыхъ промысловою дѣятельностью, и увеличенія доли промышленности и торговли; 2) болѣе ранняго и болѣе частаго перехода подростковъ къ самостоятельному добыванію средствъ существованія; 3) усиленія участія лицъ женскаго пола въ промысловой дѣятельности; 4) сокращенія числа самостоятельныхъ хозяевъ и соотвѣтственнаго увеличенія зависимаго персонала (стр. 2).

Интересна далѣе таблица о ростѣ крупныхъ городовъ въ Германіи (1871 — 1895 г.), затѣмъ статья подъ названіемъ: „Комбинированныя предпріятія“ Эдуарда Бернштейна.

Въ этой статьѣ авторъ отмѣчаетъ обнаружившуюся тенденцію къ соединенію различныхъ отраслей производственной дѣятельности во все болѣе и болѣе увеличивающихся предпріятіяхъ. До сего времени какъ раздѣленіе труда въ сферѣ изготовленія продукта, такъ и раздѣленіе труда между предпріятіями служило въ теченіе извѣстнаго времени nec plus ultra промышленнаго развитія (стр. 83). Новое поколѣніе „промышленныхъ капиталовъ“ придерживается, напротивъ, такого правила: никогда не покупай у другихъ того, что ты можешь изготовить самъ.

Авторъ описываетъ центральныя мастерскія „Лондонскаго и Сѣверо-Западнаго желѣзно-дорожнаго общества“ въ Кру. „Осматривая мастерскія въ Кру—говоритъ Бернштейнъ—просто поражаешься разнообразіемъ производящихся въ нихъ работъ. Здѣсь строится стальной ботъ для канала, а тамъ рѣшетчатый мостъ; вотъ огромный залъ, наполненный гидравлическими насосами, кранами и блоками. Но самое замѣчательное зрѣлище во всѣхъ мастерскихъ представляетъ тотъ уголокъ плотничнаго отдѣленія, гдѣ два человѣка постоянно заняты фабрикаціею искусственныхъ частей человѣческаго тѣла. Этимъ дѣломъ начало общество заниматься года два тому назадъ, рѣшивши всякому, съ кѣмъ случится несчастіе у него на службѣ, доставлять искусственныя руки и ноги самаго совершеннаго изготовленія“ (стр. 87). Нѣкоторыя желѣзно-дорожныя общества сами печатаютъ свои билеты и даже производятъ всѣ печатныя работы, другія сами изготовляютъ мѣшки для перевозки хлѣба и т. д. Эта статья наиболѣе интересная изъ всего сборника.

Общій выводъ изъ всѣхъ статей сборника тотъ же, какимъ авторъ статьи „Къ вопросу о гибели мелкой промышленности въ Саксоніи“, Петеръ Браунъ, характеризуетъ положеніе дѣлъ въ этой послѣдней, а именно, что „мелкая промышленность и ремесленное производство идутъ быстрыми шагами къ своей гибели,—къ неизбѣжному поглощенію ихъ крупною фабричною индустріей“ (стр. 45). Далѣе тотъ же авторъ говоритъ: „Проѣзжая по саксонскимъ деревнямъ и небольшимъ городамъ можно встрѣтить множество мелкихъ заведеній, процвѣтавшихъ въ восьмидесятыхъ годахъ; теперь отъ нихъ остались однѣ постройки: не видно дымящихся трубъ, не слышно шума работающихъ машинъ, не замѣтно работающихъ рукъ, мрачно смотрятъ на насъ пустыя отверстія оконъ. Я могъ бы назвать такія деревни, гдѣ одна единственная фабрика разоряла всѣ среднія и мелкія предпріятія и дѣлалась полновластнымъ господиномъ въ данной мѣстности“ (стр. 37).

Нѣкоторыя статьи черезчуръ отрывисты, и мы не понимаемъ, почему онѣ были выбраны для перевода, напримѣръ, укажемъ хотя бы на

статью XII: „Акціонерныя общества въ Швейцаріи“ Циннера и слѣдующую XIII: „Рабочее время и рабочая плата на швейцарскихъ фабрикахъ“.

Въ общемъ сборникъ заслуживаетъ полнаго вниманія, но, къ сожалѣнію, едва ли благодаря сухости выбранныхъ статей онъ можетъ разсчитывать на широкій кругъ читателей, хотя читатель, не убоявшійся этой сухости, будетъ вполнѣ вознагражденъ за свой трудъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Система русскаго гражданскаго права“. *К. Анненкова.* — „Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ“. *М. П. Чубинскаго.* — „Къ вопросу объ улучшеніи положенія слѣдственной части въ Россіи“. Сост. *В. Ѳедотовъ-Чеховскій.* — „Теорія и практика желѣзно-дорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ“. *И. М. Рабиновича.*

Система русскаго гражданскаго права. К. Анненкова. Т. III. Права обязательственныя. Спб., 1898. Третій томъ труда г. Анненкова, посвященный общей части обязательственнаго права, отличается тѣми же свойствами, какъ и два первыхъ, и намъ приходится повторить относительно него то же, что мы говорили по поводу второго тома, при выходѣ послѣдняго въ печати.

Въ своей работѣ г. Анненковъ проявилъ громадное трудолюбіе и начитанность. Онъ собралъ всѣ, большія и малыя, появившіяся на русскомъ языкѣ и относившіяся къ различнымъ вопросамъ нашего гражданскаго права, книги, статьи и замѣтки, а также кассаціонныя рѣшенія, размѣстилъ ихъ по надлежащимъ мѣстамъ, разобралъ и самъ присоединился къ тому изъ высказанныхъ по разсматриваемому вопросу мнѣній, которое показалось ему наиболѣе доказаннымъ. Въ началѣ каждаго отдѣла г. Анненковъ изложилъ соотвѣтствующія постановленія итальянскаго и саксонскаго кодексовъ, а также общія соображенія, почерпнутыя имъ изъ учебника римскаго права Барона, какъ это видно изъ многочисленныхъ ссылокъ на Барона.

Надо сознаться, что намъ кажется довольно страннымъ какъ подобное безконтрольное принятіе авторомъ взглядовъ Барона и полное отождествленіе этихъ взглядовъ съ римскимъ правомъ, такъ и то, что авторъ ограничился изъ иностранныхъ кодексовъ указаніями лишь на итальянскій и саксонскій, изъ которыхъ послѣдній уже потерялъ силу въ виду появленія общегерманскаго гражданскаго кодекса.

Но, помимо этого, мы совершенно не находимъ у г. Анненкова того систематическаго изложенія и толкованія нашего гражданскаго права, какого должно ожидать отъ подобнаго труда. Авторъ даетъ лишь подробный комментарій или, вѣрнѣе, собраніе комментаріевъ и взглядовъ различныхъ авторовъ на отдѣльные вопросы нашего гражданскаго права. Авторъ поступилъ бы несравненно правильнѣе, назвавъ свой трудъ не „Системой русскаго гражданскаго права“, а комментаріемъ къ нашимъ гражданскимъ законамъ, подобно тому, какъ онъ назвалъ свой „Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства“, пользующійся такимъ заслуженнымъ успѣхомъ у нашихъ цивилистовъ-практиковъ.

Обширный собранный матеріалъ и добросовѣстная разработка его составляютъ несомнѣнное достоинство книги г. Анненкова, и если трудъ этотъ не вполнѣ пригоденъ для изученія русскаго гражданскаго

права, онъ имѣетъ первостепенную важность для ознакомленія съ литературой и взглядами нашихъ писателей по различнымъ вопросамъ русскаго гражданскаго права.

Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ. М. П. Чубинскаго. Кіевъ, 1898 г. Разсматриваемая брошюра представляетъ изъ себя вступительную лекцію, читанную авторомъ въ университетѣ св. Владиміра.

Въ теперешнее переходное состояніе науки уголовнаго права, при усиленной борьбѣ сторонниковъ стараго классическаго направленія и представителей новыхъ ученій, всякій криминалистъ долженъ прежде всего стараться установить свои исходныя научныя положенія и примкнуть къ тому или другому лагерю. Г. Чубинскій и поставилъ себѣ задачей уяснить въ своей вступительной лекціи значеніе новыхъ ученій и опредѣлить свой взглядъ на новое движеніе. Съ этою цѣлью авторъ въ общихъ чертахъ излагаетъ сущность новыхъ ученій; къ основнымъ положеніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію автора, достоинствамъ новой школы онъ относитъ съ одной стороны введеніе въ уголовное право экспериментальнаго метода, а съ другой—взглядъ на преступленіе, какъ на соціальное жизненное явленіе, а не отвлеченное юридическое понятіе; рядомъ съ этимъ авторъ указываетъ, какъ на преимущества новой школы, на отстаиваніе ею широкой системы предупредительныхъ мѣръ, на подробное изученіе фактовъ преступности и на классификацію преступниковъ. Въ результатѣ оказывается, что г. Чубинскій является послѣдователемъ новой школы, но, надо сказать, послѣдователемъ весьма умѣреннымъ, такъ какъ онъ особенно усиленно указываетъ на необходимость изучать объективную сторону преступленій, чего почти вовсе не дѣлаютъ большинство остальныхъ новаторовъ.

Изложеніе автора вызвало у насъ одно существенное недоразумѣніе. Указавъ, что новыя ученія составляютъ два самостоятельныхъ направленія — антропологическое и соціологическое, авторъ все время говоритъ о „новой школѣ“, соединяя такимъ образомъ оба направленія въ одно. Но подобное обобщеніе невозможно; оба направленія совершенно разошлись, и многіе сторонники соціологической школы гораздо ближе подходятъ къ классической, чѣмъ къ антропологической школѣ; что есть, наприм., общаго между проф. Фойницкимъ и Ломброзо, которыхъ авторъ какъ того, такъ и другого зачисляетъ въ ряды „новой школы“?

Укажемъ еще на одну неточность у г. Чубинскаго. Говоря объ антропологическомъ преступномъ типѣ, авторъ замѣчаетъ, что большинство компетентныхъ наблюдателей и изслѣдователей преступнаго міра утверждаютъ существованіе преступнаго типа. Но это не такъ. Большинство ученыхъ, изучавшихъ признаки преступнаго типа, пришли къ убѣжденію, что этого пресловутаго типа вовсе не существуетъ; сошлемся для примѣра на работы д-ра Бера, Коха и др.

Брошюра г. Чубинскаго написана весьма живо и прочитывается не безъ интереса.

Къ вопросу объ улучшеніи положенія слѣдственной части въ Россіи. Составилъ В. Ѳедотовъ-Чеховскій. Орелъ, 1897 г. Происходящій въ настоящее время пересмотръ Судебныхъ Уставовъ сильно оживилъ нашу юридическую литературу. Со всѣхъ сторонъ стали раздаваться голоса какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ о дѣйствительныхъ и мнимыхъ недостаткахъ нашихъ уставовъ и о мѣрахъ къ ихъ

исправленію; въ этомъ отношеніи особенно посчастливилось предварительному слѣдствію и суду присяжныхъ.

Г. Ѳедотовъ-Чеховскій останавливается на недостаткахъ предварительнаго слѣдствія; но въ своей книгѣ онъ, къ сожалѣнію, не говоритъ ничего новаго и лишь повторяетъ, притомъ весьма растянуто и многословно, все тѣ же разсужденія о недостаткахъ розыска, которыя много разъ высказывались въ нашей литературѣ. Несовершенства слѣдственной части, по мнѣнію автора, объясняются не дѣйствіями судебныхъ слѣдователей, а дурной организаціей дознанія и розыска; отвѣтственными лицами являются не судебные слѣдователи, а полиція, дурно производящая дознаніе, и прокуратура, не осуществляющая своихъ обязанностей по наблюденію за дѣйствіями полиціи и слѣдователей. Главная вина, по словамъ автора, въ прокуратурѣ, но извинительнымъ обстоятельствомъ является недостаточное число товарищей прокуроровъ. Если увеличить численность прокуратуры, послѣдняя будетъ имѣть возможность лучше осуществлять свои обязанности, а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшится производство дознанія и розыска, вслѣдствіе чего улучшится и предварительное слѣдствіе. Такова въ общихъ чертахъ мысль автора. Несомнѣнно, усиленіе надзора за дѣйствіями полиціи со стороны прокуратуры чрезвычайно полезно, но за то вмѣшательство прокуратуры въ дѣйствія слѣдователей и составленіе товарищами прокурора, какъ это допускаетъ авторъ (стр. 45), въ случаѣ нужды, даже слѣдственныхъ актовъ можетъ лишь затруднить успѣшное веденіе предварительнаго слѣдствія.

Находя необходимымъ, главнымъ образомъ, заботиться объ улучшеніи дознанія, авторъ однако рѣшительно возстаетъ противъ учрежденія особой судебной полиціи, исходя изъ той точки зрѣнія, что это совершенно излишне, такъ какъ чины общей полиціи имѣютъ достаточно свободнаго времени и вполнѣ пригодны для успѣшнаго производства розыска. Но въ этомъ авторъ противорѣчитъ самъ себѣ; на стр. 44 онъ говоритъ, что, по его мнѣнію, необходимо освободить нѣкоторое количество чиновъ общей полиціи отъ всѣхъ ихъ административныхъ обязанностей, оставивъ однѣ лишь судебно-полицейскія, подъ ближайшимъ наблюденіемъ прокуратуры; подобное же выдѣленіе части общей полиціи является въ существѣ мѣрой тождественной съ учрежденіемъ особой судебной полиціи. Къ тому же авторъ все время говоритъ о необходимости преобразованія слѣдствія „по иностраннымъ образцамъ“; но, не говоря о томъ, что выраженіе „по иностраннымъ образцамъ“ является чрезмѣрно широкимъ, ибо въ каждомъ иностранномъ государствѣ имѣются свои слѣдственные порядки, напоминаемъ г. Ѳедотову, что введя судебную полицію, мы поступимъ именно по „иностранному образцу“.

Теорія и практика желѣзнодорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ. И. М. Рабиновича. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб., 1898 г. „Цѣль настоящей книги,— говоритъ въ предисловіи авторъ,— систематизація, критика и юридическое разъясненіе условій перевозки и тарифныхъ правилъ, дѣйствующихъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ“. Вопросы желѣзнодорожнаго права оставались у насъ до сихъ поръ весьма мало разработанными; между тѣмъ огромное значеніе желѣзныхъ дорогъ въ народной жизни, масса юридическихъ вопросовъ, возникающихъ на почвѣ желѣзнодорожнаго дѣла, указываютъ на первостепенную важность разработки желѣзнодорожнаго права. Поэтому мы съ большимъ удоволь-

ствіемъ отмѣчаемъ появленіе уже вторымъ изданіемъ настоящей книги, такъ какъ, помимо весьма интересной и поучительной, поставленной авторомъ себѣ задачи, самое исполненіе этой задачи заслуживаетъ полнаго вниманія.

Матеріалъ, собранный авторомъ, отличается большою полнотой. Мы находимъ въ книгѣ всѣ дѣйствующія узаконенія и административныя распоряженія о желѣзнодорожной перевозкѣ, между прочимъ подробный разборъ введенной у насъ бернской международной конвенціи, обширный историческій матеріалъ, почерпнутый, главнымъ образомъ, изъ трудовъ коммиссіи гр. Баранова, и весьма полно подобранную кассаціонную сенатскую практику. Авторъ, кромѣ того, широко воспользовался для толкованія нашего законодательства иностранною судебною практикой и юридическою литературой, особенно часто нѣмецкой и французской, а изрѣдка и англійской. Вся книга раздѣляется на три части. Первая, главнѣйшая, наиболѣе интересно и подробно разработанная, касается юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ договора о перевозкѣ груза по желѣзной дорогѣ. Вторая часть посвящена пассажирскому движенію, а третья заключаетъ, кромѣ процессуальныхъ правилъ, нѣсколько общихъ началъ желѣзнодорожнаго права, входящихъ въ область публичнаго, а не гражданскаго права.

Такимъ образомъ, авторъ соединилъ теоретическую и практическую разработку желѣзнодорожнаго права; и то, и другое сдѣлано вполнѣ удовлетворительно, но особый интересъ представляетъ практическая сторона, и, какъ справочное изданіе, настоящая книга является чрезвычайно полезной.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Физіологическіе очерки“. *И. Сѣченова.*—„Гипотеза функціи атомнаго вѣса элементовъ“. *Н. Симонича.*—„Развитіе человѣческаго зародыша“. *М. Маршалля.*

Физіологическіе очерки. И. Сѣченова. Часть I, стр. 192, съ 15 рис. Часть II, стр. 289, съ 101 рис. Спб., 1898 г. Напечатанные въ серіи „Образовательной библіотеки“, издаваемой О. Н. Поповой, *Физіологическіе очерки* нашего знаменитаго ученаго, представляютъ собою общедоступно изложенный систематическій курсъ общей физіологіи. Планъ изложенія таковъ: послѣ краткаго введенія, въ которомъ почтенный авторъ излагаетъ естественную группировку главнѣйшихъ жизненныхъ процессовъ, слѣдуетъ описаніе состава и свойствъ крови и сложнаго механизма кровеобращенія, изложенію котораго отведено значительное мѣсто, затѣмъ описывается лимфатическая система, пищевареніе и дыханіе. Этимъ заканчивается первый выпускъ. Во второмъ выпускѣ сначала излагается мышечная физіологія съ спеціальными указаніями на физіологію ходьбы, голоса и рѣчи, затѣмъ общая нервная физіологія и, наконецъ, спеціальная физіологія органовъ чувствъ. Изложеніе носитъ тѣ характерныя особенности, которыя хорошо знакомы всякому, кто читалъ Сѣченова (а кто изъ интересующихся естествознаніемъ или медициною не читалъ его!). Отсутствіе внѣшняго блеска фразъ и погони за эффектами изложенія, полная безыскусственность и простота, любовь къ сравненіямъ и примѣрамъ, взятымъ изъ обыденной жизни, изъ домашняго обихода, стремленіе подвести все подъ простую схему и выразить ее элементарнымъ чертежикомъ—все это давно извѣстныя качества изложенія знаменитаго

ученаго, умѣющаго быть въ то же время прекраснымъ популяризаторомъ, не того типа популяризаторомъ, который гонится за аплодисментами толпы, а такимъ, который проникнутъ сознаніемъ, что надо дать возможность и не спеціалистамъ ознакомиться съ основными данными науки, говоря съ ними объ этой наукѣ простымъ, общечеловѣческимъ языкомъ, чуждымъ того особаго „научнаго жаргона“, который дѣлаетъ большинство научныхъ книгъ недоступными для чтенія. Всякому незнакомому съ физіологіей человѣку, желающему съ ней познакомиться, можно смѣло рекомендовать взять *Физіологическіе очерки* и изъ нихъ почерпнуть тѣ основныя свѣдѣнія о жизни своего организма, которыя, собственно говоря, необходимо имѣть каждому образованному человѣку. На второмъ выпускѣ обозначена цѣна 90 к., а на первомъ про цѣну ничего не сказано.

Гипотеза функціи атомнаго вѣса элементовъ. Н. Симонича. Тверь, 1898 г. Періодическая система элементовъ, показывающая связь, существующую между свойствами простыхъ тѣлъ и ихъ атомными вѣсами, вызвала цѣлый рядъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ найти простое отношеніе между числами, выражающими атомные вѣса элементовъ. Съ другой стороны явилось стремленіе объяснить причину связи, существующей между атомными вѣсами и свойствами элементовъ; изъ попытокъ этого рода наибольшее вниманіе обратила на себя рѣчь Крукса *О происхожденіи элементовъ*, въ которой знаменитый англійскій химикъ доказываетъ возможность происхожденія всѣхъ элементовъ изъ одной первичной матеріи. Такъ какъ для этой матеріи Круксъ принимаетъ ничтожный атомный вѣсъ, то онъ не стремится искать отношенія между атомными вѣсами элементовъ. Г. Симоничъ старается въ своей брошюрѣ объединить два эти направленія: съ одной стороны, выразить связь, существующую между атомными вѣсами, съ другой—показать, изъ какой первоначальной матеріи и какъ образовались элементы. Дѣлаетъ это онъ весьма просто. Онъ считаетъ, что всѣ элементы произошли изъ водорода и изъ космическаго эѳира — иначе примордіальной матеріи, заполняющей междупланетное пространство и имѣющей, по своимъ химическимъ свойствамъ, сходство—если не полное тождество—съ кислородомъ земли; въ этомъ его убѣждаетъ то, что разница между атомными вѣсами элементовъ, относящихся къ одной и той же группѣ періодической системы, близка къ 16 или къ кратному 16, а 16—число близкое къ атомному вѣсу кислорода. Тамъ, гдѣ атомные вѣса элементовъ не подходятъ къ вычисленнымъ авторомъ на основаніи его теоріи, авторъ или переноситъ элементъ въ другую группу, или заявляетъ, что эти атомные вѣса не вѣрны; къ этой категоріи невѣрныхъ атомныхъ вѣсовъ относятся атомные вѣса галоидовъ. Автора не смущаетъ то, что опредѣленія атомныхъ вѣсовъ галоидовъ, произведенныя Стасомъ, считаются самыми точными опредѣленіями, какія когда-либо были произведены въ аналитической химіи; не смущаетъ его и то, что, по его теоріи, созданія элементовъ, водородъ и кислородъ—не должны другъ въ друга диффундировать.

Сказанное показываетъ, какое научное значеніе имѣетъ работа г. Симонича.

Развитіе человѣческаго зародыша. М. Маршалля. Переводъ В. Львова. Съ 90 рисунками. М., 1898 г. Цѣна 1 руб. 75 коп. Это не „популярная“ книжка въ обычномъ значеніи этого слова, а учебникъ, вѣрнѣе—глава изъ учебника (Milnes Marshall: Vertebrate Embryology), прекрасно написаннаго, но предназначеннаго прямо для сту-

дентовъ безъ всякаго стремленія сдѣлать изложеніе доступнымъ для людей, не имѣющихъ никакой научной подготовки. Изложеніе Маршалля отличается замѣчательной ясностью, рисунки подобраны чрезвычайно удачно и въ англійскомъ оригиналѣ выполнены съ рѣдкой, положительно выдающейся, отчетливостью и своеобразнымъ изяществомъ. Русскій переводчикъ, спеціалистъ-зоологъ, выполнилъ свое дѣло безусловно хорошо, снабдивъ притомъ текстъ примѣчаніями и дополненіями, особенно необходимыми потому, что въ упомянутой книгѣ Маршалля развитіе человѣческаго зародыша составляетъ послѣднюю главу, а слѣдовательно многое, необходимое для ея пониманія, изложено авторомъ въ предыдущихъ главахъ. Въ виду того, что первыя стадіи развитія человѣческаго зародыша совершенно не изучены, онѣ изложены въ разбираемой книжкѣ относительно кролика. Можно было бы пожелать, чтобы переводчикъ шире взглянулъ на необходимость пополненія спеціальныхъ эмбріологическихъ данныхъ, касающихся человѣка, данными добытыми на другихъ животныхъ. Это — послужило бы къ выясненію нѣкоторыхъ основныхъ положеній эмбріологіи, которыя останутся безъ этого неизвѣстными читателю русской *Исторіи развитія человѣческаго зародыша*, незнакомому съ учебниками эмбріологіи. Рисунки русскаго изданія уступаютъ въ чистотѣ и изяществѣ выполненія рисункамъ изданія американскаго, но вполнѣ отчетливы и прекрасно иллюстрируютъ текстъ. Въ общемъ книжка Маршалля представляетъ солидный вкладъ въ русскую переводную естественно-историческую литературу.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Курсъ механической технологіи металловъ“. Лекціи проф. *А. Гавриленка.*—„Политехническое общество, состоящее при Импер. техн. училищѣ“. *В. Г. Шухова.*—„Современные способы обработки деталей машины и сборки ихъ“. *Usher-Elfes'a.*

Курсъ механической технологіи металловъ. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ адъюнктъ-профессоромъ А. П. Гавриленкомъ. Цѣна 9 руб. Изданный проф. Гавриленкомъ обширный курсъ технологіи металловъ (770 страницъ) съ прекрасно исполненнымъ атласомъ чертежей представляетъ собою цѣнный вкладъ въ русскую техническую литературу, которая, кстати сказать, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обогащается капитальными сочиненіями по различнымъ отраслямъ техники.

Обстоятельство это нужно приписать тому, что профессора нашихъ техническихъ учебныхъ заведеній рѣшились, наконецъ, замѣнить литографированныя записки печатными курсами. Это, разумѣется, во всѣхъ отношеніяхъ лучше. Записки обходились студентамъ дороже книгъ, но по обыкновенію издавались скверно и, какъ всегда, изобиловали ошибками.

Курсъ проф. Гавриленка распадается на 3 отдѣла: общія свойства металловъ и сплавовъ, обработка металловъ давленіемъ (прокатка, ковка, штампованіе) и литейное дѣло (плавка, формовка, модели и литье). Не вдаваясь въ подробности относительно достоинствъ и недостатковъ этого почтеннаго труда, замѣтимъ только, что курсъ изложенъ хорошимъ, удобопонятнымъ языкомъ и по новѣйшимъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія, источникамъ.

Нужно замѣтить, что по этой важной отрасли технологіи у насъ

до сихъ поръ не было ни одного достаточно полнаго и основательнаго сочиненія, что̀ дѣлаетъ трудъ г. Гавриленка еще болѣе цѣннымъ.

Позволимъ себѣ однако указать на тѣ мѣста, которыя насъ не вполнѣ удовлетворили. Такъ на стр. 168 авторъ говоритъ, что алюминій не подвергается дѣйствію органическихъ кислотъ, а также сѣрной и азотной. Мнѣніе это теперь должно быть оставлено, послѣ того, какъ Лунге и др. самыми тщательными опытами доказали, что алюминій далеко не индифферентенъ по отношенію къ кислотамъ.

На стр. 16 авторъ въ числѣ элементовъ, постоянно сопровождающихъ чугунъ, называетъ титанъ, хромъ, вольфрамъ, попадающіе въ чугунъ на самомъ дѣлѣ лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

При объясненіи явленія закалки стали на основаніи новѣйшихъ наблюденій авторъ напрасно опустилъ очень интересную алмазную гипотезу.

Подобнаго рода мелочей нельзя, конечно, считать пробѣлами или недостатками, а потому трудъ проф. Гавриленка во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать прекрасно выполненнымъ и вполнѣ отвѣчающимъ той цѣли, для которой онъ предназначается.

Политехническое общество, состоящее при Императорскомъ техническомъ училищѣ. Стропила. Изысканіе раціональныхъ типовъ прямолинейныхъ стропильныхъ фермъ и теорія арочныхъ фермъ. Инженеръ-механика В. Г. Шухова. Москва, 1897 г. Цѣна 3 руб. На Всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1896 г. въ Н.-Новгородѣ особое вниманіе обращали на себя зданія съ крышами безъ стропилъ системы инженера Шухова. Посѣтители выставки припомнятъ, что зданія эти были перекрыты густою сѣткою или обрѣшетиной, составленной изъ желѣзныхъ полосъ извѣстнаго сѣченія и покоящейся прямо на стѣнахъ и колоннахъ зданій. На этомъ сѣтчатомъ сводѣ лежала крыша. На другихъ зданіяхъ сѣтка была составлена изъ деревянныхъ тоненькихъ и узенькихъ планокъ. Такія сѣтчатыя или шатровыя крыши изобрѣтены русскимъ инженеромъ и впервые осуществлены въ Россіи, на Нижегородской выставкѣ.

Когда только прошли слухи о томъ, что на выставкѣ строятся зданія съ сѣтчатыми крышами, большинство строителей отнеслось скептически къ этому русскому изобрѣтенію, а нѣкоторые считали даже такого рода покрытія—совершенно невозможными, предсказывали чуть не катастрофу, крушеніе и т. п. Но открылась выставка, и публика спокойно любовалась легкими, изящными постройками съ крышами безъ стропилъ, имѣющими несомнѣнное преимущество малаго вѣса, прочности и дешевизны.

Идея сѣтчатыхъ покрытій была разработана изобрѣтателемъ во всѣхъ подробностяхъ и явилась плодомъ строго-научнаго изслѣдованія вопроса о раціональныхъ типахъ стропилъ. Изслѣдованіе это теперь напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Авторъ этого интереснаго труда разрѣшаетъ одну изъ сложнѣйшихъ задачъ строительнаго искусства въ высшей степени просто и совершенно оригинально.

Въ своемъ разсчетѣ стропильныхъ фермъ онъ вполнѣ точно опредѣляетъ, во-1-хъ, усилія, воспринимаемыя различными частями фермы; въ-2-хъ, вѣсъ этихъ частей и, въ 3-хъ, наивыгоднѣйшее ихъ расположеніе, при которомъ вѣсъ матеріала выходитъ наименьшій.

Разрѣшивъ теоритечески и строго-научно эти вопросы, авторъ при-

шелъ къ раціональнымъ типамъ стропильныхъ фермъ, которые обыкновенно никогда почти не избирались вполнѣ сознательно, на основаніи строгаго разсчета.

Огромный интересъ, возбужденный сѣтчатыми крышами инженера Шухова, объясняется не только новизной, смѣлостью и оригинальностью идеи, но также и важными практическими результатами, которыхъ ожидаютъ отъ этого изобрѣтенія. Но до сихъ поръ большинство видѣло сѣтки Шухова только мелькомъ, на выставкѣ, а потому отнестись къ нимъ критически не могло, за неимѣніемъ данныхъ. Теперь, съ появленіемъ книги Шухова, всѣ вопросы о новыхъ крышахъ разъясняются строгими математическими разсчетами, и сѣтчатыя покрытія, по всей вѣроятности, скоро будутъ испробованы въ крупныхъ сооруженіяхъ, въ которыхъ выгоды ихъ могутъ выясниться особенно рельефно.

Современные способы обработки деталей машинъ и сборки ихъ. Usher-Elfes. Переводъ съ нѣмецкаго инженера-механика А. К. Вессель. Изданіе К. И. Тихомирова. 1897 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ этой небольшой книжкѣ собраны новѣйшіе пріемы обработки и сборки деталей машинъ, выработанные современными машино - строительными заводами съ цѣлью ускоренія и удешевленія производства. Авторы даютъ, между прочимъ, очень цѣнныя указанія, какъ приспособить и оборудовать имѣющіеся на заводѣ станки, чтобы на нихъ можно было выполнять работы, для которыхъ обыкновенно требуются дорогія спеціальныя машины.

Въ первыхъ двухъ главахъ описываются общіе и спеціальные измѣрительные инструменты, въ главахъ III, IV, V и VII—работы по сборкѣ машинъ, слесарныя, токарныя, строгальныя и долбежныя, въ главѣ VI—фрезовыя машины, а въ VIII и IX—шлифованіе и сверленіе. Въ сжатомъ изложеніи всѣ вопросы разобраны очень обстоятельно; многочисленные рисунки поясняютъ описаніе.

Машино-строеніе, достигшее въ Америкѣ, въ Англіи и въ Германіи столь высокаго развитія, у насъ, какъ самостоятельная страсть промышленности, еще только зарождается и потому появленіе книжки Usher-Elfes въ русскомъ переводѣ какъ нельзя болѣе своевременно. Доступная по цѣнѣ и весьма элементарная по изложенію, книжка эта, по всей вѣроятности, будетъ имѣть широкій кругъ читателей среди русскихъ техниковъ, тѣмъ болѣе, что подобнаго рода сочиненій, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не было въ нашей технической литературѣ.

Книжка Usher - Elfes можетъ также служить хорошимъ учебнымъ пособіемъ для промышленныхъ и техническихъ училищъ.

Съ внѣшней стороны изданіе вполнѣ удовлетворительно. Переводъ сдѣланъ старательно.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Хозяинъ“ журналъ сельскаго хозяйства и экономіи.

„Хозяинъ“, журналъ сельскаго хозяйства и экономіи. Спб. Періодическая сельско-хозяйственная пресса въ Россіи ведетъ свое начало съ 1765 года, когда основалось Вольно-Экономическое Общество и начали печататься донынѣ существующіе его *Труды*. Изъ опытовъ первой половины нынѣшняго вѣка особаго вниманія заслуживаетъ *Рус-*

скій Земледѣлецъ (подъ редакціей М. Г. Павлова въ тридцахъ годахъ). Съ 1834 года начали выходить *Земледѣльческая Газета*, а съ 1841 г. *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ*; этимъ двумъ изданіямъ (журналъ въ 1875 году переименованъ въ *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство*) принадлежало сравнительно наибольшее вліяніе на развитіе сельско-хозяйственной литературы въ Россіи, что за послѣднія десятилѣтія въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ удачнаго выбора редактора, которымъ былъ (для журнала съ 1860 г., для газеты съ 1866 г.) покойный Ѳ. А. Баталинъ; онъ обладалъ рѣдкими навыками для трудной редакторской дѣятельности. Одно время въ шестидесятыхъ годахъ у министерскаго журнала появился удачный соперникъ въ видѣ издававшагося въ Москвѣ *Русскаго Сельскаго Хозяйства.*

Частная издательская дѣятельность въ періодической сельско-хозяйственной литературѣ должна бороться у насъ съ большими препятствіями, изъ которыхъ главнымъ, конечно, слѣдуетъ считать недостаточно развивавшійся спросъ на спеціальныя сельско-хозяйственныя знанія. Теперь, повидимому, и въ этой области литературы, какъ во многихъ другихъ, наступило оживленіе, и примѣромъ живого сельскохозяйственнаго изданія, замѣтно увеличивающаго кругъ читателей, можетъ быть названъ журналъ *Хозяинъ*, вступившій въ пятый годъ существованія. Мы коснемся здѣсь преимущественно содержанія журнала за первую треть 1898 г., но не можемъ не сдѣлать нѣкоторыхъ указаній и на четыре миновавшіе года.

Редакторъ *Хозяина* А. П. Мертваго началъ свою литературную дѣятельность въ изданіяхъ, редактировавшихся Ѳ. А. Баталинымъ, а потомъ обратилъ на себя вниманіе живыми очерками Батищевскаго хозяйства и французскаго огородничества *). Совмѣщеніе интереса къ техникѣ и къ экономикѣ сельскаго хозяйства и умѣнье владѣть перомъ помогли новому редактору быстро оріентироваться въ нелегкомъ положеніи. За первый же годъ своего существованія (1894) *Хозяинъ* привлекъ въ свои сотрудники многихъ лицъ съ агрономическимъ образованіемъ; изъ представителей каѳедръ ему дали статьи покойный П. А. Костычевъ, П. Н. Кулешовъ, К. Э. Линдеманъ, Я. Я. Никитинскій, М. И. Придорогинъ, Д. Н. Прянишниковъ, А. Ф. Рудзкій, В. М. Рудневъ, А. В. Совѣтовъ, И. А. Стебутъ, Н. П. Чирвинскій. Въ технической области сравнительно обширно трактовались вопросы изъ утилизаціи азота, о почвенныхъ бактеріяхъ, объ удобреніяхъ (особенно фосфоритныхъ), о культурѣ песковъ, о пріемахъ посѣва, о воздѣлываніи пшеницы, картофеля, клевера, вики, о скотѣ, о сепараторахъ, о сельско-хозяйственныхъ станціяхъ. Въ экономической же области съ перваго года отведено крупное вниманіе вопросу о земскихъ агрономахъ, благодаря чему *Хозяинъ* сдѣлался настоящею настольной книгой для лицъ, интересующихся земскою сельско-хозяйственною дѣятельностью. Обширная библіографія въ первомъ году велась особенно обстоятельно; между прочимъ, къ ней относилось многое и въ отдѣлѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Въ 1895 году размѣры библіографіи почему-то нѣсколько сократились, но расширился отдѣлъ сельско-хозяйственныхъ корреспонденцій, поступившихъ болѣе чѣмъ изъ 80 мѣстъ. Кромѣ корреспонденцій, характеристикѣ мѣстныхъ условій сельскаго хозяйства служилъ отчасти

---

*) Очерки эти вошли въ книжку *Не по торному пути* (второе изданіе подъ названіемъ *Сел.-хоз. воспоминанія*).

и рядъ статей, задуманныхъ авторомъ подъ заглавіемъ: *Среди думающихъ хозяевъ* *). Въ журналѣ 1895 и 1896 гг. большое вниманіе отведено сельско-хозяйственнымъ съѣздамъ. Впервые состоявшаяся сессія сельско-хозяйственнаго совѣта послужила матеріаломъ для довольно подробныхъ отчетовъ. Въ числѣ вновь выступившихъ сотрудниковъ назовемъ В. В. Докучаева, Н. Л. Скалозубова, А. А. Беретти. Приложеніемъ къ журналу 1895 года явился альбомъ вредныхъ насѣкомыхъ, составленный К. Э. Линдеманомъ.

Въ журналѣ 1896 года началъ принимать участіе извѣстный хозяинъ и общественный дѣятель Тульской губерніи П. И. Левицкій; въ томъ же году помѣщена статья К. А. Тимирязева. Рядъ статей явился отголоскомъ московскаго съѣзда. Земская хроника относилась къ 52 земствамъ. Скотоводству было отведено больше вниманія, чѣмъ за предшествовавшій годъ. Приложеніями были альбомъ породъ скота, руководство по огородничеству и *Сельско-хозяйственныя воспоминанія* редактора. Изъ сотрудниковъ 1897 г. назовемъ А. П. Адріановскаго, покойнаго А. А. Армфельда, В. А. Бертенсона, С. М. Богданова, К. А. Вернера, Ав. А. Калантара, М. В. Неручева, Д. Н. Прянишникова, А. А. Радцига, П. Н. Рутцена, П. Р. Слезкина, В. И. Чарнолускаго, И. О. Широкихъ, Р. И. Шредера, М. А. Энгельгардта; въ отвѣтахъ на вопросы участвовали, между прочимъ, К. Э. Линдеманъ и Н. П. Чирвинскій; по сельско-хозяйственной библіографіи много замѣтокъ далъ знатокъ предмета, В. И. Филипьевъ. Приложеніями явились книжки по огородничеству, молочному хозяйству и строительному искусству. Въ содержаніи 1897 года мы встрѣчаемъ, къ сожалѣнію, нѣкоторый избытокъ рѣзкой полемики по вопросу о значеніи хлѣбныхъ цѣнъ для русскаго сельскаго хозяйства. Обращаемся къ текущему году.

Передовыя статьи А. П. Мертваго, по примѣру прежнихъ лѣтъ, пишутся очень живо. Въ нихъ затронуты вопросы о неурожаѣ 1897 г., о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, о государственной росписи, о покровительственной системѣ, объ опытныхъ учрежденіяхъ, о сельско-хозяйственномъ образованіи, о значеніи статистики и исторіи сельскаго хозяйства. Передовая статья въ № 9 одинаково отрицательно относится къ обѣимъ такъ называемымъ „формуламъ“ развитія русскаго народнаго хозяйства—къ неомарксизму и къ старонародничеству; оба направленія, по мнѣнію автора, неизбѣжно должны питаться своею собственною фантазіей. Неомарксистское направленіе „считаетъ неминуемымъ разореніе и потерю самостоятельности стомилліонной массы... оно развиваетъ альтруистическія чувства только по отношенію къ двумъ или даже хотя бы къ пяти милліонамъ фабричныхъ рабочихъ; оно развиваетъ среди русской интеллигенціи рознь и ослабляетъ и безъ того ея слабыя силы...“

Появляющіеся за подписью „В. Г. Земскій“ обзоры сельско-хозяйственной дѣятельности земства относились, въ первыхъ нумерахъ 1898 г., къ губерніямъ: Казанской, Костромской, Нижегородской, Симбирской, С.-Петербургской и особенно къ Херсонской. Помимо этихъ содержа-

---

*) Эти статьи снабжены нѣсколькими портретами. Портреты, вообще говоря, недурно выполненные, даны были *Хозяиномъ* для слѣдующихъ лицъ: въ 1894 г.—С. И. Мальцова, А. Н. Энгельгардта, А. Ѳ. Миддендорфа, А. С. Ермолова; въ 1895 г.—Ѳ. А. Баталина, Н. Х. Бунге, Н. О. Шатилова, Г. Кюна, И. А. Стебута, П. А. Костычева, П. И. Левицкаго, В. П. Энгельгардта, г. Ягги; въ 1896 г—Гельригеля, Э. Б. Шене, И. И. Буманъ; въ 1897 г.—Э. Вольфа, гр. Вилля, Г. Г. Тонса, И. А. Варгунина и Д. А. Милютина; въ 1898 г.—К. А. Тимирязева.

тельныхъ обзоровъ и сами мѣстные агрономы (наприм., В. Э. Брунстъ и М. Е. Шатерниковъ изъ Московской губ., Н. М. Китаевъ изъ Курской губ., С. Я. Дремцовъ изъ Вятской губ.) сообщали о своей дѣятельности.

Агрономическому естествовѣдѣнію посвящены періодическіе обзоры, составляемые М. А. Энгельгардтомъ; темами этихъ обзоровъ въ 1898 г. были: томасовъ шлакъ, нитрагинъ, пожнивныя культуры, предохранительныя прививки противъ вредныхъ кормовъ, питаніе перегноемъ, борьба съ паразитами, чумные микробы. Въ каждомъ изъ первыхъ пятнадцати нумеровъ имѣется еще отдѣлъ „разныхъ замѣтокъ по сельскому хозяйству", гдѣ вкратцѣ излагаются новости сельско-хозяйственной техники.

Изъ отдѣльныхъ статей 1898 года наиболѣе выдающееся мѣсто принадлежитъ статьямъ П. И. Левицкаго о картофельно-крахмальномъ производствѣ и о связи урожаевъ овса съ температурою и осадками; послѣдняя статья (въ № 10) изобилуетъ драгоцѣнными сопоставленіями урожайныхъ записей съ метеорологическими отмѣтками за 24 года. Статья В. В. Випера: *Объ оцѣнкѣ плодородія почвенныхъ типовъ* выдвигаетъ „культурный" методъ, т.-е. оцѣнку плодородія при помощи культурныхъ растеній. Маленькая замѣтка маститаго Р. И. Шредера обращаетъ вниманіе нашихъ юго-восточныхъ хозяевъ на кормовые кактусы, которые въ Сѣверной Америки выдерживаютъ самую лютую зиму. Къ растеніеводству относятся еще статьи о минеральныхъ удобреніяхъ, о сожиганіи навоза *), о культурѣ сои, о замачиваніи свекловичныхъ сѣмянъ, о гессенской мухѣ, о паровыхъ молотилкахъ, о дисковомъ культиваторѣ. По зоотехніи встрѣчаемъ статьи о составѣ сѣна, о воздушномъ силосованіи, о грубомъ кормѣ для молочныхъ коровъ, о романовскихъ овцахъ, объ овцахъ стогоманахъ, объ откармливаніи свиней. По статистикѣ отмѣтимъ основательные обзоры по производству чугуна въ Россіи и по привозу хлѣбовъ въ Англію. Въ № 5 дана характеристика землевладѣнія и земледѣлія въ Тверской губерніи. Къ хозяйству русскихъ окраинъ относится статья (Л. Ч.) объ арычной пашнѣ въ Атбасарскомъ уѣздѣ; иностранному хозяйству посвящены статья И. И. Барсукова о Венгріи и письма В. К. Кузнецова о Канадѣ.

Изъ сказаннаго видно, насколько *Хозяинъ* богатъ седержаніемъ. Конечно, еженедѣльному изданію не удается трактовать о всѣхъ затрогиваемыхъ вопросахъ съ надлежащею полнотой, но едва ли такая полнота и требуется отъ періодическаго изданія: важно, чтобъ агрономическая мысль читателя не засыпала, а такому движенію мысли петербургскій журналъ несомнѣнно содѣйствуетъ. *Хозяинъ*, кажется, больше, чѣмъ какое-нибудь другое изданіе, способствовалъ объединенію работы русскихъ агрономовъ, причемъ и техническая, и общественная агрономія равномѣрно представлены въ журналѣ.

МЕДИЦИНА.

„О грязелѣченіи". *Б. А. Либова.* — „Клиническая терминологія". *Отто Ротъ.* — „Очеркъ современныхъ условій кумысолѣченія на востокѣ Россіи". *Н. Н. Михайлова.*

О грязелѣченіи. Практическое руководство къ назначенію и примѣненію грязевыхъ ваннъ. Б. А. Либова. Изд. Риккера. Спб., 1897 г. Ц. 1 руб. 60 коп. Автору принадлежитъ честь перваго почи-

*) И. М. Карзинъ, на основаніи 5-лѣтнихъ опытовъ (въ Саратовской губерніи), отдаетъ сожиганію навоза предпочтеніе передъ позднею запашкой.

на въ дѣлѣ научной разработки основъ грязелѣченія, примѣнявшагося до этого времени обыкновенно чисто-эмпирически. Обѣ части названной книги, назначенной главнымъ образомъ для практическихъ врачей, но могущей служить справочнымъ и полезнымъ руководствомъ для публики, обработаны весьма тщательно. Въ первой части трактуется вопросъ о происхожденіи цѣлебныхъ грязей, ихъ исторія, физическія и геологическія условія образованія грязевыхъ озеръ, описываются мѣстности Россіи и Западной Европы, гдѣ практикуется этотъ методъ лѣченія и физическія и химическія свойства грязей. Вторая часть, большая по объему, посвящена выясненію физіологической и клинической стороны вопроса; здѣсь авторъ разбираетъ условія дѣйствія грязей на физіологическіе процессы у здоровыхъ и больныхъ, описываетъ технику лѣченія и опредѣляетъ показанія и противупоказанія къ употребленію грязевыхъ ваннъ. Въ заключеніе приводятся описанія русскихъ курортовъ, гдѣ практикуется грязелѣченіе—Крыма, Одессы, Тинакъ и Старой Руссы. Все изложеніе отличается простотой и общедоступностью.

Клиническая терминологія. Отто Ротъ. Пер. Ольхина. Изд. Риккера. Спб. 1898 г. Предлагаемое справочное руководство представляетъ далеко не лишнее пособіе для читающаго врача; благодаря необыкновенному богатству медицинской терминологіи, нерѣдко весьма причудливой, читатель весьма часто ставится въ большое затрудненіе при встрѣчѣ съ малопонятнымъ и малоупотребительнымъ терминомъ, отыскать значеніе котораго въ спеціальныхъ руководствахъ иногда совершенно невозможно. Задача предлагаемой книги—собрать въ алфавитномъ порядкѣ по возможности всѣ термины, сжато и толково объяснить ихъ — выполнена въ достаточной степени обстоятельно. Переводъ сдѣланъ хорошимъ русскимъ языкомъ и дополненъ нѣмецкими и французскими терминами. Внѣшность изданія безупречна.

Очеркъ современныхъ условій кумысолѣченія на востокѣ Россіи. Н. Н. Михайлова. Изд. Риккера. Спб., 1897 г. По полнотѣ содержанія, ясности и доступности изложенія и практической цѣнности сообщаемыхъ свѣдѣній, брошюра д-ра Михайлова смѣло можетъ быть рекомендована и больнымъ, и врачамъ. Авторъ весьма справедливо указываетъ, что лѣчиться кумысомъ можно всюду, но вылѣчиться имъ можно только въ степи: „степь, съ ея чистымъ, сухимъ воздухомъ, съ ея палящимъ солнцемъ, роскошною растительностью, тишиной и спокойствіемъ, со всей ея своеобразной жизнью“, придаетъ кумысу особенную живительную силу; кумысъ же, продающійся всюду въ городахъ—„не кумысъ, а какое-то отвратительное пойло“, „заставлять больныхъ пить подобную гадость прямо непозволительно. Почти то же можно сказать и о кумысолѣчебныхъ заведеніяхъ: большинство ихъ далеко не удовлетворяетъ основной цѣли, преслѣдуя совершенно иныя задачи, чѣмъ кумысолѣченіе; лѣченіе и кумысъ въ нихъ „на послѣднемъ планѣ“, на первомъ—выгоды кармана владѣльца. Всѣмъ больнымъ, способнымъ перенести нѣкоторыя неудобства степной жизни, способнымъ отказаться отъ привычнаго комфорта, авторъ совѣтуетъ помѣщаться въ башкирскихъ деревняхъ и кочевьяхъ. Мнѣ лично два раза пришлось лѣчиться кумысомъ и проживать въ башкирскихъ деревняхъ; каждый разъ я уѣзжалъ оттуда обновленнымъ, такъ что, вполнѣ присоединяясь къ положеніямъ автора, я и съ своей стороны, на основаніи своего личнаго опыта, могу подтвердить полную справедливость взглядовъ д-ра Михайлова и его описанія условій степной жи-

зни, мѣстности и народа, дѣйствительно „дѣтски - милаго, честнаго и добродушнаго“. Характерною чертой башкиръ „является ихъ прирожденное чувство порядочности, ихъ привычка уважать въ другомъ человѣкѣ его человѣческую личность и уваженіе таковой же въ самомъ себѣ, никогда не переходящее, однако, въ высокомѣріе или нахальство. Даже въ самомъ несчастномъ загнанномъ башкирѣ никогда вы не замѣтите того отталкивающаго холуйства, которое у насъ еще встрѣчается и до сихъ поръ, какъ печальное наслѣдство бывшаго крѣпостничества“.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Путеводитель по Сѣверу Россіи“. Сост. *Д. Н. Островскимъ.* — „Ежегодникъ Императорскихъ театровъ“. Сезонъ 1896—1897 гг.

Путеводитель по Сѣверу Россіи (Архангельскъ. Бѣлое море. Соловецкій монастырь. Мурманскій берегъ. Новая Земля. Печора). Сост. Д. Н. Островскимъ. Изд. Товар. Архангельско-Мурманскаго пароходства. Спб., 1898 г. Нашъ Сѣверъ,— самый дальній Сѣверъ Европы,—можетъ, по справедливости, быть названъ страною чудесъ и непочатымъ краемъ, почти никому не извѣстнымъ, кромѣ немногихъ спеціалистовъ изслѣдователей. Громадныя разстоянія, отдѣляющія насъ отъ этой интереснѣйшей окраины Россіи, трудность и неудобства пути до Бѣломорья, продолжительность и дороговизна такого путешествія дѣлали эти страны недоступными для обыкновенныхъ туристовъ, ищущихъ въ странствованіяхъ развлеченій, новыхъ впечатлѣній и отдыха отъ обычныхъ умственныхъ и служебныхъ трудовъ. Теперь, съ открытіемъ сплошного рельсоваго пути отъ Москвы до Архангельска, съ учрежденіемъ срочнаго и скораго пароходства отъ Архангельска по всему Мурманскому берегу до норвежскаго города Вардэ, сдѣлать эту поѣздку легко и сравнительно недорого. Для людей здоровыхъ, но утомленныхъ, открытіе пути на Сѣверъ есть сущее благодѣяніе, и имъ воспользоваться поспѣшатъ, навѣрное, очень многіе. Какъ нельзя болѣе вб-время вышелъ въ свѣтъ *Путеводитель по Сѣверу* г. Островскаго, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ эту прекрасную книжку, составленную образцово и дающую всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть полезны туристу и необходимы для ознакомленія съ далекимъ краемъ, съ его естественными богатствами, съ его промыслами, достопримѣчательностями и диковинными красотами полярной природы. Русскіе пароходы, какъ сказано, доставляютъ пассажировъ до Вардэ, изъ этого города можно продолжать путь на норвежскихъ пароходахъ до южныхъ портовъ Норвегіи. Такимъ образомъ, начавши путешествіе изъ Москвы, частью въ вагонахъ, частью на пароходахъ срочныхъ рейсовъ, можно побывать въ Архангельскѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, на Мурманѣ, въ Вардэ и другихъ пунктахъ Норвегіи и черезъ Стокгольмъ и Петербургъ вернуться въ Москву, употребивъ на все это путешествіе около трехъ недѣль. Имѣя въ рукахъ такое дѣльное и обстоятельное пособіе, какъ *Путеводитель* г. Островскаго, легко заранѣе составить себѣ маршрутъ, намѣтить все, что желательно и любопытно осмотрѣть, точно высчитать время, опредѣлить приблизительно расходы и пуститься въ путь по обдуманному „расписанію“. Въ смыслѣ полноты, точности и дѣловитости, мы считаемъ этотъ *Путеводитель* лучшимъ изъ всѣхъ, до сихъ поръ изданныхъ на русскомъ языкѣ. Къ нему приложено 13

картъ и плановъ, отлично составленныхъ и четко исполненныхъ. Къ описанію каждой мѣстности приложены указанія литературы, къ ней относящейся.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1896—1897 гг. (Седьмой годъ изданія). Редакторъ А. Е. Молчановъ. Изданіе дирекціи Императорскихъ театровъ. Спб., 1898 г. По выходѣ въ свѣтъ каждой книжки *Ежегодника* мы обращаемъ вниманіе читателей на это превосходное изданіе, представляющее собою подробнѣйшую, изо дня въ день веденную лѣтопись дѣятельности Императорскихъ театровъ. *Ежегодникъ* является, по нашему мнѣнію, книгою, положительно необходимою всякому, кто имѣетъ какое-либо отношеніе къ сценическому дѣлу. Управленія провинціальными театрами, антрепренеры, режиссёры, декораторы и костюмеры найдутъ въ книжкахъ *Ежегодника* драгоцѣннѣйшія указанія относительно постановки новыхъ пьесъ и относительно усовершенствованій, вводимыхъ при возобновленіи пьесъ, игранныхъ прежде. Поденный репертуарный списокъ данныхъ пьесъ, съ приведеніемъ суммы сбора, даетъ ясное понятіе о томъ, какія пьесы имѣли успѣхъ, сколько выдержали представленій безъ значительнаго пониженія сборовъ, и, наоборотъ, какія пьесы не понравились столичной публикѣ въ образцовомъ ихъ исполненіи крупнѣйшими сценическими силами Россіи. Художественныя фототипіи воспроизводятъ сполна постановки пьесъ, костюмы, гримы и позы выдающихся артистовъ и могутъ служить отличнымъ пособіемъ для распорядителей провинціальными сценами и для провинціальныхъ артистовъ. Отмѣчая постановку каждаго новаго сценическаго произведенія, *Ежегодникъ* приводитъ вкратцѣ содержаніе пьесы и даетъ распредѣленіе въ ней ролей на петербургскихъ и московскихъ сценахъ, что̀ весьма важно для правильной обстановки пьесъ артистическими силами провинціальныхъ труппъ. Вообще, *Ежегодникъ*, будучи „лѣтописью“ Императорскихъ театровъ, служитъ, несомнѣнно, поднятію художественнаго уровня частныхъ и провинціальныхъ сценъ. Въ лежащемъ передъ нами седьмомъ томѣ *Ежегодника* помѣщена статья Н. М. Б-ва: *М. И. Петипа*, „біографическій очеркъ, по поводу 50-лѣтія его артистической службы при Императорскихъ театрахъ“. Къ статьѣ приложенъ очень хорошій портретъ знаменитаго и перваго балетмейстера нашёго времени. Далѣе напечатаны *Листки изъ воспоминаній Е. И. Левкѣевой* (по поводу 25-лѣтія ея артистической дѣятельности). Въ этихъ „листкахъ“ уважаемая артистка очень живо и интересно разсказываетъ про свои ученическіе годы въ петербургской театральной школѣ и про свои первые дебюты на сценѣ. Весьма любопытна редакціонная статья, озаглавленная *Парадные спектакли 1897 года, данные въ честь посѣтившихъ Россію иностранныхъ высочайшихъ особъ*. Такихъ спектаклей было четыре: въ честь императора австрійскаго, въ честь короля сіамскаго, въ честь императора германскаго и въ честь президента Французской республики. Всѣ эти спектакли были поставлены съ поразительнымъ великолѣпіемъ, но представленіе въ честь германскаго императора отличалось нигдѣ невиданными доселѣ, совершенно волшебными эффектами и чарующими иллюзіями... Мы уже не разъ говорили и теперь повторяемъ, что *Ежегодникъ Императорскихъ театровъ*, помимо отмѣченнаго нами важнаго значенія, есть еще и роскошное художественное изданіе, имѣющее право на почетное мѣсто въ библіотекѣ каждаго любителя театральнаго дѣла.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ отмѣтить не особенно краси-

вый казусъ, происшедшій съ одною провинціальною газетой, по поводу этой книжки *Ежегодника*. Давая отзывъ о выходѣ его въ свѣтъ, газета напечатала, между прочимъ, что помѣщены портреты (въ такихъ-то роляхъ) артиста Южина, М. Г. Савиной и „недавно скончавшагося“ артиста М. И. Писарева. Насъ, горячихъ почитателей таланта Модеста Ивановича Писарева, прямо-таки ошеломило такое сообщеніе о его внезапной смерти. Ничего подобнаго изъ *Ежегодника* не явствовало: имя Писарева стоитъ въ спискѣ артистовъ, находящихся на службѣ; ни одного некролога въ этой книжкѣ не напечатано. По наведенной нами тотчасъ же справкѣ въ дирекціи, оказалось, что уважаемый артистъ живъ и здоровъ, благополучно совершаетъ артистическую „турнэ“ въ провинціяхъ за Волгой. Провинціальная газета все наврала. И мы находимъ нужнымъ успокоить друзей и почитателей Модеста Ивановича, ибо знаемъ по себѣ, какое тяжелое, удручающее впечатлѣніе произвело на насъ неосторожное сообщеніе не въ мѣру торопливой газеты.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Сѣверный Вѣстникъ“, *мартъ—май*.—„Русское Богатство“, *май*.—„Научное Обозрѣніе“, *май*.—„Міръ Божій“, *іюнь*.—„Вѣстникъ Благотворительности“ за 1897 годъ.— „Трудовая Помощь“, №№ 1—2, 1897 г. и 3—4, 1898 г.

„Даже музы, и тѣ сошли съ Геликона и танцуютъ канканъ; въ литературѣ идеалы, залитые водой изъ помойныхъ ямъ, приняли названіе картинъ съ натуры, и при этомъ *всей* натуры; дошло, наконецъ, до того, что тѣ изъ писателей, которые пожелали быть самыми вѣрными представителями натуры, стали изображать однѣ помойныя ямы“.

Эти сердитыя, но, въ противность поговоркѣ, справедливыя слова написаны извѣстной польской писательницей Элизой Ожешковой въ ея отвѣтѣ нѣмецкимъ женщинамъ. И вспомнились они намъ, когда мы прочли въ майской книгѣ *Сѣверн. Вѣстн.* послѣднюю заключительную сцену повѣсти г. Горькаго *Варенька Олесова*. Сцена эта отличается поразительной, небывалой въ нашей литературѣ грубостью. При созерцаніи такой картины, которой авторъ разсудилъ за благо не столько угостить, сколько огорошить своего ни въ чемъ предъ нимъ неповиннаго читателя, трудно почувствовать что-нибудь другое, кромѣ отвращенія.

И, однако, критикъ не долженъ поддаваться тяжелому первому впечатлѣнію, какъ бы оно законно и естественно ни было. Онъ долженъ попытаться опредѣлить, нѣтъ ли за некрасивой внѣшностью чего-нибудь глубокаго, внутренняго; онъ долженъ попытаться угадать самую душу автора, его личность. Ни въ одномъ изъ проявленій человѣка въ жизни мы не имѣемъ дѣла съ личностью настолько, какъ въ искусствѣ. Искусство—это прежде всего самъ человѣкъ. Разумѣется, искусство бываетъ разное, какъ и разные художники бываютъ. У многихъ и заглядывать вглубь не стоитъ, и угадывать нечего; за внѣшнею формой, пожалуй, и нѣтъ ничего, или если и есть, то такое ничтожество, о которомъ и сказать-то нечего, кромѣ того, что оно ничтожество. Но во многихъ случаяхъ это не такъ. И когда мы имѣемъ дѣло съ произведеніями такого любопытнаго автора, какъ г. Горькій, намъ невольно хочется проникнуть дальше простой формы произведенія, хочется угадать, что за идеи или настроенія руководили имъ. Са-

мая яркость тѣхъ лучей, которыми авторъ сумѣлъ облить свое произведеніе, до извѣстной степени приковываетъ наше вниманіе, такъ сказать, гипнотизируетъ насъ и заставляетъ думать, что, несмотря ни на что, мы все же имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то любопытнымъ и сильнымъ.

Мы уже не одинъ разъ говорили о писательской манерѣ г. Горькаго, по нашему мнѣнію, ярко отражающей весь его обликъ, какъ художника. Это манера энергичная, выразительная, часто глубокая, хотя и далеко не всегда красивая. Авторъ не измѣнилъ ей, или, лучше сказать, его сила не измѣнила ему и въ этомъ послѣднемъ и наиболѣе странномъ изъ его пока немногихъ произведеній. Въ немъ, какъ и въ другихъ, есть словечки, иногда цѣлыя изреченія, которыя такъ и просятся въ хрестоматію, вродѣ, наприм., такого: „въ сердцѣ человѣка есть много мѣста вѣрѣ, но убѣжденію въ немъ тѣсно". И раньше, чѣмъ вы почувствуете то отвращеніе, о которомъ мы говорили, вы будете чувствовать, читая *Вареньку Олесову*, странный, какой-то жгучій, пожалуй, даже ядовитый и вредоносный интересъ къ этому произведенію. На каждой почти страницѣ васъ будетъ мучить,—именно мучить,—какая-то не вполнѣ ясная для васъ загадка, точно предъ вами извивается красивая змѣя и всѣми извивами своего сильнаго и гибкаго тѣла дразнитъ васъ и предлагаетъ вамъ угадать что-то недоговоренное, неясное и неопредѣленное. Какъ хотите, а для того, чтобы производить на людей такое впечатлѣніе, нужно обладать недюжинной силой. Г. Горькій, по нашему мнѣнію, обладаетъ такой силой. Въ *Варенькѣ Олесовой* авторъ прямо-таки выдумываетъ природу и играетъ въ софизмы. Но зато настроеніе его вполнѣ опредѣленное и несомнѣнное. По нашему мнѣнію, онъ открылъ его читателямъ, можетъ быть, вполнѣ невольно, въ одномъ изреченіи въ одномъ изъ мелкихъ его разсказовъ; это изреченіе можетъ даже служить мотто ко всѣмъ его произведеніямъ. Вотъ оно: „а все-таки всѣ мы мерзавцы!" Г. Горькій не вѣритъ въ культурнаго человѣка; не особенно онъ вѣритъ и въ саму культуру, но зато онъ вѣритъ съ почти фанатической горячностью въ могущество, правду и красоту природы и ея силъ. Онъ, если позволительно такъ выразиться, прирожденный и, пожалуй, мало сознательный руссотистъ. У него этотъ руссотизмъ, только безъ его сантиментальности и французской вылощенности, не убѣжденіе, а скорѣе именно вѣра,—та самая вѣра, которой въ человѣческомъ сердцѣ много мѣста. Въ такой вѣрѣ, несомнѣнно, много силы, много элементовъ активности. И потому-то талантъ г. Горькаго есть талантъ по преимуществу мужественный или, лучше сказать, активный. Авторъ всегда и вездѣ горитъ жаждой призыва къ дѣлу, къ борьбѣ противъ всего, что представляется ему задержкой для дѣятельности, для безпрепятственнаго движенія естественныхъ силъ, таящихся въ человѣческой груди. Онъ хотѣлъ бы снести, устранить всѣ культурныя препоны, лежащія на пути потока этихъ естественныхъ силъ; онъ негодуетъ, даже яростно кричитъ на эти препоны, онъ искренно ненавидитъ ихъ.

„Разсудокъ становится невѣроятно дѣятеленъ и гибокъ, когда чувству человѣка нужна маска, чтобы скрыть за ней грубую истину своихъ запросовъ. По существу своему *прямое и правдивое, какъ всякая сила, чувство*, когда оно разбито жизнью или изломано чрезмѣрными усиліями сдержать его порывы холодной уздой разума, лишается и правдивости, и прямоты, оставаясь только грубымъ. И тогда, нуждаясь въ прикрытіи своей слабости и грубости, оно обращается за помощью къ великой способности разсудка придавать лжи физіономію истины",—

такова основная идея повѣсти г. Горькаго, такова тема, на которую она написана. Ничего, разумѣется, ни новаго, ни любопытнаго въ такой идеѣ нѣтъ. Въ примѣненіи ея къ чувству половой любви она приводится, въ сущности, къ простому реабилитированію первоначальнаго и неискоренимаго инстинкта съ одной стороны, а съ другой—къ срыванію съ этой первоначальной основы чувства наросшихъ на него въ теченіе многовѣковаго культурнаго развитія „ризокъ“ разныхъ производныхъ чувствъ, — однимъ словомъ, это оголеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ возвеличеніе инстинкта, такъ что оголеніе героини повѣсти г. Горькаго есть не простая порнографія, а до извѣстной степени символъ. Авторъ не только оголилъ свою героиню, онъ и обожествилъ ее, и преклонился предъ воплощеннымъ въ ней инстинктомъ. Обожествивъ естественную силу въ лицѣ Вареньки, онъ совершенно осмѣялъ и проклялъ культурную слабость въ борьбѣ съ инстинктомъ въ лицѣ Полканова. Вся повѣсть и представляетъ разсказъ о борьбѣ стремленій, развитыхъ исторіей въ душевной жизни культурнаго человѣка, съ оголеннымъ, но могучимъ инстинктомъ. И инстинктъ побѣждаетъ. Онъ валитъ въ грязь культурнаго человѣка, онъ хлещетъ его въ лицо грязной и мокрой тряпкой.

Инстинктъ захватываетъ въ свою власть бѣднаго приватъ-доцента въ первую же минуту, какъ только онъ увидалъ Вареньку, это поразительное красивое и здоровое животное, эту идеальную самку. Онъ „былъ точно оглушенъ ударомъ и умъ его, всегда ясный, смутился предъ силой внезапно и хаотически взволнованныхъ чувствъ...“ А въ ней „было нѣчто хищное въ изгибѣ ея носа и въ мелкихъ зубахъ, блестѣвшихъ изъ-за сочныхъ губъ, а ея поза, полная непринужденной прелести, напоминала о граціи сытыхъ и избалованныхъ кошекъ...“ „Полканову казалось, что онъ раздвоился: одна половина его существа поглощена этой чувственной красотой и рабски созерцаетъ ее, а другая механически отмѣчаетъ состояніе первой и чувствуетъ, что утратила власть надъ ней“. Можно сомнѣваться, чтобы захватъ инстинктомъ культурнаго, хотя и слабовольнаго человѣка происходилъ именно такимъ образомъ, такъ быстропалительно и безъ всякихъ, такъ сказать, церемоній; но самый характеръ захвата изображенъ довольно ярко.

Но Полкановъ на то и культурный человѣкъ, чтобы не быть въ состояніи отдаться власти инстинкта, не соблюдая по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ аппарансовъ. А г. Горькій безжалостенъ ко всякимъ аппарансамъ. Возможно, что послѣдняя сцена его повѣсти имѣла бы иное окончаніе, еслибы Полкановъ могъ отдаться инстинкту „безъ тоски, безъ думы роковой“. Но онъ не можетъ отдаться; онъ, презрѣнный культурный человѣкъ, не умѣетъ хотѣть одного прекраснаго тѣла, одного только оригинальнаго женскаго сердца во всей его первобытной дикости; онъ хочетъ ко всему этому еще и развитаго женскаго ума. „Все, что говорила Варенька (кстати сказать, она говорила не то, что могла бы по настоящему говорить такая первобытная особа, а то, что было угодно вложить въ ея уста г. Горькому), какъ нельзя болѣе гармонировало съ ея хищной красотой. Предъ нимъ былъ умъ, не отшлифованный культурой, оскорблявшій его своей грубостью, и женщина соблазнительно прекрасная, раздражавшая его чувственность“. И авторъ, повидимому, глубоко презираетъ культурнаго человѣка за то, что тотъ въ такія-то минуты можетъ оскорбляться грубостью ума, не отшлифованнаго культурой. И авторъ казнитъ Полканова именно за его неумѣнье отнестись къ запросу инстинкта такъ просто, какъ

того требуетъ природа. „Дѣвушка, непоправимо испорченная уродливой средой, недоступная внушеніямъ здраваго смысла, непоколебимо твердая въ своихъ заблужденіяхъ,—эта странная дѣвушка въ теченіе какихъ-то трехъ мѣсяцевъ превратила его въ чувственное животное. И онъ чувствовалъ себя подавленнымъ позоромъ факта“. Такъ думаетъ самъ Полкановъ, но не такъ думаетъ авторъ. Онъ отвѣчаетъ Полканову краткимъ, презрительнымъ отзывомъ: „вялое сердце!“ „Въ его влеченіи къ ней есть много настойчивости, но нѣтъ силы“. И за это отсутствіе силы Варенька и избиваетъ своего поклонника, этого культурнаго горе-богатыря, грязной тряпицей.

Нота, звучащая въ повѣсти г. Горькаго, повторяемъ, совсѣмъ не новая. Припомните хотя бы героя *Аси* или Молотова и его отношенія съ кисейной барышней. Все это герои „вялаго сердца“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все это пѣсни торжествующей любви въ нѣкоторомъ родѣ. Но правда и то, что нигдѣ эта нота не звучала такъ рѣзко и такъ некрасиво, какъ у г. Горькаго. И это понятно. Тѣ, старые, все же любили и даже уважали (насколько, конечно, людей съ вялымъ сердцемъ уважать можно) культурнаго человѣка, а главное—самоё культуру и ея пріобрѣтенія, иногда никуда негодныя и прямо-таки вредныя, но иногда и весьма цѣнныя. А г. Горькій ихъ ненавидитъ и презираетъ. Онъ не особенно высокаго мнѣнія и о силѣ ума; а тѣ, старые, жили въ такое время, когда въ силу ума люди еще не извѣрились, когда чувство считалось хотя и сильнымъ, но все же второстепеннымъ факторомъ прогрессивнаго движенія человѣчества. Потому-то реабилитація инстинкта у тѣхъ, у старыхъ, не могла получить такого оголеннаго вида, какъ у г. Горькаго.

И, однако, не даромъ же при чтеніи повѣсти г. Горькаго о старомъ вспоминается. Фактъ несомнѣнный, что тогда, въ старое и полузабытое нами время, когда смѣло и безбоязненно ставились вопросы самые разнообразные, ставились вопросы о силѣ и законности инстинкта, дѣлались и попытки сорвать съ инстинкта облекающія его ризы. Съ тѣхъ поръ мы поумнѣли и обо всемъ этомъ позабыли довольно основательно. И можетъ быть, и хорошо сдѣлали, что забыли. Въ жизни, въ особенности въ русской жизни, слишкомъ много такого, о чемъ приходится думать и помнить. И не такую ужъ важную роль въ самомъ дѣлѣ играетъ инстинктъ въ жизни человѣка вообще, чтобы исключительно заниматься вопросомъ о немъ. Не такую—это правда, а все же и не маленькую. И, можетъ быть, повѣсть г. Горькаго, несмотря на то, что въ ней, по выраженію Ожешковой, „идеалы залиты грязною водой изъ помойныхъ ямъ и приняли названіе картинъ съ натуры“, все-таки и вниманія заслуживаетъ и даже нѣкоторую заслугу представляетъ. Не все же только морализировать по поводу этихъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ. Иногда не мѣшаетъ и анализировать ихъ.

Мы не разъ уже по поводу г. Горькаго вспоминали о Помяловскомъ, вспомнили о немъ и на этотъ разъ. Нѣкоторыя сходства, хотя и не заимствованія, мы встрѣчаемъ и въ „Варенькѣ Олесовой“. Полковникъ Олесовъ, наприм., напоминаетъ другого полковника въ неоконченномъ романѣ Помяловскаго: „Братъ и сестра“. Правда, Олесовъ не называетъ Вареньку „кобылой“, какъ полковникъ Помяловскаго, но типъ тотъ же. Это, разумѣется, не особенно важно. Но въ типѣ сестры профессора, Елизаветы Сергѣевны, намъ чуется внушеніе намѣренія Помяловскаго разоблачить Одинцову и показать чита-

телю, что̀ кроется въ этой красивой женщинѣ... Помните, какъ она съ тихою улыбкой засыпаетъ, вся чистая, на чистомъ бѣльѣ. Эта картина дразнила и раздражала разночинца Помяловскаго. Дразнитъ и раздражаетъ она и г. Горькаго. У обоихъ у нихъ является непреодолимое желаніе вскрыть и анатомировать этотъ чудный цвѣтокъ искусственной барской культуры. У г. Горькаго это лицо эпизодическое и, однако, оно лучшее въ повѣсти по его правдивости и смѣлости рисунка. Ужъ очень много искренней злобы и ненависти вложилъ авторъ въ изображеніе этого благоуханнаго, но ядовитаго цвѣтка.

Трудно съ однимъ настроеніемъ, съ одними недодуманными мыслями, съ одною вѣрой въ правду природы браться за разрѣшеніе вопросовъ, можетъ быть наиболѣе сложныхъ и во всякомъ случаѣ наиболѣе интимныхъ изъ всѣхъ вопросовъ, предъявляемыхъ человѣчеству природой и исторіей. Для ихъ разрѣшенія болѣе сложный багажъ требуется.

Еслибъ можно было судить о настроеніи культурнаго общества по произведеніямъ нашихъ беллетристовъ, можно было бы подумать, что мы переживаемъ теперь какую-то странную полосу такого настроенія, которое можно назвать *мужскимъ покаяніемъ*. Какъ будто нашимъ общимъ лозунгомъ сдѣлалось вышеупомянутое изреченіе: всѣ мы мерзавцы! *Мы*, т.-е. мужчины. Мы не будемъ, конечно, отрицать, что подобная струйка въ настроеніи культурнаго общества имѣется—и хорошо, что она имѣется. Ни одинъ благомыслящій мужчина не посмѣетъ, разумѣется, отрицать, что *мы*, т.-е. мужчины, во многомъ виноваты передъ женщиной и что вообще каяться намъ есть въ чемъ. Но вообще-то есть все же modus in rebus. И наврядъ мы заслуживаемъ такого суроваго и безапелляціоннаго осужденія. Во всякомъ случаѣ противъ него возмущается не одно только чувство мужской гордости, а и простое чувство человѣческой справедливости. И потому въ особенности возмущается, что защитники и преимущественно защитницы мнѣнія о мужской виновности черезчуръ часто бываютъ неумѣренны и неумѣлы, такъ что только вредятъ своему, по-истинѣ святому, дѣлу права женщины на свободу и независимость. Примѣромъ подобной и неумѣлой защиты святого дѣла можетъ служить хотя бы повѣсть г-жи Шапиръ: „Не повѣрили“. Въ этомъ смыслѣ это любопытное и притомъ совершенно истеричное произведеніе. На каждой страницѣ его читатель встрѣчаетъ громкія и свирѣпыя анаѳемы обществу и въ особенности мужчинамъ, которыхъ истерическая героиня повѣсти такъ-таки прямо и именуетъ самыми что ни на есть безпримѣсными животными и мерзавцами. Чѣмъ же эти „мерзавцы“ заслужили такія анаѳемы? А просто тѣмъ, что они не вѣрятъ искреннему желанію Марты исправить сдѣланную ею ошибку и добиться честной самостоятельности. Подлая это, конечно, штука—не вѣрить искреннему стремленію страдающаго человѣка избавиться отъ страданій. Подлая и—глупая. Но Марта, героиня повѣсти г-жи Шапиръ, прежде всего неизлѣчимая истеричка. Какъ и всякая истеричка, она много лжетъ, много ломается, хотя и много и искренно страдаетъ. Вся ея жизнь, даже помимо совершенной ею ошибки, сводилась къ тому, что она была блестящей, разноцвѣтной и желающей порхать съ одного цвѣтка на другой бабочкой—и притомъ бабочкой довольно-таки развращенной, безсердечной и даже злой. Работать она не умѣетъ, да и не хочетъ работать. Когда она чувствуетъ всю тяжесть жизни содержанки, она не можетъ выдумать ничего лучшаго, какъ только претензіи на поступленіе въ оперу, причемъ ни пѣть она не умѣетъ, ни голоса у ней нѣтъ. И вотъ она-то

и сердится, что ей не вѣрятъ, что принять въ оперу за одни хорошенькіе глазки ее не хотятъ, хотя и примутъ, пожалуй, за нѣчто болѣе существенное и подлое. А главное, и хотѣть-то она не умѣетъ, воли у ней нѣтъ; да и слишкомъ ужъ она бездѣльная бабочка. И вотъ такая-то особа анаѳемствуетъ и общество, и мужчинъ... И выходитъ даже не жалостно, а просто смѣшно. Несомнѣно вѣдь, что и общество и мужчины виноваты даже вотъ предъ такими Мартами... ну хоть бы въ томъ, что они вмѣсто того, чтобы приласкать и лѣчить ихъ, то имъ ноги цѣлуютъ, то хлещутъ плетью казацкой. И все же только смѣшно. И смѣшно потому, что въ намѣреніяхъ автора видится нѣкое „покушеніе съ негодными средствами“. Тутъ мѣсто не анаѳемамъ, а только тихимъ жалобамъ. И дѣйствительно, въ подобныхъ случаяхъ тихія жалобы куда подѣйствительнѣе анаѳемъ. Анаѳемствовать съ успѣхомъ можетъ только сила, а отнюдь не слабость, и не болѣзнь слабаго человѣка—болѣзнь сильнаго, та анаѳемствовать можетъ, и съ успѣхомъ. А то, помилуйте, съ одной стороны права личности, независимость и человѣческое достоинство, а съ другой—форменная неврастенія и большая истерія. Вѣдь это простое недоразумѣніе, въ которомъ, впрочемъ, повинны и не такія писательницы, какъ г-жа Шапиръ, а иногда и очень большіе писатели вродѣ Ибсена. Галлюцинаты, истерики и неврастеники, конечно, люди — и какъ таковые, они имѣютъ право на приличествующее всякому человѣку вниманіе. Но было бы злоупотребленіемъ и языка, и мысли дѣлать изъ нихъ героевъ и защитниковъ правъ личности. Они не столько на права личности претензіи имѣть могутъ, сколько на жалость и пощаду... Неумѣлая это защита святого дѣла.

Если мы сами все болѣе и болѣе утрачиваемъ способность быть умѣлыми и трезвыми защитниками святого дѣла женскихъ правъ—дѣла, однако, настоятельно необходимаго и для насъ, какъ и для нашихъ собратій по борьбѣ, для европейцевъ,—то намъ не мѣшаетъ обращаться почаще къ ихъ поученіямъ. Однимъ изъ замѣчательныхъ борцовъ за права женщинъ, за ея право сдѣлаться активнымъ агентомъ въ дѣлѣ человѣческаго прогресса, мы можемъ признать польскую Жоржъ Зандъ, Элизу Ожешкову... Въ свой юбилей эта замѣчательная писательница получила поздравленія отъ многихъ женскихъ обществъ Германіи и отвѣтила нѣмецкимъ женщинамъ открытымъ письмомъ: „О равноправности женщинъ предъ лицомъ знанія, труда и человѣческаго достоинства“. Это письмо замѣчательно потому, что оно до нѣкоторой степени переноситъ вопросъ о равноправности женщинъ на такую почву, на которую до сихъ поръ мало обращали вниманія. „Въ продолженіе многихъ вѣковъ,—замѣчаетъ г-жа Ожешкова,—столько говорилось о томъ, что женщина—представительница и жрица добра и красоты, что весьма легко въ ея умѣ могло образоваться ошибочное мнѣніе, будто въ этомъ направленіи ни желать, ни пріобрѣтать ей ничего не слѣдуетъ... Притомъ наука сама по себѣ такъ привлекательна и достигаемые ею практическіе результаты такъ велики, что предъ ней добродѣтель какъ будто блѣднѣетъ и отступаетъ на второй планъ... Движеніе женщинъ къ знанію,—продолжаетъ г-жа Ожешкова,—было потому необходимымъ. Всѣ мы, каждая въ свое время, старались способствовать этому движенію; всѣ мы чувствовали его справедливость и спасительную силу... Мы не могли знать, можетъ ли дать намъ это движеніе все, что нужно, все, чего намъ недостаетъ; мы не знали тогда, не должна ли рядомъ съ нимъ идти

другая линія, параллельная ей и равнозначущая... Можно ли сказать,— спрашиваетъ далѣе г-жа Ожешкова,—что одновременно съ нашимъ научнымъ и спеціальнымъ образованіемъ поднялся также и нашъ нравственный уровень? Позволительно спросить, увеличилась ли среди женщинъ въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій сумма нравственныхъ качествъ пропорціонально суммѣ научныхъ и спеціальныхъ знаній? Нѣтъ. Изъ двухъ параллельныхъ линій прогресса одна удлинялась весьма быстро, а другая—осталась далеко позади; разница въ ихъ длинѣ и составляетъ то уклоненіе, на которое я желала указать.

„Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что мы стали болѣе интеллигентны и менѣе зависимы отъ чужого труда? Но нѣтъ доводовъ въ пользу того, чтобы мы сдѣлались лучше, чище, справедливѣе... Можно ли сказать, что самыя лучшія изъ насъ настолько лучше нашихъ прабабушекъ, насколько мы просвѣщеннѣе ихъ? Можно ли утверждать, что сердца и дѣйствія лучшихъ правнучекъ обнаруживаютъ этику болѣе широкую и глубокую, тверже и разумнѣе примѣняемую, нежели этическія правила непросвѣщенныхъ прабабушекъ? Весьма сомнительно... Вездѣ—стремленіе къ наукѣ и труду съ цѣлью заработка, что̀ законно и желательно, нигдѣ—порывовъ въ нравственную сферу идеала, что̀ прискорбно. Новыя и постоянно возрастающія умственныя силы съ одной стороны, и поблекшими чернилами рутины написанныя правила съ другой. Самосознаніе и самостоятельность въ умственной и экономической сферахъ, а въ нравственной все тѣ же оконныя стеклышки, хотя и въ роскошной оправѣ... Зданіе наше воздвигается криво, и та его половина, которая клонится къ землѣ, можетъ способствовать паденію другой, направленной къ небу, потому что никакая ученость, никакіе заработки не въ состояніи сдѣлать изъ дурного человѣка и эгоиста полезнаго члена общества, способствующаго его развитію и счастію".

Такимъ образомъ, г-жа Ожешкова напоминаетъ современной женщинѣ, что при ея законныхъ стремленіяхъ къ правамъ она не должна забывать о связи этихъ правъ съ обязанностями. Напоминаніе вполнѣ законное. Право не можетъ считаться чѣмъ-то довлѣющимъ само себѣ; оно существуетъ не ради блага одной только личности, а и ради блага общества, и потому право всегда превращается въ обязанность. Въ самомъ дѣлѣ, обществу не было бы никакого дѣла до права личности, наприм., на знаніе, еслибъ это знаніе не было нужно для цѣлей цѣлаго, для его счастья. При разсмотрѣніи вопроса о правахъ женщинъ это, къ сожалѣнію, часто забывалось, и женщины должны быть благодарны великой писательницѣ, что она напоминаетъ имъ объ этомъ.

Мы не послѣдуемъ за г-жей Ожешковой въ томъ, что она сама называетъ своей мечтой,—за ея мечтаніями о женщинѣ XX вѣка, о „женщинѣ-апостолѣ, женщинѣ-реформаторѣ, мудрецѣ и ангелѣ вмѣстѣ". Многимъ изъ нашихъ читателей и даже читательницъ такія мечты могутъ казаться утопичными и сантиментальными. Не можемъ, однако, не замѣтить, что такія мечтанія,—если они только мечтанія,—имѣютъ въ себѣ нѣчто трогательное и глубоко утѣшительное. Людямъ, извѣрившимся въ идеалы, въ людей,—а такихъ людей очень много теперь, даже черезчуръ много,—только и остается, можетъ быть, одна вѣра въ женщину и въ великую силу ея сердца и въ еще мало извѣданную силу ея ума. Въ самомъ дѣлѣ, по справедливому замѣчанію г-жи Ожешковой: „не женщина создала на землѣ войну, пытки и дипломатію, не она объявила грубую силу царицей нашего вѣка". И потому ея торже-

ство, даже ея владычество, можетъ быть предвѣстникомъ уничтоженія того ига, подъ бременемъ котораго человѣчество сгибаетъ свою выю.

Въ заключеніе г-жа Ожешкова рекомендуетъ нѣмецкимъ женщинамъ образованіе „Союза добродѣтели". Читатель не долженъ обманываться такимъ, нѣсколько чуждымъ для современнаго мышленія, названіемъ. Г-жа Ожешкова не просто моралистка и не объ одномъ самоусовершенствованіи она говоритъ. Слишкомъ хорошо она знаетъ о взаимозависимости личности и учрежденій, чтобы попасть въ такую западню, въ которой бьется мысль чистыхъ моралистовъ. Если она и говоритъ о „закаливаніи воли и воспитаніи въ себѣ чувства солидарности", то она говоритъ также и о „приготовленіи лучшей эпохи и о *сопротивленіи словомъ и дѣломъ всему, что представляетъ собою нравственное или физическое насиліе, производимое единичной или коллективной личностью надъ другой личностью*".

Такимъ образомъ, г-жу Ожешкову было бы трудно упрекнуть въ безплодномъ морализированіи. Ея мораль есть мораль активная; ея добро есть добро дѣятельное. Но ошибка въ ея разсужденіяхъ все-таки есть— и эта ошибка глубокая, принципіальная и потому самому роковая для самого дѣла женщинъ. Эта ошибка состоитъ въ ложности предлагаемаго ей метода дѣйствія. Почему рекомендуемый ею „Союзъ добродѣтели" долженъ быть образованъ женщинами и только однѣми ими? Если не женщина создала войну, пытку и дипломатію, если не она провозгласила грубую силу царицей міра, и потому она способнѣе къ образованію такого союза, то для мужчины, создавшаго всѣ эти бѣдствія, такой союзъ является болѣе настоятельной потребностью. Вѣдь это ему нужно отречься отъ всѣхъ этихъ его созданій, а не женщинѣ; а отреченіе отъ своего созданія трудно; для него именно и требуются коллективныя усилія. И потомъ развѣ женскій вопросъ есть вопросъ дѣйствительно только женскій, развѣ онъ не настолько же и мужской или, вѣрнѣе сказать, общественный, всечеловѣческій? И развѣ работать для его рѣшенія не есть обязанность всѣхъ людей? Въ предложеніи г-жи Ожешковой мы видимъ поэтому ту спеціально женскую исключительность, которая въ концѣ-концовъ вредитъ самимъ женщинамъ и ихъ работѣ. Женское дѣло слишкомъ связано съ мужскимъ, чтобъ ихъ раздѣлить было можно. Естественный процессъ историческаго развитія слишкомъ долго работалъ въ направленіи такого раздѣленія; онъ причинилъ слишкомъ много страданій и женщинѣ, и мужчинѣ, и всему человѣчеству, какъ и всякій естественный процессъ, и человѣчество въ иномъ грядущемъ процессѣ историческаго развитія, въ процессѣ сознательномъ и цѣлесообразномъ, должно идти не по тому пути, по какому шелъ естественный процессъ. И направленіе движенія и методъ дѣйствія должны быть иными, чѣмъ естественные пути и методы. Счастіе человѣчества находится не на дорогѣ разъединенія, а на пути общей коллективной дѣятельности мужчинъ и женщинъ. А потомъ схема г-жи Ожешковой страдаетъ абстрактностью. Она игнорируетъ фактическія разслоенія общества, такъ же вліяющія на женскій вопросъ, какъ и на всѣ иные вопросы человѣчества. Судьба женскихъ правъ слишкомъ связана съ судьбой грядущей демократіи, чтобы эти два вопроса можно было разсматривать отдѣльно. Въ „Союзѣ добродѣтели" не всѣмъ женщинамъ мѣсто, также какъ и не всѣмъ мужчинамъ. Только проникновеніе этого „Союза" истинно демократической идеей можетъ сдѣлать его не пустой игрой, а настоящимъ, серьезнымъ дѣломъ.

Празднымъ тутъ дѣлать нечего,—тутъ работа для труждающихся и обремененныхъ.

Въ своихъ простенькихъ и миленькихъ картинкахъ деревенской дѣйствительности г. Хлоповъ (*Захолустные очерки, Міръ Божій*) погружаетъ насъ прямо въ атмосферу нашихъ житейскихъ низменностей. Г. Хлоповъ безпритязательно, просто, безъ всякихъ предвзятыхъ теорій разсказываетъ о страстной жаждѣ крестьянства, и въ особенности крестьянскаго молодого поколѣнія, къ знанію и о неудовлетвореніи этой жажды. Сельскій учитель устраиваетъ чтенія въ своей школѣ и потомъ разсказываетъ о нихъ автору. „Народу-то? Полно. Понимаете, яблоку упасть негдѣ. Боялся, подавятъ другъ друга“.

Сталъ впускать, и живо полну свою училку напустилъ. Вотъ и говорю своему сторожу: ну, Сазонычъ, болѣ не пущай,—некуда. Глядь въ окно, а Сазоныча атакуютъ на всѣхъ пунктахъ; онъ стоитъ на крыльцѣ и публику метлой лупитъ, а у него подъ руками и подъ ногами непріятель прорывается. Вотъ, стало быть, интересъ-то какой! Его метлой, а онъ все лѣзетъ. Вы поймите это стремленіе-то къ свѣту! Вѣдь человѣка по мордѣ метлой лупятъ, а онъ все лѣзетъ: бей, да пусти только. Вы поймите-ка, что я-то въ это время чувствовалъ; прямо города бралъ, такъ бы съ ними вмѣстѣ своего Сазоныча атаковать и побѣжалъ бы. Такъ меня и подмываетъ на улицу выбѣжать, да козла какого-нибудь выкинуть. Ты пойми, сколько тутъ,—продолжаетъ нашедшій свое родное дѣло разночинецъ,—самой злой ироніи; я, понимаешь, душу свою готовъ отдать, чтобы дать имъ хоть капельку свѣта... и я же долженъ гнать ихъ отъ него. Онъ къ свѣту, а его метлой по мордѣ. Всю ночь мнѣ мальченко-то (котораго учитель, пускавшій только взрослыхъ, не пустилъ на чтеніе) грезился. Пусти, говоритъ, дяденька. Вѣдь это что? Прямо жалость. Проситъ хлѣба, а его метлой по мордѣ: не проси“.

Такъ вотъ какіе вопросы ставитъ намъ наша реальная низменность. Какъ они отличны отъ тѣхъ вопросовъ, которые ставятся и дебатируются на горнихъ высяхъ идеала. А вотъ и отвѣты, которые даетъ на эти вопросы реальная жизнь. Къ концу зимы учитель пришелъ прощаться; онъ уходилъ изъ школы въ правленіе желѣзной дороги—пробѣги высчитывать. „Надоѣла ужъ эта исторія,—объяснилъ онъ автору,—только осмотришься на мѣстѣ, приглядишься къ народу, только народъ къ тебѣ привыкать станетъ—глядь, тебя какъ какую-нибудь мебель хозяинъ переноситъ туда, гдѣ эта мебель, по его мнѣнію, нужнѣе; а что эта мебель пустила здѣсь корни, привыкла къ мѣсту, къ людямъ—это все на смарку“.

Такъ называемую либеральную печать слишкомъ часто упрекали въ томъ, будто она теоретизируетъ по поводу разныхъ вопросовъ жизни, что она выдумываетъ запросы и требованія народа, которыхъ-де въ дѣйствительности народъ не предъявляетъ, которыхъ-де сама жизнь и не знаетъ. Несмотря на очевидную вздорность подобныхъ обвиненій, никогда не вредно указать обвинителямъ на фактическія, оффиціально засвидѣтельствованныя данныя, доказывающія правильность постановки и рѣшенія нашей либеральной печатью вопросовъ дѣйствительности и полную солидарность требованій этой печати съ требованіями народной массы. Такія данныя заключаются, напримѣръ, въ большой статьѣ т. с. Плющевскаго-Плющика, напечатанной въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, объ однодневной переписи въ губерніяхъ Тверской, Ярославской и Костромской. Изъ отзывовъ завѣдывавшихъ и счетчиковъ читатель легко можетъ узнать, гдѣ у народа, какъ гово-

рится, башмакъ жметъ, что у него болитъ и какое средство онъ самъ считаетъ наиболѣе подходящимъ для исцѣленія его боли.

Мы можемъ оставить въ сторонѣ всѣ показанія счетчиковъ относительно раскола. Нельзя, впрочемъ, пройти мимо такого, напримѣръ, факта, очень внушительнаго въ смыслѣ доказательства потребности народа въ признаніи свободы совѣсти; въ Даниловскомъ уѣздѣ при переписи семьи одного крестьянина старообрядца, онъ заявилъ, что онъ діаконъ австрійской іерархіи, а проживающій у него дядя—іерей австрійскаго священства, и оба настойчиво просили записать ихъ іереемъ и діакономъ и даже какіе-то лоскутки бумажки предъявляли для доказательства законности своихъ требованій. „Бумажку эту, которую счетчикъ признаетъ за раскольничью прокламацію, напечатанную для предъявленія темному люду, какъ нѣчто оффиціальное, у счетчика, желавшаго показать ее земскому начальнику, крестьянинъ не оставилъ“.

Появившіеся толки и объясненія по поводу переписи, будучи фактами не единичными, но наблюдаемыми одновременно въ разныхъ мѣстахъ обширной территоріи, представляютъ тѣмъ большій интересъ, что въ нихъ выразились, хотя и не вполнѣ, характерныя черты народнаго самосознанія и существеннѣйшія потребности народной жизни,—основательно замѣчаетъ хроникеръ *Русскаго Богатства*. Первыя извѣстія о переписи возбудили разныя ожиданія въ народѣ; всѣ были увѣрены, что перепись дѣлается не даромъ, что наступятъ какія-то послѣдствія общаго характера. Разнымъ разъясненіямъ народъ не вѣрилъ. „Такъ, зря, по пустякамъ заводить такое дѣло не будутъ“,—говорили крестьяне,—а если крестьяне начинали вѣрить объясненіямъ, то начинали и относиться къ переписи равнодушно, какъ къ „государственной затѣѣ“. На вопросъ одного крестьянина: „къ чему же этакая ломка, ежели не будетъ прибавки земли?“—староста отвѣтилъ:—„Чего тебѣ еще; вишь, царю батюшкѣ охота знать, сколько у него въ Россіи народу всякаго проживаетъ; вотъ и пошла суета на всю имперію“. Было два преобладающихъ объясненія переписи,—толки о передѣлѣ земли и о налогахъ. Эти толки,—по словамъ г. Плющевскаго-Плющика,—были *безусловно господствующими повсемѣстно*, во всѣхъ уголкахъ трехъ губерній. Толки о землѣ охватывали все крестьянское населеніе, толки о налогахъ городское и сельское промышленное. Вообще отношеніе крестьянства къ переписи было оптимистическое, потому что оно вѣрило, все цѣликомъ, въ то, что предпринята она съ цѣлью улучшенія его быта посредствомъ прибавки земли всѣмъ нуждающимся. „Наиболѣе вѣрнымъ выразителемъ настроенія крестьянскаго населенія,—говоритъ г. Плющевскій,—слѣдуетъ признать отзывъ завѣдывавшаго переписью въ Буйскомъ уѣздѣ, который заявилъ, что всѣ толки сводились къ тому, что земли мало, а вотъ теперь всѣхъ перепишутъ и прибавятъ земли по числу ѣдоковъ“. Любопытны методы рѣшенія земельнаго и налоговаго вопросовъ, выработанные сознаніемъ и совѣстью крестьянства. Считая, что крестьянамъ необходимо прибавить земли, народные толки даже не намекаютъ на то, чтобы это было сдѣлано иначе, какъ по почину правительства. Въ связи съ вопросомъ о землѣ были слухи и о переселеніи. Перепись дѣлается для разселенія, гдѣ посвободнѣе. Переселеніе направится въ мѣста, гдѣ мало народу или вообще кудanибудь,—толковали крестьяне. Въ Ветлужскомъ уѣздѣ значеніе переписи объясняли такъ: „Государь, пріобрѣтя въ Китаѣ земли, повелѣлъ произвести перепись для того, чтобы узнать, сколько потребно земли для его государства и если у кого окажется большая семья,

а земли мало, то такимъ предложатъ, но безъ всякаго принужденія, переселиться на китайскія земли". Были, однако, толки и о насильственномъ переселеніи. Любопытно, между прочимъ, то, что крестьянство не прочь прогнать казаковъ съ Дона подальше. „Государь нашъ съ Дона казаковъ туда (въ Китай) перегнать хочетъ, а на Донъ будетъ отсюда переселять, будетъ добровольно приглашать". Въ городахъ настроеніе по поводу переписи было менѣе оптимистичнымъ. Тамъ ее связывали съ вопросомъ о налогахъ. Домовладѣльцы боялись увеличенія квартирнаго налога, чиновники установленія личнаго подоходнаго налога, ремесленники тоже боялись новыхъ сборовъ. Одно только крестьянство и въ вопросѣ о налогахъ осталось вѣрно себѣ: оно не боится ихъ, разъ только будетъ рѣшенъ въ желательномъ для него направленіи земельный вопросъ. Въ Мологскомъ уѣздѣ говорили, что перепись на пользу крестьянъ: „вотъ, видишь ли,—говорили мужики,—хотятъ обложить землю по два рубля за десятину, и у владѣльцевъ, и у крестьянъ одинаково. Тогда владѣльцамъ не выгодно будетъ имѣть много земли безъ употребленія и они будутъ продавать ее крестьянамъ; такимъ образомъ владѣнія всѣхъ уравняются".

Въ оптимистическомъ взглядѣ народа на перепись не было, однако, отсутствія и нѣкоторыхъ скептическихъ нотокъ. „И то сказать,—говорили кое-гдѣ крестьяне,—надо, вѣдь, людямъ хлѣбъ давать; во, гляди, попишетъ, попишетъ,—ну, и заработаетъ на хлѣбъ, да на воду. А въ Питерѣ-то ужотка сколько шантрапы куль этого дѣла кормиться будутъ... Ничего, мы отвѣтимъ; все, вѣдь, гляди, съ насъ же сойдетъ; наложатъ куда лишнюю копеечку, вотъ и бумага окупится и членамъ заплатятъ". Въ Юрьевецкомъ уѣздѣ крестьяне говорили, что перепись—для господъ подспорье. „Насъ-то отобрали у господъ, они обѣднѣли и добыть имъ негдѣ, да и не могутъ,—слабосильны, нѣжны. Вотъ батюшка царь ихъ жалѣетъ и даетъ имъ кусокъ хлѣба. Вѣдь шутка ли—переписать да пересчитать всю Россію; имъ надолго хватитъ, чай сто милліоновъ изведетъ"?

Такъ вотъ какіе запросы и требованія предъявляютъ крестьянское сознаніе и крестьянская совѣсть. И предъявляютъ они ихъ не только теперь, не только по поводу переписи; ихъ давно уже отмѣтила и, поскольку отъ нея это зависѣло, защищала и отстаивала прогрессивная печать.

Вѣстникъ Благотворительности, *№№ 1—12 за 1897 г.*—**Трудовая Помощь,** *№№ 1 и 2 за 1897 г. и №№ 3 и 4 за 1898 г.* Недостатки нашего экономическаго строя выдвинули за послѣднее время вопросъ о необходимости организовать въ Россіи новую отрасль государственнаго управленія—общественное призрѣніе. Съ цѣлью законодательной подготовки этой реформы правительство учредило въ 1892 г. особую коммиссію, дѣятельность которой, наряду съ дѣятельностью возникшихъ въ Москвѣ въ 1894 г. городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ, не мало содѣйствовала зарожденію среди нашего общества интереса къ вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности. Наша печать также отозвалась на эти вопросы, посвятивъ имъ не мало статей и замѣтокъ. Съ цѣлью внести въ печать большее оживленіе, двумя центральными вѣдомствами было основано въ 1897 г. два журнала, спеціально посвященныхъ обсужденію вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности: *Вѣстникъ Благотворительности*, издаваемый вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи, и *Трудовая Помощь*, из-

даваемая попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Врядъ ли нужно доказывать всю пользу, которая можетъ произойти отъ обсужденія въ печати тѣхъ или другихъ вопросовъ какъ для практическаго, такъ и для научнаго ихъ разрѣшенія. Общественное призрѣніе нуждается во всестороннемъ изслѣдованіи и обсужденіи едва ли не болѣе, чѣмъ какая-либо иная отрасль государственнаго управленія. До сихъ поръ еще въ обществѣ распространенъ взглядъ, что задача общественнаго призрѣнія заключается въ томъ, чтобы пріютить, одѣть и накормить бѣдныхъ, для достиженія каковой задачи не требуется какихъ-либо спеціальныхъ знаній, а достаточно одного добраго сердца и здраваго смысла. Лишь за самое послѣднее время начали предъявлять къ помощи, оказываемой бѣднымъ, требованія, чтобъ она не оказывала на послѣднихъ развращающаго вліянія и въ то же время доводилась до конца. Но до сихъ поръ еще громадное большинство лицъ, интересующихся вопросами общественнаго призрѣнія, не подозрѣваетъ, что помощь, будучи раціональной по отношенію къ получающему ее лицу, можетъ въ то же время отражаться чрезвычайно неблагопріятно на остальныхъ лицахъ недостаточныхъ классовъ и что для предотвращенія такихъ нежелательныхъ послѣдствій необходимо основательное знакомство съ политическою экономіей, изучающей тѣ общественныя условія производства и распредѣленія, которыя порождаютъ бѣдность и обусловливаютъ дѣйствительность какъ пріемовъ борьбы съ нею, такъ и формъ помощи бѣднымъ. Все это дѣлаетъ изданіе въ Россіи журнала, посвященнаго научному изслѣдованію и обсужденію вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности, въ высшей степени своевременнымъ и желательнымъ.

Къ сожалѣнію, цѣлый рядъ условій дѣлаетъ это предпріятіе въ Россіи трудно осуществимымъ. Прежде всего общественное призрѣніе является областью, съ научной точки зрѣнія мало изслѣдованной. Правда, законодательство, регулирующее эту отрасль государственнаго управленія, довольно разработано въ такъ называемой наукѣ полицейскаго права. Но изслѣдованіе условій, порождающихъ бѣдность, и соціальнаго значенія тѣхъ или другихъ мѣропріятій, предпринимаемыхъ государствомъ для борьбы съ нею и для оказанія помощи бѣднымъ— такое проникающее въ глубь изслѣдованіе юристами и полицеистами обыкновенно не предпринимается. Экономисты же предпочитаютъ обыкновенно заниматься другими, болѣе крупными и интересными отдѣлами политической экономіи. Въ силу этихъ условій вопросы общественнаго призрѣнія затрогиваются преимущественно практиками и дилетантами, интересующимися этими вопросами, но не обладающими для разрѣшенія ихъ надлежащею научною подготовкой.

Наряду съ недостаткомъ научныхъ силъ слѣдуетъ отмѣтить еще одно препятствіе, которое оказывается роковымъ для нашихъ научныхъ журналовъ. Наше общество слишкомъ слабо поддерживаетъ послѣдніе, почему они далеко не покрываютъ своихъ издержекъ по изданію.

Оба названные журнала не ограничиваютъ своей задачи одной какой-либо отраслью общественнаго призрѣнія, а, наоборотъ, „посвящены, по выраженію одного изъ нихъ, всѣмъ вопросамъ, относящимся до благотворительности и общественнаго призрѣнія“. Въ обоихъ журналахъ имѣется особый отдѣлъ, въ которомъ помѣщаются „узаконенія и распоряженія правительства по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности“ и разнаго рода другіе оффиціальные матеріалы. Въ обоихъ журналахъ ведется также и хроника,

разсматривающая мѣропріятія въ области общественнаго призрѣнія и благотворительности, имѣющія мѣсто какъ въ Россіи, такъ и за границей. Въ программу обоихъ журналовъ входитъ, наконецъ, и литературное обозрѣніе...

Характерны и поучительны недоразумѣнія, возникшія среди членовъ коммиссіи, выработавшей первый проектъ организаціи общественнаго призрѣнія въ Россіи. Здѣсь извѣстный профессоръ Герье напалъ на этотъ проектъ, между прочимъ, за то, что онъ провозгласилъ принципъ государственнаго призрѣнія. „Провозглашеніе призрѣнія бѣдныхъ обязанностью государства, — говоритъ профессоръ,— можетъ быть признано теоретически вѣрнымъ лишь на почвѣ соціализма... Поэтому ни одно еще европейское правительство въ своемъ законодательствѣ не возводило призрѣнія бѣдныхъ въ обязанность государства; какъ Англія, такъ и Германія, гдѣ принципъ обязательной и принудительной благотворительности наиболѣе развитъ, возлагаютъ обязанность призрѣвать бѣдныхъ лишь на приходы, общины и мѣстные союзы оныхъ“... (см. статью С. Сперанскаго: *Труды правительственной коммиссіи по реформѣ дѣйствующаго законодательства о призрѣніи бѣдныхъ*; *Вѣстникъ Благотворительности*, № 3). Очевидно, что почтенный профессоръ отождествляетъ государство съ правительствомъ и не подозрѣваетъ, повидимому, что государственное призрѣніе можетъ почти всецѣло находиться въ завѣдываніи „общинъ и мѣстныхъ союзовъ оныхъ“.

Вѣстникъ Благотворительности, издаваемый „подъ редакціей дѣйствительнаго стат. сов. Евгенія Севастьяновича Шумигорскаго“, носитъ сухой и канцелярскій характеръ. Видно, что и редакторъ, и большинство сотрудниковъ—новички въ литературѣ. Особенно сказывается неопытность этихъ лицъ въ иностранной хроникѣ и литературномъ обозрѣніи. Не говоря уже о томъ, что редакція считаетъ излишнимъ обозначать точно источникъ, изъ котораго она заимствуетъ то или другое извѣстіе и что извлеченія дѣлаются довольно неумѣло и сильно запаздываютъ, не говоря уже обо всемъ этомъ, оба эти отдѣла крайне жидки и носятъ совершенно случайный характеръ. Въ одномъ случаѣ даже редакція, помѣстивъ изложеніе одной нѣмецкой статьи, не сочла нужнымъ привести изложеніе продолженія этой статьи (мы подразумѣваемъ статьи Мангольдта, помѣщенныя въ журналѣ *Sociale Praxis* за 1896—97 г.). Что касается до „хроники русскихъ благотворительныхъ учрежденій“, то ее составляютъ извлеченія изъ отчетовъ послѣднихъ, извѣщенія объ открытіи новыхъ учрежденій и перечень дѣлаемыхъ пожертвованій. Все это придаетъ русской хроникѣ сравнительно съ иностранной хотя и болѣе полный, но зато и болѣе скучный, канцелярскій характеръ. Оригинальныя статьи, помѣщенныя въ разсматриваемомъ журналѣ за 1897 годъ, всѣ мало интересны и содержательны. Пріятнымъ исключеніемъ является большая и крайне содержательная, хотя и нѣсколько сухо написанная статья С. Сперанскаго: *Къ исторіи нищенства въ Россіи*. Статья эта содержитъ наиболѣе полную сводку, какая только имѣется въ русской литературѣ, всѣхъ мѣропріятій, какія принимались нашимъ правительствомъ и обществомъ для борьбы съ названнымъ соціальнымъ явленіемъ. При этомъ авторъ не ограничился тѣми источниками, которыми пользовались лица, писавшія уже по затронутому имъ вопросу, но извлекъ на свѣтъ Божій нѣсколько неиспользованныхъ еще историческихъ документовъ. Особенно интересны тѣ извлеченія изъ сочиненій отцовъ церкви, которыя характери-

зуютъ отношеніе церкви къ милостыни. Вообще статью эту, вышедшую нынѣ отдѣльною брошюрой, нельзя не рекомендовать всякому, интересующемуся исторіей общественнаго призрѣнія въ Россіи. Изъ другихъ статей заслуживаютъ вниманія статья Е. Максимова (*Законодательные вопросы общ. попеченія о бѣдныхъ*) и статья С. Сперанскаго *Нѣкоторыя замѣчанія по поводу проекта организаціи призрѣнія бѣдныхъ* (№ 7). Довольно цѣнными являются помѣщенныя въ журналѣ оффиціальныя приложенія, изъ коихъ заслуживаютъ упоминанія: Сводъ общихъ основаній для проекта положенія объ общественномъ призрѣніи (см. *Вѣстн. Благотв.*, № 4) и Проекты общихъ основаній „Положенія объ общественномъ призрѣніи", №№ 2 и 3 (см. № 6).

Второй изъ разсматриваемыхъ журналовъ—*Трудовая Помощь*—носитъ болѣе живой и научный характеръ, что объясняется, конечно, тѣмъ, что редакторомъ состоитъ В. Дерюжинскій — лицо, обладающее ученою степенью и успѣвшее зарекомендовать себя въ научной литературѣ. Наиболѣе интересными и содержательными статьями, помѣщенными въ первыхъ четырехъ номерахъ разсматриваемаго журнала, являются: *Новая постановка общественнаго призрѣнія во Франціи* В. Ю. Скалона (см. №№ 1 и 2) и *Борьба съ бродяжничествомъ и нищенствомъ въ современной Бельгіи* В. В. Пржевальскаго (№ 2 *Труд. Пом.*). Заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ высказываемымъ авторомъ соображеніямъ и по новизнѣ приводимыхъ имъ матеріаловъ статья Герье: *Что такое домъ трудолюбія* (№ 1) и статья Верта: *Общественныя работы, какъ трудовая помощь нуждающимся* (№ 3). Блестяще написано письмо А. Ѳ. Кони къ редактору *Трудовой Помощи* — *Задачи трудовой помощи*. Изъ оффиціальныхъ матеріаловъ обращаютъ на себя вниманіе матеріалы, касающіеся учрежденія въ С.-Петербургѣ городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ (№ 3). Хроника,—въ особенности же иностранная,—ведется въ разсматриваемомъ журналѣ болѣе систематично и живо, чѣмъ въ *Вѣстникѣ Благотворительности*. Библіографическое и литературное обозрѣніе въ *Трудовой Помощи* пока отсутствуетъ, о чемъ нельзя не пожалѣть. Веденіе этого отдѣла тѣмъ болѣе желательно, что за границей накопился громадный опытъ относительно пригодности тѣхъ или другихъ мѣропріятій общественнаго призрѣнія. И еслибы редакторъ журнала обратился къ англійской литературѣ, въ особенности же къ разнаго рода оффиціальнымъ изданіямъ, то врядъ ли онъ ограничилъ первую задачу своего журнала „выясненіемъ идеи и значенія трудовой помощи, *какъ одного изъ важнѣйшихъ средствъ раціональной постановки дѣла вспомоществованія бѣднымъ*. Если по отношенію къ лицамъ, пользующимся трудовою помощью, она является наиболѣе раціональной, да и то не всегда, какъ вѣрно отмѣтилъ это Вёртъ въ своей вышепоименованной статьѣ, то по своему вліянію на рабочіе классы она является мѣрой прямо-таки нежелательной. Вотъ почему трудовая помощь начинаетъ за-границей терять подъ собой почву и вмѣсто нея начинаютъ прибѣгать къ страхованію на случай безработицы и другимъ экономическимъ мѣропріятіямъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1898 г.

Анненковъ, Г. П. Упрощенная фототипія. Рук. для фотографовъ-любителей. Съ 17 рис. въ текстѣ. Спб., 1898 г.

Барановскій, Ан. Замѣтки о литовскомъ языкѣ и словарѣ. I—VIII. Спб., 1898 г.

Библ. практ. свѣдѣній д-ра Л. Н. Симонова. 1) Сахарометрич. таблицы Mategczek'а и Scheibler'а. Ц. 25 коп. 2) Медовареніе заводск. и домашнее. Ц. 75 к. 3) Квасовареніе и домашнее пивовареніе. Ц. 1 руб. 4) Пивовареніе (заводское и домашнее), квасовареніе и медовареніе. Ц. 3 руб. 50 коп. Спб., 1898 г.

Библ. для самообразованіи. 1) Уоллесъ, Альфр. Руссель. Дарвинизмъ. Ц. 3 р. 2) Чичеринъ, Б. Н. Полит. мыслители древн. и нов. міра. Ц. I вып. 1 р. 75 к. Ц. II вып. 1 р. 75 к. М., 1898 г.

Библіот. образовательная. 1) Чемберсъ. Солнечн. система. Съ 78 рис. Ц. 40 к. 2) Парвусъ. Міровой рынокъ и сельскохозяйственный кризисъ. Ц. 40 к. Изд. Поповой, О. Н. Спб., 1898 г.

Блоцишевски, К. Ссуды подъ залогъ хлѣба. Варшава, 1898 г. Ц. 30 к.

Ванковъ, С. Металлическія сваи въ примѣненіи ихъ къ основаніямъ искуствен. сооруж. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 40 к.

Воеводскій, Л. Ф. Опытъ упрощенія русск. правописанія. Одесса, 1897 г. Ц. 20 к.

Гринченко, Б. Хатка въ Балци.

Головинская, Е. Н. Въ селѣ Спасскомъ (Бытовой очеркъ). М., 1898 г. Ц. 60 к.

Громогласовъ, И. М. Русскій расколъ и вселенск. православіе. Сергіевъ-Посадъ, 1898 г. Ц. 30 к.

Гулевичъ, А. Война и народное хозяйство. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Докладъ елисаветградской земской управы очередному земскому собранію сессіи 1898 г. О взиманіи платы съ амбулаторныхъ больныхъ. Елисаветградъ, 1898 г.

Долгоруковъ, В. А. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Записки западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго географическ. общества. Кн. XXIII. Омскъ, 1898 г.

Зенченко, С. Учебникъ древней исторіи. Вып. I. Востокъ и Греція. М., 1898 г. Ц. 80 к.

Ивановъ, И. С. Сборникъ статей. 1) Болгары русскіе. 2) Болгары княжескіе. Кишиневъ, 1896 г.

Каменскій, П. В. Преподаваніе гражданской морали въ народн. школахъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы. Харьковъ, 1898 г. Ц. 30 к.

Кернъ, Э. Э. Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. М., 1898 г. Ц. 1 р.

Курнатовскій, Г. Дуэль. Историко-догматическое изслѣдованіе. Варшава, 1898 г.

Ланге, Н. Учебникъ логики. Одесса, 1898 г. Ц. 1 р.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Пермской губ. Т. I. Оханскій у. Съ двумя картограммами. Пермь, 1898 г. Ц. 2 р.

Матеріалы для оцѣнки горныхъ заводовъ, рудниковъ и др. мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ въ Уфимской губ. Уфа, 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Михайловъ, И. В. Венерическія болѣзни въ Россійской имперіи по оффиціальнымъ даннымъ медицинскаго департамента за 1896 г. М., 1898 г.

Noikow, P. M. Das Aktivitätsprincip in der Pägagogik Jean-Jacques Rousseau. Leipzig, 1898 г.

Отчетъ о дѣятельности общества содѣйствія народному образованію въ области В. Д. за 1898 годъ. Новочеркаскъ, 1896 г.

Отчетъ Борисоглѣбской публичной библіотеки за 1897 годъ. Борисоглѣбскъ, 1898 г.

Отчетъ коммиссіи по устройству публичныхъ народныхъ чтеній въ г. Москвѣ съ 1895 г. по 1897 г. М., 1898 г.

Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и обществен. библіот. за 1897 г. Минусинскъ, 1898 г.

Penzoldt-Stintzing. Рук. къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Вып. 29. Спб., 1898 г. Ц. 5-ти вып. 6 р.

Письмо открытое къ графу Толстому. Вильна, 1898 г.

Полиновскій, М. Б. Письма дѣвушекъ. Одесса, 1898 г. Ц. 40 к.

Руцкій, П. Къ оазамъ Сахары и по Италіи. Съ 32 видами Африки. Рига, 1898 г. Ц. 1 р.

Сборникъ статей. Выборный мировой судъ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ. Т. I. Уфимскій у. Уфа, 1898 г. Ц. 3 р. 25 к.

Сборникъ учено-литературнаго общества при Импер. Юрьевскомъ университетѣ. Т. I. Юрьевъ, 1898 г. Ц. 2 р.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 101, 103, 104. Спб., 1898 г. Ц. за 1 т. 3 р.

Свѣдѣнія справочныя о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Спб., 1898 г.

Соколовъ, В. Родная рѣчь. Русская хрестоматія для средн. учебн. заведеній. М., 1898 г. Ц. 1-й ч. 1 р., 2-й ч. 1 р. 50 к.

Статистическое описаніе Калужской губ. Т. I. Козельскій уѣздъ. 1) Основныя таблицы. Вып. 1. 2) Ч. I. Общ. условія хозяйства. Ч. II. Крестьянск. хозяйство. Вып. II. Калуга, 1897 г.

Тайлоръ, Эд. Б. Антропологія. Пер. съ англ. И. С. Ивина. Изд. 2-е испр. съ 78 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1898 г. Ц. 2 р.

Филимоновъ, Ф. Стихотворенія. 1) Пѣсни сибирячки. II) Шутки и пародіи. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Фишеръ, В. А. 1) Кратк. рук. къ спеціальной архитектурѣ и инженерному дѣлу. 2) Атласъ изъ 39 таблицъ. Спб., 1898 г. Ц. съ атласомъ 8 р.

Финляндія. Подъ ред. Протопопова. Изд. Поповой, О. Н. Спб., 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Жижняковъ, В. В. Земская медицина и санитарное состояніе Елисаветградскаго у. Херсонск. губ. за 1897 г. Елисаветградъ, 1898 г.

Хрулевъ, С. С. Нашъ ипотечный кредитъ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Шахрай, Л. Исторія Израиля. Для еврейск. юношества. Вып. IV и послѣдній. Одесса, 1898 г. Ц. 60 к. съ перес. 70 к.

Шелли. Сочиненія. Пер. съ англійск. Вып. V. М., 1898 г. Ц. 75 к.

Шерръ, Іоганнъ. Комедія всемірной исторіи (Историческій очеркъ событій 1848 г.). Пер. съ нѣм. Въ 2-хъ том. Т. I. Изд. Поповой, О. Н. Спб., 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Югорскій, С. По берегамъ Средиземнаго моря. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
— Литературные очерки. Ц. 1 р. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.
Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?" Ц. 1 р.
Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменитаго Тартарена). Переводъ В. М. Ремезова. Ц. 1 р.
— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
Женщина. Статьи: Э. Ожешковой, M-me А. Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 коп.
Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекоменд. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. библ. средн. учеб. заведеній муж. и женск.
Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.
Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій опытъ). Ц. 1 р.
Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.
— Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.
Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль". Ц. 2 р., съ пер. Ц. 2 р. 50 к.
Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіями В. А. Гольцева. 2-е дополненное и удешевленное изд. Ц. 1 р.
— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Третье изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. Ц. 1 р. 80 к.
— Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
— Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
— Камо грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. 2-е изд. Ц. 1 р.
— На ясномъ берегу. Повѣсть. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 30 к.
Столѣтовъ, А. Г. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.
Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.
Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.
Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
Юноша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Ц. 1 к.
Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Ц. 1 к.
— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 к.
Разсказъ про смутное время на Руси. Ц. $1\frac{1}{2}$ к.
Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. $\frac{1}{2}$ к.
Народный поэтъ Иванъ Саввичъ Никитинъ. Изд. 2-е. Ц. $1\frac{1}{2}$ к.

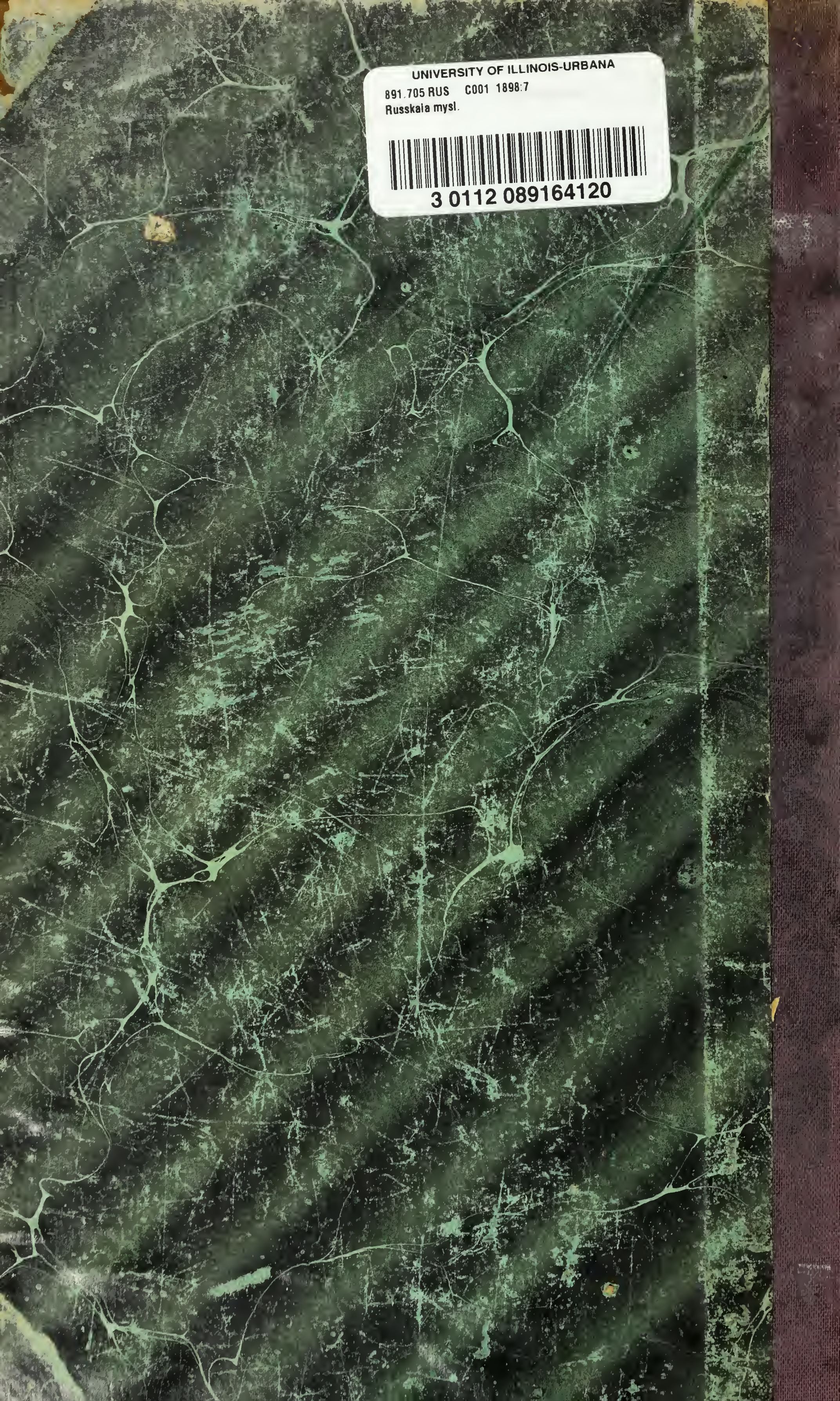
Библіотека „Русской Мысли".

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Цѣна 40 коп.
Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
— Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. Ц. 50 к.
— Византія и Византійцы конца X-го вѣка. Ц. 50 к.
Альбовъ, М. Юбилей. Ц. 1 р.
Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.
— Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ Ц. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к.
Немировичъ - Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.
Немировичъ - Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) открыта только по средамъ отъ 1—3 ч. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя стихотворенія редакціею не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.



UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
891.705 RUS C001 1898:7
Russkaia mysl.
3 0112 089164120